This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

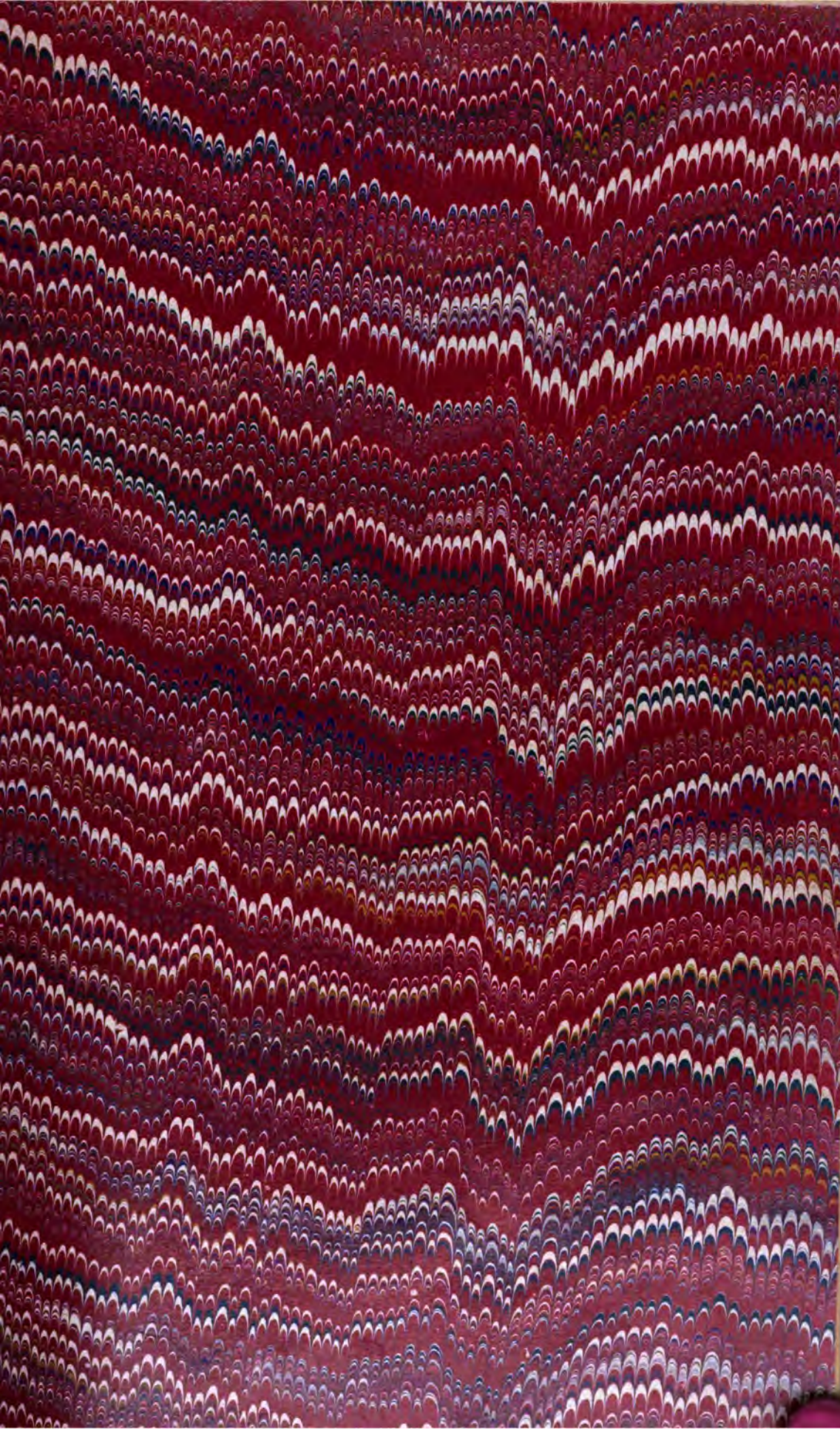
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



ТЫСЯЧА ОДНА НОЧЬ.

АРАБСКІЯ СКАЗКИ.

НОВЫЙ ПОЛНЫЙ ПЕРЕВОДЪ

Ю. В. Доппельмайеръ,

Съ **226** рисунками въ текстѣ.

Изданіе Товарищества **И. Н. Кушнеревъ и К°.**

МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утвержденнаго Т-ва **И. Н. Кушнеревъ и К°,**

Пименовская улица, соб. домъ.

1889.

Дозволено цензурою. Москва, 28 февраля 1889 года.

Оглавленіе I-го тома.

	Стр.
Вступленіе	1
Волъ и Оселъ (басня)	16
Сказка о купцѣ и о грозномъ Геніи	25
Разсказъ перваго старика о бѣлой лани	32
Разсказъ второго старика о двухъ черныхъ собакахъ	38
Сказка о рыбакѣ	43
О греческомъ царѣ и о врачѣ-Дубанѣ	48
О ревнивомъ мужѣ и болтливомъ попугаѣ	52
О наказанномъ визирѣ	54
Разсказъ молодого царя Черныхъ острововъ	68
Сказка о трехъ царственныхъ календерахъ и о пяти багдадскихъ гражданкахъ	79
Разсказъ перваго календера царевича	101
Разсказъ второго календера царевича	108
О великодушномъ счастливцѣ и его завистникѣ	121
Разсказъ третьяго календера царя	137
Разсказъ Зобейды	166
Разсказъ Амины	176
Сказка о Синдбадѣ-Мореплавателѣ	185
Первое плаваніе	188
Второе плаваніе	193
Третье плаваніе	199
Четвертое плаваніе	206
Пятое плаваніе	216
Шестое плаваніе	222
Седьмое и послѣднее плаваніе Синдбада	231
Сказка о трехъ яблокахъ	238
Разсказъ женоубійцы	244

Стр.
О Нурэддинѣ-Али и Бедрэддинѣ-Гассанѣ. 250
Сказка о Горбункѣ 304
Что разсказалъ купецъ-христіанинъ 311
Что разсказалъ поставщикъ касгарскаго султана 326
Разсказъ еврея-врача 341
Разсказъ портного 357
Разсказы цирюльника 376
О первомъ братѣ Бакбукѣ 379
О второмъ братѣ Бакбарахѣ. 384
О третьемъ братѣ Бакбахѣ 390
О четвертомъ братѣ Алкузѣ. 395
О пятомъ братѣ Алнаскарѣ 399
О шестомъ братѣ Шакабахѣ. 409

Предпринимая изданіе **Тысячи Одной Ночи** въ полномъ русскомъ переводѣ, издатели полагаютъ пополнить пробѣлъ въ нашей переводной литературѣ классическихъ иностранныхъ произведеній. До сихъ поръ мы имѣли только дѣтскія передѣлки и неполные переводы знаменитаго арабскаго эпоса и потому думаемъ что *Шахерезада*,—эта царица восточныхъ сказокъ,—являясь во всемъ величіи своего фантастическаго наряда и со всею прелестью своей юной фантазіи, заинтересуетъ нашего читателя. Размашистою кистью она набросаетъ передъ нимъ рядъ могучихъ картинъ южной природы съ ея знойнымъ небомъ, высокими пальмами и безконечнымъ моремъ. Она откроетъ подземелья, вызоветъ духовъ и привидѣній, она опишетъ рядъ самыхъ невѣроятныхъ сказочныхъ приключеній, но все это сдѣлаетъ съ такою прелестью первобытной простоты и безъискусственной гуманности, что заставитъ читателя забыться и повѣрить ея убѣжденному разсказу. Словомъ, разъ читатель согласится дать руку этой волшебницѣ, онъ до тѣхъ поръ не оставитъ ее, пока она не покажетъ ему весь свой чудный фантастическій міръ.

П. К.

Вступленіе.

По всей цвѣтущей Индіи, по смежнымъ съ нею большимъ и малымъ островамъ и далеко за предѣлами Ганга—вплоть до самаго Китая распространилось господство Сассанидовъ, древнихъ владыкъ персидскаго государства. Легендарныя хроники того времени передаютъ намъ сказаніе о томъ, что жилъ когда то царь этой могучей династіи, и былъ онъ славенъ, какъ лучшій изъ царей. Подданные любили и чтили его за мудрое правленіе, а сосѣди не смѣли и думать о войнѣ съ его грозной, многочисленной арміей, всегда готовой встрѣтить и отразить врага. Было два сына у этого монарха, равно любимые имъ и равно достойные любви. Старшаго звали Шахріаръ, младшаго Шахзенанъ; оба они въ одинаковой степени унаслѣдовали отъ отца и мудрость, и доблесть его.

Когда же неизбѣжная смерть постигла царя, послѣ многихъ лѣтъ счастливаго и славнаго царствованія, на престолъ взошелъ его старшій сынъ Шахріаръ, а младшій, лишенный наслѣдственныхъ правъ по законамъ страны, долженъ былъ подчиниться участи простого подданнаго. Шахзенанъ подчинился ей безропотно и, чуждый всякой зависти, съ неизмѣнной братской любовью призналъ новаго государя своимъ властелиномъ и повелителемъ. Такое безкорыстіе тронуло сердце Шахріара, и онъ, всегда горячо любившій брата, щедро подѣлился съ нимъ, отдавъ ему всю обширную область Великой Татаріи. Вскорѣ Шахзенанъ отправился въ свои новыя владѣнія и выбралъ резиденціей городъ Самаркандъ, бывшій столицею государства.

Прошло уже десять лѣтъ съ того времени, и Шахріаръ, соскучившись такой долгой разлукой, страстно желая увидать своего брата, рѣшилъ пригласить его на свиданіе въ Индію. Немедленно, по монаршему повелѣнію, снарядилось посольство, съ великимъ визиремъ во главѣ, съ почетной свитой, подобающей его высокому сану, и поспѣшно отправилось въ путь.

Когда, послѣ долгаго, томительнаго перехода, оно стало наконецъ приближаться къ Самарканду, Шахзенанъ, заранѣе предувѣдомленный о его прибытіи, выѣхалъ на встрѣчу далеко за предѣлы города; за нимъ слѣдовали главнѣйшіе сановники его двора, облеченные въ роскошныя, парадныя одежды, въ знакъ особаго уваженія къ царскому послу. Самъ же властитель Великой Татаріи принялъ его съ изъявленіемъ искренней радости и прежде всего освѣдомился о здоровьѣ своего вѣнценоснаго брата. Почтительно отвѣтивъ на всѣ вопросы, великій визирь изложилъ главную цѣль своего посольства. Тогда Шахзенанъ, тронутый до глубины души, сказалъ ему: — Мудрый визирь! султанъ, братъ мой, оказываетъ мнѣ величайшую честь, онъ ничего не могъ придумать для меня болѣе пріятнаго. Сердце мое давно сгораетъ тѣмъ же желаніемъ, потому что ни годы, ни долгая разлука не уменьшили моей преданной, братской любви. Съ радостью принимаю приглашеніе, а такъ какъ въ царствѣ моемъ все спокойно, то дней черезъ десять я могу приготовиться къ отъѣзду. Вступать въ городъ на такое короткое время вамъ нѣтъ основанія, раскиньте же здѣсь свои палатки и дожидайтесь меня. Сюда будетъ доставлено вамъ все, чего вы только можете пожелать.—И не успѣлъ еще Шахзенанъ возвратиться въ свой дворецъ, какъ повелѣніе его уже было исполнено: къ посольскому лагерю прибыли верблюды, нагруженные въ изобиліи всякаго рода отборными яствами, напитками и драгоцѣнными дарами.

Между тѣмъ Шахзенанъ сталъ дѣятельно готовиться къ своему далекому путешествію; онъ закончилъ всѣ дѣла, требовавшія его безотлагательнаго рѣшенія; для управленія же государствомъ учредилъ особый совѣтъ и во главѣ его поставилъ одного изъ вѣрнѣйшихъ и лучшихъ своихъ визирей. Черезъ десять дней все было готово, и царь, обнявъ на прощаніе свою молодую жену, выѣхалъ изъ Самарканда при захожденіи солнца, сопровождаемый блестящей военной свитой. Войдя въ свой царскій шатеръ, раскинутый, по его приказанію, рядомъ съ палаткой визиря, онъ долго, почти до полуночи бесѣдовалъ съ посломъ, отпустивъ же его, вдругъ подумалъ о своей любимой женѣ, и ему страстно захотѣлось еще разъ обнять ее. Уступая этому невольному порыву, онъ одинъ, безъ провожатыхъ, вернулся во дворецъ и прямо прошелъ въ опочивальню царицы. Она не ждала его, думая, что онъ уже далеко, и, пользуясь его отсутствіемъ, приняла на свое ложе одного изъ по-

слѣднихъ дворцовыхъ слугъ. Была глубокая ночь, они легли уже давно и теперь оба спали безмятежнымъ сномъ.

Султанъ вошелъ тихо,—ему заранѣе улыбалась мысль, какъ онъ обрадуетъ жену своимъ нежданнымъ появленіемъ; но каково же было его чувство, когда при свѣтѣ факеловъ, неугасимо горящихъ ночью въ опочивальняхъ царицъ и царевенъ, онъ увидалъ человѣка, лежавшаго въ объятіяхъ его жены. Въ первую минуту оно словно оцѣпенѣлъ отъ неожиданнаго зрѣлища, ему хотѣлось бы не вѣрить своимъ глазамъ, но сомнѣніе было тутъ невозможно, и онъ съ невыносимой душевной болью сказалъ себѣ:—Такъ вотъ что! не успѣлъ я перешагнуть черезъ порогъ своего дома, не успѣлъ выйти за черту города, какъ меня ужь позорятъ, нагло обманываютъ... О, безстыдная! твое вѣроломство не можетъ ожидать пощады. Какъ царь, я долженъ карать преступленіе; какъ оскорбленный мужъ, я вымещу свой позоръ на обоихъ васъ. И, весь объятый гнѣвомъ, онъ, какъ разъяренный звѣрь, бросился къ постели и однимъ ударомъ сабли совершилъ быстрый переходъ отъ временнаго сна къ вѣчному. Затѣмъ, схвативъ сначала жену, онъ выбросилъ ее черезъ открытое окно въ глубокій ровъ, окаймлявшій двѣ стороны дворца. Туда же вслѣдъ за ней полетѣлъ и трупъ ея любовника.

Послѣ этой кровавой расправы, султанъ вышелъ изъ города и, никѣмъ не замѣченный, вернулся въ лагерь, гдѣ разбудилъ свою заснувшую свиту и отдалъ приказъ немедленно сложить палатки и собираться въ путь. О томъ же, что случилось съ нимъ въ эту ночь, онъ никому не сказалъ ни слова.

Вскорѣ лагерь пришелъ въ движеніе, и заря еще не успѣла показаться на востокѣ, какъ весь караванъ, подъ звуки трубъ и цимбаловъ, весело, бодро тронулся въ путь. Только царь былъ грустенъ и безучастенъ ко всему; погруженный въ горькія думы объ измѣнѣ жены, онъ весь отдался своей глубокой тоскѣ, которая не покидала его во все время продолжительнаго пути.

Наконецъ, когда они прибыли въ Индію и стали приближаться къ столицѣ, султанъ Шахріаръ со всѣмъ своимъ дворомъ выѣхалъ имъ на встрѣчу. Велика была радость обоихъ братьевъ, когда они въ первый разъ увидали другъ друга послѣ такой долгой разлуки. Оба поспѣшно сошли съ коней и крѣпко обнялись. Послѣ многихъ привѣтствій и горячихъ выраженій взаимной любви, они снова сѣли на коней и вступили въ городъ при оглушительныхъ, восторженныхъ кликахъ народной толпы, окружавшей ихъ. Султанъ проводилъ своего брата въ особый дворецъ, заранѣе приготовленный для него и отдѣлявшійся отъ его дворца только садомъ. Помѣщеніе это предназначалось для всѣхъ придворныхъ празднествъ и увеселеній, а потому и прежде въ немъ было не мало всякой роскоши и великолѣпія, теперь же, по случаю

торжественнаго пріема царя, оно еще болѣе украсилось. Здѣсь Шахріаръ оставилъ брата, чтобы дать ему время совершить омовеніе и перемѣнить одежду; затѣмъ онъ снова вернулся къ нему, и оба, усѣвшись на софу, повели тотъ задушевный разговоръ, что бываетъ неисчерпаемъ послѣ долгой разлуки людей, связанныхъ между собой любовью или дружбой. Многочисленная свита не стѣсняла ихъ своимъ присутствіемъ,— она во все время держалась отъ государей на почтительномъ отдаленіи. Съ наступленіемъ вечера они сѣли за ужинъ, пили и ѣли вмѣстѣ, а потомъ снова разговорились, и бесѣда ихъ затянулась до глубокой ночи. Наконецъ Шахріаръ первый замѣтилъ, что пора имъ обоимъ на покой.

Оставшись одинъ, Шахзенанъ легъ на свою роскошно убранную постель, но сонъ бѣжалъ отъ него далеко, неотступное же горе, заглушенное на время радостью свиданія, поднялось теперь снова и терзало его еще съ большей силой. Измученная душа не находила отдыха; всѣ подробности гнусной измѣны жены назойливо воскресали въ воображеніи и доводили до отчаянія. Потерявъ всякую надежду заснуть, онъ всталъ съ постели и прошелъ въ садъ, гдѣ оставался до самаго раз свѣта. На другой день, здороваясь съ братомъ, онъ поразилъ его своимъ изможденнымъ лицомъ, на которомъ ясно отпечатлѣлись слѣды глубокой печали.—Что съ нимъ?—подумалъ султанъ Великой Индіи— что могло такъ явно опечалить его? Ужь не подалъ ли я какого нибудь повода къ недовольству своимъ пріемомъ? Да нѣтъ, я принялъ его такъ, какъ только можетъ принять братъ любимаго брата, и ни въ чемъ, кажется, не могу упрекнуть себя. А можетъ быть онъ озабоченъ дѣлами своего государства, или просто скучаетъ по царицѣ женѣ. О, если это такъ, я не стану задерживать его; дары будутъ вручены ему завтра же, а затѣмъ пусть онъ поступаетъ по своему усмотрѣнію и возвращается домой, когда угодно.

Дѣйствительно, на другой день онъ прислалъ ему эти дары, выбранные изъ самыхъ лучшихъ, рѣдкихъ и драгоцѣнныхъ произведеній Индіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, желая какъ нибудь развлечь и утѣшить своего гостя, онъ ежедневно придумывалъ для него все новыя и новыя забавы. Однакожь, ничто не дѣйствовало. Великолѣпныя празднества, полныя разнообразія и шумнаго веселья, не только не исцѣляли его сердечной раны, но, казалось, еще болѣе растравляли ее.

— Не развлечетъ ли его охота?—подумалъ Шахріаръ и, рѣшивъ отправиться въ дальнія мѣста, отстоявшія отъ его столицы на два дня пути, велѣлъ снаряжаться всѣмъ своимъ егерямъ и доѣзжачимъ. Въ той лѣсистой странѣ всегда водились въ большомъ изобиліи дикіе олени и серны, но, несмотря на всю заманчивость охоты на нихъ, Шахзенанъ отказался отъ поѣздки, ссылаясь на нездоровье. Султанъ не настаивалъ,

не желая неволить гостя; онъ предоставилъ ему полную свободу, а самъ со всѣмъ своимъ дворомъ отправился на любимую забаву.

Послѣ его отъѣзда, Шахзенанъ, оставшись одинъ, затворился въ своихъ покояхъ и сѣлъ у открытаго окна, выходившаго въ садъ. Пышная, могучая растительность восточной природы открывалась передъ нимъ, словно въ панорамѣ; гармоничное пѣніе безчисленныхъ птицъ несмолкаемо стояло въ ароматномъ воздухѣ; все манило къ радости, жизни, веселью, но султанъ оставался глухъ и безучастенъ ко всему; его ничто не занимало, ничто уже не могло пробудить въ немъ ни восторга, ни удивленія. Все тѣ же думы, все тѣ же мучительныя, неотвязныя воспоминанія объ измѣнѣ жены непрерывно терзали его душу. И теперь, глядя на всю эту дивную красоту мірозданія, онъ обращался къ ней какъ бы съ нѣмымъ укоромъ, съ горькой жалобой на свою несчастную долю.

Вдругъ одно неожиданное явленіе невольно привлекло его вниманіе и заставило пробудиться отъ глубокой думы. Въ наружной стѣнѣ сосѣдняго дворца отворилась потайная дверь, а изъ нея одна за другой вышли двадцать женскихъ фигуръ, окутанныхъ чадрами. Въ этой группѣ очевидно находилась и сама султанша, рѣзко отличавшаяся отъ всѣхъ остальныхъ своей величавой осанкой и царственной роскошью своихъ одеждъ. Увѣренная, что Шахзенанъ тоже на охотѣ, и не подозрѣвая ничьего присутствія въ необитаемомъ дворцѣ, она смѣло двинулась впередъ, въ сопровожденіи своей свиты, и остановилась прямо передъ окнами, выходившими въ садъ. Шахзенанъ, побуждаемый любопытствомъ, поспѣшно скрылся за оконницей и сталъ наблюдать. Вдругъ сама султанша, а за нею и всѣ—разомъ сбросили съ себя длинныя чадры, сняли верхнія одежды, стѣснявшія ихъ движенія, и остались въ однихъ легкихъ шароварахъ, да короткихъ юбочкахъ, затканныхъ золотомъ. Велико было изумленіе Шахзенана, когда онъ увидалъ среди этой группы молодыхъ, прекрасныхъ женщинъ десять черныхъ негровъ невольниковъ, изъ которыхъ каждый тотчасъ же выбралъ себѣ пару и удалился съ ней подъ тѣнистые куполы алоэ и пальмъ. Затѣмъ сама повелительница звонко ударила въ ладони и крикнула два раза:—Мазудъ! Мазудъ!— Немедленно на этотъ зовъ съ вершины одного изъ высокихъ деревьевъ быстро, какъ бѣлка, соскользнулъ могучій, статный негръ и бросился въ ея объятія.

Чувство приличія не дозволяетъ намъ говорить о томъ, что произошло тогда между этими влюбленными парами, да и всякія подробности были бы здѣсь излишними. Достаточно сказать, что съ той поры Шахзенанъ не считалъ уже своего несчастія исключительнымъ, — онъ ясно видѣлъ, что и братъ его раздѣляетъ ту же участь. До самой глубокой ночи продолжалась эта вакханалія, потомъ всѣ вмѣстѣ—мужчины

и женщины — искупались въ роскошномъ бассейнѣ, представлявшемъ лучшее украшеніе царскаго сада, и, въ прежнихъ одеждахъ, покрытые длинными чадрами, вернулись во дворецъ черезъ ту же дверь. Одинъ Мазудъ, какъ проникавшій сюда извнѣ, взобрался на высокую ограду и скрылся за ней.

Все это событіе, совершившееся на глазахъ Шахзенана, навело его на многія размышленія.—Неразуменъ я былъ, считая свое горе какимъ то исключительнымъ — говорилъ онъ себѣ въ утѣшеніе. — Видно, это общая доля всѣхъ мужей во всемъ Божьемъ мірѣ. Даже братъ мой, величайшій монархъ, властитель столькихъ государствъ, и тотъ не могъ избѣгнуть ея. А если это такъ, то стоитъ ли смущать себя воспоминаніями о такомъ ничтожествѣ и носить изъ за него печаль въ своемъ сердцѣ? Кончено! отброшу свое малодушіе, не стану больше поддаваться тоскѣ; отнынѣ пусть ничѣмъ не омрачается ясность моей души!—Сказалъ — и въ ту же минуту съ него словно спало тяжелое бремя. А между тѣмъ было уже за полночь, но до тѣхъ поръ онъ забывалъ и о снѣ, и о пищѣ; теперь же, успокоенный послѣ всего пережитаго, въ первый разъ почувствовалъ голодъ. Ему приготовили ужинъ, составленный, какъ и всегда, изъ самыхъ отборныхъ блюдъ, и онъ началъ ѣсть съ такимъ аппетитомъ, какого не ощущалъ уже давно, — со времени отъѣзда изъ Самарканда. Съ неменьшимъ удовольствіемъ прослушалъ онъ музыку и пѣніе, сопровождавшіе его ужинъ.

То же свѣтлое, спокойное настроеніе духа продолжалось и во всѣ послѣдующіе дни до возвращенія брата. Наконецъ, узнавъ о его прибытіи, Шахзенанъ поспѣшилъ ему на встрѣчу и весело поздоровался съ нимъ; но султанъ, весь еще проникнутый чувствами страстнаго охотника, не сразу замѣтилъ эту счастливую перемѣну въ своемъ братѣ и, послѣ перваго же обмѣна привѣтствій, сказалъ ему съ дружескимъ укоромъ:—Много удовольствія отнялъ ты и у себя, и у меня, отказавшись присоединиться къ охотѣ. Затѣмъ, увлекаясь воспоминаніями, сталъ горячо и живо передавать ему свои недавнія впечатлѣнія, похвалялся громаднымъ количествомъ убитой дичи, разсказывалъ о разныхъ приключеніяхъ, сопряженныхъ съ опасностью. Шахзенанъ слушалъ его внимательно, а когда тотъ кончилъ,—разговорился самъ, и рѣчи его были полны прежняго живого остроумія, которому за послѣднее время мѣшала проявляться затаенная печаль.

Только тутъ султанъ обратилъ наконецъ вниманіе на веселое настроеніе брата, такъ неожиданно смѣнившее его мрачное уныніе, и радостно воскликнулъ:—благодарю небо, что оно возвратило тебѣ спокойствіе и прежнюю ясность души; мнѣ отрадно это видѣть, но самъ я все таки не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока ты не исполнишь моей просьбы. — Могу ли я въ чемъ-либо отказать своему дорогому брату? съ

чувствомъ отвѣтилъ Шахзенанъ, — твое желаніе — законъ для меня, говори же, и я исполню все, что повелишь. — Съ тѣхъ поръ, какъ мы свидѣлись съ тобой, — продолжалъ Шахріаръ, ни разу еще свѣтлый лучъ не озарялъ твоего лица, какая то мрачная, тяжелая дума не сходила съ него ни на одну минуту, и напрасно я старался отогнать ее всѣми средствами. Думалось мнѣ, что ты тоскуешь по своей сторонѣ, или томишься разлукой съ красавицей женой; вѣдь царица Самарканда должна быть совершенствомъ красоты! Не знаю, на сколько ошибался я въ своихъ предположеніяхъ, но мнѣ не хотѣлось распрашивать тебя, изъ опасенія, какъ бы мое участіе не показалось тебѣ нескромнымъ. И вотъ теперь—за время мое недолгаго отсутствія—совершилось вдругъ непонятное чудо: я снова нахожу тебя такимъ, какимъ зналъ всегда; снова разумъ твой заблисталъ, словно солнце, освобожденное отъ тучъ. Скажи же мнѣ, ради нашей дружбы, что могло печалить тебя прежде и что утѣшило теперь?

При этихъ словахъ властитель Великой Татаріи видимо смутился, не зная, какъ отвѣчать на предложенный вопросъ. Говорить правду онъ все еще не рѣшался и потому просилъ избавить его отъ отвѣта.—Позволь мнѣ только на этотъ разъ не исполнить твоей воли, проговорилъ онъ. — Нѣтъ, братъ мой, возразилъ султанъ, именно теперь я твердо настаиваю на своемъ желаніи и скажу тебѣ прямо, что исполненіе его послужитъ мнѣ лучшимъ доказательствомъ твоей любви.—О, если такъ, пусть же исполнится твоя воля! сказалъ Шахзенанъ и затѣмъ, чувствуя, что уже не въ силахъ болѣе таиться отъ брата, подробно разсказалъ ему какъ о преступленіи жены, такъ и о расправѣ, учиненной надъ измѣнниками.—Суди же теперь самъ, добавилъ онъ въ заключеніе, — имѣлъ ли я основаніе предаваться тоскѣ! — Несчастный братъ мой, воскликнулъ султанъ тономъ глубокаго негодованія,—какое ужасное. неслыханное событіе разсказалъ ты мнѣ! Я едва могъ совладать съ своимъ гнѣвомъ, чтобы выслушать тебя до конца. Вполнѣ одобряю твою жестокую расправу съ вѣроломными, да и никто не рѣшился бы упрекнуть тебя за твой поступокъ; онъ справедливъ, даже слишкомъ милостивъ для такого преступленія. Будь я на твоемъ мѣстѣ, я поступилъ бы еще безпощаднѣе; не довольствуясь смертью только одной этой женщины, я сталъ бы вымещать свой позоръ и на другихъ ей подобныхъ, истребляя ихъ сотнями и тысячами. Да, теперь понятна твоя печаль. Мнѣ кажется, что съ самаго сотворенія міра ни одинъ монархъ не испытывалъ еще такого унизительнаго несчастія... Но, какъ бы то ни было, возблагодаримъ Бога за дарованное тебѣ утѣшеніе; оно тоже, какъ я увѣренъ, имѣетъ свою причину,—будь же откровененъ до конца, скажи, что могло утѣшить тебя?

Тутъ Шах[illegible]тился еще болѣе; онъ зналъ, что своей даль-

нѣйшей откровенностью навѣки отравитъ счастье любимаго брата и нанесетъ ему жестокій ударъ; но султанъ просилъ такъ горячо и такъ настойчиво, что нельзя было не удовлетворить его желанія. — Хорошо, уступаю снова твоей волѣ, съ глубокой грустью началъ властитель Татаріи,—но только напрасно ты требуешь этого. То, что я долженъ сообщить, больно отзовется въ твоемъ сердцѣ и доставитъ тебѣ такія же муки, какія только что пережиты мной. Къ тому же ты самъ добровольно вызываешь ихъ, заставляя меня говорить о томъ, что я съ своей стороны желалъ бы предать вѣчному забвенію. — Твои слова, прервалъ Шахріаръ, только усиливаютъ мое любопытство, такъ говори же скорѣй. Открой мнѣ эту тайну, какова бы она ни была. Послѣ того всякія возраженія становились уже безполезными, и Шахзенанъ принужденъ былъ подробно разсказать брату обо всемъ, что видѣлъ въ саду, не исключая и возмутительныхъ отношеній самой султанши къ негру Мазуду. И вотъ, когда мнѣ довелось быть свидѣтелемъ такого позора, продолжалъ онъ, я невольно пришелъ къ заключенію, что невѣрность должна быть прирожденнымъ порокомъ всѣхъ женщинъ въ мірѣ, что ни одна изъ нихъ не можетъ устоять противъ него,—и тутъ уже само собой стало ясно, какое недостойное малодушіе со стороны мужчины ставить въ зависимость отъ ихъ вѣроломной любви все свое счастье, все спокойствіе жизни. Такъ вотъ послѣ какихъ размышленій мнѣ удалось изгнать печаль изъ своего сердца и замѣнить ее презрѣніемъ. Совѣтую и тебѣ послѣдовать моему примѣру.

Однакожь, несмотря на всю основательность этого совѣта, султанъ не внялъ ему. — Нѣтъ, вскричалъ онъ въ порывѣ страшнаго гнѣва,— если сама царица Индіи могла упасть такъ низко, то убить ее одну было бы мало! Но... я пока не вѣрю этому. Не могу повѣрить даже тебѣ, пока не увижу всего своими собственными глазами. Можетъ быть ты ошибся, или же все это пригрезилось тебѣ во снѣ. Во что бы то ни стало, я долженъ убѣдиться несомнѣнно.—Къ сожалѣнію, дорогой братъ мой, ты можешь легко убѣдиться въ справедливости моихъ словъ. Стоитъ только намъ собраться на охоту, взять съ собой весь придворный штатъ, разбить палатки гдѣ нибудь за городомъ и отправиться туда, будто на ночлегъ. А когда всѣ заснутъ, мы тайно покинемъ свои шатры и вернемся во дворецъ, занимаемый мною. Тогда, какъ я увѣренъ, черезъ то же окно, выходящее въ садъ, ты увидишь все, что пришлось уже видѣть мнѣ. Шахріаръ одобрилъ этотъ хитрый замыселъ брата и немедленно отдалъ приказъ готовиться къ новой охотѣ. Къ утру слѣдующаго дня повелѣніе султана уже въ точности было исполнено: раскинулись палатки не вдалекѣ отъ города, воздвиглись царскіе шатры, и все снарядилось къ отъѣзду.

Стало уже смеркаться, когда оба султана, въ сопровожденіи охотниковъ и многочисленной свиты, прибыли въ станъ.

Долго сидѣли они вдвоемъ въ одномъ изъ царскихъ шатровъ, выжидая, чтобы все угомонилось и заснуло. Наконецъ, съ наступленіемъ ночи, водворилась полная тишина. Тогда Шахріаръ призвалъ къ себѣ главнаго визиря и, не открывая ему своей цѣли, сказалъ только, что долженъ тайно отлучиться вмѣстѣ съ братомъ, и отдалъ строгій приказъ ни подъ какимъ видомъ не выпускать ни одного человѣка изъ стана во все время ихъ отсутствія. Послѣ этого распоряженія братья сѣли на коней и, никѣмъ не замѣченные, помчались обратно въ городъ; тамъ они также тайно пробрались во дворецъ, занимаемый Шахзенаномъ, и провели остатокъ ночи въ его покоѣ, ни на одну минуту не смыкая глазъ; на разсвѣтѣ же слѣдующаго дня, еще задолго до восхода солнца, оба уже стояли у открытаго окна, выходящаго въ садъ, и въ тревожномъ ожиданіи прислушивались къ каждому шороху и звуку. Утренній вѣтерокъ, пропитанный ароматами, обдавалъ ихъ утомленныя лица своей освѣжающей струей. Они тихо и рѣдко обмѣнивались между собой отрывочными словами, не спуская глазъ съ противоположной стѣны, гдѣ находилась потайная дверь. Наконецъ она беззвучно отворилась, и изъ нея вышла та же вереница женщинъ и негровъ, окутанныхъ покрывалами. Разсказывать о томъ, что произошло далѣе, было бы только напраснымъ повтореніемъ. Также быстро спрыгнулъ съ дерева черный Мазудъ на сладострастный призывъ султанши... Словомъ, совершилось все то же, что уже совершалось передъ глазами Шахзенана, и султану довелось увидѣть гораздо больше, чѣмъ это нужно было для его полнаго убѣжденія въ своемъ несчастіи и позорѣ.—О, Боже всемогущій! воскликнулъ онъ въ порывѣ неудержимаго гнѣва,—куда же дѣвались стыдъ и совѣсть, если ихъ нѣтъ даже среди нашихъ царицъ! И неужели ни одинъ властитель въ мірѣ не можетъ избѣжать такого посрамленія? Вотъ что, братъ мой, бросимъ этотъ постылый свѣтъ, полный лжи и грязи, — вѣдь все въ немъ или низкая лесть, или вѣроломная измѣна; покинемъ свои владѣнія, весь этотъ мишурный блескъ, уйдемъ куда нибудь въ далекую—чужую сторону, гдѣ бы никто не зналъ насъ, и тамъ похоронимъ свое горе и скроемъ свой позоръ.

Внутренно Шахзенанъ не одобрялъ намѣренія брата, но онъ не хотѣлъ противорѣчить ему въ такую минуту и потому сказалъ: — Ты знаешь, братъ мой, что я всегда готовъ слѣпо повиноваться твоей волѣ и охотно пойду за тобой хоть на край свѣта, но только обѣщай мнѣ, что ты вернешься немедленно, если встрѣтишь человѣка еще несчастнѣе насъ.—Хорошо, обѣщаю, отвѣтилъ султанъ,—только не думаю, чтобы намъ встрѣтилось несчастіе большее, или хоть равное нашему. — Съ этимъ я не могу согласиться, замѣтилъ Шахзенанъ, — повѣрь, что не долго придется намъ странствовать.—Затѣмъ они оба тайно вышли изъ дворца и направились по дорогѣ, противоположной той, по которой при-

были наканунѣ. Цѣлый день они подвигались все дальше и дальше, не останавливаясь и не разбирая куда идутъ. Наступила ночь; они провели ее подъ первымъ попавшимся деревомъ, а лишь только забѣлѣла заря на востокѣ, снова пустились въ свой невѣдомый путь и такъ продолжали до тѣхъ поръ, пока, усталые и изнуренные ходьбой, не вышли на лужайку, разстилавшуюся по морскому берегу,—цвѣтущую, роскошную, съ вѣковыми деревьями, разбросанными по ней. Тутъ они остановились, сѣли подъ тѣнистымъ деревомъ и снова повели безконечный разговоръ о невѣрности своихъ женъ.

Вдругъ въ недальнемъ разстояніи, со стороны моря, послышался страшный, оглушительный крикъ, сопровождаемый, словно раскатами грома. Въ ту же минуту изъ глубины морской началъ подниматься громадный столбъ густого, чернаго дыма; онъ все увеличивался, то расширяясь, то стремясь въ небесную высь. Въ смертельномъ ужасѣ, братья мгновенно вскочили на ноги и остановились въ оцѣпенѣніи; затѣмъ, внезапно озаренные одной и той же спасительной мыслью, они быстро взобрались на вершину дерева и скрылись тамъ въ густыхъ, непроницаемыхъ вѣтвяхъ. Оглянувшись въ ту сторону, откуда послышался первоначальный крикъ и гдѣ разверзлось море, они увидали, что черный столбъ, съ шумомъ и гуломъ разсѣкая волны, приближается къ берегу. Сначала, подъ вліяніемъ страха, они ничего не могли разобрать, но вскорѣ видѣніе опредѣлилось.

То былъ одинъ изъ тѣхъ злобныхъ геніевъ, которые искони вѣковъ питаютъ непримиримую ненависть къ человѣчеству. Весь черный, страшный, чудовищно громадный, онъ медленно подвигался къ берегу, неся на головѣ стеклянный сундукъ, замкнутый четырьмя блестящими замками. Выйдя на землю, онъ направился прямо къ тому дереву, гдѣ скрывались перепуганные странники, безмолвно ожидавшіе своей неминуемой гибели.

Между тѣмъ, геній склонился къ землѣ, бережно опустилъ свою

ношу и отперъ ее четырьмя ключами, висѣвшими у него на поясѣ. Тогда изъ открытаго сундука поднялась женщина въ роскошной одеждѣ и красоты неописанной. Гигантъ усадилъ ее рядомъ съ собой и, глядя на нее влюбленными глазами, проговорилъ: — Лучезарное свѣтило мое! царица всѣхъ красавицъ въ мірѣ, неизмѣнно любимая съ той давней поры, какъ я похитилъ тебя въ твою первую брачную ночь, — дозволь мнѣ прилечь на твою колѣни и отдохнуть; сонъ смыкаетъ мнѣ очи, и я не въ силахъ летѣть далѣе.—Съ этими словами онъ грузно повалился на землю, вытянулся во всю длину, такъ что ноги его простерлись до самаго края берега, и, положивъ свою чудовищную голову на колѣни красавицы, мгновенно заснулъ, захрапѣвъ при этомъ съ такой страшной силой, что дрогнула земля.

Въ ту же минуту красавица, переводя скучающіе взоры съ предмета на предметъ, случайно глянула вверхъ и увидала тамъ на самой вершинѣ дерева двухъ статныхъ, красивыхъ мужчинъ. Нисколько не смутившись, она улыбнулась имъ и выразительнымъ знакомъ пригласила сойти къ ней на землю. Но тѣ, увидавъ свое убѣжище открытымъ, перепугались еще болѣе и такими же знаками умоляли ее не требовать отъ нихъ повиновенія и не выдавать ихъ. Тогда, въ отвѣтъ, осторожно приподнявъ съ своихъ колѣнъ громадную голову генія и сложивъ ее

на землю, она подошла къ самому дереву и тихо, но твердо проговорила: — Я хочу и требую, чтобы вы сошли ко мнѣ оба. — Напрасно братья новыми жестами старались объяснить ей, что они не могутъ преодолѣть своего страха и просятъ ее не настаивать. — Довольно! сказала она уже гнѣвно, — слѣзайте, или я сама разбужу гиганта и потребую вашей смерти.

Послѣ такого рѣшительнаго приказанія, имъ ничего болѣе не оставалось, какъ повиноваться безпрекословно, и они тихо, принимая всѣ предосторожности, чтобы не разбудить спящее чудовище, спустились на землю. Тогда красавица, взявъ ихъ за руки, отошла съ ними къ другому дереву и тамъ свободно выразила свое влеченіе къ нимъ обоимъ. Въ виду страшной опасности, ежеминутно грозившей имъ со стороны гиганта, они пытались отговориться всевозможными доводами, но красавица осталась непреклонной и угрозами принудила исполнить ея волю. Затѣмъ, послѣ первыхъ восторговъ любви, она замѣтила на пальцахъ обоихъ братьевъ дорогіе перстни съ самоцвѣтными камнями и пожелала взять ихъ на память. Тѣ охотно согласились и тотчасъ же, снявъ свои перстни, вручили ей. Она возвратилась на прежнее мѣсто, открыла стеклянный сундукъ и достала оттуда длинную нить различныхъ перстней съ драгоцѣнными каменьями. — Знаете ли, что означаютъ эти нанизанныя кольца? — спросила она, обращаясь къ братьямъ. — Нѣтъ, но желали бы узнать,—отвѣчали они.—Такъ знайте же: по этимъ кольцамъ я веду счетъ всѣмъ, кого я, какъ и васъ, дарила своими ласками. Здѣсь девяносто восемь, съ вашими будетъ ровно сто. Этотъ безобразный уродъ воображаетъ уберечь меня въ своемъ стеклянномъ ящикѣ! Напрасный трудъ: Ни эти замки, ни ревнивая охрана самого чародѣя, до сихъ поръ, какъ видите, не помѣшали имѣть цѣлую сотню любовниковъ. Какъ онъ ни запирай меня, какъ ни старайся хоронить—и въ глубокихъ пропастяхъ, и въ пучинахъ морскихъ, я всегда найду средство обмануть его и провести. Изъ этого вы можете уразумѣть, что никакія усилія мужей не помѣшаютъ женщинѣ исполнить то, чего она захочетъ; всякое насиліе или стѣсненіе неизбѣжно вызываетъ обманъ,—такъ вотъ мой совѣтъ: если вы хотите, чтобы женщина оставалась вамъ вѣрна,—предоставьте ей полную свободу. — Съ этими словами она присоединила взятые перстни къ своей золотой нити, бережно уложила ее въ особый ларецъ и затѣмъ, усѣвшись на прежнее мѣсто, приподняла голову все также крѣпко спавшаго гиганта, снова положила ее на свои колѣни и жестомъ показала братьямъ, чтобы они поспѣшили удалиться.

Оба государя не заставили повторять приглашенія и поспѣшно ускореннымъ шагомъ пустились въ обратный путь; а когда они отошли на столько, что геній и красавица совсѣмъ уже скрылись изъ вида, Шахріаръ сказалъ: — На какую мысль наводитъ тебя, братъ мой, это

приключеніе? Съ своей стороны я теперь положительно убѣжденъ, что вѣрность женщины не пріобрѣтается даже чарами, и что никакая сила въ мірѣ не преодолѣетъ ея хитрости. Не такъ ли? — Да, согласился властитель Татаріи, — но ты долженъ также убѣдиться и въ томъ, что этотъ могучій геній во сто разъ несчастнѣе обоихъ насъ. А если это такъ, то мы нашли, чего искали,—вернемся же теперь въ свои владѣнія и снова вступимъ въ бракъ. — Вернемся, сказалъ Шахріаръ, я нашелъ вѣрное средство предохранить себя на будущее время отъ возможности измѣны, но это пока моя тайна; ты скоро узнаешь ее и тогда, надѣюсь, послѣдуешь моему примѣру. Затѣмъ, оба брата поспѣшно продолжали свой обратный путь, только изрѣдка останавливаясь для отдыха. На третій день по уходѣ они снова вернулись въ свой охотничій станъ.

Вѣсть о ихъ возвращеніи мгновенно распространилась между придворными, и они всѣ, еще до разсвѣта, собрались вокругъ царскаго шатра. Шахріаръ привѣтливо поздоровался съ ними и въ знакъ особой милости каждому пожаловалъ какую нибудь награду, а потомъ, объявивъ имъ, что раздумалъ ѣхать на охоту, приказалъ немедленно снять палатки и сопровождать его въ столицу.

Прибывъ во дворецъ, онъ прямо прошелъ въ чертоги царицы; тамъ, на своихъ глазахъ, приказалъ связать ей руки и ноги и—недвижимую, оцѣпенѣлую отъ ужаса, передалъ своему главному визирю съ повелѣніемъ тотчасъ задушить ее. И визирь исполнилъ этотъ приказъ безпрекословно, не зная и даже не пытаясь узнать, какое преступленіе она совершила. А гнѣвъ султана все разгорался, и въ пылу этого гнѣва—онъ самъ, своей собственной державной рукой поочередно отрубилъ головы всѣмъ женщинамъ гарема. Послѣ того, побуждаемый горькимъ сознаніемъ, что въ мірѣ нѣтъ честныхъ и вѣрныхъ женъ, а также нѣтъ и возможности обыкновеннымъ путемъ избѣжать новаго обмана, онъ принялъ ужасное намѣреніе: каждую ночь брать себѣ новую жену, а къ утру предавать ее казни посредствомъ задушенія. Постановивъ самъ себѣ этотъ безчеловѣчный законъ, онъ поклялся въ точности выполнять его, какъ только уѣдетъ властитель Великой Татаріи. Шахзенанъ дѣйствительно не замедлилъ отъѣздомъ; онъ вскорѣ распрощался съ братомъ и отбылъ въ свои владѣнія съ цѣлымъ караваномъ, нагруженнымъ богатѣйшими дарами.

Проводивъ брата, Шахріаръ тотчасъ же призвалъ къ себѣ главнаго визиря и объявилъ ему, что желаетъ немедленно вступить въ бракъ съ юной дочерью одного изъ военачальниковъ. Къ вечеру обрядъ совершился, и султанъ, проведя ночь съ новобрачной, передалъ ее передъ разсвѣтомъ тому же визирю съ повелѣніемъ учинить надъ нею смертную казнь, а взамѣнъ — къ слѣдующей ночи привести ему другую не-

вѣсту. Вѣроятно, такая неслыханная и безпричинная жестокость сильно возмутила великаго визиря, но, обязанный слѣпо исполнять волю своего государя и повелителя, онъ уже насильно привелъ дочь другаго сановника и также неумолимо совершилъ надъ нею варварскій приказъ. На третій день — тоже, на четвертый опять тоже и такъ далѣе и далѣе... Смертные приговоры обрушивались на всѣ слои населенія, ежедневно вырывая изъ какой нибудь семьи непорочную дѣвушку и обращая ее къ утру въ замученный трупъ.

Молва о такой безчеловѣчной жестокости быстро облетѣла весь городъ и повергла его въ уныніе. Всюду раздавались вопли и надрывающія душу рыданія; тамъ отецъ оплакивалъ свою погибшую дочь, здѣсь перепуганная мать убивалась заранѣе, предчувствуя ту же гибель для своихъ любимыхъ дѣтищъ. Всѣ—отъ вельможи до простолюдина тренетали передъ угрожающимъ несчастіемъ, и всѣ, вмѣсто прежнихъ благословеній недавно еще любимому монарху, посылали ему теперь свои проклятія.

У великаго визиря—этого невольнаго орудія возмутительныхъ казней — тоже было двѣ дочери; старшую звали Шехеразадой *), а младшую—Динарзадой **). Умомъ и красотой природа не обидѣла и послѣдней, но первая отличалась такими исключительными достоинствами, какими рѣдко обладаютъ даже самые образованные изъ мужчинъ. Она многому училась, еще болѣе читала, и въ ея счастливой памяти крѣпко запечатлѣвалось все усвоенное, — и научныя истины, и поэтическіе вымыслы. Исторія, медицина, философія, искусство, литература — все было равно доступно ея живому, свѣтлому уму, а стихи, которые она слагала, могли смѣло соперничать съ лучшими произведеніями поэтовъ того времени. Что же касается внѣшнихъ и нравственныхъ качествъ,— они нисколько не уступали въ ней умственнымъ. Это была красавица въ полномъ смыслѣ слова, глубокое же сознаніе долга, справедливости, чувства чести и самоотверженнаго человѣколюбія составляли ея душевную красоту.

Не удивительно, что визирь гордился ею и любилъ ее больше всего на свѣтѣ. И вдругъ ему довелось испытать огорченіе именно отъ этой любимой дочери, ни разу во всю жизнь не огорчившей его ни единымъ словомъ. Было это такъ: Шехеразада, оставшись наединѣ съ отцомъ, нѣжно обняла его и сказала ему своимъ проникающимъ душу голосомъ:—Отецъ, я хочу просить тебя объ одной милости и заранѣе умо-

*) Шехеразада — *дочь луны*. Для восточныхъ народовъ, преимущественно кочевниковъ, блуждающее ночное свѣтило служило предметомъ самыхъ граціозныхъ и поэтичныхъ уподобленій. Въ области любви аллегорическіе образы и идеи, заимствованные изъ окружающей роскошной природы, составляютъ существенное содержаніе всей ихъ поэзіи.

**) Динарзада—*драгоцѣнная, какъ золото.* (Галланъ).

ляю исполнить мою просьбу. — Говори, отвѣчалъ визирь, — ты знаешь, я никогда ни въ чемъ не отказывалъ тебѣ, потому что всякое твое желаніе всегда было разумно и справедливо.—О, что касается справедливости, въ этомъ убѣдитъ тебя самая причина, вызывающая мою просьбу. Ты поймешь, отецъ, какъ больно мнѣ видѣть страданіе нашей несчастной страны,—такъ больно, что я поклялась сдѣлать все возможное, чтобы только остановить дальнѣйшее варварство султана.—Твое желаніе внушено тебѣ самимъ небомъ, согласился отецъ,—но чѣмъ же и какъ ты можешь предотвратить постигшее насъ бѣдствіе? Вѣдь мы всѣ безсильны передъ властью султана.—Это правда, какъ правда и то, что къ моему великому горю, ты самъ служишь орудіемъ его безсердечной жестокости; при твоемъ содѣйствіи онъ каждый день совершаетъ свой ужасный свадебный пиръ, поэтому то я и умоляю тебя, ради любви къ своей дочери, возведи меня на царское ложе,—отъ тебя вѣдь зависитъ ежедневный выборъ новой жены. Еслибы громъ разразился надъ головой визиря, онъ, вѣроятно, не такъ ошеломилъ бы его, какъ эти слова любимой дочери.—О, Боже милостивый! воскликнулъ онъ,—что ты говоришь!... Что сталось съ тобой, дочь моя? Или ты потеряла разумъ? Или не знаешь, что султанъ поклялся своей душой не оставлять въ живыхъ ни одной жены послѣ первой брачной ночи? Такъ какъ же рѣшусь я предложить ему мою собственную плоть и кровь для этой неизбѣжной казни?—Знаю, отецъ, все знаю. Мнѣ извѣстно, какая опасность ожидаетъ меня, но.... она не страшна мнѣ. О, еслибы только удался мой замыселъ! Тогда кончилось бы страшное бѣдствіе моей родины, и вся страна благословила бы меня.—Нѣтъ, дитя мое, нѣтъ. Никакими доводами ты не убѣдишь меня исполнить твое безумное желаніе. Я не могу, не въ силахъ принести тебя въ жертву своими собственными руками. Подумай только, что будетъ со мной, когда султанъ повелитъ мнѣ задушить тебя.... а вѣдь, ты знаешь, я не могу ослушаться. Если сама ты не боишься смерти, такъ пожалѣй отца, не заставляй его убивать свое собственное дитя. — Отецъ, я уже рѣшилась; прошу тебя еще разъ, позволь мнѣ выполнить свое благое намѣреніе, проговорила она съ мольбою. — Ты, видно, хочешь разсердить меня, съ досадой отвѣтилъ визирь:—что за безуміе добровольно бросаться въ пропасть! Кто не предвидитъ опасности и не обдумываетъ своихъ поступковъ, тотъ никогда хорошо не кончитъ. Право, своимъ упрямствомъ ты напоминаешь мнѣ старинную басню объ ослѣ, которому очень вольготно жилось на бѣломъ свѣтѣ, да онъ не съумѣлъ удержать своего положенія и навлекъ на себя бѣду. Боюсь, какъ бы и съ тобой не случилось того же самаго.—А что же такое было съ этимъ осломъ?—спросила Шехеразада.— Пожалуй, я разскажу эту басню, отвѣтилъ визирь,—можетъ быть она послужитъ тебѣ урокомъ:

Волъ и оселъ.

(Басня.)

У одного богатаго купца было много загородной земли, гдѣ онъ держалъ большое количество всякаго рода скота. Впослѣдствіи, желая вести хозяйство лично, онъ выстроилъ себѣ домъ и поселился тамъ съ женою и дѣтьми. Купецъ этотъ обладалъ удивительной способностью,— ему дано было разумѣніе языка животныхъ, но только съ однимъ ограниченіемъ: онъ никому не могъ открывать того, что слышалъ и узнавалъ посредствомъ своего дара; нарушеніе же этого запрета влекло за собой неизбѣжную смерть. Такъ вотъ, во дворѣ этого самаго купца, въ одномъ и томъ же помѣщеніи, стояли волъ и оселъ. Однажды, когда хозяинъ сидѣлъ неподалеку отъ стойла, любуясь играми своихъ дѣтей, онъ услыхалъ, что волъ говоритъ ослу: — О, Ретивый! какъ я завидую твоей участи, еслибы ты только зналъ! Дѣла у тебя не много, а отдыха вволю. Тебя и чистятъ, и холятъ, и моютъ, кормятъ отборнымъ зерномъ, поятъ ключевой водой,—а за что, подумаешь! Вѣдь ты только и знаешь, что свозить иногда хозяина въ городъ, а тамъ опять на покой. Не будь этого, ты, кажется, вѣкъ свой прожилъ бы въ праздности. А вотъ посмотри, какъ обращаются со мной!... Горькая, несчастная моя доля. Заря еще не займется на небѣ, какъ меня уже тащатъ, впрягаютъ въ плугъ, и вожу я его до поздней ночи, пока совсѣмъ не выбьюсь изъ силъ. А пахарь не отстаетъ отъ меня ни на шагъ и то и дѣло, вмѣсто благодарности, награждаетъ ударами кнута. У меня вся шея ободрана ярмомъ. И послѣ такой то непрерывной работы съ утра до ночи меня загоняютъ вотъ сюда, привязываютъ къ стойлу и, вмѣсто хорошаго, сытнаго корма, даютъ одни сухіе бобы, да и тѣхъ не потрудятся даже очистить. Свѣжей соломы для подстилки и не жди,—спи себѣ на чемъ стоишь. Такъ какъ же мнѣ не завидовать твоей судьбѣ?...

Оселъ слушалъ, не прерывая его; онъ далъ ему высказать всѣ свои жалобы и только по окончаніи воловьей рѣчи, заговорилъ самъ:— Я вижу, по шерсти дана тебѣ и кличка: Дурнемъ ты родился—дурнемъ и умрешь. Сгубили тебя твоя простота да твое воловье терпѣнье. Вотъ и помыкаютъ тобой, какъ кому вздумается. А все отчего? Оттого, что хитрости въ тебѣ нѣтъ; силы то много, а пользоваться ею не умѣешь, за то и терпишь ты всякія мытарства и будешь терпѣть; весь свой вѣкъ станешь надрываться ради выгоды и удовольствія людей. отъ нихъ же, въ благодарность за свои услуги, ничего не получишь, кромѣ побоевъ. А будь въ тебѣ столько же смѣтливости, сколько и силы, не стали бы они съ тобой такъ обращаться. Отчего ты, напримѣръ, какъ болванъ, даешь привязывать себя къ стойлу и никогда не употре-

бишь въ дѣло своихъ острыхъ роговъ, которые на то и даны тебѣ, чтобы защищаться? Ты долженъ бы ревѣть изо всей мочи, взрывать копытами землю, гнѣвно бить хвостомъ по бедрамъ, при случаѣ и бодать. Тогда всѣ стали бы тебя бояться и, повѣрь мнѣ, не пришлось бы тебѣ спать въ навозѣ да ѣсть одни сухіе бобы. А еслибы работникъ и принесъ ихъ, ты не ѣшь,—понюхай и отойди. Вотъ попробуй только хоть разъ послѣдовать моему совѣту,—тогда самъ увидишь, на сколько улучшится твое положеніе, и ты весь свой вѣкъ будешь благодарить меня.

Волъ довѣрчиво внималъ мудрымъ совѣтамъ осла и въ порывѣ глубокой признательности проговорилъ:—Другъ мой Ретивый! Преклоняюсь передъ твоей мудростью и съ этого дня буду слушаться тебя во всемъ. Вотъ ты увидишь, какъ я выполню твой первый совѣтъ. — Затѣмъ они оба умолкли, но хозяинъ не проронилъ ни одного слова изъ всего ихъ разговора.

На слѣдующее утро, еще до разсвѣта, пахарь пришелъ за воломъ и погналъ его по обыкновенію на работу, но волъ не забывалъ наставленій осла и во весь этотъ день ортачился, какъ быкъ, а вечеромъ, когда пахарь привелъ его обратно въ стойло и хотѣлъ, какъ всегда, привязать, онъ вдругъ взбѣленился и, вмѣсто того, чтобы покорно подставить рога для привязи, началъ пятиться назадъ, поднялъ страшный ревъ, а подконецъ, опустивъ голову внизъ, обнаружилъ явное намѣреніе поддѣть своего тирана на рога. Словомъ, онъ въ точности продѣлалъ все то, что совѣтовалъ ему оселъ.

Передъ разсвѣтомъ другого дня, пахарь опять пришелъ было за своимъ воломъ, но, увидавъ, что вчерашніе бобы остались нетронутыми, а волъ лежитъ на землѣ, вытянувъ ноги и странно дыша, онъ счелъ его больнымъ и пожалѣлъ въ душѣ. Потомъ, разсудивъ, что было бы безполезно впрягать его въ плугъ, онъ пошелъ посовѣтоваться съ хозяиномъ.

Купецъ тотчасъ же догадался, что это слѣдствіе ослиныхъ совѣтовъ, а потому, желая наказать совѣтчика по заслугамъ, отдалъ работнику такое приказаніе:—Если волъ не годится къ работѣ, такъ возьми вмѣсто него осла и впряги въ плугъ. Пусть онъ попашетъ денекъ, да смотри погоняй его хорошенько кнутомъ, чтобы работалъ, какъ слѣдуетъ. — Пахарь исполнилъ въ точности приказаніе хозяина и цѣлый день принуждалъ осла таскать безъ отдыха тяжелый плугъ, подгоняя его при этомъ ударами кнута. Отъ непривычки къ труду оселъ совершенно выбился изъ силъ и къ вечеру, когда его привели обратно въ стойло, онъ отъ изнуренія едва держался на ногахъ.

Между тѣмъ волъ прежде всего до чиста подобралъ новый кормъ, засыпанный въ ясли, и, вполнѣ довольный успѣхомъ своей продѣлки,

завалился на весь день отдыхать; онъ не могъ нарадоваться, что послѣдовалъ совѣту своего друга Ретиваго и отъ души благодарилъ его заочно, а когда тотъ вернулся съ работы, встрѣтилъ его радостнымъ мычаніемъ. Оселъ ничѣмъ не отвѣтилъ на дружелюбное привѣтствіе вола,—такъ тяжело на него подѣйствовалъ неожиданный поступокъ хозяина.—Самъ я накликалъ на себя бѣду своей глупой болтовней, съ досадой раздумывалъ онъ.—И чего мнѣ было нужно? Ѣлъ я вволю, не видалъ ни труда, ни побоевъ,—и вотъ. изволь теперь радоваться! Если мнѣ не удастся придумать какой нибудь уловки, чтобы выдти изъ своего сквернаго положенія, то, пожалуй, придется пропадать совсѣмъ. — Только что онъ подумалъ это, какъ ноги его подкосились, и онъ упалъ на свою подстилку въ полномъ изнеможеніи.

Тутъ визирь прервалъ разсказъ и внушительно замѣтилъ своей дочери: — Вотъ и ты поступишь не разумнѣе этого осла, если станешь подвергать себя опасности ради сомнительной пользы другихъ. Послушайся меня, — оставайся-ка въ сторонѣ, пока тебя не трогаютъ, и не напрашивайся сама на свою погибель. — Нѣтъ, отецъ, съ твердостью отвѣчала Шехеразада,—твой примѣръ не можетъ поколебать моего намѣренія, и я до тѣхъ поръ не перестану умолять тебя, пока ты не представишь меня султану, какъ избранную ему невѣсту. Тогда визирь, увидавъ, что дочь все также упорно настаиваетъ на своемъ, попытался вразумить ее другимъ примѣромъ. — Такъ знай же, раздраженно воскликнулъ онъ, — если ты не оставишь своего упрямства, я вынужденъ буду поступить съ тобой такъ, какъ поступилъ съ своей женой тотъ самый купецъ, о которомъ я разсказывалъ тебѣ. Слушай дальше:

Убѣдившись, что оселъ уже достаточно наказанъ, хозяинъ захотѣлъ узнать, что произойдетъ далѣе между двумя пріятелями, и съ этой цѣлью, тотчасъ же послѣ ужина, отправился къ ихъ стойлу. На этотъ разъ съ нимъ была жена, и они оба, усѣвшись за изгородью, долго любовались лунной ночью, но хозяинъ въ то же время не переставалъ чутко прислушиваться. Вскорѣ онъ услыхалъ голосъ осла, говорившаго своему сосѣду:—Послушай, кумъ, ты какъ теперь намѣренъ поступить, когда работникъ принесетъ тебѣ бобы? — Какъ поступить? переспросилъ волъ, — разумѣется, опять также, какъ ты научилъ меня: сначала понюхаю и отойду въ сторону, потомъ стану угрожать рогами, наконецъ, притворюсь больнымъ и растянусь по вчерашнему недвижимо. И не думай! перебилъ его оселъ, — если не желаешь своей погибели, такъ ни подъ какимъ видомъ не моги этого дѣлать. Видишь ли, когда сегодня въ сумеркахъ я возвращался домой, нашъ хозяинъ повелъ такую рѣчь, что меня даже дрожь проняла отъ страха.—Гмъ... а какую же это? промычалъ волъ, — говори, товарищъ, ничего не скрывай отъ

своего вѣрнаго друга. — Для того я и началъ, чтобы предупредить тебя, продолжалъ оселъ.—Вотъ какія зловѣщія слова мнѣ довелось услыхать сегодня: „Если нашъ волъ ужь такъ плохъ, что ничего не ѣстъ и не держится на ногахъ, говорилъ купецъ работнику,—то завтра же надо его зарѣзать. Мясо я думаю во имя Господа раздать бѣднякамъ, а шкуру отправить для выдѣлки кожевнику, она пригодится намъ въ хозяйствѣ. Смотри же, не забудь на утро позвать мясника". Теперь понялъ, какая опасность угрожаетъ тебѣ? Но ты не унывай; ради нашей давнишней дружбы, я дамъ тебѣ другой спасительный совѣтъ, — слушай же внимательно: Завтра, какъ только работникъ принесетъ тебѣ бобы, ты тотчасъ же вскочи на ноги и накинься на кормъ. Изъ этого хозяинъ заключитъ, что ты поправился, и, разумѣется, отмѣнитъ свое распоряженіе. А если вздумаешь поступить иначе—ты погибъ.

Рѣчь эта произвела именно такое дѣйствіе, какого ожидалъ оселъ. Волъ заметался въ волненіи и даже заревѣлъ отъ ужаса. Купецъ, слышавшій все до слова, не могъ удержаться отъ смѣха; онъ захохоталъ такъ громко, что жена вздрогнула и посмотрѣла на него съ изумленіемъ. — Что это ты такъ вдругъ разсмѣялся? спросила она, — скажи мнѣ, можетъ быть это и меня разсмѣшитъ.—Нѣтъ, милая, этого я сказать тебѣ не могу, отвѣтилъ мужъ. — Довольно съ тебя и того, что если я смѣюсь, значитъ мнѣ весело.—Прекрасно! да мнѣ то какое дѣло, что тебѣ весело? возразила она,—я хочу знать, чему ты смѣялся.— Да не могу же я сказать тебѣ этого; впрочемъ, если ты ужь непремѣнно желаешь, такъ узнай, что меня разсмѣшилъ разговоръ нашего осла съ воломъ, но больше, клянусь тебѣ, мнѣ не дозволено открывать ничего.—Вотъ еще какія новости! Кто же это не позволяетъ тебѣ быть откровеннымъ съ своей женой?—Послушай, наставительно проговорилъ мужъ,—чтобы ты больше не приставала, я скажу тебѣ настоящую причину; знай же, открытіе этой тайны стоило бы мнѣ жизни. — Вздоръ! Ты вздумалъ еще насмѣхаться надо мной... не совсѣмъ же я дура, чтобы повѣрить такой глупости. Говори сейчасъ же, чему ты смѣялся? Я хочу знать слово въ слово весь разговоръ осла съ воломъ или... клянусь тебѣ всемогущимъ Богомъ на небесахъ — съ этой минуты я тебѣ больше не жена.

И произнеся эту безразсудную клятву, она ушла домой, сѣла въ темный уголъ и залилась горькими слезами, да такъ и проплакала цѣлую ночь напролетъ. Мужъ одиноко пролежалъ въ постели, тоже не смыкалъ глазъ, а когда разсвѣло, онъ сказалъ все еще рыдавшей женѣ: — Ну, будь же благоразумна, душа моя, изъ за чего ты такъ убиваешься? И весь то этотъ разговоръ не стоитъ одной твоей слезинки. Забудь же о немъ, умоляю тебя. — Не могу я забыть, сквозь слезы отвѣчала жена,—и не перестану думать и плакать до тѣхъ поръ, пока

ты не разскажешь мнѣ всего. — Но пойми же наконецъ, возразилъ мужъ,—вѣдь я говорю серьезно, что мнѣ угрожаетъ немедленная смерть, если я уступлю твоей глупой настойчивости.—Пусть будетъ какъ Богу угодно, объявила она,—но, что бы тамъ ни случилось, я не отстану и не успокоюсь никогда. — Нечего дѣлать, видно никакими доводами вразумить тебя невозможно, а между тѣмъ я увѣренъ, что эти непрерывныя слезы и рыданія не доведутъ до добра: ты скоро сама сведешь себя въ могилу; поэтому я пошлю къ тебѣ дѣтей,—пусть они побудутъ около тебя въ твои послѣдніе дни. — Затѣмъ онъ дѣйствительно привелъ къ ней дѣтей и въ то же время послалъ за отцомъ съ матерью и за всѣми близкими родными своей жены. Когда собрались всѣ, онъ объяснилъ имъ въ чемъ дѣло, и они съ своей стороны долго старались втолковать неразумной женщинѣ, какъ опасно ея упрямое любопытство. Но она ничему не внимала, никого не слушала, упорно заявляя всѣмъ, что скорѣй умретъ, чѣмъ уступитъ мужу. Отецъ съ матерью пробовали увѣщевать и вразумлять ее наединѣ, доказывая всю нелѣпость ея домогательства и угрожая своимъ гнѣвомъ. Но все было напрасно: ни родительская власть, ни убѣдительныя рѣчи — ничто не могло преодолѣть женскаго упрямства. Тогда дѣти, видя, что мать не перестаетъ убиваться, сами принялись плакать вмѣстѣ съ нею. Растерявшійся въ конецъ, мужъ не зналъ теперь, что ему и дѣлать; онъ молча сѣлъ на порогъ своего дома и глубоко задумался. Ему приходило уже въ голову, не лучше ли въ самомъ дѣлѣ пожертвовать собой, чтобы утѣшить и спасти свою любимую жену?...

Теперь я скажу тебѣ, продолжалъ визирь, все обращаясь къ Шехеразадѣ, какимъ способомъ выпутался этотъ огорченный мужъ изъ своей бѣды. Пока онъ сидѣлъ на порогѣ и думалъ свою тяжкую думу, на дворѣ появилось пятьдесятъ куръ и съ ними одинъ пѣтухъ. Окинувъ зоркимъ взглядомъ свой многочисленный гаремъ, пѣтухъ намѣтилъ одну изъ любимыхъ куръ и съ налету бросился на нее. Тутъ же неподалеку лежала сторожевая собака; она возмутилась непристойнымъ поведеніемъ пѣтуха и, подойдя къ нему, съ укоризной сказала: — Эхъ! эхъ! какъ тебѣ не стыдно, какъ тебѣ не совѣстно нынѣшній день заниматься такими дѣлами? Увидишь, что за это Богъ не попуститъ долго гулять тебѣ на бѣломъ свѣтѣ. Пѣтухъ взмахнулъ крыльями, гордо поднялся на своихъ шпорахъ и, слегка повернувъ голову, презрительно отвѣтилъ собакѣ:—Почему жъ это именно сегодня я долженъ стѣсняться въ своихъ дѣйствіяхъ? — Узнай, безсовѣстный, если ты только не знаешь, сказала собака, — что нашъ хозяинъ сегодня въ большомъ горѣ. Жена требуетъ, чтобы онъ открылъ ей одну тайну, а ему нельзя этого сдѣлать подъ страхомъ смерти. Вотъ бѣдняга теперь сидитъ и думаетъ, какъ тутъ поступить? Охъ, не устоитъ онъ противъ упрямства

жены и погибнетъ! А это намъ очень горько; мы всѣ, его домашніе, въ тревогѣ и печали, только ты вотъ одинъ разгуливаешь съ своими курами и знать ничего не хочешь.

Пѣтухъ нисколько не смутился этимъ выговоромъ и попрежнему гордо, но уже съ нѣкоторымъ презрѣніемъ отвѣчалъ собакѣ: — Слабъ должно быть нашъ хозяинъ, если съ одной женой и то не можетъ справиться. Какже я то справляюсь съ цѣлой полсотней, и, посмотри, ни одна изъ нихъ не посмѣетъ выйти изъ повиновенія. Пусть бы взялся онъ какъ слѣдуетъ за разумъ, тогда, повѣрь мнѣ, никакихъ затрудненій у него не выходило бы. — Что же, по твоему, онъ долженъ сдѣлать? спросила собака.—Что сдѣлать?—очень не мудреную вещь. Стоитъ ему только взять палку, пойти въ ту комнату, гдѣ плачетъ его жена, запереться съ ней наединѣ да и всыпать ей хоть съ полсотни хорошихъ вразумленій; ручаюсь, что послѣ этого вся дурь съ нея сойдетъ, и она зарокъ дастъ мужу никогда не вывѣдывать его тайнъ, если онъ не можетъ или не хочетъ ихъ открывать.

Едва только дослушалъ купецъ эту разумную рѣчь, какъ молча всталъ съ своего мѣста, запасся здоровой палкой и пошелъ къ своей все еще плачущей женѣ. Войдя въ комнату, онъ заперъ за собой дверь и сталъ вразумлять упрямую уже новымъ способомъ, да такъ убѣдительно, что послѣ нѣсколькихъ ударовъ она взмолилась и закричала ему:—Смилуйся, господинъ мой, не стану!... Никогда не услышишь ты

отъ меня никакихъ распросовъ. При видѣ такого искренняго раскаянія, мужъ прекратилъ побои, а затѣмъ, растворивъ дверь, позвалъ жениныхъ родителей и родственниковъ. Всѣ были рады благополучной развязкѣ и наперерывъ хвалили мужа за его остроумную выдумку. Теперь видишь, какими мѣрами побѣждается женское упрямство, добавилъ въ заключеніе великій визирь.—По настоящему и мнѣ слѣдовало бы поступить съ тобой точно такъ же.

— Нѣтъ, отецъ, возразила Шехеразада, — твой примѣръ не подходитъ ко мнѣ, онъ не примѣнимъ ужь потому, что мое желаніе не такое вздорное; вѣдь ты знаешь, оно вызывается во мнѣ самыми лучшими и чистыми побужденіями, такъ не гнѣвайся, если я останусь непреклонной въ своемъ намѣреніи. Въ отвѣтъ на разсказанную тобой басню я могла бы привести много другихъ съ совершенно обратными заключеніями,—именно, что никогда не слѣдуетъ противиться добрымъ и хорошимъ побужденіямъ человѣка. Итакъ, отецъ мой, если твое родительское сердце не тронется моими мольбами, то, прости меня, я буду вынуждена дѣйствовать помимо твоей воли и одна пойду къ султану, только бы достигнуть своей цѣли.

Долго еще великій визирь не оставлялъ надежды отклонить любимую дочь отъ ея пагубнаго намѣренія, когда же всѣ его усилія оказались напрасными, — уступилъ поневолѣ. Съ глубокой скорбью пошелъ онъ къ султану и объявилъ, что въ тотъ же день приведетъ ему свою Шехеразаду.

Изумленный такой необычайной самоотверженностью, Шахріаръ спросилъ его:—За что обрекаешь ты свою родную дочь на вѣрную и неизбѣжную гибель? — Государь, отвѣтилъ визирь,—она сама добровольно приноситъ себя въ жертву ради великой чести быть твоей супругой хоть на одну только ночь.—Хорошо ли ты обсудилъ всю важность такого поступка? сказалъ султанъ: — предупреждаю тебя, я не сдѣлаю исключенія ни для кого, и завтра же утромъ ты долженъ будешь собственными руками задушить свою дочь. — Не скрою, государь, отвѣтилъ визирь,—это причинитъ мнѣ жестокую боль, но покорность преодолѣетъ самую природу, и хотя мое отцовское сердце будетъ обливаться кровью, я все же останусь вѣрнымъ и твердымъ орудіемъ твоей верховной воли.—Султанъ остался доволенъ безграничной преданностью визиря и объявилъ свое согласіе вступить въ бракъ съ его дочерью.

Отецъ вернулся домой. Тяжело было у него на душѣ, и онъ съ грустью передалъ роковую вѣсть Шехеразадѣ; но та приняла ее съ величайшей радостью и такъ долго, горячо благодарила отца, словно онъ доставилъ ей желанное счастье. Только грустный, убитый видъ старика

немного смутилъ ее, и она сказала ему въ утѣшеніе:—Ободрись, отецъ, зачѣмъ горевать? Можетъ быть мнѣ удастся выполнить задуманное, и тогда ты самъ порадуешься, что содѣйствовалъ этому браку.

Затѣмъ, она вся сосредоточилась на выборѣ нарядовъ и разрѣшила эту трудную задачу какъ нельзя лучше. Все, до послѣдней мелочи, было обдумано и подобрано такъ, чтобы не уронить достоинства царской невѣсты и въ то же время выставить свою красоту въ самомъ яркомъ свѣтѣ.

Въ послѣднюю минуту, готовясь навсегда покинуть отчій домъ, она отвела въ сторону свою младшую сестру Динарзаду и сказала ей:—Дорогая моя, мнѣ нужна твоя помощь въ самомъ важномъ дѣлѣ. Сейчасъ отецъ отведетъ меня къ султану и до наступленія ночи я уже буду его женой. Не пугайся этой вѣсти, но выслушай меня внимательно и запомни, что я скажу тебѣ. Мнѣ необходимо, чтобы нынѣшнюю ночь ты провела вмѣстѣ со мною въ нашей брачной опочивальнѣ; объ этомъ я всѣми силами стану умолять султана и если, какъ надѣюсь, онъ исполнитъ мою просьбу, тогда вотъ въ чемъ должно заключаться твое содѣйствіе: за часъ до разсвѣта скажи погромче, такъ, чтобы разбудить султана:—Проснись, сестра, и пока заря еще не занялась на востокѣ, разскажи мнѣ въ послѣдній разъ одну изъ своихъ чудесныхъ сказокъ.—Я тотчасъ же начну разсказывать и, можетъ быть, съ Божьей помощью спасу этимъ средствомъ не только себя, но и всю свою родину.—Динарзада выразила полную готовность исполнить желаніе сестры.

Наконецъ, при наступленіи сумерокъ, великій визирь ввелъ Шехеразаду во дворецъ и представилъ ее султану; потомъ, едва удерживая слезы, онъ въ послѣдній разъ обнялъ свою любимую дочь и поспѣшно удалился, чтобы не проявить передъ владыкой своего безмѣрнаго горя. Оставшись наединѣ съ своей новой невѣстой, султанъ первымъ дѣломъ приказалъ ей снять чадру, скрывавшую лицо. Чарующая красота дѣвушки видимо произвела глубокое впечатлѣніе на Шахріара и, замѣтивъ слезы на ея прекрасныхъ глазахъ, онъ съ невольнымъ участіемъ спросилъ о ихъ причинѣ.—Государь, взволнованнымъ голосомъ отвѣчала Шехеразада,—у меня есть сестра, горячо любимая мной и безгранично преданная мнѣ; дозволь ей провести эту ночь въ брачной опочивальнѣ, чтобы я могла повидаться съ ней и проститься передъ смертью. Исполни, государь, эту мою первую и послѣднюю просьбу, и я умру, благословляя тебя.—Султанъ согласился, и по его приказанію Динарзада не замедлила явиться во дворецъ. На ночь она помѣстилась у подножія высокой эстрады, на которой, по обычаю восточныхъ царей, было устроено султанское ложе, завѣшанное златотканнымъ пологомъ.

За часъ до разсвѣта, Динарзада, давно уже не смыкавшая глазъ

изъ опасенія не проснуться во время, поспѣшила въ точности исполнить приказаніе сестры.—Проснись, родная, воскликнула она,—и пока заря еще не занялась на востокѣ, разскажи одну изъ своихъ чудесныхъ сказокъ; доставь мнѣ печальное утѣшеніе услыхать въ послѣдній разъ твою рѣчь.

Ничего не отвѣтивъ сестрѣ, Шехеразада обратилась къ султану:— Повелитель! угодно ли тебѣ, чтобы я исполнила желаніе сестры? — Да,

отвѣтилъ султанъ, — я охотно позволяю. — Ну, такъ слушай, сестра, объявила Шехеразада и начала свой разсказъ, все таки исключительно обращаясь къ Шахріару.

Ночь I.

Сказка о купцѣ и о грозномъ геніи.

Въ былое время, государь, жилъ въ одной изъ восточныхъ странъ богатый купецъ; много у него было земли разнаго наименованія, товарныхъ складовъ, слугъ, прикащиковъ, рабовъ, а сундуки его ломились отъ тяжести чистаго золота, серебра и драгоцѣнныхъ вещей. Время отъ времени ему приходилось по разнымъ торговымъ дѣламъ отлучаться изъ дома на болѣе или менѣе продолжительный срокъ; и вотъ, какъ то разъ, явилась необходимость ѣхать въ очень далекую страну по дѣлу, не терпѣвшему отлагательства. Онъ наскоро собрался въ дорогу и сѣлъ на коня, а такъ какъ путь его пролегалъ по мѣстамъ безлюднымъ и пустыннымъ, гдѣ нельзя было достать никакого провіанта, то въ дорожной сумкѣ, привязанной къ сѣдлу, находился большой запасъ финиковъ, сухарей и проч. Добравшись благополучно до мѣста своего назначенія и покончивъ призывавшее его дѣло, купецъ поѣхалъ обратно тою же дорогой.

На четвертый день, изнемогая отъ усталости и жары подъ жгучими лучами солнца, накалявшими выжженную землю, онъ свернулъ съ дороги и направился къ группѣ деревьевъ, что̀ виднѣлись далеко на равнинѣ. Тамъ, подъ тѣнью громадной пальмы, онъ увидалъ источникъ чистой, прозрачной ключевой воды. Радостно соскочилъ онъ съ коня, привязалъ его къ дереву, а самъ съ наслажденіемъ расположился у источника; затѣмъ, доставъ свою дорожную сумку, вынулъ изъ нея нѣсколько финиковъ и началъ ѣсть ихъ, машинально отбрасывая косточки то вправо, то влѣво. Утоливъ голодъ, онъ, какъ подобаетъ доброму мусульманину, омылъ лицо, руки и ноги и вознесъ благодареніе Всевышнему *). Онъ стоялъ еще на колѣняхъ, не окончивъ молитвы,

*) Омовеніе входитъ въ число обязательныхъ постановленій мусульманской религіи. Существуетъ даже особая заповѣдь, гласящая такъ: „О, правовѣрный! Когда ты готовишься очистить свою душу молитвой, омой прежде свое лицо, руки до локтей и ноги до колѣнъ“.

какъ вдругъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, появилось ужасное видѣніе. То былъ громадный, страшный великанъ, весь побѣлѣвшій отъ старости; онъ прямо подошелъ къ путнику и, размахивая сверкающимъ мечомъ, проговорилъ громовымъ голосомъ:—Встань, злодѣй, чтобы я разомъ могъ убить тебя, какъ ты недавно убилъ моего сына. — И эти зловѣщія слова излетали изъ устъ его грознымъ, потрясающимъ крикомъ. Купецъ обезумѣлъ отъ страха и, дрожа всѣмъ тѣломъ, пролепеталъ едва слышно: — Пощади, сжалься надо мной, милостивый господинъ! Я ничѣмъ не могъ прогнѣвить тебя и не знаю за собой вины, заслуживающей смерти. — Нѣтъ тебѣ пощады, убійца моего сына! проревѣлъ великанъ. — О, Боже мой, Боже мой! жалобно простоналъ купецъ, — да какъ же я могъ убить твоего сына, если не знаю его и никогда не видалъ?—А кто сидѣлъ на этомъ мѣстѣ? продолжалъ геній,—кто доставалъ финики изъ сумки и бросалъ ихъ косточки направо и налѣво, — говори, кто? — Я, трепещущимъ голосомъ отвѣчалъ купецъ, — не могу отречься отъ этого. — А, ты! значитъ ты и убилъ моего сына! грозно крикнулъ сѣдой великанъ. — Слушай, въ то время, какъ ты обжирался здѣсь финиками, мимо проходилъ мой сынъ; одна изъ косточекъ, брошенныхъ тобой безъ разбора, попала ему прямо въ глазъ и наповалъ убила его. Послѣ этого ты еще смѣешь говорить, что не заслуживаешь смерти! — Прости, завопилъ купецъ, — будь милосердъ ко мнѣ, могучій властелинъ! Мое преступленіе невольное, я совершилъ его по невѣдѣнію, не желая зла твоему сыну.—Какъ бы то ни было, а ты убилъ его, возразилъ геній, — и я отомщу за смерть своего любимаго дѣтища. — Съ этими словами онъ схватилъ купца за руку, повергъ его лицомъ къ землѣ и уже занесъ мечъ, чтобы отрубить ему голову.

А купецъ, обливаясь слезами, все еще пытался доказать свою невиновность; онъ вспоминалъ о женѣ, о дѣтяхъ и говорилъ такъ жалобно, что грозный геній невольно удержалъ свой мечъ. Однакожь намѣреніе его осталось неизмѣннымъ и, прослушавъ до конца свою жертву, онъ сказалъ рѣшительно:—Всѣ мольбы твои напрасны; плачь ты передо мной хоть кровавыми слезами, я все таки убью тебя, чтобы смертью отомстить за смерть моего сына. — О, горе мнѣ, горе несчастному! простоналъ купецъ;—видно ничто не спасетъ меня отъ незаслуженной кары.—Да, ничто, подтвердилъ геній.—Лучше покорись и готовься разстаться съ жизнью. Съ послѣдними словами....

Тутъ, взглянувъ въ окно, Шехеразада остановилась; она увидала первые проблески зари, занимавшейся на востокѣ, и прервала свой разсказъ, такъ какъ ей было извѣстно всегдашнее обыкновеніе султана вставать на разсвѣтѣ и, послѣ утренней молитвы, начинать ежедневныя совѣщанія съ своими визирями.—О, милая, дорогая сестра! воскликнула Динарзада, — какъ тяжко мнѣ разставаться съ тобой навѣки, не дослушавъ даже твоей чудесной сказки!—Да, родная моя, грустно отвѣтила Шехеразада,—а между тѣмъ продолженіе ея еще чудеснѣе; ты сама согласилась бы со мной, еслибы его величеству угодно было даровать мнѣ жизнь еще на одни сутки. Не менѣе заинтересованный, Шахріаръ уже рѣшилъ про себя отсрочить казнь до другаго утра и дослушать сказку до конца. Онъ весело всталъ съ постели, совершилъ обычную молитву и отправился въ утреннее засѣданіе совѣта.

Тамъ уже давно ожидалъ его великій визирь—въ тоскѣ и мучительной тревогѣ за участь своей обожаемой дочери. Во всю ночь онъ, несмыкая глазъ, все думалъ и думалъ о той страшной минутѣ, когда ему неминуемо придется сдѣлаться палачомъ своего родного дѣтища. Съ такимъ же невыразимо скорбнымъ чувствомъ онъ встрѣтилъ теперь своего грознаго повелителя и уже готовился принять роковой ударъ; но каковы же были его удивленіе и радость, когда султанъ, спокойно, проходя залу совѣщаній, милостиво кивнулъ ему головой и не отдалъ своего обычнаго приказа.

Вѣрный своему всегдашнему правилу, Шахріаръ цѣлый день занимался государственными дѣлами и только поздно вечеромъ вернулся въ опочивальню, гдѣ подъ парчевымъ балдахиномъ, на раскошно убранномъ ложѣ ожидала его Шехеразада. Въ эту ночь повторилось тоже, что было и наканунѣ: въ урочный часъ Динарзада разбудила сестру такимъ же воззваніемъ:—Проснись, родная, и пока заря еще не занималась на востокѣ, доскажи намъ свою чудесную сказку. Шехеразада, какъ и вчера, хотѣла обратиться къ султану за позволеніемъ, но тотъ предупредилъ ее, сказавъ: — Продолжай, мнѣ самому хочется узнать, что станется съ этимъ несчастнымъ купцомъ. Тогда Шехеразада продолжала такъ:

Ночь II.

И вотъ, государь, въ то мгновеніе, когда сѣдой великанъ взмахнулъ своимъ мечомъ и уже готовъ былъ отрубить голову купцу, тотъ отчаянно вскрикнулъ и молящимъ голосомъ проговорилъ: — Остановись хоть на одну секунду, дай мнѣ сказать еще одно слово. Вѣдь тебѣ все равно, когда бы ни убить меня, такъ позволь же мнѣ передъ смертью проститься съ женою и дѣтьми. У меня много дѣлъ и разныхъ предпріятій, я имѣю большое состояніе, нужно же мнѣ привести все въ порядокъ и распредѣлить свои богатства такъ, чтобы наслѣдники мои не прибѣгали къ суду послѣ моей смерти. Окажи мнѣ эту милость и будь увѣренъ, что я возвращусь сюда и уже безропотно отдамся твоей власти.—А если ты обманешь меня? возразилъ великанъ.—Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! воскликнулъ купецъ; — клянусь тебѣ всемогущимъ Богомъ, создателемъ неба и земли, не обману тебя, вернусь на это самое мѣсто. — А какой срокъ нуженъ тебѣ для устройства своихъ дѣлъ? — Ровно годъ, отвѣчалъ купецъ. — Ранѣе я не могу управиться, да нужно же будетъ хоть немного приготовиться къ смерти и пріучить себя къ мысли о разлукѣ съ земными благами. Итакъ, клянусь тебѣ всѣмъ на свѣтѣ, что ровно черезъ годъ, день въ день, я буду ожидать тебя подъ этимъ самымъ деревомъ.—Можешь ли ты призвать Бога въ свидѣтели своей клятвы? Да, призываю Его святое имя отъ чистаго сердца.—При этихъ словахъ грозный геній исчезъ, и купецъ попрежнему остался одинъ у источника. Онъ вздохнулъ съ облегченіемъ, сѣлъ на коня и продолжалъ свой путь. Въ первую минуту его обрадовало это нежданное избавленіе, а потомъ, при воспоминаніи о клятвѣ, связывавшей его съ великаномъ, имъ снова овладѣла смертельная тоска.

Прибывъ домой, онъ грустно поздоровался съ женой и дѣтьми, а когда тѣ наперерывъ стали ласкаться къ нему и изъявлять свою радость, отецъ не вытерпѣлъ и горько заплакалъ. Тогда только домашніе поняли, что съ нимъ случилось какое нибудь большое несчастіе, и въ тревогѣ стали допрашивать его. — Съ радостью мы встрѣтили тебя, говорила жена, — но, видно, не радоваться, а плакать суждено намъ. Что приключилось съ тобой, что такъ глубоко печалитъ твое сердце? Открой же намъ, не томи!—О, горе, горе мнѣ! отвѣтилъ мужъ,—нѣтъ для меня больше радостей, не можетъ быть веселья!... Черезъ годъ я долженъ разстаться и съ вами, и съ этой жизнью. Затѣмъ онъ подробно разсказалъ какъ о своей встрѣчѣ съ чудовищнымъ великаномъ, такъ и о той клятвѣ, какую принужденъ былъ дать ему.

Эта печальная повѣсть привела всю семью въ невыразимое отча-

яніе. Жена разразилась воплями, била себя въ грудь и въ лицо, разрывала свои одежды; дѣти тоже заливались слезами и оглушали весь домъ неумолчными криками; отецъ же, плача вмѣстѣ съ ними, испытывалъ двойныя муки—и за себя, и за нихъ.

Однако, несмотря на всю силу душевной скорби, купецъ на другой же день принялся за приведеніе въ должный порядокъ своихъ многочисленныхъ дѣлъ. Прежде всего онъ озаботился уплатой долговъ по различнымъ торговымъ счетамъ; затѣмъ назначилъ богатые подарки своимъ друзьямъ, роздалъ щедрую милостыню, отпустилъ своихъ рабовъ и рабынь на волю, а главное имущество раздѣлилъ поровну между дѣтьми, назначивъ опеку надъ тѣми изъ нихъ, которыя не достигли еще совершеннолѣтія. Женѣ онъ отдалъ все, что только могъ по закону, и возвратилъ ея приданое, взятое имъ при заключеніи брачнаго договора.

Годъ прошелъ незамѣтно. Настала минута выполненія данной клятвы, минута вѣчной разлуки со всѣмъ, что было дорого и мило въ этой жизни. Сталъ купецъ собираться въ путь, сталъ укладывать необходимыя вещи въ дорожную сумку и положилъ туда заранѣе приготовленный саванъ для своего погребенія. А когда въ послѣдній разъ онъ обнялъ жену и дѣтей, общее отчаяніе достигло высшаго предѣла; никто

изъ нихъ не хотѣлъ оставаться на этомъ свѣтѣ безъ своего дорогого, любимаго покровителя, всѣ порывались вслѣдъ за нимъ, готовые раздѣлить его горькую участь. Но разлука была неизбѣжна, и несчастный отецъ первый превозмогъ себя и сказалъ, подавляя рыданія: — Дорогіе мои, прощаясь съ вами навѣки, я повинуюсь волѣ Бога. Послѣдуйте и вы моему примѣру, будьте мужественны и съ твердостью покоритесь этой роковой необходимости. Смерть предопредѣлена человѣку свыше, и никто не можетъ избѣжать ея, такъ пусть же это сознаніе послужитъ вамъ утѣшеніемъ. Сказавъ это, онъ вырвался изъ родныхъ объятій и, не внимая больше отчаяннымъ призывамъ, отправился въ свой путь. Въ назначенный срокъ онъ прибылъ на то самое мѣсто, гдѣ ровно годъ тому назадъ явился ему грозный геній. Тамъ, на берегу того же источника, онъ сошелъ съ коня и съ глубокой грустью сталъ ждать своей послѣдней минуты.

Медленно тянулось время въ этомъ мучительномъ ожиданіи; великанъ все не являлся, и вдругъ, вмѣсто него, купецъ увидалъ какого-то благообразнаго старика съ бѣлой ланью, которую онъ велъ за собой на привязи. Старикъ приблизился, поздоровался съ купцомъ и спросилъ его:—„Скажи мнѣ, добрый человѣкъ, что привело тебя въ эту пустынную страну, населенную одними злыми духами, искони враждующими съ человѣкомъ? Тебя прельстили, должно быть, эти прекрасныя деревья и ты подумалъ, что они растутъ здѣсь на пользу и радость людямъ? Нѣтъ, ты ошибся: это—заклятое мѣсто, гдѣ на каждомъ шагу грозитъ опасность.

Купецъ разсказалъ ему подробно о своемъ несчастномъ приключеніи.

— Странно,—замѣтилъ старикъ,—очень странно и печально; но такъ какъ ты связанъ клятвой, то долженъ покориться своей участи. Я останусь при твоей встрѣчѣ съ великаномъ,—добавилъ онъ,—и не покину тебя до конца.—Послѣ того старикъ сѣлъ около купца и повелъ съ нимъ разговоръ; въ это время вдругъ...

— Однако, уже свѣтаетъ,—съ грустью замѣтила Шехеразада;—какъ жаль, что самаго то чудеснаго я и не успѣла досказать.—Но любопытство султана настолько было затронуто, что онъ рѣшилъ отсрочить казнь еще на одинъ день.

Ночь III.

Передъ разсвѣтомъ слѣдующаго утра Динарзада снова обратилась къ сестрѣ все съ тѣми же словами: „Проснись, сестра, и пока заря еще не занялась на востокѣ, разскажи еще одну изъ своихъ чудесныхъ

сказокъ.—Но султанъ потребовалъ, чтобы продолжалась вчерашняя, и Шехеразада повиновалась:

— Итакъ, государь, пока старикъ и купецъ разговаривали между собой, вдругъ появился другой человѣкъ, еще болѣе старый и совсѣмъ уже сѣдой; съ нимъ были двѣ черныя собаки. Подойдя къ собесѣдникамъ, онъ низко поклонился имъ и спросилъ, какая причина привела ихъ въ это пустынное, заклятое мѣсто?—Тогда первый старикъ подробно разсказалъ все, что произошло между купцомъ и великаномъ: „Именно теперь наступаетъ часъ послѣдняго разсчета“, добавилъ онъ, „и я хочу присутствовать при немъ“.

Второй старикъ, выслушавъ разсказъ, также не мало дивился и въ свою очередь заявилъ желаніе узнать, чѣмъ кончится это необыкновенное событіе.

Только что сѣлъ онъ и принялъ участіе въ общей бесѣдѣ, какъ всѣ трое разомъ замѣтили вдали словно облако пыли или дыма, поднятое вихремъ. Все яснѣе обозначаясь, оно надвигалось на нихъ съ неимовѣрною быстротой, а приблизившись, вдругъ разсѣялось, и глазамъ ихъ представился страшный великанъ. Спустившись на землю, онъ прямо, не обращая вниманія на остальныхъ, тремя гигантскими шагами подошелъ къ купцу, схватилъ его за руку и попрежнему крикнулъ оглушительнымъ голосомъ: „Встань, злодѣй, чтобы я могъ сразу убить тебя, какъ ты убилъ моего сына“.—Тогда не одинъ уже купецъ, обреченный на смерть, но и оба свидѣтеля одинаково были охвачены страхомъ и въ ужасѣ огласили пустынный воздухъ своими громкими воплями...

Тутъ Шехеразада остановилась, замѣтивъ предразсвѣтное мерцаніе зари; но любопытство султана было возбуждено еще сильнѣе, и онъ снова отмѣнилъ свой роковой приказъ до слѣдующаго дня.

Съ каждымъ утромъ тревога великаго визиря смѣнялась все большей и большею радостью; радовались вмѣстѣ съ нимъ и семья его, и весь дворъ, и вся страна.

Ночь IV.

На слѣдующую ночь Шехеразада продолжала такъ:

— И вотъ, государь, когда жизнь купца совсѣмъ уже висѣла на волоскѣ, первый старикъ, что пришелъ съ ланью, бросился къ ногамъ великана и, обнимая ихъ, воскликнулъ: „Помедли, великій властитель духовъ, воздержи гнѣвъ свой, пока не выслушаешь моего разсказа; я повѣдаю тебѣ одно событіе изъ собственной жизни, которое еще удивительнѣе настоящаго случая съ этимъ несчастнымъ купцомъ. Если ты

самъ это признаешь, отпусти тогда своей жертвѣ хотя одну треть ея вины!“

Великанъ съ минуту оставался въ раздумьѣ, какъ бы колеблясь, но потомъ сказалъ: „Хорошо. Разсказывай, я согласенъ“.

Разсказъ перваго старика.

Выслушай же меня со вниманіемъ, могучій геній, началъ старикъ.—Вотъ эта бѣлая лань, что у меня на привязи, близка мнѣ вдвойнѣ, какъ моя жена и двоюродная сестра. Я женился на ней, когда она была еще двѣнадцатилѣтней дѣвочкой, и, ставъ ея мужемъ, замѣнилъ ей отца.

Прожили мы вмѣстѣ цѣлыхъ тридцать лѣтъ согласно и мирно, но дѣтей намъ Богъ не давалъ, и это безплодіе, не уменьшая моего хорошаго чувства къ женѣ, заставило меня взять себѣ наложницу изъ купленныхъ рабынь. Вскорѣ отъ нея родился ребенокъ *), мальчикъ, проявлявшій съ первыхъ же годовъ необыкновенныя способности. Къ несчастію, моя жена изъ ревности страшно возненавидѣла и сына, и мать, но что всего хуже, она глубоко затаила свое злобное чувство къ нимъ и такъ тщательно и хитро скрывала отъ меня, что я узналъ о немъ, когда уже было слишкомъ поздно.

А между тѣмъ сынъ мой подросталъ, становясь все лучше и умнѣе; вмѣстѣ съ нимъ съ каждымъ годомъ росла и моя любовь къ нему. Онъ былъ уже тринадцатилѣтнимъ отрокомъ, когда мнѣ представилась необходимость отправиться въ далекое путешествіе.

Передъ отъѣздомъ, ничего не подозрѣвая, я съ полнымъ довѣріемъ поручилъ женѣ главное наблюденіе какъ надъ сыномъ, такъ и надъ его матерью, и просилъ ее насколько можно внимательнѣе относиться къ нимъ во все время моего отсутствія, которое должно было продолжиться на цѣлый годъ. Но злодѣйка обманула мое довѣріе самымъ жестокимъ образомъ: воспользовавшись такой долгой и полной свободой, она привела въ исполненіе свой давнившій замыселъ—погубить ненавистную ей невольницу и ея сына посредствомъ волшебства. Изучивъ сначала въ совершенствѣ это дьявольское искусство, она завлекла моего первенца въ лѣсъ, при помощи своихъ чаръ обратила его въ теленка, потомъ привязала къ дереву и стала выжидать, не придетъ ли туда же и мать на поиски своего сына. Такъ дѣйствительно и случилось: несчастная

*) Религія магометанъ допускаетъ три вида браковъ: посредствомъ купли, найма и обыкновеннаго способа женитьбы; она дозволяетъ имѣть одну, двухъ или нѣсколькихъ женъ, но при этомъ всѣ дѣти считаются одинаково законными, такъ что сынъ, прижитый отъ рабыни, если онъ первенецъ, пользуется всѣми преимуществами старшаго брата, въ ущербъ законнымъ дѣтямъ (Галланъ).

невольница пришла и въ то же мгновеніе была обращена въ корову. Прямо изъ лѣса жена отвела обоихъ къ моему арендатору и, сказавъ ему, что купила ихъ на базарѣ, велѣла держать вмѣстѣ съ прочимъ скотомъ, въ общемъ помѣщеніи и на одинаковомъ кормѣ.

Возвратившись домой, я, разумѣется, первымъ дѣломъ освѣдомился о ребенкѣ и его матери. „Твоя невольница умерла,—отвѣтила мнѣ жена,—а сынъ пропалъ съ тѣхъ поръ неизвѣстно куда, и вотъ уже два мѣсяца, какъ я не видала его“.—Жаль мнѣ было своей красивой и кроткой наложницы, но меня утѣшало хоть то, что сынъ не умеръ, и остается еще надежда когда нибудь отыскать его. Однако-жь прошло восемь мѣсяцевъ, а мальчикъ все не возвращался, и не было о немъ никакой вѣсти. Такъ наступилъ праздникъ Байрама *). По заведенному обычаю, я приказалъ своему арендатору привести мнѣ самую лучшую корову для принесенія жертвы; онъ привелъ ту самую, въ которую была обращена невольница—мать моего сына. Ничего не подозрѣвая, я связалъ ей ноги и занесъ уже надъ нею жертвенный ножъ, какъ вдругъ она замычала, да такъ жалобно, словно молила меня о пощадѣ, а слезы ручьями полились у нея изъ глазъ. У меня невольно опустилась рука,

*) Переходный праздникъ, единственно обязательный въ мусульманской религіи. Онъ бываетъ по два раза въ годъ и разсчитанъ такъ, чтобы въ теченіе тридцати шести лѣтъ приходиться на всѣ двѣнадцать мѣсяцевъ. Мусульманскій годъ лунный, и первый праздникъ Байрама полагается въ первый день луны, слѣдующій за Рамазаномъ, т. е. магометанскимъ постомъ. Празднованіе продолжается три дня и напоминаетъ частью еврейскую пасху, частью французскій карнавалъ. Второй Байрамъ приходится черезъ семьдесятъ дней послѣ перваго (Галланъ).

и я сказалъ арендатору: „Нѣтъ, не могу. Приведи мнѣ другую корову, а эта пусть останется жить.

Жена моя находилась тутъ же; она сильно встревожилась этимъ распоряженіемъ, разрушавшимъ ея злой умыселъ, и горячо стала уговаривать меня, чтобы я не перемѣнялъ разъ обреченной жертвы. „Эта корова самая лучшая во всемъ стадѣ, повторяла она, и вполнѣ пригодна для настоящаго случая“. Не желая противорѣчить женѣ, я опять подошелъ къ жертвѣ и, стараясь преодолѣть жалость, взмахнулъ ножомъ, чтобы разомъ покончить съ непріятнымъ дѣломъ, но обильныя слезы и мычаніе коровы, похожее на человѣческій стонъ, обезоружили меня снова. Тогда я передалъ ножъ арендатору и сказалъ:

— Возьми и заколи ее самъ, а я не могу. Эти странныя слезы и вопли надрываютъ мнѣ сердце.

Арендаторъ не поддался жалости и спокойно перерѣзалъ горло коровѣ. Но когда стали снимать съ нея шкуру, подъ ней оказались однѣ кости, что сильно удивило меня, такъ какъ на видъ корова казалась очень тучной. „Возьми ее себѣ“, съ досадой сказалъ я арендатору, „употреби на милостыню, или угощай кого хочешь, а мнѣ приведи откормленнаго теленка“. Что сталось потомъ съ коровой, я не знаю, только черезъ нѣсколько времени арендаторъ привелъ на привязи довольно рослаго и повидимому хорошо упитаннаго тельца.

Разумѣется, я не могъ и подумать, что это мой сынъ, тѣмъ не менѣе сердце какъ то невольно дрогнуло во мнѣ и всѣмъ моимъ существомъ овладѣло какое то странное, необъяснимое ощущеніе. Съ своей стороны и теленокъ, завидѣвъ меня, рванулся такъ сильно, что порвалъ

свой поводъ и, припавъ къ моимъ ногамъ, опустилъ голову, словно умолялъ меня пощадить ему жизнь, выражая при этомъ всѣми доступными ему средствами, что онъ близокъ мнѣ и совсѣмъ не тотъ, за кого его принимаютъ.

Все это удивило и растрогало меня еще сильнѣе, чѣмъ плачъ и человѣческія стенанія коровы. Жалость, а можетъ быть и кровь настойчиво возопіяли во мнѣ, и я снова сказалъ арендатору: „Нѣтъ, уведи его пусть онъ живетъ у тебя въ холѣ и довольствѣ, мнѣ же выбери поскорѣй другого“.

Услыхавъ мои слова, жена вмѣшалась еще настойчивѣе: „Что это съ тобой, другъ мой?“ воскликнула она, „да лучшаго теленка у насъ и не осталось, онъ какъ нельзя болѣе пригоденъ для жертвоприношенія“.— „Можетъ быть“, отвѣтилъ я, „только что̀ бы ты ни говорила, у меня рука не поднимется на этого теленка; лучше предоставь мнѣ распорядиться по своему усмотрѣнію“. Но эта ехидная женщина была не изъ такихъ, чтобы отказаться отъ своего злобнаго умысла; она такъ упорно пристала ко мнѣ, что я, наконецъ, уступилъ и, не смотря на глубокое волненіе, дрожью пробѣгавшее по моему тѣлу, все таки связалъ теленка и взялъ жертвенный ножъ....

Наступающее утро остановило разсказъ Шехеразады. „О, милая, сестра моя!“ воскликнула Динарзада, „много слыхала я отъ тебя чудесныхъ сказокъ, но еще ни одна изъ нихъ не была такъ заманчива, какъ эта“.—„А если бы султанъ, мой повелитель, дозволилъ мнѣ прожить еще однѣ сутки“, отвѣчала Шехеразада, „ты увидала бы, что продолженіе лучше начала“. Шахріару очень хотѣлось узнать дальнѣйшую судьбу заколдованнаго мальчика, и потому казнь была снова отложена до другого утра.

Ночь V и послѣдующія *).

— Государь, начала Шехеразада,—вотъ что первый старикъ разсказывалъ далѣе своимъ слушателямъ: „Когда поднялъ я ножъ, чтобы вонзить его въ горло сына, вдругъ глаза мои встрѣтились съ его крот-

*) Во все продолженіе этихъ сказокъ Шехеразада употребляетъ одинъ и тотъ же маневръ: къ разсвѣту каждаго утра она доводитъ своихъ дѣйствующихъ лицъ до какого нибудь особенно критическаго момента и на немъ прерываетъ свой разсказъ, чтобы поддерживать въ постоянномъ напряженіи любопытство султана и заставлять его день за день отсрочивать казнь. Во избѣжаніе тысячекратнаго повторенія однихъ и тѣхъ же словъ передъ началомъ каждой ночи, мы отбрасываемъ дѣленіе подлинника, но, за исключеніемъ этого незначительнаго отступленія, предлагаемъ читателямъ самый полный изъ всѣхъ существующихъ текстовъ арабскаго эпоса, ничего не урѣзывая въ немъ и не измѣняя. (Галланъ).

кимъ, осмысленнымъ взоромъ; въ немъ выражалась такая жалобная мольба, что я самъ едва удержался отъ слезъ. Ножъ выпалъ изъ руки, и я рѣшительно заявилъ женѣ, что ни за какія блага въ мірѣ не исполню ея требованія. Какъ она ни уговаривала меня потомъ, какъ ни упрашивала, я оставался непреклоненъ и, только чтобы отвязаться отъ нея, обѣщалъ ей заколоть этого теленка къ слѣдующему празднику Байрама.

На другое утро, едва еще разсвѣло, какъ мнѣ доложили, что арендаторъ дожидается меня по какому то очень важному дѣлу и желаетъ переговорить со мной наединѣ, такъ, чтобы моя жена не слыхала. Я вышелъ къ нему, и когда мы остались вдвоемъ, онъ сказалъ:

— Господинъ мой, то, что я намѣренъ сообщить тебѣ, навѣрное заслужитъ твою благодарность,— слушай же: моя единственная дочь обладаетъ необыкновеннымъ даромъ разгадывать всѣ тайны волшебства. И вотъ вчера, когда я привелъ назадъ оставленнаго тобою теленка, она, увидавъ его, сначала засмѣялась, а потомъ, въ ту же минуту, поникла головой и заплакала. Мнѣ показался страннымъ такой внезапный переходъ отъ радости къ слезамъ, и я сталъ настойчиво добиваться его объясненія. „Отецъ“, отвѣтила она, „ты, конечно, не могъ подозрѣвать, что водилъ на закланіе не теленка, а родного сына нашего хозяина. Я обрадовалась, когда увидала его живымъ, но вспомнивъ, что только передъ тѣмъ была зарѣзана его мать, обращенная въ корову, я заплакала. Оба эти превращенія совершены волшебными чарами жены нашего господина, одинаково ненавидѣвшей и сына, и мать“. Такъ сказала мнѣ дочь“, добавилъ въ заключеніе Гассанъ, „и я ждалъ только утра, чтобы сообщить тебѣ эту вѣсть“.

— Посуди же теперь самъ, великій властитель духовъ, что́ я долженъ былъ испытать при такомъ извѣстіи! Словно безумный, бросился я съ Гассаномъ къ его дочери, чтобы самому услыхать всѣ подробности, но прежде все таки зашелъ въ стойло, гдѣ помѣщался мой сынъ. Разумѣется, онъ не могъ отвѣчать словами на мои нѣжныя ласки и объятія, но его взглядъ, всѣ движенія ясно убѣдили меня въ нашемъ кровномъ родствѣ.

Пришла и дочь Гассана. „Милая, добрая дѣвушка,— обратился я къ ней,—можешь ли ты возвратить моему сыну его прежній образъ?— Да,—отвѣтила она.—„О, если такъ,—воскликнулъ я, въ порывѣ неудержимаго восторга,—то все что есть у меня, все отдамъ тебѣ!“ Дѣвушка улыбнулась. „Зачѣмъ же?“ молвила она. „Ты—господинъ, и я обязана исполнять всѣ твои приказанія, хотя въ настоящемъ случаѣ, правда, власть твоя безсильна, и я могу возвратить тебѣ сына только на двухъ условіяхъ: во первыхъ, ты долженъ потомъ дозволить ему жениться на мнѣ и, во вторыхъ, теперь же предоставить мнѣ право отомстить твоей

женѣ за ея злодѣйство".—„Что касается до перваго условія", отвѣчалъ я, „то принимаю его отъ чистаго сердца за себя и за сына; кромѣ того, обѣщаю наградить тебя богатымъ приданымъ независимо отъ того состоянія, какое будетъ предоставлено въ распоряженіе сына. Вообще, ты увидишь, что я съумѣю отблагодарить тебя за твою великую услугу. Противъ втораго условія я тоже ничего не имѣю: всякое преступленіе должно быть наказано по справедливости, и потому я охотно отдаю жену на твою волю; дѣлай съ ней что хочешь, объ одномъ только прошу—пощади ей жизнь".—„Я и не думала умерщвлять ее", отвѣчала дѣвушка, „пусть она живетъ, но уже не человѣческой жизнью; словомъ, я поступлю съ ней такъ же, какъ поступила сама она съ твоимъ сыномъ и его матерью".—„Согласенъ", сказалъ я, „но прежде всего возврати мнѣ мое дорогое дитя".

Тогда молодая дѣвушка взяла сосудъ, наполнила его водой, проговорила надъ нимъ какія то непонятныя заклинанія и потомъ, обращаясь къ теленку, сказала громкимъ голосомъ: „Во имя всемогущаго Бога, создателя всего міра, заклинаю тебя: если ты рожденъ такимъ, какимъ кажешься намъ, то пребудь въ этомъ видѣ навѣки; но если только злоба и ненависть людская лишили тебя образа и подобія Божія, то, по соизволенію всеблагаго Творца, прими опять свой естественный видъ". Съ этими словами она брызнула въ него водой, и въ то же мгновеніе теленокъ преобразился въ прекраснаго юношу.

„Сынъ мой, дорогое дитя!" воскликнулъ я, не помня себя отъ радости, „самъ Богъ послалъ намъ эту юную дѣвушку, чтобы разрушить дьявольское ухищреніе и отмстить за все зло, причиненное тебѣ и твоей несчастной матери. Пусть же твоя избавительница будетъ и твоей женой". Сынъ охотно и съ большою радостью согласился на этотъ бракъ; но еще прежде свадьбы волшебница невѣста отмстила моей женѣ, обративъ ее въ эту лань, что вы теперь видите со мной. Я самъ просилъ придать ей этотъ благообразный видъ, чтобы она не возбуждала отвращенія въ семьѣ. Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ; сынъ мой давно овдовѣлъ и тогда же съ горя отправился въ далекое странствованіе. Вотъ уже седьмой годъ, какъ я не имѣю о немъ никакихъ вѣстей; стосковался я въ своей одинокой жизни и брожу теперь наудачу,—не найду ли его гдѣ нибудь, или хоть не услышу ли о немъ. Дома мнѣ некому было поручить свою жену, оттого я и принужденъ всюду водить ее за собой.

— Ну, что же скажешь ты, властитель духовъ, о моемъ разсказѣ? Не правда ли, что въ немъ не мало чудеснаго и необычайнаго?

— Да не могу отрицать этого, сказалъ великанъ,—и въ силу своего обѣщанія смягчаю на одну треть опредѣленную кару убійцѣ моего сына

— Затѣмъ, государь, продолжала Шехеразада, — другой старикъ, что привелъ на привязи двухъ черныхъ собакъ, также обратился къ генію и сказалъ:

— Теперь, могучій духъ, не угодно ли будетъ тебѣ выслушать и мою, не менѣе правдивую, повѣсть. Я разскажу, что́ приключилось со мной и вотъ съ этими двумя черными собаками; но позволь и мнѣ предложить такое условіе: если разсказъ мой окажется чудеснѣе предыдущаго, ты смягчишь свою кару еще на одну треть.

— Согласенъ, изрекъ сѣдой великанъ, — но только смотри, чтобы твой разсказъ дѣйствительно превзошелъ предыдущій. Уговорившись такимъ образомъ, второй старикъ, обращаясь къ генію, началъ такъ:

Разсказъ второго старика.

— Могучій геній! прежде всего я долженъ сказать тебѣ, что эти черныя собаки мои родные братья. Я былъ младшимъ изъ нихъ. Отецъ, умирая, оставилъ намъ въ наслѣдство по тысячѣ цехиновъ *) каждому, и, получивъ деньги, мы всѣ трое выбрали одно и то же торговое поприще; но вскорѣ старшій братъ, не довольствуясь своими скромными домашними дѣлами, задумалъ вести заграничную торговлю. Съ этою цѣлью онъ продалъ свое заведеніе и, накупивъ товаровъ, пригодныхъ для вывоза, отправился въ далекое путешествіе.

Цѣлый годъ не было о немъ никакой вѣсти. Наконецъ, въ одно утро, подходя къ своей лавкѣ, я увидалъ человѣка, съ виду показавшагося мнѣ нищимъ. „Помоги тебѣ Богъ!“ сказалъ я ему. „И тебѣ тоже, отвѣтилъ онъ; но неужели ты не узнаешь меня?“ Тогда я вглядѣлся въ него пристальнѣе и тотчасъ призналъ своего старшаго брата. „Это ты, дорогой братъ мой! воскликнулъ я и, бросившись къ нему на шею, сталъ горячо обнимать его.— Ну кто же могъ бы узнать тебя въ такомъ рубищѣ?“ Затѣмъ я повелъ его въ свой домъ, нетерпѣливо распрашивая: какъ онъ жилъ, здоровъ ли, какъ шли его дѣла. „Зачѣмъ спрашивать?“ уныло отвѣчалъ онъ, „взгляни на меня—и ты самъ увидишь все; разсказывать — значило бы только растравлять свое горе, а оно и такъ тяжело. Насколько велики мои несчастія, ты можешь судить по моему настоящему состоянію“.

Я тотчасъ же заперъ лавку и занялся исключительно своимъ братомъ. Прежде всего я повелъ его въ баню, тамъ замѣнилъ его рубище самыми лучшими изъ своихъ одеждъ и, возстановивъ такимъ образомъ его внѣшній приличный видъ, сталъ думать о возстановленіи его ду-

*) Золотая монета, обращающаяся на Востокѣ и въ Венеціи. Цехинъ равняется тремъ рублямъ по номинальному курсу.

шевнаго спокойствія. Приведя въ точную извѣстность свои торговыя обороты, я убѣдился, что за послѣдній годъ мой основной капиталъ увеличился вдвое. Тогда изъ двухъ тысячъ цехиновъ мнѣ уже не трудно было подѣлиться съ братомъ. „Возьми половину", сказалъ я ему, „и забудь о своихъ неудачахъ". Братъ съ радостью принялъ мое предложеніе, а вскорѣ снова завелъ торговлю, и мы зажили въ мирѣ и согласіи, какъ жили при отцѣ.

Прошло около года, какъ вдругъ и второй мой братъ тоже задумалъ продать свою лавку и прекратить дѣла. Какъ ни старался я отговорить его отъ этого намѣренія, онъ не послушалъ меня и упорно настоялъ на своемъ. Благодаря поспѣшности, онъ продалъ свое заведеніе за безцѣнокъ, а на вырученныя деньги, также какъ и старшій братъ, накупилъ разныхъ предметовъ роскоши для сбыта въ чужеземныхъ краяхъ и вскорѣ затѣмъ, присоединившись къ большому каравану, отправился въ путь. Случилось съ нимъ все то же, что и съ старшимъ братомъ; въ такомъ же рубищѣ вернулся онъ ко мнѣ черезъ годъ и съ такимъ же участіемъ былъ принятъ мною, одѣтъ и обутъ; а такъ какъ за это время капиталъ мой снова увеличился на тысячу цехиновъ, то я предоставилъ ему половину съ тѣмъ, чтобы онъ возобновилъ свою торговлю въ родномъ городѣ. Дѣла его пошли на ладъ, и онъ вскорѣ видимо поправился.

Но вотъ однажды приходятъ ко мнѣ оба брата и начинаютъ меня уговаривать, чтобы я вмѣстѣ съ ними рискнулъ на новое предпріятіе въ чужихъ краяхъ. Сначала я отказался на отрѣзъ. „Вы уже испытали неудачу", отвѣчалъ я имъ на ихъ доводы, „почему же вы думаете, что меня можетъ обогатить то, что разорило васъ?" Напрасно они старались прельстить меня баснословными выгодами, обѣщая груды золота; я оставался непреклоненъ; не хотѣлось мнѣ свое вѣрное дѣло мѣнять на невѣрное; но и капля воды продалбливаетъ камень,—такъ, послѣ пяти лѣтъ неотступныхъ уговоровъ, я наконецъ сдался, согласившись принять участіе въ задуманномъ предпріятіи. Стали мы тогда приводить въ извѣстность свои дѣла, и что же оказалось? Оба брата успѣли уже давно прожить выданный мной капиталъ и теперь ровно ничего не имѣли. Я воздержался отъ напрасныхъ выговоровъ и, вмѣсто всякаго укора, снова подѣлился съ ними по братски. Такъ какъ мой капиталъ къ тому времени возросъ уже до шести тысячъ, то я взялъ изъ него половину и, раздѣливъ ее поровну на три части, сказалъ своимъ братьямъ: „Милые мои, ваши прежнія неудачи должны научить насъ осторожности; поэтому я считаю болѣе благоразумнымъ не рисковать заразъ всѣмъ капиталомъ, а взять изъ него одну половину, другую же припрятать гдѣ нибудь въ надежномъ мѣстѣ на тотъ случай, еслибы намъ не посчастливилось; тогда, вернувшись домой, мы все таки можемъ возобновить ста-

рое дѣло. Затѣмъ, взявъ по тысячѣ цехиновъ на брата и закупивъ разныхъ товаровъ, мы сѣли на корабль и при попутномъ вѣтрѣ вышли въ открытое море.

Черезъ два мѣсяца мы благополучно прибыли къ торговой гавани, выгрузили свои товары и тутъ же распродали ихъ съ громаднымъ барышомъ. Мнѣ посчастливилось особенно, такъ что въ самое короткое время я пріобрѣлъ сто на десять. Расторговавшись окончательно, мы въ изобиліи запаслись мѣстными произведеніями для сбыта въ своей странѣ и приготовились въ обратный путь.

Передъ самымъ нашимъ отплытіемъ, на морскомъ берегу со мной повстрѣчалась молодая женщина, очень бѣдно одѣтая, но красивая и стройная, какъ пальма. Она прямо подошла ко мнѣ и горячо стала умолять, чтобы я взялъ ее замужъ и увезъ на свою родину. Смущенный такой странной, неожиданной просьбой, я сначала колебался, недоумѣвая что́ отвѣтить ей. Между тѣмъ она схватила мою руку и, крѣпко прильнувъ къ ней губами, продолжала молить и убѣждать: „Не отвергай меня изъ за моей нищеты“, говорила она, „и вѣрь, что своей любовью и безграничной преданностью я сторицею воздамъ тебѣ за все, и никогда ты не будешь раскаяваться въ своемъ великодушномъ поступкѣ“.— Эти слова, въ соединеніи съ прелестной наружностью, тронули меня и заставили согласиться. Прежде всего я озаботился покупкой бѣлья и разной одежды, чтобы смѣнить лохмотья своей невѣсты, потомъ, заключивъ съ ней брачный договоръ по всѣмъ правиламъ закона, взялъ ее къ себѣ на корабль, и мы вмѣстѣ отправились въ обратный путь.

Во время нашего долгаго плаванія, я каждый день открывалъ въ своей молодой женѣ все новыя и новыя неоцѣненныя качества, и съ каждымъ днемъ возрастала любовь моя къ ней. Братья, видя мое счастье, начали втайнѣ завидовать мнѣ, особенно же возбуждала ихъ зависть моя удача въ торговлѣ, такъ какъ дѣйствительно я пріобрѣлъ гораздо больше, чѣмъ они. Постепенно усиливаясь, это злобное чувство дошло наконецъ до того, что они сговорились лишить меня жизни. Въ одну ночь, когда мы съ женой крѣпко заснули, они обоихъ насъ выбросили въ море.

Тутъ только оказалось, что жена моя была не простая смертная, а изъ породы воздушныхъ фей. Конечно, она не могла утонуть, но я навѣрное пошелъ бы ко дну, еслибы не ея помощь. Едва успѣлъ я коснуться моря, какъ она подняла меня на воздухъ и силой волшебства перенесла на островъ. Тамъ, въ исходѣ ночи, когда восточный край неба уже начиналъ окрашиваться багровымъ заревомъ, моя волшебница-жена сказала мнѣ:

— Видишь ли, другъ мой и мужъ, какъ скоро тебѣ пришлось получить отъ меня первое воздаяніе за твой великодушный поступокъ. Ты знаешь теперь, кто я, а мое явленіе на морскомъ берегу въ лохмотьяхъ

и рубищѣ было вызвано только желаніемъ испытать доброту твоего сердца. Я встрѣтила тебя случайно и съ перваго же взгляда полюбила, но чѣмъ ты милѣе мнѣ, тѣмъ ненавистнѣе твои злодѣи братья, и я не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока не изведу ихъ такъ или иначе.

Съ восторгомъ слушалъ я рѣчи прекрасной волшебницы и горячо благодарилъ ее за спасеніе мнѣ жизни. „Только", сказалъ я въ заключеніе, „объ одномъ прошу тебя, моя властительница, пощади жизнь моимъ братьямъ. Правда, они поступили со мной безчеловѣчно, но я не настолько жестокъ, чтобы желать ихъ гибели". И вслѣдъ за тѣмъ я разсказалъ ей, какъ мнѣ уже два раза приходилось спасать ихъ отъ разоренія. Но мой разсказъ только еще сильнѣе возбудилъ ея негодованіе. „Не будетъ же отъ меня пощады этимъ неблагодарнымъ злодѣямъ!" въ гнѣвѣ воскликнула она; „полечу сейчасъ и потоплю ихъ корабль, пусть они погибнутъ на днѣ морскомъ".—„Именемъ Бога прошу тебя, не дѣлай этого! Пойми только, вѣдь они братья мнѣ родные, кровные, и самъ Богъ велитъ добромъ платить за зло".

Смилостивилась волшебница моими мольбами и потомъ въ одно мгновеніе перенесла меня съ того острова, гдѣ мы находились, на плоскую кровлю моего дома. Тамъ она простилась со мной и исчезла. Я сошелъ внизъ, отперъ входную дверь своего жилья и вынулъ изъ подъ пола три тысячи цехиновъ, зарытыхъ мной передъ отплытіемъ въ дальнюю страну. Затѣмъ я отправился въ свою лавку и когда отворилъ ее, сосѣди купцы наперерывъ стали собираться ко мнѣ, привѣтливо здороваясь и поздравляя съ благополучнымъ окончаніемъ путешествія. Въ тотъ же вечеръ, возвратившись домой, я съ изумленіемъ встрѣтилъ на порогѣ вотъ этихъ двухъ собакъ; склонивъ головы, онѣ обѣ подошли ко мнѣ съ боязливой покорностью, а я все не могъ объяснить себѣ, откуда онѣ взялись, какъ вдругъ снова появилась фея и разсѣяла мое недоумѣніе. „Не удивляйся, другъ мой", сказала она, „эти собаки твои братья".—„Какъ?" спросилъ я съ содроганіемъ, „какой чудесной силой совершилось такое превращеніе?"—„Силой волшебства", спокойно отвѣчала фея; „по моему порученію одна изъ моихъ сестеръ превратила твоихъ братьевъ въ собакъ, а корабль ихъ потопила. Правда, тамъ были и твои товары, но ты не тужи, я съ избыткомъ вознагражу тебя за эту потерю; не печалься также и о своихъ братьяхъ, хотя они осуждены оставаться двадцать лѣтъ въ настоящемъ видѣ, но это еще слишкомъ легкая кара за ихъ злодѣйство".—Затѣмъ она сказала мнѣ гдѣ и какъ я могу найти ее, когда это будетъ нужно, и снова исчезла.

Въ настоящее время положенный двадцатилѣтній срокъ уже на исходѣ, и вотъ я иду въ ту страну, гдѣ надѣюсь увидать свою фею; по дорогѣ же въ этой пустынѣ мнѣ случайно встрѣтились и старикъ съ бѣлой ланью, и твоя [illegible] жертва. Теперь скажи, властитель ду-

ховъ, доволенъ ли ты моимъ разсказомъ?“—„Такъ доволенъ“, отвѣтилъ геній, „что, вмѣсто смягченія кары еще на одну треть, я отмѣняю ее совсѣмъ“. Потомъ добавилъ, обращаясь къ обоимъ старикамъ: „Пусть вѣчно благодаритъ васъ этотъ человѣкъ! Своими чудесными разсказами вы спасли его отъ гибели“. И съ этими словами, къ великой радости всѣхъ троихъ, грозный геній исчезъ. Спасенный, обливаясь слезами уже не горя, а восторга, сталъ горячо благодарить своихъ избавителей, затѣмъ, распростившись другъ съ другомъ, каждый отправился своимъ путемъ. Купецъ вернулся къ семьѣ и спокойно, счастливо прожилъ съ ней до глубокой старости.

Тутъ Шехеразада остановилась и выслушавъ одобреніе султана, отвѣчала ему такъ: „Радуюсь, что могла угодить тебѣ, мой повелитель; но еслибы, вмѣсто этой сказки, я разсказала другую—о рыбакѣ, ты былъ бы еще болѣе доволенъ“. „Милая сестра!“ воскликнула Динарзада,—до разсвѣта еще далеко; можетъ быть, ты успѣешь разсказать эту сказку, если, конечно, позволитъ нашъ государь“. Султанъ выразилъ желаніе слушать, и Шехеразада начала:

Сказка о рыбакѣ.

Въ былыя времена, государь, въ нашей восточной странѣ жилъ одинъ рыбакъ; онъ былъ уже не молодъ и такъ бѣденъ, что едва поддерживалъ свое существованіе съ женой и тремя дѣтьми. Каждый день рыбакъ до восхода солнца отправлялся на свой промыселъ, но при этомъ неизмѣнно держался правила никогда не закидывать сѣтей болѣе четырехъ разъ въ теченіе дня.

Однажды, раннимъ утромъ, когда луна еще не померкла на небѣ, онъ пришелъ къ морскому берегу, снялъ съ себя одежду и закинулъ свои сѣти; переждавъ столько времени, сколько обыкновенно требуется на уловъ, онъ сталъ вытягивать ихъ на берегъ и при этомъ почувствовалъ такую необычайную тяжесть, что сердце его забилось отъ радости. Но черезъ минуту ему пришлось горько разочароваться: вмѣсто рыбы, въ сѣтяхъ оказался громадный скелетъ осла. Къ довершенію горя, сѣти его порвались во многихъ мѣстахъ, и теперь приходилось тратить на починку самое дорогое предразсвѣтное время. Онъ зачинилъ ихъ наскоро, кое-какъ, закинулъ вторично, а при вытягиваніи опять почувствовалъ значительную тяжесть. „Ну, теперь то ужь это навѣрно рыба“, подумалъ онъ. И вдругъ новое разочарованіе: на этотъ разъ въ сѣтяхъ запуталась большая корзина, наполненная иломъ, пескомъ да мелкими камушками. Сильно опечалился рыбакъ этой вторичной неудачей и съ горечью воскликнулъ: „О, безпощадный, несправедливый рокъ! за что ты гонишь меня, бѣдняка, не даешь мнѣ удачи ни въ чемъ? За какую вину отнимаешь даже и послѣднее средство къ пропитанію? Вѣдь, кромѣ этого труда, у меня ничего нѣтъ, такъ неужели же семья моя должна умирать съ голода? Впрочемъ, къ чему тутъ напрасныя жалобы! Давно извѣстно, что честнымъ людямъ плохо живется на свѣтѣ.... Все хорошее, истинно великое остается въ забвеніи, или неизвѣстности, а злое торжествуетъ и возвышается судьбой. Эхъ, горе, горе!...“

Онъ съ раздраженіемъ отбросилъ корзину, потомъ, распутавъ сѣти и промывъ ихъ отъ приставшаго къ нимъ ила, закинулъ въ третій разъ. Опять получилось все то же: песокъ, илъ да камни. Это ужъ окончательно пришибло бѣдняка, едва не обезумѣвшаго отъ отчаянія. Но лишь только проглянуло солнце и озарило землю, въ несчастномъ труженикѣ снова пробудилось чувство правовѣрнаго мусульманина, и онъ благоговѣйно совершилъ свою утреннюю молитву*), добавивъ къ ней въ заключеніе такое воззваніе: „О, Боже праведный, Боже милосердый! Ты

*) Молитва принадлежитъ къ числу основныхъ правилъ, предписанныхъ Алкораномъ.

вѣдаешь, что я не преступаю правила погружать свои сѣти только четыре раза въ день. Нынѣ уже трижды мой трудъ оставался безплоднымъ; не попусти же, Господь мой, и въ четвертый разъ того же несчастія. Да будетъ это море такъ же благосклонно, какъ было по Твоей святой волѣ во дни Моисея" *).

Облегчивъ душу молитвой, онъ закинулъ свои сѣти въ четвертый разъ, обождалъ опредѣленное время и снова потянулъ ихъ на берегъ. Отъ новой тяжести онѣ подавались съ трудомъ, но рыбы и на этотъ разъ не оказалось; за то, вмѣсто нея, рыбакъ вытащилъ большой сосудъ изъ желтой мѣди, плотно закупоренный и залитый около крышки свинцомъ съ оттиснутой на немъ печатью. Судя по вѣсу, сосудъ уже самъ по себѣ, независимо отъ его содержанія, представлялъ значительную цѣнность. Обрадовался тогда бѣднякъ своей добычѣ и подумалъ: „Продамъ этотъ сосудъ мѣднику, а на вырученныя деньги куплю цѣлую мѣру пшеницы".

Сталъ онъ оглядывать свою добычу со всѣхъ сторонъ, приподнялъ ее, потрясъ, чтобы хоть приблизительно опредѣлить ея содержаніе, и, не услыхавъ никакого звука, пришелъ къ заключенію, что сосудъ наполненъ до краевъ чѣмъ нибудь очень цѣннымъ; въ этомъ убѣждали его и тщательная укупорка, и какая-то необыкновенная печать на крышкѣ. Побуждаемый нетерпѣливымъ желаніемъ поскорѣе разъяснить эту тайну, онъ взялъ свой ножъ и, послѣ долгихъ усилій отковырялъ свинецъ, тотчасъ же опрокинулъ сосудъ отверстіемъ къ землѣ, чтобы сразу вытряхнуть изъ него содержимое. Но, къ удивленію, оттуда ни-

*) Мусульмане признаютъ четырехъ главныхъ пророковъ и законодателей: Моисея, Давида, Іисуса Христа и Магомета (Галланъ).

чего ни посыпалось, ни пролилось. Тогда онъ поставилъ его передъ собой и внимательно сталъ вглядываться внутрь. Вдругъ изъ отверстія вырвался клубами густой, сѣроватый дымъ. Испуганный рыбакъ отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ, а дымъ поднимался все выше и выше— до самыхъ облаковъ, стлался по морю, по землѣ, образуя густой, непроницаемый туманъ. Но этимъ еще не кончилось странное явленіе: когда весь дымъ вышелъ изъ сосуда, клубы его стали сгущаться въ плотную массу, образуя мало по малу человѣческую фигуру, и вскорѣ, къ великому ужасу, рыбакъ увидалъ передъ собой великана такихъ громадныхъ размѣровъ, какихъ не достигали никогда самые высочайшіе гиганты. Завидѣвъ это страшилище, рыбакъ попытался было бѣжать, но его ноги оцѣпенѣли отъ страха, и онъ уже не могъ двинуться съ мѣста.

— Соломонъ! *) внезапно воскликнулъ гигантъ, о, великій пророкъ Господень, смилуйся надо мной и даруй мнѣ прощеніе! Не буду противиться тебѣ ни словомъ, ни дѣломъ, и отнынѣ воля твоя будетъ мнѣ закономъ. — Услышавъ эти слова, рыбакъ сразу ободрился и уже смѣло и громко произнесъ: „Что говоришь ты, невѣдомый духъ! Болѣе восемнадцати столѣтій прошло съ тѣхъ поръ, какъ великій пророкъ Божій Соломонъ переселился въ вѣчность; ты же обращаешься къ нему, словно къ живому. Скажи мнѣ, кто ты? Открой причину своего заключенія въ этомъ сосудѣ“.

Гордо, величаво глянулъ духъ на жалкаго рыбака и сказалъ ему: „Я требую, чтобы ты обращался ко мнѣ съ подобающимъ почтеніемъ и не смѣлъ называть меня невѣдомымъ духомъ“.—„Но какъ же я назову тебя, если не знаю твоего имени? Развѣ вѣстникомъ счастія? — такое названіе не можетъ умалить твоего достоинства, кто бы ты ни былъ“.—„Я владыко твой и повелитель,—гнѣвно отвѣчалъ духъ,—смирись и жди, пока не получишь смерть отъ моей руки“.—„О, за что же хочешь ты убить меня? возопилъ рыбакъ:—неужели ты успѣлъ уже забыть, что я возвратилъ тебѣ свободу?“—„Знаю и помню, презрительно отвѣтилъ духъ, только это нисколько не помѣшаетъ мнѣ умертвить тебя. Если хочешь, я могу оказать тебѣ только одну милость — предо-

*) Мусульмане вѣрятъ, что Соломонъ надѣленъ былъ отъ Бога чудодѣйственною силой въ большей мѣрѣ, чѣмъ кто либо изъ его предшественниковъ. Они считаютъ его повелителемъ всѣхъ ангеловъ и демоновъ, и много другихъ чудесныхъ свойствъ приписываетъ ему ихъ религіозная фантазія. Напримѣръ, они глубоко убѣждены въ томъ, что вѣтры носили его по всѣмъ сферамъ бытія и по надзвѣздному міру, что животныя, растенія, даже камни говорили съ нимъ и повиновались его велѣніямъ: каждая травка открывала ему свое цѣлебное свойство, каждый камень объяснялъ способъ его употребленія. Птицы внимали ему и служили его любовнымъ сношеніямъ съ царицей Савской, вызывая ее на свиданіе. Всѣ эти миѳы Алкорана почерпнуты изъ еврейскихъ апокрифовъ (Галланъ).

ставить тебѣ свободный выборъ между различными родами смерти. Такъ рѣшай же, какимъ способомъ ты предпочитаешь умереть?"—„Но за что же, за что? допрашивалъ рыбакъ,—это ли награда за мою великую услугу?"—„Не могу поступить съ тобой иначе, промолвилъ духъ,—а что бы ты вѣрилъ, я разскажу тебѣ свою исторію".

— Узнай же, что я одинъ изъ тѣхъ мятежныхъ духовъ, что возгордились противъ Творца. Всѣ другіе духи признали Соломона великимъ пророкомъ Божіимъ и подчинились его власти; только двое—я и Сакаръ не могли снести такого униженія. Тогда этотъ могучій властелинъ поручилъ Асафу, сыну Варакія, своему первому полководцу, взять меня и привести къ себѣ. Асафъ овладѣлъ мною силой и, не смотря на мое сопротивленіе, прямо привелъ къ престолу царя. Соломонъ, сынъ Давида, обѣщалъ мнѣ помилованіе, если я признаю его своимъ владыкой и поклянусь измѣнить свой образъ жизни. Я твердо отказался и отъ того, и отъ другого. Тогда, въ наказаніе, онъ заключилъ меня въ этотъ мѣдный сосудъ, самъ запаялъ его свинцомъ и приложилъ свою печать съ великимъ именемъ Бога. Затѣмъ, призвавъ одного изъ своихъ покорныхъ духовъ, онъ приказалъ ему бросить въ море сосудъ. Приказаніе было исполнено, и съ той поры не годы, а цѣлые вѣка проходили своимъ чередомъ, я же все томился въ своемъ заключеніи. Въ началѣ перваго столѣтія я клялся обогатить и осчастливить того, кто возвратитъ мнѣ свободу, но мое ожиданіе оказалось напраснымъ. Наступилъ второй вѣкъ, и, перенося муки ада, я обѣщалъ открыть всѣ сокровища земныя тому, кто вырветъ меня изъ неволи, но никто не являлся, никто не освободилъ меня. Тогда, при наступленіи третьяго вѣка, я далъ обѣтъ сдѣлать своего избавителя могущественнымъ монархомъ, помогать ему во всемъ и охранять неусыпно, исполнять по три раза въ день всѣ его желанія, каковы бы они ни были; но прошло и это столѣтіе, а я все оставался въ своей безъисходной тюрьмѣ. Наконецъ, измученный тоской и безсильнымъ бѣшенствомъ, я поклялся, кто бы ни освободилъ меня впослѣдствіи, убить его безжалостно и безпощадно, не даруя ему другой милости, кромѣ выбора любаго рода смерти. Теперь являешься ты моимъ позднимъ избавителемъ,—такъ выбирай же какимъ способомъ я долженъ убить тебя?"

Рыбакъ убѣдился, что ему не миновать смерти. „О, проклятая судьба! воскликнулъ онъ, это все ты преслѣдуешь меня. Нужно же было именно мнѣ освободить этого неблагодарнаго. Но умилосердись же, могучій духъ! Сознай свою несправедливость и отмѣни свой неразумный обѣтъ. Слыханное ли это дѣло—не только не благодарить, но еще жестоко наказывать за благодѣяніе? Какъ же Господь отпуститъ тебѣ зло, если ты самъ за добро не хочешь пощадить меня? Одумайся, не подвергай себя гнѣву Божію этимъ несправедливымъ убійствомъ".—„На-

прасно ты тратишь такъ много словъ, вѣдь они не заставятъ меня нарушить свою клятву, сказалъ духъ. Будь доволенъ и тѣмъ, что можешь выбрать себѣ самую легкую смерть,—такъ рѣшай же, какую выбираешь?“ Въ своемъ безъисходномъ отчаяніи рыбакъ уже не зналъ къ чему и прибѣгнуть. „Пропадетъ безъ меня моя несчастная семья! подумалъ онъ и снова воскликнулъ:—Еще разъ умоляю, пощади меня ради своей свободы, этого неоцѣненнаго блага, которое я тебѣ возвратилъ“.—„Перестань! съ досадой отвѣчалъ духъ,—пойми же наконецъ, жалкій ты человѣкъ, что именно этотъ поступокъ и навлекаетъ на тебя гибель“.—„Нѣтъ не понимаю я этого, сквозь слезы продолжалъ рыбакъ, и опять повторяю, отплата зломъ за добро противорѣчитъ и здравому смыслу, и всѣмъ понятіямъ о человѣческомъ правѣ. Впрочемъ, я слыхалъ одно изреченіе: „Благодѣяніе, оказанное недостойному, только вредитъ благодѣтелю“, и теперь вотъ на себѣ приходится испытать, насколько оно вѣрно“.—„Безъ разсужденій! гнѣвно перебилъ его духъ,—не заставляй меня понапрасну терять время, а то я убью тебя, не дожидаясь твоего выбора“.

Несчастіе иногда вразумляетъ человѣка и внушаетъ ему спасительную мысль въ самую критическую минуту. Убѣдившись въ безполезности всѣхъ своихъ доводовъ и просьбъ, рыбакъ прибѣгъ къ хитрости,—онъ сказалъ духу: „Ну, если ты не можешь пощадить меня, пусть будетъ на то воля Божія, я погибну безропотно; но передъ смертью заклинаю тебя именемъ всемогущаго Бога, начертаннымъ на печати великаго пророка Соломона, отвѣть мнѣ сущую правду на мой вопросъ“.

При этомъ заклинаніи великанъ вздрогнулъ; оно ставило его въ невозможность уклониться отъ прямого отвѣта. „Хорошо, спрашивай“, угрюмо промолвилъ онъ, „только поскорѣй“. „Мнѣ хотѣлось бы навѣрное знать, былъ ли ты дѣйствительно въ этомъ сосудѣ? Я не могу повѣрить такому чуду безъ твоей клятвы именемъ Бога“.—„Клянусь и утверждаю, что я томился въ этой тюрьмѣ въ теченіе многихъ вѣковъ“.—„Странно, замѣтилъ рыбакъ: ты такъ великъ, а сосудъ такъ малъ, что не только все тѣло, но и одна нога твоя не помѣстилась бы въ немъ“.—„Тѣмъ не менѣе это было такъ, возразилъ великанъ; да, наконецъ, какъ же ты можешь не вѣрить мнѣ даже послѣ великой клятвы, произнесенной мной?“—„Что дѣлать, не вѣрится, отвѣчалъ рыбакъ; одни собственные глаза могли бы убѣдить меня. Покажи, какъ это было, и я повѣрю“.

Въ отвѣтъ, вдругъ началось новое превращеніе великана; громадное тѣло его стало безформенной массой, перешедшей потомъ въ дымъ и испаренія, которые облегли опять и море, и берегъ. Затѣмъ все это, сгустившись въ сѣроватый клубъ, начало вбираться въ сосудъ—медленно, равномѣрно, пока ничего не осталось снаружи. Тогда изнутри сосуда

послышался голосъ: „Смотри, маловѣрный, и убѣдись теперь въ истинѣ моихъ словъ“.

Вмѣсто отвѣта, рыбакъ поспѣшно схватилъ крышку и плотно нажалъ ее на сосудъ. Теперь твоя очередь просить меня о пощадѣ, воскликнулъ онъ съ торжествомъ: я также буду великодушенъ и охотно предоставлю тебѣ право выбрать себѣ смерть по своему вкусу. Впрочемъ, вѣдь ты безсмертенъ, такъ мнѣ остается только снова бросить тебя въ море на прежнее мѣсто. А для того, чтобы никто не повторилъ моей ошибки, я поставлю себѣ кущу на берегу и буду сидѣть въ ней да предупреждать каждаго, кто бы ни пожелалъ закинуть здѣсь свои сѣти. Надѣюсь, тогда ни у кого не явится охоты вытаскивать такого великодушнаго генія, который убійствомъ платитъ за свое освобожденіе.

При этихъ обидныхъ словахъ, раздраженный духъ напрягъ всѣ свои силы, чтобы сбросить крышку и вырваться изъ сосуда, но его сдерживало неодолимое препятствіе—печать пророка Соломона, сына Давидова. Видя безуспѣшность всѣхъ усилій, онъ утишилъ свой гнѣвъ и уже смиренно обратился къ рыбаку: „Другъ мой, угроза твоя несправедлива, и я надѣюсь, ты не приведешь ея въ исполненіе. Неужели ты не понялъ, что слова мои были простой шуткой?“—„Хорошо, съ насмѣшкой отвѣтилъ рыбакъ: шутка это была, или нѣтъ,—я не знаю, а знаю только одно, что изъ грознаго исполина ты обратился въ ничтожество, и конечно я не буду настолько глупъ, чтобы повѣрить твоимъ льстивымъ рѣчамъ. Ты отправишься опять на свое старое мѣсто въ море и на этотъ разъ просидишь тамъ до страшнаго суда“. И не смотря ни на какія просьбы и щедрыя обѣщанія, онъ оставался непреклоненъ въ своемъ рѣшеніи. Напрасно геній говорилъ ему: „Открой сосудъ, и я предоставлю тебѣ все, что хочешь, всѣ блага міра“.—„Нѣтъ“, неумолимо отвѣчалъ рыбакъ: „на слова измѣнника нельзя положиться. Еслибы я повѣрилъ тебѣ, то дѣйствительно достоинъ былъ бы смерти за свою глупость. Ты конечно поступилъ бы со мной такъ же, какъ одинъ греческій царь съ врачомъ Дубаномъ. Не хочешь ли прослушать эту исторію? Я охотно разскажу ее тебѣ:“

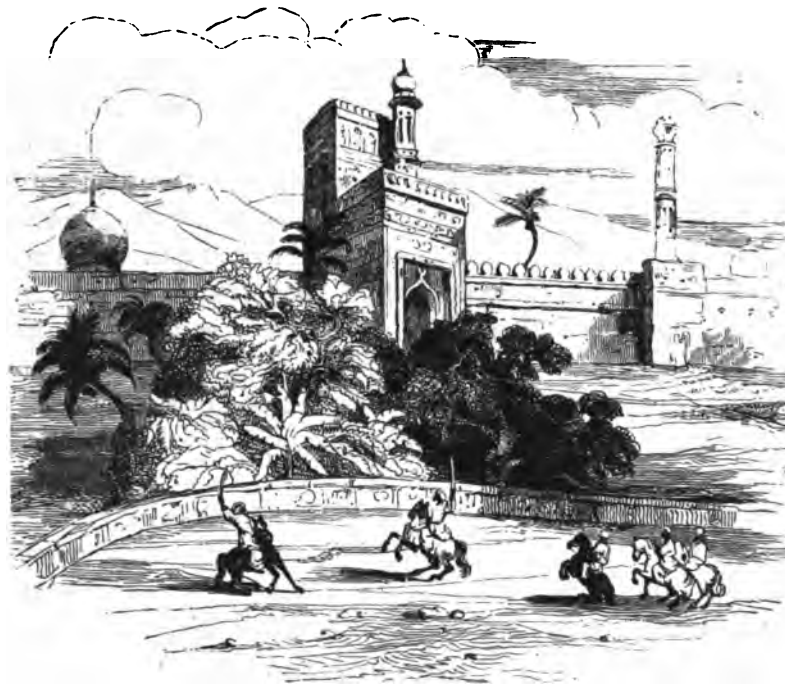
Разсказъ о греческомъ царѣ и о врачѣ Дубанѣ.

Страной Зумана, въ Персіи, правилъ нѣкогда царь, всѣ подданные котораго были родомъ греки. Долго жилъ онъ и царствовалъ благополучно, какъ вдругъ заболѣлъ проказой, да такъ, что все тѣло его сплошь покрылось язвами. Сколько ни лѣчили его придворные доктора, какихъ средствъ ни употребляли, все было напрасно, больной даже не чувствовалъ ни малѣйшаго облегченія. Въ это время ко двору его прибылъ изъ далекой страны искусный и свѣдущій врачъ, по имени Дубанъ.

Свои обширныя медицинскія познанія онъ черпалъ изъ всевозможныхъ источниковъ: греческихъ, персидскихъ, турецкихъ, арабскихъ, римскихъ, еврейскихъ, сирійскихъ, и кромѣ того былъ философъ, физикъ, математикъ,—словомъ, изучилъ всѣ науки; главное же достоинство его заключалось въ томъ, что онъ безошибочно зналъ всѣ полезныя или вредныя свойства различныхъ растеній и снадобій. Услыхавъ о тяжкой болѣзни царя, признанной придворными врачами неизлѣчимой, Дубанъ облекся въ свои лучшія одежды и представился царю. „Государь, началъ онъ съ глубокимъ поклономъ, до меня дошли слухи, что твои врачи не въ силахъ исцѣлить тебя отъ проказы. Если твоему царскому величеству угодно будетъ принять мои услуги, то я надѣюсь побѣдить твой упорный недугъ безъ всякихъ мазей и микстуръ“. Царь съ радостью выслушалъ это неожиданное предложеніе и милостиво сказалъ:

— Я очень желаю, чтобы искусство твое равнялось твоей увѣренности. Если ты дѣйствительно исцѣлишь меня, то клянусь обогатить не только тебя, но и все твое потомство; ты будешь первымъ въ моемъ государствѣ, какъ избранникъ мой и любимецъ. Но ручаешься ли ты за свое искусство?—Да, государь, отвѣтилъ Дубанъ,—я твердо увѣренъ въ успѣхѣ и завтра же съ Божіей помощью начну свое лѣченіе.

Затѣмъ онъ отправился домой, взялъ обыкновенную палку, что употребляется при игрѣ въ шары, просверлилъ у нея рукоятку, вложилъ туда то лѣкарство, которое находилъ дѣйствительнымъ противъ проказы, добылъ шаръ и съ этими орудіями на слѣдующее утро отправился къ царю. Войдя въ его опочивальню, онъ, по восточному обычаю, распростерся ницъ, поцѣловалъ полъ и, глубоко поклонившись, сказалъ:— Прикажи, государь, сѣдлать себѣ коня и поѣзжай на загородное поле, гдѣ играютъ въ шары; я нахожу для тебя полезнымъ принять участіе въ этой игрѣ. Возьми мою палку и подгоняй ею шаръ до тѣхъ поръ, пока на рукѣ и на всемъ тѣлѣ твоемъ не выступитъ потъ. Это необходимо для того, чтобы цѣлебное зеліе, вложенное въ рукоятку, могло войти въ поры тѣла и распространиться по немъ. Когда же вся одежда твоя увлажнится отъ испареній, то возвратись во дворецъ и иди прямо въ баню, гдѣ прикажи себя омыть и растирать какъ можно долѣе и сильнѣе. Потомъ ложись въ постель и усни. Я ручаюсь, что на другое утро ты будешь совершенно здоровъ. Царь въ точности выполнилъ предписаніе врача: онъ отправился на обширную площадь, гладко выровненную для игры, сошелъ съ коня, взялъ свою палку и пустилъ ею шаръ; придворные подхватили и отбросили его обратно, царь снова ударилъ и такъ продолжалъ, пока отъ сильнаго движенія все тѣло его не покрылось потомъ. Тогда онъ отправился въ баню, гдѣ мыли и растирали его, какъ было предписано.



Проснувшись на другое утро, царь дѣйствительно почувствовалъ себя совершенно здоровымъ, и при этомъ его особенно обрадовало полное отсутствіе даже рубцовъ и шрамовъ на тѣлѣ,—оно очистилось такъ, что уже не осталось и слѣда отъ жестокой болѣзни. Счастливый и радостный, онъ бодро всталъ съ постели, поспѣшно одѣлся и вышелъ въ тронную залу, гдѣ еще до разсвѣта собрались его многочисленные придворные, желая узнать, какое дѣйствіе оказало новое лѣченіе. Тамъ, съ высоты своего трона, онъ милостиво принялъ искреннія поздравленія подданныхъ.

Вслѣдъ за другими въ пріемную залу вошелъ и врачъ Дубанъ; онъ также распростерся у подножія царскаго трона, но царь тотчасъ же велѣлъ ему встать, посадилъ его рядомъ съ собой, осыпалъ его похвалами и передъ всѣмъ собраніемъ называлъ своимъ благодѣтелемъ. Этимъ еще не ограничились его милости. Въ тотъ же день онъ задалъ роскошный пиръ всему своему многочисленному двору и за обѣдомъ, въ знакъ особаго отличія, Дубанъ удостоенъ былъ чести сидѣть за отдѣльнымъ столомъ вдвоемъ съ государемъ. Вечеромъ же, при окончаніи пира, онъ былъ облеченъ по волѣ царя въ тѣ драгоцѣнныя одежды, въ какія облачаются только высшіе сановники государства въ особо торжественные дни. Кромѣ того, царь приказалъ выдать ему двѣ тысячи цехиновъ и долго потомъ все не переставалъ осыпать своего исцѣлителя и ласками, и всевозможными милостями; ему казалось, что никогда, ни-

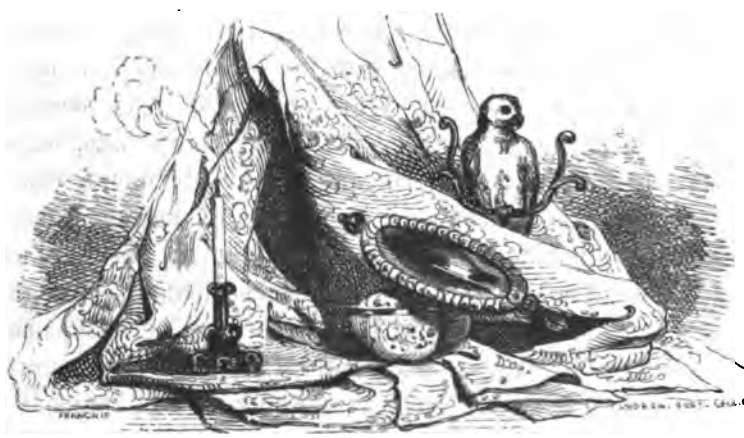
что не можетъ достойно вознаградить его за такое великое благодѣяніе, и потому все новые и новые дары посылались ему ежедневно. Къ несчастію, у царя былъ великій визирь—человѣкъ завистливый, жадный и отъ природы склонный ко всякаго рода злодѣяніямъ. Съ самаго начала онъ съ затаенной злобой смотрѣлъ на внезапное возвышеніе врача, на царскіе подарки и милости, обильно расточаемые ему. Онъ сразу почуялъ въ немъ опаснаго соперника въ будущемъ и задумалъ во что бы то ни стало погубить его. Съ этой цѣлью, оставшись наединѣ съ государемъ, онъ сдѣлалъ темный намекъ на какую то опасность, грозящую будто бы его повелителю, а когда тотъ потребовалъ объясненія, визирь повелъ такую рѣчь:—Не гнѣвайся, государь, если чувство безграничной преданности побуждаетъ меня всегда имѣть передъ тобой сердце открытымъ. Мнѣ кажется, опасно довѣряться человѣку, не зная и не испытавъ его. Ты возвысилъ врача Дубана, осыпаешь его своими неизрѣченными милостями и щедротами и въ чистотѣ души не вѣдаешь, что онъ предатель, подосланный твоими врагами, чтобы погубить тебя.—Ложь, клевета! воскликнулъ царь: кто могъ сказать тебѣ такую низость, и какъ ты осмѣлился повторить ее въ моемъ присутствіи? Ты вѣрно забылъ съ кѣмъ говоришь? Знай же, что я не легко вѣрю навѣтамъ, и горе клеветникамъ!—Государь, смиренно отвѣтилъ визирь, еслибъ я не былъ увѣренъ въ своемъ обвиненіи, я никогда не дерзнулъ бы говорить объ этомъ; теперь же я смѣло повторяю: будь остороженъ въ своемъ довѣріи, не усыпляй своей предусмотрительности. Врачъ Дубанъ чужеземецъ, онъ прибылъ изъ враждебной Греціи и приблизился къ твоему двору съ единственной цѣлью—привести въ исполненіе свой злодѣйскій умыселъ, о которомъ я счелъ своимъ долгомъ предупредить тебя.—Замолчи! перебилъ его царь: тотъ, кого ты подозрѣваешь въ предательствѣ и цареубійствѣ,—лучшій и благороднѣйшій изъ людей. Знай, что я вѣрю ему, какъ самому себѣ, и никого еще такъ искренно не любилъ, какъ его. Тебѣ вѣдь извѣстно, отъ какой болѣзни онъ исцѣлилъ меня своимъ искусствомъ, или, лучше сказать, чудомъ. Проказа смертельна, и еслибы Дубанъ дѣйствительно желалъ моей гибели, ему стоило бы только предоставить болѣзнь самой себѣ, и она уморила бы меня вѣрнѣе всякаго убійства. Нѣтъ, совѣтую тебѣ оставить свои подозрѣнія; я, все равно, не повѣрю имъ; даже, напротивъ, съ этого дня удвою награды, назначу ему пенсію въ тысячу цехиновъ ежемѣсячно, да и того все еще мало... Еслибъ я раздѣлилъ съ нимъ всѣ свои сокровища, отдалъ ему полцарства, и тогда далеко не расплатился бы съ нимъ. Вѣдь я догадываюсь, въ чемъ дѣло: несравненныя достоинства Дубана возбуждаютъ въ тебѣ зависть? Но пожалуйста не воображай, чтобы меня такъ легко было склонить къ несправедливости. Слишкомъ памятны мнѣ слова одного великаго визиря, сказанныя имъ царю Синдбаду,

когда тотъ намѣревался предать казни царевича, своего сына, по навѣтамъ его злобной мачихи.—А дозволено ли мнѣ будетъ узнать, какія это слова? промолвилъ визирь, котораго рѣчи царя приводили уже въ трепетъ.—Вотъ что онъ сказалъ своему повелителю, отвѣтилъ царь: „Казнить, пожалуй, не долго, но долго потомъ придется раскаяваться“, и въ подтвержденіе привелъ ему такой случай:

Разсказъ о ревнивомъ мужѣ и о говорящемъ попугаѣ.

У одного добраго мусульманина была красавица жена; любилъ онъ ее страстно, но за то и ревновалъ такъ, что ни на одну минуту не спускалъ съ глазъ и слѣдилъ за каждымъ ея шагомъ. И вотъ, однажды, ему представилась необходимость надолго отлучиться изъ дому по какому то важному дѣлу; боялся онъ оставить жену безъ надзора и сталъ думать, какъ бы устроить такъ, чтобы кто нибудь постоянно наблюдалъ за ней въ его отсутствіе, она же и не подозрѣвала бы о такомъ наблюденіи. Наконецъ придумалъ: пошелъ онъ на базаръ, гдѣ продавались птицы всевозможныхъ породъ, и тамъ купилъ себѣ такого попугая, который не только повторялъ заученныя слова, но и передавалъ все видѣнное имъ и слышанное. Въ восторгѣ отъ своей покупки, мужъ принесъ попугая домой и попросилъ жену, чтобъ она заботилась о немъ и помѣстила его съ клѣткой въ своей спальнѣ. Затѣмъ, простившись, уѣхалъ съ успокоеннымъ сердцемъ.

По возвращеніи, онъ первымъ дѣломъ сталъ допрашивать попугая, и болтливая птица разсказала ему такія вещи, что мужъ обезумѣлъ отъ ревности и бросился къ женѣ съ гнѣвными ругательствами и угрозами. Та сперва заподозрила въ измѣнѣ своихъ служанокъ, но всѣ онѣ поклялись ей Богомъ въ своей невиновности и потомъ, послѣ тщательнаго обсужденія, порѣшили сообща, что никто другой не могъ выдать ихъ госпожу, кромѣ проклятаго попугая.



Согласившись съ этимъ предположеніемъ, жена стала придумывать, какъ бы уничтожить подозрѣнія мужа и въ то же время отомстить предателю-попугаю. Хитрый замыселъ скоро созрѣлъ, и при первой же не долгой отлучкѣ хозяина она велѣла одной изъ своихъ рабынь вертѣть всю ночь напролетъ ручную мельницу надъ самой клѣткой, другой—въ тоже время орошать ее сверху брызгами воды въ видѣ дождя; и наконецъ третьей—постоянно повертывать вправо и влѣво передъ глазами птицы небольшое зеркало, въ которомъ отражалось бы пламя свѣчи. Рабыни въ точности исполняли всю ночь приказаніе своей госпожи, и она осталась вполнѣ довольна ихъ неутомимой ловкостью.

На слѣдующій день мужъ вернулся и тотчасъ же опять обратился съ допросомъ къ попугаю, но на этотъ разъ получилъ отъ него совсѣмъ несообразный отвѣтъ:—Не знаю, господинъ мой, ничего не знаю. Молніи всю ночь ослѣпляли меня, громъ гремѣлъ и дождь поливалъ надо мной, не давая мнѣ ни видѣть, ни слышать, ни заснуть.

Такъ какъ на самомъ дѣлѣ въ эту ночь не было ни грома, ни дождя, то хозяину стало ясно, что попугай болтаетъ вздоръ, и что его прежнее донесеніе о поступкахъ жены должно быть также ложно. Тогда, въ порывѣ досады, онъ выхватилъ его изъ клѣтки и, съ розмаха ударивъ объ полъ, убилъ наповалъ. Однако, впослѣдствіи онъ узналъ навѣрное отъ своихъ сосѣдей, что несчастный попугай разсказалъ ему истинную правду о поведеніи его жены, и сталъ горько раскаиваться въ своемъ жестокомъ и несправедливомъ поступкѣ. — „А ты, визирь, сказалъ въ заключеніе греческій царь, изъ одной только низкой зависти хочешь погубить врача Дубана, не сдѣлавшаго тебѣ никакого зла; но еслибы я имѣлъ слабость поддаться твоимъ кознямъ, мнѣ навѣрное пришлось бы раскаиваться потомъ еще болѣе, чѣмъ этому обманутому мужу. Между тѣмъ, коварный визирь слишкомъ горячо желалъ гибели врача Дубана, чтобы остановиться на своей первой, неудачной попыткѣ.—„Государь“, возразилъ онъ, „мнѣ кажется, смерть попугая настолько ничтожна, что никто не сталъ бы и думать о ней, не только что горевать; а въ настоящемъ важномъ дѣлѣ никакія опасенія не должны удерживать тебя отъ справедливой кары. Одного обвиненія въ преступномъ замыслѣ противъ монарха уже достаточно, чтобы по закону и праву лишить жизни обвиняемаго; тутъ даже простое подозрѣніе должно обращаться въ увѣренность, и въ такихъ случаяхъ лучше пожертвовать невиннымъ, чѣмъ пощадить виновнаго. Но все это я говорю вообще, въ преступности же врача Дубана не можетъ быть никакого сомнѣнія, — онъ дѣйствительно покушается на твою жизнь, и, клянусь, не зависть вооружаетъ меня противъ него, а глубокая преданность своему повелителю, усердное желаніе уберечь его отъ опасности. Если донесеніе мое ложно, я готовъ признать себя за-

служивающимъ такого же наказанія, какому подвергся визирь одного восточнаго преданія".—„Какое же это было наказаніе, и чѣмъ заслужилъ его визирь?" спросилъ царь. — „Съ дозволенія твоего, государь, я передамъ тебѣ подробно это сказаніе", отвѣтилъ визирь, „благоволи же меня выслушать".

Разсказъ о наказанномъ визирѣ.

У одного царя былъ сынъ, страстно любившій охоту. Отецъ, не воспрещая ему этой забавы, повелѣлъ своему первому визирю слѣдовать за нимъ всюду и всегда быть готовымъ на защиту въ случаѣ опасности. Во время одной охоты, когда доѣзжачіе выгнали оленя на лѣсную опушку, царевичъ, увѣренный, что визирь по обыкновенію не отстанетъ отъ него, пустилъ своего коня во весь опоръ въ погоню за быстроно-

гимъ животнымъ. И такъ долго скакалъ онъ, увлекаемый охотничьимъ пыломъ, что далеко оставилъ за собой всю свою свиту и очутился среди поля одинъ. Наконецъ онъ остановился и, оглядѣвшись кругомъ, съ тревогой замѣтилъ, что сбился съ дороги и потерялъ изъ виду всѣхъ своихъ охотниковъ; не зная, въ какой сторонѣ искать отставшаго визиря, онъ повернулъ своего коня назадъ, поѣхалъ наудачу, долго блуждалъ, не разбирая путей, и наконецъ попалъ въ невиданное и невѣдомое мѣсто. Тамъ, на поворотѣ глухой дороги, ему встрѣтилась женщина — молодая, красивая, но въ глазахъ ея были слезы и печаль на лицѣ. Царевичъ осадилъ коня и сталъ ее спрашивать: кто она, откуда, зачѣмъ зашла одна въ это пустынное мѣсто и не нуждается ли въ помощи? Отвѣчала она ему: —„Я дочь индійскаго царя; въ жаркій полдень каталась я верхомъ по полямъ и лугамъ и вдругъ заснула, а заснувъ, упала на землю; конь мой умчался, и я не знаю гдѣ его найти". Царевичъ сжалился надъ ней и предложилъ посадить ее сзади на свое сѣдло. Она согласилась.

Когда они подъѣхали къ какой то убогой лачугѣ, затерянной среди лѣса, незнакомка выразила желаніе сойти съ коня, чтобы немного отдохнуть; царевичъ остановился, помогъ ей спуститься съ сѣдла, но лишь

только она скрылась за дверью, онъ тоже сошелъ съ коня и, ведя его въ поводу, послѣдовалъ за ней. Вдругъ изнутри жилища ему послышался смѣшанный говоръ, въ которомъ онъ ясно различилъ голосъ своей спутницы, различилъ и слова, оледѣнившія его ужасомъ: —„Радуйтесь, дѣтки мои, говорила она, я добыла вамъ рослаго, здороваго, мясистаго молодца". Въ отвѣтъ раздались восклицанія: „Гдѣ же онъ, мама, гдѣ? Веди его сюда! съѣдимъ поскорѣй,—мы до смерти голодны!"

Довольно было того, что услыхалъ царевичъ, чтобы понять, какая страшная опасность ему угрожала. Онъ уже не сомнѣвался, что мнимая дочь индійскаго царя ни что иное, какъ людоѣдка, женщина изъ породы тѣхъ дикихъ демоновъ, тѣхъ страшныхъ чудовищъ, что гнѣздятся въ самыхъ глухихъ, пустынныхъ мѣстахъ, чтобы съ помощью различныхъ хитростей заманивать одинокихъ путниковъ и пожирать ихъ. Внѣ себя отъ ужаса, онъ поспѣшно вскочилъ на коня, но въ ту же минуту мнимая царевна появилась на порогѣ и, увидавъ, что добыча ея ускользаетъ, возопила: „Куда жь ты, куда? Не бойся, остановись! Скажи мнѣ, кто ты и чего ищешь въ этой странѣ?"—„Я одинокій путникъ, отставшій отъ своихъ товарищей, а ищу потерянной дороги", отвѣчалъ царевичъ. „Такъ отдайся на волю своего Бога", сказала она съ насмѣшкой. Тогда царевичъ возвелъ глаза къ небу и проговорилъ: „Всемогущій владыко! Воззри на мою безпомощность и спаси меня отъ лютыхъ враговъ". При первыхъ же словахъ этой молитвы людоѣдка скрылась за дверью, и успокоенный царевичъ могъ безпрепятственно выбраться изъ проклятой трущобы. Скоро ему удалось отыскать настоящую дорогу; онъ благополучно возвратился къ царю, своему отцу, и разсказалъ ему во всѣхъ подробностяхъ о смертельной опасности, угрожавшей ему по винѣ нерадиваго визиря. Разгнѣванный царь, даже не допустивъ никакихъ оправданій ослушника, повелѣлъ задушить его въ ту же минуту.

— Это преданіе, государь, заключилъ визирь греческаго царя, легко примѣняется и къ врачу Дубану; твое милостивое, слѣпое довѣріе къ нему можетъ оказаться для тебя пагубнымъ; мнѣ извѣстно изъ вѣрныхъ источниковъ, что это шпіонъ, подосланный твоими врагами съ цѣлью вывѣдать положеніе государства и затѣмъ лишить тебя жизни. Въ опроверженіе этого ты указываешь на свое видимое излѣченіе, но, Боже мой! можно ли быть увѣреннымъ, что оно дѣйствительное, а не ложное? Можно ли поручиться, что лѣкарство это съ теченіемъ времени не произведетъ обратнаго, пагубнаго дѣйствія?

Греческій царь, отъ природы слабый и умомъ, и волей, не распозналъ злаго умысла въ этой хитрой рѣчи; она поколебала въ немъ благодарное чувство, заронила сомнѣніе въ его нетвердую душу. „Да это такъ", проговорилъ онъ въ раздумьѣ, „твои подозрѣнія, визирь, кажутся мнѣ основательными; очень легко можетъ быть, что Дубанъ злоумышлялъ

противъ моей жизни, тѣмъ болѣе что она въ его рукахъ; вѣдь однимъ запахомъ какого нибудь своего снадобья онъ можетъ убить меня незамѣтно. Да, надо хорошенько обсудить это дѣло".

Видя, что царь начинаетъ поддаваться его вліянію, визирь поспѣшилъ воспользоваться благопріятной минутой. „Въ настоящемъ случаѣ, государь", сказалъ онъ, „быстрота дѣйствія есть самое лучшее и самое вѣрное средство упрочить твое спокойствіе и обезопасить твою драгоцѣнную жизнь; поэтому слѣдуетъ, не теряя времени, вызвать сюда врача Дубана и отрубить ему голову, какъ только онъ войдетъ".—„Дѣйствительно", согласился царь, „этимъ только и можно предотвратить его злоумышленіе". И, остановившись на этомъ рѣшеніи, онъ кликнулъ одного изъ своихъ слугъ и приказалъ ему немедленно призвать во дворецъ врача Дубана; послѣдній же, не подозрѣвая, зачѣмъ его требуетъ повелитель, поспѣшно явился на его призывъ.

Царь встрѣтилъ его такимъ вопросомъ: „Знаешь ли ты, врачъ, зачѣмъ я призвалъ тебя?" — „Нѣтъ, государь, не знаю, но жду твоего милостиваго повелѣнія".—„Такъ узнай же", торжественно объявилъ монархъ, „что я желаю пресѣчь твои злодѣйскіе замыслы лишеніемъ тебя жизни".

Этотъ нежданный смертный приговоръ, услышанный изъ устъ царя, недавняго благодѣтеля, поразилъ несчастнаго врача сильнѣе громоваго удара. „О, милостивый повелитель!" воскликнулъ онъ, „я не вѣдаю никакихъ замысловъ.... За что же, за какое преступленіе ты хочешь казнить своего вѣрнаго слугу?"—„Я узналъ несомнѣнно", продолжалъ царь, „что ты вражескій шпіонъ и явился къ моему двору съ единственной цѣлью умертвить меня; но твоя собственная смерть предотвратитъ мою. Совершай свое дѣло, закончилъ онъ, обращаясь къ заранѣе призванному палачу, избавь меня однимъ ударомъ отъ этого злодѣя".

Тутъ понялъ врачъ, что всѣ почести и щедрыя награды, выпавшія на его долю, послужили только къ тому, чтобы, возбуждая зависть, создать ему враговъ, и что этимъ врагамъ удалось оклеветать его передъ слабымъ царемъ. И горько пожалѣлъ онъ, что исцѣлилъ его отъ проказы, но то было уже запоздалымъ сожалѣніемъ. „Такъ вотъ какъ отплачиваешь ты, государь, за сдѣланное тебѣ добро!" воскликнулъ онъ съ горечью. Но царь, уже не слушая его, снова повторилъ свое жестокое приказаніе палачу. Тогда, въ своемъ отчаяніи, врачъ прибѣгнулъ къ смиреннымъ мольбамъ. „Умилосердись, государь", возопилъ онъ, „продли мою жизнь, и Богъ продлитъ твою; не убивай меня хотя изъ страха, чтобы правосудный Господь не воздалъ тебѣ тѣмъ же".

На этомъ мѣстѣ рыбакъ прервалъ свою повѣсть. „Замѣчаешь ли ты", сказалъ онъ духу, „какъ сходно это событіе съ тѣмъ, что произошло сейчасъ между нами?" И затѣмъ продолжалъ снова:

— Но греческій царь, не внимая мольбамъ врача, заклинавшаго его именемъ Бога, отвѣтилъ сурово: „Нѣтъ, нѣтъ, мое слово неизмѣнно. Ты опасенъ, потому что можешь уморить меня еще искуснѣе, чѣмъ вылечилъ“.

Между тѣмъ, несчастная жертва, обливаясь слезами и горько жалуясь на несправедливость царя, уже готовилась къ смерти; палачъ завязалъ ей глаза, скрутилъ руки веревкой и вынулъ свой мечъ изъ ноженъ.

Тогда придворные, движимые чувствомъ состраданія, стали умолять царя о помилованіи, увѣряя и ручаясь въ невиновности врача. Но царь остался непоколебимъ и такъ грозно возразилъ на ихъ просьбы, что всѣ смолкли разомъ.

Врачъ, стоя на колѣняхъ, съ завязанными глазами, и ожидая каждую секунду смертельнаго удара, снова обратился къ царю:—Государь, благоволи выслушать мое послѣднее слово, сказалъ онъ;—если уже смерть моя неминуема, то отпусти меня домой хотя на одинъ только день, чтобы я могъ проститься навѣки съ своей семьей, сдѣлать распоряженіе о своемъ погребеніи, раздать милостыню нищимъ и завѣщать свои книги ученымъ, способнымъ извлечь изъ нихъ общую пользу. Одну изъ этихъ книгъ я желалъ бы принести въ даръ твоему величеству; это—драгоцѣнная книга, достойная занять мѣсто въ твоей сокровищницѣ. — А чѣмъ же она такъ драгоцѣнна? спросилъ царь. — Тѣмъ, государь, отвѣчалъ врачъ, что она полна чудесныхъ свойствъ, и главное изъ нихъ заключается въ томъ, что если ты раскроешь книгу на шестомъ листѣ и прочтешь третью строку лѣвой страницы, то голова моя, отсѣченная отъ тѣла, будетъ отвѣчать на всѣ твои вопросы.—Царь, желая увидать такое чудо, отложилъ казнь до слѣдующаго дня и отпустилъ врача домой подъ крѣпкимъ конвоемъ. Обреченный на смерть привелъ въ порядокъ всѣ свои дѣла и приготовился перейти въ иной міръ, какъ подобаетъ правовѣрному. Между тѣмъ по всему городу уже распространился слухъ о невиданномъ чудѣ, которое должно совершиться послѣ казни врача, и на слѣдующій день въ тронной залѣ собрались всѣ визири *), эмиры **), тѣлохранители,—словомъ, весь многочисленный придворный штатъ.

Вскорѣ, въ сопровожденіи стражи, появился врачъ Дубанъ и приблизился къ подножію царскаго трона съ огромною книгой въ рукахъ. Онъ потребовалъ большой сосудъ и положилъ въ него кожаную обертку книги, самые же листы вручилъ царю, сказавъ при этомъ:—Вотъ, государь, мой предсмертный даръ твоему величеству. Какъ только голова

---

*) Члены совѣта, въ которомъ главенство предоставляется первому визирю, или министру.

**) Гражданскіе сановники.

моя отдѣлится отъ тѣла, вели положить ее на обертку въ этотъ сосудъ; кровь тогда остановится мгновенно, а вслѣдъ за тѣмъ ты откроешь книгу, какъ я уже сказалъ, и голова моя отвѣтитъ на всѣ твои вопросы. Но, государь, дозволь мнѣ еще разъ прибѣгнуть къ твоему милосердію. Склонись на мою мольбу во имя Бога святого,—клянусь, что я ни въ чемъ неповиненъ передъ тобой. — Нѣтъ! повторилъ царь, всѣ мольбы твои напрасны; я предалъ бы тебя казни уже ради одного того, чтобы услыхать, какъ будетъ отвѣчать мнѣ твоя мертвая голова. — Сказавъ это, онъ принялъ книгу изъ рукъ обреченнаго и повелѣлъ палачу немедленно исполнить свое дѣло.

Голова была отрублена такъ ловко, что сама скатилась прямо на обертку въ сосудѣ, и въ то же мгновеніе кровь остановилась. Тогда, къ великому удивленію царя и всѣхъ зрителей, мертвые глаза открылись, а уста произнесли:—Раскрой же книгу, государь.—Царь повиновался, но при этомъ ему встрѣтилось затрудненіе на первомъ же листѣ, который оказался словно склееннымъ со вторымъ, точно также, какъ и слѣдующіе; поэтому, чтобы легче перевертывать ихъ, царь долженъ былъ подносить палецъ къ губамъ и омачивать его своей слюной. Открывъ такимъ образомъ шестой листъ и увидавъ совершенно пустую страницу на лѣвой сторонѣ, онъ удивленно воскликнулъ:—Да что же это значитъ? Тутъ ровно ничего не написано!—Переверни еще нѣсколько листовъ.— отвѣтила голова. — Царь продолжалъ повертывать, все поднося палецъ къ губамъ до тѣхъ поръ, пока ядъ, которымъ каждый листъ былъ пропитанъ, не произвелъ своего страннаго дѣйствія. Тогда словно пламя разлилось мгновенно по всѣмъ внутренностямъ царя, зрѣніе его помутилось, и въ жестокихъ конвульсіяхъ онъ скатился къ подножію своего трона.

Когда врачъ Дубанъ или, лучше сказать, его отсѣченная голова

увидала, что ядъ подѣйствовалъ, и жизни царю осталось уже не болѣе, какъ на нѣсколько минутъ, изъ мертвыхъ устъ ея вылетѣли такія слова: Ка̀знись, тиранъ! Вотъ какъ небесный Царь караетъ земныхъ царей, когда, употребляя во зло свою власть, они губятъ неповинныхъ. Рано или поздно, никакая несправедливость, никакое злодѣяніе не остаются безъ возмездія.—Вслѣдъ за этими словами, смерть поразила царя, а въ тоже мгновеніе и отсѣченная голова утратила свой послѣдній остатокъ жизни.

— И вотъ, государь, продолжала Шехеразада, все обращаясь къ султану Шахріару, окончивъ свою повѣсть о греческомъ царѣ и о врачѣ Дубанѣ, рыбакъ снова примѣнилъ ее къ злому духу, который оставался заключеннымъ въ сосудѣ.

— Еслибы греческій царь, сказалъ онъ ему, не лишилъ жизни безвиннаго врача, то и его самого не постигла бы небесная кара; но онъ безжалостно отвергъ всѣ мольбы своей жертвы и за то получилъ достойное возмездіе. Все это какъ нельзя болѣе примѣнимо къ тебѣ, злобный духъ! Еслибы ты пощадилъ меня, то теперь и самъ былъ бы свободенъ; но такъ какъ, вмѣсто благодарности за мою великую услугу, ты упорствовалъ въ своемъ намѣреніи отплатить мнѣ смертью, то и я буду безпощаденъ къ тебѣ въ свой чередъ. Закупоренный въ этомъ сосудѣ и брошенный въ море, ты будешь томиться безъ свѣта и воздуха до конца вѣковъ. Вотъ какое наказаніе ожидаетъ тебя.—Рыбакъ, другъ мой! взмолился духъ, не совершай такого жестокаго дѣла. Вспомни божественную заповѣдь, которая учитъ платить за зло не мщеніемъ, а добромъ; не слѣдуй примѣру Иммы въ его поступкѣ съ Атэкой.—А что же сдѣлалъ этотъ Имма? спросилъ рыбакъ. — О, если ты хочешь узнать это, отвѣчалъ духъ, то прежде всего выпусти меня изъ сосуда; въ такой тѣсной тюрьмѣ не совсѣмъ удобно разсказывать сказки, а я разскажу ихъ тебѣ охотно и сколько угодно, только возврати мнѣ свободу.— Нѣтъ, этого то ужь не дождешься! твердо сказалъ рыбакъ; и такъ давно пора мнѣ отправить тебя на дно морское.—Погоди, еще одно послѣднее слово! воскликнулъ духъ; клянусь, что не сдѣлаю тебѣ никакого вреда,— напротивъ, я научу тебя, какъ пріобрѣсть несмѣтное богатство.

Надежда на освобожденіе отъ гнета бѣдности обезоружила горемыку рыбака. — Еслибы только я могъ положиться на твое слово, сказалъ онъ въ раздумьѣ; впрочемъ, вотъ что: поклянись мнѣ великимъ именемъ Бога исполнить честно свое обѣщаніе, тогда я открою сосудъ. Не думаю, чтобы ты дерзнулъ нарушить такую клятву.—Духъ поклялся, и рыбакъ тотчасъ же снялъ крышку. Опять поднялся на воздухъ сѣроватый дымъ, геній быстро принялъ свой прежній видъ и первымъ дѣломъ столкнулъ сосудъ въ море своей гигантской ногой. Рыбакъ испугался.— Что же это значитъ? воскликнулъ онъ тревожно, неужели ты не соблюдешь своей клятвы?

Геній разсмѣялся надъ испугомъ рыбака и отвѣтилъ:—Успокойся, храбрецъ, моя клятва для меня священна, и я не трону тебя, сосудъ же бросилъ въ море только ради шутки, да чтобы посмотрѣть, какъ ты струсишь. Теперь бери свои сѣти и слѣдуй за мной. — И онъ пошелъ впередъ, рыбакъ же, взваливъ сѣти на плечи, послѣдовалъ за нимъ съ нѣкоторымъ колебаніемъ. Они прошли мимо города, взобрались на вершину горы и спустились оттуда въ обширную долину, которая привела ихъ къ озеру, расположенному между четырьмя холмами.

Когда они подошли къ самому берегу озера, геній сказалъ рыбаку:—Закидывай свои сѣти и лови.—На этотъ разъ рыбакъ не сомнѣвался въ удачѣ, такъ какъ огромное количество рыбъ всплывало даже на поверхность воды, при чемъ его особенно удивляло то, что онѣ всѣ одной формы, но четырехъ различныхъ цвѣтовъ. Онъ закинулъ сѣти и вытащилъ только четыре рыбы — бѣлую, красную, голубую и желтую. Никогда еще не видавъ ничего подобнаго, онъ не могъ на нихъ наглядѣться и радостно смекалъ въ умѣ, что должна стоить такая диковина.— Возьми этихъ рыбъ, сказалъ ему геній, и отнеси своему султану; онъ дастъ тебѣ за нихъ столько денегъ, сколько у тебя не перебывало за всю твою жизнь. Затѣмъ ежедневно ты можешь ловить рыбу въ этомъ озерѣ, но только, предупреждаю тебя, никогда не закидывай сѣтей болѣе одного раза въ день, иначе тебѣ будетъ худо; если же ты послѣдуешь моему совѣту, то достигнешь обѣщаннаго богатства. Прощай же и будь остороженъ. — Сказавъ это, геній ударилъ ногой о землю, она разверзлась подъ нимъ и, поглотивъ его, снова закрылась.

Рыбакъ, намѣреваясь послѣдовать въ точности совѣту генія, не сталъ закидывать сѣтей въ другой разъ, а пошелъ обратно въ городъ, во всю дорогу, раздумывая о своемъ чудесномъ приключеніи и радуясь его счастливому исходу. Онъ прямо отправился къ дворцу и передалъ своихъ рыбъ одному изъ придворныхъ, съ просьбой предложить ихъ самому султану.

— Ты можешь представить себѣ, государь, продолжала Шехеразада, какъ долженъ былъ удивиться султанъ, когда ему поднесли невиданныхъ рыбъ. Онъ бралъ ихъ въ руки одну за другой, внимательно разсматривалъ и наконецъ, налюбовавшись вдоволь, сказалъ своему визирю:—Передай этихъ рыбъ той искусной поварихѣ, что прислалъ мнѣ въ подарокъ греческій царь; пусть она приготовитъ ихъ къ обѣду; я увѣренъ, что и на вкусъ онѣ будутъ такъ же хороши, какъ на взглядъ.— Визирь самъ отнесъ ихъ поварихѣ. — Вотъ тебѣ четыре рыбы, сказалъ онъ, кладя ихъ на кухонный столъ,— его величество приказалъ какъ можно лучше приготовить изъ нихъ блюдо къ обѣду. — Исполнивъ это порученіе, онъ вернулся къ султану и получилъ отъ него приказаніе выдать рыбаку четыреста золотыхъ монетъ, что тоже исполнилъ точно

и вѣрно. Никогда еще бѣднягѣ не приходилось не только имѣть, но даже видѣть такую огромную сумму, и сначала нежданное счастіе казалось ему сномъ; онъ только тогда повѣрилъ въ его дѣйствительность, когда, съ помощью этого золота, прежняя нужда и бѣдствія его семьи ощутительно обратились въ довольство.

Теперь, государь, продолжала Шехеразада, я должна перейти въ своемъ разсказѣ отъ рыбака къ поварихѣ султана, которая находилась въ немаломъ затрудненіи. Очистивъ, какъ слѣдуетъ, всѣ четыре рыбы, принесенныя визиремъ, она положила ихъ въ большую кастрюлю, облила масломъ и поставила жарить на огонь; давъ имъ время хорошенько зарумяниться съ одной стороны, она перевернула ихъ на дру-

гую, и вдругъ—чудо неслыханное!... Только что успѣла она перевернуть ихъ, кухонная стѣна раздвинулась, и изъ ея отверстія вышла молодая, стройная, какъ пальма, очаровательная красавица, въ платьѣ изъ египетской атласной матеріи, затканной цвѣтами; въ ушахъ ея сверкали драгоцѣнныя серьги, шею обвивало жемчужное ожерелье, а бѣлыя, прекрасныя руки были унизаны до плечъ золотыми запястьями съ крупными изумрудами и рубинами. Держа въ правой рукѣ миртовую палочку, она подошла къ кастрюлѣ, около которой стояла оцѣпенѣлая отъ изумленія повариха, и, прикоснувшись концомъ своей палочки къ одной изъ рыбъ, проговорила: — Рыбица, рыбица! Сознаешь ли свой долгъ? — Отвѣта не

было, и черезъ минуту она повторила тѣ же слова; тогда всѣ четыре рыбы разомъ подняли головы и въ одинъ голосъ внятно отвѣтили:—Долгъ нашъ—мщеніе. Настанетъ часъ, и враги наши погибнутъ, а мы восторжествуемъ. Лишь только онѣ произнесли эти слова, красавица быстрымъ движеніемъ опрокинула кастрюлю и скрылась въ отверстіи стѣны, которая тотчасъ же сдвинулась за ней и приняла прежній видъ.

Тогда повариха, испуганная всѣми этими чудесами, пришла въ себя, хотѣла вынуть рыбъ, упавшихъ въ огонь, но онѣ стали чернѣе угля и уже не могли быть поданы къ царскому столу. Горько опечалилась она и, заливаясь слезами, воскликнула: — Богъ мой милосердый! что то будетъ мнѣ за это?! Не повѣритъ султанъ, если я разскажу ему, что видѣла, не повѣритъ ни за что и прогнѣвается!...

А въ то время, какъ она сокрушалась и плакала, вошелъ визирь и спросилъ, готовы ли у нея рыбы. — Ихъ ужь и слѣда не осталось. отвѣтила повариха и со слезами разсказала объ удивительномъ событіи. Недовѣрчиво выслушавъ ея разсказъ, визирь не рѣшился повторить его султану, а придумалъ что то въ извиненіе поварихи; затѣмъ тотчасъ же призвалъ рыбака и сказалъ ему: — Слушай, рыбакъ, вылови поскорѣй еще четырехъ рыбъ, да смотри, чтобы онѣ были точь въ точь такія же какъ первыя. По одному несчастному случаю ихъ не удалось подать къ столу его величества.—Рыбакъ не сказалъ ни слова о предостереженіи духа, но, чтобы уклониться на этотъ день отъ вторичной ловли, извинился дальностью разстоянія и обѣщалъ принести требуемыхъ рыбъ на слѣдующее утро.

Заря еще не занималась, когда рыбакъ отправился къ озеру, а раннимъ утромъ закинулъ въ него сѣти и, вытащивъ ихъ на берегъ, къ великой своей радости, снова нашелъ четырехъ такихъ же разноцвѣтныхъ рыбъ. Не медля ни минуты, онъ поспѣшилъ доставить ихъ во дворецъ къ назначенному сроку. Визирь, какъ и наканунѣ, самъ принялъ эту рѣдкость, но отнесъ ее уже не къ султану, а прямо въ кухню, гдѣ заперъ за собою дверь и, оставшись вдвоемъ съ поварихой, сталъ наблюдать за всѣми ея дѣйствіями. Она точно также старательно вычистила рыбы одну за другой, положила ихъ всѣхъ въ большую кастрюлю и, обливъ масломъ, поставила на огонь. Только что поджарились онѣ съ одной стороны и она перевернула ихъ на другую, какъ стѣна снова раздвинулась, и появилась вчерашняя красавица съ миртовой палочкой въ рукѣ; она подошла къ кастрюлѣ и прикоснулась къ одной изъ рыбъ, повторяя тотъ же вопросъ, на который всѣ четыре, поднявъ головы, отвѣтили разомъ тѣми же словами.

Тогда она снова опрокинула кастрюлю ударомъ своей палочки и тотчасъ же, какъ наканунѣ, скрылась въ отверстіи стѣны. Пораженный визирь уже не могъ не повѣрить своимъ собственнымъ глазамъ. Это

событіе настолько удивительно и необычайно, сказалъ онъ, что его не слѣдуетъ утаивать отъ султана; пойду сейчасъ доложу ему обо всемъ. — Онъ пошелъ и подробно донесъ своему повелителю о видѣнномъ чудѣ.

Султанъ тоже удивился не мало и выразилъ нетерпѣливое желаніе провѣрить лично дѣйствительность такого чудеснаго событія, для чего въ ту же минуту послалъ за рыбакомъ. — Другъ мой, милостиво сказалъ онъ ему, не можешь ли ты принесть мнѣ еще четыре рыбы различныхъ цвѣтовъ?—Рыбакъ отвѣчалъ, что если его величеству угодно будетъ предоставить ему на это три дня, то онъ надѣется исполнить его желаніе.

Получивъ согласіе султана, рыбакъ въ третій разъ пошелъ къ озеру, вновь закинулъ сѣти, и ловля оказалась не менѣе удачной, такъ какъ ему сразу попались четыре такія же разноцвѣтныя рыбы, которыя онъ и поспѣшилъ тотчасъ же отнести во дворецъ. Султанъ принялъ ихъ тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ, что не ожидалъ получить такъ скоро, и велѣлъ выдать рыбаку еще четыреста золотыхъ монетъ изъ своей казны.

Затѣмъ, по распоряженію султана, рыбы были отнесены въ его отдѣльный покой вмѣстѣ со всѣмъ необходимымъ для того, чтобы ихъ исжарить. Тамъ, запершись вдвоемъ съ своимъ визиремъ, онъ велѣлъ ему сдѣлать все, что дѣлала повариха, и тотъ очистилъ рыбъ, положилъ въ кастрюлю, полилъ масломъ и поставилъ на огонь, а когда онѣ поджарились съ одной стороны, перевернулъ ихъ на другую. Тогда стѣна царской палаты тоже раздвинулась, но вмѣсто молодой женщины изъ отверстія вышелъ черный негръ въ одеждѣ раба; онъ былъ гигантскаго роста, громадныхъ размѣровъ и держалъ въ рукѣ толстую, зеленую палку. Однимъ шагомъ подойдя къ кастрюлѣ и толкнувъ своей палкой одну изъ рыбъ, онъ сказалъ ей страшнымъ голосомъ:—Рыбица, рыбица! Сознаешь ли свой долгъ? — Опять всѣ четыре рыбы подняли головы и разомъ отвѣчали: — Долгъ нашъ—мщеніе. Настанетъ часъ, и враги наши погибнутъ, а мы восторжествуемъ.

Лишь только были произнесены эти слова, черный гигантъ ударилъ своей палкой по кастрюлѣ и, опрокинувъ ее въ огонь, обратилъ въ уголь всѣхъ рыбъ. Затѣмъ онъ шагнулъ обратно и исчезъ въ отверстіе, будто ничего не бывало.

— Послѣ всего видѣннаго, сказалъ султанъ своему визирю, я не могу оставаться спокойнымъ. Въ этихъ рыбахъ навѣрное кроется какая нибудь необычайная тайна, и разъясненіе ея мнѣ необходимо: пошли сейчасъ же за рыбакомъ.—Тотъ не замедлилъ явиться на зовъ.

— Рыбакъ, сказалъ ему султанъ, твои рыбы тревожатъ меня и не даютъ мнѣ покоя. Гдѣ добылъ ты ихъ? — Государь, отвѣчалъ ры-

бакъ: я выловилъ ихъ сѣтями изъ озера, окруженнаго четырьмя холмами, за той высокой горой, что видна отсюда.

— Извѣстно ли тебѣ это озеро? спросилъ султанъ своего визиря, и тотъ отвѣтилъ:—Нѣтъ, государь, я даже никогда не слыхалъ о немъ; а между тѣмъ, уже лѣтъ шестьдесятъ сряду постоянно охочусь въ окрестностяхъ этой горы, бывалъ и по эту и по ту ея сторону. — На вопросъ султана, въ какомъ разстояніи отъ города находится озеро, рыбакъ отвѣтилъ, что до него не болѣе трехъ часовъ ходьбы. Полагаясь на это увѣреніе и разсчитавъ, что до наступленія ночи остается еще довольно времени, султанъ велѣлъ тотчасъ же сѣдлать коней для себя и для всей своей свиты и, въ сопровожденіи ея, отправился въ путь, который указывалъ рыбакъ, шедшій впереди.

Всѣ взобрались на гору и, спускаясь съ ея противоположной стороны, вдругъ съ удивленіемъ увидали обширную долину, никому до тѣхъ поръ невѣдомую. Наконецъ подъѣхали къ самому озеру, дѣйствительно окруженному четырьмя холмами, какъ говорилъ рыбакъ. Вода въ немъ была такъ свѣтла и прозрачна, что четырехцвѣтныя рыбы виднѣлись даже въ глубинѣ, и всѣ онѣ были точь въ точь похожи на тѣхъ, что рыбакъ приносилъ во дворецъ. Султанъ остановился на берегу и, полюбовавшись нѣсколько минутъ на диковинныхъ рыбъ, спросилъ своихъ эмировъ и всѣхъ другихъ придворныхъ, возможно ли, чтобы никто изъ нихъ никогда не видалъ этого озера, когда оно такъ близко отъ города. Всѣ въ одинъ голосъ отвѣтили, что во всю жизнь даже не слыхали о немъ. — Такъ какъ всѣ вы утверждаете, что это озеро явилось невѣдомо откуда, и меня самого оно удивляетъ не менѣе, чѣмъ васъ, сказалъ султанъ, то я рѣшилъ не возвращаться въ свой дворецъ до тѣхъ поръ, пока не узнаю, откуда взялось оно и почему въ немъ все такія необыкновенныя четырехцвѣтныя рыбы.

Затѣмъ онъ приказалъ своей свитѣ расположиться станомъ, и вскорѣ на берегу озера уже возникъ его царскій шатеръ, окруженный многочисленными палатками придворныхъ.

Когда ночь наступила и небо усѣялось яркими звѣздами, султанъ, оставшись подъ роскошнымъ шатромъ наединѣ съ своимъ довѣреннымъ визиремъ, повелъ такую рѣчь:—Не могу я успокоиться, визирь; мой умъ въ смущеніи и тревогѣ: это волшебное озеро, этотъ черный гигантъ, явившійся намъ изъ за стѣны, эти говорящія рыбы — до такой степени возбуждаютъ мое любопытство, что я не въ силахъ бороться съ нетерпѣливымъ желаніемъ удовлетворить его. Для этого я принялъ намѣреніе, которое хочу непремѣнно и безотлагательно исполнить. Сейчасъ же, подъ прикрытіемъ ночи, я одинъ удалюсь изъ лагеря, а тебѣ приказываю держать мое отсутствіе втайнѣ; оставайся подъ моимъ шатромъ, и завтра утромъ, когда мои эми-

ры и другіе придворные соберутся у входа, удали ихъ подъ тѣмъ предлогомъ, что я нездоровъ и желаю, чтобы меня не тревожили. Во всѣ послѣдующіе дни продолжай говорить имъ все то же, пока я не возвращусь.

Какъ ни старался визирь отклонить султана отъ его намѣренія, представляя ему и несомнѣнную опасность его, и вѣроятную безполезность, къ какимъ убѣдительнымъ доводамъ ни прибѣгалъ, султанъ оставался твердъ въ своемъ рѣшеніи, готовясь его осуществить; онъ смѣнилъ свою царскую одежду на болѣе удобную для пѣшехода, вооружился мечомъ и, дождавшись той минуты, когда затихъ весь лагерь, погрузившись въ крѣкій сонъ, пробрался неслышными шагами между палатками и одиноко отправился въ путь.

Безъ труда взобрался онъ на одинъ изъ четырехъ холмовъ, еще легче спустился съ него въ долину и продолжалъ идти все прямо, на обумъ, до самаго солнечнаго восхода. При свѣтѣ дня онъ увидалъ вдали какое то громадное зданіе и обрадовался, подумавъ, что можетъ быть узнаетъ тамъ о загадочномъ озерѣ. Подойдя ближе къ зданію, онъ остановился передъ нимъ въ изумленіи; то былъ великолѣпный дворецъ или, скорѣй, укрѣпленный замокъ, весь изъ полированнаго чернаго мрамора, съ крышей изъ тонкой стали, гладкой и отражающей, какъ зеркало. Восхищенный тѣмъ, что уже съ самаго начала пути ему встрѣчается предметъ, достойный любопытства, султанъ долго стоялъ передъ фасадомъ дворца, осматривая его внимательно, любуясь и удивляясь.

Громадныя двустворчатыя ворота вели на широкій дворъ, и одна половина ихъ была растворена; султанъ могъ войти свободно, но, предпочитая увѣдомить о своемъ прибытіи неизвѣстныхъ обитателей дворца, онъ постучался и сталъ выжидать. Прошло нѣсколько минутъ, а никто не откликнулся, никто не вышелъ; тогда, думая, что первый стукъ былъ слишкомъ слабъ, онъ повторилъ его сильнѣе, но и на этотъ разъ никого не увидалъ и не услыхалъ ничьего голоса; тутъ ужъ онъ сталъ стучать изо всѣхъ силъ, но кругомъ царила все таже мертвая тишина, нигдѣ не слышалось ни малѣйшаго звука. Султанъ сильно удивился, не допуская мысли, чтобы такое прекрасное жилище могло оставаться въ запустѣніи.—А впрочемъ, что же, подумалъ онъ, если тамъ нѣтъ никого, я буду въ безопасности, если же встрѣтится какой нибудь врагъ, мой мечъ защититъ меня.

Наконецъ султанъ прошелъ широкимъ дворомъ и сталъ подниматься, по мраморной лѣстницѣ. Хотя наружная дверь была тоже растворена, но, переступая черезъ порогъ, онъ счелъ нужнымъ громко крикнуть:— Кто здѣсь живой человѣкъ, пусть откликнется и дастъ пріютъ усталому путнику.—Три раза повторилъ онъ тотъ же громкій призывъ, но никто

на него не отозвался. Все болѣе и болѣе удивляясь такому странному безмолвію, онъ проходилъ по громаднымъ, великолѣпнымъ чертогамъ, нигдѣ не встрѣчая ни одной живой души. Для кого же эти затканные яркими шелками, узорчатые ковры, эти эстрады и диваны, покрытые драгоцѣнными тканями Мекки, эти легкія индійскія занавѣси на дверяхъ и на окнахъ, отливающія золотомъ и серебромъ? И вотъ вступилъ онъ въ волшебно-прекрасную залу, посреди которой былъ громадный бассейнъ съ литыми изъ золота львами по угламъ. Изъ пастей этихъ четырехъ львовъ струилась вода и, падая на мраморное дно, обращалась въ жемчужныя и алмазныя зерна, вторившія своей гармоничной розсыпью громкому плеску водомета, который, вырываясь изъ средины бассейна, достигалъ почти до самого купола, разукрашеннаго причудливыми арабесками.

Дворецъ съ трехъ сторонъ былъ окруженъ садомъ съ роскошными цвѣтниками, фонтанами, кіосками и множествомъ другихъ разнообразныхъ украшеній, а въ довершеніе его очаровательной прелести, безчисленныя стаи красивѣйшихъ птицъ всѣхъ породъ, цвѣтовъ и размѣровъ— непрестанно оглашали воздухъ своимъ стройнымъ, мелодичнымъ пѣніемъ, никогда не покидая чудеснаго сада, потому что тонкія, едва замѣтныя сѣти, раскинутыя въ вышинѣ надъ гигантскими деревьями и зданіемъ, не допускали ихъ улетѣть.

Долго бродилъ султанъ по дворцу и по саду, удивляясь и восхищаясь на каждомъ шагу; утомившись наконецъ, онъ сѣлъ отдохнуть на открытой верандѣ, выходившей въ цвѣтникъ, и тамъ, подъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго и видимаго, предался своимъ размышленіямъ, какъ вдругъ до слуха его долетѣли откуда то извнутри дворца жалобные человѣческіе стоны и вопли. Онъ сталъ напряженно прислушиваться и ясно различилъ въ этихъ вопляхъ такія слова:—О, когда же будетъ конецъ моему страданію?! Все отнято у меня разомъ, всѣ блага жизни, и только одно бѣдствіе неразлучно со мной... Какъ можетъ еще держаться жизнь въ моемъ жалкомъ тѣлѣ? О, безпощадный рокъ!.. пошли мнѣ хоть скорую смерть въ избавленіе!...

Тронутый этими горькими жалобами, султанъ поспѣшно всталъ и направился въ ту сторону, откуда онѣ доносились. Подойдя къ одной изъ внутреннихъ палатъ, онъ откинулъ тяжелый занавѣсъ, закрывавшій ея входъ, и увидалъ высокую эстраду, устланную коврами, на ней золотой тронъ, а на тронѣ прекраснаго юношу въ богатой царственной одеждѣ. Глубокая печаль выражалась въ его взорѣ и на страдальческомъ лицѣ. Когда султанъ приблизился къ нему и поклонился, юноша отвѣтилъ на поклонъ очень низкимъ наклоненіемъ одной головы, но съ мѣста не поднялся, а только печально проговорилъ, обращаясь къ султану:—По твоему величавому виду, неизвѣстный мой гость, я заключаю, что ты

достоинъ иного пріема: мнѣ слѣдовало бы встать тебѣ на встрѣчу и оказать всевозможныя почести; но этому препятствуетъ такая неодолимая сила, что я по неволѣ принужденъ нарушить подабающее тебѣ почтеніе. — Государь, отвѣчалъ ему султанъ, сердечно благодарю тебя за такое лестное мнѣніе обо мнѣ; что же касается причины, мѣшающей тебѣ встать, то, какова бы она ни была, я довѣрчиво принимаю твое извиненіе. Привлеченный твоими жалобами, проникнутый состраданіемъ къ твоему несчастію, я пришелъ предложить тебѣ свою помощь, дай Богъ, чтобы она зависѣла отъ моей воли и не превышала моихъ силъ, тогда я сдѣлалъ бы все, что только могу. Надѣюсь, ты не откажешься повѣдать мнѣ причину своего несчастія; но прежде всего я желалъ бы узнать о томъ загадочномъ озерѣ, что вдругъ появилось недалеко отсюда, и о его чудесныхъ четырехцвѣтныхъ рыбахъ, говорящихъ по человѣчески. Скажи мнѣ также, что́ это за дворецъ, и почему ты живешь въ немъ такъ одиноко?—Вмѣсто отвѣта на всѣ эти вопросы, юноша горько заплакалъ.—О, какъ измѣнчиво земное счастіе! воскликнулъ онъ; судьба словно забавляется униженіемъ тѣхъ, кого сама же возвысила, и нѣтъ такого человѣка, который могъ бы спокойно наслаждаться ея дарами, чья жизнь текла бы безмятежно и ясно до конца дней.

Глубоко тронутый султанъ снова выразилъ желаніе узнать причину такого безутѣшнаго отчаянія.—О, какъ же мнѣ не печалиться, какъ не горевать и не плакать неизсякаемыми слезами! воскликнулъ юноша и при этомъ, распахнувъ свою одежду, обнаружилъ, что онъ человѣкъ

только съ головы до пояса, вся же другая половина его туловища и ноги—не тѣло, а черный мраморъ.

Легко представить себѣ, государь, продолжала Шехеразада, какъ должно было поразить султана такое странное зрѣлище.—Ужасно, непостижимо! воскликнулъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ безмолвнаго изумленія; ты возбудилъ мое любопытство до крайней степени, и я сгораю нетерпѣніемъ услышать твою исторію; она, можетъ быть, откроетъ мнѣ и тайну озера съ его загадочными рыбами; къ тому же, всякое горе облегчается, когда его повѣряешь другому, это несомнѣнная истина,—разскажи-же мнѣ все, что было съ тобой, и мое участіе навѣрное послужитъ тебѣ нѣкоторымъ утѣшеніемъ.—Нѣтъ, возразилъ несчастный,—разсказъ о моихъ страданіяхъ не облегчитъ ихъ, а только усилитъ; но, не смотря на это, я не могу отказать тебѣ въ своемъ довѣріи, приготовь же заранѣе и слухъ свой, и разумъ, и даже зрѣніе къ такимъ ужасамъ, которые превосходятъ все, что можетъ создать человѣческое воображеніе.

Разсказъ молодаго царя Черныхъ Острововъ.

Отецъ мой, по имени Махмудъ, былъ царемъ этой страны, называвшейся государствомъ Черныхъ Острововъ, такъ какъ четыре сосѣдніе холма были еще недавно большими островами, а главный, престольный городъ моего отца стоялъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится озеро, возбуждающее твое любопытство. Изъ моего разсказа ты узнаешь, какимъ образомъ совершились всѣ эти превращенія.

Царь, отецъ мой, умеръ пятидесяти лѣтъ, мнѣ же тогда не было и семнадцати; но, вступивъ на престолъ по праву наслѣдія, я не замедлилъ вступить и въ бракъ; мой выборъ сразу остановился на моей двоюродной сестрѣ, первой красавицѣ во всемъ государствѣ, и я раздѣлилъ съ нею свое царское достоинство, отдавъ ей безраздѣльно всю любовь своего сердца. Она меня тоже любила или, по крайней мѣрѣ старалась увѣрить, что любитъ, а я вѣрилъ, и мое безоблачное счастіе ничѣмъ не нарушалось въ теченіе двухъ лѣтъ. Затѣмъ я сталъ замѣчать постепенное охлажденіе въ царицѣ—моей женѣ.

Однажды, когда она ушла купаться, въ самую жаркую полдневную пору, меня вдругъ склонило ко сну, и я въ полудремотѣ прилегъ на софу. Двѣ изъ ея прислужницъ помѣстились по обѣ стороны подушки и стали навѣвать на меня прохладу своими опахалами, отгоняя въ то же время назойливыхъ мухъ, которыя могли бы потревожить мой сонъ. Думая, что я заснулъ, онѣ тихо переговаривались между собой, но я очнулся отъ дремоты и, лежа съ закрытыми глазами, не проронилъ ни одного слова изъ ихъ рѣчей.

Одна изъ женщинъ сказала другой:—За что, подумаешь, не любитъ наша царица такого молодаго, красиваго мужа?—Да, удивитель-

но, отвѣтила другая, и не могу я понять, куда и зачѣмъ она уходитъ отъ него тайкомъ каждую ночь. Неужели онъ ничего не видитъ и не замѣчаетъ? — А какъ же бы онъ могъ замѣтить? возразила первая, когда она каждый вечеръ подливаетъ въ его питье какого то снотворнаго зелья, и отъ этого онъ засыпаетъ на всю ночь такимъ глубокимъ сномъ, что она можетъ отлучаться куда ей угодно до самаго разсвѣта, а возвратившись снова ложится съ нимъ рядомъ и потомъ пробуждаетъ его запахомъ какого то крѣпкаго спирта.

— Ты поймешь, дорогой мой гость, какъ поразили меня такія рѣчи и какое чуство онѣ пробудили въ моей душѣ. Но, какъ ни тяжело мнѣ было, я превозмогъ себя, ничѣмъ не выдалъ своей муки, а спокойно открылъ глаза, словно только что проснулся и ничего не слыхалъ.

Царица возвратилась изъ купальни; день прошелъ обычнымъ чередомъ, а съ наступленіемъ ночи мы вмѣстѣ поужинали, какъ ни въ чемъ ни бывало. Передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, она сама поднесла мнѣ мой кубокъ, наполненный водой, которую я всегда пилъ въ этотъ часъ; но тутъ, вмѣсто того, чтобы выпить по обыкновенію, я подошелъ къ открытому окну и такъ ловко выплеснулъ въ него воду, что жена этого не замѣтила. Затѣмъ, чтобы устранить всякое сомнѣніе, я передалъ ей въ руки опорожненный кубокъ.

И вотъ мы легли; прошло нѣсколько минутъ въ глубокомъ молча-

ніи, я не шевелился, притворяясь спящимъ. Тогда жена моя встала, не принимая никакихъ предосторожностей, и, вполнѣ убѣжденная, что я не могу услышать, громко произнесла:—Спи, ненавистный, и хорошо бы тебѣ не просыпаться во вѣкъ! — Затѣмъ, она поспѣшно одѣлась и ушла.

Только что дверь затворилась за нею, я вскочилъ съ постели, наскоро накинулъ на себя верхнюю одежду, прицѣпилъ свою саблю къ поясу и послѣдовалъ за женой такъ близко, что мнѣ слышенъ былъ шорохъ ея шаговъ. Соразмѣряя свою поступь съ ея, я шелъ тихо, затаивъ дыханіе, чтобы не выдать себя. Всѣ двери растворялись передъ нею сами собой посредствомъ какихъ то магическихъ словъ, отворилась точно также садовая калитка, и жена прошла въ нее, я же остановился тутъ, боясь быть узнаннымъ при переходѣ черезъ открытое пространство цвѣтника; но слѣдя за нею глазами, насколько позволяла ночная темнота, я замѣтилъ, что она вошла въ небольшую рощицу, окаймленную со всѣхъ сторонъ густою, живою изгородью. Я обошелъ кругомъ другой дорогой и, притаившись за деревомъ, съ невыносимой болью въ сердцѣ увидалъ свою жену, шедшую объ руку съ какимъ то мужчиной.

И вотъ что услыхалъ я, напряженно прислушиваясь къ ихъ рѣчамъ:—Несправедливъ ты ко мнѣ мой милый, нѣжно говорила она своему любовнику, и не заслуживаю я упрека въ томъ, что не стараюсь упрочить нашего счастія; ты хорошо знаешь, какія соображенія меня удерживаютъ. Но если всѣ доказательства горячей любви до сихъ поръ еще не могли убѣдить тебя въ моей искренности, то я готова доказать ее всѣмъ своимъ грознымъ могуществомъ. Требуй, повелѣвай—я не остановлюсь ни передъ чѣмъ. Стоитъ только пожелать тебѣ, и ночная тьма еще не успѣетъ разсѣяться, какъ я обращу весь этотъ громадный городъ и этотъ величавый дворецъ въ пустынныя развалины, гдѣ будутъ жить только хищные волки, зловѣщіе вороны да совы. Пожелаешь, я разберу по камнямъ эти крѣпкія стѣны и перенесу ихъ за Кавказскія горы, за предѣлы обитаемаго міра. Скажи одно слово, и вся эта страна преобразится по твоей волѣ.

При этихъ послѣднихъ словахъ преступная чета, дойдя до конца аллеи, повернула въ другую и приблизилась ко мнѣ. Тогда, дрожа отъ бѣшенства, я выхватилъ свою саблю и съ размаха ударилъ ея лезвіемъ по шеѣ любовника, шедшаго съ моей стороны; онъ, какъ снопъ, свалился на землю, я же, считая его мертвымъ, поспѣшилъ скрыться, не показавшись царицѣ, которую пощадилъ невольно, только потому, что не въ силахъ былъ разлюбить.

Между тѣмъ рана, нанесенная любовнику, дѣйствительно оказалась смертельной, и хотя измѣнница удержала въ немъ жизнь силою своего волшебства, но никакими чарами не могла вывести его изъ полумерт-

ваго состоянія. Возвращаясь во дворецъ черезъ садъ, я все еще слышалъ громкіе, отчаянные вопли царицы. Пусть же она страдаетъ, подумалъ я, эти муки будутъ для нея достаточнымъ наказаніемъ, и порадовался внутренно, что оставилъ ей жизнь.

Возвратясь въ нашу общую опочивальню, я легъ и скоро заснулъ успокоенный своей удачной местью, а проснувшись на разсвѣтѣ, увидалъ царицу, лежавшую около меня съ закрытыми глазами, но спала она или нѣтъ, не знаю. Я всталъ тихо, чтобы не разбудить ея, докончилъ одѣванье въ смежномъ покоѣ и отправился на свой утренній совѣтъ. При моемъ возвращеніи она вышла мнѣ навстрѣчу въ слезахъ и въ глубокомъ траурѣ, съ распущенными, растрепанными волосами.—Не удивляйся, государь, сказала она мнѣ рыдая, что видишь меня въ такомъ состояніи. Три горестныя вѣсти поразили меня разомъ, и никакіе наружные знаки печали не могли бы передать моихъ душевныхъ мукъ.—Какія же это вѣсти? спросилъ я.—Умерла царица моя мать, отвѣчала она, умеръ царь—мой отецъ, убитый въ сраженіи, умеръ одинъ изъ моихъ братьевъ.

Я былъ доволенъ этой благовидной выдумкой, скрывавшей настоящую причину ея огорченія, и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдился, что она нисколько не подозрѣваетъ меня въ убійствѣ своего любовника.—Не только не удивляюсь и не порицаю твоей печали, сказалъ я ей, а напротивъ сочуствую тебѣ, какъ твой мужъ и какъ близкій родственникъ погибшимъ. Мнѣ понятно, что такой тяжелой утраты нельзя перенести равнодушно, такъ дай же волю своимъ слезамъ, онѣ свидѣтельствуютъ только о твоей способности любить; впрочемъ, я надѣюсь, что время и благоразуміе восторжествуютъ наконецъ надъ твоимъ горемъ.

Царица затворилась въ своихъ покояхъ и, давъ полную волю отчаянію, цѣлый годъ не переставала плакать и горевать; къ концу же этого времени стала просить моего согласія на постройку въ самой оградѣ дворца отдѣльной усыпальницы для ея будущаго погребенія, говоря, что она останется тамъ безвыходно до конца своей жизни. Я согласился, и подъ ея наблюденіемъ былъ воздвигнутъ тотъ великолѣпный храмъ, золотой куполъ котораго виднѣется отсюда; она назвала его Храмомъ Слезъ.

Какъ только всѣ работы въ немъ окончились, она велѣла тайно перенести туда своего полуживаго любовника изъ того убѣжища, гдѣ онъ былъ помѣщенъ ею въ ту самую ночь, когда я ранилъ его, думая убить. Во весь этотъ годъ она поддерживала его угасавшую жизнь различными зельями, а когда его перенесли въ Храмъ Слезъ, ей стало еще удобнѣе продолжать свое лѣченіе и, подъ предлогомъ уединенной молитвы, иногда по цѣлымъ днямъ не отходить отъ больнаго.

Однако, никакія ея чары не могли исцѣлить его. Онъ не только

не былъ въ состояніи ходить, или держаться на ногахъ, но утратилъ даже употребленіе языка, и только еще во взглядѣ его выражались порой слабые проблески жизни. Царицѣ оставалось одно горькое утѣшеніе видѣть его и выражать ему въ самыхъ нѣжныхъ и страстныхъ словахъ все, что могла внушить ей ея безумная любовь; тѣмъ не менѣе не проходило ни одного дня безъ того, чтобы она не побывала у него два или три раза, иногда оставаясь съ нимъ до поздней ночи. Все это я зналъ очень хорошо, но не подавалъ и вида, что знаю.

Какъ то разъ, движимый уже не ревностью, а однимъ любопытствомъ, я пошелъ тайкомъ въ Храмъ Слезъ—посмотрѣть, что дѣлаетъ моя жена, и тамъ, скрывшись въ темномъ углубленіи за колоннами, я подслушалъ такое ея обращеніе къ своему любовнику:—О, свѣтъ мой солнечный! еслибы зналъ ты, какъ больно мнѣ, какъ горько видѣть тебя въ такомъ положеніи; но всего мучительнѣе для меня твое молчаніе. Когда же ты отвѣтишь хоть однимъ словомъ на мои непрестанныя рѣчи? Одно осталось мнѣ теперь раздѣлять съ тобой твои страданія, и какъ ни тяжелы эти минуты, онѣ все же самыя лучшія въ моей горькой жизни, потому что безъ тебя я не могу и не хочу жить,—всѣ сокровища міра не замѣнили бы мнѣ счастія тебя видѣть.

При этихъ безстыдныхъ рѣчахъ, прерывавшихся рыданіями и вздохами, моя оскорбленная гордость возмутилась, и я наконецъ потерялъ терпѣніе. Выйдя изъ своей засады, я быстро подошелъ къ женѣ и крикнулъ въ порывѣ гнѣва: Довольно, измѣнница! стыдись своихъ слезъ,—онѣ позорятъ и тебя и меня. Какъ можешь ты унижать себя до такой степени, забывая ради своей постыдной страсти и честь, и совѣсть, и долгъ?!

— О, государь, отвѣтила она, если въ тебѣ еще остается хоть капля снисхожденія, или жалости ко мнѣ, то не отнимай у меня моей единственной отрады, умоляю тебя! Противъ моего горя безсильно даже время, одна только смерть можетъ уничтожить его.

Видя, что слова мои не приводятъ ее къ сознанію долга, а только еще усиливаютъ безуміе, я замолчалъ и вышелъ, не проявивъ больше ничѣмъ своего горькаго негодованія. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе двухъ лѣтъ, она не переставала посѣщать ежедневно своего полумертваго любовника, тосковать и плакать, не осушая глазъ.

Наконецъ у меня снова не хватило терпѣнія, и я пошелъ въ Храмъ Слезъ, узнавъ, что жена давно уже тамъ. Опять спрятавшись за колоннами, я услыхалъ ея жалобную рѣчь, обращенную къ безмолвному любовнику:—Три года, цѣлыхъ три года ты все молчишь упорно, и ни ласки мои, ни слезы, ни мольбы не вызываютъ ни единаго слова. Что же это: безчувствіе или презрѣніе ко мнѣ? Неужели эта могильная сѣнь умертвила твою прежнюю горячую любовь, навѣки потушила страсть въ твоемъ взорѣ, который когда то проливалъ въ мою душу столько

свѣта, и радости, и нѣги? Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть! Ты снова воскреснешь, мой возлюбленный, оживешь для безконечнаго счастія!

Опять вся кровь бросилась мнѣ въ голову отъ этихъ словъ, тѣмъ болѣе возмутительныхъ, что тотъ, къ кому они обращались, далеко не оправдывалъ такого обожанія. То былъ даже не бѣлый, а совершенно черный индіецъ, уроженецъ этихъ странъ. Повторяю, восторженныя рѣчи моей жены переполнили сердце мое негодованіемъ; я внезапно вышелъ изъ за колоннъ и воскликнулъ:—Давно бы должна поглотить васъ обоихъ вмѣстѣ эта открытая могила, но видно и ей противно соединеніе такого душевнаго безобразія съ тѣлеснымъ!

Увидавъ меня, услышавъ мою рѣчь, царица, сидѣвшая у ногъ своего чернаго любовника, воспрянула, какъ фурія.—А! крикнула она,—вотъ онъ, злодѣй, виновникъ всѣхъ моихъ страданій! Я давно это знаю, но только таила до сихъ поръ, подавляла въ душѣ свою злобу. Мнѣ извѣстно, чья варварская рука повергла въ такое состояніе моего возлюбленнаго, а ты еще осмѣливаешься клеймить оскорбленіями, предавать поруганію мое неутѣшное горе!—Ты угадала вѣрно, прервалъ я ее, внѣ себя отъ гнѣва: да, именно отъ моей руки получило это чудовище заслуженное наказаніе; точно также слѣдовало бы мнѣ поступить и съ тобою,—теперь я раскаиваюсь, что пощадилъ тебя и такъ долго допускалъ издѣватъся надъ моей добротой и позорить мою честь.

Съ этими словами я выхватилъ саблю и занесъ ее надъ головой измѣнницы; но это не устрашило ее.—Умѣрь свой гнѣвъ, сказала она съ улыбкой презрѣнія и тутъ же произнесла какія то слова, которыхъ я не понялъ, потомъ добавила:—Могучей силою моихъ чаръ отнынѣ обращаю въ мраморъ половину твоего тѣла.—И въ то же мгновеніе, другъ мой, я сталъ тѣмъ, что ты видишь,—уже мертвымъ среди живыхъ, еще живымъ среди мертвыхъ.

Совершивъ надо мной это ужасное превращеніе и однимъ мановеніемъ руки перенеся меня въ эту залу, жестокая волшебница, недостойная имени царицы, уничтожила мою населенную, богатую столицу съ ея храмами, домами, площадями и рынками, обративъ ихъ въ ту пустыню и въ то озеро, которыя ты видѣлъ. Четырехцвѣтныя рыбы, плавающія въ немъ, это—народы четырехъ различныхъ религій, населявшіе эту страну: бѣлыя рыбы были мусульманами: красныя—персіанами-огнепоклонниками, голубыя—христіанами, желтыя—евреями. Четыре холма, окружающіе теперь озеро, были четырьмя островами, отъ которыхъ государство получило свое названіе. Обо всемъ этомъ я узналъ отъ волшебницы; въ довершеніе моихъ мученій и униженія, она сама объявила мнѣ о губительномъ дѣйствіи своего гнѣва. И это еще не все: не ограничивъ своего мщенія уничтоженіемъ моихъ владѣній и окаменѣніемъ меня самого, она съ тѣхъ поръ ежедневно подвергаетъ меня

истязанію, собственными руками нанося мнѣ удары ремнемъ по обнаженнымъ плечамъ и спинѣ, пока онѣ не покроются кровавыми рубцами. Отсчитавъ не менѣе ста ударовъ, она обвертываетъ истерзанное тѣло грубой тканью изъ козьей шерсти, а поверхъ облачаетъ въ эту

златотканную одежду, въ видѣ глумленія надъ моимъ царскимъ достоинствомъ...

Тутъ снова обильныя слезы хлынули изъ глазъ молодаго царя. Сердце султана сжалось отъ состраданія, и нѣсколько минутъ онъ не въ силахъ былъ произнести ни одного слова въ утѣшеніе. Разсказъ прервался; оба молчали. Наконецъ несчастный царь возвелъ взоръ свой къ небу и воскликнулъ:—Всемогущій Создатель вселенной! покоряюсь безропотно Твоимъ неисповѣдимымъ судьбамъ, Твоему божественному промыслу! Буду терпѣливо сносить всѣ свои муки, если такова Твоя высшая воля, но надежда на Твое неисчерпаемое милосердіе никогда не покинетъ меня!

Тронутый до глубины души и воспламененный желаніемъ отомстить за своего несчастнаго собрата, султанъ сказалъ ему:—Укажи мнѣ, гдѣ я могу найти эту коварную волшебницу и ея заживо погребеннаго любовника? — Онъ все тамъ же, въ Храмѣ Слезъ, отвѣтилъ царь, и также лежитъ недвижимо въ зданіи усыпальницы,—оно соединено съ дворцомъ наружной галлереей, и отсюда видѣнъ его куполъ. Что же касается волшебницы, я не могу сказать тебѣ навѣрное, гдѣ она нахо-

дится; знаю только, что каждый день, на восходѣ солнца, она является къ своему любовнику, уже совершивъ надо мной кровавое истязаніе, отъ котораго, какъ видишь, я не въ состояніи защититься. Она приноситъ ему то питье, что̀ поддерживаетъ его жизнь, и нескончаемо плачется на его молчаніе, ни разу еще не нарушенное съ тѣхъ поръ, какъ онъ раненъ.—Повѣрь, государь, сказалъ султанъ,—что я глубоко сочувствую твоему безпримѣрному несчастію, такъ какъ едва ли во всемъ мірѣ найдется человѣкъ, достойный бо́льшаго сожалѣнія; я увѣренъ, что ни съ кѣмъ еще не случалось ничего подобнаго, и лѣтописцы никогда не передавали потомству болѣе удивительнаго событія. Одного только не достаетъ въ немъ—должнаго возмездія, но для этого я сдѣлаю все, что будетъ въ моихъ силахъ.

Открывъ молодому царю свое званіе и цѣль своихъ похожденій, султанъ вскорѣ придумалъ и самый способъ отмщенія, который они обсудили вмѣстѣ и, условившись во всѣхъ подробностяхъ, отложили до завтра исполненіе задуманнаго. Между тѣмъ ночь уже давно наступила, и усталый гость расположился на отдыхъ, молодой же хозяинъ, мучимый постоянной безсонницей (онъ не могъ заснуть ни на одну минуту съ тѣхъ поръ, какъ былъ заколдованъ), по обыкновенію не смыкалъ глазъ, но надежда на скорое избавленіе отъ страданій значительно ободряла и утѣшала его.

На утро, султанъ поднялся еще до восхода солнца, запряталъ свою верхнюю одежду, которая могла бы помѣшать при исполненіи замысла, и отправился въ Храму Слезъ. Онъ нашелъ его ярко освѣщеннымъ безчисленнымъ множествомъ свѣчей изъ бѣлаго воска и наполненнымъ упоительными ароматами, выходившими изъ золотыхъ курильницъ тончайшей работы, разставленныхъ всюду въ изящномъ порядкѣ. На возвышеніи, убранномъ дорогими коврами, лежалъ недвижимо черный индіецъ; султанъ подошелъ къ нему и, безъ сопротивленія, однимъ ударомъ сабли погасилъ послѣдній, жалкій остатокъ жизни, и оттащилъ бездыханное тѣло на дворцовый дворъ, бросивъ тамъ въ колодезь. Затѣмъ онъ вернулся въ храмъ, легъ на опустѣлое ложе, спрятавъ около себя саблю подъ одѣяло, и сталъ ждать возможности дальнѣйшихъ дѣйствій.

Вскорѣ появилась волшебница. Сначала она, по обыкновенію, зашла въ тронную залу своего мужа, бывшаго царя Черныхъ Острововъ, и, обнаживъ его израненныя плечи и спину, отсчитала ему съ безпримѣрной жестокостью положенные сто ударовъ ремнемъ. Напрасно несчастная жертва оглашала дворецъ своими страдальческими воплями и самыми трогательными мольбами о пощадѣ, жестокая не сократила истязанія ни па одинъ ударъ.—Ты безжалостно погубилъ моего возлюбленнаго, проговорила она, такъ и отъ меня теперь не долженъ ожидать пощады.—И, обагривъ ему все тѣло ручьями крови, она обернула

его грубой шерстяной тканью, а поверхъ накинула богатую, царственную одежду. Потомъ отправилась въ Храмъ Слезъ и, войдя, огласила ее обычными воплями, плачемъ и жалобами.—Несчастный страдалецъ! воскликнула она, приблизившись къ ложу своего любовника и не подозрѣвая подмѣна, только звѣрь бездушный можетъ быть способенъ на такую жестокость... Отнять у меня все, весь свѣтъ, всю радость моей жизни, разбить однимъ ударомъ сердце, полное такой страстной любви! И этотъ злодѣй еще осмѣливается упрекать меня въ безчеловѣчности, когда я заставляю его чувствовать на себѣ мой справедливый гнѣвъ. Нѣтъ, самое жестокое истязаніе ничто въ сравненіи съ его злодѣйствомъ, навѣки отравившимъ мою жизнь! Услышь меня, солнце мое! продолжала она, обращаясь къ султану, принимаемому за индійца, промолви хоть одно слово, скажи еще разъ, что любишь меня, не дай мнѣ умереть безъ этого утѣшенія!

Тогда султанъ, какъ бы постепенно пробуждаясь отъ глубокаго сна и подражая говору черныхъ индійцевъ, торжественно отвѣтилъ царицѣ:—Въ единомъ Богѣ всемогущая сила и власть.—При этихъ словахъ волшебница громко вскрикнула отъ нежданной радости.—Властитель мой, возлюбленный! порывисто заговорила она, неужели это не сонъ? могу ли я повѣрить ушамъ своимъ?..—Несчастная! снова сказалъ султанъ, ты недостойна, чтобъ я отвѣчалъ на твои рѣчи.—О, почему же? Чѣмъ заслужила я такой укоръ?—Своей безчеловѣчной жестокостью, строго отвѣтилъ онъ: крики, вопли и стоны твоего мужа, котораго ты ежедневно подвергаешь истязанію, не даютъ мнѣ заснуть ни днемъ, ни ночью. Давно уже я исцѣлился бы и снова обрѣлъ употребленіе языка, еслибы ты сняла съ него свое заклятіе. Вотъ гдѣ настоящая причина моего многолѣтняго молчанія.—Если такъ, воскликнула царица, приказывай,—для твоего блага я готова на все. Желаешь ли, чтобъ я снова обратила мраморъ въ живое тѣло?—Да, отвѣтилъ султанъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ возврати ему и свободу, чтобы крики его не тревожили меня болѣе.

Тотчасъ же волшебница вышла изъ Храма Слезъ, взяла чашу, наполнила ее водой и прошептала надъ ней нѣсколько магическихъ словъ, отъ которыхъ вода закипѣла мгновенно, какъ на сильномъ огнѣ; затѣмъ она перенесла ее въ ту залу, гдѣ сидѣлъ недвижимо на своемъ тронѣ заколдованный царь и, орошая его брызгами волшебной воды, проговорила:—Если ты прогнѣвалъ Создателя вселенной и Онъ предназначилъ тебѣ оставаться въ томъ видѣ, въ какомъ ты находишься теперь, то пребудь неизмѣннымъ до конца своей жизни; если же это состояніе вызвано только дѣйствіемъ моихъ чаръ, то прими свой природный образъ и стань снова такимъ, какимъ былъ прежде.—Едва успѣла она произнести эти слова, какъ черный мраморъ обратился въ живое

тѣло, молодой царь свободно всталъ на ноги и съ невыразимой радостью возблагодарилъ Бога за свое избавленіе.—Теперь удались отсюда, злобно сказала ему волшебница, уйди изъ этого дворца и изъ этой страны и никогда не возвращайся, если дорожишь своей жизнью.

Уступая необходимости, царь ушелъ безъ возраженій и, скрывшись въ отдаленномъ мѣстѣ сада, съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать окончанія такъ успѣшно начатаго предпріятія.

Тѣмъ временемъ, волшебница поспѣшила возвратиться къ мнимому индійцу.—Твое повелѣніе исполнено, мой возлюбленный! объявила она, войдя; теперь уже ничто не мѣшаетъ тебѣ встать и отвѣчать на мои нѣжныя ласки, которыя я такъ долго расточала безотвѣтно.

Султанъ, все приноравливаясь къ выговору черной расы, промолвилъ съ прежней суровостью:—Того, что ты сдѣлала, еще недостаточно для моего полнаго исцѣленія; зло уничтожено только отчасти, а надо вырвать его съ корнемъ. — Какой же корень ты разумѣешь, мой повелитель? — Не притворяйся, несчастная! сердито воскликнулъ султанъ: развѣ ты не понимаешь, что я говорю о городѣ съ его населеніемъ и о четырехъ островахъ, которые уничтоженны твоимъ волшебствомъ? Развѣ ты не знаешь, что каждую ночь, въ двѣнадцать часовъ, четырехцвѣтныя рыбы поднимаютъ головы надъ поверхностью озера и призываютъ небесную кару на меня и на тебя? Вотъ главная причина, не допускающая моего исцѣленія. Ступай же скорѣй, приведи все въ прежнее состояніе, а когда возвратишься, я подамъ тебѣ руку и встану съ твоею помощью.

Полная сладкой надежды, возбужденной въ ней этими словами, волшебница радостно воскликнула:—Сердце мое, душа моя! Не пройдетъ и часа, какъ ты будешь здоровъ, потому что я не замедлю исполнить твое повелѣніе.

И дѣйствительно, она тотчасъ же перенеслась на берегъ озера, зачерпнула изъ него горстью воды и возвращая ее брызгами обратно, произнесла нѣсколько волшебныхъ заклинаній.

Тогда въ одно мгновеніе городъ явился на своемъ прежнемъ мѣстѣ, а рыбы снова обратились въ мужчинъ, женщинъ и дѣтей; магометане, христіане, персы и евреи, свободные граждане и невольники—всѣ приняли свой естественный образъ. Домá и лавки вскорѣ населились своими обитателями, нашедшими тамъ все въ прежнемъ порядкѣ и на прежнихъ мѣстахъ, какъ было до превращенія. Многочисленная свита султана, еще за минуту передъ тѣмъ находившаяся въ своемъ станѣ на пустынномъ пространствѣ, не мало изумилась, очутившись вдругъ на обширной площади, среди великолѣпнаго, громаднаго города, населеннаго различными племенами народовъ.

А волшебница, совершивъ это чудесное превращеніе, снова пере-

неслась въ Храмъ Слезъ за обѣщанной наградой. — Повелитель мой, возлюбленный! воскликнула она, влетая въ дверь, дай же мнѣ порадоваться вмѣстѣ съ тобой возвращенію твоего здоровья; я сдѣлала все, чего ты желалъ,—теперь подай мнѣ руку и встань.

— Подойди ко мнѣ! промолвилъ султанъ, все, подражая говору чернаго племени. Она поднялась на возвышеніе и подошла почти къ самому ложу.—Еще, еще ближе, проговорилъ онъ снова, и наклонись ко мнѣ!—Она съ любовью наклонилась надъ нимъ.—Тогда, быстро поднявшись, онъ крѣпко схватилъ ее за руку и, прежде, чѣмъ она успѣла опомниться, однимъ ударомъ сабли разрубилъ ея тѣло на двѣ части, которыя распались по обѣимъ сторонамъ. Затѣмъ, оставивъ на мѣстѣ безжизненный трупъ, онъ вышелъ изъ Храма Слезъ и отыскалъ молодаго царя, ожидавшаго его съ тревожнымъ нетерпѣніемъ.— Радуйся, государь, сказалъ онъ, братски обнимая его, нечего теперь бояться тебѣ, — твой злѣйшій врагъ уничтоженъ.

Восхищенный царь выразилъ своему избавителю всю неизмѣримую благодарность, переполнявшую его сердце, прося у Бога долгой жизни ему въ награду и всевозможныхъ благъ земныхъ и небесныхъ.—Теперь ты можешь спокойно царствовать въ своей столицѣ, сказалъ ему султанъ, если только не пожелаешь переселиться въ мою, что такъ близко отсюда. Я принялъ бы тебя съ великой радостью, и тамъ ты былъ бы чтимъ и любимъ не менѣе, чѣмъ въ своей собственной странѣ. — Дорогой благодѣтель мой! сказалъ молодой царь, да развѣ ты думаешь, что до твоей столицы не далеко?—Разумѣется, думаю, отвѣчалъ султанъ; — до нея неболѣе трехъ или четырехъ часовъ пути.— И какъ же ты ошибаешься! съ улыбкой воскликнулъ царь: до твоей столицы надо ѣхать цѣлый годъ самымъ скорымъ способомъ; а что ты прибылъ сюда въ нѣсколько часовъ,—этому я вѣрю, потому что тогда моя страна была заколдована; теперь же, съ уничтоженіемъ чаръ, измѣнилось все, даже самое пространство. Но еслибы мнѣ пришлось идти за тобой на край свѣта, и тогда я согласился бы охотно. Ты избавитель мой, и чтобы всю жизнь выражать тебѣ всѣми способами свою горячую признательность, я безъ сожалѣнія покину свое государство и послѣдую за тобой.

Велико было изумленіе султана, когда онъ узналъ, что удаленъ отъ своей столицы на такое громадное разстояніе,—ему это казалось непостижимымъ; однако молодой царь Черныхъ Острововъ такъ убѣдительно доказалъ возможность этого чуда, что въ немъ уже не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія.—Ну, какъ бы то ни было, сказалъ тогда султанъ, но предстоящій мнѣ долгій путь уже достаточно вознагражденъ двойною радостью: вѣдь, оказавъ тебѣ услугу, я пріобрѣлъ благодарнаго, преданнаго сына; а такъ какъ родныхъ дѣтей у меня нѣтъ, и ты же-

лаешь не разставаться со мной, то я теперь же признаю тебя моимъ сыномъ и наслѣдникомъ моего престола.

Тутъ бесѣда обоихъ царей прервалась нѣжными объятіями, крѣпко запечатлѣвшими ихъ сердечный союзъ. Затѣмъ начались приготовленія къ далекому пути и закончились въ три недѣли—къ великому сожалѣнію всего двора и всего народа, искренно любившаго своего молодого царя. Преемникомъ себѣ онъ самъ назначилъ одного изъ своихъ близкихъ родственниковъ и передалъ ему правленіе государствомъ.

Наконецъ, названные отецъ и сынъ отправились въ путь съ караваномъ изъ сотни верблюдовъ, нагруженныхъ несмѣтными богатствами и сокровищами молодого царя; помимо султанской многочисленной свиты, за нимъ еще слѣдовали его собственные тѣлохранители—пятьдесятъ молодыхъ, статныхъ всадниковъ, въ роскошной одеждѣ и на такихъ же статныхъ арабскихъ коняхъ. Долгое путешествіе совершилось благополучно; когда же султанъ, заранѣе пославшій гонцовъ съ извѣстіемъ о своемъ возвращеніи, наконецъ приблизился къ воротамъ столицы, навстрѣчу ему вышли его довѣренные сановники и, послѣ обычныхъ привѣтствій, доложили, что ни въ дѣлахъ, ни въ порядкѣ его обширной имперіи не произошло никакой перемѣны за время его отсутствія. Толпы горожанъ тоже встрѣтили его радостными кликами; народныя празднества и увеселенія не прекращались въ теченіе двухъ недѣль.

На другой день своего прибытія, когда всѣ придворные собрались въ пріемной залѣ султана, онъ разсказалъ имъ подробно о необычайномъ событіи, такъ неожиданно продлившемъ его отсутствіе, и тутъ же объявилъ объ усыновленіи молодаго царя Черныхъ Островов, который покинулъ и свое отечество, и свои обширныя владѣнія только ради того, чтобы не разлучаться съ нимъ. Наконецъ, въ благодарность за вѣрную службу остававшихся безъ него во главѣ государства, онъ роздалъ всѣмъ награды и отличія, сообразно съ положеніемъ, какое каждый изъ нихъ занималъ при его дворѣ.

Не былъ забытъ и рыбакъ, безсознательно послужившій освобожденію молодаго царя; султанъ осыпалъ его своими щедротами, и бѣднякъ, обращенный въ богача, зажилъ съ своей семьей въ довольствѣ и роскоши.

Сказка о трехъ царственныхъ календерахъ и о пяти багдадскихъ гражданкахъ.

То, что я разскажу тебѣ, начала Шехеразада, обращаясь къ султану, произошло въ давно минувшія времена, въ царствованіе калифа *)

*) Такъ назывались магометанскіе государи. На арабскомъ языкѣ слово *калифъ* означаетъ *наслѣдникъ*, и подъ нимъ подразумѣвается преемникъ Магомета. Владыче-

Гаруна-аль-Рашида **). Жилъ тогда въ его престольномъ городѣ Багдадѣ одинъ бѣдный носильщикъ и обладалъ онъ, несмотря на свое низкое званіе и грубый, тяжелый трудъ, развитымъ умомъ и всегда веселымъ нравомъ. Въ одно утро, когда онъ по обыкновенію сидѣлъ на уличномъ перекресткѣ, поставивъ около себя огромную плетеную корзину и выжидая, не попадется ли какой нибудь наниматель, къ нему подошла стройная молодая женщина, вся покрытая бѣлой кисейной чадрой, и проговорила звучнымъ, нѣжнымъ голосомъ:—Бери свою корзину, носильщикъ, и слѣдуй за мной.—Обрадованный этими немногими словами, носильщикъ поспѣшно всталъ, пристроилъ корзину себѣ на голову и, весело воскликнувъ:—Счастливый день мнѣ выпалъ, добрый часъ!—послѣдовалъ за незнакомкой.

Сначала она остановилась у закрытой двери одного дома и слегка постучала въ нее. На этотъ зовъ вышелъ христіанинъ, почтенной наружности, съ длинной, совсѣмъ сѣдой бородой; молодая женщина положила ему въ руку нѣсколько серебряныхъ монетъ, не сказавъ при этомъ ни слова, но христіанинъ видно понялъ ея безмолвное требованіе; онъ скрылся за дверью и снова появился черезъ минуту съ большимъ стеклянным кувшиномъ, наполненнымъ золотистымъ виномъ.—Возьми кувшинъ, сказала незнакомка носильщику, и поставь его въ свою кор-

---

ство калифовъ продолжалось шестьсотъ пятьдесятъ пять лѣтъ. Деспоты какъ въ религіозномъ, такъ и въ правительственномъ отношеніи, они не были боготворимы, какъ великій Лама; но обладали болѣе существеннымъ значеніемъ, и даже во времена упадка своей власти внушали почтеніе своимъ царственнымъ гонителямъ. Калифы раздѣляются на три отрасли, и происходящіе отъ праваго колѣна всѣ связаны родствомъ или свойствомъ съ самимъ Магометомъ. Большинство ихъ владычествовало надъ Мединой въ Аравіи. Дамаскъ, сирійскій городъ, былъ престольной столицей калифовъ второй отрасли: они царствовали съ 661 по 749 годъ, и затѣмъ тронъ ихъ перешелъ къ династіи Абассидовъ, давшей мусульманамъ тридцать семь калифовъ. Главной столицей ихъ имперіи былъ Багдадъ, Иракійскій городъ, близъ древняго Вавилона, на восточномъ берегу рѣки Тигра. Могущество Абассидовъ, ослабленное сначала независимыми калифатами, возникшими въ Испаніи, въ Африкѣ и въ Аравіи, угасло окончательно въ 1258 году. Одного изъ представителей этой династіи, нашедшаго себѣ убѣжище въ Египтѣ, мамелюки (египетскіе кавалеристы) признали своимъ главой, но только исключительно въ религіозномъ отношеніи, и сохранили за нимъ званіе калифа, которое потомки его носили до завоеванія Оттоманской имперіи въ 1517 году.

**) Гарунъ-аль-Рашидъ, пятый калифъ изъ рода Абассидовъ, былъ современникомъ Карла Великаго. Умеръ онъ въ 800 году отъ Рождества Христова и на двадцать третьемъ своего царствованія. Чтимый болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ, онъ подчинилъ своему вліянію Испанію и Индію, способствовалъ возрожденію наукъ, процвѣтанію изящныхъ и полезныхъ искусствъ, поощрялъ ученыхъ и литераторовъ, самъ былъ поэтомъ и замѣнилъ въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ варварство цивилизаціей. Въ его царствованіе аравитяне, начинавшіе уже усвоивать индійское писаніе цифръ, сообщили его и Европѣ. Германія и Франція научились способу изслѣдованія небесныхъ свѣтилъ отъ тѣхъ же аравитянъ. Самое слово *Альманахъ* уже достаточно свидѣтельствуетъ объ этомъ.

(Галланъ).

зину. — Затѣмъ она пошла далѣе, а носильщикъ послѣдовалъ за ней, не переставая повторять и мысленно, и вслухъ:—Вотъ такъ счастливый, радостный день!

Потомъ она остановилась у фруктовой и цвѣточной лавки, накупила яблокъ разныхъ сортовъ, абрикосовъ, персиковъ, айвы, лимоновъ, сочныхъ грушъ, апельсиновъ, зелени мирты и базилики, лилій, жасминовъ и много еще другихъ душистыхъ цвѣтовъ и растеній. Все это она велѣла носильщику уложить въ свою корзину и пошла далѣе. Остано-

вившись затѣмъ у лавки мясника, она потребовала двадцать пять фунтовъ самой лучшей говядины, которую носильщикъ тоже долженъ былъ умѣстить въ свою корзину. Въ другой лавкѣ она купила капорцевъ, эстрагона, маленькихъ огурчиковъ и разныхъ овощей, маринованыхъ въ уксусѣ; въ третьей — фисташекъ, грецкихъ, кедровыхъ, американскихъ, миндальныхъ орѣховъ, финиковъ и прочихъ лакомствъ въ этомъ родѣ; въ четвертой—разныхъ сластей и пирожныхъ. Носильщикъ, укладывая

весь этотъ ворохъ въ свою корзину и замѣчая, что она наполняется до краевъ, сказалъ своей наемщицѣ:—Надо бы тебѣ, прекрасная госпожа, предупредить меня заранѣе о такомъ множествѣ покупокъ, тогда я взялъ бы лошадь, или пожалуй даже верблюда на подмогу. Одному мнѣ не по силамъ будетъ снести такую тяжесть, если она еще увеличится. — Молодая женщина только улыбнулась на эту шутку и пошла далѣе, въ сопровожденіи нагруженнаго носильщика.

Зайдя еще въ лавку москательныхъ товаровъ, она купила различныхъ духовъ и специй: гвоздики, мушкатнаго орѣха, имбирю, огромный кусокъ амбры и другихъ индійскихъ пряностей и ароматичныхъ веществъ, что уже окончательно переполнило корзину носильщика. Затѣмъ они продолжали идти, пока не поровнялись съ великолѣпнымъ зданіемъ, украшеннымъ съ лицевой стороны бѣлыми мраморными колоннами и входной дверью изъ слоновой кости съ серебряными инкрустаціями. Тутъ они остановились, и молодая госпожа три раза стукнула въ дверь привѣшеннымъ къ ней металлическимъ молоткомъ.

Стоя въ ожиданіи передъ запертой дверью, носильщикъ погрузился въ размышленіе. Ему казалось страннымъ, что такая, повидимому важ-

ная госпожа исполняетъ должность поставщика; что она не невольница,—это видно сразу; нѣтъ, судя по ея гордой, величавой осанкѣ, она должна быть не только свободной, но и высоко поставленной женщиной. Надумалъ было онъ обратиться къ ней съ вопросомъ о ея общественномъ положеніи, раскрылъ даже ротъ для этого, какъ вдругъ дверь отворилась, и на порогѣ передъ нимъ предстала другая женщина, такая красавица, что ротъ его остался раскрытымъ уже отъ изумленія; пораженный этой очаровательною красотой, носильщикъ едва не уронилъ своей корзины со всѣмъ, что въ ней заключалось. Никогда еще во всю жизнь ему не доводилось видѣть ничего подобнаго.

Между тѣмъ его нанимательница, замѣтивъ это внезапное смущеніе и угадывая причину его, едва удерживалась отъ смѣха; ее такъ забавлялъ растерянный видъ носильщика, что она совсѣмъ забыла объ отпертой двери и все продолжала стоять у входа.—Да что же ты, сестра, сказала ей красавица, не видишь развѣ, что этотъ бѣднякъ совсѣмъ изнемогаетъ подъ тяжестью своей ноши?

Тутъ оба вошли; отворившая имъ дверь заперла ее снова, и всѣ трое, пройдя роскошными сѣнями, вступили на обширный внутренній дворъ, окруженный со всѣхъ сторонъ сквозной галереей, сообщавшеюся непосредственно съ жилыми покоями.

Въ глубинѣ двора возвышалась эстрада съ четырьмя колоннами изъ райскаго дерева, осыпанными крупнымъ жемчугомъ, алмазами необыкновенной величины и убранными сверху пурпурнымъ атласомъ съ богатой индійской вышивкой золотомъ и серебромъ; а посреди двора, въ бѣломраморный бассейнъ, полный чистой, прозрачной воды, лилась неизсякаемая струя изъ пасти громаднаго золоченаго льва.

Несмотря на тяжесть своего груза, носильщикъ не пропускалъ безъ вниманія и восхищенія ни одного предмета въ этомъ великолѣпномъ жилищѣ, гдѣ всюду, вмѣстѣ съ роскошью, царили чистота и порядокъ. Но все это сразу померкло въ его глазахъ, когда онъ увидалъ еще третью красавицу, показавшуюся ему несравненно краше второй. Когда вошли двѣ первыя, она медленно встала съ роскошной софы на возвышеніи и, спустившись по ступенямъ, устланнымъ коврами, величавой поступью приблизилась навстрѣчу вошедшимъ; по ихъ почтительному отношенію къ ней, носильщикъ заключилъ, что она между ними главная, и не ошибся въ этомъ. Третью красавицу звали Зобейдой; вторую, что отперла дверь, Сафіей, а ту, что ходила за покупками, Аминой.

Подойдя къ двумъ первымъ, Зобейда сказала:—Что же вы, сестры, не освободите этого бѣдняка отъ его ноши? Смотрите, вѣдь онъ совсѣмъ изнемогъ.—Тогда Амина и Сафія ухватились за корзину—одна спереди, другая сзади, и съ помощью Зобейды, тоже приложившей къ ней руки, спустили ее на полъ; затѣмъ, онѣ начали вынимать покупки, и когда

корзина опорожнилась до дна, Амина взяла денегъ изъ своего кошелька и щедро расплатилась съ носильщикомъ.

Теперь ему оставалось только взять свою корзину и удалиться, но онъ не двигался съ мѣста; его помимо воли привлекало и удерживало желаніе любоваться этими тремя очаровательными красавицами, которыя казались ему уже одинаково прелестными, такъ какъ и Амина, снявшая свою чадру, ослѣпляла его блескомъ своей красоты не менѣе, чѣмъ ея сестры; къ восхищенію еще примѣшивалось и удивленіе, что въ этомъ домѣ не было, повидимому, ни одного мужчины; а между тѣмъ большинство принесенной провизіи какъ будто предназначалось не для женскаго пира.

Сначала Зобейда подумала, что усталый носильщикъ хочетъ только перевести духъ прежде, чѣмъ уйти, но видя, что онъ ужь слишкомъ долго остается, она спросила его:—Чего же ты ждешь? Развѣ тебѣ недостаточно заплачено? Сестра, прибавила она, обращаясь къ Аминѣ, дай ему еще нѣсколько монетъ, чтобы онъ ушелъ довольный. — Нѣтъ, госпожа моя, возразилъ носильщикъ, не это меня удерживаетъ; заплачено мнѣ слишкомъ достаточно, и я самъ сознаю, что давно долженъ бы уйти, но... я такъ удивленъ, что совсѣмъ забылъ о своей невѣжливости. Простите, если я выскажу вамъ мое недоумѣніе: Какъ объяснить, что среди трехъ такихъ рѣдкихъ красавицъ, какъ вы, нѣтъ ни одного мужчины? Вѣдь всѣми признано, что женское общество безъ мужского такъ же скучно и печально, какъ и мужское безъ женскаго.—И въ доказательство этой истины онъ привелъ нѣсколько забавныхъ и остроумныхъ изреченій, не забывъ и багдадской поговорки: „Какъ жить, такъ и пировать надо въ парѣ“, и закончилъ такимъ выводомъ, что имъ тремъ необходимъ четвертый, хотя бы для четнаго числа.

Всѣ три красавицы разсмѣялись шуткамъ носильщика, но потомъ Зобейда сказала ему серьезно:—Твоя смѣлость, мой другъ, переходитъ границы и поэтому мнѣ не слѣдовало бы вступать съ тобой ни въ какія объясненія, но я все таки пожалуй скажу тебѣ, что мы три родныя сестры и нашли нужнымъ устроить жизнь свою такъ, чтобы о ней никто ничего не зналъ. Мы имѣемъ слишкомъ много основаній бояться какого бы то ни было нескромнаго вмѣшательства въ наши дѣла. На этотъ счетъ я тоже могу привести тебѣ изреченіе одного умнаго писателя: „Храни свои тайны ото всѣхъ, если хочешь быть властелиномъ своей судьбы. Можно ли поручиться, что другой тебя не выдастъ, если ты самъ выдаешь себя?“

— Прекрасныя госпожи мои! сказалъ носильщикъ, по одному виду вашему я уже сразу узналъ, что вы отличаетесь рѣдкими качествами ума и образованія, и теперь все болѣе убѣждаюсь въ вѣрности этого перваго сужденія. Хотя судьба и не дала мнѣ средствъ подняться

выше послѣдней ступени общественной лѣстницы, но я старался развить свой умъ, насколько могъ, чтеніемъ научныхъ и историческихъ книгъ; такъ позвольте же мнѣ привести вамъ въ отвѣтъ изреченіе другаго писателя, которое я не разъ и всегда удачно примѣнялъ къ жизни: „Слѣдуетъ скрывать свои тайны только отъ нескромнымъ болтуновъ, недостойныхъ довѣрія; людямъ же разумнымъ и надежнымъ мы можемъ смѣло открывать свою душу“. Ручаюсь вамъ словомъ честнаго мусульманина, что я вѣрнѣйшее хранилище для всякой тайны; довѣрить ее мнѣ—все равно, что запереть желѣзнымъ замкомъ и ключъ отъ него бросить въ море.

Зобейдѣ понравилась остроумная находчивость носильщика, но вмѣстѣ съ тѣмъ она заподозрила, что онъ добивается приглашенія на затѣваемый пиръ, и сказала ему съ улыбкой:—Ты, кажется, догадываешься, что мы намѣрены устроить себѣ угощеніе, и, повидимому, разсчитываешь принять въ немъ даровое участіе, но это напрасно,—ты вѣдь не былъ участникомъ въ нашихъ затратахъ.—Красавица Сафія поддержала сестру.—Да, это вѣрно, добавила она, неужели ты не знаешь общепринятаго правила: Кто даетъ, тотъ и получаетъ, а кто не внесъ ничего, ни причемъ и остается.

Несмотря на все свое краснорѣчіе, смущенный носильщикъ, вѣро-

ятно, ушелъ бы безъ возраженій, еслибы его сторону не приняла Амина, сказавшая Зобейдѣ и Сафіи:—Умоляю васъ, милыя сестры, дозвольте ему остаться съ нами; вѣдь общество такого веселаго и умнаго собесѣдника можетъ доставить только удовольствіе. Къ тому же, увѣряю васъ, что безъ его ловкости, силы и неутомимости я не могла бы купить и половины того, что намъ нужно. А еслибы еще вы слышали все, что онъ говорилъ мнѣ дорогой, васъ не удивило бы мое покровительство.

При этихъ словахъ Амины, восхищенный носильщикъ бросился передъ ней на колѣни, поцѣловалъ полъ у ея ногъ, потомъ воскликнулъ, поднявшись: О, солнце красоты! тобой начался, тобою и завершается этотъ счастливѣйшій день въ моей жизни; прими же мою безпредѣльную благодарность. А также всѣ вы примите мое увѣреніе, продолжалъ онъ, обращаясь уже ко всѣмъ тремъ сестрамъ, что, считая себя недостойнымъ такой великой чести, я не употреблю во зло и останусь навсегда вашимъ покорнымъ рабомъ.—И сказавъ это, онъ хотѣлъ возвратить полученныя деньги, но строгая Зобейда остановила его повелительнымъ жестомъ.—Нѣтъ, нѣтъ, сказала она, мы не беремъ назадъ того, что дали, и даровыхъ услугъ намъ ни отъ кого не нужно. Но, допуская тебя въ наше общество, мы требуемъ строжайшаго соблюденія всѣхъ правилъ приличія и почтительной вѣжливости.

Между тѣмъ, черноокая Амина сняла свою верхнюю городскую одежду, откинула широкіе рукава, чтобы дѣйствовать свободнѣе, и занялась приготовленіями къ пиру. Накрывъ столъ ослѣпительно-бѣлой скатертью и убравъ его цвѣтами, она разставила на немъ въ изящномъ порядкѣ различныя яства на серебряныхъ блюдахъ, тончайшія вина въ хрустальныхъ сосудахъ и золотые кубки. За тѣмъ, всѣ три сестры сѣли за столъ, а между ними помѣстился и носильщикъ, не помня себя отъ радости.

Послѣ перваго блюда, Амина наполнила кубокъ виномъ и, по арабскому обычаю, первая осушила его до дна; потомъ, снова наполняя, передала поочередно Сафіи и Зобейдѣ; онѣ тоже выпили, и наконецъ, наполненный въ четвертый разъ, тотъ же кубокъ былъ переданъ носильщику; принимая его, онъ почтительно поцѣловалъ руку Амины, отпилъ одинъ глотокъ и пропѣлъ звучнымъ, выразительнымъ голосомъ:

Вѣтерокъ, по полямъ пролетая волною,
Наполняетъ ее ароматомъ полей;
Точно такъ и вино, налитое тобою,
Вдругъ становится крѣпче, душистѣй, свѣжѣй.

Пѣсня понравилась сестрамъ; воодушевленныя ею, онѣ пѣли тоже и поочередно, и хоромъ; долго не прерывался этотъ веселый пиръ, сопровождаемый смѣхомъ и неумолчнымъ говоромъ.

Начинало уже смеркаться, когда Сафія, обращаясь къ носильщику, сказала ему отъ лица всѣхъ трехъ хозяекъ:—Теперь пора тебѣ удалиться,—вставай же и уходи.—Но онъ не тронулся съ мѣста и отвѣтилъ жалобно:—Не въ силахъ я никуда идти при своемъ настоящемъ состояніи; отуманенный виномъ и созерцаніемъ вашей красоты, я не могъ бы даже найти дороги домой. Будьте же милостивы до конца, дайте мнѣ отрезвиться и опомниться въ продолженіе ночи; я проведу ее, гдѣ вы прикажете, только не выгоняйте меня до утра; тогда я уйду самъ, оставивъ у вашихъ ногъ свое бѣдное сердце.

Тутъ Амина снова вступилась за носильщика:—Онъ правъ, милыя сестры, сказала она, и просьба его основательна. Къ тому же онъ такъ много доставилъ намъ удовольствія своимъ неистощимымъ остроуміемъ, что уже изъ одной благодарности мы должны удержать его до завтра. Согласитесь же на мое желаніе ради либви ко мнѣ.—Пусть будетъ по твоему, милая сестра! сказала Зобейда.—И такъ, носильщикъ, мы дозволяемъ тебѣ остаться, но только съ новымъ условіемъ: что̀ бы мы ни дѣлали въ твоемъ присутствіи, что̀бы ни увидалъ ты, или ни услыхалъ, ты долженъ оставаться глухъ и нѣмъ, не только не допытываться

причинъ нашихъ дѣйствій и хранить ихъ втайнѣ, но даже не раскрывать и рта для какого бы то ни было вопроса по этому поводу; иначе пеняй на самого себя за то, что можетъ произойти отъ твоей нескромности. Теперь ты предупрежденъ, да и вообще долженъ знать, что вмѣшательства въ чужія дѣла никогда не ведутъ къ добру.

Твое повелѣніе будетъ исполнено въ точности, прекрасная госпожа, сказалъ носильщикъ, и я ни однимъ словомъ не подамъ тебѣ повода къ упреку, или наказанію за нескромность. Съ этой минуты языкъ мой онѣмѣетъ, а глаза уподобятся зеркалу, въ которомъ не остается и слѣда отражаемыхъ имъ предметовъ.—Ты можешь убѣдиться, также серьезно продолжала Зобейда, что наше требованіе давно уже установлено здѣсь; встань и прочти, что написано съ наружной стороны этой двери.

Носильщикъ вышелъ за дверь и прочелъ наверху ея надпись крупными золотыми буквами: „Кто спрашиваетъ о дѣлахъ, его не касающихся, получаетъ непріятный отвѣтъ".—Прочитавъ, онъ вернулся къ сестрамъ и сказалъ имъ: Снова клянусь вамъ честью, прекрасныя госпожи, что вы не услышите отъ меня ни единаго слова, которое могло бы вамъ не понравиться.

Прошло еще часа два послѣ заключенія этого условія, и Амина снова накрыла столъ для ужина. Вся зала наполнилась яркимъ свѣтомъ и ароматомъ отъ множества зажженныхъ свѣтильниковъ изъ дерева алоэ и янтаря; сестры сѣли за столъ, а съ ними и носильщикъ. Веселый смѣхъ и говоръ, пѣсни и стихи опять полились изъ всѣхъ устъ въ промежуткахъ ѣды и возліяній. Сестры забавлялись опьянѣніемъ носильщика, безпрестанно наполняя кубокъ, выпиваемый имъ за здоровье то одной, то другой, то третьей. Шутки и остроты не умолкали, какъ вдругъ, среди общаго шумнаго веселья, раздался стукъ въ наружную дверь.

Всѣ три сестры встали разомъ, намѣреваясь идти отворять; но Сафія, преимущественно исполнявшая эту должность, опередила другихъ, и онѣ остановились въ ожиданіи ея возвращенія, недоумѣвая, кто можетъ быть такимъ запоздалымъ гостемъ? Черезъ минуту она вернулась и сказала:—Знаете ли, милыя сестры, намъ представляется отличный случай провести еще веселѣе часть этой ночи, и мы конечно воспользуемся имъ, если только вы согласитесь со мной. У нашей двери стоятъ три календера *), какъ я полагаю, судя по ихъ одеждѣ, но васъ особенно удивитъ одна необычная странность: всѣ трое кривы на правый глазъ, и у всѣхъ гладко выбриты головы, бороды и брови. Они говорятъ, что только сейчасъ прибыли въ Багдадъ, гдѣ никогда еще не

*) Календеры—монахи въ Персіи и Турціи.

бывали, а такъ какъ уже совсѣмъ стемнѣло, и имъ трудно теперь найти себѣ пристанище въ незнакомомъ городѣ, то они случайно постучались въ нашу дверь и просятъ впустить ихъ именемъ Бога. Имъ все равно, гдѣ бы мы ни отвели имъ пріютъ, они готовы удовольствоваться даже конюшней, лишь бы только не ночевать среди улицы. Всѣ трое молоды и статны, кажется, очень умны, только я не могу вспомнить безъ смѣха о ихъ странномъ однообразіи. — Тутъ Сафія дѣйствительно залилась неудержимымъ хохотомъ, къ которому невольно присоединились обѣ сестры и носильщикъ.—Такъ что́же вы скажете? продолжала она, переводя духъ, согласны ли вы со мной, что слѣдуетъ принять ихъ? Право-же, съ такими забавными гостями мы можемъ закончить нашъ пиръ еще веселѣе, чѣмъ начали; они внесутъ оживленіе въ наше общество и при этомъ не стѣснятъ насъ нисколько, такъ какъ имъ нужно убѣжище на одну только ночь, завтра же они уйдутъ на разсвѣтѣ, прежде, чѣмъ мы проснемся.

Сначала старшія сестры колебались, но, хотя причина этой нерѣшимости хорошо была извѣстна и самой Сафіи, она такъ настойчиво стала упрашивать ихъ исполнить ея желаніе, что наконецъ обѣ согласились.—Ну, такъ и быть, сказала Зобейда, впусти ихъ, но только не забудь предупредить о нашемъ условіи, и пусть они прочтутъ надпись на двери.—Обрадованная Сафія побѣжала принять нежданныхъ гостей и чрезъ минуту вернулась въ сопровожденіи трехъ молодыхъ календеровъ.

Войдя, всѣ трое низко поклонились хозяйкамъ, которыя встали имъ на встрѣчу и приняли ихъ съ обычными привѣтствіями. Сказавъ, что онѣ рады доставить запоздалымъ путникамъ всевозможныя удобства и покойный ночлегъ, онѣ предложили имъ подкрѣпить свои силы пищей и виномъ. Роскошь убранства столовой и величавая любезность прекрасныхъ хозяекъ убѣдили календеровъ, что судьба привела ихъ въ жилище богатыхъ и знатныхъ особъ. Но, садясь за столъ, одинъ изъ нихъ случайно взглянулъ на носильщика и замѣтилъ, что одежда на немъ почти такая же, какую носилъ обыкновенно другой разрядъ календеровъ, враждовавшій съ его сектой по поводу религіозныхъ уставовъ и не брившій ни бороды, ни бровей; въ немъ пробудилась недовѣрчивость, и онъ тихо проговорилъ, обращаясь къ товарищамъ:—Это должно быть одинъ изъ нашихъ мятежныхъ собратій-арабовъ.

Полузаснувшій носильщикъ однако услыхалъ эти слова и принялъ ихъ въ обиду подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, отуманившихъ его голову; гордо окинувъ взглядомъ трехъ календеровъ и не вставая съ мѣста, онъ отвѣтилъ имъ:—Садитесь-ка лучше, чѣмъ болтать о томъ, что васъ не касается. Съ своими уставами сюда не входятъ, а подчиняются здѣшнимъ, и это вы должны знать, если прочли надпись на двери.—Напрас-

но ты гнѣваешься, братъ мой, сказалъ виновникъ неосторожнаго замѣчанія, повѣрь, что мы не желали тебя обидѣть, но постоять за себя съумѣемъ, если на то пойдетъ.—Ссора могла бы разгорѣться сильнѣе, но хозяйки сразу положили ей конецъ своимъ миротворнымъ вмѣшательствомъ.

Когда новые гости усѣлись за столъ, Зобейда и Амина стали усердно угощать ихъ разнообразными яствами, а веселая Сафія также усердно и непрестанно наполняла ихъ кубки виномъ.

Обильно утоливъ и голодъ, и жажду, календеры заявили хозяйкамъ свое желаніе дать имъ концертъ, если только можно добыть музыкальныхъ инструментовъ. Всѣ съ радостью приняли предложеніе, а восхищенная Сафія поспѣшно вышла изъ столовой и черезъ минуту возвратилась, неся въ обѣихъ рукахъ мѣстную цѣвницу, персидскую флейту и тимпанъ. Каждый изъ календеровъ принялъ отъ нея выбранный имъ инструментъ, и затѣмъ всѣ трое стройно заиграли мотивъ одной веселой восточной пѣсни, а сестры, знавшія ея слова, вторили сво-

имъ звучнымъ, мелодичнымъ пѣніемъ, которое, впрочемъ, часто прерывалось взрывами дружнаго смѣха, вызываемаго словами игривой пѣсни. И вдругъ, въ самомъ разгарѣ общаго веселья, кто то опять постучался въ наружную дверь. Сафія прервала свое пѣніе и пошла узнать, кто могъ придти такъ поздно.

Здѣсь я должна объяснить тебѣ, государь, продолжала Шехеразада, кто былъ этотъ поздній посѣтитель и что привело его къ двери багдадскихъ красавицъ. То былъ самъ калифъ Гарунъ-аль-Рашидъ, который имѣлъ обыкновеніе, переодѣвшись въ платье простаго гражданина, тайно обходить по ночамъ всѣ улицы своего города, чтобы узнать достовѣрно, все ли въ немъ спокойно и благополучно.

Въ ту ночь калифъ рано отправился въ походъ, въ сопровожденіи Джіафара *), своего великаго визиря, и Месрура, начальника дворцовыхъ евнуховъ, всѣ трое были переодѣты странствующими купцами. Проходя по той улицѣ, гдѣ жили красавицы-сестры, и услыхавъ смѣшанные звуки музыки, пѣнія и смѣха, калифъ сказалъ своему визирю:— Постучись въ этотъ домъ, откуда слышится такой неистовый гвалтъ; я хочу войти и узнать, что тамъ дѣлается. Напрасно визирь представлялъ ему, что это мирныя багдадскія гражданки, устроившія у себя пиръ, что подъ вліяніемъ опьяненія онѣ могутъ отнестись непочтительно къ особѣ его величества, что, наконецъ неурочный часъ еще не насталъ, и потому нѣтъ основанія нарушать ихъ веселье. На все это калифъ отвѣчалъ настойчиво: — Исполняй мое приказаніе безъ разсужденій.

И такъ, въ двери багдадскихъ красавицъ постучался великій визирь Джіафаръ по повелѣнію калифа, не желавшаго быть узнаннымъ. Сафія отперла, и визирь, замѣтивъ ея необыкновенную красоту при свѣтѣ факела, который она держала въ рукѣ, отлично разыгралъ свою роль. Глубоко поклонившись ей, онъ почтительно проговорилъ:—Прости госпожа, что потревожили тебя такъ поздно; мы всѣ трое купцы изъ Муссула и прибыли сюда дней десять назадъ съ богатыми товарами, которые сложены теперь въ каганѣ **), гдѣ мы и сами остановились. Мы были сегодня въ гостяхъ у одного знакомаго багдадскаго купца, и онъ угостилъ насъ на славу; всѣ много пили, а къ вечеру развеселились такъ,

---

*) Джіафаръ Бармесидъ. Гарунъ-аль-Рашидъ отдалъ ему въ жены сестру свою Абассу съ тѣмъ, чтобы супруги никогда не вступали въ тѣлесный союзъ. Условіе это было скоро нарушено, и у нихъ родился сынъ, котораго они тайно препроводили въ Меку на воспитаніе. Когда, это дошло до свѣдѣнія калифа Джіафаръ сначала былъ лишенъ милостей своего государя, а вскорѣ потомъ и самой жизни.

**) Каганъ или каравансарай — зданіе, которое на Востокѣ служитъ товарнымъ складомъ и вмѣстѣ постоялымъ дворомъ для пріѣзжающихъ купцовъ. За умѣренную плату тамъ помѣщаются цѣлые караваны.

(Галланъ).

что хозяинъ пригласилъ баядерокъ; поднялся шумъ, заиграла музыка, начались пляски, а между тѣмъ и ночь уже наступила, какъ вдругъ ночная стража ворвалась въ домъ и разогнала всѣхъ, а нѣкоторыхъ даже задержала, намъ же удалось перелѣзть черезъ стѣну и благополучно убраться. Но главное то дѣло въ томъ, что мы не здѣшніе, добавилъ визирь, и къ тому же немного опьянѣли; вотъ мы и боимся теперь встрѣтиться еще съ какимъ-нибудь отрядомъ ночной стражи, или

пожалуй съ тѣмъ же самымъ, прежде чѣмъ дойдемъ до своего кагана, а до него отсюда очень далеко. Да еслибы мы и дошли, такъ все равно войти не могли бы, такъ какъ ворота ни въ какомъ случаѣ не отпираются до утра. Вотъ почему, подойдя къ этому дому и услыхавъ тутъ музыку и пѣніе, мы осмѣлились постучаться и теперь умоляемъ тебя, прекрасная госпожа, дать намъ убѣжище до разсвѣта. Если ты и твои гости найдете насъ достойными принять участіе въ вашихъ забавахъ, мы постараемся содѣйствовать имъ, насколько можемъ, чтобы наверстать

причиненный нами перерывъ; если же нѣтъ, то дозволь намъ только провести ночь подъ кровомъ.

Въ продолженіе этой рѣчи Джіафара, Сафія имѣла время внимательно разсмотрѣть какъ его самого, такъ и обоихъ спутниковъ, названныхъ имъ тоже купцами, и, заключивъ по ихъ внѣшности, что они не изъ низшаго класса, она сказала имъ:— Согласіе на вашу просьбу зависитъ не отъ меня одной, но я сейчасъ же принесу вамъ отвѣтъ, если вы потрудитесь подождать.

Затѣмъ она передала своимъ сестрамъ просьбу незнакомцевъ, и опять онѣ не сразу рѣшили, какъ поступить. Но ихъ природная доброта скоро взяла верхъ надъ опасеніями; къ тому же, отчего было не сдѣлать и для другихъ того, что уже сдѣлано для носильщика и календеровъ? И онѣ снова согласились принять неизвѣстныхъ гостей.

Калифъ, его великій визирь и начальникъ евнуховъ, введенные въ столовую прекрасной Сафіей, глубоко поклонились сперва ея сестрамъ, потомъ календерамъ; хозяйки же отнеслись къ гостямъ съ своей обычной привѣтливостью, хотя и приняли ихъ за простыхъ торговцевъ. Зобейда, какъ старшая, сказала имъ съ отличавшей ее величавой серьезностью:—Милости просимъ пожаловать, а также, и прежде всего, просимъ отъ васъ еще другой милости. — Какой же, воскликнулъ визирь, развѣ возможно въ чемъ либо отказать царицамъ красоты? — Такъ вотъ наша просьба, или пожалуй требованіе, продолжала Зобейда, если глаза ваши зорки, то языкъ долженъ быть нѣмъ; не спрашивайте ни о чемъ, что васъ не касается,—иначе вы сами навлечете на себя бѣду.— Готовы повиноваться тебѣ безпрекословно, прекрасная повелительница, отвѣчалъ визирь; къ тому же мы не соглядатаи и не вывѣдчики, и своихъ дѣлъ намъ достаточно, чтобы не вмѣшиваться въ чужія. — Затѣмъ, всѣ сѣли за столъ, оживленный разговоръ завязался снова, а кубки стали наполняться и осушаться въ честь новоприбывшихъ гостей.

Въ то время, какъ визирь Джіафаръ велъ непрерывную бесѣду съ тремя хозяйками, калифъ не могъ налюбоваться ихъ удивительной красотой и наслушаться ихъ веселыхъ и остроумныхъ рѣчей. Съ другой стороны, его любопытство и удивленіе не мало возбуждали и календеры, всѣ трое кривые на правый глазъ. Онъ охотно спросилъ бы объясненія такой странности, но строгое условіе, предписанное хозяйками, удерживало его отъ всякаго нескромнаго вопроса. Вмѣстѣ съ тѣмъ роскошное убранство этихъ чертоговъ, удивительный порядокъ и изящество, царившія всюду, невольно наводили его на мысль, что все это не чуждо волшебства.

Когда разговоръ коснулся различныхъ способовъ увеселеній, календеры встали и такъ мастерски исполнили какой то своеобразный

танецъ, что не только всѣ три хозяйки, но и самъ калифъ съ своими спутниками пришли въ восхищеніе.

Потомъ, только что календеры снова заняли свои мѣста, Зобейда встала и, подойдя къ Аминѣ, взяла ее за руку.—Пора, сестра, сказала она ей, дорогіе гости не прогнѣваются, если ихъ присутствіе не стѣснитъ насъ и не помѣшаетъ нашимъ дѣйствіямъ. Амина поняла тайный смыслъ этой рѣчи и, тотчасъ же вставъ, разобрала столъ и унесла всѣ блюда, сосуды, кубки и затѣмъ инструменты, на которыхъ играли календеры.

Сафія тоже не оставалась въ бездѣйствіи; она вымела залу, привела въ ней все въ прежній порядокъ, сняла нагаръ со свѣтильниковъ и замѣнила въ нихъ новымъ прогорѣвшій составъ алоэ и янтаря. Сдѣлавъ все это, она обратилась къ гостямъ и попросила календеровъ сѣсть на софу, по одну ея сторону, а калифа съ его свитой—по другую; носильщику же сказала:—Встань и приготовься помогать намъ во всемъ, что мы будемъ дѣлать; ты уже не гость, а ночти свой человѣкъ въ нашемъ домѣ, такъ тебѣ не подобаетъ оставаться празднымъ.

Носильщикъ уже успѣлъ немного протрезвиться; онъ быстро всталъ и, заткнувъ полы своей одежды за поясъ, засучивъ рукава, быстро воскликнулъ: — Готовъ, куда угодно! Что нужно дѣлать? — Хорошо отвѣтила Сафія, въ свое время узнаешь, тебѣ не долго придется ждать. Черезъ нѣсколько минутъ вошла Амина, неся высокій табуретъ, который она поставила на центральномъ мѣстѣ, гдѣ прежде стоялъ столъ, потомъ, подойдя къ двери смежнаго покоя и отворивъ ее, знакомъ подозвала къ себѣ носильщика.— Иди помогать мнѣ, сказала она ему. Онъ повиновался и, скрывшись вмѣстѣ съ нею за дверью, вскорѣ вышелъ оттуда, ведя на цѣпочкахъ, прикрѣпленныхъ къ ошейникамъ двухъ черныхъ собакъ съ жалкимъ приниженнымъ видомъ, съ шерстью исполосованной на спинахъ слѣдами бича. Онъ вывелъ ихъ на средину залы.

Тогда Зобейда, сидѣвшая до тѣхъ поръ на софѣ между календерами и калифомъ, медленно встала и величавой поступью приблизилась къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ носильщикъ съ собаками.—Исполнимъ тяжкую обязанность, печально проговорила она съ глубокимъ вздохомъ и, засучивъ до локтей свои широкіе рукава, взяла поданный Сафіей ременный бичъ и сказала носильщику:—Передай одну изъ этихъ собакъ сестрѣ моей Аминѣ, а съ другой подойди ко мнѣ ближе.

Когда онъ исполнилъ это приказаніе, собака жалобно завыла и, поднявъ голову, устремила на Зобейду свой молящій взглядъ. Но та, не обращая вниманія ни на безмолвную мольбу, ни на болѣзненный визгъ несчастной собаки, оглашавшій весь домъ, продолжала хлестать ее бичемъ, пока сама не выбилась изъ силъ; тогда она отбросила въ сторону бичъ, взяла цѣпочку изъ рукъ носильщвка и, приподнявъ избитое жи-

вотное за переднія лапы, привлекла его къ себѣ. Тутъ и женщина, и собака обѣ заплакали, съ трогательною грустью глядя въ глаза другъ другу. Наконецъ Зобейда отерла своимъ платкомъ обильныя слезы своей жертвы, нѣжно поцѣловала ее въ голову и, снова передавая цѣпь носильщику, приказала ему:—Теперь отведи ее туда, откуда взялъ, а мнѣ подведи другую.

Носильщикъ опять куда то скрылся съ избитой собакой, а возвратившись, взялъ другую изъ руки Амины и подвелъ къ Зобейдѣ.—Держи ее крѣпче, какъ и первую, сказала она. И тутъ снова повторилось то же, что было за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ. Взявъ бичъ, Зобейда такъ же безжалостно отстегала собаку, потомъ заплакала вмѣстѣ съ нею, отерла ей слезы, поцѣловала ее и наконецъ передала носильщику;

Велико было удивленіе календеровъ и калифа съ его спутниками при видѣ такого варварскаго истязанія. Главное, не могли они понять, какъ это Зобейда, избивъ такъ жестоко обѣихъ собакъ,— животныхъ, признанныхъ нечистыми мусульманскою религіей,— могла потомъ плакать вмѣстѣ съ ними, цѣловать ихъ, отирать имъ слезы своимъ платкомъ? Всѣ изумились и негодовали внутренно, а калифъ, сильнѣе другихъ, мучимый любопытствомъ узнать причину такихъ непонятныхъ дѣйствій, старался внушить своему визирю посредствомъ разныхъ выразительныхъ знаковъ, чтобы онъ развѣдалъ диковинную тайну. Но визирь, какъ нарочно, все сидѣлъ, обернувшись въ другую сторону, пока усиленно повторяемые монаршіе знаки не заставили его наконецъ отвѣтить тѣмъ же способомъ, что теперь еще не время для такой попытки.

Зобейда все еще оставалась на табуретѣ среди залы, какъ бы отдыхая отъ тяжкаго труда.— Милая сестра, сказала, подойдя къ ней, красавица Сафія, не пора ли тебѣ возвратиться на свое мѣсто, чтобы я могла въ свою очередь исполнить обычное дѣло? — Исполняй, произнесла Зобейда; затѣмъ спокойно отошла въ сторону и помѣстилась на средину софы, гдѣ справа сидѣли калифъ, Джіафаръ и Месруръ, а слѣва трое календеровъ и носильщикъ.

На нѣсколько минутъ въ залѣ воцарилась тишина; всѣ сидѣли неподвижно, въ безмолвномъ ожиданіи. Наконецъ Сафія, занявшая мѣсто на табуретѣ, проговорила, обращаясь къ Аминѣ: — Иди же, дорогая сестра, ты знаешь что̀ мнѣ нужно. Амина тотчасъ же встала, вышла въ другую дверь, противоположную той, изъ которой были приведены собаки, и вскорѣ возвратилась, неся большой футляръ, обтянутый блѣдно-желтымъ атласомъ, расшитымъ зеленымъ шелкомъ и золотомъ. Подойдя къ Сафіи, она вынула изъ него лютню и подала ей. Та взяла ее, настроила и запѣла подъ звуки струнной мелодіи печальную пѣсню о разлукѣ съ милымъ. Выражая своимъ гибкимъ голосомъ и пылкую страсть, и сердечную муку, она разстрогала до слезъ и привела въ восторгъ

всѣхъ слушателей, но за то и сама изнемогла по окончаніи пѣсни.— Не могу больше, сказала она Аминѣ, я чувствую, что голосъ мой надорвется; сыграй теперь ты и спой для нашихъ гостей. — Изволь, отвѣтила Амина, подходя къ Сафіи, которая передала ей лютню и уступила свое мѣсто.

Взявъ нѣсколько аккордовъ, чтобы узнать, хорошо ли настроенъ инструментъ, Амина вдругъ вся прониклась музыкальнымъ экстазомъ; пальцы ея перебѣгали по струнамъ извлекая изъ нихъ то порывисто-бурные, то тихіе и нѣжные звуки. Эта пѣсня тоже говорила о безутѣшномъ горѣ, и пѣвица такъ глубоко прочувствовала его, такъ сильно выразила, что подъ конецъ голосъ у нея оборвался и сердце замерло.

Калифъ и прочіе гости проявили свой восторгъ громкими возгласами одобренія, а Зобейда сказала сестрѣ со слезами на глазахъ:—Ты творишь чудеса своимъ пѣніемъ, и видно, что сама глубоко страдаешь, выражая страданіе.— Но Амина уже была не въ силахъ отвѣтить на похвалу; въ эту минуту она почувствовала, что ей не достаетъ воздуха для дыханія, и въ какомъ то забытьи растегнула свою одежду, обнаживъ при этомъ плечи и грудь. Тогда зрители съ изумленіемъ и ужасомъ увидали не бѣлое, нѣжное тѣло, какое подобало бы такой юной красотѣ, а все посинѣлое, испещренное багровыми рубцами и шрамами. Воздухъ, однако, не облегчилъ ей дыханія, и она безъ чувствъ упала на полъ.

Пока Зобейда и Сафія хлопотали около сестры, стараясь привести ее въ чувство, одинъ изъ календеровъ не могъ воздержаться, чтобы не сказать: — Ни за что не вошли бы мы сюда и предпочли бы, кажется, ночевать среди улицы, еслибъ только могли ожидать такихъ зрѣлищъ.— Услыхавъ эти слова, калифъ подошелъ къ календерамъ и обратился съ такимъ вопросомъ:—Скажите пожалуйста, что́ все это значитъ?—Право, не знаемъ, отвѣтилъ ему говорившій передъ тѣмъ,—это настолько странно, что даже трудно повѣрить своимъ глазамъ. — Какъ! воскликнулъ калифъ, да развѣ вы никогда прежде не бывали въ этомъ домѣ? А я надѣялся узнать отъ васъ и о черныхъ собакахъ, и объ этой красавицѣ съ истерзанной грудью. — Нѣтъ, почтенный господинъ, напрасная надежда; мы сегодня вошли сюда въ первый разъ въ жизни, и то всего только за нѣсколько минутъ до твоего прихода.

Такой отвѣтъ нисколько не умѣрилъ любопытство калифа, и онъ заговорилъ опять:—А не объяснитъ ли намъ всѣхъ этихъ чудесъ тотъ человѣкъ, что сидитъ около васъ? онъ вѣдь тоже принималъ участіе въ происшествіи съ собаками. Тогда одинъ изъ календеровъ движеніемъ руки подозвалъ къ себѣ носильщика и спросилъ его, не знаетъ ли онъ чего нибудь о причинѣ бичеванія двухъ черныхъ собакъ и о шрамахъ на груди Амины.—Могу поклясться вамъ честью, господа, отвѣтилъ тотъ,

что если ужь вы ничего не знаете, то я и подавно. Багдадъ мой родной городъ, это правда, только сюда то я попалъ сегодня въ первый разъ,—такъ же случайно, какъ и вы, и удивленъ не менѣе васъ; особенно же тѣмъ, что эти женщины живутъ совсѣмъ безъ мужчинъ.

Общее предположеніе, что носильщикъ не гость, а свой человѣкъ въ этомъ домѣ, оказалось невѣрнымъ, но калифъ не отступился отъ своего упорнаго желанія добиться во что бы то ни стало разъясненія загадки.—Слушайте, сказалъ онъ всѣмъ прочимъ гостямъ, насъ тутъ семеро сильныхъ мужчинъ, такъ неужели же мы не сладимъ съ тремя слабыми женщинами? Если онѣ откажутся отвѣчать добровольно на всѣ наши вопросы, мы можемъ принудить ихъ къ этому.

Великій визирь Джіафаръ воспротивился такому намѣренію и постарался отклонить отъ него калифа. Остерегаясь, однако, обнаружить передъ календерами его высокій санъ, онъ продолжалъ относиться къ нему какъ къ своему товарищу купцу: — Не подобаетъ намъ, мирнымъ торговцамъ, прибѣгать къ насилію, — это повредило бы нашей доброй славѣ. Вѣдь мы всѣ согласились на то условіе, съ какимъ насъ приняли здѣсь, такъ хорошо ли было бы его нарушить? Къ тому же это можетъ быть и не безопасно для насъ. Недаромъ же наши хозяйки угрожали намъ бѣдой, если мы не выполнимъ своего обѣщанія.

Тутъ визирь отвелъ калифа въ сторону и сказалъ ему шопотомъ:— Вооружись терпѣніемъ, государь, хотя только на нѣсколько часовъ; ночь теперь скоро минуетъ, а завтра утромъ я возвращусь сюда съ конвоемъ, возьму всѣхъ трехъ женщинъ и приведу къ твоему трону. Тогда онѣ сами повѣдаютъ тебѣ все, что ты желаешь узнать.—Но, не смотря на благоразуміе такого совѣта, калифъ отвергъ его и заставилъ замолчать своего визиря, сказавъ ему рѣшительно, что не можетъ и не хочетъ ждать до завтра.

Оставалось только рѣшить, кто приметъ на себя развѣдываніе. Калифъ сначала попытался склонить на это календеровъ, но они положительно отказались, и послѣ долгихъ переговоровъ было рѣшено возложить это трудное дѣло на носильщика. Находясь еще подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, онъ согласился безъ возраженій и уже готовился приступить къ роковому вопросу, когда Зобейда, приведя въ чувство свою сестру, подошла къ заговорщикамъ. До нея уже давно доносились ихъ громкіе возгласы, и потому она спросила: — Нельзя ли мнѣ узнать, господа, о чемъ у васъ шелъ такой горячій споръ?

Тогда отважный носильщикъ выступилъ впередъ.—Прекрасная хозяйка! началъ онъ, все дѣло въ томъ, что твои гости непремѣнно желаютъ объяснить себѣ удивительное происшествіе съ черными собаками, а также и причину багровыхъ рубцовъ на груди твоей сестры; и вотъ, по порученію почтенныхъ господъ, я осмѣливаюсь спросить тебя, что все это значитъ?

При этихъ словахъ лицо Зобейды приняло суровое выраженіе. Надменно повернувъ голову въ сторону калифа съ его спутниками и календеровъ, она спросила:—Правда ли, господа, что вы поручили этому человѣку допросить меня? — Правда, отвѣтили всѣ въ одинъ голосъ, за исключеніемъ визиря Джіафара, хранившаго угрюмое молчаніе.—О, если такъ, воскликнула она гнѣвно, то вы раскаетесь въ своей дерзости! Вспомните, что, рѣшаясь принять васъ въ свой домъ, мы поставили непремѣннымъ условіемъ, чтобы вы не заговаривали и не распрашивали ни о чемъ, что васъ не касается, подъ угрозой наказанія за нескромность. И вотъ, въ отплату за наше радушное гостепріимство, вы нарушаете данное вами слово; можетъ быть, мы отчасти и сами виноваты въ излишней довѣрчивости къ неизвѣстнымъ людямъ, но это нисколько не оправдываетъ вашего нечестнаго поступка.—Сказавъ это, она трижды ударила въ ладони, трижды стукнула объ полъ ногой и громко крикнула: — Скорѣй! скорѣй! скорѣй! — Тотчасъ одна изъ дверей распахнулась настежъ и семь черныхъ невольниковъ атлетовъ вбѣжали съ саблями на голо; каждый схватилъ одного изъ семерыхъ гостей, повалилъ его на полъ, оттащилъ на средину залы и занесъ свою саблю надъ его головой.

Объятый страхомъ и ужасомъ, калифъ, хотя и поздно, но горько раскаялся, что не послѣдовалъ разумному совѣту своего визиря. Между тѣмъ и этому несчастному монарху, и Джіафару, и Месруру, и носильщику, и календерамъ—всѣмъ приходилось поплатиться жизнью за свое нескромное любопытство; безоружные и безпомощные, они каждое мгновеніе ожидали смертельнаго удара. Но когда одинъ изъ черныхъ невольниковъ обратился къ Зобейдѣ и ея сестрамъ съ ужаснымъ вопросомъ: — Высокочтимыя повелительницы! приказываете ли вы отрубить имъ головы?—Зобейда отвѣтила:—Подождите, я допрошу ихъ сначала.— О, милостивая госпожа! воскликнулъ тутъ носильщикъ, уже совсѣмъ протрезвившійся и сразу утратившій всю свою храбрость, именемъ Бога молю тебя, не карай меня смертью за чужую вину. Это все они мнѣ внушили, а самъ я даже и не думалъ ни о чемъ спрашивать. О, Боже праведный! продолжалъ онъ со слезами, какъ весело мы тутъ пировали, и не ждалъ я никакой бѣды, какъ вдругъ эти кривые календеры все разрушили, принесли съ собой несчастіе, словно зловѣщія птицы... Справедливая госпожа! не смѣшивай же невиннаго съ зачинщиками и не громи своимъ гнѣвомъ жалкаго бѣдняка, смиренно молящаго тебя о пощадѣ!...

Зобейда, несмотря на весь свой гнѣвъ, едва удерживалась отъ смѣха, слушая эти жалобныя причитанія испуганнаго носильщика и, ничего ему не отвѣтивъ, вторично обратилась къ другимъ:—Я хочу знать, кто вы, какого рода люди, сказала она, отвѣчайте же мнѣ правдиво, иначе вы не проживете и минуты. Я не могу повѣрить, чтобы вы были честными гражданами, или почетными сановниками своей страны, какова бы она ни была, потому что ни одинъ человѣкъ, достойный уваженія, не рѣшился бы измѣнить своему слову и довѣрію одинокихъ женщинъ, оказавшихъ ему гостепріимство.

Горячему и гордому калифу особенно тяжело было сознавать, что его жизнь зависитъ отъ одного слова оскорбленной и справедливо разгнѣванной женщины; но послѣ ея вопроса у него нѣсколько отлегло отъ сердца, онъ надѣялся, что ему стоитъ только назвать себя настоящимъ именемъ, и жизнь его будетъ внѣ всякой опасности.

— Объяви ей скорѣй, кто я, шепнулъ онъ своему визирю, находившемуся около него.

Но осторожный и преданный визирь настолько дорожилъ честью своего государя, что не рѣшился предать огласкѣ его опрометчиваго поступка, навлекшаго ему такое тяжкое оскорбленіе, и ограничился короткимъ отвѣтомъ: — Этимъ ужь не поможешь. — Впрочемъ, онъ и не успѣлъ бы исполнить приказанія калифа, такъ какъ Зобейда уже обратилась къ календерамъ. Находя страннымъ, что всѣ трое кривы на правый глазъ, она спросила, не родные ли они братья. Одинъ изъ нихъ

отвѣтилъ за всѣхъ:—Нѣтъ, госпожа, мы братья не по крови, а только въ качествѣ календеровъ, то есть, по одинаковому образу жизни.—Скажи мнѣ, продолжала она, обращаясь отдѣльно къ первому, родился ли ты кривымъ?—Нѣтъ, госпожа, отвѣчалъ тотъ, я потерялъ глазъ по такому необычайному случаю, что онъ привелъ бы въ изумленіе каждаго, кто узналъ бы о немъ. Послѣ этого несчастія, я сбрилъ себѣ бороду и брови, облекся въ монашеское одѣяніе и сдѣлался календеромъ.

Потомъ, съ тѣмъ же вопросомъ Зобейда обратилась поочередно къ двумъ его товарищамъ, и оба дали ей тотъ же отвѣтъ; только послѣдній добавилъ:—Ты ошибаешься, прекрасная хозяйка, принимая насъ за людей недостойныхъ уваженія, и потому я долженъ сказать тебѣ, что мы всѣ трое царскіе сыновья. Это мы узнали другъ отъ друга при первой же нашей случайной встрѣчѣ въ началѣ этого вечера. Да будетъ тебѣ извѣстно также, что имена царей, нашихъ отцовъ, довольно громки и славны.

Гнѣвъ Зобейды смягчился при этомъ заявленіи, и она сказала невольникамъ:—Освободите ихъ, но оставайтесь здѣсь и наблюдайте за ними. Кто разскажетъ намъ всю исторію своей жизни и объяснитъ, какъ и зачѣмъ зашелъ сюда, того не трогайте, и пусть онъ уходитъ съ миромъ; но за то не давайте пощады никому, кто бы ни отказался исполнить наше требованіе.

Вотъ, государь, въ какомъ положеніи находились всѣ дѣйствующія лица моего разсказа, продолжала Шехеразада: календеры, калифъ, визирь Джіафаръ, евнухъ Месруръ и носильщикъ—всѣ сидѣли тѣсной группой на полу среди залы; ихъ окружали съ трехъ сторонъ семь черныхъ невольниковъ, готовыхъ дѣйствовать по первому знаку своихъ повелительницъ, сидѣвшихъ врядъ на софѣ, прямо передъ плѣнниками.

Носильщикъ, услыхавъ, что стоитъ только разсказать свою исторію, чтобъ избавиться отъ смерти, началъ первый:—Тебѣ уже извѣстно, милостивая госпожа, сказалъ онъ, обращаясь къ Зобейдѣ,—кто я, гдѣ живу и чѣмъ занимаюсь, такъ и разсказывать мнѣ придется немного. Сегодня утромъ, твоя прекрасная сестра наняла меня, встрѣтивъ на перекресткѣ, гдѣ я, какъ носильщикъ по ремеслу, сидѣлъ по обыкновенію съ своей корзиной и выжидалъ добрыхъ людей, которые, взамѣнъ моихъ услугъ, даютъ мнѣ возможность быть сытымъ и одѣтымъ. Я съ большой радостью послѣдовалъ за красавицей сначала въ винный погребокъ, потомъ въ фруктовую лавку, потомъ въ цвѣточную, въ мясную, въ овощную, въ кондитерскую, въ москательную, и затѣмъ ужь, нагруженный, какъ верблюдъ, едва дотащилъ свою ношу до вашего дома, гдѣ вы, по своей добротѣ, дозволили мнѣ остаться до настоящаго случая. Но, какъ бы то ни было, а я не забуду вашихъ милостей до послѣдней минуты своей жизни. Вотъ и вся моя исторія.

На это Зобейда сказала ему съ улыбкой:—Ну, теперь убирайся съ нашихъ глазъ, пока цѣлъ.—Нѣтъ ужь, милостивая госпожа, дозволь мнѣ еще остаться, а то вѣдь это будетъ несправедливо; за что же я не услышу ничьей исторіи, послѣ того, какъ всѣмъ доставилъ удовольствіе слышать мою?—И не дожидаясь приглашенія, онъ преспокойно усѣлся на кончикъ софы, ликуя внутренно, что такъ легко избавился отъ грозившей опасности. Вслѣдъ за нимъ выдвинулся впередъ одинъ изъ календеровъ и, тоже обращаясь къ Зобейдѣ, такъ какъ повиновался ея повелѣнію, началъ свой разсказъ:

Разсказъ перваго календера-царевича.

И такъ, прекрасная повелительница, ты узнаешь всю мою печальную исторію, узнаешь, какъ я лишился праваго глаза и принялъ званіе календера. Начну съ того, что у царя, отца моего, былъ родной братъ, тоже царившій въ одной изъ сосѣднихъ странъ, а у него было двое дѣтей—царевичъ, мой ровесникъ, и царевна.

Когда образованіе мое закончилось и отецъ предоставилъ мнѣ должную свободу, я неизмѣнно каждый годъ сталъ посѣщать царя, своего дядю, и оставался у него иногда мѣсяца по два, такъ какъ между мной и его сыномъ вскорѣ возникла и установилась самая тѣсная дружба. Въ послѣднее наше свиданіе, мой двоюродный братъ принялъ меня еще съ большею радостью, чѣмъ прежде, и, желая выразить ее, устроилъ мнѣ въ первый же вечеръ моего пріѣзда особенно роскошное угощеніе. Долго просидѣли мы съ нимъ вдвоемъ за обильнымъ ужиномъ, а при окончаніи его царевичъ сказалъ мнѣ:—Угадай, чѣмъ я былъ занятъ во весь этотъ годъ, съ того времени, какъ ты отъ насъ уѣхалъ? Никогда тебѣ не угадать. Я приводилъ въ исполненіе одинъ свой давнишній замыселъ; собралъ для этого искусныхъ мастеровъ и, подъ моимъ наблюденіемъ, они воздвигли погребальное зданіе, которое теперь уже совсѣмъ готово. Ты его увидишь, но, прежде всего, дай мнѣ клятву, что не измѣнишь мнѣ ни въ какомъ случаѣ и никому не выдашь моей тайны.

Считая его своимъ лучшимъ другомъ, я, разумѣется, ни въ чемъ не могъ отказать ему и тутъ же, безъ малѣйшаго колебанія, произнесъ требуемую клятву. Тогда онъ сказалъ мнѣ:—Подожди меня здѣсь, я сейчасъ возвращусь. И дѣйствительно, онъ не замедлилъ возвратиться, ведя подъ руку совсѣмъ еще юную, очаровательную красавицу въ великолѣпной одеждѣ. Онъ не сказалъ мнѣ, кто она, а я счелъ нескромнымъ спрашивать. Снова сѣли мы за столъ, уже втроемъ, и долго еще пировали, весело бесѣдуя и выпивая одинъ за другимъ полные заздрав-

ные кубки. Было уже очень поздно, когда царевичъ сказалъ:—Теперь, дорогой другъ мой, докажи мнѣ свою преданность, не теряя времени. Проводи эту юную дѣву по дорогѣ къ кладбищу, гдѣ увидишь вновь отстроенное зданіе усыпальницы съ высокимъ куполомъ,—ты узнаешь его сразу. Войдите оба въ отпертую дверь и ждите меня,—я вскорѣ послѣдую за вами.

Вѣрный своей клятвѣ, я не сталъ требовать никакихъ разъясненій, молча подалъ руку красавицѣ и, сообразуясь съ указаніями царевича, привелъ ее въ новое зданіе, при свѣтѣ полной луны, озарявшей намъ путь. Не прошло и десяти минутъ, какъ явился царевичъ, неся обѣими руками три вещи: кувшинъ съ водой, желѣзную кирку и небольшой мѣшокъ, наполненный гипсомъ.

Съ помощью кирки, онъ разрушилъ пустую гробницу, воздвигнутую въ центрѣ усыпальницы, разобралъ ее по камнямъ и сложилъ ихъ въ уголъ; потомъ сталъ вырывать землю въ томъ мѣстѣ, гдѣ была гробница, и вскорѣ дорылся до желѣзной дверки, очевидно прикрывавшей подземный ходъ. Царевичъ поднялъ ее, открывъ при этомъ верхнія сту-

пени винтообразной лѣстницы, ведущей въ глубину, и сказалъ юной красавицѣ:—Иди смѣло; это входъ въ то мѣсто, о которомъ я тебѣ говорилъ.—Она подошла и стала спускаться внизъ, а за нею послѣдовалъ и царевичъ, но, ставъ ногою на первую ступень, онъ обернулся

ко мнѣ и проговорилъ:—Спасибо тебѣ за твою услугу. Прощай.—Но, другъ мой! воскликнулъ я, что же все это значитъ?—Помни свою клятву, отвѣтилъ онъ, теперь ты можешь возвратиться во дворецъ.

Я принужденъ былъ уйти, не добившись больше ни слова, такъ какъ дверка уже захлопнулась за царевичемъ. Винные пары сильно туманили мнѣ голову, когда я шелъ обратно во дворецъ; однако я благополучно добрался до отведеннаго мнѣ покоя и вскорѣ заснулъ, какъ убитый. Проснувшись на другое утро и смутно припоминая подробности невѣроятнаго ночнаго событія, я наконецъ остановился на мысли, что это былъ сонъ, и подъ вліяніемъ ея, послалъ узнать, проснулся ли царевичъ и можно ли его видѣть. Но когда мнѣ доложили, что, къ великой тревогѣ всего двора, онъ скрылся неизвѣстно куда и даже не ночевалъ у себя, я убѣдился, что все, видѣнное мною, было не сномъ, а непонятной дѣйствительностью, и огорченный, встревоженный, отправился тайкомъ на общее кладбище, гдѣ было множество усыпальницъ, подобныхъ той, какую я видѣлъ въ прошедшую ночь. Внимательно разсматривая одну за другой, я пробродилъ по кладбищу до поздняго вечера, но такъ и не нашелъ, чего искалъ. Такіе же безполезные поиски продолжались въ теченіе еще четырехъ дней, пока наконецъ я не потерялъ всякой надежды.

Въ то время царь, мой дядя, находился въ отсутствіи, онъ уѣхалъ на дальную охоту еще до исчезновенія сына, и неизвѣстно было, скоро ли вернется. Соскучившись одинокимъ ожиданіемъ, я поручилъ визирямъ передать царю мое извиненіе и, не медля далѣе, отправился въ свою страну. Я оставилъ весь дворъ въ волненіи и тревогѣ объ исчезнувшемъ царевичѣ, но, чтобы не нарушить данной клятвы, никому не сообщилъ того, что зналъ.

Прибывъ въ отеческій престольный городъ, я съ изумленіемъ увидалъ какое то необычайное народное смятеніе на улицахъ, а у воротъ дворца меня вдругъ окружила стража. На мой вопросъ, что это значитъ, впередъ выступилъ офицеръ и отвѣтилъ мнѣ: — Царевичъ, армія поставила великаго визиря на мѣсто твоего отца, котораго уже нѣтъ на свѣтѣ, и я арестую тебя по велѣнію новаго царя. Съ этими словами меня схватили и привели къ похитителю трона. Ты легко можешь представить себѣ, прелестная хозяйка, каковы были мои чувства при этомъ.

Крамольный визирь давно уже тайно возненавидѣлъ меня, и вотъ за что. Въ своей ранней юности я очень любилъ стрѣльбу изъ лука и часто упражнялся въ этомъ искусствѣ. Однажды, стрѣляя съ верхней террасы дворца, я прицѣлился въ пролѣтавшую птицу, но промахнулся, и стрѣла попала случайно прямо въ правый глазъ великаго визиря, сидѣвшаго въ то время на террассѣ своего дома. Узнавъ объ этомъ

несчастіи, я поручилъ передать визирю мое искреннее сожалѣніе и потомъ извинялся передъ нимъ лично въ невольно причиненномъ ему вредѣ, но видно злобное чуство глубоко запало ему въ сердце и не разъ проявлялось впослѣдствіи при всякомъ удобномъ случаѣ. Теперь же, когда я очутился въ его власти, онъ жестоко выместилъ свою закоренѣлую злобу. Только что завидѣвъ меня, онъ бросился, какъ дикій звѣрь, вцѣпился мнѣ ногтями въ правый глазъ и вырвалъ его прежде, чѣмъ я успѣлъ опомниться. Вотъ отчего я окривѣлъ на всю жизнь.

Но убійца моего отца еще не ограничился одной этой жестокостью. Онъ повелѣлъ своимъ приближеннымъ положить меня въ ящикъ, а палачу — отвезти за черту города и тамъ, отрубивъ мнѣ голову, бросить мое тѣло на терзаніе хищнымъ птицамъ. Палачъ, верхомъ на конѣ и въ сопровожденіи еще другаго всадника, вывезъ меня въ закрытомъ ящикѣ за городъ и остановился среди поля, чтобы исполнить варварское повелѣніе. Но я такъ слезно сталъ умолять его, что возбудилъ къ себѣ жалость и въ немъ, и въ его спутникѣ. Они переговорили между собой, и затѣмъ первый сказалъ мнѣ:—Ну, пусть будетъ такъ! Уйди же скорѣй за предѣлы государства и никогда не думай возвращаться, иначе ты погубишъ и себя, и обоихъ насъ. Я горячо выразилъ имъ свою благодарность, а когда они скрылись изъ вида, почуствовалъ такое облегченіе, что и потеря глаза уже не сокрушала меня, — это несчастіе показалось мнѣ ничтожнымъ въ сравненіи съ грозившей смертью.

Однако, при своемъ болѣзненномъ состояніи, я съ трудомъ подвигался впередъ, и только по ночамъ, днемъ же скрывался въ глухихъ мѣстахъ, боясь всякой встрѣчи. Долго шелъ я—не недѣли, а мѣсяцы—и наконецъ добрался до страны, гдѣ царствовалъ мой дядя, а затѣмъ и до его престольнаго города.

Выслушавъ мой подробный разказъ обо всѣхъ постигшихъ меня несчастіяхъ, царь горестно воскликнулъ: — О, Творецъ милосердый! За что посылаешь Ты мнѣ столько тяжкихъ испытаній заразъ? Не успѣлъ я еще опомниться отъ внезапной потери сына, какъ уже узнаю о смерти любимаго брата и вижу своего племянника въ такомъ жалкомъ состояніи! И тутъ онъ выразилъ мнѣ свою тревогу о непонятномъ исчезновеніи молодаго царевича, о которомъ не было никакой вѣсти, не смотря на всѣ старанія розыскать его. Несчастный отецъ такъ неутѣшно плакалъ при этомъ, горе, казалось, такъ удручало его, что я не въ силахъ былъ сохранять долѣе извѣстную мнѣ тайну и, не смотря на клятву, взятую съ меня царевичемъ, разсказалъ его отцу все, что зналъ самъ. Мои слова какъ будто вселили въ него надежду, и лицо его немного прояснилось.—Ты ободряешь меня, дорогой племянникъ, сказалъ онъ. Теперь я вспомнилъ, что мнѣ говорили объ этой усыпальницѣ, сооруженной по приказанію моего сына, и указывали даже на то мѣсто

гдѣ она находится. Съ твоею помощью я надѣюсь отыскать ее; но такъ какъ онъ самъ дѣйствовалъ тайно и съ тебя взялъ клятву не выдавать его, то, я думаю, намъ слѣдуетъ идти только вдвоемъ, чтобы избѣжать всякой огласки. — Для сохраненія тайны у него была еще другая, важная причина, которой онъ не высказалъ мнѣ тогда, но дальнѣйшій разсказъ мой уяснитъ ее.

Мы переодѣлись оба такъ, чтобы никѣмъ не быть узнанными, вышли въ поле черезъ садовыя ворота, а оттуда пробрались на кладбище. Внимательно сталъ я осматривать всѣ могильныя сооруженія и къ великой радости почему то сразу узналъ ту усыпальницу, которую прежде такъ долго и безуспѣшно искалъ. Войдя въ незапертую дверь, мы увидали на срединѣ желѣзное творило, прикрывавшее подземный ходъ. Много труда намъ стоило поднять его, такъ оно было крѣпко задѣлано извнутри съ помощью принесенныхъ царевичемъ гипса и воды, но наконецъ мы осилили сопротивленіе.

Царь первый ступилъ на лѣстницу, я послѣдовалъ за нимъ, и, спустившись въ глубину съ пятидесяти ступеней, мы очутились въ какой то комнатѣ, въ родѣ передней, такъ густо наполненной дымомъ и зловоннымъ чадомъ, что безчисленные огни великолѣпной люстры, висѣвшей на потолкѣ, едва свѣтились, словно задернутые пеленой.

Изъ этой комнаты мы прошли въ другую—обширную залу съ массивными мраморными колоннами, освѣщенную множествомъ такихъ же люстръ. На срединѣ былъ устроенъ водоемъ, а въ одномъ изъ угловъ стоялъ буфетъ съ разнообразными съѣстными припасами и напитками, но нигдѣ не замѣчалось ни малѣйшаго признака жизни. Удивленные такимъ полнымъ безмолвіемъ, мы еще разъ обвели взглядомъ всю залу и тутъ увидали на противоположной сторонѣ устланное коврами возвышеніе, къ которому вело нѣсколько ступеней; на немъ былъ роскошный балдахинъ съ опущенными занавѣсами, скрывавшими повидимому широкое ложе. Царь поднялся по ступенямъ и, дрожащей рукой откинувъ складки тяжелой матеріи, увидалъ царевича, своего сына, лежащаго рядомъ съ женщиной, но обоихъ ихъ уже было трудно узнать; они почернѣли, какъ обгорѣлыя головни, — обуглились, словно кто бросилъ ихъ въ самое сильное пламя и вынулъ оттуда, не давъ догорѣть.

Я отшатнулся назадъ и стоялъ, какъ ошеломленный; но еще сильнѣе поразило меня то, что при такомъ ужасномъ зрѣлищѣ царь выразилъ не скорбь о погибшемъ сынѣ, а яростное негодованіе. Онъ плюнулъ ему въ лицо и воскликнулъ, задыхаясь отъ гнѣва:—Это еще только заслуженная кара въ здѣшнемъ мірѣ, а *тамъ* ты будешь горѣть въ неугасаемомъ, вѣчномъ огнѣ! — И, не довольствуясь этими жестокими словами, онъ снялъ съ ноги своей туфлю и ударилъ ею по щекѣ своего мертваго сына.

Такое возмутительное поруганіе мертвеца его роднымъ отцомъ привело меня тоже въ негодованіе, но, сдерживая его, я только сказалъ:— Государь, какъ ни сильно мое горе, но изумленіе еще сильнѣе, и я не могу не спросить тебя, какое преступленіе совершилъ несчастный царевичъ, что ты такъ безчеловѣчно обращаешься съ его трупомъ?—Ты поймешь это, отвѣчалъ царь, когда узнаешь все:—Мой сынъ, котораго мнѣ тяжело даже называть своимъ сыномъ, горячо полюбилъ свою сестру съ ея первыхъ лѣтъ, и она потомъ также сильно привязалась къ брату. Я не противился этой возникающей взаимной привязанности, потому что не предвидѣлъ тогда, какое зло отъ нея произойдетъ впослѣдствіи. Да и кто же бы могъ это предвидѣть? А между тѣмъ она все росла съ годами, все усиливалась и дошла наконецъ до такой степени, что возбудила во мнѣ тревогу. Тогда я принялъ должныя мѣры; сначала сдѣлалъ строгое внушеніе своему сыну наединѣ, представлялъ ему весь ужасъ овладѣвавшей имъ страсти, увѣщевалъ его, убѣждалъ, говорилъ о томъ позорѣ, какимъ онъ покроетъ и себя, и всю семью, если не задушитъ въ зародышѣ этого преступнаго чувства. То же самое старался я потомъ внушить и дочери, а чтобы прекратить всякое сообщеніе съ братомъ, сталъ держать ее взаперти. Но ядъ, видно, уже глубоко проникъ въ сердце несчастной, и какъ ни старался я бороться съ нимъ, ставя всевозможныя преграды, онѣ только еще усиливали его дѣйствіе.

И вотъ, мой сынъ, увѣренный въ неизмѣнной любви своей сестры, подъ предлогомъ сооруженія себѣ гробницы, устроилъ это подземелье, въ надеждѣ, что ему представится случай похитить затворницу и скрыться здѣсь вмѣстѣ съ нею. Такъ онъ и сдѣлалъ, воспользовавшись моимъ отсутствіемъ; по возвращеніи, я уже не нашелъ своей дочери и догадался тотчасъ же, что это значитъ, но затаилъ въ душѣ этотъ позоръ, никому не открывая. Видишь, съ какой предусмотрительностью и въ какомъ изобиліи заготовлены здѣсь всѣ жизненные припасы; ясно, что презрѣнный надѣялся долго наслаждаться своей преступной страстью, но небесное правосудіе не попустило такого попранія законовъ божескихъ и человѣческихъ и достойно покарало виновныхъ.—Тутъ неудержимыя слезы прервали рѣчь несчастнаго отца, и я тоже заплакалъ вмѣстѣ съ нимъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ какъ будто опомнился, отеръ свои слезы, промолвивъ: — Да будетъ воля Божія! потомъ продолжалъ, съ любовью глядя на меня: Не все еще погибло, дорогой мой племянникъ,—ты замѣнишь мнѣ недостойнаго сына и съ честью займешь его мѣсто.—Мы крѣпко обнялись. Затѣмъ, онъ много говорилъ еще о своихъ погибшихъ дѣтяхъ, и сердечная тоска его снова изливалась слезами, а я, то утѣшалъ своего названнаго отца, то горевалъ съ нимъ за одно.

Наконецъ, мнѣ удалось вывести его изъ этого зловѣщаго мѣста. Когда мы взобрались наверхъ по лѣстницѣ, я захлопнулъ желѣзное творило, засыпалъ его землей и завалилъ тѣми камнями, изъ которыхъ сооружена была гробница, чтобы скрыть отъ людей это ужасное проявленіе гнѣва Божія.

Не прошло и часа послѣ того какъ, никѣмъ не замѣченные, мы вернулись во дворецъ, когда вдругъ до насъ донеслись откуда то смѣшанные звуки трубъ, литавръ, барабановъ и, другихъ боевыхъ инструментовъ, а густыя облака пыли, поднявшіяся за городомъ, и народное смятеніе на улицахъ вскорѣ повѣстили намъ о прибытіи вражеской арміи. Тотъ же самый визирь, убившій моего отца и завладѣвшій его престоломъ, шелъ теперь съ своимъ многочисленнымъ войскомъ на завоеваніе государства моего дяди.

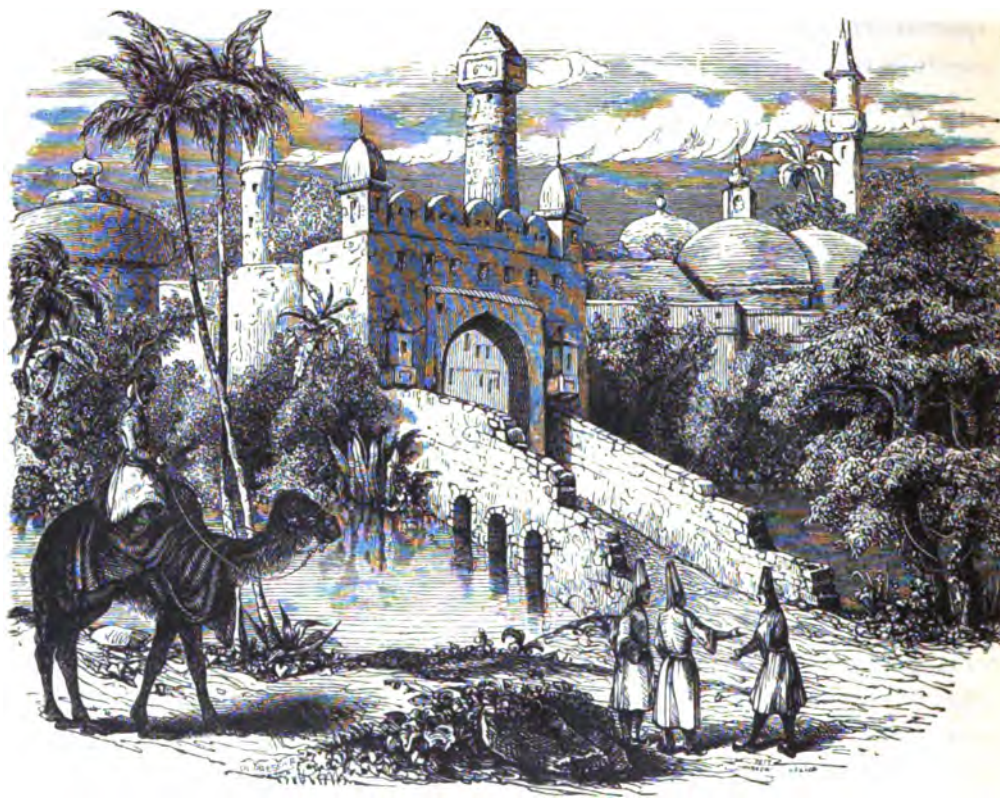
Неожиданное вторженіе застало въ расплохъ разрозненныя военныя силы царя; около него были только одни его тѣлохранители да испуганные, растерявшіеся придворные. Безъ боя отворились передъ непріятелемъ городскія ворота, и въ нѣсколько минутъ онъ заполонилъ не только всѣ улицы, но и самый дворецъ. Съ помощью немногихъ воиновъ, въ числѣ которыхъ находился и я, царь защищался геройски до послѣдней минуты и не дешево отдалъ свою жизнь, когда же онъ былъ убитъ на моихъ глазахъ, и мнѣ осталось выбирать между смертью и бѣгствомъ, я предпочелъ послѣднее и, счастливо выбравшись изъ дворца тайными проходами, укрылся у одного изъ вѣрныхъ слугъ погибшаго царя.

Удрученный горемъ, гонимый судьбой, я прибѣгъ къ единственному средству спасти свою жизнь, сбрилъ себѣ бороду и брови, облекся въ одѣяніе календера и вышелъ изъ города никѣмъ не узнанный. Затѣмъ мнѣ уже легко было удалиться и за предѣлы бывшаго государства моего дяди, пробираясь глухими путями. Я избѣгалъ населенныхъ мѣстъ и многолюдныхъ городовъ, пока не созналъ себя внѣ всякой опасности, вступивъ въ обширное государство могущественнаго повелителя правовѣрныхъ *), знаменитаго и славнаго калифа Гаруна-аль-Рашида. Тогда размысливъ о своихъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, я порѣшилъ отправиться прямо въ Багдадъ и припасть къ стопамъ этого монарха, извѣстнаго всему міру своимъ великодушіемъ. Правдивый разсказъ о моей горькой судьбѣ тронетъ его сердце, думалъ я, онъ сжалится надъ несчастнымъ царевичемъ и не откажетъ ему въ своемъ покровительствѣ.

Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ томительнаго пути, я прибылъ сегодня въ этотъ городъ, когда уже начинало смеркаться, и оста-

*) Титулъ калифовъ.

новился, чтобы передохнуть и обдумать, въ какую сторону направиться; тутъ со мной повстрѣчался другой календеръ. Онъ поклонился, я отвѣтилъ на его поклонъ и заговорилъ съ нимъ:—Сейчасъ видно, братъ мой, что и ты, также, какъ я, пришлецъ издалёка. Только что успѣлъ онъ дать мнѣ утвердительный отвѣтъ, какъ подошелъ къ намъ третій календеръ. Мы также обмѣнялись съ нимъ поклонами, и онъ, не дожидаясь вопроса, повѣдалъ, что и самъ чужой въ этомъ городѣ, куда прибылъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ изъ дальней страны. Мы подали другъ другу руки, въ знакъ братскаго союза, и порѣшили не разставаться.



А между тѣмъ наступила ночь; она застала насъ среди улицы, все въ томъ же невѣдѣніи, куда идти, гдѣ отыскать себѣ пріютъ въ незнакомомъ городѣ. Но счастливая звѣзда привела насъ къ этому дому, мы рѣшились постучаться и были приняты такъ привѣтливо и радушно, что не находимъ словъ для выраженія нашей благодарности. Вотъ все, что я могъ разсказать тебѣ, прелестная хозяйка; теперь ты знаешь, отчего я лишился праваго глаза, зачѣмъ обрилъ себѣ бороду и брови, и что привело меня въ твой домъ.

— Хорошо, сказала Зобейда, мы довольны. Теперь, царевичъ, ты можешь уйти безпрепятственно.—Календеръ возразилъ на это убѣдительной просьбой дозволить ему остаться, чтобы, не разлучаясь съ товарищами, прослушать все, что будетъ еще разсказано далѣе какъ ими, такъ и тремя неизвѣстными купцами. Зобейда согласилась.

Разсказъ перваго календера поразилъ своей необычайностью всѣхъ слушателей и особенно калифа, такъ что даже близкое присутствіе черныхъ невольниковъ съ ихъ обнаженными саблями не помѣшало ему шепнуть своему визирю:—Много приходилось мнѣ слышать на своемъ вѣку разныхъ удивительныхъ исторій, но никогда еще не слыхалъ я ничего подобнаго. Между тѣмъ изъ группы выдвинулся второй календеръ и началъ такъ, обращаясь къ Зобейдѣ:

Разсказъ втораго календера-царевича.

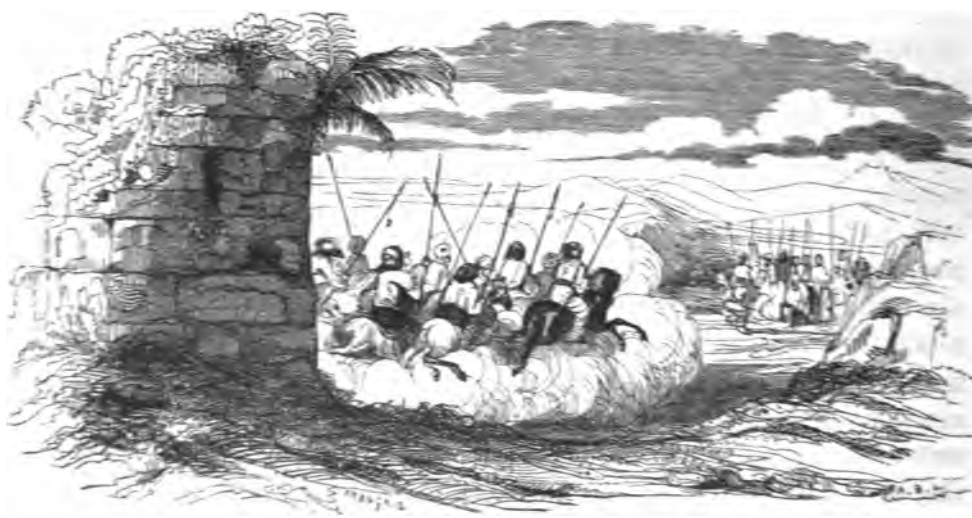
Повинуясь твоему повелѣнію, царица красоты, я разскажу тебѣ всю исторію своей жизни, а изъ нея ты узнаешь также и о томъ необыкновенномъ случаѣ, который лишилъ меня праваго глаза.

Я былъ еще отрокомъ, когда царь, отецъ мой, замѣтивъ во мнѣ большія умственныя способности, поставилъ себѣ задачей развить ихъ и усовершенствовать всевозможными способами. Для этого онъ собралъ со всего государства и далъ мнѣ въ наставники самыхъ свѣдущихъ людей по всѣмъ отраслямъ наукъ и изящныхъ искусствъ, и быстро, подъ ихъ вліяніемъ, сталъ крѣпнуть и развиваться мой умъ. Только что обучившись читать и писать, я уже зналъ наизусть весь Алкоранъ, эту дивную книгу, заключающую въ себѣ и основы, и мудрыя правила нашей религіи, а чтобъ усвоить еще сознательнѣе ихъ глубокій смыслъ, прочелъ творенія всѣхъ лучшихъ писателей, посвятившихъ свой трудъ изъясненію и толкованію Алкорана. Вмѣстѣ съ тѣмъ я воспринималъ ученія нашихъ пророковъ, переданныя намъ ихъ великими современниками, и, не ограничиваясь знаніемъ всего, относящагося къ религіи, также прилежно занимался изученіемъ исторіи, литературы, знакомился съ произведеніями поэтовъ и самъ упражнялся въ стихотворствѣ. Съ неменьшей любознательностью изучалъ я географію всѣхъ странъ и хронологію, а болѣе всего свой родной языкъ, совершенствуясь въ чистотѣ и правильности его употребленія. Но всѣ эти многосложныя умственныя занятія не мѣшали и тѣлеснымъ упражненіямъ, необходимымъ при воспитаніи царевича; я уже умѣлъ владѣть оружіемъ, отличался смѣлостью и ловкостью въ верховой ѣздѣ, принималъ даже дѣятельное участіе въ охотѣ; любимымъ же моимъ занятіемъ въ свободныя минуты было упражненіе въ красивомъ начертаніи нашихъ причудливыхъ арабскихъ буквъ, и

я такъ напрактиковался въ этомъ искусствѣ, что превзошелъ первѣйшихъ краснописцевъ нашего государства.

Вскорѣ народная молва приписала мнѣ такія необыкновенныя качества и достоинства, какими я даже не обладалъ, и слава о моихъ талантахъ распространилась не только по всему государству моего отца, но и далеко за предѣлами его, дошла до Великой Индіи, и могущественный повелитель ея, желая увидать собственными глазами такое чудо, отправилъ къ моему отцу своего посла съ драгоцѣнными дарами и съ просьбою отпустить меня къ индійскому двору. Отецъ обрадовался вдвойнѣ: во первыхъ, онъ былъ убѣжденъ, что лучшее воспитаніе для юноши,—это далекое путешествіе, дающее возможность ознакомиться съ различными странами и народами; во вторыхъ, и это, пожалуй, было главнымъ,—онъ желалъ установить дружественныя отношенія съ могучимъ монархомъ Индіи. И такъ, я отправился въ путь вмѣстѣ съ посольствомъ, но ни большаго каравана, ни многочисленной военной охраны со мною не было, потому что это представило бы много неудобствъ при такихъ длинныхъ и трудныхъ переходахъ черезъ знойныя степи.

Уже цѣлый мѣсяцъ мы находились въ пути, не испытавъ ни одного приключенія, какъ вдругъ вдали поднялось передъ нами густое облако пыли; оно все приближалось, и наконецъ мы ясно различили подъ нимъ пятьдесятъ вооруженныхъ всадниковъ. То были разбойники, во весь опоръ скакавшіе намъ на встрѣчу.



Съ нами было десять верблюдовъ, навьюченныхъ съѣстными припасами, нашимъ багажемъ и тѣми не малоцѣнными дарами, которые я везъ индійскому султану отъ имени моего отца; людей же при караванѣ было мало, и потому разбойники, сознавая значительное превосходство своихъ силъ надъ нашими и легкость побѣды, окружили насъ смѣло.

Не имѣя возможности отразить нападенія, мы назвали имъ себя послами султана Великой Индіи и выразили увѣренность, что они не нарушатъ подобающаго ему почтенія. Этимъ мы думали спасти и себя, и свое имущество, но всадники дерзко отвѣтили:—А что намъ за дѣло до вашего султана? Не только мы не подданные его, но и земля то эта ему не принадлежитъ. Вслѣдъ за тѣмъ они бросились на насъ съ очевиднымъ намѣреніемъ перебить всѣхъ поголовно. Я защищался до послѣдней возможности, но чувствуя, что силы мои ослабѣваютъ отъ полученной раны, видя, что посолъ съ своей свитой и мои немногіе провожатые—всѣ повержены на землю, я воспользовался остаткомъ силъ своего коня, тоже раненаго, и, пустивъ его вскачъ, скоро удалился отъ мѣста побоища; онъ бѣжалъ съ невѣроятнымъ напряженіемъ, очевидно уже изнемогая, и вдругъ пошатнулся подо мной и упалъ. Когда, высвободивъ ноги изъ стремянъ, я наклонился къ нему, онъ уже не дышалъ, убитый на повалъ потерей крови и утомленіемъ. Лишившись этого послѣдняго товарища, я тревожно оглянулся вокругъ, но не увидалъ никого; должно быть никто изъ грабителей не рѣшился удалиться отъ своей добычи, ради погони за мной.

Итакъ, я остался одинъ, раненый, безномощный среди незнакомой страны. Идти далѣе той же дорогой значило бы подвергаться опасности снова попасть въ руки разбойниковъ, и вотъ, перевязавъ свою рану, къ счастію неопасную, я пошелъ наобумъ окольными путями, не отдыхая во весь день и, къ вечеру добрелъ до подножія высокой горы, въ которой замѣтилъ отверстіе пещеры; обрадованный представлявшимся мнѣ убѣжищемъ, я вошелъ туда, съѣлъ нѣсколько плодовъ, собранныхъ дорогой, и довольно спокойно провелъ короткую ночь.

Прошло еще много дней и ночей, миновалъ цѣлый мѣсяцъ, а я все продолжалъ идти наугадъ, не находя себѣ надежнаго пристанища. Къ концу этого времени на разсвѣтѣ одного счастливаго утра, я вдругъ увидалъ передъ собой огромный, великолѣпный городъ, расположенный среди очаровательной, цвѣтущей мѣстности, гдѣ стекалось въ одно русло нѣсколько рѣкъ. То было словно царство весны, да она и дѣйствительно царила тамъ вѣчно, какъ я узналъ впослѣдствіи. Разнообразная красота, разлитая всюду, приковывала мои взоры и заставляла меня даже забывать о своей несчастной судьбѣ. И лицо мое, и руки, и ноги, сожженныя солнцемъ, приняли коричневый цвѣтъ; обувь давно износилась отъ долгой ходьбы, и я принужденъ былъ идти босикомъ, да и самыя одежды мои уже обратились въ лохмотья.

Войдя въ городъ, я остановился въ нерѣшимости, не зная, гдѣ искать пріюта,—какъ вдругъ мнѣ попался на глаза портной, сидѣвшій за работой у входа въ свою мастерскую. Я подошелъ къ нему. Узналъ ли онъ по моей осанкѣ, что я не то, чѣмъ кажусь, или мой печальный

видъ и моя юность расположили его въ мою пользу, но только онъ взглянулъ на меня привѣтливо и пригласилъ сѣсть рядомъ съ собой; потомъ спросилъ—кто я, откуда и зачѣмъ пришелъ. Я разсказалъ ему подробно все, что со мной случилось, не утаивъ отъ него даже и своего высокаго званія. Портной выслушалъ меня молча и внимательно, но неутѣшительны были его слова по окончаніи моего разсказа,—они только еще сильнѣе встревожили и огорчили меня.—Будь остороженъ, царевичъ, сказалъ онъ, опасно открывать здѣсь кому либо то, что ты довѣрилъ мнѣ. Государь нашей страны величайшій врагъ царя, твоего отца и, если онъ только провѣдаетъ о твоемъ прибытіи въ городъ, тебѣ не миновать какой нибудь бѣды.—Я не могъ сомнѣваться въ основательности этого предостереженія, когда портной назвалъ мнѣ имя своего государя. Но такъ какъ давнишняя вражда между имъ и моимъ отцомъ нисколько не касается моихъ дальнѣйшихъ приключеній, то я обойду ее молчаніемъ.

Искренно поблагодарилъ я портного и выразилъ полную готовность слѣдовать во всемъ его добрымъ совѣтамъ. Полагая, что я долженъ быть голоденъ, онъ поспѣшилъ накормить меня, а затѣмъ предложилъ мнѣ остаться въ его домѣ и жить, пока не найдется ничего лучшаго. Конечно, я съ радостью принялъ его предложеніе.

Черезъ нѣсколько дней послѣ моего прибытія, замѣтивъ, что я уже успѣлъ оправиться отъ всѣхъ испытанныхъ мытарствъ, и зная, что многія царскія дѣти нашей вѣры обучаются какому нибудь ремеслу или искусству на случай возможныхъ превратностей судьбы,—хозяинъ мой спросилъ меня, не могу ли и я избрать себѣ такой трудъ, который далъ бы средства прожить независимо до болѣе счастливыхъ временъ. Я отвѣтилъ, что изучилъ и догматы религіи, и гражданское право, знаю въ совершенствѣ свой родной языкъ и самъ владѣю имъ даже въ стихотворной формѣ, а главное, умѣю превосходно писать.—Ну, съ этимъ, царевичъ, можно насидѣться и безъ хлѣба, замѣтилъ портной; въ нашей странѣ всѣ эти знанія никуда не пригодны. А если хочешь послѣдовать моему совѣту, то прежде всего добудь себѣ короткую рабочую одежду; съ виду ты кажешься сильнымъ и крѣпкимъ, такъ вотъ какой трудъ я предложу тебѣ: отправляйся въ ближній лѣсъ, наруби тамъ побольше дровъ и выноси ихъ для продажи на рынокъ,—этимъ ты навѣрное заработаешь на независимую жизнь и будешь имѣть возможность дождаться благопріятной перемѣны въ своей судьбѣ; не вѣчно же роковая туча будетъ затемнять твою счастливую звѣзду, настанетъ, можетъ быть, время, когда ты снова вернешься къ своему высокому положенію, а до тѣхъ поръ надо подумать о настоящемъ; съ своей же стороны, я берусь добыть тебѣ крѣпкій канатъ да острый топоръ.

Настоятельная нужда, а также и необходимость обезопасить свое положеніе, принудили меня взяться за эту трудную работу, которая при

иныхъ обстоятельствахъ показалась бы мнѣ унизительной. На другое же утро портной купилъ топоръ, канатъ, рабочую куртку и свелъ меня съ другими бѣдняками, занимавщимися тѣмъ же промысломъ; они согласились принять новаго товарища, и я отправился вмѣстѣ съ ними въ ближайшій лѣсъ, а къ вечеру принесъ оттуда на спинѣ такое количество дровъ, что мнѣ дали за него на рынкѣ половинную стоимость мѣстной золотой монеты. Хотя лѣсовъ въ окружности этого города было много, но дрова продавались въ немъ дорого, потому что мало находилось охотниковъ рубить ихъ. И вотъ, въ самое короткое время, мнѣ удалось заработать столько, что я могъ возвратить своему хозяину занятыя у него деньги.

Такъ прожилъ я уже болѣе года, когда, однимъ раннимъ утромъ, забравшись въ самую дальнюю часть лѣса, я очутился въ необыкновенно красивомъ, тѣнистомъ мѣстѣ и принялся усердно работать своимъ топоромъ. Вытаскивая съ корнемъ одно небольшое дерево, я замѣтилъ прикрытое землей желѣзное творило съ такимъ же кольцомъ; поспѣшно отгребъ я землю и, поднявъ его безъ труда, увидалъ лѣстницу, по которой тотчасъ же спустился внизъ, не выпуская изъ руки своего топора. Тогда моимъ изумленнымъ глазамъ представились роскошные чертоги, всѣ залитые такимъ яркимъ свѣтомъ, какого не даетъ даже пол-

дневное сіяніе солнца на небѣ. Я пошелъ наудачу длинной галереей, окаймленной по обѣимъ сторонамъ массивными колоннами изъ яшмы, украшенными сверху золотыми вазами и фигурными оглавіями изъ того же драгоцѣннаго металла. Вдругъ весь этотъ блескъ и вся эта волшебная роскошь словно померкли въ моихъ глазахъ, потому что я увидалъ живое свѣтило: на встрѣчу мнѣ величавой поступью приближалась женщина, такой дивной, ослѣпительной красоты, какой еще не доводилось мнѣ видѣть во всю мою жизнь.

Ускоривъ шаги, я подошелъ къ красавицѣ и почтительно преклонился передъ ней, она же спросила меня проникающимъ въ душу голосомъ:— Кто ты, нежданный гость, смертный, или геній?— Я обыкновенный человѣкъ, моя очаровательница, отвѣтилъ я, снова впиваясь въ нее взглядомъ, и не имѣю ничего общаго съ геніями и духами.

— Какой же благодатный случай привелъ тебя сюда? Вотъ уже двадцать пять лѣтъ, какъ я живу здѣсь безвыходно, добавила она съ тяжкимъ вздохомъ, и за все это время не видала еще ни одного человѣка въ своей тюрьмѣ.

Очаровательная красота ея, поразившая меня сразу, вмѣстѣ съ привѣтливой ласковостью обращенія возбудили во мнѣ упоительную надежду, которую я тутъ же осмѣлился выразить ей отчасти:—Безконечно благодаренъ я небу за эту нежданно посланную мнѣ встрѣчу, она уже утѣшила меня въ моей горькой судьбѣ, а можетъ быть и въ твою одинокую жизнь мнѣ приведется внести утѣшеніе. Потомъ я разсказалъ ей, по какой несчастной случайности сталъ простымъ дровосѣкомъ, будучи царевичемъ по рожденію, и какъ другой, уже счастливый случай навелъ меня на открытіе ея роскошной, но все же безрадостной тюрьмы.

— Ты правъ, царевичъ, заговорила она съ новымъ вздохомъ, какъ ни великолѣпна моя тюрьма, но я изнываю въ ней отъ скуки и тоски. Вѣдь и рай земной показался бы адомъ въ неволѣ. Навѣрно ты слыхалъ когда нибудь о великомъ Эпитимарѣ, царѣ Гебанскаго Острова, названнаго такъ потому, что на немъ растетъ въ изобиліи драгоцѣнное черное дерево гебанъ. Такъ этотъ царь—родной отецъ мой. Только что я вышла изъ отрочества, онъ избралъ мнѣ въ супруги молодаго царевича, моего двоюроднаго брата; но въ первую же ночь послѣ нашей свадьбы, во время полнаго разгара веселья и во дворцѣ, и во всей столицѣ Гебанскаго острова, когда еще отецъ не вручалъ меня моему супругу, я внезапно была похищена геніемъ и лишилась при этомъ чувствъ, потеряла всякое сознаніе, когда же очнулась, увидала себя въ этомъ подземномъ дворцѣ. Долго была я неутѣшна и не могла видѣть безъ ужаса своего похитителя, но время и неизбѣжность пріучили меня даже къ его ненавистному присутствію. И вотъ уже четверть вѣка прошло съ той поры, какъ живу я въ этихъ волшебныхъ чертогахъ, гдѣ

для меня готово все, чего только можно пожелать, но ничто не мило мнѣ въ моей одинокой тоскѣ, ни роскошные наряды, ни драгоцѣнныя украшенія. Черезъ каждые десять дней геній является сюда, чтобы провести со мной одну ночь и никогда не остается долѣе, потому что онъ женатъ и боится возбудить ревность въ своей супругѣ, если она провѣдаетъ о его измѣнѣ. Впрочемъ, когда бы ни встрѣтилась надобность въ его помощи или услугѣ, во всякое время дня и ночи, мнѣ стоитъ лишь прикоснуться къ талисману, что положенъ у входа въ мою опочивальню, какъ геній является мгновенно. Теперь прошло еще только четыре дня съ его послѣдняго появленія, и ранѣе, какъ черезъ шесть дней, онъ не возвратится, стало быть пять изъ нихъ ты можешь свободно и смѣло провести со мной, если захочешь. Я постараюсь принять и угостить тебя, царевичъ, со всею пышностью, подабающею твоему высокому званію и твоимъ личнымъ достоинствамъ.

Кто же на моемъ мѣстѣ могъ бы отказаться отъ такой великой милости? Она упала на меня, словно съ неба, нежданно, негаданно, и, забывая всѣ свои невзгоды, я почувствовалъ себя въ эту минуту безмѣрно счастливымъ. Царевна указала мнѣ гдѣ пройти въ купальню, которая, какъ и все въ этомъ дворцѣ, поразила меня своимъ удобствомъ и невиданнымъ великолѣпіемъ; при выходѣ же оттуда, я уже не нашелъ своей грубой рабочей куртки, вмѣсто нея, для меня было приготовлено роскошное царское одѣяніе, сверкающее самоцвѣтными каменьями; но не богатство этого дара заставило меня принять его съ радостью, а только желаніе быть достойнымъ прекрасной царевны даже и по внѣшнему виду. Мы сѣли съ ней вмѣстѣ на софу, покрытую дорогими коврами и обложенную подушками изъ индійской штофной матеріи, затканной золотомъ. Послѣ долгой, задушевной бесѣды, царевна озаботилась приготовленіемъ ужина, и вскорѣ на столѣ появились самыя разнообразныя, отборныя яства. Быстро пролетало время за этимъ веселымъ пиромъ, а когда наступила ночь, красавица приняла меня на свое ложе.

На слѣдующій день, пріискивая всевозможныя средства доставить мнѣ удовольствіе, она подала къ обѣду бутылку превосходнаго стараго вина и, для поощренія меня, сама выпила со мной нѣсколько глотковъ. Крѣпость этого чудеснаго напитка очень скоро затуманила мнѣ голову и разгорячила кровь.— Прекрасная царевна! воскликнулъ я, уже опьянѣвъ, довольно тебѣ томиться здѣсь въ неволѣ, словно погребенной заживо. Иди за мной, я выведу тебя на Божій свѣтъ, на вольный воздухъ, которыхъ ты лишена столько лѣтъ въ своей роскошной тюрьмѣ.

— Умѣрь свой пылъ, царевичъ, отвѣтила она мнѣ съ улыбкой, достаточно для меня свѣта тѣхъ дней, которые я буду проводить съ тобой нескончаемо, уступая ненавистному генію только одинъ изъ десяти. — Ты говоришь такъ, царевна, возразилъ я, только потому, что

боишься генія; мнѣ же онъ не страшенъ, повѣрь, и чтобы доказать тебѣ это, я готовъ разбить вдребезги проклятый талисманъ со всѣми его дьявольскими надписями. Тогда пусть является твой тиранъ, я не сробѣю! Какъ ни могучъ онъ и не силенъ, а все таки почувствуетъ тяжесть моей руки. Клянусь истребить всѣхъ геніевъ въ мірѣ, сколько бы ихъ ни было, начиная съ него! Царевна, предвидя послѣдствія такого безумнаго намѣренія, стала успокоивать меня, умоляя не прикасаться къ талисману.—Этимъ ты только погубишь насъ обоихъ, сказала она въ заключеніе; повѣрь мнѣ, я знаю страшную силу геніевъ

больше, чѣмъ ты. Но, подъ вліяніемъ опьяненія, я не внялъ ея благоразумнымъ совѣтамъ, а бросившись къ входу въ опочивальню, изо всей силы ударилъ ногой въ талисманъ и разбилъ его на мелкія части.

Только что совершилъ я это, какъ весь дворецъ потрясся до основанія, словно готовъ былъ разрушиться отъ тысячи громовыхъ ударовъ; поднялся оглушительный шумъ, сопровождаемый сверканіемъ молніи, и затѣмъ все кругомъ погрузилось въ непроглядный мракъ. Испугъ и ужасъ сразу протрезвили меня, и я понялъ, но уже слишкомъ поздно, все безуміе своего поступка. — Царевна! воскликнулъ я отчаянно, что̀ же съ нами будетъ? Забывая о своей собственной опасности, она отвѣтила мнѣ дрожащимъ голосомъ:—О, тебѣ угрожаетъ смерть, если ты не спасешься бѣгствомъ!

Не медля ни минуты, я послѣдовалъ ея совѣту, но, отуманенный

страхомъ, забылъ захватить съ собой свои папуши *) и топоръ. Съ трудомъ пробираясь въ темнотѣ, я не успѣлъ еще достигнуть выходной лѣстницы, какъ вдругъ весь дворецъ снова озарился яркимъ свѣтомъ, одна стѣна его раздвинулась, и появился геній. Онъ гнѣвно спросилъ царевну:—Что случилось съ тобой? Зачѣмъ ты меня вызвала?—Я почувствовала себя дурно, отвѣчала она, едва выговаривая слова,—и вотъ достала эту бутылку стараго вина, чтобы подкрѣпиться, выпила изъ нея нѣсколько глотковъ и вдругъ упала прямо на талисманъ. Отъ этого онъ и разбился.

Еще болѣе разгнѣванный ея отвѣтомъ, геній грозно крикнулъ:—Ты безстыдная лгунья! Откуда же взялись здѣсь эти папуши и топоръ?—Я только въ первый разъ ихъ вижу, пролепетала царевна,—можетъ быть, въ своемъ стремительномъ полетѣ, ты захватилъ ихъ гдѣ нибудь по дорогѣ, и самъ не замѣтилъ, какъ принесъ сюда.

Геній отвѣчалъ на это яростной бранью, и вслѣдъ затѣмъ до меня донеслись звуки ударовъ, сопровождаемые жалобными воплями царевны. Сердце мое разрывалось отъ жалости, но, сознавая свое полное безсиліе передъ могучимъ геніемъ, я поспѣшилъ убраться изъ этого проклятаго замка. Немного потребовалось мнѣ времени, чтобы сбросить съ себя роскошныя одежды и замѣнить ихъ своей рабочей курткой, которую я еще наканунѣ положилъ около лѣстницы по выходѣ изъ купальни. Затѣмъ, я поспѣшно сталъ взбираться вверхъ по ступенямъ, мучимый жгучими чувствами состраданія и раскаянія въ навлеченномъ мною несчастіи на лучшую, прекраснѣйшую изъ всѣхъ женщинъ въ мірѣ. Горько упрекалъ я себя въ безуміи, въ преступности своего поступка, которымъ предалъ ее мщенію жестокаго генія. Правда, она и до меня томилась въ заключеніи цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ,—думалъ я,—но тогда по крайней мѣрѣ ей не приходилось страдать, и она могла бы даже быть счастливой, если только счастіе возможно безъ свободы. Какъ бы то ни было, я погубилъ ее своимъ безуміемъ, предалъ на мученіе безпощадному демону. Между тѣмъ я опустилъ творило, засыпалъ его землей, собралъ по привычкѣ огромную вязанку дровъ и отнесъ ее въ городъ, но все это дѣлалъ почти безсознательно, не помня себя отъ мучительныхъ чувствъ, переполнявшихъ мое сердце.

Мой хозяинъ, портной, очень обрадовался, увидавъ меня.—Ну, слава Богу! воскликнулъ онъ, а я тутъ не мало тревожился твоимъ отсутствіемъ, все думалъ, что кто нибудь еще провѣдалъ твою тайну, и ты попалъ въ бѣду. Будь остороженъ, царевичъ. Я сердечно поблагодарилъ его за участіе и заботу обо мнѣ, но не сказалъ ему ни слова о своемъ приключеніи и не объяснилъ, почему возвращаюсь безъ папушъ

*) Азіатская обувь, въ родѣ туфель.

и топора. Тотчасъ же удалившись въ свое помѣщеніе, я снова предался горькому раскаянію. — Проклятое вино! думалось мнѣ, не выпей я черезъ мѣру, наше счастіе продолжалось бы безконечно. И такъ сидѣлъ я долго, погрузившись въ свои печальныя думы, когда вошелъ портной и сказалъ мнѣ:—Царевичъ, какой то незнакомый старикъ принесъ папуши и топоръ, найденные имъ на дорогѣ; онъ говоритъ, что дровосѣки признали ихъ за твои и указали, гдѣ ты живешь. Иди къ нему,—онъ хочетъ передать тебѣ въ руки свою находку.

При этихъ словахъ я поблѣднѣлъ и едва устоялъ на ногахъ; удивленный хозяинъ сталъ спрашивать о причинѣ моего испуга, какъ вдругъ

раздвинулся полъ и грозный старикъ, вѣроятно потерявъ терпѣніе дожидаться меня, самъ предсталъ предъ нами съ топоромъ и папушами въ рукахъ. То былъ геній, похититель прекрасной царевны, принявшій образъ старика послѣ своей жестокой расправы съ нею.—Я геній! объявилъ онъ, сынъ дочери Эблиса, властителя всѣхъ геніевъ вселенной, и спросилъ, обращаясь ко мнѣ: —Твой ли этотъ топоръ? Твои ли эти папуши?

Пораженный страшнымъ явленіемъ, я не въ силахъ былъ вымолвить ни слова, да геній не далъ мнѣ и времени отвѣтить; онъ въ одно мгновеніе схватилъ меня поперегъ тѣла, вытащилъ изъ дома и, поднявшись

со мной на воздухъ, быстрѣе птицы взлетѣлъ къ облакамъ, такъ что я не успѣлъ и опомниться, какъ сердце у меня замерло и голова закружилась отъ ощущенія неизмѣримой высоты. Потомъ, съ быстротой стрѣлы, пущенной изъ лука, онъ спустился со мной на землю, она мгновенно разверзлась подъ нами отъ удара его ноги, и мы снова очутились въ очарованномъ замкѣ, передъ несчастной царевной Гебанскаго острова. Но, Боже праведный, въ какомъ состояніи увидалъ я ее! И теперь

еще мое сердце сжимается и при одномъ этомъ воспоминаніи; она недвижимо лежала на полу, обнаженная, обагренная кровью, съ блѣдными ланитами, залитыми слезами. — Измѣнница! крикнулъ ей геній, отвѣчай мнѣ, узнаешь ли своего любовника? Она взглянула на меня своими заплаканными глазами и отвѣтила съ кроткой печалью:—Не знаю его, въ первый разъ вижу. — Лжешь! снова прогремѣлъ геній, онъ, и никто иной, виновникъ всѣхъ твоихъ заслуженныхъ мученій, а ты еще пытаешься спасти его, отрицая, что узнаешь! — Ложь была бы не въ отрицаніи, а въ признаніи, промолвила она.—Когда такъ, сказалъ мучитель, вынимая свой мечъ и подавая его царевнѣ,—если ты совсѣмъ

не знаешь этого человѣка, то и жалѣть его тебѣ нечего. Отруби же сама ему голову.—О, въ силахъ ли я исполнить такое жестокое требованіе? съ ужасомъ проговорила она,—я такъ слаба, что не могу поднять даже руки, а еслибъ и могла, за что же стала бы я убивать неизвѣстнаго мнѣ и ни въ чемъ передо мной невиновнаго человѣка?—Этотъ отказъ еще болѣе убѣждаетъ меня въ твоемъ преступленіи, сказалъ онъ ей и обратился съ тѣмъ же вопросомъ ко мнѣ:—Говори теперь ты, знаешь ли эту женщину?

Такъ какъ правдивый отвѣтъ съ моей стороны былъ бы измѣной и неблагодарностью въ отношеніи великодушной царевны, желавшей спасти виновника своего несчастія, то понятно, что и я отвѣтилъ отрицаніемъ:—Какъ могу я ее знать, когда тоже вижу въ первый разъ?—Такъ отруби ей голову, если не лжешь, сказалъ геній, передавая мнѣ мечъ,—только этой цѣной ты получишь свободу, убѣдивъ меня въ правдивости своего увѣренія. — Изволь, если это необходимо, отвѣтилъ я и, взявъ мечъ изъ его руки, подошелъ къ несчастной царевнѣ, но не за тѣмъ, чтобъ исполнить жестокое приказаніе, а чтобы выразить ей, насколько возможно, и взглядомъ, и знаками, что какъ она готова жертвовать собой изъ любви ко мнѣ, такъ и я для нея не пожалѣю своей жизни. Царевна поняла меня и, не смотря на свое тяжкое страданіе, съумѣла отвѣтить мнѣ тоже взглядомъ, полнымъ нѣжной любви, какъ дорога ей моя готовность умереть вмѣстѣ съ нею. Послѣ этого безмолвнаго объясненія я вдругъ отступилъ и отбросилъ въ сторону мечъ. — Нѣтъ, воскликнулъ я, обращаясь къ генію,—такой поступокъ навлекъ бы на меня небесную кару и всеобщее презрѣніе. Человѣкъ, убивающій неповинную женщину, да еще въ такую минуту, когда она находится при послѣднемъ издыханіи, не достоинъ даже имени человѣка. Дѣлай же со мной что̀ хочешь, такъ какъ я въ твоей власти, но повиноваться твоему жестокому требованію я не въ силахъ.—Вы оба издѣваетесь надо мной и надъ моимъ оскорбленнымъ чувствомъ! воскликнулъ геній въ порывѣ неукротимаго гнѣва, — такъ узнайте же, какъ я умѣю мстить! Съ этими словами онъ поднялъ мечъ и съ размаха отрубилъ правую руку царевнѣ. Несчастная успѣла только вскрикнуть и слабымъ движеніемъ лѣвой руки выразить мнѣ свое послѣднее прощаніе. Затѣмъ, истекая кровью, она еще дышала не болѣе двухъ минутъ и умерла. Тутъ я лишился чувствъ и не знаю, долго ли оставался въ такомъ состояніи.

Когда же сознаніе ко мнѣ вернулось, я сталъ умолять генія покончить скорѣй мое томительное ожиданіе смерти.—Что же ты медлишь? говорилъ я, теперь смертельный ударъ будетъ для меня избавленіемъ, я жду его, какъ великой милости.

Но геній уже раздумалъ меня убивать.—Ты видѣлъ теперь, на-

чалъ онъ спокойно, какъ безпощадно мщеніе геніевъ любимымъ ими женщинамъ, если онѣ навлекаютъ на себя хотя бы только подозрѣніе въ невѣрности. Царевна приняла тебя здѣсь,—одно это несомнѣнно; но еслибъ я былъ еще увѣренъ, что вы оба нанесли мнѣ другое, неизгладимое оскорбленіе, тогда тебѣ не прожить бы и одной минуты; теперь же я ограничу свое мщеніе обращеніемъ тебя въ какое нибудь животное и при этомъ еще предоставлю тебѣ свободный выборъ. Говори, чѣмъ ты желаешь быть: собакой, осломъ, львомъ или птицей?

Такое неожиданное смягченіе наказанія подало мнѣ нѣкоторую надежду на полное помилованіе. — О, могучій геній! воскликнулъ я съ мольбой, оставь меня человѣкомъ, если великодушно даруешь мнѣ жизнь, прости ради милосердаго Бога, какъ одинъ изъ лучшихъ людей простилъ своему злѣйшему завистнику-сосѣду. Геній спросилъ меня, что именно произошло между этими двумя сосѣдями, и потребовалъ, чтобы я разсказалъ ему всю ихъ исторію. Не до того мнѣ было, но тогда я повиновался поневолѣ, теперь же охотно повторю свой разсказъ:

О великодушномъ счастливцѣ и его завистникѣ.

Въ одномъ изъ довольно значительныхъ восточныхъ городовъ, два человѣка жили другъ съ другомъ въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ, — въ двухъ смежныхъ домахъ. Вдругъ въ сердцѣ одного изъ сосѣдей возникла такая неукротимая зависть къ другому и стала проявляться въ такихъ явно враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ него, что послѣдній наконецъ былъ вынужденъ удалиться отъ своего завистника, въ томъ убѣжденіи, что эта странная ненависть происходитъ единственно отъ близкаго сосѣдства, такъ какъ самъ онъ не только не вызывалъ ея ни однимъ своимъ поступкомъ, а, напротивъ, всегда старался оказывать всевозможныя услуги своему гонителю. И вотъ, продавъ свой домъ со всѣмъ, что въ немъ заключалось, взамѣнъ его онъ купилъ себѣ небольшой участокъ земли въ недалекомъ разстояніи отъ главнаго города той страны. На этомъ новомъ мѣстѣ стоялъ обширный, удобный домъ, построенный между прекраснымъ садомъ и дворомъ; а на дворѣ былъ давно заброшенный глубокій колодецъ.

Вступивъ во владѣніе своей покупкой, этотъ великодушный человѣкъ задумалъ совсѣмъ удалиться отъ мірской суеты и посвятить себя богоугоднымъ дѣламъ. Для этого, облекшись самъ въ одѣяніе дервиша *), онъ раздѣлилъ свой домъ на монашескія кельи и вскорѣ собралъ въ

*) Слово это на персидскомъ и турецкомъ языкахъ обозначаетъ вообще бѣдняка, какъ и *факиръ* по арабски; но въ частности оба эти названія относятся къ мусульманскому или индійскому монаху; монахи же христіане называются на арабскомъ языкѣ *рахебами*, а на турецкомъ—*калоджерами* или *кешишами*. (Галланъ).

немъ цѣлую общину дервишей. Слухи о его добродѣтели быстро распространились, и къ нему отовсюду стали стекаться толпы посѣтителей; вмѣстѣ съ простымъ народомъ шли и богатые граждане, и важные сановники,—словомъ, онъ въ самомъ скоромъ времени пріобрѣлъ любовь и почтеніе всей страны. Часто къ молитвамъ его прибѣгали и чужестранцы, распространяя потомъ его славу все далѣе и далѣе своими увѣреніями, что небесное благословеніе низошло на нихъ силою его молитвъ.

Хвалебная молва о немъ очень скоро дошла до того города, гдѣ жилъ его бывшій сосѣдъ, и пробудила въ сердцѣ завистника угомонившееся на время злобное чувство, которое усилилось потомъ до такой степени, что онъ рѣшился покинуть свой домъ и всѣ свои дѣла, идти туда, гдѣ поселился ненавистный ему человѣкъ, и погубить его, во что бы то ни стало. Съ этимъ намѣреніемъ онъ прямо отправился въ новоустроенный монастырь и былъ принятъ его учредителемъ, своимъ бывшимъ сосѣдомъ, съ самымъ искреннимъ дружелюбіемъ. Завистникъ объявилъ, что его привело къ нему одно важное дѣло, котораго нельзя сообщить иначе, какъ наединѣ.—А чтобы никто не могъ услыхать нашего разговора, добавилъ онъ, — мы выйдемъ прогуляться по твоему двору; теперь почти уже ночь, такъ прикажи своимъ дервишамъ разойтись по кельямъ.—Далекій отъ всякаго подозрѣнія, начальникъ дервишей исполнилъ это желаніе.

Прохаживаясь съ нимъ рядомъ по двору, завистникъ повелъ заранѣе придуманную рѣчь и въ то же время незамѣтно направлялъ шаги

къ покинутому колодцу; подойдя же къ самому краю его, онъ быстрымъ движеніемъ столкнулъ въ глубину своего довѣрчиваго спутника; затѣмъ, никого не встрѣтивъ, безпрепятственно вышелъ изъ монастыря черезъ отпертыя ворота и возвратился въ свой городъ, вполнѣ довольный удачей своего злодѣйскаго замысла и увѣренный, что предметъ его зависти уже не существуетъ болѣе на свѣтѣ. Но въ этомъ онъ ошибался. Колодецъ, давно заброшенный людьми, обратился въ любимое жилище геніевъ и волшебницъ, которые какъ разъ находились тамъ всѣ въ сборѣ, когда незлобивый дервишъ былъ сброшенъ въ глубину: они то и не допустили его упасть и разбиться. Ошеломленный предательскимъ толчкомъ, онъ смутно чувствовалъ при своемъ паденіи, что какая то невѣдомая сила поддерживаетъ его на воздухѣ, но не видѣлъ и не ощущалъ ничьего присутствія въ этой глубокой тьмѣ, и такъ спустился тихо и невредимо на самое дно. Тогда вдругъ онъ услышалъ вблизи чей то вопросъ:—Знаете ли вы, кого мы удержали отъ смертельнаго паденія?—Нѣтъ, не знаемъ, разомъ отвѣтило нѣсколько голосовъ; затѣмъ первый продолжалъ:—Такъ я повѣдаю вамъ: это лучшій изъ всѣхъ смертныхъ въ грѣховномъ мірѣ. Движимый чувствомъ безпримѣрнаго человѣколюбія, онъ покинулъ свой родной городъ и переселился въ чуждыя мѣста, только ради того, чтобы излѣчить своего сосѣда отъ злобной зависти, которую возбуждалъ въ немъ помимо своей воли. Здѣсь, праведной жизнью и добрыми дѣлами, онъ скоро пріобрѣлъ всеобщую любовь, и слава о немъ разнеслась далеко; она дошла до бывшаго сосѣда, и тотъ снова воспылалъ такой неукротимой завистью къ этому праведнику, что пришелъ сюда съ цѣлью, какимъ бы то ни было способомъ, согнать его со свѣту,—и вотъ столкнулъ въ этотъ колодецъ, но, благодаря нашей помощи, міръ не лишился лучшаго человѣка, не лишились также своего покровителя и заступника всѣ прибѣгающіе къ нему въ горѣ и нуждѣ. Самъ султанъ, властитель этой страны, намѣренъ посѣтить завтра учрежденную имъ общину дервишей и поручить свою дочь его святымъ молитвамъ. — А зачѣмъ же нужны царевнѣ молитвы дервиша? спросилъ другой голосъ. На это первый отвѣтилъ:—Да развѣ ты не знаешь, что она одержима влюбленнымъ въ нее духомъ Маймуномъ, сыномъ Димдима? Но мнѣ извѣстно, чѣмъ могъ бы изцѣлить ее добрый дервишъ; средство очень простое: Въ его монастырѣ есть черный котъ, а у этого кота на кончикѣ хвоста бѣлое пятнышко, величиною въ самую мелкую серебряную монету. Стоитъ только вырвать семь этихъ бѣлыхъ шерстинокъ, сжечь и окурить ихъ дымомъ голову царевны. Въ то же мгновеніе она будетъ исцѣлена и освобождена отъ Маймуна, сына Димдимова, такъ что онъ уже никогда больше не осмѣлится и приблизиться къ ней.

Добрый дервишъ не проронилъ ни единаго слова изъ этой бесѣды

геніевъ и волшебницъ, умолкшихъ затѣмъ на всю остальную ночь. А на разсвѣтѣ слѣдующаго утра, когда предметы уже стали выдѣляться изъ тьмы, онъ различилъ въ полуразрушенномъ колодцѣ прорытое сбоку широкое углубленіе и, воспользовавшись этимъ, безъ труда выбрался подземнымъ ходомъ на поверхность земли.

Обрадовались дервиши, увидавъ своего начальника, котораго напрасно искали всюду въ продолженіе цѣлой ночи; онъ разсказалъ имъ въ немногихъ словахъ о вѣроломномъ поступкѣ вчерашняго гостя и тотчасъ же удалился въ свою келью, куда вслѣдъ за нимъ прокрался и тотъ черный котъ, о которомъ говорили наканунѣ геніи и волшебницы. Когда, съ своимъ обычнымъ нѣжныхъ мурлыканьемъ, онъ сталъ ласкаться къ хозяину, тотъ взялъ его на колѣни, вырвалъ семь шерстинокъ изъ бѣлаго пятнышка и спряталъ ихъ на случай надобности.

Дѣйствительно, вскорѣ послѣ восхода солнца, къ монастырскимъ воротамъ подъѣхалъ самъ султанъ въ сопровожденіи своей свиты. Безуспѣшно испытавъ передъ тѣмъ всѣ средства къ исцѣленію своей любимой дочери, онъ рѣшилъ теперь лично обратиться къ дервишу, возлагая свою послѣднюю надежду на святость его молитвъ. Вся стража и сановники остались за воротами, султанъ же сошелъ съ коня и, со смиреніемъ простаго богомольца, вступилъ пѣшкомъ на монастырскій дворъ. Дервиши встрѣтили его съ глубокимъ почтеніемъ.

Отойдя въ сторону съ ихъ начальникомъ, онъ сказалъ ему:—Праведный шейкъ *), ты можетъ быть уже знаешь, что́ привело меня къ тебѣ?—Знаю, государь, если не ошибаюсь, скромно отвѣтилъ дервишъ:—эта незаслуженная честь доставлена мнѣ болѣзнью царевны, твоей дочери. — Ты не ошибся, продолжалъ султанъ, и если, какъ я надѣюсь, молитвы твои возвратятъ ей здоровье, онѣ воскресятъ и меня, убитаго горемъ. — Государь, сказалъ дервишъ, если твоему величеству угодно будетъ вызвать ее сюда, то я надѣюсь, что съ помощью Божіей она возвратится къ тебѣ совершенно изцѣленной.

Не помня себя отъ радости, султанъ тотчасъ же отправилъ гонца за своей дочерью, и вскорѣ она появилась, вся окутанная длинной чадрой, скрывавшей ея лицо; за нею слѣдовала многочисленная свита изъ женщинъ и евнуховъ. Начальникъ дервишей велѣлъ держать надъ ея головой маленькую курильницу съ горячими угольями, и лишь только бросилъ въ нихъ семь шерстинокъ, какъ раздались громкіе крики духа—Маймуна, сына Димдимова, и, оставаясь невидимымъ, онъ покинулъ царевну. Въ ту же минуту она отстранила покрывало отъ своего лица и обвела вокругъ изумленнымъ взоромъ. — Гдѣ я? воскликнула царев-

*) Старецъ—по арабски. На востокѣ такъ называются начальники религіозныхъ общинъ, а также и ученые мужи. Магометане даютъ то же названіе своимъ прорицателямъ. (Галланъ).

на,—что́ привело меня сюда? При этомъ первомъ звукѣ голоса давно уже безмолвной дочери, султанъ бросился къ ней въ порывѣ восторга и, крѣпко сжимая ее въ своихъ объятіяхъ, покрывалъ горячими поцѣлуями внезапно зардѣвшееся лицо и оживленные глаза. Потомъ онъ поцѣловалъ руку чудотворца дервиша и, обращаясь къ стоявшимъ около него своимъ главнымъ сановникамъ, спросилъ ихъ: — Скажите мнѣ, какой награды достоинъ, по вашему мнѣнію, изцѣлитель моей дочери? Всѣ отвѣтили въ одинъ голосъ, что онъ достоинъ ея руки. — Тоже думаю и я, сказалъ султанъ, и съ великой радостью признаю его своимъ зятемъ.

Вскорѣ была отпразднована свадьба, а вслѣдъ за тѣмъ умеръ великій визирь государства. На мѣсто его султанъ поставилъ супруга своей дочери, а когда, по прошествіи еще двухъ лѣтъ, умеръ самъ, не имѣя прямыхъ наслѣдниковъ—сыновей, то бывшій дервишъ былъ возведенъ на престолъ по единогласному опредѣленію всѣхъ духовныхъ, военныхъ и гражданскихъ сановниковъ.

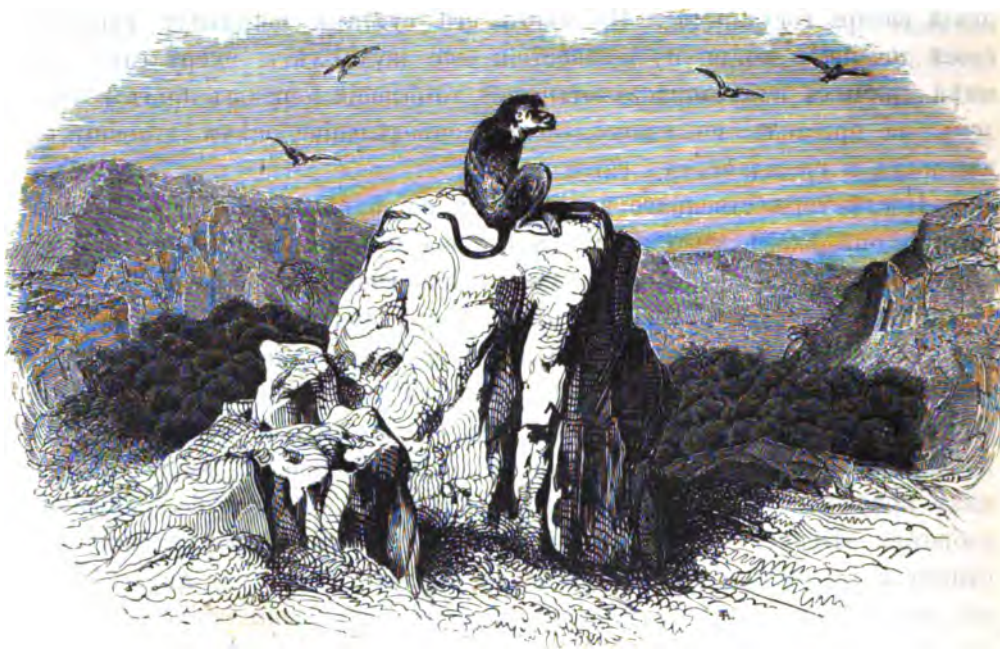
Послѣ торжественнаго коронованія, когда, облеченный въ царскую одежду, онъ ѣхалъ верхомъ на конѣ впереди блестящей процессіи, сопровождаемый восторженными кликами ликующаго народа,—среди этой толпы ему вдругъ попалось на глаза злобно мрачное лицо его завистника. Тотчасъ же осадивъ своего коня, новый царь подозвалъ къ себѣ главнаго визиря и сказалъ ему на ухо: — Видишь того человѣка, что смотритъ на меня изподлобья? Подведи его ко мнѣ, но только смотри, не испугай. Повелѣніе было исполнено немедленно, и когда завистникъ приблизился къ султану, тотъ сказалъ ему съ своей безграничной добротой:—Искренно радъ видѣть тебя, другъ мой. И, обратившись къ одному изъ сановниковъ, отдалъ такой приказъ: Отсчитать ему сейчасъ же тысячу цехиновъ золотомъ изъ моей царской казны, отпустить двадцать тюковъ самыхъ дорогихъ товаровъ изъ государственныхъ складовъ, и пусть онъ возвратится въ свой городъ подъ охраной моей стражи. Затѣмъ, привѣтливо поклонившись на прощаніе своему завистнику, онъ продолжалъ торжественное шествіе.

Такъ я закончилъ свой разсказъ и, желая внушить его поучительность безпощадному генію, сказалъ ему въ заключеніе: — Вотъ какъ истинно великодушные люди относятся даже къ своимъ лютымъ врагамъ. О, могучій геній! Пусть послужитъ тебѣ примѣромъ этотъ незлобивый султанъ, который не только отпустилъ съ миромъ своего завистника, но и воздалъ ему благодѣяніемъ за его злодѣйство. Но, не смотря на всю убѣдительность моихъ доводовъ, геній остался неумолимъ.—Довольно уже и того, что я дарую тебѣ жизнь, сказалъ онъ рѣшительно, но ты долженъ быть и будешь наказанъ за свое дерзкое поруганіе моего могущества. И, снова схвативъ меня одной рукой, какъ малаго ребенка, онъ поднялся со мной на воздухъ черезъ разверзшійся куполъ подзем-

наго дворца и взлетѣлъ на такую неизмѣримую высоту, что земля показалась мнѣ оттуда едва замѣтнымъ бѣлымъ облакомъ. Затѣмъ, еще не успѣлъ я опомниться, какъ, съ быстротой громовой стрѣлы, онъ уже спустился внизъ, попавъ на самую вершину громадной горы.

Тамъ онъ захватилъ горсть земли, произнесъ надъ нею какія-то волшебныя слова и, осыпавъ меня этимъ заколдованнымъ прахомъ, воскликнулъ:—Покинь свой человѣческій образъ и будь отнынѣ обезьяной!

Превращеніе совершилось мгновенно; геній злобно захохоталъ и исчезъ, я же остался одинъ среди невѣдомой страны, удрученный сво-



имъ безъисходнымъ несчастіемъ, удаленный на неизвѣстное разстояніе отъ государства моего отца.

Цѣпляясь за выступы горы, я сползъ къ ея подножію, и передо мной открылась необъятная равнина безъ малѣйшаго признака людскаго жилья; я сталъ шагать впередъ, все прямо, на обумъ, и наконецъ, по истеченіи цѣлаго мѣсяца, добрался до морскаго берега. На неоглядномъ лонѣ моря царило полное затишье, ни одна волна не колыхалась; напряженно всматриваясь въ даль, я различилъ на разстояніи не болѣе полу-лиги отъ земли смутный абрисъ корабля, неподвижно стоявшаго на одномъ мѣстѣ, и поспѣшилъ воспользоваться этимъ спасительнымъ явленіемъ. Отломивъ толстую вѣтвь отъ прибрежнаго дерева, я стащилъ ее въ воду, крѣпко обхватилъ ногами и, сидя верхомъ, огребаясь двумя палками вмѣсто вёселъ, быстро поплылъ по направленію къ кораблю.

Когда на болѣе близкомъ разстояніи моя фигура яснѣе обозначи-

лась для пассажировъ и матросовъ, они всѣ гурьбой высыпали на верхнюю палубу и стали смотрѣть на меня съ изумленіемъ, какъ на невиданное чудо. Между тѣмъ, подплывъ къ самому борту, я уцѣпился за снасти, проворно взобрался на верхъ и очутился въ самомъ затруднительномъ положеніи среди удивленной толпы, такъ какъ вмѣстѣ съ человѣческимъ образомъ я утратилъ и способность говорить. Дѣйствительно, мнѣ угрожала тогда не меньшая опасность, чѣмъ въ то время, когда я находился во власти генія.

Суевѣрные купцы вообразили, что мое присутствіе навлечетъ несчастіе на ихъ плаваніе, и порѣшили меня убить.—Вотъ я всажу ей въ лобъ свою кіангу! *) воскликнулъ одинъ.—Нѣтъ, лучше я пущу въ нее стрѣлу, предложилъ другой.—Просто сбросимъ ее въ море,—и дѣло съ концомъ, сказалъ третій. И навѣрное кто нибудь изъ нихъ исполнилъ бы свое намѣреніе, еслибы я не поспѣшилъ прибѣгнуть къ защитѣ капитана, съ мольбою припадая къ его ногамъ, хватаясь за его одежду, обливаясь слезами. Все это удивило и тронуло его на столько, что онъ принялъ меня подъ свое покровительство, тутъ же объявивъ, что заставитъ раскаяться всякаго, кто дерзнетъ нанести мнѣ хотя бы малѣйшій вредъ. И сталъ онъ обращаться со мной какъ нельзя лучше, я же съ своей стороны, не имѣя возможности выразить ему благодарность словами, выражалъ ее всѣми доступными мнѣ жестами.

Черезъ нѣсколько часовъ затишье смѣнилось попутнымъ вѣтромъ, который продолжался не усиливаясь, втеченіе пятидесяти дней и наконецъ благополучно пригналъ нашъ корабль къ пристани прекраснаго, большаго города, гдѣ мы и остановились на якорѣ. То была главная столица значительнаго государства, съ многочисленнымъ населеніемъ, съ оживленною торговлей.

Корабль вскорѣ былъ окруженъ множествомъ маленькихъ лодокъ, наполненныхъ городскими жителями. Прибытіе корабля изъ дальняго плаванія уже само по себѣ любопытное зрѣлище, а тутъ еще многихъ привлекало желаніе свидѣться поскорѣй съ родными и друзьями, или получить вѣсти о тѣхъ, кого судьба забросила въ чужую страну. Между горожанами находилось нѣсколько придворныхъ сановниковъ, которые заявили, что имъ нужно переговорить отъ имени государя съ купцами, прибывшими на кораблѣ, и когда купцы явились на вызовъ, одинъ изъ посланныхъ сказалъ имъ:—Султанъ, нашъ повелитель, шлетъ вамъ свой привѣтъ и радуется вашему благополучному прибытію. Затѣмъ, вотъ пергаментъ, на которомъ его величество проситъ каждаго изъ васъ написать нѣсколько строкъ самымъ старательнымъ почеркомъ. А чтобы объяснить, зачѣмъ это нужно, я долженъ сказать вамъ, что у насъ не-

---

*) Родъ двухсторонняго молота.

давно великій визирь, обладавшій всѣми качествами мудраго правителя и, кромѣ того, необыкновенно красивымъ, четкимъ почеркомъ, умеръ; нашъ государь всегда восхищался каждой бумагой, написанной его рукой, и теперь, огорченный этой потерей, далъ торжественную клятву, что только тотъ займетъ мѣсто умершаго визиря, кто сравняется съ нимъ въ искусствѣ чистописанія. Безчисленные образцы различныхъ почерковъ представляются государю ежедневно со всей имперіи, но до сихъ поръ ни одинъ еще не удовлетворилъ его.

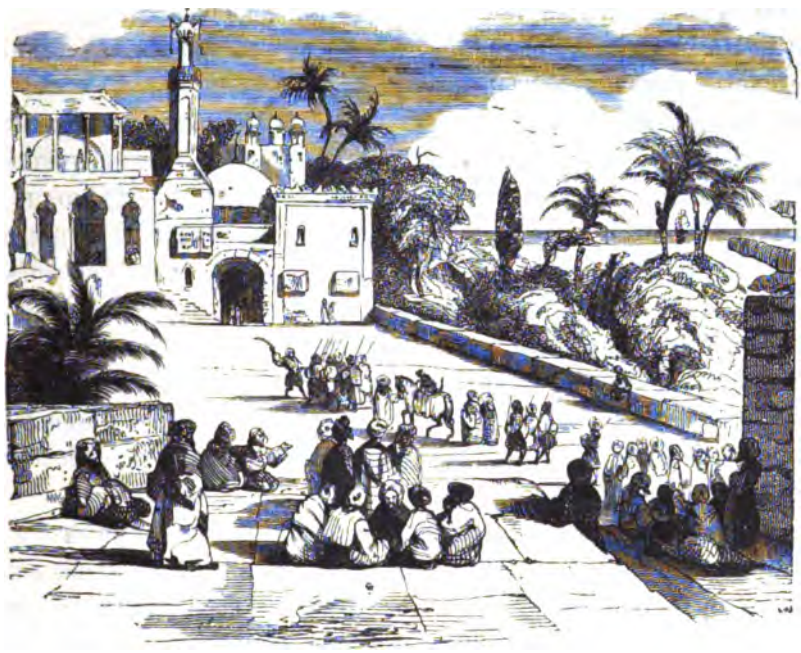
Почетный санъ перваго визиря показался заманчивымъ многимъ изъ купцовъ, и считавшіе себя достаточно искусными принялись старательно выводить буквы одинъ за другимъ. Когда послѣдній кончилъ, я подкрался и неожиданно выхвытилъ пергаментъ изъ его руки. Произошло общее смятеніе; купцы даже вскрикнули отъ испуга, вообразивъ, что я брошу ихъ писаніе въ море или изорву. Но черезъ минуту тревога смѣнилась удивленіемъ, когда, осторожно положивъ пергаментъ на доску, я примостился къ ней на корточкахъ и знаками выразилъ желаніе написать въ свою очередь. Такъ какъ пишущая обезьяна—явленіе небывалое, то мое намѣреніе встрѣтило сильное противодѣйствіе, и множество рукъ протянулось ко мнѣ, чтобы отнять пергаментъ, но капитанъ и на этотъ разъ принялъ мою сторону — Оставьте, сказалъ онъ, пусть попробуетъ; за порчу пергамента обѣщаю вамъ подвергнуть обезьяну строгому наказанію, хотя совершенно увѣренъ, что этого не случится. Она представляетъ необыкновенное исключеніе изъ всѣхъ обезьянъ, какихъ мнѣ приходилось видѣть въ свою жизнь, да и многихъ людей превзойдетъ своимъ разумомъ и смѣтливостью. Говорю заранѣе, если только она напишетъ хорошо, я усыновлю ее, возьму къ себѣ на мѣсто умершаго сына, который далеко не былъ такъ уменъ, какъ она.

Видя, что никто больше не препятствуетъ мнѣ, я взялъ перо и шестью различными способами, принятыми у арабовъ, написалъ шесть риѳмованныхъ двустишій и четверостишій, выражавшихъ хвалебныя привѣтствія султану. Красота моего письма не только превзошла неумѣлыя попытки купцовъ, но и самими сановниками была признана невиданной

въ этой странѣ. Когда я кончилъ, они свернули пергаментъ и отнесли его своему государю.

Султанъ, восхищенный моимъ писаніемъ, не обратилъ никакого вниманія на всѣ другія; онъ долго не могъ налюбоваться имъ и наконецъ сказалъ своемъ посланцамъ:—Велите убрать въ самую роскошную сбрую самаго лучшаго изъ моихъ коней, возьмите изъ царскихъ хранилищъ самыя дорогія одежды и возвратитесь на корабль; пусть облечется въ нихъ тотъ, кто написалъ эти стихи, сядетъ на коня и, въ сопровожденіи почетной свиты, прибудетъ во дворецъ.

При такомъ повелѣніи, сановники не могли воздержаться отъ смѣха,



и разгнѣванный султанъ уже намѣревался наказать ихъ за дерзость, но они поспѣшили объяснить ее.—Прости, государь, сказалъ одинъ, но ты самъ засмѣешься, когда узнаешь, что стихи эти написаны не человѣкомъ, а обезьяной.—Что за вздоръ! воскликнулъ султанъ,—если не человѣкъ, то развѣ только геній можетъ создать такое дивное искусство.—Нѣтъ, государь, отвѣтилъ другой, повѣрь намъ, что это писала обезьяна, чему мы всѣ были свидѣтелями. Султанъ хотя и повѣрилъ, но это показалось ему такимъ удивительнымъ чудомъ, что онъ пожелалъ убѣдиться въ немъ собственными глазами. — Такъ исполняйте же все такъ, какъ я велѣлъ, сказалъ онъ, и привезите мнѣ скорѣй эту диковинную обезьяну.

Посланцы вернулись на корабль и передали свое порученіе капитану, который тотчасъ же предоставилъ меня въ ихъ полное распоря-

женіе. Я былъ облеченъ въ роскошную одежду, перенесенъ на берегъ, посаженъ на коня, и въ сопровожденіи почетной свиты отправился во дворецъ, гдѣ султанъ, окруженный всѣмъ своимъ многочисленнымъ дворомъ, ожидалъ моего прибытія.

Шествіе было торжественное. И пристань, и улицы, и городскія площади, и окна, и террассы дворцовъ и домовъ,—все сплошь пестрѣло несмѣтными толпами зрителей обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ, собравшихся со всего города, чтобы взглянуть на меня, такъ какъ слухъ о томъ, что султанъ возвелъ обезьяну на высокій постъ перваго визиря, разнесся уже всюду съ обычной въ такихъ случаяхъ быстротой. Доставивъ невиданное зрѣлище горожанамъ, бѣжавшимъ за мной съ громкими возгласами удивленія, я прибылъ въ царскій дворецъ.

Султанъ сидѣлъ на высокомъ тронѣ, а у подножія его стояли рядами главные сановники двора. Я приблизился и, послѣ трехъ глубокихъ поклоновъ, распростерся у его ногъ, поцѣловалъ по обычаю полъ, затѣмъ отступилъ на нѣсколько шаговъ и сталъ въ обыкновенную позу обезьяны. Изумленію всего собранія не было границъ,—никто не понималъ, какимъ чудомъ могутъ быть извѣстны обезьянѣ всѣ придворные пріемы и правила почтенія, подобающаго султану, самъ же онъ былъ пораженъ болѣе всѣхъ. Словомъ, для полноты впечатлѣнія не доставало только привѣтственной рѣчи, которую трудно было замѣнить жестами, какъ ни старался я придать имъ наивозможную выразительность. Но, къ сожалѣнію, порода обезьянъ никогда не обладала даромъ слова, и даже мое прежнее человѣческое достоинство не давало мнѣ этого неоцѣненнаго преимущества.

Наконецъ, султанъ отпустилъ всѣхъ своихъ придворныхъ, и около него остались только начальникъ евнуховъ, красивый мальчикъ невольникъ да я. Всѣ трое мы перешли вслѣдъ за повелителемъ въ его столовый чертогъ, гдѣ уже былъ приготовленъ роскошный обѣдъ. Сѣвъ за столъ, султанъ съ улыбкой указалъ мнѣ мѣсто напротивъ себя. Тогда, снова преклонившись и поцѣловавъ полъ въ знакъ повиновенія, я помѣстился, гдѣ было приказано, и сталъ ѣсть, какъ подобаетъ самому благовоспитанному человѣку.

Когда все было убрано со стола, за исключеніемъ плодовъ и напитковъ, я увидалъ на маленькомъ столикѣ чернильницу и перо; попросивъ знакомъ, чтобы ихъ подали мнѣ, я написалъ на огромномъ персикѣ стихи своего сочиненія, выражавшіе мою глубокую признательность за милостивый пріемъ, и почтительно поднесъ этотъ персикъ султану. Онъ прочелъ стихи и, выразивъ свое удовольствіе, собственноручно наполнилъ мой кубокъ ароматнымъ виномъ. Я выпилъ до дна и написалъ уже на кубкѣ еще новые стихи, говорившіе о моемъ счастливомъ переходѣ къ благополучію послѣ многихъ страданій. Прочитавъ ихъ,

султанъ воскликнулъ: — Такой талантъ прославилъ бы даже человѣка! Затѣмъ, онъ велѣлъ принести мозаиковый столикъ съ шахматами и знаками спросилъ меня, умѣю ли я и желаю ли играть. Въ отвѣтъ я опять поцѣловалъ полъ и, поднеся руку къ головѣ, выразилъ свою полную готовность принять такую высокую честь. Онъ выигралъ у меня первую партію, за то при второй и третьей побѣда оказалась на моей сто-

ронѣ. Замѣтивъ, что это ему непріятно, я снова написалъ и поднесъ еще такіе стихи:

Силой равныя, два войска бились на смерть цѣлый день,
Но едва сошла на землю благодатной ночи тѣнь,
Миръ взаимный заключили
И на полѣ боевомъ
Безмятежно опочили,
Наслаждаясь крѣпкимъ сномъ.

Всѣ эти непрестанныя проявленія разумныхъ качествъ, невиданныхъ и неслыханныхъ въ обезьянахъ, привели наконецъ султана въ такое восхищеніе, что онъ пожелалъ раздѣлить его съ своею дочерью, прозванной Царицей Красоты,

— Передай своей госпожѣ, что я зову ее сюда, сказалъ онъ начальнику евнуховъ, состоявшему при особѣ царевны,—пусть и она увидитъ это изумительное чудо.

Черезъ нѣсколько минутъ евнухъ возвратился вмѣстѣ съ царевной. Она вошла съ открытымъ лицомъ, но, едва увидавъ меня, быстро накинула на него чадру и сказала султану.— Государь и отецъ! Ты вѣрно забылъ, что наши обычаи не дозволяютъ намъ являться съ непокрытымъ лицомъ передъ посторонними мужчинами.—Что ты говоришь, дочь

моя? съ изумленіемъ возразилъ ей султанъ, — какіе же это посторонніе мужчины? Здѣсь только евнухъ — твой надзиратель, маленькій невольникъ да я, такъ зачѣмъ же ты закрываешься чадрой и упрекаешь меня въ нарушеніи обычаевъ? — Государь, отвѣчала на это царевна, ты сейчасъ убѣдишься, что я права. Твой гость только имѣетъ видъ обезьяны, на самомъ же дѣлѣ онъ молодой царевичъ, сынъ славнаго царя. Его обратилъ въ обезьяну силой своего чародѣйства одинъ злой геній, сынъ дочери Эблиса, жестоко лишившій жизни прекрасную царевну Гебанскаго Острова, дочь царя Эпитимара.

Удивленный султанъ обратился ко мнѣ и спросилъ меня уже не знаками, а словами, правду ли говоритъ его дочь. Лишенный возможности отвѣтить, я приложилъ руку къ головѣ, чтобы выразить, что царевна сказала несомнѣнную правду.

— Повѣдай же мнѣ, дочь моя, продолжалъ тогда султанъ, какимъ образомъ можешь ты знать объ этомъ обращеніи царевича въ обезьяну? — Государь и отецъ, отвѣчала царевна, ты вѣрно помнишь ту старую индіанку, которую приставилъ ко мнѣ, когда я только что вышла изъ дѣтства. Она была очень искусной волшебницей и научила меня семидесяти правиламъ своей науки, въ силу которой я могла бы теперь въ одно мгновеніе перенести твою столицу за океанъ или за Кавказскія горы. Силою той же науки я съ перваго взгляда различаю обращенныхъ людей отъ настоящихъ животныхъ, узнаю даже, кто они и кѣмъ были заколдованы. Такъ не удивляйся же, отецъ, что я могла сразу распознать этого царевича въ образѣ обезьяны.—Не предполагалъ я въ тебѣ такой мудрости, дочь моя, замѣтилъ султанъ. — Всѣ эти чудесныя знанія могутъ пригодиться въ жизни, отвѣчала царевна, но до сихъ поръ мнѣ не представлялось надобности обнаруживать ихъ.— А можешь ли ты снять эти злобныя чары съ царевича? спросилъ отецъ. — Могу, государь, въ моей власти возвратить ему естественный образъ. — Такъ возврати же, не медля! воскликнулъ султанъ; этимъ ты доставишь мнѣ большую радость, такъ какъ я желаю видѣть его своимъ первымъ визиремъ и твоимъ супругомъ. — Всегда и во всемъ готова повиноваться тебѣ, государь, сказала царевна и вышла изъ чертога.

Вскорѣ она возвратилась, держа въ рукѣ большой ножъ съ еврейскими словами, вырѣзанными на лезвіи. Затѣмъ, по ея знаку, султанъ, евнухъ, маленькій невольникъ и я — всѣ послѣдовали за ней къ внутреннему дворцовому двору; она оставила всѣхъ насъ подъ сводами окружавшей его сквозной галлереи, сама же вышла на средину двора, очертила около себя большой кругъ и тѣмъ же ножомъ вырѣзала въ немъ нѣсколько словъ древне-арабскими и индійскими письменами.

Окончивъ волшебныя начертанія въ кругѣ, она стала на самомъ

его центрѣ и произнесла какія-то непонятныя заклинанія, потомъ нѣсколько стиховъ изъ Алкорана. Тогда все вокругъ потемнѣло, какъ въ самую глубокую ночь, и въ этомъ внезапномъ сумракѣ было что то такое зловѣщее, словно всему міру грозило разрушеніе. Сначала насъ объялъ безотчетный ужасъ, а потомъ уже сознательный страхъ, когда вдругъ появился геній, сынъ дочери Эблиса, въ образѣ гигантскаго льва.

Царевна, увидавъ это чудовище, смѣло крикнула ему: — Берегись! Не тебѣ испугать меня своимъ грознымъ видомъ, ты долженъ бы, какъ собака, ползать у моихъ ногъ.— Посмотримъ, кто кого одолѣетъ! возразилъ левъ;—ты нарушаешь нашъ договоръ, скрѣпленный торжественной клятвой — не мѣшать и не вредить другъ другу. — А, проклятый! гнѣвно воскликнула царевна, не ты ли первый нарушилъ его?—Нечего намъ больше разговаривать, перебилъ левъ, я отплачу тебѣ за твой вызовъ! И, произнеся эту угрозу, онъ раскрылъ во всю ширину громадную пасть и бросился на свою противницу, чтобы пожрать ее.

Но, съ самаго начала держась на сторожѣ, она успѣла отпрыгнуть въ сторону, въ то же мгновеніе выдернула волосъ изъ своей косы, обратила его въ острый мечъ силой какихъ то волшебныхъ словъ и, съ одного размаха, отрубивъ голову льву, разсѣкла потомъ на двѣ части его гигантское туловище. Вдругъ обѣ половины льва исчезли, а вмѣсто головы, явился огромный скорпіонъ. Тутъ царевна преобразилась въ змѣю, и нѣсколько минутъ между ними кипѣла ожесточенная борьба; когда же змѣя стала одолѣвать, скорпіонъ обратился въ орла и поднялся на воздухъ, но змѣя также быстро приняла образъ болѣе могучаго, чернаго орла и взвилась въ вышину, преслѣдуя врага. Вскорѣ оба скрылись изъ вида.

Прошло еще нѣсколько томительныхъ минутъ, какъ вдругъ земля разверзлась передъ нами, и изъ ея отверстія, отчаянно мяукая, выскочилъ котъ, съ поднятой дыбомъ черной и бѣлой шерстью. Оттуда же вслѣдъ за нимъ явился черный волкъ и стремительно бросился въ погоню. Вотъ онъ нагналъ кота и уже готовъ былъ вцѣпиться въ него зубами, какъ тотъ обратился въ червя. Около этого самаго мѣста лежалъ плодъ, упавшій съ гранатоваго дерева, которое росло на краю довольно глубокаго, но узкаго канала; червякъ въ одно мгновеніе проточилъ гранату и укрылся въ ней. Граната быстро стала увеличиваться, разрослась до объема огромной тыквы, вскинулась на крышу галлереи и, съ громомъ прокатившись по ней, рухнула оттуда на землю и разбилась на нѣсколько частей.

Волкъ, уже успѣвшій тѣмъ временемъ обратиться въ пѣтуха, бросился къ зернамъ гранаты и началъ глотать ихъ одно за другимъ. Не видя больше ни одного, онъ подбѣжалъ къ намъ съ распущенными крыльями и сталъ громко кричать, словно спрашивая, не осталось ли

еще гдѣ нибудь зерна. Одно дѣйствительно лежало на самомъ краю канала, и, обернувшись въ ту сторону, пѣтухъ его увидалъ. Поспѣшно подлетѣлъ онъ къ нему и протянулъ уже свой клювъ, чтобы поглотить, но оно быстро скатилось въ каналъ и превратилось въ рыбку.

Пѣтухъ тоже бросился въ каналъ и тамъ, уже въ видѣ щуки, погнался за рыбкой. Оба нырнули въ воду, и потомъ втеченіе цѣлыхъ двухъ часовъ мы не видали ихъ и не знали, что съ ними сталось, какъ вдругъ внезапно раздавшіеся неистовые крики поразили насъ ужасомъ, и вслѣдъ за тѣмъ передъ нами снова явились геній и царевна, словно объятые огнемъ; сначала они, какъ стрѣлами, перекидывались пламенемъ, выбрасывая его изъ своихъ устъ другъ на друга, потомъ схватились грудь съ грудью. При этой страшной борьбѣ, огонь въ обоихъ разгорался все сильнѣе, и густые клубы искристаго дыма поднимались отъ него въ вышину. Мы каждую секунду со страхомъ ожидали, что вспыхнетъ весь дворецъ, но вскорѣ произошло нѣчто еще болѣе ужасное: геній, освободившись отъ царевны, подлетѣлъ къ сквозной галереѣ, гдѣ мы находились, и дохнулъ на насъ жгучимъ пламенемъ. Тутъ наша общая гибель была бы неизбѣжна, еслибы царевна во время не подоспѣла на помощь и стремительнымъ натискомъ, грозными криками не принудила генія отступить; но даже и эта поспѣшность уже не могла предотвратить всей бѣды. У самого султана опалилось лицо и сгорѣла борода; начальникъ евнуховъ, сразу охваченный огнемъ, умеръ мгновенно, я же окривѣлъ на всю жизнь отъ искры, попавшей мнѣ въ правый глазъ. Смерть ежеминутно грозила и султану, и мнѣ, когда раздался радостный возгласъ:—Побѣжденъ! побѣжденъ!—и вслѣдъ за тѣмъ царевна появилась въ своемъ естественномъ видѣ, отъ генія же оставалась на землѣ только груда пепла.

— Нельзя терять ни минуты,—сказала царевна, подойдя къ намъ,— дайте мнѣ скорѣе какой нибудь сосудъ, наполненный водой.—Это требованіе немедленно было исполнено маленькимъ невольникомъ, которому огонь не причинилъ вреда. Она взяла сосудъ и, произнося надъ нимъ нѣсколько волшебныхъ словъ, стала брызгать на меня водой, говоря при этомъ: — Если видъ обезьяны данъ тебѣ чародѣйствомъ, сбрось его съ себя и прими свой прежній человѣческій образъ. Только что договорила она послѣднее слово, какъ я снова сталъ тѣмъ же человѣкомъ, какимъ былъ до превращенія, только утраченный глазъ уже не возвратился мнѣ.

Я хотѣлъ броситься къ ногамъ царевны и выразить ей всю свою горячую благодарность, но, остановивъ меня движеніемъ руки, она обратилась къ отцу и сказала ему:—Какъ видишь, государь, геній побѣжденъ, но побѣда надъ нимъ обошлась мнѣ дорого. Я должна поплатиться за нее жизнью, которой мнѣ уже остается всего на нѣсколько ми-

нутъ, и потому твое желаніе видѣть меня супругой царевича не можетъ быть исполнено. Огонь, въ этой страшной борьбѣ, проникъ въ мою внутренность и сжигаетъ ее постепенно. Не случилось бы этого, еслибъ я замѣтила раньше послѣднее зерно гранаты и проглотила его вмѣстѣ съ другими, когда обратилась въ пѣтуха. Это зерно было послѣднимъ убѣжищемъ генія, и отъ него зависѣлъ исходъ нашей борьбы. Но моя оплошность вынудила меня прибѣгнуть къ огню и, какъ ты видѣлъ, сразиться съ геніемъ между небомъ и землей этимъ могучимъ, но гибельнымъ орудіемъ. Не смотря на всю страшную силу злого генія, я превозмогла его своимъ знаніемъ, побѣдила и обратила въ пепелъ, но не могу предотвратить своей близкой смерти.

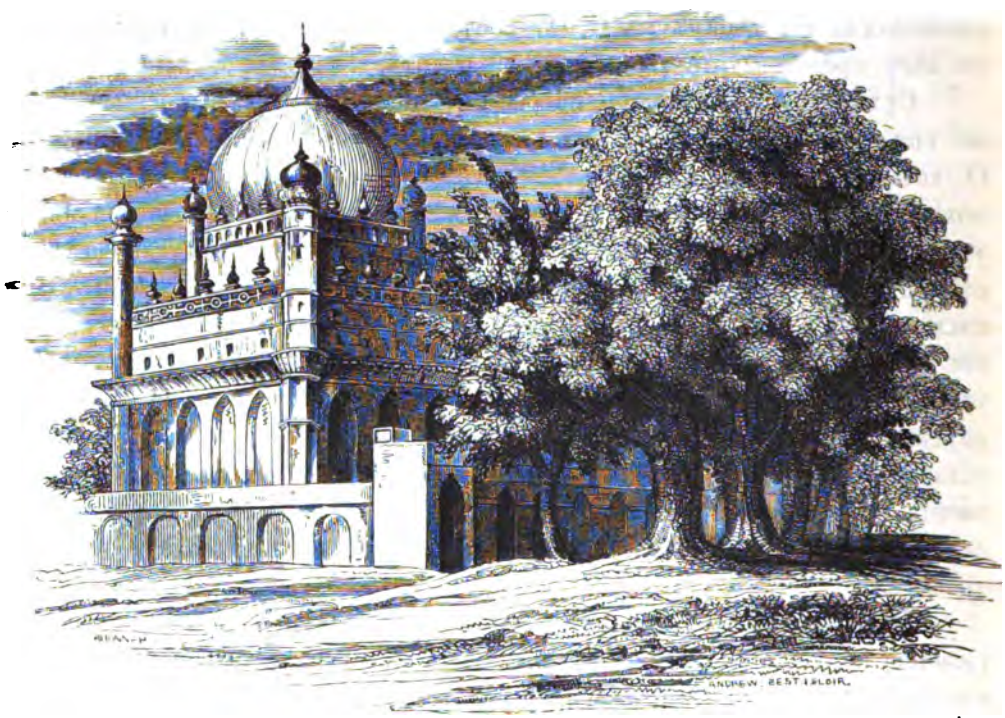
Султанъ выслушалъ, не прерывая, печальную рѣчь царевны, когда же она умолкла, онъ сказалъ ей съ выраженіемъ глубокаго страданія:— О, дочь моя! Неужели мнѣ суждено еще потерять тебя? Смотри, въ какомъ я жалкомъ положеніи и все же остался живъ, но этого горя мнѣ уже не перенести. И сколько несчастій заразъ! Твой надзиратель-евнухъ сгорѣлъ; царевичъ, возвращенный тобой къ человѣческой жизни, лишился глаза... Тутъ рѣчь его оборвалась слезами и рыданіями. Отчаяніе несчастнаго отца глубоко тронуло и дочь его, и меня, но словъ для утѣшенія мы не находили, а только плакали вмѣстѣ съ нимъ. Вдругъ царевна вскрикнула:—Горю, горю! Огонь, вырвавшись изнутри, быстро охватилъ все ея тѣло, и страдальческій вопль ея не умолкалъ, пока смерть не положила конца мученію. Дѣйствіемъ этого волшебнаго огня царевна, точно также какъ и геній, въ нѣсколько минутъ обратилась въ пепелъ.

Трудно выразить, до какой степени поразило и огорчило меня это ужасное зрѣлище. Я согласился бы на всю жизнь остаться обезьяной или собакой, еслибы только могъ этимъ воскресить свою избавительницу; несчастный же отецъ, въ порывѣ отчаянія, кричалъ и вопилъ, какъ безумный, ударяя себя кулаками въ голову и грудь, наконецъ онъ изнемогъ и безъ чувствъ упалъ около праха своей дочери. Опасаясь за его жизнь, я громко сталъ звать на помощь; сбѣжались евнухи и дворцовые слуги, и послѣ многихъ и долгихъ усилій намъ удалось привести его въ чувство. Во дворцѣ между тѣмъ поднялось смятеніе, собрался весь встревоженный дворъ и засыпалъ меня вопросами; въ немногихъ словахъ, я передалъ всѣмъ о случившемся, а зловѣщія груды пепла дополнили мой разсказъ. Султанъ едва держался на ногахъ и только съ помощью двоихъ евнуховъ могъ добрести до своей опочивальни.

Вскорѣ слухъ объ ужасномъ событіи разнесся по всему городу, вызывая въ каждомъ сердцѣ сожалѣніе о погибшей Царицѣ Красоты и сочувствіе къ глубокому горю ея отца. Въ продолженіе семи дней не прерывались торжестве[illegible]ые похоронные обряды, при громад-

номъ стеченіи облеченнаго въ трауръ народа. Прахъ злого генія былъ развѣянъ по вѣтру, царевнинъ же благоговѣйно собранъ въ драгоцѣнную урну на вѣчное храненіе, а урна была поставлена въ великолѣпную усыпальницу, сооруженную на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сгорѣла царевна!

Султанъ тяжко заболѣлъ отъ огорченія и болѣе мѣсяца не могъ встать съ постели; за все это время онъ никого не принималъ и ни съ кѣмъ не говорилъ, когда же болѣзнь стала понемногу уступать усилі-



ямъ врачей, онъ призвалъ меня къ себѣ и сказалъ все еще слабымъ, печальнымъ голосомъ:—Выслушай мое повелѣніе, царевичъ, и выполни его въ точности, если дорожишь своей жизнью. Я выразилъ ему полную готовность повиноваться, и онъ продолжалъ:— До твоего прибытія я былъ счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, никогда ни единое облако не омрачало моей жизни, и вдругъ явился ты, и все рушилось: любимой дочери моей не стало, погибъ мой довѣренный евнухъ, и самъ я только какимъ то чудомъ остался живъ. Въ тебѣ я вижу единственную причину своего несчастія, своего безутѣшнаго горя, такъ уйди же съ миромъ, но уйди не медля; я самъ погибну, если ты останешься долѣе, потому что твое присутствіе приноситъ несчастіе,—въ этомъ я убѣжденъ. Больше мнѣ нечего тебѣ сказать. Повторяю: уйди и никогда не появляйся въ предѣлахъ моего государства, иначе поплатишься жизнью.

Я хотѣлъ ему высказать свои чувства, но гнѣвнымъ, рѣзкимъ восклицаніемъ онъ заставилъ меня замолчать на первомъ словѣ, и я принужденъ былъ уйти, какъ виновный.

И вотъ, отверженный, гонимый, покинутый всѣми, не зная, гдѣ найти себѣ безопасное пристанище, я въ раздумьѣ остановился среди улицы. Первой необходимостью являлось скрыть отъ всѣхъ свое настоящее званіе и даже лицо; вдругъ мнѣ пришло въ голову, какъ это сдѣлать. Я зашелъ въ первую попавшуюся баню, велѣлъ сбрить себѣ бороду и брови, а взамѣнъ моего роскошнаго наряда добылъ простое одѣяніе календера; затѣмъ вышелъ изъ города и побрелъ одиноко, невѣдомыми путями, глубоко сокрушаясь въ душѣ не о своей горькой участи, а о тѣхъ двухъ красавицахъ-царевнахъ, что́ погибли изъ за меня. Много прошелъ я странъ, скрываясь подъ видомъ календера, и наконецъ рѣшилъ добраться до Багдада, въ надеждѣ, что великій повелитель правовѣрныхъ не откажетъ мнѣ въ своемъ покровительствѣ, узнавъ мою необычайную исторію. Сюда я прибылъ только сегодня передъ вечеромъ, и судьба сразу послала мнѣ нѣсколько счастливыхъ встрѣчъ,—сперва съ однимъ братомъ календеромъ, потомъ съ другимъ и, наконецъ, со всѣми вами, прелестныя хозяйки и почтенные гости. Какъ я попалъ сюда, вамъ уже извѣстно, и мнѣ остается только выразить свою благодарность за милостивый пріемъ.

Тогда Зобейда повторила второму календеру почти то же, что сказала первому:—Мы довольны; теперь, царевичъ, ты можешь удалиться съ миромъ и безпрепятственно. Но онъ тоже возразилъ просьбой дозволить ему остаться и, получивъ позволеніе, сѣлъ рядомъ съ первымъ своимъ товарищемъ.

Выступилъ въ свою очередь третій календеръ и, тоже обращаясь къ Зобейдѣ, началъ такъ:

Разсказъ третьяго календера-царя.

Моя исторія во многомъ разнится отъ двухъ предыдущихъ, и главное—въ томъ, что каждый изъ этихъ царевичей лишился глаза по волѣ судьбы, а я потерялъ свой по собственной винѣ, самъ добровольно пошелъ на встрѣчу несчастію, какъ вы узнаете изъ моего разсказа.

Я сынъ знаменитаго царя Кассиба, мое же имя Аджибъ. Послѣ смерти отца я вступилъ во владѣніе государствомъ и остался въ томъ же городѣ, гдѣ жилъ онъ. Этотъ большой, прекрасный городъ, расположенный на морскомъ берегу, имѣетъ обширную пристань съ богатыми складами боевыхъ орудій и всѣхъ необходимыхъ снарядовъ для полутораста военныхъ кораблей, всегда готовыхъ на случай войны, пяти-

десяти торговыхъ судовъ и такого же количества легкихъ фрегатовъ для увеселительныхъ прогулокъ по морю. Въ составъ моего государства входили многія цвѣтущія страны на сушѣ и значительные острова, почти всѣ расположенные въ виду моей столицы.

По восшествіи на престолъ, я сперва посѣтилъ свои владѣнія на твердой землѣ; потомъ, вооруживъ и снарядивъ весь флотъ, отправился по островамъ, чтобы и тамъ привлечь къ себѣ сердца своихъ подданныхъ и укрѣпить ихъ въ чувствахъ долга и преданности. Вскорѣ по возвращеніи изъ этого недальняго плаванія, я предпринялъ его вновь, затѣмъ повторилъ еще черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, и во мнѣ мало помалу развилась такая страсть къ морскимъ путешествіямъ, что я рѣшилъ отправиться далеко за предѣлы своихъ владѣній, на открытіе новыхъ, невѣдомыхъ мѣстъ. На этотъ разъ я велѣлъ снарядить только десять кораблей, и, дождавшись попутнаго вѣтра, мы полетѣли на всѣхъ парусахъ въ заманчивую даль неоглядного моря. Наше плаваніе было неизмѣнно счастливо въ теченіе сорока дней подрядъ; но въ ночь на сорокъ первый вѣтеръ подулъ съ противоположной стороны и, все усиливаясь и свирѣпѣя, поднялъ такую страшную бурю, что вся наша флотилія едва не пошла ко дну. Однако, при восходѣ солнца, вѣтеръ утихъ, тучи разсѣялись, и, согрѣтые яркими, теплыми лучами, мы благополучно причалили къ острову, гдѣ остановились на два дня, чтобы отдохнуть и возобновить свои припасы. Потомъ поплыли снова, но уже не въ прежнемъ направленіи, такъ какъ испытанная опасность значительно охладила мое стремленіе вдаль, и я отдалъ приказъ вернуться назадъ. Послѣ десятидневнаго плаванія мы уже стали надѣяться на близость берега, какъ вдругъ я замѣтилъ въ своемъ кормчемъ какое то тревожное колебаніе, словно онъ самъ не зналъ, куда мы плывемъ. И дѣйствительно, одинъ изъ матросовъ, посланный оглядѣть окрестность съ большой мачты, донесъ, что вправо и влѣво не видно ничего, кромѣ неба да моря, а прямо, по направленію нашихъ кораблей, возвышается вдали какая то черная громада.

При послѣднихъ словахъ кормчій поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ; онъ отбросилъ на палубу свою чалму и, ударя себя кулаками по лицу и головѣ, отчаянно воскликнулъ: — О, государь, мы погибли неминуемо! Не въ моей уже власти предохранить тебя отъ опасности, и всѣмъ намъ угрожаетъ неизбѣжная смерть. Онъ заплакалъ, заметался, какъ безумный, и его отчаяніе заразило всѣхъ на нашемъ кораблѣ, сообщилось съ быстротою молніи и слѣдовавшимъ за нами. Испуганный тоже, я спросилъ, въ чемъ же заключается эта неизбѣжная опасность.—Въ томъ, государь, отвѣчалъ онъ, что буря сбила насъ съ настоящаго пути, и завтра, около полудня, мы неминуемо подплывемъ къ той Черной горѣ, что́ видѣлъ матросъ; а эта Черная гора ничто иное какъ

магнитная руда; она уже и теперь неотразимо притягиваетъ всю нашу флотилію, такъ какъ въ строеніе кораблей входитъ много желѣза. Когда мы приблизимся къ ней на извѣстное разстояніе, магнитъ подѣйствуетъ такъ сильно, что всѣ гвозди вылетятъ изъ досокъ и прилѣпятся къ горѣ, а корабли твои распадутся и пойдутъ ко дну. Притягивая къ себѣ желѣзо, магнитъ этимъ самымъ увеличиваетъ и сохраняетъ свою силу, точно также усиливается и свойство этой горы, которая со стороны моря вся усѣяна гвоздями, вырванными ею изъ множества погибшихъ кораб-

лей. Она очень высока и крута, а на самой вершинѣ ея стоитъ бронзовый сводъ съ массивными колоннами изъ того же металла; онъ служитъ подножіемъ громадному бронзовому коню съ бронзовымъ всадникомъ, на груди же у всадника свинцовая скрижаль съ оттиснутыми на ней кабалистическими словами. По преданію, государь, добавилъ кормчій, въ этой статуѣ кроется главная причина гибели столькихъ людей и кораблей, поглощенныхъ моремъ на этомъ мѣстѣ; когда же всадникъ будетъ свергнутъ съ горы, она утратитъ свое пагубное свойство.—Потомъ кормчій снова впалъ въ отчаяніе, и на всѣхъ корабляхъ продолжалось смятеніе, слышались крики и вопли. Я самъ уже не сомнѣвался въ пред-

стоящей гибели. Однако, надежда, повидимому, еще не всѣхъ покинула; многіе выискивали различныя средства спасенія и заготовляли завѣщанія своихъ имуществъ въ пользу другъ друга.

На слѣдующее утро мы стали уже ясно различать зловѣщую Черную гору, и, подъ вліяніемъ страха, она казалась намъ еще ужаснѣе, чѣмъ была въ дѣйствительности. — Неудержимо стремились мы къ ней все быстрѣе и быстрѣе, и, наконецъ, около полудня, исполнилось предсказаніе кормчаго. Разомъ вылетѣли всѣ гвозди, всѣ желѣзныя скрѣпы кораблей, силой притяженія, съ грохотомъ ударились о гору и прилѣ-

пились къ ней. Корабли распались и погрузились въ море, неизмѣримо глубокое въ этомъ мѣстѣ. Всѣ мои матросы потонули, только мнѣ одному, милостью Бога, суждено было остаться въ живыхъ; я спасся, ухватившись за доску, пригнанную вѣтромъ къ самому подножію горы, и невредимо вышелъ изъ опасности, такъ какъ на мое счастіе, тутъ же были прорублены ступени, поднимавшіяся снизу до самой вершины.

При видѣ этихъ спасительныхъ ступеней, представлявшихъ единственную возможность опоры среди безбрежнаго водяного пространства, я горячо возблагодарилъ Бога и не переставалъ хвалить и призывать на помощь Его святое имя, поднимаясь на гору по этой узкой, крутой и скользкой лѣстницѣ. Каждый порывъ вѣтра могъ бы столкнуть меня и сбросить въ море, однако я благополучно добрался до вершины, вошелъ

подъ бронзовый сводъ и, распростершись на землѣ, снова произнесъ горячую благодарственную молитву.

Помолившись, я тутъ же крѣпко заснулъ на всю ночь, и привидѣлся мнѣ во снѣ благообразный, почтенный старецъ,—онъ явился передо мной и сказалъ:—Слушай, Аджибъ: когда проснешься, рой землю въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежатъ теперь твои ноги; ты выроешь бронзовый лукъ и три свинцовыя стрѣлы, отлитыя подъ вліяніемъ созвѣздій для спасенія людей отъ гибели. Пусти всѣ три стрѣлы въ статую—одну за другой; всадникъ упадетъ въ море, а конь къ твоимъ ногамъ, и ты за-

рой его въ то самое мѣсто, откуда вынешь лукъ и стрѣлы: Тогда море всколыхнется, начнетъ вздыматься и поднимется на высоту горы, до подножія колоннъ; по волнамъ его, въ легкой ладьѣ подплыветъ къ тебѣ человѣкъ съ веслами въ рукахъ. Человѣкъ этотъ будетъ тоже весь бронзовый, не не похожій на того, котораго ты свергнешь въ море. Садись въ его ладью, не произнося имени Бога, и предоставь себя на волю гребца; онъ перевезетъ тебя въ десять дней на другое море, и тамъ ты найдешь возможность невредимо возвратиться въ свое государство, если только во все время пути ни разу не произнесешь имени Божія.

Тутъ видѣніе исчезло, и я проснулся, утѣшенный и успокоенный, ясно помня каждое слово, сказанное мнѣ во снѣ. Только что зарумя-

[illegible] я приступилъ уже къ исполненію [illegible] лукъ съ тремя стрѣлами и пустилъ [illegible] Отъ третьей стрѣлы всадникъ рухнулъ [illegible] въ мою сторону. Пока я зарывалъ его въ [illegible] море стало вздыматься и поднялось на- [illegible] тутъ же увидалъ я приближающуюся ладью [illegible] Бога за осуществленіе моего сна.

[illegible] къ самому подножію колоннъ, и я увидалъ въ ней [illegible] человѣка съ веслами въ обѣихъ рукахъ, о которомъ [illegible] Опасаясь невольно произнести имя Божіе, я не [illegible] а молча сѣлъ на свободное мѣсто въ ладьѣ. [illegible] снова ударилъ веслами по волнамъ и быстро сталъ [illegible] Безостановочно плыли мы уже девять дней, когда [illegible] острова и возбудили во мнѣ радостную надежду на [illegible] опасности. Не могъ я тутъ выдержать и, забывъ [illegible] воскликнулъ:—Слава тебѣ Господи!

[illegible] я выговорить эти слова, какъ ладья съ бронзовымъ [illegible] въ море. Внезапно лишенный всякой помощи, я [illegible] на Бога и, напрягая силы, плылъ весь [illegible] къ ближайшему острову; когда же ноч- [illegible] земли уже стало не видно, и прихо- [illegible] что силы мои истощаются и [illegible] Но видно не суждено мнѣ было погиб- [illegible] бурныя волны словно горы ста- [illegible] одна изъ нихъ подняла меня на сво- [illegible] на прибрежную отмель, отхлынула назадъ. [illegible] выбраться на сушь и только [illegible] сознавая себя внѣ опасности.

[illegible] я снялъ съ себя всю одежду, выжалъ изъ [illegible] еще не совсѣмъ остывшемъ [illegible] жгучее солнце и разомъ досушило [illegible] по окрестности, чтобы узнать, куда меня [illegible] что я находился на пустынномъ, но цвѣ- [illegible] мѣстами разнообразными породами пло- [illegible] за безпредѣльною гладью воды, [illegible] не виднѣлось и признака твер- [illegible] радость; однакожь, я не при- [illegible] въ сердцѣ своемъ на благую волю [illegible] смутно, потомъ все яснѣе сталъ обоз- [illegible] на всѣхъ парусахъ прямо по [illegible]

[illegible] къ берегу, но не зная еще кто

на немъ,—враги или друзья,—я счелъ благоразумнымъ не показываться, пока это не выяснится, и, взобравшись на самое густолиственное дерево, сталъ наблюдать. Корабль повернулъ въ маленькую бухту и остановился на якорѣ. Сначала на берегъ вышло десять черныхъ невольниковъ съ заступами и другими орудіями земляныхъ работъ. Они направились къ срединѣ острова и, остановившись тамъ, стали выкапывать землю; я видѣлъ, какъ они подняли что то тяжелое, затѣмъ возвратились на корабль, выгрузили изъ него множество разныхъ съѣстныхъ припасовъ, утвари и другихъ принадлежностей жилья, раздѣлили все это на десять огромныхъ грузовъ и, взваливъ ихъ себѣ на плечи, отнесли на то мѣсто, гдѣ работали передъ тѣмъ своими заступами. Тамъ, одинъ за другимъ, они исчезли подъ землей, что уже окончательно убѣдило меня въ существованіи подземнаго хода. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ я увидалъ ихъ снова; они вторично вернулись на корабль, а когда опять вышли на берегъ, за ними уже слѣдовали новыя лица: пожилой человѣкъ и красавецъ юноша лѣтъ пятнадцати. И на этотъ разъ всѣ до одного спустились подъ землю, снова вышли оттуда, заложили отверстіе, засыпали его землей и направились къ бухтѣ; тутъ, къ своему величайшему изумленію, я уже не увидалъ между ними красавца юноши,—ясно было, что онъ остался одинъ въ подземельѣ, другіе же всѣ снова помѣстились на корабль, отчалили отъ берега и направили корабль обратно.

Когда они удалились настолько, что уже не могли увидать меня, я поспѣшно соскользнулъ съ дерева и отправился къ подземному ходу. Свѣже-насыпанную землю оказалось не трудно отвалить даже безъ помощи орудія; это было сдѣлано очень скоро, и подъ ней обнаружилась квадратная плита изъ цѣльнаго камня; съ большимъ усиліемъ стащивъ ее съ мѣста, я увидалъ такую же каменную лѣстницу и тотчасъ же спустился по ней въ глубину, гдѣ передо мной открылась большая, ярко освѣщенная комната, вся убранная и устланная персидскими дорогими коврами; на широкой софѣ, обложенной штофными подушками, полулежалъ съ опахаломъ въ рукѣ тотъ самый красивый юноша, котораго я уже видѣлъ; около него на мраморныхъ поставцахъ стояли въ хрустальныхъ вазахъ разнообразные плоды и цвѣты. При моемъ неожиданномъ появленіи, онъ видимо испугался, но я поспѣшилъ успокоить его. — Кто бы ни былъ ты, прекрасный юноша, сказалъ я, не бойся меня; мое царственное происхожденіе и царскій санъ представляютъ уже достаточное ручательство, что я не способенъ нанести тебѣ ни вреда, ни оскорбленія. Напротивъ, можетъ быть, твоя счастливая звѣзда привела меня сюда, чтобы вырвать тебя изъ этой могилы, гдѣ ты схороненъ заживо по какимъ то непонятнымъ причинамъ. Одно только смущаетъ меня и удивляетъ всего болѣе—это отсутствіе всякаго сопротив-

ленія съ твоей стороны; надо сказать тебѣ, что я былъ невидимымъ свидѣтелемъ твоего прибытія на этотъ островъ и видѣлъ, какъ спокойно ты далъ себя похоронить.

Мои слова совсѣмъ ободрили юношу; онъ привѣтливо пригласилъ меня сѣсть рядомъ съ собой, потомъ заговорилъ:—Въ моей судьбѣ, государь, много страннаго и необычайнаго, но ты поймешь это добровольное погребеніе, когда я разскажу тебѣ все. Мой отецъ—ювелиръ и торговецъ драгоцѣнными вещами; рѣдкимъ искусствомъ и знаніемъ дѣла онъ съ каждымъ годомъ все болѣе расширялъ свою торговлю и распространилъ ее наконецъ по всему свѣту, составивъ себѣ этимъ огромное богатство. Теперь его многочисленные невольники и прикащики плаваютъ по морямъ уже на его собственныхъ корабляхъ и всюду развозятъ драгоцѣнныя издѣлія, поставляютъ ихъ всѣмъ иноземнымъ дворамъ и торговцамъ. Одного только не доставало моему отцу для полнаго счастія: въ теченіе многихъ лѣтъ согласнаго супружества Богъ не посылалъ ему дѣтей, не смотря на всѣ его горячія мольбы. И вдругъ, въ одну ночь, онъ услыхалъ во снѣ, что у него родится сынъ, но не будетъ долговѣченъ на свѣтѣ, и это сильно опечалило его при пробужденіи. Вскорѣ затѣмъ моя мать повѣдала мужу свою радостную надежду, и по ея соображенію оказалось, что зачатіе совпало именно съ тѣмъ временемъ, когда отецъ мой видѣлъ свой пророческій сонъ. По истеченіи ровно девяти мѣсяцевъ съ той памятной ночи мать родила меня. Замѣтивъ съ точностью часъ и минуту моего рожденія, отецъ обратился къ астрологамъ, чтобы узнать мою судьбу, и вотъ что они сказали ему:—Твой сынъ проживетъ благополучно до пятнадцати лѣтъ, но съ этого возраста ему угрожаетъ смертельная опасность, которой очень трудно избѣгнуть. Если же счастливая звѣзда устранитъ отъ него смерть въ эти роковые дни, то онъ проживетъ до глубокой старости, не испытавъ даже никогда никакой болѣзни и никакого несчастія. Есть предсказаніе, добавили они,—что ровно черезъ пятнадцать лѣтъ бронзовая конная статуя на вершинѣ магнитной горы будетъ свержена въ море царемъ Аджибомъ, сыномъ царя Кассиба, а свѣтила небесныя ясно указываютъ, что, по прошествіи пятидесяти дней послѣ этого событія, сыну твоему грозитъ смерть отъ руки того же царя Аджиба.

Пораженный совпаденіемъ этого предсказанія съ своимъ зловѣщимъ сномъ, отецъ мой встревожился и огорчился еще сильнѣе, однако надежда не покидала его, и онъ не переставалъ заботиться о моемъ воспитаніи и образованіи до настоящаго роковаго года, пятнадцатаго въ моей жизни. И вотъ, вчера онъ узналъ, что десять дней тому назадъ бронзовый всадникъ дѣйствительно сброшенъ въ море царемъ Аджибомъ, и это извѣстіе повергло его въ такое страшное горе, стоило ему столькихъ слезъ, что онъ вдругъ состарѣлся на десять лѣтъ и

сталъ совсѣмъ неузнаваемъ. Еще съ самаго моего рожденія онъ началъ придумывать всевозможныя средства спасти меня отъ опасности, наперекоръ предсказанію астрологовъ, и давно уже устроилъ это подземное жилище, въ которомъ я могъ бы скрываться въ теченіе роковыхъ пятидесяти дней; но о сверженіи статуи онъ узналъ десятью днями позже, такъ что мнѣ придется пробыть здѣсь только сорокъ, вмѣсто пятидесяти; когда же минуетъ этотъ срокъ, отецъ опять приплыветъ сюда, и я возвращусь съ нимъ домой. Самому мнѣ нисколько не страшно, прибавилъ юноша,—я надѣюсь на Бога и не думаю, чтобы царь Аджибъ сталъ искать меня подъ землей среди необитаемаго острова, да и за что ему убивать меня?

Во время разсказа юноши, я внутренно смѣялся надъ нелѣпымъ предсказаніемъ астрологовъ; увѣренный, что никогда у меня не можетъ быть и помышленія объ убійствѣ, я горячо воскликнулъ:—Будь спокоенъ, прекрасный юноша, и твердо надѣйся на милосердіе Бога. Пусть съ этой минуты разсѣется та грозная туча, что такъ долго висѣла надъ твоей головой. Теперь я даже радъ крушенію моего корабля,—вѣдь иначе я не могъ бы попасть на этотъ островъ и защищать твою молодую жизнь отъ всякаго вражескаго покушенія. Въ теченіе этихъ роковыхъ сорока дней я не покину тебя ни на одно мгновеніе, буду беречь и охранять, и служить тебѣ, на сколько могу. А когда минуетъ срокъ, я воспользуюсь возможностью добраться до твердой земли на кораблѣ твоего отца, съ вашего общаго согласія; если же судьба дозволитъ мнѣ благополучно возвратиться въ мое государство, я никогда не забуду, что былъ обязанъ тебѣ пристанищемъ, и постараюсь на дѣлѣ доказать свою благодарность.

Своей искренней рѣчью я уже совершенно успокоилъ юношу и внушилъ ему полное довѣріе, но изъ опасенія подать хотя бы малѣйшій поводъ къ тревогѣ, назвалъ себя другимъ именемъ и во все время ни однимъ словомъ не обмолвился, что я тотъ самый Аджибъ, которому астрологи предназначили быть его убійцей. До самой ночи мы весело бесѣдовали о различныхъ предметахъ, при чемъ не разъ проявлялись и замѣчательный умъ, и всестороннее образованіе юноши. Затѣмъ, еще долго просидѣвъ за обильнымъ ужиномъ (запасы всякой провизіи были такъ велики, что ихъ съ избыткомъ хватило бы на сорокадневное продовольствіе десяти человѣкъ), мы спокойно и крѣпко заснули.

На слѣдующее утро, лишь только проснулся мой юный хозяинъ, я принесъ воды, помогъ ему умыться и одѣться, потомъ въ надлежащее время приготовилъ и подалъ обѣдъ, а чтобы не дать соскучиться заключенному, изобрѣталъ различныя игры, которыя занимали насъ не только въ этомъ, но и во всѣ послѣдующіе дни. Точно также, какъ обѣдъ, въ обычный часъ былъ поданъ ужинъ, и послѣ долгой, оживленной бе-

сѣды за нимъ, мы легли по своимъ постелямъ и погрузились въ такой же спокойный сонъ, какъ и наканунѣ. Вскорѣ между нами возникла горячая дружба; юноша съ каждымъ днемъ привязывался ко мнѣ все сильнѣе, а я полюбилъ его такъ, что онъ сталъ мнѣ дороже брата, предсказаніе же астрологовъ забывалось мало по малу, какъ ни съ чѣмъ несообразная нелѣпость. Словомъ, тридцать девять дней въ этомъ подземельи прошли для насъ, какъ одинъ.

Насталъ и сороковой. Проснувшись еще до зари, юноша разбудилъ меня своимъ радостнымъ восклицаніемъ:—Проснись, государь! Мы дождались наконецъ сороковаго дня, и вотъ я живъ и невредимъ! Вѣчно буду благодарить за свое спасеніе милосердаго Бога, а также и тебя, отецъ же мой не замедлитъ доказать на дѣлѣ свою признательность,—онъ доставитъ тебѣ всѣ средства благополучно возвратиться въ свое государство. А теперь, мой дорогой другъ, доверши свои заботы обо мнѣ,—согрѣй воды и налей ее въ ванну; мнѣ хотѣлось бы омыть все тѣло и перемѣнить одежды, чтобы встрѣтить отца, какъ слѣдуетъ.

Я развелъ огонь, поставилъ на него большой котелъ съ водою, а когда она согрѣлась, наполнилъ мраморную ванну; юноша погрузился въ нее, я самъ его вымылъ и вытеръ, потомъ уложилъ въ приготовленную постель и накрылъ одѣяломъ. Послѣ недолгой дремоты онъ снова позвалъ меня:—Сдѣлай мнѣ еще одолженіе, государь, сказалъ онъ,—принеси дыню поспѣлѣе и сахару, она освѣжитъ меня.

Я выбралъ самую лучшую изъ остававшихся дынь, положилъ на блюдо и сталъ искать ножа, чтобы разрѣзать ее, но ни одного не оказывалось.—Не знаешь ли, гдѣ ножъ? спросилъ я юношу.—А вотъ одинъ привѣшенъ къ стѣнѣ надъ моей головой, отвѣтилъ онъ.

Чтобы достать высоко висѣвшій ножъ, мнѣ пришлось подняться на постель; но, отцѣпивъ его и поспѣшно соскакивая съ нимъ на полъ, я запутался ногой въ одѣялѣ и, не удержавшись, упалъ на юношу. Острое оружіе вонзилось ему прямо въ сердце, и онъ мгновенно умеръ, не успѣвъ даже вскрикнуть.

Невыразимое отчаяніе овладѣло мною при этомъ ужасномъ событіи. Съ громкими воплями я бился головой о стѣну, ударялъ себя въ грудь, разрывалъ свои одежды и наконецъ, обезсиленный этими бурными порывами, свалился на полъ.—Господи! Господи! восклицалъ я въ смертельной тоскѣ,—всего лишь нѣсколько часовъ оставалось ему до полной безопасности, и не дождался онъ, не дожилъ по моей винѣ. Неужели осуществленіе проклятаго предсказанія было неизбѣжно, и судьба только затѣмъ толкнула меня въ убѣжище этого несчастнаго юноши, чтобъ я сталъ его убійцей? Прости мнѣ, Господи! молилъ я, воздѣвая руки къ небу, если же мое невольное преступленіе заслуживаетъ кары, пусть сразу оборвется моя жизнь!

Но смерть не являлась, хотя я встрѣтилъ бы ее съ радостью въ тѣ невыносимыя минуты. Видно, по нашему желанію намъ ничто не дается, не только благо, но даже и зло. Потомъ чувство самосохраненія стало вновь пробуждаться во мнѣ; я созналъ, что ни слезами, ни отчаяніемъ не воскресишь погибшаго, а что каждую минуту могъ явиться отецъ и застать меня передъ окровавленнымъ трупомъ своего сына; подъ вліяніемъ этой мысли я поспѣшилъ выбраться изъ подземелья и, поднявшись вверхъ по лѣстницѣ, закрылъ отверстіе камнемъ и засыпалъ его землей.

Только что успѣлъ я это сдѣлать, какъ, оглянувшись на противоположную сторону моря, увидалъ тотъ же корабль, уже ясно обозначавшійся вдали. Въ первую минуту я растерялся, не зная, какъ поступить, потомъ явилось такое соображеніе:—Если я не скроюсь, старикъ навѣрное обвинитъ меня въ убійствѣ сына, и тогда мнѣ не миновать мучительной смерти отъ рукъ его невольниковъ; никакимъ оправданіямъ онъ не повѣритъ, и ничто не убѣдитъ его въ моей невиновности. Такъ лучше же избѣжать его мести, чѣмъ идти ей навстрѣчу.—На мое счастье, около самаго подземнаго хода росло громадное дерево; я быстро взобрался на самую вершину и, укрывшись въ густолиственныхъ вѣтвяхъ, видѣлъ, какъ корабль подплылъ къ берегу и остановился на томъ же мѣстѣ, гдѣ стоялъ за сорокъ дней передъ тѣмъ.

На берегъ вышелъ старикъ, сопровождаемый невольниками, и ускоренными шагами направился къ подземелью; онъ видимо былъ сильно взволнованъ и встревоженъ, но лицо его еще не выражало безнадежности; только подойдя къ свѣжей насыпи онъ поблѣднѣлъ и пошатнулся, пораженный, словно громомъ, этимъ зловѣщимъ признакомъ. Невольники поспѣшно отодвинули камень и всѣ одинъ за другимъ, спустились внизъ. До меня стали доноситься ихъ громкіе голоса, и я живо представилъ себѣ все, что должно было произойти въ подземельѣ: отецъ зоветъ сына по имени, и на зовъ его нѣтъ отвѣта; мучительное предчувствіе все усиливается, онъ подходитъ къ постели и видитъ на ней мертваго юношу съ ножомъ, такъ и оставшимся въ пронзенномъ сердцѣ, потому что у меня не хватило духу извлечь его изъ раны. Тутъ отчаянные возгласы раздаются громче и острой болью проникаютъ мнѣ въ душу. Старикъ упалъ, какъ подкошенный; невольники подняли его, на рукахъ вынесли на землю по лѣстницѣ и положили у подножія того дерева, гдѣ я скрывался. Долго оставались напрасными всѣ ихъ усилія привести его въ чувство,—онъ лежалъ недвижимый и бездыханный, безъ малѣйшаго признака жизни.

Наконецъ онъ очнулся. Тогда невольники стали поспѣшно вырывать яму, а двое изъ нихъ снова спустились въ подземелье и, облачивъ убитаго юношу въ его лучшія одежды, вынесли наружу. Трупъ опустили въ готовую могилу, и отецъ, поддерживаемый невольниками, обливаясь горькими слезами, бросилъ въ нее первую горсть земли, и затѣмъ ее зарыли и отмѣтили сверху высокой насыпью.

И роскошная обстановка подземнаго жилища, и обильные остатки припасовъ — все было вынесено невольниками и снова нагружено на корабль, но отецъ еще долго не могъ оторваться отъ дорогой могилы; наконецъ, удрученный и обезсиленный горемъ, онъ былъ положенъ на носилки, наскоро сплетенныя изъ древесныхъ вѣтвей, и тоже унесенъ. Затѣмъ корабль снялся съ якоря и, распустивъ паруса, полетѣлъ съ быстротою птицы въ обратный путь. Я не отводилъ отъ него печальнаго взора, пока онъ совсѣмъ не скрылся изъ вида.

Съ удаленіемъ несчастнаго отца и его невольниковъ, я остался одинъ на пустынномъ островѣ, передъ открытымъ входомъ въ подземелье; оно стало мнѣ служить одинокимъ ночлегомъ, и много тоскливыхъ ночей провелъ я тамъ, иногда не смыкая глазъ въ его непроглядной тьмѣ; днемъ же безцѣльно бродилъ по острову, отдыхая подъ сѣнью плодовыхъ деревьевъ, когда усталыя ноги отказывались двигаться или голодъ давалъ себя чувствовать.

Такая томительная жизнь продолжалась цѣлый мѣсяцъ, какъ вдругъ въ одно утро, выйдя изъ подземелья, я замѣтилъ, что море значительно съузилось, а островъ расширился, и съ той поры мнѣ стало казаться

будто бы твердая земля подходитъ къ нему все ближе и ближе. Дѣйствительно, вскорѣ уровень воды настолько понизился, что между островомъ и твердой землей оставалась уже только небольшая отмель; я перешелъ по ней безъ труда, нигдѣ не погружаясь въ воду выше колѣнъ, но за то далѣе по песчаному прибережью мнѣ пришлось идти до утомленія. Наконецъ, миновали и зыбучіе пески, нога ступила на болѣе твердую почву, а море осталось далеко позади. Продолжая уже легко подвигаться впередъ по прямой линіи, я увидалъ вдали какой то сверкающій огонь, и это неожиданное явленіе безмѣрно обрадовало меня.— Вотъ, наконецъ, и человѣческое жилье, подумалъ я, не можетъ же быть, чтобы этотъ огненный костеръ зажегся самъ собою. Но, по мѣрѣ приближенія, обманчивое зрѣлище все болѣе опредѣлялось, и я распозналъ, что то былъ не огонь, а громадный замокъ изъ красной мѣди, казавшійся издали сверкающимъ пламенемъ отъ яркаго отраженія въ немъ солнечныхъ лучей.

Подойдя къ этому замку, я сѣлъ невдалекѣ, чтобы отдохнуть и вдоволь налюбоваться великолѣпнымъ зданіемъ. Но не успѣлъ еще я осмотрѣть его во всѣхъ подробностяхъ, какъ вниманіе мое отвлеклось въ другую сторону, откуда медленно шли, какъ бы возвращаясь съ про-

гулки, десять молодыхъ людей; они были статны, красивы, но—странное дѣло—всѣ кривы на правый глазъ. Ихъ сопровождалъ благообразный старикъ высокаго роста и почтенной наружности.

Я смотрѣлъ съ удивленіемъ, недоумѣвая, какими судьбами могъ собраться здѣсь цѣлый десятокъ кривыхъ, да еще одинаково лишенныхъ праваго глаза; они же тѣмъ временемъ подошли, увидавъ меня, и дружелюбно привѣтствовали, какъ желаннаго гостя; потомъ спросили—кто я, откуда, и что привело меня сюда. Назвавъ себя царемъ далекой страны, я выразилъ готовность повѣдать подробно обо всѣхъ своихъ приключеніяхъ; тогда мои слушатели усѣлись около меня на лужайкѣ, и я разсказалъ имъ все, что случилось со мной съ самаго начала моего странствованія и до настоящаго дня.

Пораженные моей необычайной судьбой, они съ глубокимъ вниманіемъ прослушали мой разсказъ, когда же я кончилъ, всѣ встали и пригласили меня войти въ ихъ замокъ, на что я, разумѣется, охотно согласилась. Миновавъ длинный рядъ роскошно убраныхъ покоевъ, мы вошли въ обширную, высокую залу, гдѣ размѣщались правильнымъ кругомъ, на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, десять мягкихъ оттоманокъ, обитыхъ шелковой голубой матеріей и равно удобныхъ для одиночнаго отдыха какъ въ лежачемъ, такъ и въ сидячемъ положеніи; въ срединѣ же этого круга стояло одиннадцатое помѣщеніе, въ родѣ дивана, того же цвѣта, но значительно ниже другихъ. На него сѣлъ благообразный старикъ, а молодые люди заняли свои мѣста на десяти оттоманкахъ.

Такъ какъ всѣ онѣ были приспособлены только для одного человѣка, то видя мое затрудненіе, старшій изъ молодыхъ хозяевъ сказалъ мнѣ:

— Садись, товарищъ, прямо на коверъ среди насъ, но не спрашивай ни о чемъ, что увидишь, и не дознавайся причины ни дѣйствій нашихъ, ни того обстоятельства, что всѣ мы кривы на правый глазъ. Здѣсь ты уже не повелитель, а только гость, такъ постарайся же обуздать свое любопытство.

Во все время молчавшій старикъ вскорѣ всталъ съ своего мѣста и вышелъ изъ залы; но черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился съ огромной корзиной, наполненной съѣстными припасами и бутылками, раздѣлилъ всѣ яства на одиннадцать равныхъ частей и разнесъ ихъ намъ на отдѣльныхъ блюдахъ. По примѣру другихъ, я съѣлъ свою порцію всю безъ остатка; затѣмъ старикъ налилъ и подалъ намъ по полному кубку превосходнаго вина.

Къ концу ужина, по просьбѣ всѣхъ хозяевъ, я снова разсказалъ имъ о своихъ необыкновенныхъ приключеніяхъ; это вызвало много различныхъ толковъ и разсужденій, такъ что бесѣда наша затянулась далеко за полночь.

— Однако, теперь должно быть уже очень поздно, замѣтилъ одинъ изъ молодыхъ людей и потомъ сказалъ, обращаясь къ старику:—Ты забылъ, что пора спать, а мы еще не исполнили своей обязанности.

При этихъ словахъ старикъ поспѣшно всталъ и вышелъ въ смежную комнату, откуда вскорѣ вынесъ на головѣ, одинъ за другимъ, десять серебряныхъ тазовъ, покрытыхъ голубой матеріей, зажегъ десять свѣтильниковъ и поставилъ ихъ вмѣстѣ съ тазами передъ каждымъ изъ господъ.

Когда покрышки были сняты, во всѣхъ тазахъ оказалось по три отдѣльныя груды золы, толченаго угля и сажи. Соединивъ все это вмѣстѣ, молодые люди такъ испестрили и выпачкали себѣ лица этой черной смѣсью, что на нихъ стало страшно взглянуть. Затѣмъ, они принялись плакать, вопить и восклицать, непрестанно ударяя себя въ голову и въ грудь:—Вотъ каковы плоды постыдной праздности, малодушія и разврата!

Почти вся ночь прошла у насъ въ этомъ странномъ занятіи; когда же, наконецъ, оно прекратилось, старикъ принесъ воды и помогъ имъ вымыть себѣ руки и лица, а съ перемѣной запачканныхъ одеждъ на другія, молодые люди приняли прежній видъ, какъ будто совсѣмъ и не участвовали въ той непонятной сценѣ, которой мнѣ только что пришлось быть свидѣтелемъ.

Очень трудно было обуздать свое любопытство при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ. Тысячу разъ порывался я нарушить возложенное на меня молчаніе и добиться отъ своихъ хозяевъ объясненія ихъ поступковъ. Раздумывая о причинѣ всѣхъ этихъ странностей, я даже ни на минуту не сомкнулъ глазъ во всю остальную ночь.

На слѣдующее утро, только что вставъ съ постелей, мы всѣ вмѣстѣ отправились на прогулку. Тогда, наконецъ, я рѣшился сказать:—Объявляю вамъ, господа, что я не въ силахъ болѣе подчиняться вашему вчерашнему запрещенію. Любопытство одолѣваетъ меня, и я не могу воздержаться отъ вопросовъ, потому что самъ не нахожу никакого объясненія такой непостижимой странности. Всѣ вы обладаете не только вполнѣ здравымъ, но даже замѣчательно развитымъ умомъ, въ чемъ я уже не разъ имѣлъ случай убѣдиться въ эти немногіе часы нашего знакомства; а между тѣмъ всѣ ваши дѣйствія въ эту ночь могутъ быть свойственны только сумасшедшимъ. Словомъ, что бы ни угрожало мнѣ за нескромность, но я рѣшительно не могу не спросить васъ, зачѣмъ вы пачкали себѣ лица смѣсью золы, угля и сажи? А также по какой странной случайности всѣ вы одинаково кривы на правый глазъ? Въ вашей судьбѣ навѣрное есть много необычайнаго, будьте же, умоляю васъ, также откровенны со мной, какъ я былъ съ вами. Но всѣ мои мольбы оставались напрасными; они ничего не объяснили мнѣ, а только отвѣ-

тили, что ихъ дѣла меня не касаются, и въ свою очередь попросили успокоиться и не тревожить ихъ больше никакими распросами.

Я замолчалъ поневолѣ; потомъ мы разговорились, но уже о постороннихъ предметахъ. Такъ прошелъ этотъ день въ непрерывной, оживленной бесѣдѣ, а поздно вечеромъ, какъ только мы всѣ поужинали такими же отдѣльными порціями, старикъ снова принесъ тазы, накрытые голубой матеріей, опять молодые люди выпачкали себѣ лица и съ плачемъ и воплями ударяли себя въ грудь, приговаривая:—Вотъ каковы плоды постыдной праздности, малодушія и разврата! То же самое повторилось и въ другую ночь, и въ послѣдующія.

Наконецъ, я снова не выдержалъ и сталъ уже настойчиво просить ихъ—или удовлетворить мое любопытство, или поскорѣй помочь мнѣ возвратиться въ мое государство; я сказалъ, что не могу оставаться у нихъ долѣе, видѣть каждую ночь все тѣ же непостижимыя дѣйствія и не имѣть возможности дознаться ихъ причины.

Тогда одинъ изъ молодыхъ людей отвѣтилъ мнѣ за всѣхъ:—Не удивляйся, государь, нашей скрытности и не считай ее обидой для себя; напротивъ, только одно желаніе тебѣ добра заставляло насъ не уступать твоимъ просьбамъ; мы боялись подвергнуть и тебя нашей несчастной участи. Но если ты самъ такъ настойчиво желаешь испытать ее, тогда это дѣло другое,—мы уже будемъ неповинны ни въ чемъ, что̀ бы съ тобой ни случилось.—Я отвѣчалъ, что ничего не боюсь и готовъ на все.—Еще разъ предупреждаемъ тебя, продолжалъ тотъ же, обуздай свое любопытство, иначе ты можешь, какъ и мы, лишиться праваго глаза.—Какое бы несчастіе меня ни постигло, не вы будете виновны въ немъ, возразилъ я. — Еще я долженъ предупредить тебя, сказалъ онъ, чтобы ты не надѣялся оставаться съ нами въ случаѣ потери глаза; наше число ограничено десятью, и увеличить его мы не можемъ. На это я отвѣтилъ, что, несмотря на всю привлекательность ихъ общества, подчинюсь и необходимости разстаться съ ними, лишь бы только они согласились открыть мнѣ свою тайну.

Убѣдившись, что рѣшимость моя непоколебима, молодые люди шепотомъ перемолвились между собой, затѣмъ одинъ изъ нихъ удалился и черезъ нѣсколько минутъ вернулся, ведя на привязи чернаго барана; онъ тутъ же закололъ его, снялъ шкуру и сказалъ, вручая мнѣ употребленный кинжалъ:—Возьми и спрячь на себѣ это оружіе, оно скоро пригодится, какъ сейчасъ узнаешь. Слушай же: мы зашьемъ тебя въ баранью шкуру и удалимся, ты же оставайся одинъ на этомъ мѣстѣ. Не пройдетъ и часа, какъ въ воздухѣ появится громадная птица—Рокъ *);

*) Созданіе фантазіи восточныхъ народовъ. Эту баснословную птицу, часто являющуюся въ арабскихъ сказкахъ, Бюффонъ, руководствуясь наслѣдованіемъ Гарчи-

она приметъ тебя за барана, налетитъ, захватитъ своими когтями и клювомъ и подниметъ къ облакамъ; но ты не бойся,—она тотчасъ же спустится внизъ и положитъ тебя на вершинѣ горы. Какъ только ты почувствуешь подъ собой землю, распори скорѣй кинжаломъ баранью шкуру и сбрось ее съ себя. Испуганный этимъ внезапнымъ превращеніемъ, Рокъ улетитъ въ ту же минуту, оставивъ тебя на свободѣ. Иди тогда все прямо, не останавливаясь, пока не дойдешь до громаднаго зàмка съ золотою крышей, усѣянной крупными изумрудами, рубинами и другими драгоцѣнными камнями. Входныя двери его всегда открыты, и ты можешь свободно войти. Мы уже всѣ перебывали тамъ одинъ за другимъ, но чтó видѣли и чтó съ нами произошло, того нельзя тебѣ повѣдать, но ты самъ узнаешь, когда испытаешь на себѣ. Одно только можемъ тебѣ сказать: пребываніе въ этомъ зàмкѣ стоило намъ всѣмъ лишенія праваго глаза, а тѣ странныя дѣйствія, которыхъ ты былъ свидѣтелемъ, ничто иное, какъ обязательное искупленіе того же грѣха. Исторія каждаго изъ насъ, взятая отдѣльно, полна такого множества необычайныхъ событій и приключеній, что изъ нея могла бы составиться огромная книга, но, къ сожалѣнію, мы больше ничего не можемъ сообщить тебѣ.

Внимательно выслушавъ всѣ наставленія, я заткнулъ кинжалъ за поясъ и завернулся въ баранью шкуру; мои молодые друзья зашили ее на мнѣ, потомъ, простившись со мной, удалились, я же остался одинъ среди поля. Не долго пришлось мнѣ ждать появленія Рока; распустивъ свои могучія крылья, онъ сразу ринулся на меня съ высоты, схватилъ когтями, какъ барана, взвился со мной къ облакамъ и пустился на вершину горы.

Лишь только я ощутилъ подъ собой землю, какъ въ то же мгновеніе распоролъ кинжаломъ баранью шкуру и, сбросивъ ее съ себя, предсталъ въ своемъ настоящемъ видѣ. Рокъ дико вскрикнулъ, взмахнулъ крыльями и улетѣлъ. Это—чудовищно-громадная птица, вся бѣлая, какъ луна, а сила у нея такая страшная, что она схватываетъ слоновъ на долинахъ, уноситъ ихъ на вершины горъ и тамъ пожираетъ.

Сгорая нетерпѣніемъ добраться скорѣй до таинственнаго зàмка, я не терялъ ни одной минуты, шелъ безъ отдыха и такимъ быстрымъ шагомъ, что солнце еще высоко стояло на небѣ, когда я увидалъ передъ собой это дивное зданіе; оно поразило меня своимъ великолѣпіемъ даже и послѣ всего, что я слышалъ о немъ и воображалъ. Входныя двери были растворены настежъ, и я прямо вошелъ во внутренній дворъ, вымощенный разноцвѣтными мраморными плитами; по всѣмъ четыремъ

лассо, ошибочно называетъ *грифомъ*,—ошибочно потому, что грифъ, какъ извѣстно, принадлежитъ южнымъ странамъ Америки и не существуетъ въ Аравіи.

(Галланъ).

сторонамъ этого обширнаго квадратнаго пространства размѣщалось девяносто девять дверей изъ дерева алоэ и сандала, и одна, вся литая изъ золота, не считая внутреннихъ, не видныхъ со двора, и тѣхъ, за которыми виднѣлись лѣстницы изъ дорогихъ металловъ, ведущія въ верхніе этажи. Эти сто дверей закрывали роскошные сады и чертоги, хранилища несмѣтныхъ драгоцѣнностей и невиданныхъ чудесъ. Но это я узналъ только впослѣдствіи.

Прямо передо мной одна изъ дверей была растворена, и я вошелъ черезъ нее въ богато убранный, обширный чертогъ, гдѣ сидѣло сорокъ молодыхъ женщинъ такой совершенной красоты, какой не могло бы создать даже самое пылкое воображеніе; великолѣпныя одежды всѣхъ этихъ красавицъ придавали имъ еще большій блескъ. При моемъ входѣ, онѣ всѣ разомъ встали и, не дожидаясь моего привѣтствія, воскликнули въ одинъ голосъ, съ выраженіемъ искренней радости:—Здравствуй, желанный гость!—Затѣмъ одна изъ нихъ выступила впередъ и повела рѣчь за всѣхъ:—Давно мы ждемъ именно такого посѣтителя, сказала она:—судя по виду, ты обладаешь всѣми качествами, всѣми достоинствами, какихъ только можно желать; надѣемся, что и ты найдешь насъ достойными своего вниманія.

Не смотря на все мое сопротивленіе, онѣ принудили меня занять мѣсто на средней софѣ, значительно возвышавшейся надъ всѣми другими; а такъ какъ я не переставалъ возражать противъ такого почета, то онѣ разомъ закончили споръ, объявивъ рѣшительно:—Почетное мѣсто принадлежитъ тебѣ по праву,—ты господинъ нашъ съ этой минуты, нашъ судья и повелитель, мы же твои покорныя рабыни, готовыя повиноваться тебѣ во всемъ.

И, затѣмъ, я дѣйствительно сталъ предметомъ ихъ постояннаго вниманія. Красавицы наперерывъ стремились услужить мнѣ то тѣмъ, то другимъ, окружая меня всевозможными удобствами: одна принесла теплой воды и омыла мои ноги; другая смочила мнѣ руки духами; третья разложила передо мной роскошныя одежды на смѣну моихъ запыленныхъ и сильно поношенныхъ во время долгаго странствованія; четвертая поднесла мнѣ полный кубокъ ароматнаго вина; остальныя же хлопотали около стола, убирая его цвѣтами и плодами и разставляя на немъ различныя заманчивыя яства для ужина. И все это совершалось безъ суеты, безъ малѣйшаго нарушенія порядка, съ такою ловкостью, съ такой чарующею граціей, что я не помнилъ себя отъ восторга. Послѣ обильнаго ужина, всѣ сорокъ красавицъ размѣстились около возвышенія, на которомъ я отдыхалъ полулежа, и, лаская меня своими упоительными взорами, просили повѣдать имъ всю исторію моей жизни. Я началъ подробный разсказъ обо всѣхъ своихъ приключеніяхъ, а когда кончилъ его, уже наступила ночь.

Тѣ изъ моихъ слушательницъ, что сидѣли ближе, остались со мной въ полутьмѣ и повели веселую, остроумную бесѣду, другія же ушли за освѣщеніемъ. Черезъ нѣсколько минутъ онѣ возвратились съ безчисленнымъ множествомъ свѣтильниковъ и размѣстили ихъ всюду такъ, что весь чертогъ озарился, словно солнечнымъ сіяніемъ.

Тутъ встали и всѣ остальныя; однѣ снова занялись приготовленіемъ стола, обставляя его на этотъ разъ уже только одними напитками да разнообразными сластями; другія принесли музыкальные инструменты; когда же все было готово для пира, пригласили меня къ столу и сами всѣ размѣстились вокругъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя, ставъ въ отдаленіи, услаждали мой слухъ чарующимъ пѣніемъ подъ мелодичные

звуки арфъ и цѣвницъ. Вслѣдъ за концертомъ началось новое увеселеніе, и въ немъ приняли участіе уже всѣ сорокъ красавицъ; раздѣлившись на пары и выступая по очереди, онѣ съ восхитительной граціей исполнили передо мной разнохарактерные танцы всѣхъ восточныхъ народовъ.

Когда кончились увеселенія, было уже за́ полночь, но я еще не чувствовалъ ни малѣйшаго позыва ко сну. Однако, одна изъ красавицъ подошла ко мнѣ и сказала: — Ты усталъ, нашъ властитель, пора тебѣ отдохнуть послѣ долгаго путешествія. Твоя постель приготовлена въ лучшемъ изъ чертоговъ, но прежде, чѣмъ удалиться, выбери любую изъ насъ, чтобы раздѣлить съ ней свое ложе. — Я отвѣчалъ, что не могу рѣшиться на предлагаемый выборъ, такъ какъ всѣ онѣ равно прекрасны и умны, равно достойны поклоненія и обожанія, что съ моей стороны было бы непростительной дерзостью оказать предпочтеніе одной передъ другими.

Та же красавица возразила на это: — Намъ вполнѣ понятна твоя великодушная нерѣшительность, вызываемая опасеніемъ поселить ревность между нами; но не бойся этого и выбирай свободно. Счастье избранницы не возбудитъ зависти, потому что, по обоюдному соглашенію между нами, будетъ доставаться каждой изъ насъ поочередно, въ продолженіе сорока ночей, а потомъ ты воленъ начать снова. Не теряй же времени необходимаго для отдыха и выбирай смѣло любую.

Болѣе возражать было нечего, и я подалъ руку той, что говорила за всѣхъ... Съ торжествующей улыбкой она безъ колебанія отвѣтила мнѣ тѣмъ же, и мы отправились вмѣстѣ въ отведенную мнѣ роскошную опочивальню, всѣ же другія, проводивъ насъ до ея двери, разошлись по своимъ покоямъ, и мы остались вдвоемъ.

На слѣдующее утро, только что успѣлъ я встать съ постели, какъ двери растворились, и ко мнѣ вошли гурьбой всѣ остальныя тридцать девять красавицъ, наряженныя еще съ большимъ великолѣпіемъ, чѣмъ наканунѣ. Онѣ весело пожелали мнѣ добраго утра, освѣдомились о моемъ здоровьѣ и затѣмъ повели въ баню, гдѣ стали мыть меня сами и, противъ моей воли, оказывать мнѣ всѣ необходимыя услуги; по выходѣ же оттуда онѣ облачили меня въ новыя, еще болѣе роскошныя одежды.

Въ продолженіе цѣлаго дня, а потомъ и вечера мы почти не выходили изъ-за стола, на которомъ непрестанно смѣнялись всевозможныя угощенія; когда же настала ночь, красавицы стали передо мной всѣ въ рядъ и снова просили выбрать изъ нихъ любую. Словомъ, во избѣжаніе повтореній, скажу только, что цѣлый годъ я прожилъ съ этими очаровательными женщинами; каждую ночь принимая ихъ на свое ложе одну за другой, и что во все это время ничѣмъ не омрачалась моя упоительная жизнь.

И вдругъ, на первое утро по прошествіи года, къ моему великому изумленію, онѣ всѣ вошли ко мнѣ уже не съ веселыми лицами и привѣтствіями, какъ бывало ежедневно, а съ горькими слезами и рыданіями. Нѣжно обнимая меня, каждая изъ нихъ говорила: — Прощай, возлюбленный властитель, прощай! Намъ суждено разстаться съ тобой. Растроганный ихъ слезами, я пожелалъ узнать причину этого внезапнаго горя. — Скажите мнѣ ради Бога, царицы мои, умолялъ я, не въ моей ли власти утѣшить васъ или защитить? Но, вмѣсто отвѣта, онѣ восклицали, заливаясь слезами: — О, лучше бы намъ никогда тебя не видать и не знать! Многіе другіе бывали у насъ прежде, но ни въ комъ еще не встрѣчали мы такой красоты душевной и внѣшней, такого веселаго остроумія, такихъ рѣдкихъ достоинствъ, какъ въ тебѣ! О, какъ намъ быть, какъ намъ жить безъ тебя! — И новыя рыданія прерывали ихъ слова.—Умоляю же васъ, мои возлюбленныя, повторилъ я, не мучьте меня долѣе, повѣдайте мнѣ причину своей печали.—Вѣдь ты слышишь, намъ предстоитъ съ тобой разстаться, отвѣчали онѣ,—и можетъ быть никогда уже больше не свидѣться, а развѣ этого мало для вѣчной тоски? Впрочемъ, если ты захочешь, если превозможешь себя, мы свидимся снова, но для этого нужна большая сила воли.— Непонятны мнѣ ваши слова, сказалъ я,—объясните, что они значатъ?—Такъ слушай же, начала одна, я повѣдаю тебѣ, что могу. Всѣ мы царскаго рода, также какъ и ты; живемъ здѣсь вмѣстѣ той веселой жизнью, какую ты видѣлъ и дѣлилъ съ нами; но, по истеченіи каждаго года, мы неминуемо должны отлучаться на сорокъ дней для исполненія обязанностей, о которыхъ мы не можемъ говорить ни тебѣ и никому на свѣтѣ, затѣмъ снова возвращаемся сюда. Вчера окончился годъ, и сегодня мы покидаемъ тебя, — вотъ причина нашихъ слезъ и нашей печали. Удаляясь, мы оставимъ тебѣ ключи ото всего, что есть въ этомъ замкѣ, а также и отъ ста дверей, за которыми ты найдешь много рѣдкихъ, драгоцѣнныхъ и диковинныхъ предметовъ для развлеченія отъ скуки одиночества. Но ради своего собственнаго блага, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нашего, не отпирай золотой двери. Если ты отворишь ее, мы уже никогда больше не увидимъ тебя, а это опасеніе еще увеличиваетъ нашу печаль. Превозмоги же свое любопытство, не поддавайся искушенію,—отъ этого зависитъ все спокойствіе, все счастіе твоей жизни. Ты нанесешь себѣ непоправимый вредъ, если не послѣдуешь нашему совѣту, и лишишь насъ величайшей радости снова увидать тебя здѣсь черезъ сорокъ дней. Ключъ отъ золотой двери мы, конечно, могли бы унести съ собой, но это значило бы оскорбить недовѣріемъ благороднѣйшаго изъ царей, которому должно быть обидно даже малѣйшее сомнѣніе въ силѣ и твердости его воли.

Глубоко огорчила меня необходимость такой долгой разлуки съ

прекрасными царевнами, и я выразилъ имъ это горячо и нѣжно вмѣстѣ съ благодарностью за счастливый годъ, прожитый съ ними, и за ихъ послѣдній добрый совѣтъ.—Успокойтесь, говорилъ я: чтобы воздержаться отъ любопытства, нужно только ничтожное усиліе надъ собой, а я готовъ и на самый трудный подвигъ ради возможности не разлучаться съ вами во всю жизнь. Онѣ улыбнулись мнѣ сквозь слезы; поочередно обняли меня на прощанье и удалились, оставивъ меня одинокимъ среди опустѣлаго зáмка.

Моя жизнь за весь годъ была такъ преисполнена разнообразныхъ удовольствій, что у меня не оставалось времени да и не было ни малѣйшаго желанія осматривать всѣ чудеса, скрытыя въ этомъ волшебномъ зáмкѣ. Очарованный окружавшей меня живой красотой и весь погруженный въ ея созерцаніе, я не замѣчалъ даже, что находилось у меня постоянно передъ глазами, хотя каждая подробность этого общаго великолѣпія могла возбуждать удивленіе и восторгъ. Но теперь, съ перваго же дня отсутствія моихъ милыхъ хозяекъ, для меня словно затмилось солнце, и мной сразу овладѣла какая-то тоска, такъ что предстоявшіе сорокъ дней одиночества показались мнѣ уже цѣлой вѣчностью.

Чтобы хоть сколько нибудь разсѣять свое уныніе, я взялъ ключи, нанизанные по порядку, и пошелъ къ таинственнымъ дверямъ, твердо рѣшившись ограничиться дозволеннымъ осмотромъ и не входить въ запретную золотую дверь.

Повернувъ первый ключъ въ первомъ замкѣ, я вошелъ въ обширный фруктовый садъ и остановился, пораженный его изумительной красотой. Едва ли въ цѣломъ мірѣ существуетъ что нибудь подобное, а лучшаго, мнѣ кажется, нельзя ожидать даже и въ раю, что обѣщаетъ намъ за гробомъ наша религія. Всюду симметрія, правильность, порядокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ удивительная живописность и грація въ каждой группѣ, въ каждомъ отдѣльномъ деревѣ, — и какое обиліе разнообразныхъ, невиданныхъ плодовъ, свѣжихъ, ароматныхъ, красивыхъ! Надо замѣтить, что этотъ волшебно прекрасный садъ орошался необыкновеннымъ способомъ: искусно устроенные водопроводы развѣтвлялись по всему пространству, увлажняя корни въ большей или меньшей степени, сообразно съ развитіемъ силы каждаго дерева; тѣ, что нуждались въ обиліи соковъ для развертыванія первой молодой листвы и цвѣтенія, получали обильное орошеніе, и затѣмъ оно уменьшалось, примѣняясь къ различному состоянію деревьевъ въ пору первоначальной завязи плодовъ, ихъ постепеннаго роста, достиженія естественной величины, близкой къ созрѣванію, и наконецъ полной зрѣлости, при чемъ, благодаря этому способу, плоды достигли величины небывалой въ нашихъ садахъ. Я не могъ надивиться такому совершенству природы и искусства и, вѣроятно, долго еще не покинулъ бы этого земного рая.

еслибы во мнѣ не пробудилось сильнѣйшее желаніе увидать, можетъ быть, еще бо́льшія чудеса. Я поспѣшно вышелъ изъ сада, заперъ за собой дверь и вторымъ ключомъ отворилъ вторую.

Передо мной открылось такое же обширное пространство, но засаженное уже не деревьями, а цвѣтами, и представлявшее ослѣпительное зрѣлище пестроты и яркости красокъ. Въ гармоничномъ сочетаніи здѣсь, благодаря тому же способу орошенія, еще искуснѣе примѣненному, росли, достигая могучаго развитія, разнообразнѣйшія породы виданныхъ и невиданныхъ цвѣтовъ. Розы, жасмины, фіалки, нарциссы, гіацинты, анемоны, тюльпаны, ранункулы, гвоздики, лиліи и безконечное множество другихъ растеній, цвѣтущихъ обыкновенно въ разное время, цвѣли здѣсь всѣ разомъ, наполняя воздухъ упоительнымъ благоуханіемъ.

Я отперъ третью дверь; за нею была громадная клѣтка, обширнѣе и выше многихъ домовъ, вся свитая изъ золотой проволоки, съ выложеннымъ въ узоръ разноцвѣтными плитами драгоцѣннаго мрамора. Она заключала въ себѣ цѣлыя стаи соловьевъ, щегловъ, канареекъ, жаворонковъ и другихъ пѣвчихъ птицъ, какихъ мнѣ никогда еще не приводилось ни видѣть, ни слышать. Огромные сосуды съ зерномъ для нихъ и водой были всѣ изъ яшмы и агата, а чистота въ этомъ необъятномъ садкѣ была такая, какая возможна только при постоянной заботливости не менѣе ста человѣкъ. Однако здѣсь никто не появлялся, точно также какъ и въ обоихъ садахъ, гдѣ я не замѣтилъ ни одной сорной травки, ничего, что могло бы нарушить впечатлѣніе гармоніи и порядка. Солнце въ то время скрывалось за горизонтомъ, и я ушелъ, очарованный мелодичнымъ пѣніемъ этихъ безчисленныхъ птицъ, уже размѣщавшихся на ночлегъ по своимъ уютнымъ гнѣздамъ, и, возвратившись въ опочивальню, рѣшилъ проникнуть на слѣдующіе дни за всѣ остальныя двери, разумѣется, кромѣ запретной золотой.

На другой день, проснувшись очень рано, я поспѣшилъ отпереть четвертую дверь и увидалъ уже такія диковины, что никакими словами не могу передать своего изумленія и восторга. Передо мной сначала открылся обширный дворъ, со всѣхъ сторонъ окруженный зданіемъ, красоту котораго невозможно ни описать, ни вообразить, и потому я умолчу о ней во избѣжаніе многословія. Сорокъ дверей, по десяти въ каждой стѣнѣ, были растворены настежъ и вели въ отдѣльныя хранилища несмѣтныхъ, разнообразныхъ сокровищъ, достаточныхъ по своей цѣнности для пріобрѣтенія полуміра. Въ первой сокровищницѣ лежали груды жемчуга, превосходившаго всякое вѣроятіе величиной своихъ зеренъ,—большинство ихъ равнялось голубиному яйцу. Во второй сокровищницѣ сверкали, тоже наложенные грудами, бриллiанты, карбункулы, рубины; въ третьей—изумруды; въ четвертой—золото въ слит-

кахъ; въ пятой—чеканенныя золотыя монеты; въ шестой—слитки серебра; въ двухъ слѣдующихъ—серебряныя монеты. Въ остальныхъ—аметисты, хризолиты, топазы, опалы, бирюза, іакинѳы и всѣ существующіе въ мірѣ драгоцѣнные камни, не считая агата, яшмы, сердолика и другихъ. Въ одномъ изъ отдѣленій помѣщались не только вѣтви, но и цѣлыя деревья коралла.

Ослѣпленный и очарованный, я восклицалъ внѣ себя отъ восторга:—О, я счастливѣйшій изъ смертныхъ! Ни одинъ царь во всей вселенной не обладаетъ такими несмѣтными сокровищами и такими несравненными красавицами, какъ я!

Не буду останавливаться на подробномъ описаніи всѣхъ рѣдкостей и чудесъ, какія я видѣлъ далѣе, да и трудно было бы разобраться въ такомъ обиліи разнообразныхъ впечатлѣній; скажу только, что мнѣ едва хватило тридцати девяти дней для осмотра всего, что заключалось за девяносто девятью дверями; оставалась одна запретная золотая дверь.

Сороковой день наступилъ, а на слѣдующій царевны должны были

возвратиться. Мнѣ снова предстояло безконечное счастіе, еслибъ я только могъ еще на нѣсколько часовъ сохранить надъ собой власть и обуздать свое возбужденное любопытство; но его не умѣрило даже радостное ожиданіе. По какой то роковой, непонятной слабости я поддался искушенію демона, не дававшаго мнѣ ни минуты покоя, пока я самъ не пошелъ искать своего несчастія.

И, къ моему вѣчному раскаянію, запретная дверь была отперта. Не переступивъ еще порога, я почувствовалъ какой то странный, довольно пріятный, но настолько одуряющій запахъ, что тутъ же упалъ на землю, почти безъ сознанія. Этотъ обморокъ продолжался, вѣроятно, не болѣе нѣсколькихъ минутъ, и я очнулся, но вмѣсто того, чтобы воспользоваться предостереженіемъ, запереть дверь и отрѣшиться на всегда отъ своего пагубнаго любопытства, я двинулся впередъ. Вскорѣ, отъ наплыва свѣжаго воздуха, удушливый запахъ разсѣялся, и я уже не ощущалъ его.

Оглядѣвшись кругомъ, я увидалъ обширное пространство съ высокими сводами и съ каменнымъ поломъ, густо усыпаннымъ шафраномъ. Вдоль стѣнъ стояли массивные золотые подсвѣчники со множествомъ зажженныхъ свѣчей, распространявшихъ ароматы алоэ и амбры, и это яркое освѣщеніе увеличивалось еще висячими золотыми и серебряными лампами съ горѣвшимъ въ нихъ масломъ изъ различныхъ тончайшихъ духовъ. Среди множества предметовъ, привлекавшихъ мое вниманіе, я замѣтилъ необычайно красиваго, статнаго вороного коня и подошелъ къ нему, чтобы разсмотрѣть поближе. По обѣимъ сторонамъ его стояли ясли,—однѣ были наполнены ячной крупой и кунжутомъ *), другія—налиты розовой водой. На его черной, глянцовитой шерсти сіяли при яркомъ освѣщеніи золотое сѣдло превосходной работы и золотая же узда. Какъ то совсѣмъ невольно я взялъ его за узду и вывелъ на дневной свѣтъ, а тутъ, еще болѣе прельщенный его красотой, захотѣлъ попробовать, каковъ у него бѣгъ, и съ этой цѣлью вскочилъ на сѣдло. Конь стоялъ, какъ вкопанный, и никакіе мои возгласы не заставили его двинуться съ мѣста; я тогда употребилъ въ дѣло волосяной хлыстъ, поднятый мною въ его роскошной конюшнѣ. Страшно заржалъ онъ, ощу-

*) Растеніе, похожее на просо. Восточный кунжутъ первоначально произрасталъ исключительно въ Индіи, но уже съ незапамятныхъ временъ распространился по всему Востоку. Зерна его употребляются въ пищу различными способами: ихъ варятъ въ молокѣ, какъ пшено, иногда поджариваютъ въ салѣ, какъ рисъ, но большею частію обращаютъ въ муку и пекутъ изъ нея лепешки, замѣшанныя на коровьемъ или постномъ маслѣ. Вообще это очень вкусная и питательная пища, любимая особенно дѣтьми. Посредствомъ выжиманія, или выпариванія, изъ этихъ зеренъ извлекается также очень хорошее масло, не уступающее оливковому; оно употребляется и на приправу для ѣды, и на горѣніе въ лампахъ.

(Галланъ).

тивъ ударъ, потомъ вдругъ распустилъ большія черныя крылья, которыхъ я не подозрѣвалъ при самомъ внимательномъ осмотрѣ, и съ быстротою и легкостью птицы взвился въ вышину. У меня захватило духъ при этомъ внезапномъ полетѣ, но, напрягая всѣ силы, я твердо удержался на сѣдлѣ. Не прошло и минуты, какъ онъ уже спустился внизъ на плоскую крышу какого то зàмка и, не давъ мнѣ времени соскочить съ сѣдла, поднялся на дыбы, при чемъ встряхнулъ меня такъ сильно, что я уже не могъ удержаться и навзничь полетѣлъ назадъ. Тутъ конь размахнулъ надо мной хвостомъ и выхлестнулъ мнѣ правый глазъ.

Вотъ отчего я окривѣлъ на всю жизнь. Вспомнилось мнѣ тогда, но уже слишкомъ поздно, предостереженіе моихъ десяти товарищей по несчастію. Конь снова расправилъ свои крылья и улетѣлъ, а я, мучимый невыносимой болью и горькимъ раскаяніемъ, съ трудомъ поднялся на ноги и, закрывая рукою свой больной глазъ, спустился по лѣстницѣ во внутренность зàмка. Тамъ, за первой же дверью передо мной открылась знакомая зала съ десятью голубыми оттоманками, расположенными правильнымъ кругомъ, и я сразу узналъ, что снова нахожусь въ томъ самомъ зàмкѣ, откуда унесъ меня Рокъ.

Въ ту минуту молодыхъ хозяевъ тамъ не было, но вскорѣ они вошли въ сопровожденіи старика. Ни мое возвращеніе, ни моя потеря глаза, казалось, нисколько не удивили ихъ.—Искренно жалѣемъ, дорогой товарищъ, сказали они, что не радостно, а такъ печально твое прибытіе; но по крайней мѣрѣ не мы виновны въ постигшемъ тебя несчастіи.—О, конечно, не вы! отвѣтилъ я, причина его въ моемъ собственномъ малодушіи, въ моей непростительной слабости, въ которой я во всю жизнь не перестану упрекать себя.—Впрочемъ, продолжалъ одинъ, если правду говорятъ, что человѣку всегда бываетъ отрадно находить товарищей по несчастію, то всѣ мы можемъ служить тебѣ утѣшеніемъ. Все, что съ тобой случилось, было также и съ нами. По цѣлому году мы поочередно наслаждались безмѣрнымъ счастіемъ въ томъ же самомъ волшебномъ замкѣ, и оно, вѣроятно, продолжалось бы безконечно, еслибъ у насъ достало силы преодолѣть искушеніе и не отпирать запретной золотой двери во время отсутствія прекрасныхъ царевенъ. Ты не устоялъ такъ же, какъ и мы, и одинаково наказанъ. Но печальнѣе всего то, что мы не можемъ принять тебя для совмѣстнаго искупленія,—это не въ нашей власти, и мы даже сами не знаемъ, долго ли еще намъ суждено совершать его. И такъ, дорогой товарищъ, къ сожалѣнію, ты долженъ удалиться отъ насъ; совѣтуемъ тебѣ идти прямо въ Багдадъ, къ царскому двору; тамъ ты найдешь того, кто измѣнитъ судьбу твою къ лучшему.

Затѣмъ они указали мнѣ, какого направленія слѣдуетъ держаться, и мы разстались немедленно. Въ первомъ же городѣ я облекся въ одѣяніе календера, обривъ себѣ при этомъ бороду и брови. Дологъ и труденъ былъ мой путь, наконецъ сегодня передъ сумерками я добрелъ до цѣли и при самомъ входѣ въ городскія ворота повстрѣчался съ этими календерами, моими собратами и тоже пришельцами изъ далекихъ странъ. Удивленные всѣ трое такой странной общностью нашего несчастія, мы однако не имѣли времени разъяснить другъ другу его различныхъ причинъ, потому что прежде всего поспѣшили искать себѣ пристанища и вскорѣ нашли его, благодаря вашему великодушному гостепріимству.

По окончаніи разсказа третьяго календера, Зобейда сказала ему и его товарищамъ:—Благодарю васъ всѣхъ троихъ за доставленное намъ удовольствіе. Теперь вы можете удалиться свободно. Но послѣдній отвѣтилъ ей:—Дозволь намъ, прелестная хозяйка, остаться еще, чтобы послушать остальные разсказы. Господа купцы навѣрное повѣдаютъ намъ не менѣе любопытныя событія. Безмолвно согласившись на эту просьбу, Зобейда обратилась къ калифу, Джіафару и Месруру.—Теперь ваша очередь, сказала она имъ,—начинайте же кто нибудь.

Великій визирь Джіафаръ, съ самаго начала говорившій одинъ за троихъ, повелъ рѣчь и теперь:—Прекрасная госпожа, началъ онъ, по-

винуясь твоему требованію, мы можемъ только повторить то, что уже сказали при входѣ въ твой домъ. Мы всѣ трое купцы изъ Муссула и прибыли въ Багдадъ по своимъ торговымъ дѣламъ. Товары наши сложены въ каравансараѣ, и сами мы остановились тамъ же; а сегодня, по приглашенію одного знакомаго купца, обѣдали у него вмѣстѣ съ другими гостями, и онъ задалъ пиръ на славу,—кормилъ и поилъ насъ обильно, потомъ созвалъ для нашего увеселенія танцовщицъ, пѣвицъ и музыкантовъ. Тутъ поднялся такой шумъ, что нагрянула ночная стража и увела многихъ изъ гостей; намъ же, къ счастію, удалось ускользнуть; но такъ какъ въ то время было уже довольно поздно, а ворота каравансарая всегда запираются на ночь, то мы и стали ходить по улицамъ, не зная гдѣ бы переночевать. Судьба привела насъ именно къ этому дому, откуда раздавались звуки веселаго пированья, и мы рѣшились постучаться въ вашу дверь. Вотъ и все, что мы имѣемъ сказать.

Видимо неудовлетворенная этимъ краткимъ разсказомъ, Зобейда колебалась, не зная, какъ поступить; тогда календеры, замѣтивъ ея нерѣшимость, стали умолять о такомъ же снисхожденіи къ муссульскимъ купцамъ, какое уже было оказано всѣмъ прочимъ виновнымъ.—Ну, такъ и быть, сказала она, я согласна равно помиловать васъ всѣхъ, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы вы всѣ сейчасъ же удалились отсюда безъ отговорокъ. Зобейда произнесла свое повелѣніе такимъ рѣшительнымъ тономъ, что и калифъ, и визирь, и евнухъ, и календеры, и носильщикъ—всѣ встали разомъ, глубоко поклонились хозяйкамъ и ушли безъ возраженій, такъ какъ грозное присутствіе семи вооруженныхъ невольниковъ не допускало ослушанія. Когда гости вышли изъ дома и дверь его заперлась за ними, калифъ сказалъ календерамъ:—А вы, господа чужестранцы, гдѣ думаете пробыть до разсвѣта въ незнакомомъ городѣ?—Вотъ именно это-то и затрудняетъ насъ, отвѣтили они.—Такъ идите за нами, предложилъ калифъ, мы выведемъ васъ изъ затрудненія.—И затѣмъ, наклонившись къ визирю, онъ сказалъ ему на ухо:—Пусть они ночуютъ у тебя, а завтра утромъ приведи ко мнѣ во дворецъ всѣхъ троихъ. Я хочу, чтобъ ихъ исторіи были вписаны въ лѣтописи моего государства и сохранились на вѣчныя времена.

Визирь Джіафаръ пошелъ съ календерами въ свой домъ; носильщикъ тоже отправился домой, а калифъ, сопровождаемый евнухомъ Месруромъ, возвратился во дворецъ; онъ легъ въ постель, но, подъ вліяніемъ недавнихъ впечатлѣній, ни на одну минуту не сомкнулъ глазъ во всю остальную ночь; особенно же мучило его любопытство узнать, кто эти таинственныя красавицы, и по какимъ страннымъ причинамъ Зобейда стегала бичомъ двухъ черныхъ собакъ, а у Амины вся грудь покрыта багровыми рубцами? Совсѣмъ уже разсвѣло, а онъ все продолжалъ думать о томъ же; наконецъ всталъ, поспѣшно одѣлся и от-

правился въ пріемную залу, гдѣ обыкновенно собирался совѣтъ его визирей. Тамъ онъ возсѣлъ на тронъ.

Черезъ нѣсколько минутъ явился визирь Джіафаръ и, съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ церемоній, отдалъ почтеніе своему государю. — Слушай, визирь, сказалъ ему калифъ, кажется, наши очередныя дѣла не особенно важны, такъ ихъ можно и отложить, для меня же теперь важнѣе всего проникнуть въ тайну вчерашнихъ красавицъ и ихъ черныхъ собакъ; я до тѣхъ поръ не успокоюсь, пока не добьюсь разъясненія. Такъ вотъ что: ступай сейчасъ же въ тотъ томъ, гдѣ мы были, и приведи ко мнѣ всѣхъ трехъ сестеръ, а также и календеровъ. Иди же и помни, что я съ нетерпѣніемъ будутъ ждать твоего возвращенія.

Визирю очень хорошо былъ извѣстенъ пылкій и нетерпѣливый нравъ его повелителя, поэтому, не теряя ни минуты, онъ поспѣшно отправился въ жилище трехъ красавицъ и съ почтительной вѣжливостью объявилъ имъ высочайшій приказъ, не проронивъ при этомъ ни слова о ночномъ событіи. Сестры не узнали мусульманскаго купца въ роскошной одеждѣ визиря и, накинувъ свои чадры, безпрекословно послѣдовали за нимъ; по дорогѣ онъ зашелъ въ свой домъ за календерами, которымъ еще прежде успѣлъ сообщить, что одинъ изъ его вчерашнихъ товарищей былъ самъ калифъ, переодѣтый купцомъ, затѣмъ привелъ всѣхъ шестерыхъ въ дворцовую пріемную и получилъ монаршее одобреніе за свою расторопность. Гарунъ-аль-Рашидъ, ради соблюденія приличій передъ своимъ дворомъ, велѣлъ помѣстить всѣхъ трехъ женщинъ въ скрытое занавѣсомъ углубленіе ближайшей двери, выходившей изъ залы въ его отдѣльный покой, а троихъ календеровъ оставилъ около своего трона, при чемъ они проявили и словами, и дѣйствіемъ свое глубокое почитаніе знаменитаго властителя правовѣрныхъ.

Лишь только сестры стали тамъ, гдѣ имъ было указано, калифъ обратился къ нимъ съ такою рѣчью:—Прежде всего, мои красавицы, узнайте, что одинъ изъ купцовъ, пировавшихъ съ вами въ прошедшую ночь, былъ никто иной, какъ я самъ, вашъ повелитель; но не пугайтесь и не думайте, что я прогнѣванъ вашимъ строгимъ поступкомъ со мной. Напротивъ, я не только прощаю его, но даже нахожу, что вы поступили какъ слѣдовало, и былъ бы очень доволенъ, еслибъ всѣ багдадскія женщины держали себя съ такимъ же гордымъ достоинствомъ, какъ вы, а ваше великодушное прощеніе всѣхъ виновныхъ въ дерзкой нескромности заслуживаетъ даже моей благодарности. Тогда вы видѣли во мнѣ простаго купца, теперь же передъ вами Гарунъ-аль-Рашидъ, пятый калифъ славной династіи Аббаса, преемника нашего великаго пророка. А призвалъ я васъ только за тѣмъ, чтобы вы повѣдали мнѣ всю свою исторію. Я хочу знать, кто вы, и по какой странной причинѣ

одна изъ васъ сначала бичевала двухъ черныхъ собакъ, потомъ цѣловала ихъ и плакала вмѣстѣ съ ними, а также—отчего у другой вся грудь испещрена багровыми рубцами?

Хотя калифъ произнесъ свою рѣчь довольно внятно и громко, такъ что сестры все разслышали и поняли, однако, слѣдуя придворному уставу, визирь Джіафаръ еще громче повторилъ ее слово въ слово.

Успокоенная этой милостивой рѣчью, Зобейда начала такъ свой разсказъ:

Разсказъ Зобейды.

Повелитель правовѣрныхъ! Повинуясь твоей высочайшей волѣ, я разскажу тебѣ необычайную и неслыханную исторію. Узнай, что черныя собаки, видѣнныя тобою, и я—родныя сестры, а по какому странному случаю обѣ онѣ обращены въ собакъ, ты узнаешь далѣе; другія же двѣ, находящіяся здѣсь, тоже мои сестры, но только по отцу, а не по матери. Та, у которой рубцы и шрамы на грухи,—Амина; имя другой—Сафія, мое же—Зобейда.

Послѣ смерти отца, все его имѣніе было раздѣлено между нами поровну, и, получивъ свои доли наслѣдства, двѣ младшія сестры—Амина и Сафія—ушли отъ насъ и стали жить съ своей матерью отдѣльнымъ домомъ. Наша мать въ то время тоже была жива, и мы всѣ три остались съ нею въ отцовскомъ домѣ; но черезъ два года она умерла, оставивъ каждой изъ насъ по тысячѣ цехиновъ изъ своего собственнаго имущества.

Вскорѣ затѣмъ мои старшія сестры вышли замужъ и послѣдовали за своими мужьями, я же тогда осталась совсѣмъ одинокой. Не прошло и года, какъ мужъ моей первой сестры продалъ все, что у него было, и, соединивъ вырученныя деньги съ принесенными въ приданое моей сестрой, отправился вмѣстѣ съ нею въ Африку; но не на долго хватило ему тамъ этихъ средствъ; истративъ ихъ всѣ на кутежи и разгулъ, дойдя до крайней бѣдности, онъ выискалъ предлогъ къ разводу и прогналъ отъ себя жену.

Она возвратилась въ Багдадъ, претерпѣвъ во время своего далекаго пути всевозможныя бѣдствія, и пришла просить у меня убѣжища въ такомъ жалкомъ состояніи, что могла бы растрогать самое черствое сердце. Я приняла сестру съ любовью и лаской и съ участіемъ спросила, что могло довести ее до такого положенія. Тогда, обливаясь горькими слезами, она повѣдала мнѣ свою несчастную судьбу, разсказала о поведеніи своего мужа и его недостойномъ поступкѣ съ нею. Полная глубокаго состраданія къ ея несчастію, я тоже заплакала и рѣшила въ душѣ сдѣлать все возможное, чтобъ облегчить ей жизнь. Прежде всего, омывъ ее въ банѣ, я замѣнила ея изношенныя одежды лучшими изъ

своихъ, потомъ сказала ей:—Ты моя старшая, родная сестра и теперь замѣнишь мнѣ нашу умершую мать. Во время твоего отсутствія я упоупотребляла свою долю наслѣдства на разведеніе шелковичныхъ червей; Господь благословляетъ это предпріятіе, и состояніе мое увеличивается съ каждымъ годомъ. Живи же со мной и пользуйся всѣмъ, что я имѣю, какъ своей собственностью. Съ этого дня между нами все будетъ общее.

Нѣсколько мѣсяцевъ мы прожили вмѣстѣ въ полномъ согласіи, часто вспоминая о второй сестрѣ и удивляясь, что о ней такъ долго нѣтъ никакой вѣсти. Вдругъ, въ одно утро, она явилась ко мнѣ точно въ такомъ же бѣдственномъ состояніи, какое испытала старшая. Ея мужъ поступилъ съ нею такъ же безсовѣстно,—раззорилъ и прогналъ. Я приняла ее съ искренней любовью и оставила жить вмѣстѣ съ нами, на совершенно равныхъ правахъ.

Прошло еще нѣсколько времени такого же мирнаго совмѣстнаго житья, когда обѣ сестры, подъ предлогомъ опасенія обременить меня, объявили, что желаютъ вторично выйти замужъ. Я отвѣчала, что если такое намѣреніе внушено имъ только ихъ неосновательнымъ опасеніемъ, то онѣ съ полнымъ спокойствіемъ совѣсти могутъ остаться со мной на всю жизнь; что состоянія моего съ избыткомъ хватитъ на всѣхъ трехъ для жизни, приличной нашему званію. — Но, добавила я, не вліяетъ ли на васъ исключительно желаніе вступить въ новый бракъ? Признаюсь, это было бы непонятно. Неужели даже и горькій опытъ не доказалъ вамъ, какъ мало счастія въ супружествѣ, и вы снова рѣшаетесь подвергнуть себя той же опасности? Вѣдь хорошій и честный мужъ—величайшая рѣдкость въ мірѣ, такъ зачѣмъ же мѣнять вѣрное на невѣрное? Останемся лучше втроемъ неразлучно и постараемся устроить какъ можно пріятнѣе свою независимую жизнь.

Но всѣ мои доводы оказались напрасными. Сестры твердо рѣшились попытать счастія въ новомъ бракѣ, и вскорѣ обѣ исполнили свое намѣреніе. Однакожь не прошло и года, какъ онѣ одновременно возвратились ко мнѣ съ горькимъ раскаяніемъ, что не послѣдовали моему совѣту.—Ты моложе насъ, говорили онѣ, но въ тысячу разъ разумнѣе. Теперь мы уже никогда не совершимъ такой страшной ошибки, только прими насъ въ свой домъ и дозволь намъ быть твоими рабынями.—Дорогія мои сестры, отвѣчала я имъ, съ нашей послѣдней разлуки мое отношеніе къ вамъ нисколько не измѣнилось; оставайтесь же со мной и пользуйтесь всѣмъ, что я имѣю.—Затѣмъ, мы горячо обнялись и снова стали жить попрежнему.

Въ теченіе слѣдующаго года согласіе наше ни разу ничѣмъ не нарушилось, а между тѣмъ, съ божьяго благословенія, капиталъ мой уже значительно возросъ; тогда мнѣ пришла мысль попытать счастія въ заморской торговлѣ. Съ этою цѣлью я отправилась вмѣстѣ съ сестрами въ

Балсору, купила тамъ совсѣмъ снаряженный корабль, а когда онъ былъ нагруженъ различными товарами, привезенными изъ Багдада, мы отплыли на всѣхъ парусахъ, дождавшись попутнаго вѣтра, и вскорѣ миновали Персидскій заливъ. Вступивъ въ открытое море, корабль нашъ повернулъ по направленію къ Индіи, и послѣ двадцатидневнаго благополучнаго плаванія вдали показался берегъ. Чѣмъ ближе, тѣмъ все яснѣе обозначалась передъ нами высокая гора, а наконецъ стали видны и величавыя зданія какого то обширнаго города, раскинутаго у ея подножія. Сильный вѣтеръ скоро пригналъ насъ къ пристани, гдѣ мы и остановились на якорѣ.

Мнѣ такъ хотѣлось поскорѣе выйти на берегъ, что я не стала дожидаться, когда отдохнутъ утомленныя сестры, и одна направилась прямо къ воротамъ невѣдомаго города. При самомъ входѣ я увидала многочисленную стражу,—одни сидѣли, другіе стояли съ оружіемъ въ рукахъ, и у всѣхъ былъ такой странный и страшный видъ, что мнѣ стало жутко. Вскорѣ однакожь, вглядѣвшись пристальнѣе, я замѣтила, что ни въ комъ изъ нихъ не проявляется ни малѣйшаго движенія, даже вѣки не моргаютъ, и зрачки неподвижны; это немного ободрило меня, я рѣшилась подойти ближе и тутъ увидала, что всѣ эти люди окаменѣлые.

Идя далѣе городскими улицами, я всюду встрѣчала людей, недвижимо остановившихся въ различныхъ положеніяхъ, и всѣ они оказывались окаменѣлыми. Въ торговомъ кварталѣ большинство лавокъ было заперто, а въ немногихъ открытыхъ стояли тоже окаменѣлые продавцы и покупатели.

Я взглянула вверхъ; ни изъ одной печной трубы не выходило дыма, и это доказало мнѣ несомнѣнно, что и внутри домовъ, точно также какъ на улицахъ, все живое обращено въ камень.

На обширной площади, среди города, я увидала въ оградѣ великолѣпнаго зданія сіявшія, какъ солнце, золотыя ворота, растворенныя настежъ; входъ въ нихъ былъ завѣшенъ шелковой индійской тканью, а вверху углубленія виднѣлась изящная лампа. Такое дивное зданіе не могло быть не чѣмъ инымъ какъ только царскимъ дворцомъ, и я рѣшилась войти туда, въ надеждѣ встрѣтить хоть одно живое существо въ этомъ застывшемъ городѣ. Робко приподнявъ занавѣсъ и вступивъ на первый дворъ, я снова увидала окаменѣлую стражу; вооруженные солдаты расположились группами—кто стоя, кто сидя, кто полу-лежа.

Во второмъ дворѣ мнѣ встрѣтилось еще больше людей: одни, казалось, шли впередъ, другіе—назадъ, но никто не двигался съ мѣста, потому что всѣ были такіе же окаменѣлые, какъ и видѣнные прежде; я перешла въ третій дворъ, но и тутъ было также страшно-пустынно, всюду царило то же гробовое безмолвіе.

Въ одномъ изъ отдѣленій дворца всѣ окна были заслонены золотыми рѣшетками: это ясно показывало, что здѣсь должно находиться жилище царицы, и я вошла прямо туда черезъ отпертыя двери. Въ первой, огромной, залѣ стояло нѣсколько черныхъ окаменѣлыхъ евнуховъ; въ слѣдующемъ роскошномъ чертогѣ сидѣла на возвышеніи эстрады великолѣпно одѣтая женщина, тоже недвижимая — окаменѣлая. По золотой коронѣ на ея головѣ и по драгоцѣнному жемчужному ожерелью изъ круглыхъ зеренъ, крупнѣе орѣха, я тотчасъ же узнала, что то сама царица.

Долго дивилась я, разсматривая вблизи ея уборы, потомъ съ такимъ же восхищеніемъ стала любоваться убранствомъ чертога, великолѣпіемъ ковровъ, подушекъ и въ особенности софы, обитой индійской матеріей съ вышитыми на ней серебромъ по золотому полю причудливыми фигурами людей и животныхъ.

Изъ чертога окаменѣлой царицы я прошла цѣлымъ рядомъ другихъ, не менѣе роскошныхъ чертоговъ, и наконецъ очутилась въ громадной опочивальнѣ, посреди которой, на значительномъ возвышеніи, стояла массивная золотая кровать, украшенная изумрудами; на кровати виднѣлась постель, накрытая одѣяломъ изъ драгоцѣнной матеріи съ жемчужною вышивкой и вся озаренная какимъ-то необычайнымъ свѣтомъ. Желая

узнать, откуда онъ исходитъ, я поднялась по ступенямъ на эстраду и тамъ, на маленькомъ табуретѣ, увидала брилліантъ величиною въ страусовое яйцо. Онъ былъ чистѣйшей воды и такъ превосходно отшлифованъ, что сіялъ ярче солнца и слѣпилъ глаза своимъ лучистымъ, радужнымъ свѣтомъ.

У изголовья кровати, по обѣимъ ея сторонамъ, стояли зажженные свѣтильники; ихъ присутствіе въ этомъ царствѣ смерти сильно удивило меня.—Не сами же собой горятъ они, подумала я, навѣрно здѣсь есть кто-нибудь, чья рука зажигаетъ и поддерживаетъ ихъ огонь. Однако, все кругомъ попрежнему оставалось безмолвно.

Такъ какъ всѣ двери были открыты или только притворены, то я безпрепятственно обошла весь дворецъ, останавливаясь передъ каждой драгоцѣнной рѣдкостью и, отдавшись ненасытному любопытству, забывала и о кораблѣ, и о своихъ сестрахъ, не замѣчала даже, какъ постепенно сгущались сумерки, пока все не стемнѣло вокругъ при наступленіи ночи. Тутъ внезапный страхъ образумѣлъ меня,—я стремительно бросилась искать выхода, но не могла его найти и, запутавшись въ лабиринтѣ безчисленныхъ чертоговъ, снова попала въ тотъ же, гдѣ были зажженные свѣтильники, безцѣнный брилліантъ и кровать. Тогда, изнемогая отъ усталости, я поневолѣ рѣшилась переночевать въ этомъ пустынномъ дворцѣ и прилегла на роскошную постель, но неодолимый страхъ не давалъ мнѣ заснуть.

Было около полуночи, когда мнѣ вдругъ явственно послышался мужской голосъ, читавшій Алкоранъ съ такими же повышеніями и пониженіями тона, какіе приняты при его чтеніи въ нашихъ храмахъ. Я обрадовалась и, забывая свой страхъ, встала съ постели, взяла одинъ изъ зажженныхъ свѣтильниковъ и пошла въ томъ направленіи, откуда слышался голосъ. Подойдя къ двери, за которой, какъ мнѣ казалось, происходило чтеніе, я осторожно поставила свой свѣтильникъ на полъ и заглянула въ отверстіе. Передо мной открылась знакомая мнѣ обычная обстановка нашихъ мусульманскихъ молелень: то же углубленіе въ стѣнѣ, обозначавшее, куда слѣдуетъ обращаться съ молитвой, висячая лампада, свѣчи изъ бѣлаго воска, зажженныя въ высокихъ подсвѣчникахъ, широкій коверъ для колѣнопреклоненія. Красавецъ юноша сидѣлъ на этомъ коврѣ и съ величайшимъ вниманіемъ читалъ Алкоранъ, раскрытый передъ нимъ на треножникѣ. Успокоенная и проникнутая умиленіемъ, я только недоумѣвала, какимъ образомъ могъ остаться одинъ этотъ живой человѣкъ среди общей смерти. Не было сомнѣнія, что тутъ кроется какое-нибудь особое чудо.

Такъ какъ и здѣсь дверь оставалась незапертой, то я свободно вошла въ нее и, ставъ передъ углубленіемъ, громко произнесла такую молитву: — Слава и благодареніе всемогущему Господу, даро-

вавшему намъ счастливое плаваніе. Да не оскудѣетъ благость Его во вѣки!

Молодой человѣкъ взглянулъ на меня съ изумленіемъ и сказалъ:— Кто ты? и что привело тебя въ эту печальную страну? скажи мнѣ, красавица, и тогда, если хочешь, я въ свою очередь повѣдаю тебѣ обо всемъ, что случилось здѣсь, и почему я одинъ остался въ живыхъ среди общаго бѣдствія.

Сообщивъ ему въ немногихъ словахъ, откуда я и съ какою цѣлью прибыла въ эту гавань, я выразила свое нетерпѣливое желаніе узнать причину этого страшнаго запустѣнія, поразившаго меня съ перваго же вступленія въ городъ.

— Подожди одну минуту, отвѣтилъ молодой человѣкъ. И съ этими словами онъ всталъ, закрылъ Алкоранъ, уложилъ въ драгоцѣнный футляръ и спряталъ въ углубленіе. Тѣмъ временемъ я внимательно слѣдила за нимъ, не отрывая глазъ,—его красота и величавая грація всѣхъ движеній производили на меня такое чарующее впечатлѣніе, какого до тѣхъ поръ мнѣ еще не приходилось испытывать. Когда же, намѣреваясь приступить къ разсказу, онъ посадилъ меня рядомъ съ собой, я не выдержала и съ горячностью, невольно выдававшей мое тайное влеченіе къ нему, сказала:

— Дорогой мой, ты не знаешь, съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидаю твоего разсказа и какъ уже близка моему сердцу твоя судьба. Говори же, какимъ чудомъ ты спасенъ одинъ отъ этого страшнаго, неслыханнаго бѣдствія?

— Не утаю отъ тебя ничего, прекрасная чужестранка, отвѣтилъ онъ,—своей горячей молитвой ты ясно доказала мнѣ, что вѣришь въ истинаго Бога и потому, ради прославленія Его святого имени, я охотно разскажу тебѣ свою исторію. Этотъ городъ былъ столицей обширнаго государства, гдѣ царствовалъ мой отецъ. Всѣ жители, не исключая и самого царя, придерживались ученія маговъ и были поклонниками огня и древняго бога Нардуна, повелителя ангеловъ, не покорныхъ истинному Богу.

Рожденный въ странѣ идолопоклонниковъ, къ которымъ принадлежали и отецъ мой, и мать, я навѣрное выросъ бы въ общемъ нечестіи. но счастливый случай помогъ мнѣ еще въ дѣтствѣ познать единаго Бога. Наставницей моей была мусульманка, знавшая наизусть весь Алкоранъ и превосходно объяснявшая его. — Царевичъ, часто говорила мнѣ она, есть одинъ только истинный Богъ, берегись признавать другихъ.—Она выучила меня читать по арабски, и первой моею книгой для упражненій былъ тотъ же Алкоранъ. Впослѣдствіи, когда разумъ мой достаточно окрѣпъ, она тайно отъ всѣхъ посвящала меня во всѣ догматы мусульманской религіи, подробно объясняя все, что казалось мнѣ непо-

нятнымъ. Когда она умерла, я уже былъ настолько твердъ въ своихъ вѣрованіяхъ, что гнушался поклоненія огню и возненавидѣлъ ложнаго бога Нардуна.

Три года и нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ одно утро, вдругъ по всему городу раздался громкій, отчетливый голосъ, говорившій народу:—Жители, настанетъ часъ возмездія, покайтесь и поклонитесь единому милосердому Богу!

Напрасно въ продолженіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ ежедневно повторялось то же воззваніе,—никто не хотѣлъ внять ему, и вотъ, въ послѣдній день третьяго года, въ три или четыре часа утра, наконецъ разразился гнѣвъ Божій: всѣ жители до единаго мгновенно обращены были въ камень; при этомъ каждый остался и замеръ въ томъ положеніи, въ какомъ захватила его небесная кара. Царь, отецъ мой, окаменѣлъ, та же участь постигла и мою мать.

Во всемъ городѣ остался я одинъ, кого Богъ пощадилъ въ своемъ праведномъ гнѣвѣ, и съ той поры продолжаю служить Ему еще съ большею вѣрою и большею любовью. Въ твоемъ посѣщеніи, ненаглядная красавица, я также вижу милость Божію; это Онъ направилъ тебя сюда, чтобы утѣшить меня въ моемъ тягостномъ одиночествѣ.

Весь этотъ разсказъ, и въ особенности послѣднія слова, окончательно воспламенили мое чувство къ прекрасному юношѣ. — Царевичъ, сказала я съ волненіемъ, если Провидѣнію угодно было привести меня въ эту гавань, то не затѣмъ ли, чтобы дать тебѣ возможность выбраться изъ этого мѣста, проклятаго самимъ Богомъ? Я пользуюсь почетомъ и уваженіемъ въ своемъ родномъ городѣ Багдадѣ, гдѣ у меня осталось еще много богатства, помимо того нагруженнаго корабля, на которомъ я приплыла въ твою страну; такъ позволь же мнѣ предложить тебѣ свое гостепріимство, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока нашъ могущественный повелитель, потомокъ признаваемаго тобою пророка, не возвратитъ тебѣ должнаго положенія. А что онъ сдѣлаетъ это, когда узнаетъ о твоей судьбѣ, въ этомъ я крѣпко убѣждена, такъ какъ не было еще примѣра, чтобы нуждающіеся въ его помощи обращались къ нему напрасно. Невозможно же оставаться долѣе въ этомъ мертвомъ городѣ, гдѣ все должно напоминать тебѣ о страшномъ несчастіи. Корабль мой къ твоимъ услугамъ, и ты можешь свободно распоряжаться имъ по желанію. Онъ согласился, и весь остатокъ ночи прошелъ у насъ въ непрерывномъ разговорѣ о предстоявшемъ путешествіи.

Лишь только разсвѣло, мы вышли изъ дворца и отправились къ моему кораблю, гдѣ сестры, капитанъ и вся прислуга находились въ сильной тревогѣ за мое продолжительное отсутствіе. Представивъ царевича своимъ сестрамъ, я подробно разсказала имъ его исторію и причину страшнаго бѣдствія, постигшаго этотъ прекрасный городъ.

Послѣ того матросы нѣсколько дней занимались выгрузкой моего корабля и новой нагрузкой его тѣми сокровищами, какія находились во дворцѣ. Разумѣется, мы выбирали только самое лучшее и драгоцѣнное: золото, серебро, самоцвѣтные камни; все же остальное было оставлено за невозможностью увезти на одномъ кораблѣ.

Окончивъ нагрузку и запасшись въ достаточномъ количествѣ водой и провіантомъ, мы тронулись въ путь при самомъ благопріятномъ вѣтрѣ.

Въ началѣ плаванія все у насъ обстояло какъ нельзя лучше: царевичъ, сестры и я постоянно сходились вмѣстѣ и весело бесѣдовали, но, къ несчастію, нашъ дружный кружокъ продержался недолго: сестры замѣтили, какое нѣжное взаимное чувство связываетъ меня съ прекраснымъ юношей, и стали завидовать мнѣ. Однажды, когда мы, по обыкновенію, сидѣли всѣ вмѣстѣ, старшая ехидно спросила меня, что я намѣрена дѣлать съ своимъ царевичемъ, когда пріѣду въ Багдадъ? Понявъ ее тайную мысль, я постаралась обратить все въ шутку и со смѣхомъ отвѣчала:—Что буду дѣлать? да просто выйду за него замужъ.—Царевичъ, обратилась я къ нему въ томъ же шутливомъ тонѣ, по прибытіи въ Багдадъ, надѣюсь, ты не откажешь мнѣ въ согласіи на этотъ бракъ?

Я буду не только твоей вѣрной женой, но и самой преданной рабыней, безпрекословно стану исполнять всѣ твои желанія и считать тебя своимъ властелиномъ.—Шутишь ты, или нѣтъ, я не знаю, отвѣчалъ царевичъ,—съ своей же стороны, я серьезно объявляю тебѣ въ присутствіи твоихъ сестеръ, что отъ всего сердца принимаю твое предложеніе, но не съ тѣмъ, чтобы обратить тебя въ свою рабу,—нѣтъ ты будешь моей любимой подругой, неразлучной спутницей моей жизни. Заранѣе отказываюсь отъ всякой власти надъ тобой. При этихъ словахъ сестры мои поблѣднѣли, и съ той минуты отношеніе ихъ ко мнѣ совершенно измѣнилось.

Мы уже прошли Персидскій заливъ и приближались къ Балсорѣ, куда при благопріятномъ вѣтрѣ расчитывали прибыть на другой день, но случилось нѣчто совершенно неожиданное: ночью, во время сна, сестры сбросили въ море сначала царевича, потомъ меня; онъ утонулъ, а мнѣ какимъ то чудомъ удалось нѣсколько минутъ продержаться на водѣ и попасть на отмель. Вдали, насколько позволяла различать ночная темнота, мнѣ показалось что то похожее на землю, я направилась туда и дѣйствительно скоро добралась до берега. Съ разсвѣтомъ, эта земля оказалась уже знакомымъ мнѣ пустыннымъ островкомъ, отстоящимъ отъ Балсоры не болѣе, какъ на двадцать лигъ. Взошло солнце и быстро осушило мое платье; тогда я стала подвигаться впередъ, находя по дорогѣ и зрѣлые плоды на деревьхъ, и чистые, прозрачные источники воды, что давало мнѣ надежду на долгое поддержаніе своей жизни.

Сильно утомившись всѣмъ пережитымъ за эту ночь, я сѣла подъ тѣнистое дерево, намѣреваясь отдохнуть, какъ вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя увидала громадную крылатую змѣю. Она ползла довольно быстро и какъ то судорожно сжимала свое длинное туловище, поворачивая его то влѣво, то вправо. По ея снѣшнымъ, порывистымъ движеніямъ видно было, что она убѣгаетъ отъ какой то опасности. Я встала и тотчасъ же убѣдилась, что это именно такъ: за ней, въ незначительномъ разстояніи, гналась другая крылатая змѣя еще большей величины: одна минута,—и она поглотила бы свою жертву. Не знаю ужь почему, только мнѣ стало жаль первой змѣи, и я, вмѣсто того, чтобы поскорѣй убѣжать, схватила попавшій мнѣ камень и изо всей силы бросила его въ голову второй. Ударъ былъ такъ удаченъ, что убилъ ее наповалъ. Тогда первая, освободившись отъ преслѣдованія, расправила свои крылья и улетѣла. Я долго слѣдила за ней взглядомъ, удивляясь такому необычайному явленію, а когда она совсѣмъ скрылась изъ вида, я перешла подъ другое дерево и тотчасъ же крѣпко заснула.

При своемъ пробужденіи я была поражена новой неожиданностью: передо мной стояла какая-то женщина, смуглая, съ пріятнымъ, энергичнымъ лицомъ; она держала на привязи двухъ черныхъ собакъ.—Кто

ты? спросила я въ испугѣ. — Я та самая змѣя, отвѣчала она, которую ты недавно спасла отъ неминуемой гибели. Мнѣ кажется, за твою услугу я не могла лучше отблагодарить тебя, какъ сдѣлавъ то, что сдѣлала. Зная о вѣроломствѣ твоихъ сестеръ, я поспѣшила на твой корабль, созвала туда своихъ подругъ, такихъ же волшебницъ, какъ я, и съ ихъ помощью перенесла весь твой грузъ въ твои багдадскіе склады, а корабль потопила. Вотъ эти двѣ черныя собаки, что ты видишь со мной, твои сестры. Въ наказаніе за ихъ злодѣйство, я придала имъ этотъ видъ,

но и такого искупленія еще мало; я требую, чтобы на будущее время ты обращалась съ ними такъ, какъ я скажу тебѣ.

Съ этими словами она крѣпко схватила одной рукой меня, другой собакъ, и мгновенно перенесла насъ въ мой багдадскій домъ. Здѣсь, передавая мнѣ моихъ заколдованныхъ сестеръ, она сказала:—Подъ страхомъ обращенія и тебя самой въ такую же собаку, повелѣваю тебѣ съ этого дня, при наступленіи каждой ночи, отсчитывать своимъ сестрамъ по сту ударовъ бичомъ. Пусть это служитъ имъ возмездіемъ за преступленіе противъ тебя и твоего жениха.—Что же мнѣ оставалось, какъ не дать обѣщаніе въ точности выполнять это жестокое повелѣніе?!

И вотъ, съ той поры, какъ только настаетъ урочный часъ, я, скрѣпя сердце, дѣлаю то, чему ты былъ свидѣтелемъ, государь. Своими слезами я стараюсь показать этимъ несчастнымъ страдалицамъ, какъ тяжела мнѣ моя безчеловѣчная обязанность. Рѣшай же теперь самъ, правосудный властитель, чего я болѣе достойна порицанія или сожалѣнія?

Съ удивленіемъ и глубокимъ вниманіемъ выслушалъ калифъ печальную повѣсть Зобейды, а потомъ, черезъ великаго визиря, передалъ красавицѣ Аминѣ свое желаніе, чтобы она объяснила причину рубцовъ и шрамовъ на своей груди. Исполняя приказаніе своего повелителя, Амина начала такъ:

Разсказъ Амины.

Чтобы напрасно не утомлять твоего вниманія, государь, я не стану повторять тебѣ того, что ты уже знаешь изъ разсказа моей сестры, и скажу только о себѣ. Моя мать, овдовѣвъ, поселилась въ тихомъ уединенномъ домѣ, а меня вскорѣ выдала замужъ за одного изъ самыхъ богатыхъ и знатныхъ гражданъ Багдада.

Но не прошло и года, какъ мужъ мой умеръ, оставивъ мнѣ громадное состояніе, доходившее до девяносто тысячъ цехиновъ. Черезъ полгода, какъ только миновалъ срокъ моему трауру *), я широко воспользовалась своими почти неограниченными средствами и начала одѣваться такъ роскошно, что каждое платье стоило мнѣ не менѣе тысячи цехиновъ.

Какъ то разъ, подъ вечеръ, я оставалась одна, занимаясь домашними дѣлами, когда прислужница доложила, что меня желаетъ видѣть незнакомая женщина. Я велѣла принять ее. Это была уже совсѣмъ старуха; она поклонилась мнѣ до земли, поцѣловала полъ и, оставаясь на колѣняхъ, сказала: — Добрая госпожа, не гнѣвайся, что я осмѣлилась безпокоить тебя своимъ непрошеннымъ посѣщеніемъ. Будь милостива, снизойди къ моей просьбѣ: я выдаю замужъ свою дочь; женихъ богатый, знатный, у насъ съ дочерью во всемъ городѣ нѣтъ ни одного знакомаго человѣка. Это сильно огорчаетъ насъ и ставитъ въ большое затрудненіе: намъ хотѣлось бы показать многочисленной семьѣ жениха, что мы не совсѣмъ безвѣстны здѣсь. И вотъ, наслышавшись о твоей добротѣ, я рѣшилась обратиться къ тебѣ съ усердной просьбой—пожаловать къ намъ

---

*) Здѣсь вкралась очевидная ошибка: въ мусульманскомъ мірѣ никакого траура не полагается. Всѣ внѣшнія проявленія скорби объ умершемъ ограничиваются временемъ до обряда похоронъ; послѣ же, какъ только тѣло опущено въ землю, ни плача, ни воплей не слышно болѣе, и гробница остается для семьи единственнымъ напоминаніемъ о понесенной утратѣ. Никакихъ измѣненій ни въ одеждѣ, ни въ образѣ жизни не бываетъ.

(Галланъ).

на свадьбу. Твое присутствіе сдѣлаетъ намъ величайшую честь и докажетъ всѣмъ нашимъ кичливымъ гостямъ, что мы тоже не послѣдніе люди. Позволь же надѣяться, что ты не откажешь намъ въ этой милости. Подумай только, какое униженіе ожидаетъ меня, если ты не захочешь исполнить моей просьбы,—вѣдь, я рѣшительно не знаю, къ кому тогда и обратиться.

Меня тронула эта рѣчь, произнесенная сквозь слезы, и я отвѣчала:—Не огорчайся, милая, я исполню твое желаніе; только скажи, куда я должна придти, и дай мнѣ время перемѣнить одежду. При этихъ словахъ старуха, внѣ себя отъ радости, порывисто бросилась цѣловать мои ноги. Въ смущеніи я даже не успѣла воспрепятствовать ей.—Благодѣтельница моя, сказала она, вставая,—Господь наградитъ тебя за твою доброту; пусть Онъ прольетъ въ сердце твое такую же радость, какую ты доставила мнѣ теперь. Но не изволь безпокоиться заранѣе: время терпитъ; если позволишь, вечеромъ я сама приду за тобой. И такъ, до свиданія, милостивая госпожа моя; съ нетерпѣніемъ буду ожидать великой чести привѣтствовать тебя въ своемъ домѣ.

Послѣ ея ухода я немедленно достала свои лучшіе наряды, при-

готовила ожерелья изъ крупнаго жемчуга, запястья, кольца и серьги съ бриллiантами чистѣйшей воды, словно предчувствуя, что̀ меня ожидало въ эту но̀чь.

Совсѣмъ уже смерклось, когда старуха снова пришла ко мнѣ; она вся сiяла радостью и, почтительно цѣлуя мои руки, сказала: — Гости и всѣ именитые родственники моего нареченнаго зятя уже собрались,—теперь, если будетъ твоя милость, я просила бы пожаловать тебя. Мы отправились; многочисленная толпа невольниковъ сопровождала насъ. Вскорѣ передъ нами открылась большая, широкая улица, чисто выметенная и политая водой; въ срединѣ ея мы остановились передъ массивными воротами, освѣщенными сверху большимъ фонаремъ; при его свѣтѣ надъ ними выдѣлялась надпись крупными золотыми буквами: „Здѣсь царство веселья и вѣчной радости“. Старуха постучалась и намъ тотчасъ же отворили; она провела меня черезъ внутреннiй дворъ и остановила въ громадной залѣ, гдѣ навстрѣчу мнѣ вышла молодая женщина, красоты поразительной. Послѣ первыхъ привѣтствiй, она нѣжно обняла меня и усадила рядомъ съ собой на возвышенiи изъ чернаго дерева, усыпаннаго алмазами.— Дорогая моя, начала она, не гнѣвайся, если я предложу тебѣ иную свадьбу,—не ту, какой ты ожидала. У меня есть братъ, которому нѣтъ подобнаго по уму и красотѣ; онъ видѣлъ тебя и полюбилъ настолько, что отдаетъ судьбу свою на твое рѣшенiе. Отъ тебя зависитъ сдѣлать его счастливѣйшимъ или несчастнымъ человѣкомъ. Положенiе его и званiе такъ высоки и почетны, что ты не унизишь, а только возвысишь свое достоинство, если согласишься быть его женой,— такъ не отвергай же нашей общей мольбы.

Со смерти моего перваго супруга, я ни разу еще не помышляла о новомъ бракѣ, и потому это неожиданное предложенiе застало меня врасплохъ; я смутилась, вспыхнула, краска разлилась по моему лицу, что и было принято моей собесѣдницей за молчаливое согласiе. Она ударила въ ладони, и тотчасъ же дверь смежнаго покоя отворилась; оттуда вышелъ молодой человѣкъ—красивый, статный и такой величественный, что сердце мое забилось отъ радости и гордаго сознанiя побѣды надъ нимъ. Почтительно поклонившись, онъ сѣлъ рядомъ со мной, и вскорѣ между нами завязалась оживленная бесѣда.

Сестра, тутъ же молча наблюдавшая за быстрымъ развитiемъ нашей взаимной склонности, снова ударила въ ладони, и вышелъ ка̀ди *). Онъ немедленно составилъ брачный договоръ, подписалъ его самъ и далъ подписать четыремъ приведеннымъ свидѣтелямъ. Единственнымъ и непремѣннымъ условiемъ со стороны моего супруга было требованiе,

*) Такъ называются на Востокѣ гражданскiе судьи, исполняющiе и должность нотарiусовъ. *Ка̀ди* на арабскомъ языкѣ значитъ *судящiй*.

(Галланъ.)

чтобы я никогда и ни въ какомъ случаѣ не открывала своего лица передъ чужими мужчинами и не говорила ни съ однимъ.—Если ты не нарушишь этого услозія, сказалъ онъ, клянусь, что жизнь твоя со мной будетъ счастлива. Такимъ образомъ бракъ былъ заключенъ законнымъ порядкомъ, и неожиданно для себя самой я стала главнымъ дѣйствующимъ лицомъ той свадьбы, на которой думала быть только гостьей?

Мѣсяца черезъ два послѣ этого мнѣ понадобилась на что то шелковая матерія, и, съ разрѣшенія мужа, я отправилась покупать ее, взявъ себѣ въ провожатыя двухъ невольницъ да ту старуху, что приходила звать меня на свадьбу. Когда мы стали приближаться къ торговымъ рядамъ, старуха сказала мнѣ:—Вотъ что я посовѣтую, госпожа моя, чѣмъ тебѣ безпокоиться, ходить изъ лавки въ лавку, пойдемъ лучше прямо къ одному знакомому мнѣ молодому купцу; у него большой выборъ всевозможныхъ матерій, и ты навѣрное найдешь тамъ все, что тебѣ нужно.

Я ничего не имѣла противъ такого предложенія, и мы вошли въ лавку очень красиваго молодаго купца. Старуха совѣтовала мнѣ самой обратиться къ нему, но я, помня свой брачный договоръ, отказалась отъ этого и просила ее объясняться за меня.

Расторопный купецъ набросалъ передо мной цѣлый ворохъ различныхъ матерій; одна изъ нихъ мнѣ особенно понравилась, и я, опять-таки черезъ старуху, освѣдомилась о цѣнѣ. Купецъ отвѣтилъ, что не продастъ этой матеріи ни за серебро, ни за золото, а можетъ только подарить ее за дозволеніе поцѣловать меня въ щеку. Я вспыхнула и велѣла старухѣ передать этому наглецу, что меня крайне удивляетъ его дерзость. Но, вмѣсто того, чтобъ исполнить мое приказаніе, она стала мнѣ доказывать, что тутъ нѣтъ ничего предосудительнаго, что это не разговоръ, а дѣло одной минуты, о которомъ, разумѣется, никогда и никто не узнаетъ. Мнѣ такъ хотѣлось пріобрѣсти эту чудесную матерію, что я рѣшилась, хотя и не безъ колебанія, послѣдовать совѣту старухи; служанки стали около меня такъ, чтобы заслонить отъ всякаго посторонняго взгляда, и, откинувъ чадру, я открыла свое лицо. Но, вмѣсто поцѣлуя, купецъ укусилъ мнѣ щеку до крови и въ ту же минуту скрылся. Острая боль и особенно неожиданность подѣйствовали на меня такъ сильно, что я потеряла сознаніе. Когда я очнулась, около меня начинала уже собираться толпа любопытныхъ, но прислужницы поспѣшили накинуть мнѣ чадру на лицо, чтобы скрыть отъ постороннихъ глазъ настоящую причину обморока. При возвращеніи домой, старуха во всю дорогу оправдывалась въ своей неумышленной винѣ.—Вѣдь онъ мой землякъ, говорила она, я давно его знаю и никогда не считала способнымъ на такое безуміе; но ты не огорчайся, дорогая госпожа моя, и не тревожься,—я дамъ тебѣ такого лѣкарства, отъ котораго рана твоя

заживетъ въ два дня, и слѣда отъ нея не останется. Отъ волненія я такъ ослабѣла, что едва могла передвигать ноги, и съ трудомъ добрела до дома, гдѣ снова упала безъ чувствъ. Между тѣмъ старуха принесла свое лѣкарство и, приведя меня въ сознаніе, уложила въ постель.

Поздно вечеромъ вернулся мой мужъ; увидавъ меня въ постели, съ увязанной головой, онъ спросилъ, что со мною? Я отвѣтила, что ничего серьезнаго нѣтъ, а просто болитъ голова. Тогда онъ подошелъ ко мнѣ свѣчу и, замѣтивъ на моей щекѣ кровавое пятно, сталъ допытываться, откуда взялась эта рана. Хотя я и не чувствовала за собой большой вины, но мнѣ не хотѣлось признаться мужу въ своемъ легкомысленномъ поступкѣ, и лживая выдумка сорвалась у меня съ языка, вмѣсто правды: — Со мной повстрѣчались носильщики съ дровами, сказала я ему, одинъ изъ нихъ задѣлъ мнѣ щеку полѣномъ и оцарапалъ—вотъ и все. Ты не тревожься, милый, это скоро пройдетъ.

Однако мужъ мой сильно разсердился и сказалъ, что завтра же велитъ полицейскимъ забрать всѣхъ этихъ грубыхъ носильщиковъ и перевѣшать поголовно.—Нѣтъ, нѣтъ! вскричала я, испугавшись, что изъ за моей глупости можетъ погибнуть столько невинныхъ людей,—не носильщикъ дровъ, а какой то метельщикъ толкнулъ меня нечаянно въ одной узкой улицѣ, я упала и поранила себѣ щеку о стекло.—Ты говоришь метельщикъ? воскликнулъ мужъ, ну такъ завтра, солнце еще не успѣетъ взойти, какъ по моему приказанію великій визирь Джіафаръ передушитъ этихъ негодяевъ—всѣхъ до одного!—О, ради Бога не дѣ-

лай этого, господинъ мой, взмолилась я, они невиновны. — Такъ отчего же у тебя эта рана? Я требую, чтобы ты сказала мнѣ всю правду.— Со мной вдругъ сдѣлался обморокъ, отвѣтила я въ сильномъ смущеніи,— а ужъ куда я упала и обо что ударилась,—не помню.

Эти слова окончательно вывели изъ терпѣнія моего мужа.—Довольно! воскликнулъ онъ, ты слишкомъ долго заставляла меня слушать твою безстыдную ложь! Тутъ онъ три раза ударилъ въ ладони; вошли три невольника.—Стащите съ постели эту женщину, приказалъ онъ

имъ,—и вынесите ее на средину комнаты. Невольники повиновались: одинъ держалъ за голову, другой—за ноги, третьему приказано было принести мечъ.—Ну, руби! крикнулъ мужъ, разсѣки пополамъ эту женщину и брось ея тѣло въ Тигръ на съѣденіе рыбамъ. Пусть всѣ узнаютъ, какъ я наказываю тѣхъ, кто издѣвается надъ моей любовью, отвѣчая на нее ложью и обманомъ. Между тѣмъ невольникъ остановился въ нерѣшимости. — Что же ты стоишь? гнѣвно окликнулъ его мужъ, чего ждешь?—Госпожа, можетъ быть, желаетъ сказать что нибудь въ послѣднія минуты? промолвилъ рабъ. Я приподняла голову и, съ мольбою глядя на своего мужа, сказала:—О, неужели ты не сжалишься надо

мной и предашь меня смерти въ самую лучшую пору моей жизни?... Рыданія прервали мою рѣчь, и я не могла болѣе вымолвить ни слова. Но не смягчилось сердце моего разгнѣваннаго мужа; напротивъ, онъ еще съ большей суровостью сталъ осыпать меня бранью и упреками и наконецъ строго повторилъ рабу свое повелѣніе. Въ эту минуту въ комнату вошла старуха, бывшая кормилица моего мужа; она упала передъ нимъ на колѣни и просила его, ради всего святаго, не поддаваться порывамъ своего гнѣва и помиловать меня.—Вспомни, дитя мое, говорила она, что поднявшій мечъ отъ меча и погибнетъ; не клади же такого пятна на свою совѣсть и не позорь своего славнаго имени этимъ убійствомъ. Слова старухи видимо произвели впечатлѣніе на моего мужа.—Хорошо, сказалъ онъ, ради тебя, я дарую ей жизнь, но все же не хочу оставлять ея проступка безнаказаннымъ; пусть она вѣчно помнитъ о немъ. Съ этими словами онъ сдѣлалъ знакъ одному рабу, и тотъ началъ изо всѣхъ силъ хлестать меня какой то тонкой, гибкой тростью. она срывала кожу съ тѣла, обливала его кровью,—вотъ отчего сохранились неизгладимые шрамы и рубцы на моей груди. Послѣ нѣсколькихъ ударовъ, я лишилась чувствъ и не знаю, сколько времени оставалась безъ сознанія. Очнулась я уже въ какой то уединенной комнатѣ, гдѣ заботливо ухаживала за мной та же старуха, кормилица моего мужа. Благодаря ея попеченіямъ, черезъ четыре мѣсяца я могла встать съ постели, и первой моей мыслью было уйти въ свой домъ, оставленный мнѣ моимъ первымъ мужемъ. Но каковы же были изумленіе и горе, когда я не нашла не только своего дома, но не узнала даже и самой улицы, гдѣ онъ стоялъ,—тамъ все уже было разрушено и срыто до основанія. Что мнѣ оставалось дѣлать? Жаловаться,—но на кого? Я не знала даже имени своего мужа. Къ тому же, судя по его самовластнымъ поступкамъ, я догадывалась, что онъ принадлежитъ къ лицамъ высокопоставленнымъ,—такъ гдѣ же тутъ было искать правосудія?

Убитая горемъ, безъ средствъ, безъ крова, доведенная до отчаянія, я вспомнила о своей дорогой сестрѣ Зобейдѣ и рѣшилась обратиться къ ея великодушію. Она приняла меня съ обычной нѣжностью, ласково, участливо распросила о моемъ несчастіи и сказала въ утѣшеніе:—Успокойся, дорогая моя, и постарайся мужественно перенести свое горе; вѣдь на свѣтѣ всегда такъ бываетъ: то у насъ отнимутъ имущество, то дружбу, то любовь, а иногда и все разомъ.—При этомъ она повѣдала мнѣ свою исторію съ царевичемъ, не скрывъ и возмутительнаго поступка нашихъ сестеръ, обращенныхъ теперь въ собакъ. Затѣмъ она свела меня съ моей младшей сестрой, тоже пріютитшейся у нея послѣ смерти матери, и мы, давъ взаимное обѣщаніе никогда не разлучаться, зажили втроемъ спокойной, независимой жизнью. Чтобы не оставаться праздной, я приняла на себя домашнее хозяйство и съ удо-

вольствіемъ хожу сама за покупкой провизіи. Вчера мнѣ попался такой забавный, остроумный носильщикъ, что мы позволили ему остаться у насъ на весь день и переночевать; а въ началѣ вечера пришли календеры и тоже умоляли насъ дать имъ пріютъ до утра; мы приняли ихъ съ извѣстнымъ условіемъ, на которое они безпрекословно согласились, но впослѣдствіи нарушили его. Послѣ обильнаго угощенія, они стали увеселять насъ музыкой, а мы вторили ей своимъ пѣніемъ, и нашъ оживленный пиръ затянулся до поздней ночи, когда къ намъ постучались трое купцовъ и тоже просили дать имъ ночлегъ. Теперь мы знаемъ, что то были не купцы, а ты, великій государь, и твои спутники,— остальное же тебѣ извѣстно.

Калифъ Гарунъ-аль-Рашидъ, вполнѣ довольный добытыми свѣдѣніями, съ большимъ сочувствіемъ отнесся къ удивительнымъ разсказамъ обѣихъ сестеръ и, движимый безпримѣрнымъ великодушіемъ, пожелалъ осчастливить ихъ своими милостями. Онъ лично, безъ посредства великаго визиря, обратился къ Зобейдѣ и сказалъ ей:—Я желаю знать, не обѣщала ли та волшебница, что́ явилась тебѣ въ образѣ змѣи, когда нибудь явиться снова по твоему вызову.

— О, да, мой повелитель! отвѣчала Зобейда. Я совсѣмъ забыла сказать твоему величеству, что она оставила мнѣ талисманъ съ тремя волосками и говорила при этомъ, что настанетъ день, когда мнѣ понадобится ея помощь, и если я сожгу эти волосы на огнѣ, — она немедленно явится, гдѣ бы ни была, хоть на краю свѣта, или за Кавказскими горами.—Гдѣ же этотъ талисманъ? спросилъ калифъ.

— У меня, государь; я всегда ношу его на себѣ.

— Тогда, зачѣмъ же откладывать? Пусть именно теперь настаетъ этотъ день, я желаю, чтобы ты сейчасъ же вызвала свою волшебницу.

Зобейда повиновалась; она потребовала себѣ огня и лишь только успѣла сжечь на немъ свой талисманъ, какъ весь дворецъ потрясся до основанія, словно отъ подземнаго удара, и въ ту же минуту волшебница предстала предъ калифомъ въ видѣ роскошно одѣтой женщины:— Повелитель правовѣрныхъ, сказала она, я готова повиноваться твоей волѣ. Ты знаешь, что я сдѣлала съ сестрами вызвавшей меня женщины за ихъ вѣроломный поступокъ; но если угодно твоему величеству, я могу возвратить имъ прежній образъ.

— Это самое лучшее, что ты можешь сдѣлать, прекрасная волшебница! отвѣчалъ калифъ;—но у меня есть къ тебѣ еще одна просьба: не уничтожишь ли ты слѣды истязанія на груди той красавицы, что пострадала отъ звѣрскаго нрава своего мужа? А такъ какъ тебѣ все извѣстно, то назови мнѣ имя истязателя, имѣвшаго дерзость не только мучить свою жену, но и несправедливо лишить ее всего состоянія. Ты знаешь, такіе поступки подрываютъ уваженіе къ моей власти, и я удив-

ляюсь, какъ до сихъ поръ это гнусное событіе не дошло до моего свѣдѣнія.

— Съ удовольствіемъ исполню твою волю, государь, отвѣчала волшебница; а когда, по ея требованію, были приведены обѣ собаки изъ дома Зобейды и затѣмъ поданъ сосудъ, наполненный водой, она произнесла надъ нимъ какія то никому непонятныя слова и обрызгала сперва Амину, потомъ ея заколдованныхъ сестеръ. Тотчасъ же обѣ собаки превратились въ прежнихъ красивыхъ женщинъ, а грудь Амины стала чиста и бѣла, какъ лилія.

— Теперь, государь, продолжала волшебница, я должна назвать тебѣ имя жестокаго мужа этой красавицы. Ты знаешь его хорошо, и онъ близокъ къ тебѣ, такъ какъ это сынъ твой Аманъ, братъ царевича Мамука. Онъ женился на ней по страстной любви, и хотя потомъ подвергъ ее жестокому истязанію, но въ этомъ случаѣ заслуживаетъ нѣкотораго извиненія: супруга его слишкомъ легкомысленно поступила съ купцомъ, а своими вымышленными оправданіями только заставила предполагать еще бо́льшую вину. Вотъ все, что я имѣю счастіе доложить твоему величеству, заключила волшебница съ глубокимъ поклономъ и затѣмъ исчезла.

Калифъ сіялъ довольствомъ и радостью. Дѣлать добро было его прирожденнымъ свойствомъ и самому ему доставляло величайше наслажденіе. Потому то имя этого славнаго, великодушнаго монарха никогда не умретъ въ народной памяти. Первымъ дѣломъ, онъ призвалъ своего сына Амана и, сказавъ ему, что знаетъ о его тайной женитьбѣ и строго порицаетъ жестокій поступокъ съ женой, объяснилъ ему, въ чемъ заключалась ея ничтожная вина. Царевичъ, безъ всякихъ приказаній отца, въ ту же минуту снова пожелалъ принять къ себѣ Амину, какъ прощенную и любимую жену.

Затѣмъ калифъ объявилъ Зобейдѣ, что предлагаетъ ей свою руку и свое сердце, остальныхъ же трехъ сестеръ предложилъ тремъ цар-

ственнымъ календерамъ. Онъ подарилъ каждому изъ нихъ по великолѣпному дворцу въ городѣ Багдадѣ и возвелъ всѣхъ троихъ въ достоинство первыхъ сановниковъ государства. Календеры были въ восторгѣ отъ великодушной щедрости повелителя правовѣрныхъ, и не они одни благословляли имя этого добраго государя, осчастлившаго за время своего царствованія тысячи и милліоны людей.

До разсвѣта еще было далеко, когда Шехеразада окончила эту сказку послѣ многихъ обычныхъ перерывовъ. По просьбѣ сестры и съ разрѣшенія султана, она начала другую.

Сказку о Синдбадѣ-мореплавателѣ.

Государь, въ царствованіе того же калифа Гаруна-аль-Рашида, въ городѣ Багдадѣ жилъ одинъ бѣдный носильщикъ, по имени Хиндбадъ. Однажды, въ невыносимо-жаркую пору, ему пришлось тащить на спинѣ тяжелый грузъ съ одного конца города на другой. Не пройдя и половины дороги, онъ уже совсѣмъ сталъ выбиваться изъ силъ, и потому очень обрадовался, когда вышелъ на одну улицу, гдѣ дулъ прохладный вѣтерокъ и гдѣ вся мостовая полита была розовой водой. Онъ опустилъ свою ношу около какого то большого дома и съ наслажденіемъ усѣлся на нее, намѣреваясь освѣжиться немного и отдохнуть.

Болѣе пріятнаго мѣста для отдыха нельзя было подыскать и нарочно: изъ открытыхъ оконъ сосѣдняго дома доносился ароматный запахъ алоэ и другихъ куреній; тамъ играла музыка, и, смѣшиваясь съ ея мелодичными звуками, раздавалось щебетанье птицъ, въ которомъ особенно выдѣлялись громкія трели соловья. Все это, въ соединеніи съ острымъ, заманчивымъ запахомъ различныхъ яствъ, изрѣдка обдававшимъ носильщика, ясно говорило ему, что въ этомъ домѣ пируютъ и веселятся, но кто его хозяинъ—онъ не зналъ, такъ какъ рѣдко заходилъ въ эту лучшую часть города. Теперь у воротъ толпились нарядные слуги; бѣднякъ подошелъ къ нимъ и спросилъ объ имени счастливаго владѣльца.—Какъ! съ удивленіемъ воскликнулъ одинъ, ты живешь въ Багдадѣ и не знаешь имени Синдбада? Да это у насъ первая знаменитость; онъ путешественникъ и объѣхалъ всѣ моря, какія только освѣщаются солнцемъ. Носильщикъ слыхалъ и прежде о несмѣтныхъ богатствахъ Синдбада, но въ эту минуту ему вдругъ стало такъ горько, такъ обидно за свою нищенскую долю, что онъ не могъ воздержать завистливаго чувства и, поднявъ глаза къ небу, громко, во всеуслышаніе, воскликнулъ:—Всемогущій Создатель міра! гдѣ же Твоя справедливость? Отчего одинъ живетъ въ изобиліи и пресыщается жизнью, дру-

гой чуть не умираетъ съ голода? Чѣмъ, напримѣръ, угодилъ Тебѣ этотъ Синдбадъ, утопающій въ роскоши, богатствѣ и счастіи, и чѣмъ прогнѣвилъ Тебя я, не имѣющій даже куска ячменнаго хлѣба, чтобы вдоволь накормить себя и семью? Одному—всѣ блага, всѣ удовольствія, другому — всѣ бѣдствія! Эхъ, жизнь горемычная, будь ты проклята!... И онъ съ отчаяніемъ топнулъ ногою о земь.

Въ эту минуту къ нему подошелъ одинъ изъ многочисленныхъ слугъ Синдбада и сказалъ: — Мой господинъ желаетъ тебя видѣть и проситъ тебя къ себѣ.

Носильщикъ не мало удивился такой неожиданной чести; но, вспомнивъ про свои желчныя, рѣзкія слова, только что произнесенныя, счелъ за лучшее уклониться отъ приглашенія, ссылаясь на то, что не можетъ оставить своей корзины безъ призора, среди улицы.

Слуга отвѣчалъ, что ноша его сохранится въ цѣлости подъ присмотромъ рабовъ, и настоятельно повторилъ порученіе своего господина. Носильщикъ не безъ робости послѣдовалъ за нимъ.

Онъ вошелъ въ громадную залу, гдѣ за богато убраннымъ столомъ, уставленнымъ цвѣтами и всевозможными угощеніями, находилось многолюдное общество. Въ срединѣ сидѣлъ на почетномъ мѣстѣ величавый

господинъ съ длинной, сѣдой бородой; сзади его стояла толпа слугъ, готовыхъ, по первому мановенію, исполнить всѣ его малѣйшія желанія. Это и былъ Синдбадъ—хозяинъ дома. При видѣ такого блестящаго сборища и непривычной роскоши, носильщикъ совершенно растерялся и какъ то робко застѣнчиво поклонился разомъ всей компаніи. Синдбадъ привѣтливо подозвалъ его, усадилъ рядомъ съ собой, по правую сторону, самъ наложилъ ему разныхъ яствъ и налилъ дорогого, тонкаго вина.

Когда всѣ насытились, и среди общества сталъ завязываться оживленный разговоръ, Синдбадъ обратился къ своему новому гостю и, называя его по арабскому обычаю—братомъ, освѣдомился о его имени и званіи.

— Имя мое—Хиндбадъ, отвѣтилъ бѣднякъ, а званіе—носильщикъ.

— Я очень радъ съ тобой познакомиться, продолжалъ хозяинъ; надѣюсь, и всѣ мои гости также довольны твоимъ присутствіемъ между нами. Но, прежде всего, я желалъ бы слышать здѣсь, отъ тебя самого, то, что ты сказалъ сейчасъ на улицѣ.

Носильщикъ смутился и, низко опустивъ голову, отвѣтилъ: — Я слишкомъ истомленъ сегодня своимъ непосильнымъ трудомъ и никогда еще съ такой горечью не чувствовалъ всей безотрадности своей доли. Можетъ быть, я обидѣлъ тебя своими глупыми словами, такъ прости мнѣ, господинъ!

— О, неужели ты думаешь, я такъ несправедливъ, что могъ обидѣться? продолжалъ Синдбадъ; — напротивъ, я вхожу въ твое положеніе и вполнѣ сочувствую ему, но мнѣ хотѣлось бы убѣдить тебя въ томъ ложномъ понятіи, какое ты очевидно составилъ обо мнѣ. Ты думаешь, что всѣ эти блага, всѣ удовольствія, окружающія меня, достались даромъ, безъ всякаго труда? Ошибаешься, другъ мой; я вынесъ столько невзгодъ, лишеній, опасностей, что могу считать себя вправѣ пользоваться настоящимъ своимъ положеніемъ. Да, господа, обратился онъ уже ко всѣмъ гостямъ, еслибы вы только знали, какъ досталось мнѣ это богатство, я увѣренъ, ни одинъ изъ васъ не согласился бы пріобрѣтать его такой же цѣной. Конечно, всѣ вы слыхали, что я побывалъ во многихъ странахъ, многое видѣлъ, но никто изъ васъ не знаетъ, сколько страданій, сколько страшныхъ опасностей приходилось мнѣ выносить въ своей многотрудной жизни. Благо теперь представился случай, я разскажу вамъ всѣмъ, если хотите, о своихъ скитаніяхъ по свѣту.

Всѣ гости единогласно выразили желаніе слушать; но такъ какъ это повѣствованіе предназначалось главнымъ образомъ для носильщика, то Синдбадъ прежде всего снялъ съ него заботу о ношѣ, велѣвъ своимъ рабамъ доставить ее, куда слѣдовало, и затѣмъ приступилъ къ разсказу:

Первое плаваніе.

Молодость моя прошла безпорядочно и бурно. Значительное состояніе, доставшееся мнѣ отъ моихъ родителей, я почти все истратилъ на разгулъ и развратъ, но къ счастію, образумился, не дойдя еще до полнаго разоренія; увидавъ, съ какой быстротой исчезаетъ мое богатство, я впервые пришелъ къ сознанію, что такъ продолжать нельзя, что я безумно растрачиваю не только деньги, но и еще болѣе драгоцѣнное, невозвратимое время; мнѣ стало ясно, что если я не измѣню жизни теперь, то въ будущемъ меня ожидаетъ нищета. А нищета въ старости — что́ можетъ быть ужаснѣе этого! Справедливо сказалъ Соломонъ: „Въ могилѣ человѣку лучше, чѣмъ въ бѣдности".

Придя къ такому безотрадному заключенію, я разомъ обуздалъ себя и съ энергій принялся за дѣло, — собралъ послѣднія крохи своего разстроеннаго состоянія, обратилъ ихъ въ наличный капиталъ и сталъ придумывать, какъ бы употребить его выгоднѣе. Съ этой цѣлью я сошелся съ нѣкоторыми купцами, опытность и благоразуміе которыхъ мнѣ были болѣе или менѣе извѣстны, и по ихъ совѣту отправился въ Балсору*), гдѣ вскорѣ пристроился къ одной заграничной торговой компаніи и сѣлъ на корабль, внеся свой пай.

Поднявъ паруса, мы направились къ Восточной Индіи и проплыли сперва Персидскимъ заливомъ, образуемымъ съ правой стороны берегами Счастливой Аравіи, а съ лѣвой — Персіи; затѣмъ вышли въ открытое море, называемое Восточнымъ или Индійскимъ, — оно омываетъ берега Абиссиніи и въ своемъ необъятномъ протяженіи доходитъ до островов Ваквака. Сначала меня сильно мучила болѣзнь, извѣстная подъ названіемъ морской, но это продолжалось недолго; дня черезъ три я оправился и съ тѣхъ поръ уже не испытывалъ ея болѣе. Во время своего продолжительнаго плаванія, мы много разъ останавливались у различныхъ островов, завязывали сношенія съ туземцами, продавали имъ свои товары и покупали мѣстныя произведенія. Однажды насъ захватилъ штиль вблизи какого то маленькаго островка, почти на одинаковомъ уровнѣ съ моремъ, и похожаго на роскошный бархатистый лугъ. Многіе изъ насъ пожелали сойти на берегъ, а въ томъ числѣ и я; расположившись на островѣ, мы устроили тамъ веселый пиръ, съ наслажденіемъ отдыхая отъ утомительнаго пути. Только вдругъ нашъ островъ заколебался, и мы разомъ почувствовали сильный толчокъ.

---

*) Или Бассора, большой торговый азіатскій городъ при соединеніи двухъ рѣкъ — Тигра и Евфрата, построенный въ 636 году, въ царствованіе калифа Омара III. Турки владѣютъ имъ съ 1668 г.

(Галланъ).

Это колебаніе было одновременно замѣчено съ корабля, и намъ закричали оттуда, чтобы мы спасались, не медля. Оказалось, что то былъ не островокъ, а спина громаднаго кита. Болѣе проворные изъ насъ успѣли вскочить на шлюпку, другіе бросились вплавь, мнѣ же пришлось остаться на мнимомъ островѣ до тѣхъ поръ, пока китъ не опустился въ море. Къ счастію, я успѣлъ схватиться за отрубокъ дерева, принесенный нами съ корабля, чтобы развести огонь. Между тѣмъ капитанъ принялъ всѣхъ находившихся въ шлюпкѣ и достигшихъ корабля вплавь, потомъ, пользуясь внезапнымъ, сильнымъ вѣтромъ, велѣлъ поднять паруса и тронулся въ путь.

Такимъ образомъ я остался одинъ среди необъятнаго моря, отбрасываемый волнами то въ ту, то въ другую сторону. Но, несмотря на всю безнадежность своего положенія, я съ какой то отчаянной энергіей боролся за свою жизнь, отстаивая ее и отъ неизмѣримой бездны, бывшей подо мной, и отъ яростныхъ волнъ, покрывавшихъ меня. Во весь остальной день

и во всю ночь не прерывалась эта борьба, наконецъ, къ разсвѣту, силы мои стали слабѣть, я чувствовалъ—еще минута, и все будетъ кончено, какъ вдругъ одна шальная волна прибила меня къ острову. Но берегъ

оказался такъ высокъ и крутъ, что взобраться на него съ моими ослабѣвшими силами нечего было и думать,—приходилось погибать въ виду спасенія, что и предстояло мнѣ несомнѣнно, еслибы судьба не сжалилась надо мной, пославъ мнѣ новую случайность: изъ берега, словно нарочно для меня, торчали въ этомъ мѣстѣ древесные корни; я ухватился за нихъ и, отдохнувъ отъ своихъ неимовѣрныхъ усилій, уже легко выбрался на берегъ. Тутъ я почти безъ чувствъ повалился на землю и такъ пролежалъ до полнаго разсвѣта.

Съ восходомъ солнца, какъ ни былъ я слабъ и измученъ всѣмъ пережитымъ за эту ночь, но чувство самосохраненія заставило меня приподняться и почти ползкомъ отыскивать чего нибудь съѣдобнаго, чтобы утолить пробудившійся голодъ. Мнѣ попадались и коренья, и травы, годные для ѣды, а вскорѣ, къ своему счастію, я нашелъ источникъ превосходной воды. Это сразу подкрѣпило меня настолько, что я совершенно оправился и пошелъ въ глубь острова, не держась при этомъ никакого опредѣленнаго направленія. Передо мной открывалась обширная равнина съ роскошными пастбищами, и вскорѣ я замѣтилъ вдали пасущуюся лошадь. Сердце забилось у меня отъ радости и надежды на близкую помощь, но мысль, что я такъ же легко могу найти здѣсь свою погибель, какъ и спасеніе, не мало омрачила меня. Колеблясь между страхомъ и надеждой, я все таки приблизился къ лошади и увидалъ, что это кобылица замѣчательной красоты, привязанная на приколъ. Въ то время, какъ я разсматривалъ ее и любовался, до меня донесся изъ какого то подземелья человѣческій голосъ, а черезъ минуту появился и самъ человѣкъ. Замѣтивъ меня, онъ подошелъ, спросилъ — кто я и какими судьбами очутился здѣсь; когда же я разсказалъ ему о своемъ приключеніи, онъ взялъ меня за руку и повелъ въ подземелье. Тамъ было еще нѣсколько человѣкъ; сначала они тоже удивились моему появленію, потомъ, узнавъ о моемъ несчастіи, дружелюбно приняли меня и накормили.

Съ жадностью утоливъ голодъ, я въ свою очередь спросилъ ихъ о цѣли пребыванія въ такомъ пустынномъ и дикомъ мѣстѣ. Они отвѣчали, что ихъ послалъ сюда царь Мираджъ, владѣлецъ этого острова; что они его конюхи и каждый годъ приводятъ сюда лучшихъ кобылицъ изъ царскихъ конюшенъ для того, чтобы спускать ихъ съ морскимъ конемъ, выходящимъ изъ воды, и такимъ способомъ разводить особую породу рьяныхъ лошадей, которыя называются у нихъ морскими.—Завтра мы отправляемся обратно, добавили они и ты счастливъ, что засталъ насъ здѣсь, а то тебѣ не выбраться бы отсюда.

На слѣдующее утро конюхи дѣйствительно забрали своихъ кобылицъ и отправились въ обратный путь; я пошелъ вмѣстѣ съ ними, а когда мы прибыли въ столицу острова, они доложили обо мнѣ своему

повелителю. Царь Мираджъ призвалъ меня, освѣдомился, кто я и какъ попалъ въ его владѣнія, на что я отвѣтилъ подробнымъ разсказомъ обо всѣхъ своихъ приключеніяхъ; мое несчастіе такъ тронуло его, что онъ принялъ меня подъ свое покровительство, приказавъ отвести мнѣ особое помѣщеніе и доставлять мнѣ все необходимое. Приказаніе было исполнено въ точности, и я до сихъ поръ съ благодарностью вспоминаю объ этомъ великодушномъ государѣ.

Между тѣмъ, будучи купцомъ, я входилъ въ сношенія и съ мѣстными купцами, и въ особенности съ иностранными, надѣясь получить отъ нихъ какое нибудь извѣстіе изъ Багдада, или пріискать случай вернуться на свою родину. Благодаря превосходной гавани, сюда почти ежедневно заходило множество иностранныхъ торговыхъ судовъ, поэтому надежды мои были не совсѣмъ безосновательны. Въ то же время я сближался съ обществомъ индійскихъ ученыхъ и съ удовольствіемъ прислушивался къ ихъ мудрымъ рѣчамъ, а также, изрѣдка являясь ко двору, поддерживалъ связи съ сановниками и мелкими князьками — вассалами царя Мираджа, жившими при его дворѣ. Всѣ они осыпали меня вопросами о моей родинѣ, о порядкахъ, существующихъ у насъ; я же съ свой стороны съ интересомъ изучалъ ихъ нравы, обычаи, законы и разспрашивалъ обо всемъ, что казалось мнѣ достойнымъ вниманія.

Къ числу владѣній царя Мираджа принадлежитъ и островъ Кассэль; меня увѣряли что на немъ каждую ночь слышится звонъ литавръ, отчего между моряками распространилось повѣрье, что тамъ обитаетъ самъ Деггіалъ *). Всѣ эти фантастическіе разсказы такъ сильно возбудили мое любопытство, что я рѣшился провѣрить ихъ и поѣхалъ самъ на чудесный островъ. Однакожь тамъ ничего особеннаго не оказалось, только на пути пришлось видѣть диковинныхъ рыбъ величиною отъ ста до двухсотъ локтей. Рыбы эти, впрочемъ, страшны только съ виду, на самомъ же дѣлѣ очень трусливы и бѣгутъ при малѣйшемъ стукѣ; не мало удивила меня и еще одна порода, тоже невиданная мной: это небольшія рыбы, не длиннѣе локтя, круглыя, какъ шаръ, и съ головой какъ у филина.

Послѣ моего возвращенія, какъ то разъ я прогуливался по набережной; въ это время въ гавань вошелъ торговый корабль и бросилъ

---

*) Деггіалъ или антихристъ. Мусульмане, также какъ и христіане, вѣрятъ въ пришествіе антихриста, который явится передъ концомъ міра, чтобы совращать человѣческій родъ. Здѣсь только о немъ имѣютъ нѣсколько иное представленіе: по мнѣнію магометанъ, онъ долженъ быть съ однимъ глазомъ и съ одною бровью; онъ покоритъ всѣ царства земныя, за исключеніемъ Мекки, Медины, Тарса и Іерусалима, такъ какъ эти города будутъ охраняемы ангелами, посланными Богомъ для ихъ защиты. Кончится тѣмъ, что его побѣдитъ Іисусъ Христосъ, который явится послѣ него и сразится съ нимъ.

(Галланъ).

якорь. Тотчасъ же на немъ началась выгрузка,—всѣ засуетились, купцы бѣгали и распоряжались перевозкой своихъ товаровъ на берегъ; я подошелъ поближе и сталъ машинально просматривать надписи на тюкахъ, обозначавшія имена ихъ хозяевъ. Вдругъ одна изъ этихъ надписей заставила меня чуть не вскрикнуть отъ изумленія. Сначала я не повѣрилъ своимъ глазамъ, думая, что ошибся, однакожь—нѣтъ: на огромномъ тюкѣ несомнѣнно стояло мое имя. Вскорѣ я узналъ и самаго капитана, бывшаго на томъ кораблѣ, на которомъ я отплылъ изъ Балсоры; тогда первымъ моимъ движеніемъ было подойти къ капитану и объявить себя, но, подумавъ, я измѣнилъ свое намѣреніе: вѣдь онъ давно считаетъ меня погибшимъ и теперь навѣрное приметъ за самозванца. Сообразивъ это, я умѣрилъ свою горячность и съ напускнымъ спокойствіемъ спросилъ: кому принадлежатъ эти тюки?—Одному багдадскому купцу, погибшему во время плаванія, отвѣтилъ капитанъ. Странная вышла у насъ случайность, продолжалъ онъ:—мы были захвачены мертвымъ штилемъ по близости небольшаго островка, оказавшагося впослѣдствіи громаднымъ китомъ, заснувшимъ на поверхности воды. Нѣкоторые изъ моихъ пассажировъ вздумали сойти на берегъ, съ ними и бѣдный Синдбадъ,—такъ звали этого купца; они устроили тамъ пирушку и развели огонь; вѣроятно, почувствовавъ жаръ, китъ встрепенулся и нырнулъ въ море; бывшіе на немъ частью спаслись въ шлюпкѣ, частью вплавь, но многіе все-таки потонули. Въ числѣ послѣднихъ погибъ и Синдбадъ. Жаль бѣднягу,—славный былъ человѣкъ! Я долго потомъ возилъ его товары, но теперь разсудилъ лучше продавать ихъ, а вырученныя деньги, когда представится случай, передать его роднымъ. Тутъ я уже не вытерпѣлъ и сказалъ капитану, что Синдбадъ не умеръ, а живъ и здоровъ, и имѣетъ честь разговаривать съ нимъ, что поэтому товары, заключающіеся въ тюкахъ, принадлежатъ мнѣ, такъ какъ я тотъ самый Синдбадъ, котораго всѣ считаютъ погибшимъ.

Капитанъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ:—Боже мой, какая подумаешь, наглость! Кому же послѣ этого я долженъ вѣрить—тебѣ или своимъ глазамъ? Вѣдь я самъ видѣлъ, какъ Синдбадъ утонулъ. Вотъ тутъ и надѣйся на людскую честность... Съ виду ты кажешься порядочнымъ человѣкомъ, а лжешь прямо въ глаза, не стѣсняясь, чтобы только завладѣть чужимъ добромъ.—Но, послушай... началъ я.—Слушаю, говори, что̀ еще выдумаешь? съ ироніей перебилъ капитанъ. Я разсказалъ ему о своемъ чудесномъ спасеніи и о встрѣчѣ съ конюхами, которые привели меня къ царю Мираджу.

Этотъ разсказъ нѣсколько поколебалъ капитана, а когда многіе, пришедшіе съ корабля, узнали меня и стали радостно привѣтствовать, онъ окончательно убѣдился въ правдивости моего увѣренія.—Ну, слава Богу! воскликнулъ онъ, я искренно радъ твоему чудесному спасенію,

а также и тому, что сохранилъ въ цѣлости твое имущество. На, бери его и распоряжайся имъ, какъ знаешь. Я выразилъ ему глубокую признательность за его примѣрное, честное отношеніе къ чужой собственности и просилъ принять отъ меня значительную часть моихъ товаровъ, но онъ отказался наотрѣзъ.

Тогда, выбравъ самыя лучшія и цѣнныя вещи, я принесъ ихъ въ даръ царю Мираджу за его великодушное отношеніе ко мнѣ. Царь, знавшій о моемъ несчастіи, сперва удивился, но когда я объяснилъ ему, въ чемъ дѣло, онъ также порадовался за меня, благосклонно принялъ мои дары и отплатилъ за нихъ вдесятеро лучшими.

Послѣ того я, разумѣется, поспѣшилъ проститься съ нимъ и, обмѣнявъ свои товары на сандалъ, камфару, мушкатный орѣхъ, алоэ и другія произведенія страны, отплылъ на прежнемъ кораблѣ. По пути мы посѣщали многіе острова и обширныя государства, гдѣ производили свои торговые обороты; наконецъ, послѣ долгихъ странствованій по морю и по сушѣ, прибыли въ Балсору, откуда я тотчасъ же переправился въ Багдадъ. Семья встрѣтила меня съ живѣйшей радостью, какъ это всегда бываетъ между кровными родными послѣ долгой разлуки. Мое путешествіе принесло мнѣ до ста тысячъ цехиновъ; я накупилъ много земли, рабовъ, рабынь, выстроилъ домъ и далъ себѣ слово забыть все пережитое и спокойно наслаждаться благами жизни.

Окончивъ свой разсказъ, Синдбадъ подалъ знакъ умолкшимъ музыкантамъ; снова раздались мелодичные звуки, прерванный пиръ возобновился,—угощенія смѣнялись одни другими, и такъ продолжалось до поздней ночи. Когда гости наконецъ стали расходиться, Синдбадъ подозвалъ носильщика, вручилъ ему кошелекъ съ сотней цехиновъ и сказалъ, чтобы на завтра онъ приходилъ опять, слушать продолженіе разсказа о его приключеніяхъ. Хиндбадъ вышелъ отъ него въ сильномъ волненіи, смущенный и обрадованный какъ подаркомъ, такъ и неожиданной честью, выпавшей на его долю.

На другой день, согласно приглашенію, онъ снова отправился къ знаменитому путешественнику, одѣвшись на этотъ разъ уже во все новое, чтобы не особенно отличаться отъ другихъ гостей. Пиръ начался опять и продолжался очень долго, по окончаніи же его Синдбадъ сказалъ, обращаясь ко всѣмъ приглашеннымъ:—Господа, прошу выслушать разсказъ о моемъ вторичномъ путешествіи. Надѣюсь, онъ займетъ васъ гораздо больше, чѣмъ предъидущій. Всѣ смолкли, и хозяинъ началъ такъ:

Второе плаваніе.

Вчера я сказалъ вамъ, что далъ было зарокъ не пускаться болѣе въ опасныя предпріятія, а вести спокойную жизнь дома. Однако, я

ошибся въ себѣ: однообразіе и бездѣятельность скоро наскучили мнѣ невыносимо; меня манило море съ своими опасностями, привлекали далекія, еще невиданныя страны, и вотъ я снова накупилъ товаровъ, пригодныхъ для мѣновой торговли, подговорилъ нѣсколькихъ товарищей-купцовъ, снарядилъ вмѣстѣ съ ними прекрасный корабль и, отдавъ себя во власть Всевышняго, пустился въ новый путь.

Мы уже объѣхали множество странъ и городовъ, всюду выгодно сбывая одни товары и замѣняя ихъ другими, когда намъ случилось пристать къ какому то неизвѣстному острову, сплошь усѣянному цвѣтами и роскошными плодовыми деревьями. Мы сошли на берегъ и очень были удивлены, что такой прекрасный островъ казался необитаемымъ,—по крайней мѣрѣ нигдѣ и ни въ чемъ не замѣчалось присутствія человѣка. Долго бродили мы по цвѣтущимъ лугамъ, орошаемымъ прозрачными ручьями; одни изъ насъ занялись собираніемъ цвѣтовъ, другіе запасались плодами, я же, захвативъ съ собой провизіи, усѣлся на берегу хрустальнаго ручейка, подъ прохладной тѣнью двухъ громадныхъ деревьевъ, закусилъ немного и потомъ, какъ то незамѣтно для самого себя, крѣпко заснулъ. Долго я спалъ или нѣтъ—не знаю, но только, проснувшись, не увидалъ уже никого кругомъ. Вскочивъ на ноги, я глянулъ туда, гдѣ стоялъ нашъ корабль: его также не было. Тогда, въ смертельномъ ужасѣ, озираясь по сторонамъ, я сталъ отчаянно кричать, насколько хватало силы. Въ отвѣтъ ничего... Звукъ моего голоса замиралъ въ пространствѣ. Съ глубокой тоской я еще разъ посмотрѣлъ на море и тамъ, далеко, на самомъ горизонтѣ—увидалъ бѣлѣющіеся паруса уже едва замѣтнаго корабля. Еще минута — и все исчезло. Я остался одинъ.

Предоставляю вамъ судить, каковы были мои чувства при этомъ. Злость, отчаяніе, страхъ за свое безпомощное одиночество приводили меня въ бѣшенство. Я рвалъ на себѣ волосы, кричалъ, какъ безумный, и наконецъ, рыдая, бросился на землю. Безсвязныя мысли—одна тяжелѣе другой—мелькали въ моей отуманенной головѣ; мнѣ вспомнились домъ, семья, тихая, безмятежная жизнь, и я съ горечью упрекалъ себя, что не захотѣлъ пользоваться этими благами и самъ, по доброй волѣ, пришелъ къ настоящему положенію. Но это было уже слишкомъ позднее раскаяніе.

Успокоившись немного, я положился на помощь Божію и сталъ обдумывать, съ чего теперь начать и что дѣлать. Можетъ быть и оставалась еще какая нибудь надежда на спасеніе. Съ этой мыслью я взобрался на вершину одного высокаго дерева и оттуда оглядѣлъ окрестность. Со стороны моря, кромѣ неба да воды, ничего не было видно, а на безпредѣльномъ пространствѣ острова, далеко, почти на самомъ горизонтѣ, виднѣлась какая то смутная бѣлизна. Быстро спустившись съ

дерева и захвативъ съ собой остатокъ припасовъ, я направился къ этой неопредѣленной точкѣ.

По мѣрѣ приближенія, передо мной сталъ обрисовываться какой то громадный, бѣлый шаръ, такого объема, что онъ свободно могъ вмѣстить въ себѣ человѣкъ до пятидесяти. Подойдя совсѣмъ близко, я дотронулся до него рукой и ощутилъ что то гладкое и твердое; потомъ обошелъ кругомъ, ища на немъ какой нибудь неровности, или отверстія, но нигдѣ не было ни скважины, ни выступа, ни углубленія.

Было еще свѣтло, хотя солнце начинало уже садиться, когда вдругъ меня поразила мгновенно наступившая темнота; словно густое облако разомъ заслонило отъ меня свѣтъ. Я оглянулся, чтобъ объяснить себѣ причину этого явленія, и тутъ изумленіе мое перешло въ смертельный ужасъ: прямо на меня надвигалась не туча, а птица такой же величины. Я вспомнилъ тогда разсказы старыхъ моряковъ о какомъ то пернатомъ чудищѣ, котораго они называли Рокомъ, и мнѣ стало ясно, что громадный шаръ, лежавшій около меня, не что иное какъ яйцо этой чудовищной птицы. Не успѣлъ я опомниться, какъ надо мной уже нависла одна изъ ея гигантскихъ ногъ, толщиною въ древесный стволъ, и чтобы не быть раздавленнымъ, я проворно прилегъ на землю, укрываясь подъ округлостью яйца. Птица спустилась и сѣла на него, какъ обыкновенно садятся насѣдки, прикрывъ и меня вмѣстѣ съ нимъ. Тогда мнѣ пришло на мысль выбраться съ ея помощью изъ этого пустыннаго острова; не долго думая, я развернулъ свою чалму и крѣпко привязалъ

себя ею поперегъ туловища къ громадной птичьей ногѣ. Съ разсвѣтомъ самка поднялась и увлекла меня такъ высоко, что земли почти стало не видно; затѣмъ, пролетѣвъ огромное пространство, она вдругъ опустилась съ быстротою молніи. Почувствовавъ подъ ногами твердую почву, я быстро отвязалъ себя, а птица тутъ же схватила клювомъ длинную гремучую змѣю и снова взвилась подъ облака.

Мѣсто, куда я перенесся такимъ необыкновеннымъ способомъ, оказалось долиной, огороженной со всѣхъ сторонъ высокими, обрывистыми горами, вершины которыхъ терялись въ облакахъ. Съ перваго же взгляда ясно было, что взобраться на эти отвѣсныя скалы нѣтъ никакой возможности, и я съ грустью подумалъ, что въ этой неприступной каменной оградѣ положеніе мое стало еще хуже и безнадежнѣе, чѣмъ оно было на островѣ, только что покинутомъ мной.

Уныло бродилъ я по своей новой тюрьмѣ и вдругъ остановился въ изумленіи: вся долина сплошь, на сколько могъ окинуть глазъ, оказывалась усѣянной брилліантами, и нѣкоторые изъ нихъ были такой величины, что превосходили всякую цѣну. Пока я смотрѣлъ и любовался, вдали мнѣ представилось другое зрѣлище, заставившее меня содрогнуться отъ ужаса. То были такія невиданно громадныя змѣи, что каждая изъ нихъ легко могла бы проглотить слона. Къ счастію, онѣ меня не замѣтили или, можетъ быть, не рѣшались въ теченіе дня отползать далеко отъ логовищъ, изъ боязни Рока—своего лютаго врага.

Такимъ образомъ весь остальной день я провелъ въ относительной безопасности, а лишь только зашло солнце и начало темнѣть, мнѣ послужила убѣжищемъ заранѣе отысканная пещера; я поспѣшно пролѣзъ въ ея небольшое отверстіе, привалилъ его камнемъ, чтобы защититься отъ вторженія змѣй, и принялся за уцѣлѣвшіе при мнѣ остатки ѣды. Между тѣмъ снаружи непрерывно доносились до меня громъ, шипѣніе и свистъ многочисленныхъ гигантскихъ змѣй, вышедшихъ теперь на добычу. Это, разумѣется, не способствовало моему спокойствію, и, въ невыразимомъ ужасѣ, я всю ночь провелъ, не смыкая глазъ. Къ утру змѣи снова расползлись по своимъ логовищамъ, и тогда, выйдя изъ пещеры, я опять сталъ бродить по долинѣ, но видъ алмазовъ уже не прельщалъ меня,—они оказались мнѣ безполезными и ни на что непригодными въ моемъ безвыходномъ положеніи. Наконецъ, утомившись, я присѣлъ около одной скалы, досталъ послѣдній остатокъ своей провизіи и, утоливъ голодъ, крѣпко заснулъ послѣ тревожной, безсонной ночи, проведенной въ пещерѣ. Меня разбудилъ упавшій подлѣ меня большой кусокъ сыраго мяса. Сначала я недоумѣвалъ, откуда онъ могъ взяться, но, вспомнивъ разсказы бывалыхъ моряковъ, догадался, въ чемъ дѣло. Нѣкоторымъ купцамъ-промышленникамъ извѣстно о существованіи алмазной долины и, не имѣя возможности пробраться въ нее непосредственно, они прибѣ-

гаютъ къ такому способу: въ то время, когда орлы, что гнѣздятся здѣсь по вершинамъ скалъ, начинаютъ выводить своихъ птенцовъ, они являются съ запасомъ сыраго мяса, рубятъ его на большія части и бросаютъ внизъ на долину. Драгоцѣнные камни врѣзываются въ него своими острыми краями и прилипаютъ; вслѣдъ затѣмъ налетаютъ орлы и уносятъ куски въ свои гнѣзда. Промышленники зорко наблюдаютъ за этимъ; они съ громкими криками бросаются къ гнѣздамъ, распугиваютъ орловъ и, обобравъ мясо отъ прилипшихъ къ нему камушковъ, снова бросаютъ его.

Прежде я не вѣрилъ этимъ разсказамъ, считая ихъ за басни, но теперь долженъ былъ убѣдиться въ истинѣ всего слышаннаго, и у меня тотчасъ же созрѣла мысль воспользоваться настоящимъ случаемъ для своего спасенія. Сначала я набралъ самыхъ лучшихъ и крупныхъ алмазовъ, положилъ ихъ въ свою дорожную сумку и прочно прикрѣпилъ ее къ поясу; затѣмъ выбралъ большой кусокъ мяса, обернулъ имъ спину и, обмотавъ его вокругъ себя снова распущенной чалмой, недвижимо легъ ничкомъ на землю.

Только что успѣлъ я это сдѣлать, какъ надо мной спустился одинъ изъ самыхъ крупныхъ и сильныхъ орловъ, схватилъ меня и отнесъ къ своимъ птенцамъ на вершину высочайшей горы. Тогда явились промышленники и криками отогнали орла, я же, сбросивъ съ себя мясо, поднялся на ноги. Велико было тутъ общее изумленіе; но владѣлецъ этого гнѣзда (надо замѣтить, что промышленники дѣлятъ между собой орлиныя гнѣзда) видимо былъ недоволенъ моимъ нежданнымъ появленіемъ и, не спрашивая, кто я и откуда взялся, началъ упрекать меня за то, что я лишилъ его добычи.

— Успокойся, сказалъ я ему, и лучше узнай прежде, съ кѣмъ имѣешь дѣло; если я невольно причинилъ тебѣ ущербъ, то могу вознаградить его съ избыткомъ; у меня столько бриллiантовъ, сколько вамъ никогда не удастся добыть всѣмъ вмѣстѣ; къ тому же вы принуждены довольствоваться тѣмъ, что попадется случайно, а я выбиралъ самъ и ужъ конечно не худшее. Вотъ, посмотри!—При этомъ я открылъ свою кожаную сумку, но въ то же время стали подходить другiе промышленники и мнѣ пришлось разсказать имъ подробно обо всѣхъ своихъ приключенiяхъ; не мало дивились они моей находчивости и еще болѣе той неимовѣрной отвагѣ, какая требовалась для этого страшнаго полета въ орлиныхъ когтяхъ.

Послѣ моего разсказа они дружелюбно пригласили меня въ свое помѣщенiе и обильно угостили всѣмъ, что у нихъ было съѣстнаго; наголодавшись за послѣднее время, я ѣлъ съ особеннымъ удовольствiемъ, не заставляя себя упрашивать, а затѣмъ высыпалъ на столъ цѣлую груду бриллiантовъ. Всѣ разсматривали ихъ съ любопытствомъ и восхищенiемъ, увѣряя, что такихъ превосходныхъ камней нельзя даже встрѣтить ни при одномъ царскомъ дворѣ. Я предложилъ тому промышленнику, которому невольно повредилъ въ добычѣ, выбрать себѣ любые изъ нихъ, не стѣсняясь ни цѣнностью, ни количествомъ, но онъ взялъ только одинъ, да и то не лучшiй, а на мою просьбу взять больше, отвѣтилъ мнѣ:—Нѣтъ, не надо; одинъ этотъ камень доставитъ мнѣ довольство на всю жизнь и навсегда избавитъ отъ необходимости заниматься такимъ опаснымъ промысломъ.

За все это время непрерывныхъ треволненiй, теперь мнѣ выпадала первая спокойная ночь; но ежеминутное сознанiе опасности стало для меня такимъ привычнымъ чувствомъ, что я еще долго не могъ отъ него отрѣшиться, не могъ свыкнуться съ отрадной мыслью, что мнѣ уже ничто не угрожаетъ болѣе.

Черезъ нѣсколько дней, удовлетворившись количествомъ добытыхъ камней, промышленники собрались въ обратный путь; разумѣется, я не отставалъ отъ нихъ, и мы пошли горными хребтами, гдѣ на каждомъ шагу кишѣли ядовитыя змѣи, но, къ счастью, онѣ никому не причинили вреда. Добравшись наконецъ до гавани, мы сѣли на корабль и отплыли къ острову Роха̀, замѣчательному своей роскошной тропической растительностью и рѣдкими животными. Именно тамъ произрастаетъ то дерево, изъ котораго добывается камфора,—такое громадное, что подъ его тѣнью свободно можетъ укрыться до ста человѣкъ. Только, къ сожалѣнiю, оно скоро засыхаетъ и гибнетъ отъ извлеченiя изъ него сока, образующаго камфору.

Здѣсь, между множествомъ другихъ звѣрей, водится также носорогъ; онъ нѣсколько менѣе слона, но болѣе буйвола, и названъ такъ

потому, что на носу у него выростаетъ рогъ, величиною въ локоть, съ бѣлыми начертаніями, какъ бы врѣзанными по срединѣ и напоминающими фигуру человѣка. Рогъ этотъ такъ крѣпокъ и животное такъ сильно, что оно поддѣваетъ имъ даже слона и несетъ его нѣкоторое время, пока не упадаетъ подъ своей тяжестью, ослѣпленное кровью и жиромъ, стекающими ему на глаза. Этой минутой, говорятъ, пользуется птица Рокъ; она налетаетъ на обоихъ, забираетъ ихъ въ когти и уноситъ на пищу своимъ птенцамъ.

Я не стану говорить о другихъ достопримѣчательностяхъ острова, чтобы не утомить вашего вниманія; скажу только, что, обмѣнявъ тамъ нѣсколько брилліантовъ, я пріобрѣлъ большое количество мѣстныхъ товаровъ и отправился съ своими товарищами въ дальнѣйшее плаваніе. Мы приставали ко многимъ островамъ, перебывали во многихъ странахъ и торговыхъ городахъ, пока наконецъ не остановились въ Балсорѣ, откуда я немедленно вернулся домой. Здѣсь, послѣ первой радости свиданія съ семьей и друзьями, я роздалъ щедрую милостыню нищимъ и съ спокойной совѣстью сталъ пользоваться своимъ богатствомъ, пріобрѣтеннымъ цѣною такихъ неимовѣрныхъ трудовъ и опасностей.

Такъ заключилъ свой разсказъ Синдбадъ-мореплаватель, и когда гости стали прощаться, онъ выдалъ носильщику еще сто цехиновъ и пригласилъ его вмѣстѣ съ другими на слѣдующій день, обѣщая повѣдать еще о многихъ удивительныхъ приключеніяхъ. Въ назначенный часъ гости всѣ находились въ сборѣ; между ними былъ и носильщикъ, начинавшій уже забывать о своей бѣдности. Послѣ роскошнаго угощенія Синдбадъ обратился къ слушателямъ, прося ихъ вниманія къ разсказу о своемъ третьемъ путешествіи.

Третье плаваніе.

Въ пирахъ и празднествахъ, началъ Синдбадъ, я сталъ забывать о минувшихъ невзгодахъ, къ тому же роскошная, праздная жизнь не удовлетворяла меня; я скоро пресытился ею, а молодость и демонъ любопытства толкали меня къ другой жизни, полной волненія и борьбы; не думая больше о возможныхъ несчастіяхъ, я снова собралъ товарищей-купцовъ и, запасшись разнообразными товарами, бодро отправился въ невѣдомый путь. Много новыхъ странъ посѣтили мы и на этотъ разъ, всюду ведя неизмѣнно счастливую торговлю.

Но вотъ однажды, въ открытомъ морѣ, насъ застигла жестокая буря, продолжавшаяся нѣсколько дней подрядъ. Истерзанный корабль нашъ уже несся по волѣ вѣтра, и онъ пригналъ его къ какому то острову. Капитанъ зналъ это мѣсто, и ему сильно не хотѣлось входить въ бухту, но необходимость все таки принудила остановиться; когда же

бросили якорь и сложили паруса, онъ сказалъ намъ: — Этотъ островъ очень опасенъ, также какъ и смежные съ нимъ; они всѣ населены дикими мохнатыми карликами, злыми и страшными своей многочисленностью. Стоитъ убить хоть одного изъ нихъ, или только прогнѣвить, какъ они набросятся массами, словно саранча, и тогда ужь не бываетъ спасенія.—Выслушавъ эти слова, весь экипажъ пришелъ въ смятеніе, не имѣя возможности ни уйти съ опаснаго мѣста, ни принять какихъ либо мѣръ для защиты. Вскорѣ, къ нашему великому ужасу, предсказаніе капитана стало оправдываться: на берегъ высыпало несмѣтное количество покрытыхъ рыжей шерстью чудовищныхъ карликовъ, величиною не болѣе двухъ пядей. Замѣтивъ насъ, они бросились вплавь и мгновенно окружили нашъ корабль со всѣхъ сторонъ; одни цѣплялись за бортъ, другіе за снасти, а нѣкоторые взбирались на палубу, и все это такъ проворно, съ такой быстротой, что казалось—они скорѣе взлетали, чѣмъ лѣзли.

При этомъ, невиданныя чудовища издавали дикіе, пронзительные крики и что то говорили намъ, но мы, конечно, не могли понять ихъ языка и стояли молча, съ ужасомъ глядя на это свирѣпое нашествіе; когда же они стали обрубать якорный канатъ и развертывать паруса, ни одинъ изъ насъ, ни словомъ, ни движеніемъ, не дерзнулъ воспротивиться этому. Между тѣмъ карлики, овладѣвъ кораблемъ, направили его къ ближайшему острову и тамъ заставили насъ выйти на берегъ, а сами отплыли обратно.

Въ тяжеломъ раздумьѣ мы постояли нѣсколько минутъ на берегу, потомъ побрели на удачу вдоль острова, срывая по дорогѣ всякую съѣдобную траву, хотя каждый думалъ при этомъ, что утоляетъ свой голодъ въ послѣдній разъ, такъ какъ никто не сомнѣвался въ неизбѣжной гибели.

Вскорѣ мы приблизились къ какому то громадному зданію съ неизмѣримо высокими створчатыми воротами изъ чернаго дерева; они были не заперты и отворились при первомъ толчкѣ. Не зная, что ожидаетъ насъ въ этомъ невѣдомомъ жилищѣ и не предвидя ничего хорошаго, мы все же рѣшились войти во внутренній дворъ, а оттуда въ какое то обширное крытое помѣщеніе, гдѣ по одну сторону валялись груды человѣческихъ костей, по другую же длинные вертелы для поджариванія мяса. Это ужасное зрѣлище уже несомнѣнно уяснило для каждаго грозившую ему участь; подъ вліяніемъ страха и внезапнаго потрясенія, ноги у насъ подкосились, и мы безсильно упали на землю, словно подстрѣленные.

Черезъ нѣсколько минутъ дверь растворилась, и къ намъ вошелъ чудовищный гигантъ, вышиною съ громадную пальму, весь черный, съ единственнымъ глазомъ во лбу,—краснымъ, свѣтящимся, какъ раскаленный уголь; острые передніе зубы выдавались у него вмѣстѣ съ че-

люстью, словно у лошади, нижняя губа отвисла и лежала на груди, а длинныя слоновыя уши болтались по плечамъ; ногти на его громадныхъ рукахъ были заострены и загнуты, какъ ястребиные когти.

При видѣ такого страшнаго чудовища мы совсѣмъ обезумѣли отъ ужаса и лишились послѣдняго сознанія; а когда опомнились, гигантъ уже сидѣлъ предъ нами, кровожадно вглядываясь въ насъ своимъ единственнымъ, сверкающимъ глазомъ. Затѣмъ онъ протянулъ ко мнѣ руку, поднялъ меня за кожу затылка, захвативъ ее вмѣстѣ съ волосами, и

сталъ повертывать во всѣ стороны, осматривая испытующимъ окомъ, какъ мясникъ осматриваетъ обреченнаго барана. Видно, я показался ему слишкомъ худымъ и тощимъ, потому что, отбросивъ меня въ сторону, онъ приступилъ къ такому же осмотру другихъ. Выборъ его остановился на капитанѣ, какъ на самомъ тучномъ изъ всѣхъ насъ; онъ взвѣсилъ его, приподнявъ раза два своей гигантской рукой, въ которой бѣдняга умѣщался весь, какъ могъ бы умѣститься развѣ только воробей въ рукѣ обыкновеннаго человѣка,— затѣмъ тотчасъ же проткнулъ его

вертеломъ и сталъ поджаривать на сильно разведенномъ огнѣ. Когда жаркое было готово, людоѣдъ его снялъ и удалился, вѣроятно, въ свою столовую, для съѣденія лакомаго блюда, потомъ снова вернулся къ намъ и, растянувшись на землѣ во весь свой исполинскій ростъ, крѣпко заснулъ. Храпъ его походилъ на раскаты грома или на звуки трубы въ день страшнаго суда; мы же, въ своей мучительной тревогѣ, разумѣется, во всю ночь не могли сомкнуть глазъ. На разсвѣтѣ великанъ всталъ и въ ту же минуту куда то ушелъ. Оставшись одни, мы дали наконецъ волю своимъ скорбнымъ чувствамъ и громкими воплями излили ихъ наружу. Сознаніе безсилія и безъисходности положенія такъ угнетало насъ, что мы даже ни разу и не подумали о противодѣйствіи, а между тѣмъ смерть чудовища должна бы естественно представиться намъ единственнымъ средствомъ спасенія.

Успокоившись немного и положившись на всемогущую Божію власть, мы все таки вышли изъ своего страшнаго убѣжища и стали бродить по острову, собирая траву и кое-какіе плоды, чтобы утолить мучившій насъ голодъ, а къ вечеру поневолѣ возвратились въ жилище людоѣда, такъ какъ намъ некуда было уйти и негдѣ укрыться отъ него.

Вслѣдъ за нами явился и гигантъ; онъ выбралъ еще одного изъ нашихъ товарищей и, поужинавъ имъ, погрузился въ крѣпкій сонъ. При наступленіи слѣдующаго утра онъ опять скрылся куда то, оставивъ насъ безъ всякаго надзора, но мы уже не обманывались своей видимой свободой и хорошо знали, что намъ не миновать лютой смерти. Эта мысль приводила всѣхъ въ такое уныніе, что нѣкоторые хотѣли броситься въ море и убѣждали другихъ послѣдовать ихъ примѣру, находя это все-таки менѣе ужаснымъ, чѣмъ быть зажареннымъ на вертелѣ. Но одинъ изъ насъ, напомнивъ намъ о религіи, безусловно запрещающей самоубійство, совѣтовалъ не предаваться отчаянію, а придумать какое нибудь средство избавиться отъ людоѣда. Тогда, обращаясь къ товарищамъ, я сказалъ:—Друзья мои, вы, должно быть, обратили вниманіе

на большія деревья, растущія на берегу моря; давайте срубимъ ихъ и подѣлаемъ себѣ плоты; пусть они пока останутся на берегу, а мы постараемся нынче же осуществить одну счастливую мысль. Если намъ удастся это, тогда мы можемъ спокойно ожидать какого нибудь корабля, который бы выручилъ насъ изъ этого роковаго мѣста, — а если нѣтъ, то спустимъ свои плоты на море и предоставимъ себя на волю волнъ. Правда, это будетъ небезопасно, но что же дѣлать? Лучше погибнуть въ морѣ, чѣмъ въ желудкѣ этого проклятаго чудовища. Мой замыселъ, тутъ же сообщенный всѣмъ, былъ единодушно одобренъ, и мы немедленно приступили къ дѣлу. Заготовивъ плоты такого размѣра, чтобы каждый могъ выдержать по три человѣка, мы вернулись въ прежнее помѣщеніе, гдѣ намъ снова привелось быть свидѣтелями мучительной смерти одного изъ своихъ товарищей. Но на этотъ разъ мы жестоко отомстили чудовищу: какъ только раздался по обыкновенію его оглушительный храпъ, я и еще девять человѣкъ—самыхъ ловкихъ и отважныхъ—взяли по вертелу, раскалили ихъ до-красна и всѣ разомъ вонзили въ единственный глазъ гиганта.

Онъ заревѣлъ отъ боли и, вскочивъ на ноги, сталъ ощупывать кругомъ, стараясь захватить кого нибудь въ свои хищные когти; но мы, затаивъ дыханіе, успѣли уже попрятаться въ надежныхъ мѣстахъ. Около часа бродилъ онъ по всему своему обширному жилищу, обшаривая стѣны, углы, закоулки, наконецъ наткнулся на выходную дверь и, вѣроятно, потерявъ надежду отыскать насъ, вышелъ наружу. Мы тоже не замедлили выбраться изъ этого вертепа и направились къ своимъ плотамъ. Долго все кругомъ оставалось безмолвно и, не слыша рева великана, мы стали было надѣяться, что онъ померъ отъ нанесенныхъ ему ранъ, какъ вдругъ, при восходѣ солнца, снова увидали своего лютаго врага; его вели подъ руки двое почти такихъ же громадныхъ великановъ, а впереди шли еще другіе. Въ страхѣ мы бросились на свои плоты и поспѣшили оттолкнуть ихъ отъ берега, но гиганты, запасшись громадными камнями, вошли по поясъ въ воду и стали бросать ихъ въ насъ съ такою ловкостью и силой, что въ одну минуту разбили и погрузили въ море какъ плоты, такъ и людей спасавшихся на нихъ; уцѣлѣлъ только я съ двумя своими товарищами, и то благодаря тому, что намъ удалось отогнать свой плотъ на такое разстояніе, куда камни гигантовъ уже не могли достигать.

Очутившись въ открытомъ морѣ, мы конечно сдѣлались игрушкой волнъ, съ минуты на минуту ожидая своей гибели, и такъ оставались цѣлыя сутки, между жизнью и смертью, пока вѣтеръ ни пригналъ насъ къ какому то острову, гдѣ было много зрѣлыхъ, разнообразныхъ плодовъ. Освѣжившись ими и подкрѣпивъ свои силы, мы усѣлись на берегу и уже съ относительнымъ спокойствіемъ стали было обсуждать свое по-

ложеніе, какъ вдругъ откуда то выползла змѣя необыкновенныхъ размѣровъ. Не успѣли мы вскрикнуть и подняться на ноги, какъ она обвилась вокругъ одного изъ моихъ товарищей, ударила его нѣсколько разъ о землю и, умертвивъ, стала забирать въ свою широкую пасть. Мы бросились бѣжать, и вскорѣ страшное зрѣлище скрылось у насъ изъ вида. Но потомъ уже, на значительномъ разстояніи, намъ слышался въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ глухой, зловѣщій стукъ костей нашего несчастнаго товарища; то змѣя выбрасывала ихъ изъ себя, мгновенно переваривъ его мясо. — О, Господи! воскликнулъ я, давно ли мы радовались своему избавленію отъ когтей людоѣда, и вотъ уже другая напасть... Будетъ ли наконецъ предѣлъ нашимъ страданіямъ.

По дорогѣ мы замѣтили одно громадное, высокое дерево и условились провести на немъ слѣдующую ночь, такъ какъ болѣе безопаснаго убѣжища намъ нигдѣ не удалось найти. При наступленіи ночной темноты мы легко взобрались вверхъ по его крѣпкимъ сучьямъ и укрылись въ густолиственныхъ вѣтвяхъ, надѣясь даже на возможность заснуть; однако тревога все еще не покидала насъ и вскорѣ оказалась не напрасной: подъ нами раздался зловѣщій свистъ змѣи; она приблизилась къ самому стволу дерева, обвилась вокругъ него хвостомъ и, поднявъ голову, стащила послѣдняго моего товарища. Объятый ужасомъ, я поспѣшно взобрался на самую вершину и, затаивъ дыханіе, воздерживаясь отъ малѣйшаго движенія, пробылъ тамъ до утра. Но и съ разсвѣтомъ, когда я могъ уже безопасно сойти на землю, спокойствіе не возвратилось ко мнѣ; я зналъ, что въ слѣдующую ночь подвергнусь той же ужасной участи, и эта мысль была такъ мучительна, что у меня являлось покушеніе броситься въ море, но неугасаемая жажда жизни, желаніе продлить ее, хотя бы на нѣсколько часовъ побороли во мнѣ отчаяніе, и я покорно отдался на волю Творца.

То же чувство самосохраненія заставило меня пріискать средство къ своей защитѣ: я набралъ сухихъ вѣтвей отъ колючихъ растеній, подѣлалъ изъ нихъ вязанки и обложилъ ими дерево въ видѣ высокаго вала, а самъ укрылся на древесной вершинѣ за этимъ укрѣпле-

ніемъ. Какъ только стемнѣло, змѣя не замедлила подползти къ нему и стала извиваться вокругъ, съ пріемами кошки, когда та старается схватить мышь въ какомъ нибудь недоступномъ мѣстѣ. Всю ночь она прокружилась около меня и оставила только съ восходомъ солнца.

Что я вынесъ въ эти мучительныя минуты — невозможно выразить никакими словами. Довольно сказать, что страданія мои превзошли всякую мѣру, и я, сойдя съ дерева, какъ безумный, бросился къ морю съ твердымъ намѣреніемъ покончить разомъ эту невыносимую жизнь. Но судьба наконецъ смилостивилась надо мной; въ то мгновеніе, какъ я уже совсѣмъ готовъ былъ кинуться въ воду, вдали показался корабль. Онъ приближался, выясняясь все болѣе и болѣе, и наконецъ подошелъ на такое разстояніе, что я могъ различить людей. Радостный крикъ вырвался у меня изъ груди, я сорвалъ свою чалму и сталъ махать ею въ воздухѣ, чтобы привлечь на себя вниманіе. Съ корабля дѣйствительно замѣтили меня,—я видѣлъ, какъ отъ него отдѣлилась шлюпка и направилась въ мою сторону. Одна эта минута невыразимой радости, кажется, сразу вознаградила меня за всѣ испытанныя мученія. Когда я взошелъ на бортъ и разсказалъ о томъ, что пришлось пережить, весь экипажъ былъ тронутъ моимъ положеніемъ и сочувственно отнесся ко мнѣ. Замѣтивъ, что я голоденъ, всѣ наперерывъ стали предлагать свои припасы, а капитанъ далъ мнѣ одежду на смѣну моего истрепаннаго рубища.

Я уже долго находился на кораблѣ, когда мы пристали къ какому то острову, гдѣ купцы начали выгружать свои товары для обмѣна. Въ это время капитанъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:—У меня хранятся товары одного погибшаго купца, и мнѣ хотѣлось бы продать ихъ, чтобы вырученныя деньги передать когда нибудь его наслѣдникамъ, если они окажутся. Вотъ его имущество, продолжалъ онъ, указывая мнѣ на тюки, уже выложенные на палубу, я просилъ бы тебя заняться его распродажей—разумѣется, за извѣстное вознагражденіе. Я поблагодарилъ его за довѣріе, а больше за то, что онъ доставляетъ мнѣ случай быть полезнымъ на кораблѣ. Между тѣмъ на палубѣ происходило наложеніе клеймъ на тюки, съ обозначеніемъ именъ владѣльцевъ. Человѣкъ, занимавшійся этимъ, дойдя до тюковъ, предложенныхъ мнѣ для продажи, спросилъ обращаясь къ капитану, какое имя выставить на этихъ товарахъ.—Пиши „Синдбадъ-Мореплаватель“, отвѣтилъ капитанъ. Я изумленно взглянулъ на него, услыхавъ мое имя, и всматриваясь пристальнѣе, вспомнилъ знакомыя черты того самаго капитана, который покинулъ меня на необитаемомъ островѣ во время моего второго плаванія, когда я уснулъ на берегу ручья. Съ перваго раза я не узналъ его потому, что онъ сильно измѣнился съ тѣхъ поръ; онъ же, считая меня несомнѣнно погибшимъ, конечно не могъ признать.

— Капитанъ, сказалъ я ему, ты говоришь, что владѣлецъ этихъ товаровъ Синдбадъ?—Да, именно такъ его звали. Онъ родомъ изъ Багдада и сѣлъ на мой корабль въ Балсорѣ. Я до сихъ поръ не могу простить себѣ своей оплошности относительно его. Видишь ли, въ то время мы пристали къ одному острову для возобновленія своихъ запасовъ; Синдбадъ высадился на берегъ вмѣстѣ съ другими, но когда всѣ возвратились, я не замѣтилъ его отсутствія и, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, поспѣшилъ сняться съ якоря. Хватились мы его спустя уже болѣе часа, а вѣтеръ дулъ со стороны острова и былъ такъ силенъ, что вернуться назадъ оказывалось невозможнымъ.—Такъ ты считаешь его погибшимъ? спросилъ я?—Къ сожалѣнію, да.—А посмотри-ка повнимательнѣе, не признаешь ли ты во мнѣ этого Синдбада? Теперь настала его очередь удивляться: онъ долго и пристально смотрѣлъ на меня, потомъ сказалъ:—Да, кажется... Но скажи ради Бога, какими судьбами могъ ты выбраться съ необитаемаго острова? Тогда я подробно разсказалъ ему о своихъ приключеніяхъ. Капитанъ слушалъ съ серьезнымъ вниманіемъ и, убѣдившись въ правдивости моихъ словъ, воскликнулъ, обнимая меня:—Благодарю Бога, снявшаго съ моей души мучительную тяжесть; я вдвойнѣ радуюсь твоему спасенію. Такъ прими же отъ меня свое имущество! Вотъ товары, а вотъ и деньги, что я успѣлъ уже выручить. Съ своей стороны я горячо выразилъ ему свою благодарность и простилъ отъ всего сердца невольно причиненныя мнѣ страданія.

Далѣе все пошло благополучно; мы долго плавали, занимаясь выгодно мѣновой торговлей, и наконецъ прибыли въ Балсору. Возвратившись домой съ громаднымъ капиталомъ, я опять роздалъ щедрую милостыню и прикупилъ еще громадное количество земли.

Закончивъ разсказъ о своемъ третьемъ плаваніи, Синдбадъ снова выдалъ носильщику сто цехиновъ.—До завтра, господа, сказалъ онъ потомъ, прощаясь съ гостями, я прошу васъ всѣхъ пожаловать въ то же время, чтобы раздѣлить со мной трапезу и выслушать повѣствованіе о моихъ дальнѣйшихъ приключеніяхъ.

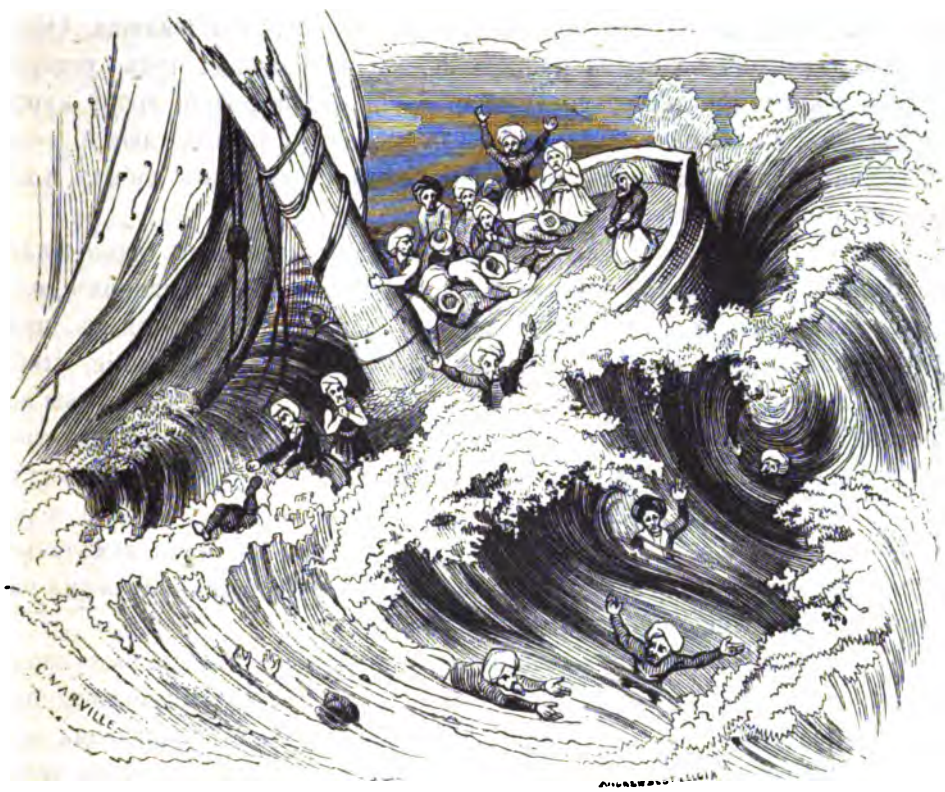
Когда на другой день носильщикъ и другіе гости собрались въ назначенный часъ, Синдбадъ, послѣ роскошнаго угощенія, приступилъ къ разсказу о своемъ четвертомъ путешествіи.

Четвертое плаваніе.

Никакія удовольствія, никакія блага жизни, продолжалъ онъ,—не могли удержать меня отъ страстнаго стремленія къ скитаніямъ по свѣту. Меня тянуло къ новымъ зрѣлищамъ, къ новымъ ощущеніямъ,—и вотъ, уступая своей непобѣдимой страсти, я устроилъ всѣ дѣла, запасся товарами и отправился сначала въ Персію, а оттуда черезъ ея провин-

ціи—въ морскую гавань. Тамъ я сѣлъ на корабль и, довольный, счастливый, отважно пустился въ новый путь.

Долго совершали мы свое плаваніе при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ: спокойно и быстро переносились волнами съ одного мѣста на другое, заходили во всѣ торговые города, выгружали товары, мѣняли ихъ, или продавали, и плыли далѣе. Наконецъ, при одномъ продолжительномъ переходѣ, насъ застигъ сильнѣйшій шквалъ. Капитанъ немедленно приказалъ снять паруса и сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряже-



нія, чтобы предотвратить крушеніе, однако никакія мѣры уже не могли помочь. Паруса были изорваны въ клочья, мачты сломаны, руль отбитъ, и корабль нашъ, ничѣмъ не управляемый, гонимый страшной бурей, ударился на всемъ ходу о подводные камни и мгновенно пошелъ ко дну. Большая часть изъ насъ потонула, но мнѣ и нѣсколькимъ другимъ купцамъ и матросамъ удалось схватить корабельныя доски и продержаться на нихъ до тѣхъ поръ, пока волны не прибили насъ къ ближайшему острову.

Выбравшись на берегъ, мы долго пролежали недвижимо, измученные своей борьбой съ разъяренными стихіями, но сначала отдыхъ, а потомъ найденные вскорѣ зрѣлые плоды и чистый водяной источникъ

возстановили наши тѣлесныя силы, душевное же спокойствіе, разумѣется, не возвращалось. Первую ночь мы провели около того самаго мѣста, куда насъ забросили волны, и, вмѣсто сна, оставались погруженными въ какое то оцѣпенѣніе, не думая о томъ, что можетъ предстоять далѣе. Страшное несчастіе, разразившееся надъ нами, привело насъ въ такое уныніе, что мы рѣшительно были неспособны ни обсудить своего положенія, ни придумать, какъ выйти изъ него.

Судьба однако скоро рѣшила за насъ, но только не въ нашу пользу. На разсвѣтѣ, когда всѣ встали и двинулись наугадъ во внутрь острова, вдали показалось что то похожее на человѣческія жилища. Ободренные радостной надеждой на помощь, мы направились туда, ускоряя шаги, и вскорѣ дѣйствительно увидали какія то постройки, вродѣ кущъ; но тутъ же на встрѣчу намъ высыпало множество черныхъ людей,—они съ криками окружили насъ, подѣлили между собой, какъ добычу, и повели въ свое поселеніе.

Пятеро изъ моихъ товарищей и я попали вмѣстѣ въ одно жилище; тамъ черные дикари усадили насъ всѣхъ врядъ на земляномъ полу, поставили передъ нами огромную посуду съ какимъ то мѣсивомъ, приготовленнымъ изъ травъ, и знаками выразили свое требованіе, чтобы мы его съѣли. Товарищи мои, побуждаемые голодомъ, съ жадностью набросились на это кушанье, я же, замѣтивъ, что сами хозяева не дотрогиваются до него, воздержался отъ ѣды. Мнѣ почему то казалось, что тутъ непремѣнно кроется злой умыселъ, и послѣдствія оправдали это подозрѣніе: вскорѣ во всѣхъ, поѣвшихъ травянаго снадобья, стали замѣчаться явные признаки умопомѣшательства, выражавшіеся и безсмысленными рѣчами, и странными, порывистыми движеніями.

Затѣмъ намъ подали вареный рисъ, приготовленный на кокосовомъ маслѣ; я попробовалъ его, но немного, за то мои безумные товарищи разомъ поглотили все, что было въ огромной посудѣ, проявляя при этомъ какую то скотскую жадность. Цѣль нашихъ хозяевъ стала тогда очевидной: эти черные дикари были людоѣды; своей отравой они хотѣли прежде всего лишить насъ способности чувствовать и сознавать свое печальное положеніе, а затѣмъ уже откармливать на убой, какъ животныхъ. Такъ это и было съ моими бѣдными товарищами,—ихъ рѣзали и съѣдали по мѣрѣ того, какъ они становились достаточно тучными; что же касается меня, то при ясномъ сознаніи всего, что происходило съ нами, я мучился и скорбѣлъ невыносимо. Тоска и глубокое отчаяніе не покидали меня ни на одну минуту и, слабѣя съ каждымъ днемъ, я уныло влачилъ свое жалкое существованіе. Понятно, что такія условія не могли способствовать ожирѣнію, и потому черные людоѣды, не соблазняемые моимъ невзрачнымъ, болѣзненнымъ видомъ, рѣшили не рѣзать меня до тѣхъ поръ, пока я не поправлюсь.

Видя, что я едва передвигаю ноги, они даже не сочли нужнымъ наблюдать за мной и предоставили почти полную свободу, что и дало мнѣ возможность вырваться наконецъ изъ этого проклятаго мѣста. Улучивъ минуту, когда все взрослое населеніе куда то выбыло,—вѣроятно, на новую добычу,—я не замѣтно ускользнулъ изъ жилища и пустился бѣжать. Какой то старикъ увидалъ меня и криками старался вернуть, но эти крики только придавали мнѣ силы, и я бѣжалъ безъ оглядки, пока совсѣмъ ни скрылся изъ вида. Тутъ, сообразивъ, что мои палачи могутъ вернуться въ свои жилища только вечеромъ, и не видя необходимости напрасно изнурять себя, я пошелъ умѣреннымъ шагомъ и такъ продолжалъ идти цѣлыхъ семь дней, останавливаясь только по ночамъ и тщательно избѣгая всѣхъ мѣстъ, казавшихся почему либо опасными. За все это время я питался кокосомъ *),—онъ доставлялъ мнѣ и пищу, и питье.

На восьмой день, вдали передо мной открылось море. По берегу его ходили какіе то люди, на сколько можно было различить, такіе же бѣлые, какъ и я; они занимались собираніемъ перца, произраставшаго здѣсь въ большомъ изобиліи. Ободренный этимъ мирнымъ занятіемъ, я смѣло направился въ ихъ сторону; они тоже, замѣтивъ меня, пошли мнѣ навстрѣчу, а когда мы поровнялись, спросили на арабскомъ чистомъ языкѣ—кто я и откуда попалъ сюда. Сильно обрадовался я, услышавъ родную рѣчь, и поспѣшилъ разсказать имъ о своихъ бѣдствіяхъ, которыя возбудили общее сочувствіе; всѣ удивлялись, какъ еще удалось мнѣ избавиться отъ этихъ свирѣпыхъ людоѣдовъ.

Черезъ нѣсколько дней мои новые товарищи, собравъ достаточное количество перца, отправились въ обратный путь, захвативъ и меня на

---

*) Плодъ кокосоваго дерева. Въ Индіи, Африкѣ и Южной Америкѣ оно произрастаетъ въ естественномъ видѣ: стволъ его, достигающій до шестидесяти футовъ высоты, увѣнчанъ десятью или двѣнадцатью огромными овальными листьями отъ десяти до пятнадцати футовъ длины и отъ трехъ до четырехъ ширины. Изъ центра ихъ выходитъ прямой, остроконечный отпрыскъ, называемый кочномъ, очень нѣжный и вкусный для ѣды; снизу, отъ основанія листьевъ, отбивается метелка, усѣянная желтоватыми цвѣтками, изъ которыхъ образуются плоды величиною съ человѣческую голову; снаружи они имѣютъ гладкую, твердую скорлупу, а внутри бѣлое ядро, сходное вкусомъ съ нашимъ орѣхомъ. До полнаго развитія, это ядро погружено въ прозрачную жидкость, составляющую пріятное, прохладительное питье. Скорлупа идетъ на издѣлія разныхъ изящныхъ вещей, а верхняя оболочка ея, покрытая волокнами на подобіе шерсти, служитъ матеріаломъ для канатовъ и замѣняетъ корабельную паклю. Листья употребляются иногда вмѣсто писчей бумаги, ими кроютъ дома, плетутъ изъ нихъ корзины, цыновки и проч. Самое дерево—твердо, растетъ оно медленно, но за то долговѣчно и приноситъ плоды два или три раза въ годъ. Такимъ образомъ ничто не пропадаетъ даромъ изъ этого драгоцѣннаго произведенія природы, все идетъ на пользу человѣка, потому то онъ и бережетъ его болѣе всѣхъ другихъ. Срѣзать, напримѣръ, кочанъ для ѣды запрещается даже закономъ, такъ какъ дерево отъ того засыхаетъ.

(Галланъ).

свой корабль, ожидавшій ихъ въ бухтѣ. Во все время плаванія, они наперерывъ восхваляли своего добраго, великодушнаго царя и ручались, что онъ приметъ во мнѣ участіе, когда узнаетъ о моемъ несчастномъ положеніи. Дѣйствительно, по прибытіи въ главный городъ ихъ острова, я былъ немедленно представленъ этому легко доступному государю; онъ выслушалъ меня съ большимъ вниманіемъ, искренно пожалѣлъ и приказалъ доставить мнѣ все необходимое, начиная съ одеждъ.

Густо населенный островъ, куда на этотъ разъ забросила меня судьба, изобиловалъ различными цѣнными произведеніями природы и искусства; въ главномъ же городѣ, гдѣ жилъ самъ царь, велась оживленная торговля. Весь этотъ мирный характеръ страны подѣйствовалъ на меня успокоительно, и я сталъ наконецъ отдыхать отъ своихъ тяжкихъ страданій, осыпаемый щедротами великодушнаго монарха, пользуясь въ изобиліи всѣми благами жизни; онъ относился ко мнѣ съ необыкновеннымъ вниманіемъ, а за нимъ и сановники, и всѣ придворные наперерывъ старались услужить мнѣ и доказать, что считаютъ меня уже не пришельцемъ, а своимъ соотечественникомъ.

Присматриваясь къ различнымъ порядкамъ и обычаямъ страны, я замѣтилъ одну особенность, показавшуюся мнѣ очень странной: никто изъ туземцевъ, даже самъ царь, не употреблялъ при ѣздѣ верхомъ ни сѣдла, ни узды. Это такъ удивляло меня, что я рѣшился спросить у государя, почему онъ отвергаетъ такія полезныя приспособленія.—Потому, что въ нашей странѣ никто даже не имѣетъ понятія объ этихъ вещахъ, отвѣчалъ царь, да я и самъ въ первый разъ о нихъ слышу.

Тогда, отыскавъ столяра, я велѣлъ ему сдѣлать арчакъ по моимъ указаніямъ, и когда это было исполнено, собственноручно обтянулъ его кожей, подбилъ и украсилъ золотыми вышивками; затѣмъ, съ такими же точными объясненіями, заказалъ слесарю стремена и удила для узды. Черезъ день я уже отправился къ царю съ готовыми принадлежностями верховой сбруи и, съ его позволенія, самъ осѣдлалъ ему коня; царь сѣлъ на сѣдло, и былъ такъ доволенъ, что не могъ нахвалиться моимъ изобрѣтеніемъ, а потомъ и всѣ его приближенные, всѣ знатные сановники осыпали меня просьбами сдѣлать для нихъ то же самое. Я смастерилъ еще нѣсколько сѣделъ и въ благодарность получилъ множество цѣнныхъ подарковъ, а главное — мое нововведеніе доставило мнѣ такой общій почетъ, что я сталъ первымъ лицомъ и при дворѣ, и во всемъ городѣ.

Царь почти ежедневно призывалъ меня во дворецъ и однажды сказалъ мнѣ:—Послушай, Синдбадъ, у меня есть къ тебѣ просьба, и ты долженъ исполнить ее, если хочешь доказать, что дорожишь моимъ благоволеніемъ.—Государь, отвѣтилъ я, твое желаніе для меня законъ; я всегда готовъ сдѣлать все, что будетъ угодно твоему величеству.—Мнѣ

хотѣлось бы женить тебя, продолжалъ царь,—въ той надеждѣ, что, связанный бракомъ, ты навсегда останешься въ моихъ владѣніяхъ и не будешь тосковать по своей родинѣ. Разумѣется, я не могъ отвѣчать отказомъ на эту просьбу, равносильную повелѣнію, и царь самъ выбралъ мнѣ невѣсту, дочь одного изъ своихъ придворныхъ, — знатную, красивую, умную и богатую. По окончаніи свадебныхъ обрядовъ, я поселился въ домѣ своей жены, и стали мы жить въ полномъ согласіи; но это видимое счастіе не удовлетворяло меня,—я всей душой рвался на далекую родину, и ничто не могло изгнать изъ моего сердца тоскливой памяти о ней; моей постоянной мыслью было воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы тайно вернуться въ Багдадъ.

Это намѣреніе укрѣпилось во мнѣ еще болѣе, когда я узналъ объ одномъ мѣстномъ обычаѣ, поразившемъ меня своей жестокостью. У моего пріятеля сосѣда умерла жена; я пошелъ навѣстить его и, насколько можно, утѣшить въ несчастіи. Прихожу. Вдовецъ въ отчаяніи и заливается горькими слезами. — Здравствуй, сказалъ я ему, да пошлетъ тебѣ Господь многія лѣта.—И тебѣ тоже, отвѣтилъ онъ, но для меня твое пожеланіе уже не имѣетъ значенія.—Что такъ? вѣдь горе, какъ и радость, не вѣчно; Богъ дастъ утѣшишься и проживешь еще многіе годы.—Вотъ въ томъ то и дѣло, что не годы проживу я, а всего нѣсколько часовъ, съ грустью возразилъ онъ, а потомъ добавилъ:—Развѣ ты не знаешь о нашемъ обычаѣ: когда умираетъ мужъ, жена слѣдуетъ за нимъ живой въ могилу, а когда жена умираетъ прежде, то мужъ погребается вмѣстѣ съ нею. Это ужь такъ водится издавна, и мнѣ не миновать своей горькой участи.

Пока онъ объяснялъ мнѣ этотъ варварскій обычай, въ комнату вошли родные покойницы; они стали приготовлять ее къ погребенію: омыли, одѣли, какъ въ день свадьбы, въ самые лучшіе наряды и украсили всѣми принадлежавшими ей драгоцѣнными вещами.

Послѣ того ее положили въ открытый гробъ, и погребальное шествіе началось. Впереди шелъ мужъ, за нимъ несли умершую жену, а родственники и друзья слѣдовали позади. Процессія направилась къ вершинѣ плоской горы, расположенной вдоль морского берега. Тамъ остановились у отверстія глубокаго подземнаго склепа, отвалили тяжелую каменную плиту, закрывавшую его, и опустили туда трупъ со всѣми драгоцѣнностями. Когда это было конечно, мужъ обнялъ въ послѣдній разъ своихъ родныхъ и друзей и безропотно, какъ бы подчиняясь высшей волѣ, легъ въ приготовленный для него гробъ, гдѣ стоялъ небольшой сосудъ съ водой и лежало семь маленькихъ хлѣбовъ; его опустили въ тотъ же склепъ, въ слѣдъ за покойницей, и снова привалили камень къ отверстію. Церемонія кончилась и всѣ стали расходиться по домамъ.

Трудно передать, какое впечатлѣніе произвело на меня это возмутительное зрѣлище; я едва владѣлъ собою, тогда какъ всѣ другіе, вслѣдствіе привычки, смотрѣли на него совершенно равнодушно, какъ на самое обыкновенное дѣло. Мучимый какимъ то смутнымъ опасеніемъ, я наконецъ рѣшился заговорить объ этомъ съ самимъ царемъ. — Государь, сказалъ я ему, меня глубоко поражаетъ варварскій обычай, существующій въ твоей странѣ,—хоронить живыхъ вмѣстѣ съ мертвыми. Я много путешествовалъ, видалъ не мало различныхъ народовъ, побывалъ чуть ли не во всѣхъ государствахъ земного шара, но нигдѣ еще не встрѣчалъ такого безчеловѣчнаго закона. — Что же дѣлать, Синдбадъ,

отвѣчалъ царь, законъ этотъ существуетъ изстари, и не въ моей власти измѣнить его; скажу болѣе, я самъ долженъ буду подчиниться ему, если царица, моя, супруга скончается прежде меня. — Надѣюсь, государь, замѣтилъ я съ внутренней дрожью, что этотъ законъ не распространяется по крайней мѣрѣ на иностранцевъ? Царь понялъ значеніе моего вопроса и отвѣчалъ съ улыбкой:—Напрасная надежда! Кто живетъ на этомъ островѣ, тотъ долженъ въ точности слѣдовать его обычаямъ, изъ какой бы страны онъ ни переселился.

Печально вернулся я домой, выслушавъ этотъ неутѣшительный отвѣтъ царя, и съ той поры сохраненіе здоровья жены стало моей постоянной заботой; малѣйшій ея недугъ приводилъ меня въ трепетъ, да это и понятно: кому же можетъ улыбаться мысль о возможности быть похороненнымъ заживо?

Къ великому ужасу, опасенія оказались не напрасными: жена моя вскорѣ занемогла серьезно, а черезъ нѣсколько дней и скончалась.

Тутъ мною овладѣло безграничное отчаяніе; сдѣлаться трупомъ еще прежде смерти! Это казалось мнѣ въ тысячу разъ ужаснѣе, чѣмъ быть съѣденнымъ дикарями. Однако жъ приходилось покориться своей неизбѣжной участи, и роковой день насталъ. Самъ царь со всею сви-

той почтилъ своимъ присутствіемъ погребальное шествіе, и многіе изъ самыхъ значительныхъ гражданъ также явились на мои похороны.

Когда всѣ приготовленія были окончены и тѣло моей жены, облеченное въ дорогія одежды, убранное жемчугомъ и бриллiантами, было положено въ гробъ, погребальное шествіе двинулось въ путь. Какъ второй покойникъ, хотя еще и живой, я шелъ около самаго гроба, съ мрачнымъ отчаяніемъ проклиная свою несчастную долю. Не доходя до роковой горы, я попытался было обратиться къ состраданію провожатыхъ и, упавъ на колѣни, съ рыданіями, прерывавшими мой голосъ, сказалъ:

— Сжальтесь надо мною! Подумайте только, что я чужеземецъ и пришелъ къ вамъ, не вѣдая вашихъ безчеловѣчныхъ законовъ. Но мои слова не произвели никакого дѣйствія и только заставили поспѣшить окончаніемъ церемоніи. Трупъ моей жены немедленно былъ опущенъ въ подземелье, а за нимъ послѣдовалъ и я въ большомъ, широкомъ гробѣ, гдѣ стоялъ сосудъ съ водой и лежало опредѣленное количество маленькихъ хлѣбовъ. Обрядъ завершился; отверстіе закрыли тяжелой плитой, заглушившей мои отчаянные крики. Все было кончено.

Во время спуска, при слабомъ свѣтѣ, падавшемъ сверху, я успѣлъ немного ознакомиться съ расположеніемъ своей могилы; она была глубока, обширна и завалена грудами труповъ, частію уже перегнившихъ, частію только разлагавшихся. Нестерпимое зловоніе ошеломило меня сразу; сдерживая дыханіе, я поспѣшилъ отойти въ самый дальній уголъ, и тамъ, среди гробоваго безмолвія, до меня вдругъ донеслось откуда то глухое, слабое стенаніе,—то была, вѣроятно, послѣдняя, предсмертная жалоба кого нибудь изъ недавно похороненныхъ заживо.

Припавъ лицомъ къ землѣ, я долго лежалъ тамъ неподвижно, обливаясь горькими слезами, и чѣмъ больше думалъ, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе чувствовалъ всю тяжесть, весь гнетъ своего страшнаго положенія. Я проклиналъ судьбу, роптал на Бога, и тутъ же словно какой то чуждый голосъ говорилъ во мнѣ:—Полно, Синдбадъ! Судьба ли послала тебѣ это несчастіе? Развѣ не самъ ты, по своей безумной волѣ, осудилъ себя на него? О, лучше было бы погибнуть въ пучинѣ морской, чѣмъ жить для того только, чтобы чувствовать сознавать и ясно представлять себѣ всѣ подробности этой мучительной, постепенной смерти. Да, самъ ты отрекся отъ своего счастія, ради проклятой жажды наживы и приключеній.

Это горькое, безплодное раскаяніе только еще сильнѣе терзало мое сердце; я рвалъ на себѣ волосы, бился головой о земляную стѣну, оглашалъ свою смрадную могилу отчаянными воплями. И все таки,—повѣрите ли вы?—вмѣсто того, чтобы желать смерти, какъ избавленія, я, не смотря на свои невыразимыя муки, стремился къ жизни, и желаніе

продлить ее, хотя на нѣсколько дней, побудило меня вернуться къ своему гробу и взять оттуда запасъ воды и хлѣба.

Такъ, въ продолженіе цѣлой недѣли поддерживалъ я свое жалкое существованіе этими хлѣбами и водой, когда же и они покончились, голодная смерть предстала передо мной во всемъ своемъ ужасѣ.

Всякая надежда на спасеніе покинула меня окончательно, я уже сталъ приходить въ какое то тупое оцѣпенѣніе, когда вдругъ услыхалъ сверху стукъ приподнятой плиты; вслѣдъ за тѣмъ въ подземелье стали спускать сначала мертваго, потомъ живаго человѣка. Мертвецъ на этотъ разъ былъ мужчина. Отчаяніе не останавливается ни передъ чѣмъ; такъ и у меня быстро созрѣлъ отвратительный при другихъ условіяхъ замыселъ, и я также быстро привелъ его въ исполненіе. Подойдя къ тому мѣсту, гдѣ долженъ былъ остановиться гробъ съ живымъ человѣкомъ, я взялъ попавшуюся мнѣ подъ руку большую кость и сталъ поджидать. Какъ только гробъ коснулся земли, я изо всей силы ударилъ два или три раза по головѣ несчастной женщины. Убилъ я ее, или только ошеломилъ,—не знаю, не въ ней было дѣло; мнѣ нужны были вода и хлѣбы въ ея гробу, и, поспѣшно захвативъ то и другое, я отправился въ свой дальній уголъ; когда же истощился и новый запасъ, въ подземелье спустили еще одного живаго человѣка; я убилъ и этого, ради той же цѣли. Въ городѣ къ тому времени, вѣроятно, сталъ свирѣпствовать моръ, такъ какъ покойниковъ съ живыми людьми спускали въ подземелье чуть ли не каждый день, что давало мнѣ возможность имѣть постоянное продовольствіе.

Разъ, когда я сталъ подъ отверстіемъ, въ ожиданіи новой добычи, невдалекѣ отъ меня послышалось какое то странное сопѣнье съ тяжелымъ, порывистымъ дыханіемъ. Удивленный такимъ непонятнымъ явленіемъ, я быстро направился въ ту сторону; сопѣнье отдалялось, но не прекращалось,—было ясно, что кто то уходитъ отъ меня по мѣрѣ того, какъ я подвигаюсь впередъ. Кругомъ царила непроглядная тьма, трупы безпрестанно попадались подъ ноги, но, движимый любопытствомъ, я продолжалъ шагать черезъ нихъ, не останавливаясь, при чемъ тяжелое дыханіе слышалось то дальше, то ближе, наконецъ оно разомъ прекратилось. Тогда, взамѣнъ, передо мной блеснулъ вдалекѣ какой то слабый свѣтъ, на подобіе зажигающейся звѣзды. На секунду я пріостановился, чтобы сдержать радостное біеніе сердца, потомъ ощупью сталъ подвигаться впередъ и впередъ. Свѣтъ то словно угасалъ, то появлялся снова, но спустя нѣкоторое время я уже ясно сталъ различать, что онъ пробивается снаружи, въ какое нибудь отверстіе скалы.

Сдѣлавъ это открытіе, я долженъ былъ остановиться: усталость, а главное—сильное волненіе захватили мнѣ дыханіе. Наконецъ я подошелъ къ самому отверстію и свободно пролѣзъ черезъ него наружу.

Очутившись на горѣ, подъ яснымъ небомъ, среди яркаго дневнаго свѣта, я почувствовалъ невыразимую радость и, забывая о всѣхъ своихъ страданіяхъ, упалъ ницъ въ порывѣ горячей благодарности Богу за дарованую мнѣ милость.

Успокоившись немного и вдоволь налюбовавшись божьимъ свѣтомъ я всталъ и обошелъ кругомъ горы. То было пустынное, уединенное мѣсто, на которомъ нигдѣ не пролегало ни дорогъ, ни тропинокъ; отвѣсныя скалы мѣшали проникать сюда со стороны суши, но съ моря доступъ былъ свободенъ, и я тутъ же догадался, что порывистое дыханіе, слышанное мною, принадлежало какому нибудь морскому звѣрю, приходившему въ подземелье поживиться трупами. Необходимость, однако, заставила меня снова вернуться въ склепъ за остатками провизіи; я вынесъ оттуда всѣ свои запасы и послѣ долгаго томленія въ удушливой тьмѣ въ первый разъ поѣлъ на чистомъ воздухѣ, не отравляемомъ больше отвратительными міазмами.

Потомъ уже иная цѣль привела меня въ подземелье: ощупью я сталъ обшаривать гроба, попадавшіеся мнѣ подъ руки, и выбирать оттуда дорогія одежды и украшенія изъ самоцвѣтныхъ камней; все это я тщательно свертывалъ и увязывалъ въ тюки тѣми веревками, что бросались сюда во время спуска гробовъ, затѣмъ выносилъ черезъ отверстіе на берегъ моря. Добытое такимъ образомъ богатство было громадно, теперь оставалось только найти возможность скрыться съ нимъ куда нибудь подальше отъ своихъ недавнихъ друзей.

Но счастье очевидно стало благопріятствовать мнѣ: черезъ нѣсколько дней я увидалъ корабль, выходившій изъ пристани, и закричалъ ему изо всѣхъ силъ, махая въ то же время чалмой, чтобы привлечь на себя вниманіе. Мой крикъ былъ услышанъ, и за мной тотчасъ же выслали лодку; подплывшіе въ ней матросы спросили прежде всего, какая несчастная судьба занесла меня; на это я отвѣтилъ, что два дня назадъ невдалекѣ произошло кораблекрушеніе, при чемъ погибъ весь экипажъ, и только я одинъ, по милости Бога, удержался на обломкѣ и волнами былъ пригнанъ къ берегу вмѣстѣ съ остатками своихъ товаровъ. Къ счастію, неправдоподобіе моего разсказа не возбудило подозрѣнія,—матросы повѣрили на слово и отвезли меня на корабль.

Со стороны капитана я тоже не подвергся подробнымъ допросамъ; взглянувъ на меня вскользь, онъ сказалъ только, что очень радъ моему избавленію, и тотчасъ же занялся своими дѣлами. Я предложилъ было ему часть своихъ драгоцѣнностей, но онъ наотрѣзъ отказался.

Корабль послѣ того останавливался во многихъ мѣстахъ, заходилъ и къ острову Колоколовъ, отстоящему на десять дней пути отъ Серендиба *) и на шесть отъ Кела, гдѣ мы простояли довольно долго; по-

*) Такъ называютъ арабы островъ Цейлонъ.

слѣдній островъ изобилуетъ свинцовой рудой, сахарнымъ тростникомъ и превосходной камфорой.

Владѣтель его обладаетъ несмѣтными богатствами и считается жителями этой страны величайшимъ монархомъ въ мірѣ; ему принадлежитъ также и островъ Колоколовъ, гдѣ народъ погруженъ еще въ такое варварство, что питается человѣческимъ мясомъ. Наконецъ, послѣ долгаго плаванія, я возвратился въ Багдадъ съ громаднымъ богатствомъ. Какъ и прежде, возблагодаривъ Бога за свое чудесное избавленіе отъ столькихъ бѣдъ и опасностей, я роздалъ щедрую милостыню, пожертвовалъ большую сумму на украшеніе мечетей и весь отдался радости свиданія съ родными и друзьями, пирамъ, веселью и отдыху послѣ тяжкихъ испытаній.

На этомъ закончилъ Синдбадъ разсказъ о своемъ четвертомъ плаваніи и, выдавъ по обыкновенію, сто цехиновъ носильщику, снова пригласилъ всѣхъ на слѣдующій день, обѣщая повѣдать о своихъ дальнѣйшихъ приключеніяхъ. Гости, разумѣется, не замедлили собраться, и, послѣ роскошнаго, веселаго пира, хозяинъ продолжалъ свое повѣствованіе.

Пятое плаваніе.

Время и безмятежная жизнь уничтожили все, что было тяжелаго въ моихъ воспоминаніяхъ о пережитомъ, но за то воскресла прежняя страсть и, усиливаясь съ каждымъ днемъ, снова влекла меня вдаль—къ безбрежному простору морей, къ неизвѣданнымъ странамъ, опять накупилъ я товаровъ, а верблюды перенесли ихъ къ ближайшей морской пристани, куда я не замедлилъ явиться и самъ. Чтобъ избѣжать всякой зависимости и быть полнымъ хозяиномъ во время плаванія, я заказалъ себѣ отдѣльный корабль, оснастилъ его на свой счетъ и нагрузилъ своими товарами; но такъ какъ для его вмѣстимости одного моего груза было слишкомъ мало, то я принялъ къ себѣ еще нѣсколько купцовъ различныхъ націй, затѣмъ нанялъ капитана, человѣка опытнаго и бывалаго.

Когда все было готово, дождавшись попутнаго вѣтра, мы подняли паруса и отправились въ путь. Послѣ очень долгаго плаванія, нашей первой остановкой былъ пустынный островъ, гдѣ мы нашли такое же громадное яйцо птицы Рока, о какомъ я уже имѣлъ случай разсказать вамъ; оно оказалось съ птенцомъ, близкимъ къ вылупленію, такъ что клювъ его, пробившій скорлупу, былъ уже снаружи. Товарищи мои купцы тотчасъ же схватились за топоры, чтобы прорубить яйцо, и хотя я сильно возставалъ противъ этого намѣренія, они все таки не послушались меня и, сдѣлавъ сначала большое отверстіе въ яйцѣ, стали вы-

таскивать оттуда птенца, разрубая на его части, а потомъ жарить ихъ на разведенномъ огнѣ.

Не успѣли еще они насытиться этой лакомой пищей, какъ въ воздухѣ показались два бѣлыя облака. Капитанъ, какъ человѣкъ бывалый, сразу понялъ всю опасность, угрожавшую намъ, и совѣтовалъ, не теряя ни минуты, садиться на корабль и уплывать, пока есть возможность, такъ какъ на насъ надвигались не облака, а мать и отецъ убитаго птенца.

Между тѣмъ чудовищныя птицы приближались, оглашая воздухъ пронзительными криками, и какъ страшно усилились ихъ крики, когда они увидали свое яйцо разбитымъ, а птенца изрубленнымъ на части! Покружившись на одномъ мѣстѣ, самецъ и самка полетѣли обратно, мы же, не ожидая для себя ничего хорошаго, употребляли всѣ средства, чтобъ ускорить ходъ корабля и, на сколько возможно, отдалиться отъ опасности.

Но вотъ снова тѣ же облака показались на горизонтѣ; быстро приближаясь, громадныя птицы настигли насъ и стали кружиться надъ нашими головами. Къ великому ужасу, мы замѣтили, что онѣ держатъ въ когтяхъ по огромному обломку скалы. Вдругъ одна изъ нихъ, вѣроятно, самецъ—замерла въ вышинѣ неподвижно, словно прицѣливаясь въ насъ; искусный кормчій, сообразивъ въ чемъ дѣло, быстрымъ движеніемъ руля отклонилъ корабль въ сторону, и страшный камень, пущенный съ высоты, не попалъ на него, а погрузился въ воду съ такою силой, что море разверзлось около насъ чуть ли не до самаго дна. Вслѣдъ за тѣмъ другой камень, выпущенный самкой, упалъ прямо въ средину корабля

и разбилъ его на части. Всѣ оставшіеся въ живыхъ и не раздавленные камнемъ мгновенно очутились въ морѣ. Вынырнувъ на поверхность, я успѣлъ схватиться за какой то обломовъ и, огребаясь то одной, то другой рукой, съ помощью вѣтра и теченія, скоро приплылъ къ острову. Берегъ былъ крутой, но отчаяніе придало мнѣ силы, и я, несмотря на кажущуюся невозможность, все таки взобрался на него.

Тутъ, обезсиленный страшнымъ напряженіемъ, я повалился на траву, какъ убитый, и долго не могъ двинуться съ мѣста, несмотря на желаніе ознакомиться скорѣй съ своимъ новымъ пристанищемъ. Наконецъ, поднявшись черезъ силу, я побрелъ внутрь острова и съ первыхъ же шаговъ былъ пріятно пораженъ необыкновенной пышностью и разнообразіемъ растительности; словно воздѣланный садъ разстилался передо мной на неоглядное пространство; деревья гнулись подъ тяжестью обильныхъ плодовъ,—одни изъ нихъ были еще зелены, другіе дозрѣвали; а тутъ же, во всѣхъ направленіяхъ, протекали источники воды—свѣтлой, прозрачной, какъ хрусталь. Я съѣлъ нѣсколько сочныхъ плодовъ и съ наслажденіемъ утолилъ свою жажду свѣжей водой.

Между тѣмъ наступала ночь, и приходилось подумать о безопасномъ ночлегѣ; я пріискалъ себѣ укромное мѣсто, со всѣхъ сторонъ огороженное деревьями, и легъ на траву. Однакожъ, несмотря на сильную усталость, сонъ мой былъ неспокоенъ и продолжался не долго; невольный страхъ, гнетущее сознаніе своего одиночества среди этой безмолвной пустыни назойливо вызывали тревожныя мысли и уже не давали заснуть ни на одну минуту. Мучимый позднимъ раскаяніемъ и мрачнымъ раздумьемъ о своей дальнѣйшей участи, я не разъ впадалъ въ такое отчаяніе, что покушался лишить себя жизни, чтобъ избѣгнуть всякой другой, можетъ быть, еще болѣе мучительной смерти. Но, видно, Богъ сохранилъ меня, а лучи взошедшаго солнца разогнали, вмѣстѣ съ ночной темнотой, и мои черныя думы. Я всталъ и, пробираясь между деревьями, тихо, боязливо пошелъ далѣе, не зная самъ, куда приведетъ меня судьба.

Подвигаясь мало помалу во внутрь острова, я вдругъ увидалъ передъ собой какого то дряхлаго старика; онъ сидѣлъ недвижимо на берегу ручья, охвативъ обѣими руками согнутыя колѣни и низко склонивъ на грудь свою сѣдую голову съ длинной, совсѣмъ уже бѣлой бородой. Мнѣ пришло на мысль, что это долженъ быть такой же несчастный, какъ и я, потерпѣвшій крушеніе. Я подошелъ къ нему и низко поклонился, но старикъ едва кивнулъ головой и на мои вопросы ничего не отвѣтилъ, а только показалъ мнѣ знаками, чтобъ я перенесъ его черезъ ручей.

Думая, что онъ дѣйствительно нуждается въ моей помощи, я взвалилъ его на спину и перебрался на другую сторону ручья. „Сходи“,

сказалъ я ему тогда и наклонился, чтобъ онъ легче могъ стать на ноги; но вмѣсто того (теперь мнѣ смѣшно даже вспомнить объ этомъ, а тогда было совсѣмъ не до смѣха)—старикъ, несмотря на свою видимую дряхлость, проворно вскочилъ мнѣ на плечи и крѣпко обвилъ мою шею ногами, покрытыми словно коровьей шкурой. Усѣвшись верхомъ на моихъ плечахъ, онъ началъ сдавливать мнѣ горло съ такою силой, что я потерялъ сознаніе и безъ чувствъ повалился на землю.

Но и при этомъ мой назойливый сѣдокъ не измѣнилъ своего положенія,—онъ только слегка раздвинулъ ноги, чтобы дать мнѣ возможность передохнуть, и затѣмъ, при первомъ же моемъ движеніи, толчками въ бокъ заставилъ меня подняться и продолжать съ нимъ путь.

По дорогѣ онъ останавливалъ меня подъ нѣкоторыми деревьями, рвалъ съ нихъ плоды и съѣдалъ, потомъ снова, тѣмъ же способомъ, побуждалъ подвигаться впередъ. Такъ мнѣ пришлось проносить его весь этотъ день; то же самое повторялось и на другой, и на третій, и во многіе послѣдующіе дни, а по ночамъ, когда, изнемогая отъ усталости, я падалъ на землю, онъ также ложился вмѣстѣ со мной, ни на минуту не освобождая моей шеи и не измѣняя своего положенія. Съ наступленіемъ каждаго утра онъ пробуждалъ меня ударами въ бока и заставлялъ идти впередъ, сжимая при этомъ и подгоняя ногами. Представьте себѣ, каково мнѣ было непрерывно влачить этотъ живой грузъ и не имѣть возможности освободиться отъ него ни на одну секунду.

Одинъ разъ мнѣ попалось нѣсколько американскихъ тыквъ, валявшихся по дорогѣ; я взялъ одну изъ нихъ, самую крупную, вычистилъ

изъ нея всю внутренность и, наполнивъ ее сокомъ изъ гроздьевъ винограда, произраставшаго тамъ въ изобиліи, спряталъ подъ однимъ примѣтнымъ деревомъ. Черезъ нѣсколько дней я ловко заставилъ старика направить меня опять къ тому же мѣсту, гдѣ отыскалъ свою тыкву и выпилъ изъ нея нѣсколько глотковъ уже готоваго, превосходнаго вина. Это не замедлило произвести обычное дѣйствіе: я разомъ забылъ свое удручающее положеніе, ободрился духомъ и подконецъ развеселился такъ, что началъ пѣть и подпрыгивать на ходу.

Старикъ, замѣтивъ, что эту счастливую перемѣну произвелъ во мнѣ напитокъ, заключавшійся въ тыквѣ, показалъ знаками, что тоже хочетъ попробовать его; я поспѣшилъ подать ему свой сосудъ, еще достаточно наполненный, и онъ съ жадностью опорожнилъ его весь, до послѣдней капли, что произвело почти мгновенное опьянѣніе. Сѣдокъ мой дико запѣлъ по своему и сталъ подпрыгивать у меня на плечахъ, но отъ со-

трясенія съ нимъ вскорѣ сдѣлалось дурно; я почувствовалъ, что ноги его разжимаются, а черезъ минуту онъ грузно свалился на землю. Получивъ наконецъ желанную свободу и видя своего мучителя неподвижно распростертымъ на травѣ, я запустилъ ему въ голову огромный камень и раздробилъ ее однимъ ударомъ; потомъ бросился бѣжать по направленію къ морю, несказанно радуясь, что избавился отъ проклятаго старика.

На берегу толпилось множество людей, сошедшихъ съ корабля, чтобы запастись на островѣ прѣсной водой и свѣжими плодами. Всѣ очень удивились моему внезапному появленію, а мой разсказъ обо всемъ,

что со мной случилось, показался имъ даже невѣроятнымъ.—Вѣдь это *водяной*, говорили они,—„морской старикъ“, какъ его называютъ, и никому еще не удавалось вырваться отъ него; обыкновенно онъ не оставляетъ своихъ жертвъ, пока не задушитъ насмерть. Вотъ почему матросы и купцы никогда не рѣшаются удаляться внутрь острова иначе, какъ большой гурьбой.

Потомъ, когда вошли мы на корабль и я снова разсказалъ о своихъ приключеніяхъ, всѣ, не исключая и самого капитана, сочувственно выслушали меня и отнеслись ко мнѣ съ полнымъ радушіемъ. Вскорѣ снявшись съ якоря, мы продолжали свой путь, и послѣ нѣсколькихъ дней благополучнаго плаванія прибыли къ какому то городу, гдѣ всѣ дома были сооружены изъ гранита.

Здѣсь одинъ изъ купцовъ, болѣе другихъ подружившійся со мной, предложилъ мнѣ идти съ нимъ въ городъ; я согласился, и онъ привелъ меня въ зданіе, служившее исключительно пріютомъ для пріѣзжихъ купцовъ. Тутъ онъ свелъ меня съ нѣкоторыми горожанами, собиравшимися отправиться въ лѣсъ для сбора кокоса, далъ мнѣ провизіи на день и сказалъ:—Иди съ ними и дѣлай то, что они будутъ дѣлать, старайся только не отдаляться отъ нихъ, чтобы не подвергнуться новой опасности. Мы пришли въ громадный кокосовый лѣсъ, гдѣ всѣ деревья были такъ высоки и съ такими ровными, гладкими стволами, что взобраться на нихъ не представлялось ни малѣйшей возможности, а между тѣмъ вершины этихъ деревьевъ сплошь были покрыты зрѣлыми плодами: оставалось бы только достать ихъ и наполнить ими свои мѣшки, но въ этомъ то и заключалось большое затрудненіе.

Нужно замѣтить, что при входѣ въ лѣсъ намъ встрѣтилось множество большихъ и маленькихъ обезьянъ. Перепуганныя нашимъ появленіемъ, онѣ быстро разбѣжались и съ неимовѣрной ловкостью взобрались на самыя верхушки деревьевъ; тогда спутники мои прибѣгли къ слѣдующей выдумкѣ: они поднимали каменья съ земли и бросали ихъ въ обезьянъ; тѣ съ своей стороны не оставались въ долгу: съ гнѣвной, раздраженной поспѣшностью онѣ стали срывать и бросать въ насъ плоды кокоса. Мы подбирали плоды и время отъ времени снова бросали камни въ обезьянъ, чтобы поддержать въ нихъ раздраженіе. Посредствомъ такой хитрости мѣшки наши скоро наполнились, мы взвалили ихъ на слоновъ и возвратились въ городъ, гдѣ мой пріятель-купецъ принялъ отъ меня всю добычу и, уплативъ ея стоимость, сказалъ мнѣ:—Продолжай этотъ промыселъ, и мало помалу ты наберешь столько денегъ, что будешь въ состояніи вернуться на родину. Я поблагодарилъ за разумный совѣтъ и съ тѣхъ поръ каждый день отправлялся въ лѣсъ,—набравъ тамъ плодовъ, продавалъ ихъ за настоящую цѣну и такимъ образомъ, дѣйствительно, въ короткое время скопилъ порядочную сумму.

Между тѣмъ корабль нашъ, принявшій полный грузъ кокоса, готовился къ отплытію. Передъ самымъ отъѣздомъ, я пошелъ проститься съ своимъ другомъ и поблагодарить его еще разъ за добрый совѣтъ. Онъ не могъ отправиться вмѣстѣ съ нами, такъ какъ неоконченныя дѣла задерживали его въ этомъ городѣ еще на нѣкоторое время.

Мы же сперва поплыли къ островамъ, гдѣ въ изобиліи произрастаетъ перецъ, а оттуда—къ острову Комари *), славящемуся своимъ алоэ, какъ лучшимъ изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ сортовъ этого ароматичнаго дерева. Жители острова такъ воздержны и благонравны, что совсѣмъ не употребляютъ вина и не допускаютъ у себя никакого вида разврата. Здѣсь я обмѣнялъ свой кокосъ и перецъ на алоэ и отправился вмѣстѣ съ другими купцами на добычу жемчуга. Нанятый мной водолазъ оказался настолько искуснымъ, что добылъ мнѣ множество самыхъ крупныхъ и превосходныхъ жемчужныхъ раковинъ.

Довольный своими успѣхами, я весело отправился въ обратный путь, благополучно достигъ Балсоры, а оттуда не замедлилъ возвратиться въ Багдадъ.

На этомъ остановился Синдбадъ-Мореплаватель и, снова выдавъ носильщику сотню цехиновъ, повторилъ свое приглашеніе на слѣдующій день. Къ обѣду всѣ гости опять были въ сборѣ и, послѣ обычнаго пиршества, хозяинъ продолжалъ свой разсказъ.

Шестое плаваніе.

Вамъ покажется, можетъ быть, непонятнымъ, какимъ образомъ, послѣ своего послѣдняго крушенія и вообще послѣ столькихъ мытарствъ и опасностей, испытанныхъ мною въ предъидущія странствованія, я снова рѣшился ввѣрить свою судьбу предательскимъ волнамъ и пуститься на поиски новыхъ бѣдствій. Однакожъ это было такъ: я даже самъ не зналъ, что̀ толкало меня на гибельный путь, и какая невѣдомая сила влекла изъ подъ роднаго крова. Но, какъ бы то ни было, я не вынесъ спокойной жизни и уѣхалъ, несмотря на горячее противодѣйствіе своихъ родныхъ и друзей.

Также какъ и прежде, я сначала отправился сухимъ путемъ и, минуя Персидскій заливъ, побывалъ во многихъ провинціяхъ Индіи и Персіи, затѣмъ уже, добравшись до морской гавани, сѣлъ на прекрасный корабль, снаряженный для дальняго плаванія, и вскорѣ очутился въ открытомъ морѣ.

Плаваніе наше дѣйствительно оказалось дальнимъ и при томъ та-

---

*) Это скорѣе полуостровъ по сю сторону Ганга, оканчивающійся мысомъ Комаринъ.

кимъ продолжительнымъ, такимъ несчастнымъ, что всѣ мы съ минуты на минуту ожидали своей гибели. Ни капитанъ, ни кормчій—подъ конецъ уже не знали, гдѣ мы, куда плывемъ, и что ожидаетъ насъ. Но эта неизвѣстность была все-таки лучше дѣйствительности,—она по крайней мѣрѣ оставляла намъ надежду, которой на самомъ дѣлѣ уже не было. Въ одинъ день мы увидали своего капитана въ страшномъ отчаяніи,—онъ рвалъ на себѣ волосы и рыдалъ, какъ ребенокъ, а на наши тревожные вопросы отвѣтилъ такъ:—Мы погибаемъ. Намъ нѣтъ спасенія. Не пройдетъ и четверти часа, какъ нашъ корабль обратится въ щепки,—онъ захваченъ теченіемъ и съ каждой минутой приближается къ гибели. Молитесь Богу, развѣ только Онъ можетъ спасти насъ. Въ смертельномъ ужасѣ, мы бросились было къ снастямъ, начали снимать паруса, надѣясь хоть какъ нибудь предотвратить несчастіе, но ничто уже не могло помочь: корабль нашъ, гонимый теченіемъ, мѣрно, но также неуклонно, какъ сама судьба, уносилъ насъ къ роковому мѣсту и черезъ нѣсколько минутъ ударился о гладкую гранитную скалу. Онъ разбился, но, къ счастью, не сразу пошелъ ко дну, а еще часа два продержался на поверхности воды, такъ что мы успѣли выбрать изъ него провизію и наиболѣе цѣнные товары.

Покончивъ съ этимъ, всѣ столпились на берегу, робко, испуганно озираясь кругомъ. Тогда капитанъ сказалъ намъ: — Воля Божія совершилась, и теперь ничего больше не остается, какъ приготовить себѣ могилы и навѣки распроститься другъ съ другомъ. Не обольщайте себя напрасной надеждой; мы попали въ такое мѣсто, откуда никто и никогда еще не возвращался. Какъ громомъ пораженные этой рѣчью, мы разомъ утратили всякую надежду на спасеніе и со слезами и рыданіями стали обнимать другъ друга, готовясь къ вѣчной разлукѣ.

Гора, у подножія которой мы находились, окаймляла съ одной стороны очень обширный островъ, уходившій вдаль на неоглядное пространство; около нея, весь берегъ моря былъ заваленъ обломками разбитыхъ кораблей, а человѣческія кости, что попадались намъ на каждомъ шагу, ясно говорили о смерти, постигшей здѣсь безчисленное множество несчастныхъ. Тутъ же всюду было разбросано ихъ имущество,—развязанные тюки съ драгоцѣнными товарами, никому уже ненужными, несмѣтныя богатства; при видѣ ихъ только еще сильнѣе чувствовалась вся горечь предстоявшей разлуки съ житейскими благами.

Все было странно и необычайно въ этомъ зловѣщемъ мѣстѣ, гдѣ измѣнялись даже самые законы природы. Тогда какъ всюду въ Божьемъ мірѣ малыя воды стремятся къ большимъ, и рѣки впадаютъ въ моря, здѣсь, наоборотъ, широкая рѣка удаляется отъ моря и проникаетъ въ гору черезъ темное углубленіе пещеры съ высокимъ и обширнымъ отверстіемъ. Замѣчательны также камни этой горы, сверкающіе ослѣпи-

тельнымъ блескомъ, такъ какъ всѣ они изъ кристала, рубина и другихъ драгоцѣнныхъ породъ. Изъ нея постоянно истекаетъ въ море неизсякаемая струя какого то липкаго вещества, вродѣ горной смолы; оно поглощается рыбами, которыя потомъ выбрасываютъ его изъ себя уже въ видѣ амбры, а волны въ своемъ прибоѣ относятъ на берегъ, покрытый сплошь этимъ цѣннымъ веществомъ. Среди роскошной, разнообразной растительности, тамъ встрѣчается въ изобиліи дерево алоэ, не уступаю-

щее своимъ достоинствомъ даже тому, что произрастаетъ на Комарійскомъ островѣ.

Природа щедро разсыпала свои дары по этому проклятому мѣсту, въ которомъ, какъ въ неисходной пучинѣ, погибаетъ все живое; ни одинъ корабль не можетъ отъ него удалиться, если, по несчастію, приблизился на извѣстное разстояніе, гдѣ онъ уже неудержимо стремится къ своей гибели, и никакія случайныя условія не спасаютъ его: когда вѣтеръ дуетъ съ моря, къ нему присоединяется сила теченія и еще быстрѣе пригоняетъ обреченныхъ жертвъ къ ихъ могилѣ; когда же онъ поднимается въ обратномъ направленіи, со стороны острова, что должно бы облегчать удаленіе отъ опасности, его задерживаетъ высота горы, отчего происходитъ полное затишье, и тогда уже достаточно одной силы

теченія, которая безпрепятственно относитъ корабль къ прибрежнымъ скаламъ и неминуемо разбиваетъ его также, какъ былъ разбитъ нашъ. Къ довершенію несчастія, нѣтъ никакой возможности ни взобраться на гору, ни спастись какимъ либо инымъ путемъ.

Погруженные въ мрачное уныніе, близкое къ безумію, мы недвижимо сидѣли на берегу, со дня на день ожидая неминуемой смерти. Сначала всѣ остававшіеся у насъ съѣстные припасы были раздѣлены между нами поровну, но одни уничтожали ихъ быстрѣе, другіе медленнѣе, отчего и жизнь каждаго тянулась болѣе или менѣе долго, сообразно съ его темпераментомъ.

Живые погребали умершихъ—одного за другимъ, мнѣ же довелось исполнить эту печальную обязанность относительно всѣхъ своихъ товарищей; тутъ, впрочемъ, не было ничего удивительнаго, такъ какъ, помимо болѣе умѣреннаго употребленія пищи, доставшейся на мою долю при дѣлежѣ, у меня оставалась въ запасѣ еще другая, которую я тщательно утаилъ отъ всѣхъ. Однакожъ, къ тому времени, когда умеръ послѣдній, голодная смерть стала угрожать и мнѣ въ самомъ близкомъ будущемъ. Видя, что моихъ запасовъ хватитъ не болѣе, какъ дня на два, я началъ заранѣе готовить себѣ могилу, чтобы потомъ упасть въ нее при послѣднемъ издыханіи, такъ какъ похоронить меня уже было некому. При этой зловѣщей работѣ, въ душѣ моей съ новой силой поднималось жгучее сознаніе, что я самъ добровольно обрекъ себя на гибель, и это позднее раскаяніе не ограничивалось одними горькими размышленіями, а доводило меня порой до безумныхъ порывовъ; я неистово билъ себя кулаками въ голову и грудь, словно желая ускорить минуту смерти, но, видно, мой часъ еще не пробилъ.

Милосердый Богъ снова сжалился надо мною и внушилъ мнѣ мысль подойти поближе къ той рѣкѣ, которая терялась въ углубленіи пещеры. Тамъ, внимательно вглядѣвшись въ теченіе, я сообразилъ, что эти воды, уходящія въ гору, непремѣнно должны изливаться оттуда какимъ нибудь путемъ.—Устрою себѣ плотъ, подумалъ я, и отдамся на волю рѣки,—она или вынесетъ меня на заселенную землю, или похоронитъ въ своихъ волнахъ; во всякомъ случаѣ, хуже не будетъ: если мнѣ суждено погибнуть, то я лишь выберу себѣ болѣе легкую и быструю смерть; если же удастся вырваться благополучно изъ этого рокового мѣста, тогда я не только избѣгну участи несчастныхъ товарищей, но, можетъ быть, найду и новые способы къ обогащенію. Какъ знать, не ожидаетъ ли меня счастіе при выходѣ изъ опасности, и не вознаградитъ ли оно меня съ избыткомъ за всѣ понесенныя потери и пережитыя страданія?

Послѣ такого размышленія, я выбралъ самые прочные изъ корабельныхъ обломковъ, сколотилъ ихъ гвоздями, крѣпко связалъ канатами, и у меня вышелъ довольно удобный плотъ; затѣмъ, соблюдая равновѣсіе,

я уложилъ на него возможное количество тюковъ съ отборными рубинами, изумрудами, горнымъ хрусталемъ, амброй и драгоцѣнными тканями, привязалъ все это къ плоту и, помѣстившись на немъ самъ, предоставилъ себя волѣ Божіей и быстротѣ теченія. При этомъ я время отъ времени гребъ двумя небольшими веслами, которыя тоже не забылъ смастерить, благо матерьяла подъ рукой было много.

Яркое сіяніе солнца сразу померкло въ моихъ глазахъ, какъ только я проникъ подъ сводъ пещеры, и сердце мое сжалось невыразимымъ ужасомъ передъ невѣдомой и незримой опасностью. Такъ плылъ я нѣсколько дней и ночей въ этой непроглядной тьмѣ, нигдѣ не видя ни малѣйшаго проблеска свѣта и не зная, куда уноситъ меня рѣка. Въ одномъ мѣстѣ сводъ оказался такъ низокъ, что я едва не ударился о него головой и съ тѣхъ поръ сталъ еще осторожнѣе, боялся даже выйти изъ полулежачаго положенія. Но болѣе всего мучилъ меня голодъ, котораго я ни разу не утолялъ во все это время, съѣдая только крайне необходимое для поддержанія жизни. Однако, и при такой умѣренности, мой скудный остатокъ пищи наконецъ истощился, тогда я почувствовалъ полное изнеможеніе во всѣхъ членахъ, неодолимый позывъ ко сну и, склонившись головой на одинъ изъ тюковъ, погрузился въ сладкое забытье. Долго ли я находился въ этомъ безсознательномъ состояніи, или спалъ, — не знаю, но когда пробудился и открылъ глаза, мнѣ трудно было повѣрить имъ сразу. Вмѣсто кромѣшной тьмы, вокругъ меня снова разливался солнечный свѣтъ, озаряя съ одной стороны широкую рѣку, а съ другой открытое пространство берега, къ которому былъ привязанъ мой плотъ и гдѣ толпились какіе-то черные люди; ихъ было очень много, но я съ перваго же взгляда почувствовалъ, что это не враги, а друзья, и, поспѣшно вставъ, поклонился имъ, потомъ смѣло взошелъ на берегъ. Они дружелюбно окружили меня и всѣ заговорили разомъ, но я не могъ понять ихъ чуждаго языка.

При этой нежданной встрѣчѣ съ людьми, послѣ такого полнаго, безпомощнаго одиночества, во мнѣ снова воскресла надежда на спасеніе. Не помня себя отъ радости, желая убѣдиться, что это не сонъ, я громко сталъ благодарить Бога, потомъ произнесъ арабскіе стихи:

Силой вѣры и молитвы, полныхъ пламенной любви,
Ты Всевышняго на помощь въ своей скорби призови,
И да будетъ Его воля надъ твоею злой судьбой,—
Вѣрь, что завтра, вмѣсто ада, рай возникнетъ предъ тобой.

Одинъ изъ черныхъ понялъ мою рѣчь; онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ по арабски:—Не удивляйся, братъ, что видишь насъ здѣсь; мы жители этой страны и пришли сюда прорывать каналы, чтобы наши поля орошались водою той рѣки, что̀ исходитъ изъ сосѣдней горы; мы еще издали замѣтили что-то плывущее по теченію, а когда, подойдя

ближе, увидали твой плотъ, одинъ изъ насъ тотчасъ же бросился вплавь и притянулъ его къ берегу; тутъ мы его привязали, какъ видишь, и стали ждать твоего пробужденія. Разскажи же намъ теперь, кто ты, откуда, и какъ рѣшился ввѣрить свою жизнь этой опасной быстринѣ? Навѣрно, ты приведенъ сюда какимъ нибудь необычайнымъ случаемъ. Я обѣщалъ имъ подробный разсказъ о своихъ приключеніяхъ, но прежде просилъ утолить мой голодъ.

Тогда всѣ вынули свои съѣстные припасы и наперерывъ стали угощать меня; никогда еще никакія роскошныя яства не казались мнѣ вкуснѣе этой грубой пищи. Насытившись вдоволь послѣ долгаго голоданія, я разсказалъ своимъ благодѣтелямъ все, что случилось со мной съ тѣхъ поръ, какъ я отплылъ изъ индійской гавани; рѣчь мою понималъ только одинъ, знавшій арабскій языкъ, но онъ тутъ же передавалъ ея содержаніе своимъ товарищамъ, что вызывало непрестанные возгласы удивленія. Когда я кончилъ, всѣ заговорили разомъ и затѣмъ сказали мнѣ устами того же толмача:—Твои приключенія настолько необычайны, что навѣрное и самъ царь нашъ никогда не слыхивалъ ничего подобнаго; пойдемъ же къ нему, — ты лучше нашего съумѣешь разсказать его величеству все, что случилось съ тобой, и этимъ доставить ему удовольствіе. — Я выразилъ полную готовность сдѣлать все, что они пожелаютъ.

Снова переговоривъ между собой, черные индійцы послали за конемъ для меня, а когда его привели, я сѣлъ верхомъ, и мы всѣ направились къ столицѣ острова; одни шли впереди, указывая мнѣ дорогу, другіе же, самые сильные, слѣдовали за нами, неся на плечахъ мой плотъ со всѣмъ его грузомъ.

Медленно подвигались мы впередъ и только на разсвѣтѣ слѣдующаго дня прибыли въ престольный городъ Серендиба,—такъ называется тотъ островъ, гдѣ я нашелъ спасеніе. Давъ мнѣ нѣсколько часовъ для отдыха, меня привели въ царскій дворецъ и представили самому повелителю. Я подошелъ къ подножію его трона и отдалъ честь по обычаю, установленному въ Индіи, то есть распростерся ницъ и поцѣловалъ полъ. Благодушный царь принялъ меня особенно милостиво: онъ велѣлъ мнѣ встать, подойти къ нему ближе и даже сѣсть съ нимъ рядомъ. — Какъ тебя зовутъ? было его первымъ вопросомъ. — Синдбадъ, по прозванію Мореплаватель, отвѣчалъ я; меня называютъ такъ потому, что я совершилъ много плаваній по морямъ, а родомъ я изъ Багдада. — Какъ же ты попалъ въ мои владѣнія? спросилъ царь: какими путями?

Тутъ я разсказалъ ему все, уже слышанное вами, ничего не утаивая, и онъ такъ былъ удивленъ и восхищенъ моимъ разсказомъ, что повелѣлъ вписать его золотыми буквами въ лѣтописи своего государства и сохранить на вѣчныя времена. Затѣмъ, по его приказанію, въ тронную

залу внесли мой плотъ со всѣмъ, что на немъ находилось, а когда вскрыли тюки, царь не могъ надивиться превосходному качеству алоэ и амбры, и въ особенности необыкновенной величинѣ изумрудовъ и рубиновъ, которымъ не было подобныхъ даже въ его царской сокровищницѣ.

Замѣтивъ, что онъ съ восхищеніемъ разсматриваетъ лучшіе изъ драгоцѣнныхъ камней, я снова преклонился передъ нимъ и осмѣлился сказать:—Государь! Съ великой радостью отдаю во власть твоего величества не только себя самого, но и все свое имущество; располагай же имъ, какъ своею собственностью, умоляю тебя. Онъ отвѣтилъ мнѣ съ улыбкой:—Благодарю, Синдбадъ; но я не имѣю ни малѣйшаго желанія лишать тебя этихъ Божьихъ даровъ. Напротивъ, твое богатство должно увеличиться въ моихъ владѣніяхъ,—я самъ одарю тебя щедро на прощаніе, чтобы ты сохранилъ и на родинѣ добрую память обо мнѣ.

Не дерзая болѣе настаивать на своей просьбѣ, я могъ только отвѣтить искреннимъ пожеланіемъ счастія и благоденствія великодушному государю. Онъ поручилъ одному изъ своихъ придворныхъ отвести мнѣ удобное помѣщеніе и строго наблюдать за тѣмъ, чтобы все было готово къ моимъ услугамъ. Съ того дня я водворился въ своемъ новомъ, роскошномъ жилищѣ, куда дворцовые слуги перенесли и всѣ тюки съ моими драгоцѣнностями.

По желанію царя, я являлся къ нему ежедневно въ опредѣленные часы, остальное же время употреблялъ на осмотръ города со всѣми его достопримѣчательностями.

Островъ Серендибъ, заключающій въ себѣ восемьдесятъ квадратныхъ парасангъ *), находится прямо подъ экваторомъ, поэтому его дни и ночи имѣютъ ровно по двѣнадцати часовъ во всякое время года. Главный городъ расположенъ на окраинѣ прекрасной долины, которую образуетъ на срединѣ острова высочайшая въ мірѣ гора, видная съ моря на разстояніи трехдневнаго плаванія. Въ ней находятся рубины и различные минералы, утесы же ея большею частію составлены изъ наждака, металлическаго камня, употребляемаго для граненія алмазовъ. На этомъ цвѣтущемъ островѣ встрѣчаются всевозможныя породы рѣдкихъ деревьвъ и растеній, преимущественно кедръ и кокосъ. Нѣкоторыя изъ его долинъ изобилуютъ алмазами, а устья рѣкъ и песчаныя прибрежья—драгоцѣннымъ жемчугомъ. Высокая гора его считается священной, и я всходилъ вмѣстѣ съ другими богомольцами на самую ея вершину, на то мѣсто, куда удалился Адамъ послѣ своего изгнанія изъ земного рая.

Осмотрѣвъ все, что было достойно замѣчанія, я снова сталъ тосковать по родинѣ и при одномъ свиданіи съ царемъ выразилъ ему же-

---

*) Единица мѣры пространства у древнихъ персовъ, въ которой немного болѣе французской мили.

ланіе возвратиться въ свою страну. Онъ отпустилъ меня также милостиво, какъ встрѣтилъ, и заставилъ принять на прощаніе богатые дары; другіе же, еще болѣе драгоцѣнные поручилъ мнѣ передать вмѣстѣ съ своимъ письмомъ повелителю правовѣрныхъ, нашему славному государю, сказавъ при этомъ:— Вмѣстѣ съ дарами, передай отъ меня моему царственному собрату, калифу Гаруну-аль-Радишу, мое увѣреніе въ искренней и неизмѣнной дружбѣ. Почтительно принялъ я письмо и дары, обѣщая его величеству исполнить въ точности возложенное на меня высочайшее порученіе. Передъ моимъ отплытіемъ, царь призвалъ къ себѣ капитана того корабля, на которомъ я отправился, а также и купцовъ— моихъ будущихъ спутниковъ, и всѣмъ повелѣлъ оказывать мнѣ всевозможное вниманіе и почтеніе, какъ его послу.

Посланіе царя Серендиба было написано лазурью по тонкой, золотистой кожѣ одного очень рѣдкаго и цѣннаго животнаго. Вотъ что выражало оно на индійскомъ языкѣ:

„Индійскій царь Серендибъ, властитель доблестнаго народа, цвѣтущей страны, дворца съ роскошной крышей, сіяющей блескомъ ста тысячъ рубиновъ, несмѣтныхъ сокровищъ, двадцати тысячъ царскихъ коронъ, украшенныхъ брилліантами, тысячи слоновъ, идущихъ впереди его торжественныхъ шествій, и проч. и проч.,—шлетъ свои низкій поклонъ и братскій привѣтъ славному калифу Гаруну-аль-Рашиду.

„Не великъ своею цѣною мой даръ твоему величеству, но прими его, какъ братъ мой и другъ, въ залогъ моей неизмѣнной, сердечной преданности. Надѣюсь, что и въ твоемъ сердцѣ есть мѣсто для меня, какъ равнаго тебѣ по сану и могуществу. Да будетъ же дружба наша крѣпка и ненарушима. Прощай“.

А дары были такіе: сосудъ формы кубка, вышиною въ полфута и въ палецъ толщины, выдѣланный изъ цѣльнаго рубина и наполненный до краевъ круглымъ жемчугомъ, въ которомъ каждое зерно вѣсило не менѣе полу-драхмы; змѣиная кожа съ крупными чешуйчатыми звеньями въ величину золотой монеты, обладающая чудеснымъ свойствомъ предохранять отъ всякой болѣзни того, кто спитъ на ней, или носитъ ее на себѣ; пятьдесятъ тысячъ драхмъ драгоцѣннѣйшаго алоэ — и, въ довершеніе всего, юная невольница очаровательной красоты, въ одеждѣ, унизанной драгоцѣнными каменьями.

Наконецъ, корабль нашъ поднялъ паруса и, подгоняемый попутнымъ вѣтромъ, понесся въ морскую даль; сердце мое трепетало отъ радости, и дѣйствительно на этотъ разъ наше долгое плаваніе было вполнѣ благополучно. Не испытавъ ни одной несчастной случайности, мы прибыли въ Балсору, откуда, не медля ни минуты, я возвратился въ Багдадъ. Исполненіе царскаго порученія было, разумѣется, моимъ первымъ дѣломъ по прибытіи.

Въ тотъ же день я облекся въ свои лучшія одежды и отправился къ дворцу повелителя правовѣрныхъ, держа обѣими руками посланіе царя Серендиба; за мною слѣдовали мои сыновья съ царскими дарами и красавица-рабыня. Объявивъ придворнымъ сановникамъ цѣль своего прибытія, я былъ немедленно приведенъ предъ лицо самого калифа, сидѣвшаго въ то время на своемъ тронѣ. Я преклонился ницъ по установленному обычаю, и послѣ краткой, но ясной рѣчи, поднесъ его величеству сначала письмо, а потомъ всѣ дары — одинъ за другимъ, и наконецъ подвелъ за руку прекрасную невольницу. Прочитавъ посланіе царя Серендиба, калифъ спросилъ меня, правда ли все то, что онъ пишетъ о своемъ могуществѣ и несмѣтныхъ богатствахъ. Я преклонился вторично и, поднявшись, отвѣчалъ:

— Повелитель правовѣрныхъ! По истинной правдѣ могу свидѣтельствовать, что царь Серендибъ ни однимъ словомъ не преувеличиваетъ своихъ неисчислимыхъ богатствъ и окружающаго его блеска. Невозможно и вообразить себѣ такого великолѣпія, какое представляетъ его дворецъ. Когда, въ торжественныхъ случаяхъ, этотъ государь желаетъ предстать передъ народомъ, онъ садится на роскошный тронъ, воздвигнутый на слонѣ, и шествуетъ между двумя блестящими вереницами своихъ сановниковъ и придворныхъ. Впереди его, на томъ же слонѣ, стоитъ воинъ съ золотымъ копьемъ въ правой рукѣ, а за трономъ — другой держитъ золотую колонну, украшенную сверху безцѣннымъ изумрудомъ, длиною около полуфута и объемомъ въ дюймъ. Царю предшествуетъ на тысячѣ слонахъ, покрытыхъ дорогими попонами, тысячный отрядъ его тѣлохранителей, облеченныхъ въ шелкъ и золотую парчу. Во время шествія, воинъ, стоящій передъ царскимъ трономъ, возглашаетъ черезъ каждыя пять минутъ:—„Смотри, народъ! Вотъ твой великій монархъ, могущественный и грозный султанъ индійскаго государства, обладатель дворца, покрытаго сотней тысячъ рубиновъ, и двадцати тысячъ бриллiантовыхъ коронъ! Вотъ вѣнценосный царь, превосходящій своимъ величіемъ великаго Солима *) и великаго Мираджа **).

Вслѣдъ за нимъ другой воинъ, стоящій сзади трона, выкрикиваетъ въ свою очередь:

— „Какъ ни великъ, какъ ни могучъ нашъ монархъ, а умретъ и онъ, умретъ и онъ, умретъ и онъ!“

Тогда первый опять восклицаетъ;

„Хвала и слава вѣчно живому, безсмертному Богу!“

---

*) Соломонъ.

**) Древній царь обширнаго индійскаго острова того же имени, прославленный аравитянами за его могущество и мудрость.

(Галланъ).

Въ довершеніе всѣхъ своихъ достоинствъ, царь Серендибъ такъ мудръ и справедливъ, что ни въ столицѣ его, ни въ другихъ владѣніяхъ нѣтъ ни одного судьи: народу его они не нужны, потому что онъ руководится въ своихъ поступкахъ своей собственной совѣстью и строго соблюдаетъ законъ.

Калифъ былъ очень доволенъ и полученными свѣдѣніями, и дружественнымъ посланіемъ, и дарами.—Я глубоко тронутъ, сказалъ онъ, тѣми чувствами, какія царь Серендибъ выразилъ мнѣ въ письмѣ, а изъ твоего разсказа видно, что онъ достоинъ своего народа, какъ и народъ его достоинъ своего царя. Съ этими словами калифъ отпустилъ меня, выразивъ свое благоволеніе богатымъ подаркомъ.

На этомъ Синдбадъ прервалъ свой разсказъ, а слушатели простились съ нимъ и разошлись по домамъ, при чемъ Хиндбадъ получилъ еще сотню цехиновъ. На слѣдующій день тѣ же гости собрались снова въ назначенный часъ, и, послѣ обычнаго угощенія, хозяинъ разсказалъ имъ о своемъ послѣднемъ путешествіи.

Седьмое плаваніе Синдбада.

Наконецъ я почувствовалъ себя утомленнымъ всѣми испытанными треволненіями своей скитальческой жизни и, казалось, уже навсегда отрѣшился отъ всякаго помышленія о новомъ путешествіи. Моя молодость миновала, насталъ тотъ возрастъ, когда въ человѣкѣ гаснетъ стремленіе къ борьбѣ и замѣняется потребностью отдыха и покоя. Словомъ, я угомонился, и безмятежная домашняя жизнь представлялась мнѣ спасительной пристанью послѣ бури. Однако, судьба рѣшила иначе.

Какъ то разъ ко мнѣ, по обыкновенію, собрались мои друзья; я весело пировалъ съ ними и бесѣдовалъ, когда слуга доложилъ, что меня желаетъ видѣть придворный сановникъ. Поспѣшно вставъ изъ за стола, я пошелъ ему навстрѣчу, и вотъ что онъ сказалъ мнѣ послѣ обычныхъ привѣтствій:—Его величество калифъ немедленно требуетъ тебя къ себѣ. Разумѣется, наше пированье прервалось въ ту же минуту; я послѣдовалъ въ пріемную залу государя и, приблизившись къ нему, преклонился ницъ у подножія трона.—Встань, Синдбадъ, милостиво сказалъ мнѣ калифъ, и выслушай мое желаніе: ты окажешь мнѣ большую услугу, если возьмешься доставить царю Серендибу мои дары и мой отвѣтъ на его письмо. Пусть онъ узнаетъ, что я съ радостью готовъ заключить съ нимъ дружескій союзъ.

Громовый ударъ не поразилъ бы меня сильнѣе этихъ неожиданныхъ словъ.—Повелитель правовѣрныхъ! началъ я въ смущеніи, воля твоего величества священна, но... умоляю тебя, прими во вниманіе, что я уже не молодъ, и силы мои такъ подорваны испытанными бѣдствіями,

что спокойствіе стало для меня необходимымъ условіемъ жизни; поэтому я далъ зарокъ никогда больше не покидать Багдада. Тутъ, по желанію государя, я разсказалъ ему все, что вынесъ за время своихъ долгихъ скитаній по свѣту, и онъ съ видимымъ удовольствіемъ прослушалъ до конца мою повѣсть.

— Да, сказалъ онъ, дѣйствительно не мало нужно было и силы, и отваги, и счастія, чтобы выйти невредимымъ изъ такихъ неслыханныхъ мытарствъ; тутъ очевидна помощь Божія, и я надѣюсь, что она не покинетъ тебя, если ты рѣшишься исполнить мое желаніе. Теперь тебѣ предстоитъ уже извѣстный путь, только до острова Серендиба, откуда ты прямо вернешься домой, доставивъ царю мои дары и письмо. Пойми, что мнѣ неловко оставаться у него въ долгу; это было бы не согласно ни съ правилами вѣжливости, ни съ моимъ достоинствомъ. Вотъ почему я настаиваю на своей просьбѣ. Тутъ уже выражалось положительное требованіе, и я поспѣшилъ заявить свою полную готовность повиноваться. Калифъ былъ радъ моему согласію; онъ выразилъ свое довольство милостивыми словами и приказалъ выдать мнѣ тысячу цехиновъ на путевыя издержки.

Въ нѣсколько дней я приготовился къ отъѣзду; затѣмъ, получивъ отъ калифа его дары и собственноручное письмо, снова распростился съ семьей и отправился черезъ Балсору, гдѣ уже ожидилъ меня снаряженный корабль. Плаваніе на этотъ разъ было неизмѣнно счастливо, и, ничѣмъ не задержанные на своемъ пути, мы прибыли на островъ Серендибъ въ надлежащее время. Тамъ, заявивъ о своемъ посольствѣ министрамъ двора, я былъ принятъ ими съ большимъ почетомъ и немедленно получилъ доступъ во дворецъ.

Царь узналъ меня сразу.—А, Синдбадъ! Добро пожаловать! радостно воскликнулъ онъ, лишь только я появился въ дверяхъ; потомъ, давъ мнѣ совершить обычную церемонію преклоненія до земли, продолжалъ:—Знаешь ли, съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, не проходило дня, чтобъ я не вспоминалъ о тебѣ съ сожалѣніемъ, потому что и самъ ты мнѣ по́сердцу, и рѣчи твои доставляли немало удовольствія. Какой же счастливый случай привелъ тебя снова на мой островъ? Я почтительно выразилъ ему свою искреннюю признательность и, объяснивъ немногими словами цѣль своего прибытія, вручилъ дары и письмо, при чемъ довольство царя еще увеличилось.

Калифъ посылалъ ему полную постель изъ драгоцѣнной золотой парчи, стоющей не менѣе тысячи цехиновъ; пятьдесятъ одѣяній изъ богатыхъ шелковыхъ тканей; сто другихъ изъ тончайшаго бѣлаго полотна—каирскаго, суэзскаго и александрійскаго; еще двѣ постели—одну изъ кармазина, другую изъ шелковой матеріи, затканной яркими цвѣтами; прекрасную вазу изъ цѣльнаго агата, въ палецъ толщины и бо-

лѣе полуфута въ объемѣ, плоской и неглубокой формы, такъ что дно было все открыто и на немъ отчетливо выдѣлялся изящный барельефъ съ изображеніемъ человѣка, преклонившаго одно колѣно, съ натянутымъ лукомъ въ рукѣ, готоваго пустить стрѣлу въ разъяреннаго льва. Послѣднимъ даромъ былъ великолѣпный столъ, перешедшій, по преданію, черезъ многія поколѣнія отъ великаго Соломона; посланіе же калифа заключалось въ такихъ словахъ:

„Во имя всевышняго указателя истиннаго пути, поклонъ и привѣтъ могущественному, счастливому султану острова Серендиба отъ Гаруна-аль-Рашида, возведеннаго Богомъ на престолъ Его великаго пророка.

„Съ душевной радостью прочелъ я твое посланіе и посылаю отвѣтъ, внушенный мнѣ собственнымъ сердцемъ и благими дýхами нашей благословенной Порты. Надѣюсь, что, бросивъ на него свой державный взглядъ, ты не усомнишься въ искренности моего дружескаго и братскаго чувства. Прощай“.

Это письмо тронуло царя и привело его въ восхищеніе, какъ залогъ высоко цѣнимой имъ дружбы повелителя правовѣрныхъ. Я снова былъ окруженъ всевозможнымъ вниманіемъ и почетомъ, но, несмотря на это, не долго прожилъ на гостепріимномъ островѣ. Когда я выразилъ царю свое неодолимое желаніе вернуться на родину, онъ видимо огорчился, но отпустилъ меня безпрекословно, одаривъ на прощаніе значительной суммой денегъ и многими драгоцѣнными вещами. Вскорѣ мы отплыли обратно, надѣясь также благополучно возвратиться въ Багдадъ, какъ прибыли оттуда, но Богъ судилъ иначе.

Дня черезъ три или четыре послѣ начатаго плаванія, насъ настигли морскіе разбойники и безъ труда овладѣли нашимъ кораблемъ, такъ какъ мы не имѣли при себѣ никакихъ надежныхъ средствъ обороны. Нѣкоторые изъ насъ пытались было сопротивляться, но эта безсильная попытка стоила имъ жизни; я же и всѣ другіе, сдавшіеся безъ боя, были взяты въ плѣнъ и обращены въ рабовъ.

Обобравъ насъ дóчиста и надѣливъ какими то жалкими обносками взамѣнъ отнятыхъ одеждъ, корсары перевезли всѣхъ на дальній островъ и тамъ распродали въ разныя руки.

Мнѣ суждено было попасть къ одному богатому купцу, и участь моя оказалась довольно сносной; придя съ нимъ въ его домъ, я тотчасъ же былъ дóсыта накормленъ по его приказанію, затѣмъ одѣтъ зàново, хотя и въ невольничье платье, но чисто и прилично. Черезъ нѣсколько дней онъ призвалъ меня къ себѣ и, не освѣдомляясь о моемъ прежнемъ званіи, спросилъ, не знаю ли я какого нибудь ремесла. Я отвѣтилъ только, что былъ прежде не ремесленникомъ, а купцомъ, и что все мое имущество отнято морскими разбойниками, продавшими меня въ рабство. — А не умѣешь ли ты по крайней мѣрѣ стрѣ-

лять изъ лука? продолжалъ хозяинъ.—Умѣю, если не разучился; это было моимъ любимымъ упражненіемъ въ ранней юности. Тогда онъ далъ мнѣ лукъ и колчанъ со стрѣлами и объявилъ, что сейчасъ же возьметъ меня съ собой на охоту. Намъ подвели слона; хозяинъ сѣлъ на него впереди, я сзади, и мы отправились въ громадный вѣковой лѣсъ, занимавшій обширное пространство на разстояніи нѣсколькихъ часовъ пути отъ города. Проникнувъ далеко, въ самую чащу, хозяинъ остановился, велѣлъ мнѣ сойти и сказалъ, указывая на одно высокое дерево:—Взберись на вершину и стрѣляй оттуда въ слоновъ, которые будутъ проходить по близости,—ихъ безчисленное множество въ этомъ лѣсу. Какъ только упадетъ хоть одинъ, дай мнѣ знать тотчасъ же.—Послѣ этого наставленія онъ оставилъ мнѣ съѣстныхъ припасовъ и поѣхалъ обратно въ городъ, а я, усѣвшись на деревѣ, выжидалъ всю ночь появленія слоновъ.

Однако мнѣ пришлось прождать понапраспу до самаго разсвѣта; они появились только при полномъ восходѣ солнца, но за то въ громадномъ количествѣ. Я пустилъ въ нихъ нѣсколько стрѣлъ, и наконецъ одинъ слонъ свалился на землю, а другіе всѣ разбѣжались въ ту же минуту, такъ что я могъ безопасно сойти съ дерева и отправиться къ хозяину съ увѣдомленіемъ объ исходѣ своей охоты. Обрадованный этой первой удачей, онъ угостилъ меня отличнымъ обѣдомъ, выражая при этомъ свое довольство моей ловкостью и осыпая меня похвалами. Потомъ, захвативъ съ собой по заступу, мы снова вмѣстѣ отправились въ лѣсъ, вырыли тамъ большую яму и закопали въ нее убитаго слона. Хозяинъ намѣревался отрыть его снова, когда онъ сгніетъ, и воспользоваться его цѣнными зубами для своей торговли.

Такъ продолжалась моя охота въ теченіе цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ, и за все это время мнѣ еще не выдалось ни одного неудачнаго дня, такъ какъ я часто мѣнялъ мѣста для засады, влѣзая то на одно дерево, то на другое. Но вотъ, однимъ раннимъ утромъ, когда, послѣ спокойнаго сна на древесныхъ вѣтвяхъ, я оставался тамъ, выжидая по обыкновенію появленія слоновъ, они появились цѣлымъ громаднымъ стадомъ, но, къ моему изумленію и ужасу, не прошли мимо черезъ лѣсъ, какъ бывало всегда, а остановились и вдругъ всѣ разомъ, съ оглушительнымъ ревомъ и топотомъ, ринулись въ мою сторону, такъ что земля задрожала подъ ихъ ногами. Окруживъ мое дерево, напирая на него, они протягивали ко мнѣ свои хоботы и устремляли на меня взгляды своихъ огромныхъ глазъ. При такомъ нежданномъ натискѣ, я оцѣпенѣлъ отъ испуга, стрѣлы выпали у меня изъ рукъ вмѣстѣ съ лукомъ.

И страхъ мой оказался ненапраснымъ. Бездѣйствіе слоновъ продолжалось не болѣе двухъ минутъ; затѣмъ одинъ изъ нихъ нагнулся, обвилъ снизу древесный стволъ своимъ гигантскимъ хоботомъ и могу-

чимъ усиліемъ вырвалъ дерево съ корнемъ. Оно повалилось на землю, а съ нимъ упалъ и я, но тотъ же силачъ подхватилъ и перекинулъ меня на свою широкую спину, гдѣ я помѣстился ни живъ, ни мертвъ, съ единственнымъ остаткомъ отъ своихъ охотничьихъ снарядовъ—пустымъ колчаномъ, привязаннымъ къ груди. Тогда мой слонъ двинулся впередъ во главѣ всего стада, шедшаго за нимъ, отнесъ меня далеко, въ самую глубь лѣса, сложилъ тамъ на землю и удалился со всѣми другими. Представьте себѣ, если можете, мое душевное состояніе при такомъ переходѣ отъ великаго страха къ еще большему изумленію; я не могъ опомниться, не зналъ — на яву ли произошло все испытанное, или во снѣ. Пролежавъ нѣсколько времени неподвижно и убѣдившись наконецъ, что около меня уже нѣтъ ни одного слона, я приподнялся, оглядѣлся вокругъ и увидалъ, что нахожусь на обширной лѣсной прогалинѣ, гдѣ земля возвышалась въ длину и ширину, образуя ровный холмъ въ видѣ громадной могильной насыпи, и сплошь была усѣяна слоновыми костями и зубами.

Это заставило меня задуматься и навело на многія размышленія, сразу уяснивъ весь смыслъ недавняго событія. Я догадался, что нахожусь на кладбищѣ слоновъ, и не могъ надивиться необычайному разуму этихъ животныхъ, которыя очевидно навели меня на иной путь къ достиженію моей цѣли, словно хотѣли сказать мнѣ:—Если тебѣ нужны наши зубы, такъ бери ихъ съ мертвыхъ и оставь въ покоѣ живыхъ. Не останавливаясь долѣе на холмѣ, я направился обратно въ городъ и, послѣ цѣлаго дня и цѣлой ночи ходьбы, пришелъ къ своему хозяину. По дорогѣ мнѣ не встрѣтилось ни одного слона; видно, всѣ они скрылись въ самыхъ дальнихъ мѣстахъ, чтобы я могъ безъ страха уйти и возвратиться снова на указанное кладбище.

Увидавъ меня, хозяинъ радостно воскликнулъ: — Ты ли это, мой бѣдный Синдбадъ! Ну, слава Богу! Не мало я тревожился, не зная, что съ тобой сталось; былъ и въ лѣсу, но какъ увидалъ вырванное съ корнемъ дерево, да лукъ и стрѣлы, разбросанныя на землѣ, такъ и рѣшилъ, что тебя уже нѣтъ на свѣтѣ. Разскажи же мнѣ скорѣй, что съ тобой случилось, и какимъ чудомъ ты могъ остаться въ живыхъ? Я повѣдалъ ему о диковинномъ происшествіи, а на другой день, лишь только разсвѣло, мы вмѣстѣ отправились на слонѣ къ холму, усѣянному костями, и велика была радость купца, когда онъ убѣдился собственными глазами, что я сказалъ ему правду. Поспѣшно нагрузили мы своего слона громаднымъ количествомъ зубовъ, которое онъ съ трудомъ могъ донести до дому вмѣстѣ съ нами, и тамъ, помѣстивъ въ свой складъ эту богатую добычу, хозяинъ сказалъ мнѣ: — Спасибо, другъ мой и братъ! ты обогатилъ меня своимъ открытіемъ, и да воздастъ тебѣ за это Всевышній всѣми благами, какихъ только можно пожелать; я же объявляю передъ

лицомъ Его, что съ этой минуты рабство твое кончено; ты можешь располагать собою, какъ вполнѣ свободный человѣкъ, и пользоваться равными со мной правами. Теперь я уже могу сказать тебѣ то, что сначала утаивалъ: отъ нашихъ дикихъ лѣсныхъ слоновъ у насъ ежегодно погибаетъ безчисленное количество невольниковъ, посылаемыхъ на добычу драгоцѣнной слоновой кости; никакія предосторожности не превозмогаютъ хитрости и силы этихъ животныхъ, и рано или поздно каждый охотникъ лишается жизни. Одного тебя Богъ сохранилъ отъ ихъ ярости, и въ этомъ видна Его особая милость къ тебѣ; несомнѣнно, что ты нуженъ Ему въ этомъ мірѣ для благихъ и полезныхъ дѣлъ, которыя, можетъ быть, тебѣ суждено совершить. И теперь уже ты принесъ громадную пользу не мнѣ одному, а всему нашему городу: прежде мы могли добывать слоновую кость только цѣною жизни нашихъ рабовъ, а благодаря твоему открытію будемъ уже даромъ запасаться этимъ неисчерпаемымъ богатствомъ. Не думай, чтобы я считалъ достаточной наградой дорованную тебѣ свободу,—нѣтъ, великія услуги требуютъ большей благодарности, и я знаю, весь городъ не отказался бы обогатить тебя, но мнѣ хочется оставить эту честь исключительно за однимъ собой.

— Господинъ мой, отвѣтилъ я, выслушавъ эту великодушную рѣчь: свобода такое драгоцѣнное благо, что оно одно съ избыткомъ вознаградитъ меня; но если ты желаешь довершить свои милости, то позволь мнѣ вернуться на родину. — Хорошо, возвращайся съ Богомъ, сказалъ на это хозяинъ: вотъ скоро муссонъ *) пригонитъ къ намъ корабли, что приплываютъ сюда ежегодно за слоновой костью; съ ними я отпущу тебя и позабочусь, чтобы ты не терпѣлъ никакихъ лишеній во время пути.—Я снова выразилъ свою благодарность и, въ ожиданіи муссона, помогалъ хозяину въ перевозкѣ съ холма слоновыхъ зубовъ, которыми наполнились всѣ его склады. Другіе купцы, занимавшіеся одинаковымъ промысломъ, тоже успѣли сдѣлать большіе запасы, такъ какъ мое открытіе стало всѣмъ извѣстно.

Наконецъ прибыли и корабли; хозяинъ самъ выбралъ для меня одинъ изъ нихъ и, нагрузивъ его слоновой костью, объявилъ, что половина этого груза будетъ считаться моей. Кромѣ того, въ виду продолжительности плаванія, онъ снабдилъ меня большимъ количествомъ провіанта и заставилъ принять еще нѣсколько цѣнныхъ и рѣдкихъ вещей мѣстнаго произведенія. Я отъ всего сердца благодарилъ его за всѣ оказанныя милости и, простившись съ нимъ, отправился въ путь. При ровномъ попутномъ вѣтрѣ, корабль нашъ подвигался быстро; берегъ скоро

*) Слово, очень употребительное при плаваніи по восточнымъ морямъ. Это пассатный вѣтеръ, правильно дующій шесть мѣсяцевъ отъ запада къ востоку, другіе же шесть—отъ востока къ западу. *Муссономъ* называется также время года, когда господствуетъ этотъ вѣтеръ. (Галланъ).

скрылся изъ вида, и тогда, среди этого необъятнаго простора, радостное чувство свободы и независимости наполнило мою душу восторженнымъ умиленіемъ.

Во весь долгій путь мы останавливались только у нѣсколькихъ острововъ для возобновленія запасовъ воды и съѣстной провизіи и наконецъ прибыли къ той же индійской гавани, откуда я отправился первоначально. Здѣсь, чтобы не подвергать себя болѣе опаснымъ морскимъ переходамъ до Балсоры, я выгрузилъ принадлежавшую мнѣ слоновую кость, предпочитая вернуться на родину сухимъ путемъ. Товаръ мой былъ распроданъ въ нѣсколько дней и доставилъ мнѣ огромную сумму денегъ; часть изъ нихъ я употребилъ на покупку подарковъ роднымъ и друзьямъ, остальныя же вмѣстѣ съ разными драгоцѣнностями повезъ домой, присоединившись къ одному большому купеческому каравану.

Дологъ и утомителенъ былъ этотъ путь по знойнымъ степямъ, но я безропотно мирился со всѣми его трудностями и лишеніями, утѣшая себя мыслью, что теперь мнѣ, по крайней мѣрѣ, не грозятъ уже ни бури, ни корсары, ни змѣи и никакія другія опасности, такъ часто выпадавшія на мою долю. Дѣйствительно, мы вполнѣ благополучно добрались наконецъ до Багдада, гдѣ я, разумѣется, первымъ дѣломъ поспѣшилъ явиться къ калифу, чтобы отдать ему отчетъ въ возложенномъ на меня порученіи. Государь отнесся ко мнѣ очень благосклонно и сказалъ, что мое долгое отсутствіе сильно тревожило его. Когда же я разсказалъ о разумномъ поступкѣ слоновъ, онъ не могъ надивиться и очевидно повѣрилъ мнѣ только потому, что не сомнѣвался въ моей правдивости. Вообще, всѣ мои приключенія показались ему настолько необычайными, что онъ также, какъ и царь Серендибъ, пожелалъ увѣковѣчить ихъ въ потомствѣ, и по его повелѣнію они были вписаны съ моихъ словъ въ исторію замѣчательныхъ событій. Осчастливленный милостивымъ пріемомъ и богатыми дарами своего монарха, я вернулся домой съ чувствомъ полнаго удовлетворенія, и съ той поры мое безмятежное спокойствіе уже ничѣмъ не нарушалось.

Такъ закончилъ Синдбадъ разсказъ о своемъ послѣднемъ плаваніи и затѣмъ, обращаясь къ носильщику, добавилъ:—Теперь ты знаешь мою жизнь,—знаешь, какою страшной цѣной достались мнѣ всѣ эти видимыя богатства, и потому скажи мнѣ, по совѣсти, имѣю ли я право пользоваться своимъ настоящимъ положеніемъ, или нѣтъ?—Господинъ мой, отвѣчалъ Хиндбадъ, вставая и съ чувствомъ цѣлуя его руку,—я давно уже искренно раскаиваюсь въ своихъ опрометчивыхъ словахъ, вырвавшихся у меня въ минуту раздраженія. До сихъ поръ я не могъ даже представить себѣ, чтобы человѣкъ, съ своими слабыми, ограниченными силами, способенъ былъ преодолѣть такія страшныя бѣдствія. Послѣ этого мнѣ стыдно было бы говорить о тѣхъ мелкихъ лишеніяхъ и не-

взгодахъ, какія приходилось испытывать наравнѣ съ безчисленнымъ множествомъ такихъ же бѣдныхъ тружениковъ, какъ я. Своими безпримѣрными страданіями ты пріобрѣлъ неотъемлемое право на пользованіе всѣми благами міра. Будь же счастливъ и хранимъ Всевышнимъ до послѣдней минуты твоей жизни!

Эти слова, сказанныя отъ чистаго сердца, тронули Синдбада; онъ щедро наградилъ своего новаго друга, давъ ему возможность бросить непосильный трудъ.—Я хочу,—говорилъ онъ,—чтобы ты помнилъ во всю жизнь Синдбада-Мореплавателя.

Сказка о трехъ яблокахъ.

— Государь! начала Шехеразада, ты уже слышалъ отъ меня объ одной изъ ночныхъ прогулокъ Гаруна-аль-Рашида, теперь я разскажу тебѣ еще о другой:

Въ одно утро, послѣ обычнаго совѣщанія съ своимъ великимъ визиремъ Джіафаромъ, калифъ сказалъ ему: — Будь готовъ сопровождать меня нынѣшней ночью; я хочу обойти всѣ городскія улицы, чтобы узнать, наблюдаютъ ли, какъ слѣдуетъ, мои избранные правители за спокойствіемъ и благоденствіемъ моего народа. Въ чьемъ вѣдѣніи окажется безпорядокъ, или встрѣтится какой нибудь поводъ къ недовольству, того я отставлю немедленно и замѣщу другимъ; а чья дѣятельность проявится съ хорошей стороны, тотъ будетъ вознагражденъ по заслугамъ.

Въ назначенный часъ Джіафаръ и Месруръ начальникъ евнуховъ ожидали во дворцѣ появленія своего государя; когда же онъ вышелъ къ нимъ, всѣ трое переодѣлись по обыкновенію такъ, чтобы никто не могъ узнать ихъ, и отправились вмѣстѣ по безмолвнымъ улицамъ города.

Пройдя черезъ нѣсколько площадей и рынковъ, они повернули въ какой то переулокъ и тамъ, при яркомъ лунномъ свѣтѣ, увидали шедшаго имъ навстрѣчу высокаго старика съ длинной сѣдой бородой; на головѣ онъ несъ рыболовныя сѣти, на одной рукѣ складную корзину изъ пальмовыхъ листьевъ, а другою опирался на палку.—Судя по виду, это какой нибудь горемыка-бѣднякъ, замѣтилъ калифъ, надо спросить его, чѣмъ и какъ онъ живетъ.—Остановись ка, добрый человѣкъ, окликнулъ визирь старика, и повѣдай намъ, кто ты таковъ? — Ахъ, господинъ мой, отвѣчалъ прохожій, я промышляю рыболовствомъ, только такъ неудачно, что, кажется, во всемъ Багдадѣ не найдется человѣка бѣднѣе меня. Сегодня я вотъ съ самаго утра вышелъ на ловлю, и хоть бы одна рыбка попалась мнѣ за все это время! Такъ и ушелъ ни съ чѣмъ; а между тѣмъ у меня семья на рукахъ, — жена и малыя дѣти, которыхъ надо кормить.

Движимый состраданіемъ, калифъ сказалъ рыбаку:—Не согласишься ли ты сейчасъ же вернуться къ рѣкѣ и снова закинуть свои сѣти на мое счастье? Я дамъ тебѣ сто цехиновъ за то, что ты выловишь. При такомъ предложеніи, рыбакъ сразу оправился отъ своего безплоднаго дневнаго труда и бодро зашагалъ обратно къ Тигру, въ сопровожденіи калифа, Джіафара и Месрура, едва поспѣвавшихъ за нимъ.—Не обманутъ же меня такіе почтенные господа, размышлялъ онъ дорогой; не похоже на то, чтобы они стали глумиться надъ бѣднякомъ; а если я получу за свой трудъ хотя сотую долю обѣщаннаго, — и то будетъ великое благо.

Такъ пришли они къ самому берегу Тигра; рыбакъ закинулъ свои сѣти, а когда, черезъ опредѣленное время, сталъ ихъ вытаскивать, при этомъ ощущалась такая тяжесть, словно отъ громаднаго улова. Но, вмѣсто рыбы, въ распутанныхъ сѣтяхъ оказался большой, тяжеловѣсный сундукъ, запертый на замокъ и очевидно вмѣщавшій какую то кладь. Рыбаку тотчасъ же были выданы обѣщанные сто цехиновъ, и онъ отпра-

вился домой, не помня себя отъ радости; калифъ же, мучимый любопытствомъ узнать поскорѣй, что́ заключается въ таинственномъ сундукѣ, велѣлъ своимъ спутникамъ нести его за собой и, отложивъ дальнѣйшій обходъ до слѣдующей ночи, поспѣшилъ возвратиться во дворецъ. Тамъ, повинуясь нетерпѣливому желанію государя, визирь и евнухъ, общими усиліями, въ одну минуту вскрыли сундукъ, не подбирая къ нему ключа, и вытащили оттуда большую корзину изъ пальмовыхъ листьевъ, съ та-

кой же крышкой, пришитой къ ней красной шерстью; ее обрѣзали ножомъ, чтобы долго не развязывать, и тогда внутри оказалось что то большое, завернутое въ старый коверъ и опутанное веревками; когда же и это было вскрыто, всѣ съ ужасомъ увидали разрубленное на четыре части, молодое и бѣлое, какъ снѣгъ, женское тѣло.

Легче представить себѣ, чѣмъ передать словами, какъ поразило калифа это ужасное зрѣлище. Но изумленіе его черезъ минуту перешло въ сильнѣйшій гнѣвъ, и, грозно взглянувъ на визиря, онъ воскликнулъ:— Такъ вотъ какъ ты наблюдаешь за поступками моего народа! Подъ твоимъ вѣдѣніемъ въ моей столицѣ безнаказанно рѣжутъ людей и бро-

саютъ ихъ въ Тигръ, чтобы въ день страшнаго суда они явились моими обвинителями предъ Богомъ! Такъ слушай же: если ты немедленно не откроешь убійцу этой несчастной, то, клянусь всѣмъ, что мнѣ свято и дорого, ты будешь повѣшенъ вмѣсто него, а вслѣдъ за тобой подвергнутся той же участи сорокъ человѣкъ изъ твоей родни, начиная съ самыхъ близкихъ тебѣ по крови. Пораженный этими грозными словами, визирь едва могъ проговорить:—О, государь, будь милосердъ! Дай мнѣ хоть время на розыски.... — Я даю тебѣ трехдневный срокъ и ни одного часа болѣе! отвѣтилъ калифъ.

Хорошо зная непреклонный нравъ своего повелителя, визирь Джіафаръ не сказалъ больше ни слова и уныло побрелъ домой. — Прощай жизнь! думалъ онъ, теперь только развѣ какое нибудь чудо можетъ спасти меня. Багдадъ обширенъ, населеніе его многолюдно, такъ гдѣ же найти въ немъ убійцу! Навѣрно его и слѣдъ давно простылъ, а преступленіе, конечно, совершено безъ свидѣтелей. Пожалуй, другой на моемъ мѣстѣ взялъ бы изъ тюрьмы перваго попавшагося преступника и предалъ бы его казни, чтобы только исполнить повелѣніе калифа, но я не хочу брать на свою совѣсть такого тяжкаго грѣха, лучше ужъ самому пострадать безвинно, чѣмъ спастись такою цѣной.

Однако онъ немедленно отдалъ приказъ всѣмъ подвластнымъ ему охранителямъ общественнаго порядка и сыщикамъ — употребить всевозможныя средства къ розысканію преступника. По всему городу производились дознанія, неустанно бѣгала по немъ вся полиція, отъ высшихъ до нижнихъ чиновъ, такъ какъ это дѣло грозило имъ тоже не малой бѣдой, но всѣ ихъ старанія остались напрасными: убійца словно канулъ въ воду. Тогда уныніе визиря перешло уже въ полное отчаяніе.

Дѣйствительно, въ послѣдній часъ назначеннаго срока, къ несчастному министру явился царскій посланный съ повелѣніемъ немедленно слѣдовать за нимъ во дворецъ.—Ну, что же, найденъ ли убійца? спросилъ государь, лишь только Джіафаръ показался въ дверяхъ. — Нѣтъ, повелитель, да будетъ воля твоя надо мной, но всѣ наши розыски не привели ни къ чему. Калифъ не смягчился ни слезами, ни жалобной мольбой приговореннаго къ смерти; въ своемъ неукротимомъ гнѣвѣ онъ осыпалъ его упреками и вслѣдъ за тѣмъ отдалъ такой приказъ:—Воздвигнуть сейчасъ же надлежащее количество висѣлицъ передъ воротами дворца и повѣсить сначала визиря Джіафара потомъ сорокъ Бармесидовъ *)—его родственниковъ.

Между тѣмъ, какъ одни устраивали на указанномъ мѣстѣ зловѣщіе столбы съ перекладинами, а другіе забирали Бармесидовъ по ихъ домамъ, народный глашатай объѣзжалъ, по монаршему повелѣнію, всѣ улицы города, громогласно выкрикивая:

„Кто хочетъ видѣть казнь великаго визиря Джіафара и сорока Бармесидовъ, его близкихъ и дальнихъ родныхъ,—тотъ пусть идетъ на дворцовую площадь!“

Когда все было готово, и толпы народа стеклись со всѣхъ концовъ Багдада, появилась дворцовая стража верхомъ на коняхъ, а за нею шли среди вооруженныхъ солдатъ великій визирь Джіафаръ и сорокъ Бармесидовъ, осужденныхъ на ту же казнь. Ихъ всѣхъ разставили у подножій предназначенныхъ имъ висѣлицъ и надѣли на шею каждаго веревочную петлю. Народъ, собравшійся вокругъ, не жаждалъ на этотъ

---

*) Родъ Бармесидовъ, по своей знатности, занимаетъ первое мѣсто на Востокѣ послѣ царственныхъ родовъ. Нѣкоторые историки относятъ его происхожденіе къ древнимъ персидскимъ царямъ, но, по авторитетному свидѣтельству восточнаго лѣтописца Замакшари, онъ возникъ одновременно съ городомъ Балкомъ. Одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ представителей этого знаменитаго рода былъ Абу-Али-бендъ-Калодъ-бенъ Бармекъ, которому Гарунъ-аль-Рашидъ ввѣрилъ воспитаніе своего сына. Фадэль, Джіафаръ, Мухаммедъ и Муза—сыновья Бармека—достойно поддержали честь и славу, завѣщанныя имъ отцомъ. Изъ подробныхъ документовъ, относящихся къ тому времени, можно видѣть, что всѣ четыре брата одинъ за другимъ подверглись немилости калифа Гаруна-аль-Рашида, но эта царская опала и потеря могущества, однакожь, не вычеркнули ихъ изъ народной памяти и не помѣшали историкамъ удѣлить имъ столько вниманія, сколько они не всегда удѣляли величайшимъ царямъ Востока.

(Галланъ).

разъ любопытнаго зрѣлища, а видимо скорбѣлъ и негодовалъ; на всѣхъ лицахъ выражалась печаль, во всѣхъ глазахъ были слезы, потому что великій визирь Джіафаръ и всѣ представители этого славнаго рода были любимы и чтимы народомъ за ихъ непоколебимую честность, великодушіе и справедливость не только въ одномъ Багдадѣ, но и во всей обширной имперіи калифа.

Ничто уже не мѣшало исполненію безпощаднаго приговора, еще нѣсколько минутъ—и не стало бы лучшихъ, честнѣйшихъ людей государства, какъ вдругъ, съ усиліемъ пробравшись сквозь народную толпу, изъ нея выдвинулся молодой, красивый человѣкъ въ одеждѣ богатаго горожанина; онъ порывисто бросился къ визирю Джіафару, схватилъ его руку и, цѣлуя ее, съ волненіемъ проговорилъ: — О, мудрый правитель, достойный глава эмировъ, благодѣтель всего народа и прибѣжище несчастныхъ,—тебѣ ли погибать за чужую вину! Я убійца женщины, брошенной въ Тигръ, и готовъ искупить смертью свое преступленіе, такъ пусть же одного меня и постигнетъ жестокая кара!

Радостны были для обреченнаго визиря эти спасительныя слова, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ почувствовалъ неодолимую жалость къ молодому человѣку, взглянувъ на его печальное, кроткое лицо, въ которомъ не замѣчалось ни малѣйшаго признака преступности.—Правда ли это? началъ было онъ, но тутъ же изъ толпы выступилъ высокій, сѣдой старикъ и, поспѣшно подойдя къ нему, сказалъ:—Не вѣрь ему, господинъ нашъ, не вѣрь!—Не онъ, а я убійца изрубленной женщины, и наказаніе должно пасть на меня одного; умоляю же тебя именемъ Бога, не карай неповиннаго вмѣсто виновнаго.—О, неправда, неправда! воскликнулъ молодой человѣкъ, клянусь тебѣ вѣчной жизнью, одинъ я совершилъ это гнусное преступленіе, и никто не былъ ни сообщникомъ его, ни даже свидѣтелемъ.—Твоя рѣчь внушена тебѣ отчаяніемъ, сынъ мой, перебилъ старикъ, оно же и привело тебя сюда; ты безумно вызываешь смерть до опредѣленнаго часа, я же давно дожилъ до той поры, когда жизнь становится тяжкимъ бременемъ, и потому безъ сожалѣнія готовъ отдать ее за твою. Повторяю тебѣ снова, господинъ нашъ, добавилъ онъ, обращаясь къ великому визирю,—одинъ я преступникъ, предай же меня смерти, не медля и не раздумывая долѣе.

Тогда Джіафаръ, не зная, кому вѣрить и какъ разрѣшить это странное разногласіе между старикомъ и юношей, обратился къ главному члену верховнаго суда, наблюдавшему за исполненіемъ монаршей воли, и тотъ охотно дозволилъ ему вести обоихъ во дворецъ. Представъ передъ калифомъ, визирь преклонился до земли, семикратно поцѣловалъ полъ у его ногъ и проговорилъ:—Повелитель правовѣрныхъ! обрати свое высокое вниманіе на приведенныхъ къ тебѣ людей и рѣши самъ, кто изъ двоихъ говоритъ правду. Каждый отдѣльно признаетъ себя един-

ственнымъ убійцей изрубленной женщины. Удивленный калифъ обратился къ обоимъ, требуя правдиваго и положительнаго отвѣта на свой вопросъ: кто совершилъ жестокое убійство и бросилъ жертву въ Тигръ? Я! снова подтвердилъ молодой человѣкъ, клянусь въ этомъ, государь, передъ Богомъ и передъ тобою. Но и старикъ въ свою очередь, также упорно продолжалъ принимать преступленіе на одного себя. Послѣ многихъ напрасныхъ попытокъ добиться истины, калифъ наконецъ потерялъ терпѣніе и рѣшилъ такъ:—Повѣсить ихъ обоихъ!—О, государь, возразилъ Джіафаръ, это было бы явной несправедливостью. Если убійство совершено только однимъ, за что же карать другого?

При этихъ словахъ, молодой человѣкъ заговорилъ еще съ большимъ жаромъ:—Государь! клянусь тебѣ великимъ Богомъ на небесахъ, что это я, одинъ я убилъ несчастную,—разрубилъ ея тѣло на четыре части, заперъ ихъ въ сундукъ и бросилъ въ Тигръ. Да буду я отринутъ милосердымъ Творцомъ въ день страшнаго суда, если показаніе мое ложно, такъ повели же предать меня заслуженной казни. На этотъ разъ увѣреніе, скрѣпленное такой страшной клятвой, достигло своей цѣли; старикъ печально понурилъ голову и не сказалъ больше ни слова въ опроверженіе, а возмущенный калифъ обратился къ преступнику и сурово спросилъ его:—Какъ же могъ ты совершить такое гнусное злодѣяніе и почему теперь самъ такъ настойчиво добиваешься казни?—Государь! отвѣчалъ несчастный, еслибы все, что произошло между мной и убитой, было написано для общаго свѣдѣнія, эта печальная повѣсть послужила бы назиданіемъ для многихъ.—Я желаю ее слышать, объявилъ калифъ, разскажи же мнѣ все, безъ утайки. Повинуясь этому повелѣнію, молодой человѣкъ началъ такъ:

Разсказъ женоубійцы.

Государь мой и повелитель! Тяжело мнѣ это признаніе, но оно будетъ вполнѣ правдиво,—выслушай же его внимательно до конца и потомъ суди, какъ Господь положитъ тебѣ на сердце. Убитая женщина была моей женой и дочерью вотъ этого старика, который приходится мнѣ роднымъ дядей по отцу. Ей не было еще двѣнадцати лѣтъ, когда онъ выдалъ ее за меня замужъ, и я долженъ признаться, что съ той поры никогда, ни однимъ своимъ поступкомъ, даже ни однимъ словомъ, она не подала мнѣ повода къ малѣйшему неудовольствію. Тихая, добрая, разумная, она кажется только и думала о томъ, какъ бы угодить мнѣ. За то и я съ своей стороны любилъ ее больше всего на свѣтѣ. Такъ прожили мы одиннадцать лѣтъ въ полномъ довольствѣ и счастіи, которое еще увеличивалось съ появленіемъ каждаго ребенка, а Богъ даровалъ намъ троихъ сыновей, щедро надѣливъ ихъ и умомъ, и красо-

той, и силой. Они всѣ живы и теперь, только мнѣ уже не суждено на нихъ радоваться.

Мѣсяца два тому назадъ жена моя вдругъ занемогла; это сильно встревожило меня, и я съ удвоенной нѣжностью сталъ ухаживать за ней и дѣлать все возможное, чтобы возстановить ея здоровье. Черезъ мѣсяцъ дѣйствительно оправилась уже настолько, что могла вставать съ постели и даже выходить изъ дому; въ одно утро, собравшись въ баню, она сказала мнѣ:—Милый (это было ея неизмѣнное выраженіе при разговорѣ со мной), сдѣлай мнѣ удовольствіе, приготовь къ моему возвращенію нѣсколько яблокъ. Я уже давно мечтаю о нихъ, а сегодня не могу даже превозмочь своей прихоти.—Хорошо, дорогая моя, отвѣтилъ я, сдѣлаю все, чтобъ исполнить твое желаніе.

Она ушла, а я немедленно отправился на рынки: обѣжалъ одинъ, другой,—яблокъ не было; затѣмъ сталъ искать ихъ по всему городу, перебывалъ во всѣхъ фруктовыхъ лавкахъ, и нигдѣ ни одного не оказалось, хотя я предлагалъ по цехину за яблоко. Грустно вернулся я домой, гдѣ меня уже давно поджидала жена; узнавъ о моей неудачѣ, она такъ огорчилась, что не могла заснуть во всю ночь.

На другой день я всталъ еще до разсвѣта и отправился по всѣмъ окрестнымъ садамъ, однакожъ поиски мои были также неудачны, какъ и наканунѣ. Наконецъ одинъ старый садовникъ сказалъ мнѣ, чтобъ я не трудился напрасно и не искалъ того, чего нѣтъ.—Яблоки въ настоящее время, добавилъ онъ,—можно найти развѣ только въ Балсорѣ, въ садахъ его величества.

Мнѣ такъ хотѣлось доставить удовольствіе горячо любимой женѣ, что я тутъ же рѣшился ѣхать въ Балсору и, вернувшись домой, наскоро переодѣлся по дорожному, простился съ женой, сообщивъ ей о своемъ намѣреніи, и отправился въ путь. Во всѣхъ царскихъ садахъ мнѣ удалось найти только три яблока; садовники назначили за нихъ неимовѣрную цѣну, но для меня это было не важно; я уплатилъ деньги по три цехина за каждое яблоко—и черезъ двѣ недѣли благополучно вернулся домой. Къ моему огорченію, жена моя опять разнемоглась за это время; она уже не хотѣла яблокъ, однако взяла ихъ и положила около себя. Мнѣ было такъ прискорбно, что я совсѣмъ потерялъ голову и не зналъ, чѣмъ облегчить недугъ своей возлюбленной.

Черезъ нѣсколько дней послѣ возвращенія изъ Балсоры, я сидѣлъ по обыкновенію въ своей лавкѣ, принадлежащей къ той части рынка, гдѣ продаются самыя дорогія и тонкія ткани; вдругъ мнѣ попался на глаза высокій, черный невольникъ съ какимъ то особенно непріятнымъ лицомъ. Въ рукѣ онъ держалъ большое, румяное яблоко, которое я сразу призналъ за одно изъ привезенныхъ мной женѣ. Тутъ не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, такъ какъ мнѣ пришлось убѣдиться, что ни въ

Багдадѣ, ни въ окрестныхъ садахъ невозможно найти ни одного изъ этихъ плодовъ. Сильно удивленный, я подозвалъ къ себѣ невольника и сказалъ ему:—Послушай, добрый человѣкъ, нельзя ли мнѣ узнать, откуда ты добылъ это яблоко?—Откуда добылъ? повторилъ негръ съ какой то наглой усмѣшкой,—да очень просто: это подарокъ моей любовницы. Сегодня я заходилъ къ ней на свиданіе; она бѣдняжка немного больна и принимала меня въ постели. Около ея кровати я увидалъ три

яблока и полюбопытствовалъ узнать, откуда у нея взялась такая рѣдкость; тутъ она мнѣ и сказала, что это мужъ привезъ ей изъ Балсоры и цѣлыхъ двѣ недѣли проѣздилъ за такими пустяками. Мы вмѣстѣ посмѣялись надъ его глупостью, а на прощанье она дала мнѣ вотъ это яблоко.

Нужно ли говорить, какое дѣйствіе произвела на меня эта возмутительная рѣчь: я вскочилъ, какъ ужаленный, поспѣшно заперъ свою лавку и, прибѣжавъ домой, опрометью бросился въ спальню жены. Здѣсь прежде всего я взглянулъ на яблоки и, увидавъ только два, спросилъ, гдѣ же третье? — Не знаю, милый, небрежно отвѣчала жена. Этотъ спокойный отвѣтъ и это равнодушіе почему то показались мнѣ несомнѣннымъ доказательствомъ всего того, чѣмъ похвалялся проклятый негръ; бѣшеная ревность поднялась въ моей груди, я выхватилъ кинжалъ изъ за пояса и, внѣ себя отъ ярости, вонзилъ его въ сердце жены; потомъ, съ какой то холодной жестокостью убійцы, сталъ хоронить

слѣды своего преступленія. Прежде всего я отрубилъ голову несчастной, разсѣкъ на четыре части туловище, связалъ ихъ въ узелъ, уложилъ въ корзину и укрѣпилъ крышку ея попавшейся мнѣ шерстью; а съ наступленіемъ ночи, вложилъ эту корзину въ сундукъ, взвалилъ его себѣ на плечи и отправился къ набережной, гдѣ бросилъ свою ношу въ Тигръ.

Во все это время двое моихъ младшихъ дѣтей уже спали, а старшаго не было дома. При своемъ возвращеніи, я увидалъ, что онъ сидитъ на порогѣ и заливается горькими слезами. На мой вопросъ, что съ нимъ? мальчикъ отвѣчалъ сквозь рыданія: — Я боюсь встревожить мать; она больна, а я непремѣнно огорчу ее. Видишь ли, отецъ, сегодня утромъ я взялъ у нея потихоньку одно яблоко съ тѣмъ, чтобы поиграть немного и положить его опять на мѣсто. Вдругъ, когда я вмѣстѣ съ братьями былъ на улицѣ, ко мнѣ подошелъ какой то высокій, страшный негръ, вырвалъ у меня яблоко и унесъ. Я умолялъ его отдать, бѣжалъ за нимъ долго, говорилъ ему, что ты, отецъ, проѣздилъ цѣлыхъ двѣ недѣли въ Балсору за этими яблоками для моей больной матери, но и тамъ нашелъ всего только три, Злой негръ не слушалъ меня, а я все не отставалъ отъ него, все кричалъ; вдругъ онъ обернулся, толкнулъ меня въ грудь и скрылся въ какомъ то переулкѣ. Такъ мнѣ обидно и горько стало послѣ этого, что не хотѣлось даже возвращаться домой, и я весь день пробродилъ по городу. Теперь же, отецъ, я поджидалъ тебя: уговори мать, чтобъ она не огорчалась и не сердилась на меня. Боюсь, какъ бы она не расхворалась еще больше.

Этотъ разсказъ ребенка поразилъ меня, какъ громомъ. Ясно было, что въ своемъ ослѣпленіи я совершилъ страшное, чудовищное злодѣйство. Но что можетъ быть больнѣе и хуже безплоднаго, поздняго раскаянія! Я не могъ поправить своей роковой ошибки, и это сознаніе приводило меня въ невыразимое отчаяніе: я проклиналъ и себя, и чернаго изверга, который со словъ моего сына выдумалъ эту отвратительную исторію, показавшуюся мнѣ правдоподобной. Въ такомъ то состояніи засталъ меня вотъ этотъ старикъ—мой дядя; онъ пришелъ было навѣстить свою дочь... Несчастный и не подозрѣвалъ, что ея уже нѣтъ на свѣтѣ. Я самъ, со всѣми подробностями, разсказалъ ему о своемъ звѣрскомъ поступкѣ и ожидалъ, что онъ проклянетъ меня и предастъ въ руки правосудія. Однакожъ, къ великому удивленію, онъ не произнесъ даже ни малѣйшаго упрека и только присоединилъ свои слезы къ моимъ безумнымъ рыданіямъ. Вотъ, государь, правдивая исторія этого несчастнаго событія; вина моя слишкомъ тяжела и очевидна, чтобы заслуживать какого нибудь снисхожденія, да я и не прошу объ этомъ,—напротивъ, я умоляю тебя, повелитель, воздать мнѣ смертью за смерть.

Глубокое, искреннее горе, звучавшее въ словахъ молодаго человѣка, произвело на калифа сильное впечатлѣніе; движимый состраданіемъ и своимъ неизмѣннымъ правосудіемъ, онъ сказалъ, обращаясь къ великому визирю:—Поступокъ этого человѣка будетъ прощенъ самимъ Богомъ, и я не могу осудить его. Главный виновникъ настоящаго преступленія—это коварный рабъ, измыслившій свою гнусную клевету; его одного и слѣдуетъ наказать. Поэтому, даю тебѣ еще три дня на розысканіе злодѣя, и если въ назначенный срокъ ты не найдешь его, то казнь твоя не будетъ отмѣнена.

Выслушавъ этотъ неожиданный приказъ, несчастный Джіафаръ пришелъ въ полное уныніе; онъ было успокоился, думая, что опасность миновала его, и вдругъ—новая бѣда, не менѣе грозная. Но, хорошо зная, что слово калифа твердо и неизмѣнно, какъ законъ, онъ счелъ безполезнымъ возражать и, молча, со слезами на глазахъ, удалился изъ дворца. Глубоко увѣренный въ невозможности найти виновнаго, визирь не помышлялъ даже ни о какихъ распоряженіяхъ по этому поводу.—Все равно, думалъ онъ, въ такомъ большомъ городѣ, какъ Багдадъ, гдѣ тысячи черныхъ невольниковъ, нельзя отыскать именно того, который

могъ бы меня спасти. Развѣ самъ Богъ найдетъ его, какъ Онъ нашелъ убійцу,—да будетъ же Его святая воля!

Прошло уже два дня изъ назначеннаго срока, а Джіафаръ во все это время не выходилъ даже изъ дому, гдѣ съ утра до утра не умолкали отчаянные вопли его семьи и горькія жалобы на жестокость калифа. На третій день онъ уже окончательно сталъ приготовляться къ смерти: призвалъ кади, подписалъ составленное имъ завѣщаніе и обнялъ въ послѣдній разъ жену и дѣтей, прощаясь съ ними навѣки. Зрѣлище настолько было трогательно, что всѣ—даже чужіе, собравшіеся на проводы, не могли удержаться отъ слезъ и плакали навзрыдъ. Наконецъ явился посланный изъ дворца и объявилъ, что калифъ очень недоволенъ медленностью великаго визиря и требуетъ его къ себѣ.

Несчастный министръ, не имѣвшій на совѣсти ни единаго упрека, безпрекословно повиновался волѣ своего государя и тотчасъ же готовъ былъ отправиться во дворецъ, гдѣ ожидалъ его смертный приговоръ. Когда онъ уже совсѣмъ выходилъ изъ дому, къ нему подвели младшую дочь—дѣвочку лѣтъ пяти или шести. Женщина, ходившая за ней, побуждаемая жалостью, хотѣла, чтобъ отецъ благословилъ ее въ послѣдній разъ. Джіафаръ особенно любилъ этого ребенка и потому, испросивъ позволенія у царскаго посла, онъ остановился на минуту, поднялъ дѣвочку къ себѣ на руки и сталъ цѣловать ее, крѣпко прижимая къ своей груди. Въ это время онъ ощутилъ что то твердое и круглое, какъ шаръ.—Что это у тебя за пазухой, моя милая крошка? спросилъ отецъ.—Яблоко, отвѣчала она;—мнѣ купила его няня у Рихана *)—нашего невольника. Оно очень хорошее, на немъ написано имя калифа.

При этихъ словахъ великій визирь не могъ удержаться отъ радостнаго восклицанія; онъ поспѣшно вынулъ яблоко изъ за пазухи своей дочери и тотчасъ же приказалъ привести названнаго невольника, а когда тотъ явился, онъ гнѣвно спросилъ у него:—Негодяй! Откуда ты взялъ это яблоко? Рабъ перепугался и отвѣчалъ въ смущеніи:—Прости, господинъ! Клянусь, я не укралъ его ни у тебя, ни изъ садовъ калифа, нашего повелителя. Позволь разсказать тебѣ, какъ было дѣло: Недавно повстрѣчалъ я мимоходомъ какихъ то ребятишекъ, игравшихъ на улицѣ; одинъ изъ нихъ держалъ въ рукѣ большое, красивое яблоко, мнѣ вдругъ и вздумалось вырвать его. Мальчикъ бросился за мной вслѣдъ.—Отдай, кричалъ онъ со слезами, отдай! Это одно изъ тѣхъ трехъ яблокъ, что́ мой отецъ привезъ изъ Балсоры моей больной матери, онъ цѣлыхъ двѣ недѣли проѣздилъ за ними нарочно. Наконецъ надоѣлъ мнѣ мальчишка своими воплями, я оттолкнулъ его, а самъ поспѣшилъ скрыться въ

*) *Риханъ*—базилика (пахучее растеніе), но арабы даютъ это названіе своимъ невольникамъ, какъ во Франціи, напримѣръ, называютъ лакеевъ жасминами.

(Галланъ).

первомъ переулкѣ. Потомъ одна изъ твоихъ невольницъ купила у меня яблоко для маленькой госпожи. Вотъ и все, что я могу сказать.

Слушая этотъ разсказъ, великій визирь былъ пораженъ роковымъ стеченіемъ обстоятельствъ: грубый рабъ сказалъ случайно первое, что взбрело ему на умъ, и его ничтожныя слова могли повести къ такимъ страшнымъ послѣдствіямъ! Они не только послужили причиной убійства неповинной женщины, но едва не стоили жизни и ему самому, и всѣмъ его роднымъ. Онъ повелъ своего невольника во дворецъ и разсказалъ государю обо всемъ, что произошло въ послѣднія минуты.

Калифъ, узнавъ, изъ какихъ пустяковъ началось все это дѣло, едва могъ удержаться отъ улыбки, но тотчасъ же принялъ серьезный видъ и сказалъ:—Какъ бы то ни было, но этотъ невольникъ причинилъ такъ много зла, что заслуживаетъ примѣрнаго наказанія.

— Не стану противорѣчить тебѣ, великій государь, отвѣтилъ визирь,—но все же думаю, что и въ этомъ случаѣ справедливость требуетъ снисхожденія. Не мало удивительнаго совершается на свѣтѣ: я знаю, напримѣръ, одну исторію, которая превосходитъ своей необычайностью даже настоящее событіе, и если твоему величеству угодно будетъ прослушать ее, то я осмѣлился бы предложить такое условіе: наградой за интересное содержаніе моей повѣсти должно быть помилованіе моего раба.

— Согласенъ и съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ калифъ,— но только ты берешь на себя слишкомъ трудную задачу; едва ли тебѣ удастся спасти своего невольника, такъ какъ не думаю, чтобы разсказъ твой былъ удивительнѣе исторіи трехъ яблокъ.

Тогда Джіафаръ началъ такъ:

О Нурэддинѣ-Али *) и Бедрэддинѣ-Гассанѣ **).

Въ давно прошедшія времена, въ Египтѣ царствовалъ султанъ, ознаменовавшій свое правленіе не столько воинскими доблестями, сколько умомъ, великодушіемъ, щедростью и особенно строгимъ соблюденіемъ правосудія. Онъ искренно заботился объ улучшеніи участи бѣдняковъ и въ то же время широко покровительствовалъ людямъ ученымъ, охотно предоставляя имъ высшія должности въ государствѣ. Главнымъ помощникомъ въ его трудахъ по управленію страной ему служилъ великій визирь, человѣкъ опытный, благоразумный и кромѣ того обладавшій большими научными свѣдѣніями. У этого визиря было два красавца-сына, составлявшіе гордость и утѣшеніе старика. Старшаго изъ нихъ звали

*) Нурэддинъ—свѣтъ религіи.

**) Бедрэддинъ—тоже свѣтъ религіи, равный свѣту полной луны.

Шемзеддиномъ-Мухаммедомъ *), младшаго—Нурэддиномъ-Али; оба они подавали блестящія надежды въ будущемъ, но особенными достоинствами отличался младшій братъ. Послѣ смерти отца, султанъ призвалъ къ себѣ обоихъ братьевъ и, приказавъ облачить ихъ въ одежды, присвоенныя званію великаго визиря, сказалъ имъ:—Я искренно сочувствую понесенной вами утратѣ и самъ скорблю объ умершемъ, можетъ быть, не менѣе вашего, а потому, въ память его великихъ заслугъ, хочу оказать вамъ свое особое благоволеніе: такъ какъ мнѣ извѣстно, что вы живете вмѣстѣ—неразлучно и въ полномъ согласіи, то ничто не мѣшаетъ возвести васъ обоихъ въ одинъ и тотъ же санъ. Служите мнѣ также вѣрно и честно, какъ служилъ вашъ мудрый отецъ.

Новоизбранные визири съ глубокимъ чувствомъ поблагодарили султана за оказанную милость и, вернувшись домой, съ великими почестями похоронили отца. Наконецъ, по прошествіи мѣсяца, они въ первый разъ вышли изъ своего дома, чтобы присутствовать на совѣтѣ султана, послѣ чего уже ни разу не пропускали ни одного засѣданія, дѣятельно занимаясь отправленіемъ своихъ служебныхъ обязанностей. Время отъ времени султанъ собирался на охоту и выѣзжалъ на нѣсколько дней изъ столицы; въ этихъ случаяхъ одинъ изъ братьевъ всегда обязанъ былъ сопровождать его; обыкновенно эта честь доставалась имъ поочередно. И вотъ, какъ то разъ, наканунѣ одной изъ такихъ султанскихъ охотъ, братья сидѣли вдвоемъ послѣ ужина и вели между собой дружелюбный разговоръ. Вдругъ Шемзеддинъ-Мухаммедъ сказалъ своему младшему брату: — Знаешь ли, что мнѣ пришло въ голову? Оба мы съ тобой молоды, оба пока не женаты и живемъ въ такой тѣсной дружбѣ, что хотѣлось бы навѣкъ сохранить эти отношенія. Такъ вотъ что: давай женимся въ одинъ и тотъ же день и непремѣнно на двухъ родныхъ сестрахъ, которыхъ, разумѣется, выберемъ изъ какого нибудь почтеннаго семейства. Какъ ты думаешь объ этомъ? — Что жъ тутъ думать! отвѣчалъ Нурэддинъ-Али, хорошо, и только. Мнѣ такъ правится твоя мысль, что я готовъ хоть сейчасъ же привести ее въ исполненіе.—Нѣтъ, ты погоди, продолжалъ старшій, это еще не все: мое воображеніе идетъ гораздо далѣе. Предположимъ теперь, что наши будущія жены зачнутъ и родятъ въ одинъ и тотъ же день твоя:—сына, а моя—дочь. Когда наши дѣти выростутъ и достигнутъ совершеннолѣтія, мы ихъ немедленно женимъ.—О, да это ужъ просто одна прелесть! въ восторгѣ воскликнулъ Шемзеддинъ-Али; такимъ образомъ мы дѣйствительно можемъ закрѣпить еще прочнѣе нашъ вѣчный, неразрывный союзъ! Счастливая, богатая мысль, и я одобряю ее отъ всего сердца. Только вотъ

---

*) Шемзеддинъ значитъ солнце религіи. Мухаммедъ—тоже, что Магометъ. (Галланъ).

что, дорогой братъ, какъ ты думаешь, долженъ ли будетъ мой сынъ принести выкупъ за твою дочь?—Ну, конечно, отвѣчалъ Шемзединъ-Мухаммедъ, и я увѣренъ, что, помимо всѣхъ брачныхъ расходовъ, ты охотно выдашь отъ имени своего сына по крайней мѣрѣ три тысячи цехиновъ деньгами, на такую же сумму земельныхъ участковъ, да двухъ или трехъ рабовъ.—Вотъ ужъ съ этимъ то я не согласенъ! замѣтилъ младшій братъ; ты посуди только, ради чего я долженъ приносить выкупъ? Развѣ мы не братья съ тобой, равные и по сану и по общественному положенію, и развѣ намъ неизвѣстны порядки, принятые у насъ въ подобныхъ случаяхъ? Мужчина ставится обыкновенно выше женщины, хотя бы происходилъ отъ одинаковаго съ ней рода, поэтому скорѣе тебѣ слѣдуетъ дать приданое за своей дочерью. Вообще, братъ, я вижу—ты не прочь поживиться на чужой счетъ!...

Послѣднія слова были сказаны въ шуточномъ тонѣ, но Шемзеддинъ-Мухаммедъ, крайне обидчивый по природѣ, счелъ себя настолько оскорбленнымъ, что вспыхнулъ весь и сказалъ въ сильномъ раздраженіи:—Будь же проклятъ твой сынъ, если ты осмѣливаешься ставить его выше моей дочери! Я считаю его даже недостойнымъ ея руки, какъ нахожу глупымъ и дерзкимъ съ твоей стороны равняться со мной и думать, что права наши одинаковы. Знай же, что послѣ такой выходки, я ни за что не соглашусь отдать своей дочери за твоего сына, будь онъ хоть вдвое богаче тебя.

Эта смѣшная ссора, несмотря на всю свою нелѣпость, повела, однако, къ полному разрыву между братьями. Шемзеддинъ-Мухаммедъ подъ конецъ до того разгорячился, что сталъ угрожать силой.—Еслибы завтра я не долженъ былъ сопровождать его величество, сказалъ онъ въ пылу

гнѣва, то я раздѣлался бы съ тобой по своему. Впрочемъ, это еще будетъ не поздно: по возвращеніи, я покажу тебѣ, какъ младшій братъ долженъ относиться къ старшему. Будь увѣренъ, эта дерзость не пройдетъ тебѣ даромъ! Съ этими словами онъ хлопнулъ дверью, и оба брата, равно разгнѣванные, разошлись по своимъ комнатамъ.

На другой день Шемзеддинъ-Мухаммедъ всталъ очень рано и поспѣшилъ во дворецъ, откуда вмѣстѣ съ султаномъ они выѣхали изъ Каира и направились къ странѣ пирамидъ. А Нурэддинъ-Али, послѣ безсонной, тревожной ночи, пришелъ наконецъ къ тому заключенію, что ему невозможно оставаться болѣе съ своимъ старшимъ братомъ, позволившимъ себѣ такое высокомѣрное обращеніе съ нимъ и дерзнувшимъ даже угрожать ему. Въ виду этого, онъ приказалъ осѣдлать для себя мула, запасся деньгами, драгоцѣнными камнями, провизіей, и, сказавъ слугамъ, что уѣзжаетъ дня на два или на три, отправился одинъ, не взявъ съ собой никого изъ провожатыхъ.

Выѣхавъ изъ Каира, онъ сталъ держать свой путь по направленію къ Аравіи; но мулъ его, измученный труднымъ переходомъ по знойнымъ пескамъ пустыни, вскорѣ изнемогъ и палъ мертвымъ среди дороги. Тогда молодой странникъ принужденъ былъ идти пѣшкомъ. Къ счастью, черезъ нѣсколько дней его настигъ гонецъ, посланный въ Балсору, и предложилъ ему помѣститься сзади на своемъ конѣ. Когда они прибыли въ этотъ городъ, Нурэддинъ-Али поблагодарилъ гонца за оказанную услугу и пошелъ по улицамъ, въ надеждѣ найти гдѣ нибудь пристанище. Въ это время по его пути проѣзжалъ какой то вельможа, сопровождаемый многочисленной свитой. Толпа народа видимо относилась къ нему съ большимъ уваженіемъ, останавливалась и почтительно кланялась. То былъ великій визирь балсорскаго султана, по обыкновенію объѣзжавшій городъ, чтобы своимъ присутствіемъ поддерживать миръ и спокойствіе среди жителей. Нурэддинъ-Али остановился, какъ другіе, и низко поклонился ему.

Въ эту минуту великій визирь, случайно взглянувъ на молодого человѣка, обратилъ на него вниманіе. Вѣроятно, наружность его почему нибудь особенно понравилась старому министру, такъ какъ, поравнявшись съ нимъ и замѣтивъ на немъ дорожное одѣяніе, онъ велѣлъ пріостановить лошадей и подозвалъ его къ себѣ.—Кто ты, юноша, и откуда? спросилъ вельможа.—Я родомъ изъ Египта, отвѣчалъ Нурэддинъ-Али, но былъ такъ оскорбленъ своимъ ближайшимъ родственникомъ, что предпочелъ лучше странствовать весь вѣкъ по бѣлу свѣту, чѣмъ жить съ нимъ въ одномъ городѣ и домѣ.—Великій визирь, какъ человѣкъ разумный и умудренный жизнью, замѣтилъ съ снисходительной улыбкой:—Не слишкомъ ли поспѣшно ты принялъ такое безповоротное рѣшеніе? Остерегись, сынъ мой, и повѣрь моей опытности, что жизнь вся усѣяна терніемъ, и не такія еще огорченія могутъ встрѣтиться тебѣ на пути. Лучше

слѣдуй за мной, можетъ быть мнѣ и удастся заставить тебя забыть о своей кровной обидѣ.

Нурэддинъ-Али съ радостью принялъ радушное приглашеніе великаго визиря и поселился у него въ домѣ. Чѣмъ болѣе старикъ узнавалъ своего гостя, тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе привязывался къ нему, такъ что наконецъ, оставшись съ нимъ разъ наединѣ, онъ сказалъ: — Сынъ мой, ты видишь, какъ я старѣю почти съ каждымъ днемъ и, вѣроятно, не долго проживу на этомъ свѣтѣ. У меня нѣтъ прямого наслѣдника; небо даровало мнѣ единственную дочь, такую же добрую, красивую, какъ и ты. Въ настоящее время она уже достигла того возраста, когда слѣдуетъ подумать о бракѣ; нужно ли говорить тебѣ, что самые знатные вельможи этого двора наперерывъ добиваются ея руки для своихъ сыновей, но до сихъ поръ я не рѣшился принять ни одного предложенія. Тебя же я такъ полюбилъ и настолько считаю достойнымъ своей дочери, что охотно готовъ принять въ свое родство и предпочесть всѣмъ другимъ соискателямъ. Да, я желалъ бы имѣть тебя своимъ зятемъ, и если ты согласенъ на мое предложеніе, то завтра же я отправлюсь къ султану, моему повелителю, и буду умолять его, чтобы онъ дозволилъ мнѣ не только усыновить тебя посредствомъ этого брака и сдѣлать наслѣдникомъ всего моего имущества, но и передать тебѣ свою должность великаго визиря Балсоры. Я увѣренъ, что его величество не откажетъ мнѣ въ моей просьбѣ и приметъ тебя въ сотрудники по управленію государствомъ, что для меня, старика, становится уже обременительнымъ.

Эта рѣчь, полная задушевной искренности и доброты, возбудила въ молодомъ человѣкѣ невыразимую радость; въ порывѣ сердечной благодарности, онъ бросился къ ногамъ старика и клялся ему счастіемъ своей жизни, что будетъ стараться всѣми силами оправдать его довѣріе. Тогда великій визирь, призвавъ своихъ служителей, отдалъ имъ приказъ убрать и украсить парадную залу и приготовить все для роскошнаго пира; затѣмъ онъ разослалъ гонцовъ ко всѣмъ знатнѣйшимъ вельможамъ и именитымъ гражданамъ Балсоры съ приглашеніемъ пожаловать къ нему. Когда въ назначенный часъ гости собрались, хозяинъ обратился къ нимъ съ такою рѣчью: — Господа, многіе изъ васъ искали руки моей дочери для своихъ сыновей; я благодарю васъ за эту честь и въ настоящее время хочу объяснить вамъ, почему до сихъ поръ не могъ принять ни одного изъ этихъ лестныхъ предложеній. Вамъ, можетъ быть, не извѣстно, что у меня есть братъ, занимающій ту же должность великаго визиря при египетскомъ дворѣ, какую и я имѣю честь занимать при дворѣ нашего повелителя. Единственный сынъ моего брата—вотъ этотъ молодой человѣкъ, котораго, пользуясь случаемъ, я представляю вамъ—давно уже, съ нашего обоюднаго согласія, предназначенъ быть супругомъ моей дочери и теперь посланъ сюда своимъ отцомъ, чтобы вступить съ нею въ бракъ;

съ своей стороны я не могъ не желать этого союза, такъ какъ онъ закрѣпитъ еще болѣе нашу родственную связь и соединитъ двѣ отрасли въ одну. И такъ, надѣюсь, вы одобрите мой выборъ и почтите своимъ присутствіемъ свадьбу моего племянника и нареченнаго сына, которую я намѣренъ отпраздновать сегодня же. Послѣ такого объясненія никто изъ вельможъ уже не считалъ себя въ правѣ обидѣться; всѣ согласились присутствовать на обрядѣ и наперерывъ выражали искреннія пожеланія престарѣлому сановнику прожить еще много лѣтъ, чтобы увидать плоды этого счастливаго союза.

Какъ только окончились поздравленія, гости немедленно были приглашены къ столу,—роскошный пиръ начался и продолжался до наступленія ночи; когда же, въ заключеніе, были поданы сласти, и каждый изъ гостей по обыкновенію захватилъ ихъ столько, сколько могъ унести,—явился кади съ заранѣе составленнымъ брачнымъ договоромъ; главнѣйшіе сановники тутъ же подписали его и стали расходиться по домамъ.

Наконецъ, въ домѣ никого уже не осталось изъ постороннихъ; тогда, по установленному обычаю, новобрачнаго повели въ баню, гдѣ для него были приготовлены новыя, роскошныя одежды и тончайшее бѣлье ослѣпительной бѣлизны. По выходѣ изъ ванны, Нуреддинъ-Али былъ надушенъ ароматами, облеченъ въ великолѣпный нарядъ, украшенный драгоцѣнными камнями, и отправился къ ожидавшему его тестю. Великій визирь долго смотрѣлъ на юношу, любуясь его красотой, потомъ сказалъ: — Садись рядомъ со мною, сынъ мой, и поговоримъ откровенно. Изъ твоихъ словъ, я уже давно знаю, кто ты и какую должность занималъ при египетскомъ дворѣ; ты говорилъ мнѣ также, что ссора съ братомъ заставила тебя покинуть свою родину, но умолчалъ о причинѣ этой ссоры, а я не хотѣлъ допрашивать. Теперь, сынъ мой, мы настолько близки, что между нами не должно быть никакой тайны, такъ повѣдай же мнѣ, изъ за чего ты поссорился съ своимъ роднымъ братомъ. Ну-

рэддинъ-Али откровенно передалъ всѣ подробности нелѣпой размолвки, и, слушая его разсказъ, старикъ не могъ удержаться отъ смѣха.—Никогда я не слыхивалъ ничего забавнѣе! восликнулъ онъ. Возможно ли, чтобы люди въ здравомъ умѣ могли разсориться изъ за воображаемаго брака несуществующихъ дѣтей! Впрочемъ, хотя вы оба поступили какъ малыя дѣти, но, по моему мнѣнію, главная вина все таки падаетъ на старшаго брата, не умѣвшаго или не хотѣвшаго понять твоей шутки; съ своей же стороны я могу только радоваться этой смѣшной ссорѣ, такъ какъ именно она то и доставила мнѣ зятя по душѣ. Однакожъ, становится поздно, пора и на покой, добавилъ онъ; иди къ своей новобрачной супругѣ,—она уже давно ожидаетъ тебя. А завтра мы вмѣстѣ отправимся къ султану; я увѣренъ заранѣе что онъ приметъ насъ благосклонно и согласится на мою просьбу.

Теперь, государь, продолжалъ Джіафаръ, представь себѣ, какое вышло странное совпаденіе обстоятельствъ: въ тотъ самый день, когда въ Балсорѣ происходила свадьба Нурэддина-Али, Шемзеддинъ-Мухаммедъ праздновалъ свою въ Каирѣ, и вотъ какъ это случилось. Послѣ того, какъ младшій братъ бѣжалъ изъ Каира съ намѣреніемъ никогда уже не возвращаться въ него, старшій, вмѣсто нѣсколькихъ дней, опредѣленныхъ вначалѣ, пробылъ на охотѣ съ султаномъ цѣлый мѣсяцъ. Вернувшись, онъ думалъ тотчасъ же примириться съ братомъ и очень огорчился, узнавъ, что Нурэддинъ-Али выѣхалъ изъ дому одновременно съ нимъ и до сихъ поръ еще не возвращался. Это обстоятельство встревожило его тѣмъ болѣе, что очевидно было слѣдствіемъ тѣхъ жесткихъ, обидныхъ словъ, произнесенныхъ имъ въ минуту гнѣва, въ которыхъ теперь онъ искренно раскаивался, готовый всѣми средствами загладить свою несправедливость. На поиски бѣглеца былъ немедленно отправленъ гонецъ, который проѣхалъ черезъ Дамаскъ, вплоть до самаго Алеппо, но Нурэддинъ-Али въ то время находился уже въ Балсорѣ. Посланный вернулся и донесъ о своей неудачѣ; тогда Шемзеддинъ-Мухаммедъ отправилъ его въ другую сторону, а въ ожиданіи возвращенія, задумалъ жениться. Онъ выбралъ красавицу—дочь одного изъ самыхъ знатныхъ и могущественныхъ вельможъ египетскаго двора—и вступилъ съ нею въ бракъ именно въ тотъ самый день, когда его младшій братъ женился на дочери великаго визиря Балсоры.

Но это, государь, еще не все, продолжалъ Джіафаръ:—случилось такъ, что ровно черезъ девять мѣсяцевъ жена Шемзеддина-Мухаммеда родила дочь, а жена Нурэддина-Али—сына, названнаго Бедрэддиномъ-Гассаномъ. Велика была радость престарѣлаго визиря, когда онъ узналъ о рожденіи внука. Щедрыя пожертвованія въ пользу мечетей и бѣднаго люда, народныя празднества, устроенныя имъ по этому поводу,—ясно говорили о его счастливомъ душевномъ настроеніи. Своего зятя съ той

поры онъ полюбилъ еще болѣе и такъ былъ доволенъ имъ, что непремѣнно хотѣлъ теперь же уступить ему свою почетную должность, а потому неотступно просилъ султана возвести Нурэддина-Али въ достоинство великаго визиря.

Султанъ, знавшій молодого человѣка со дня представленія его послѣ женитьбы и постоянно слышавшій о немъ самые лучшіе отзывы, охотно согласился исполнить просьбу заслуженнаго министра и въ своемъ присутствіи повелѣлъ облечь его зятя въ одѣяніе великаго визиря.

Къ довершенію радости старика, онъ на другой же день увидалъ новаго избранника, занимающимъ первое мѣсто въ засѣданіи министровъ и такъ непринужденно исполняющимъ его многолѣтнія обязанности, словно онъ всю жизнь только и занимался этимъ дѣломъ. Впослѣдствіи, Бедрэддинъ-Али всякій разъ присутствовалъ на совѣтахъ султана, когда старческая немощь принуждала его тестя оставаться дома. Этотъ добрый, великодушный старикъ умеръ черезъ четыре года послѣ свадьбы своей дочери, неоднократно утѣшенный продолженіемъ своего рода въ лицѣ новыхъ отпрысковъ, обѣщавшихъ надолго поддержать его блескъ.

Нурэддинъ-Али отдалъ послѣдній долгъ своему тестю съ той же любовью и съ тѣмъ же безграничнымъ уваженіемъ, какія питалъ къ нему при его жизни. Послѣ этого онъ уже окончательно вступилъ въ отправленіе должности великаго визиря, а когда сыну его Бедрэддину-Гассану исполнилось семь лѣтъ, къ его прежнимъ заботамъ прибавилась еще новая: дать ему наилучшее воспитаніе. Выборъ отца остановился на самомъ знаменитомъ и опытномъ наставникѣ, которому смѣло можно было поручить это важное дѣло, и онъ дѣйствительно повелъ его, какъ нельзя лучше, а живой умъ и быстрое соображеніе ребенка настолько содѣйствовали благотворному вліянію учителя, что черезъ два года Бедрэддинъ уже превосходно читалъ и писалъ и многое зналъ наизусть изъ Алкорана. Тогда отецъ пригласилъ къ нему другихъ учителей, которые съ неменьшимъ успѣхомъ продолжали образованіе воспріимчиваго мальчика, такъ что, достигнувъ двѣнадцатилѣтняго возраста, онъ уже освоился со всѣми элементарными знаніями своего времени и не нуждался болѣе въ наставникахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ и красота его стала развертываться въ такомъ блескѣ, что никто не могъ смотрѣть на него безъ восхищенія.

Нурэддинъ-Али, обращавшій до тѣхъ поръ все свое вниманіе исключительно на обученіе сына, не находилъ нужнымъ знакомить его со свѣтомъ, теперь же, когда образованіе можно было считать законченнымъ, онъ въ первый разъ привелъ его во дворецъ и представилъ своему государю. Послѣ обычнаго преклоненія передъ султаномъ, юноша былъ принятъ имъ благосклонно и милостиво. Вообще, красота Бедрэддина производила на всѣхъ чарующее дѣйствіе; у прохожихъ, встрѣчавшихся

съ нимъ по дорогѣ, невольно вырывались возгласы восторга; многіе останавливались и посылали ему вслѣдъ свои благословенія.

Заботливый отецъ, надѣясь, что сынъ со временемъ наслѣдуетъ его должность, хотѣлъ заранѣе подготовить его къ этому высокому поприщу, знакомя съ самыми трудными дѣлами, посвящая во всѣ тайны государственнаго механизма, употребля всѣ средства для возвышенія своего дорогаго любимца, и старанія его не оставались напрасными: сынъ быстро освоивался съ своимъ будущимъ положеніемъ, подавалъ уже блестящія надежды, но въ это время отецъ неожиданно занемогъ, и болѣзнь мало помалу усилилась настолько, что вскорѣ не оставалось уже ни малѣйшей надежды на выздоровленіе. Чувствовалъ это Нурэддинъ-Али и потому, какъ истый мусульманинъ, прежде всего озаботился приготовленіемъ себя къ смерти. Однакожъ, въ эти послѣднія, тяжкія минуты онъ не забылъ о своемъ возлюбленномъ сынѣ и, призвавъ его, долго бесѣдовалъ съ нимъ. — Сынъ мой, говорилъ онъ ему, глядя на меня, ты можешь судить, какъ все на этомъ свѣтѣ тлѣнно и скоропреходяще; только тотъ міръ, куда я иду теперь,—вѣченъ. Старайся же не забывать этого и жить такъ, чтобы всегда быть готовымъ къ неизбѣжному переходу, гдѣ все достоинство человѣка заключается въ чистой,

ничѣмъ не запятнанной совѣсти. Двѣ главныя обязанности возложены на насъ Творцомъ: одна изъ нихъ по отношенію къ Богу, другая—по отношенію къ ближнимъ и къ самому себѣ; о первой, я надѣюсь, ты хорошо знаешь, такъ какъ, благодаря своимъ наставникамъ и самостоятельному чтенію, достаточно свѣдущъ въ религіи; что же касается второй, то я нахожу не лишнимъ дать тебѣ нѣсколько полезныхъ наставленій. Чтобы правильно относиться къ людямъ, нужно прежде всего познать самого себя и уяснить свое собственное положеніе, вотъ почему я считаю необходимымъ сказать тебѣ, кто ты, то есть, кто твой отецъ.

Я родомъ изъ Египта, продолжалъ онъ, гдѣ, послѣ смерти моего отца, а твоего дѣда, имѣлъ честь занимать нѣкоторое время его должность великаго визиря, совмѣстно съ своимъ старшимъ братомъ Шемзеддиномъ-Мухаммедомъ, который, надѣюсь, и теперь еще здравствуетъ. Ничтожная ссора, возникшая между нами послѣ долголѣтней неразрывной дружбы, заставила меня уйти отъ брата и переселиться въ эту страну, гдѣ султану угодно было возвести меня въ достоинство перваго министра. Впрочемъ, обо всемъ этомъ ты узнаешь подробнѣе изъ тѣхъ записокъ, которыя я передамъ тебѣ.

Съ этими словами онъ вынулъ тетрадь, постоянно бывшую при немъ и всю исписанную его собственной рукой.—Вотъ, возьми, сказалъ онъ сыну, и прочитай когда нибудь на досугѣ, а главное — обрати вниманіе на отмѣченные здѣсь дни моей свадьбы и твоего рожденія. Это обстоятельство можетъ пригодиться тебѣ современемъ. Бедрэддинъ-Гассанъ принялъ тетрадь, едва сдерживая рыданія, и обѣщалъ хранить ее свято; вся эта предсмертная сцена производила на него тяжелое, удручающее впечатлѣніе.

Послѣ того отецъ его впалъ въ какое то забытье; казалось, что жизнь уже отлетаетъ отъ него, однакожъ черезъ минуту онъ снова открылъ глаза и заговорилъ:—Еще, дорогой сынъ мой, запомни нѣкоторыя правила: Первое—никогда не сближайся съ людьми безъ разбора, будь остороженъ въ выборѣ своихъ друзей и вѣрь болѣе самому себѣ; это единственное условіе, при которомъ можно прожить безъ особенныхъ непріятностей.

Второе: никогда не прибѣгай къ насилію относительно другихъ, чтобы не возбудить къ себѣ общей ненависти. Смотри на міръ, какъ на своего кредитора, который, въ замѣнъ дарованныхъ тебѣ благъ, требуетъ умѣренности, состраданія и терпимости.

Третье—равнодушно относись къ мелочнымъ оскорбленіямъ и не отвѣчай на нихъ ни единымъ словомъ. „Кто больше молчитъ, говоритъ пословица,—тотъ въ большей безопасности“. Тебѣ извѣстно также изреченіе нашего поэта: „Людей украшаетъ молчанье и жизнь ихъ оно бережетъ“. Вообще, почти не бываетъ случая, чтобы кто нибудь раскаи-

вался въ излишнемъ молчаніи, за то какъ часто приходится упрекать себя за каждое необдуманно вырвавшееся слово!

Четвертое правило: не употребляй вина, такъ какъ оно источникъ всевозможныхъ пороковъ.

Пятое—живи сообразно съ своимъ состояніемъ. Не расточай напрасно имущества, чтобы впослѣдствіи не испытать бѣдности, но и не вдавайся въ скупость, что также не можетъ принести пользы. Въ пору и въ мѣру употребляемое богатство пріобрѣтетъ тебѣ друзей, но всякое злоупотребленіе имъ вызоветъ негодованіе въ обществѣ и всѣхъ заставитъ отвернуться отъ тебя.

Такъ до самой послѣдней минуты Нурэддинъ-Али продолжалъ давать мудрые совѣты своему сыну, а когда смерть сомкнула его уста, онъ былъ похороненъ со всѣми подобающими почестями и великолѣпіемъ.

На этомъ Шехеразада прервала свой разсказъ, а въ слѣдующую ночь, обращаясь къ Шахріару, продолжала такъ: Вотъ что говорилъ далѣе великій визирь Джіафаръ своему повелителю, который слушалъ его съ глубокимъ вниманіемъ:

Послѣ смерти Нурэддина-Али, сынъ его Бедрэддинъ-Гассанъ, прозванный по мѣсту своего рожденія—Балсорскимъ, погрузился въ глубокую печаль; его горе было такъ велико и безпредѣльно, что, вмѣсто одного, онъ цѣлыхъ два мѣсяца провелъ въ слезахъ и полномъ уединеніи, никого не принимая, никуда не показываясь, не являясь даже и во дворецъ для отданія обычной почести султану, что наконецъ возбудило сильное неудовольствіе властителя Балсоры и показалось ему явнымъ неуваженіемъ къ его особѣ. Разгнѣванный до послѣдней степени, онъ призвалъ своего новаго визиря, назначеннаго на эту должность въ самый день смерти Нурэддина-Али, и приказалъ ему немедленно конфисковать все движимое и недвижимое имущество покойнаго, а сына его, Бедрэддина-Гассана, подвергнуть аресту.

Новый великій визирь, въ сопровожденіи дворцовой стражи, судей и городскихъ надсмотрщиковъ, отправился въ домъ своего предшественника для выполненія царскаго указа. Въ это время, въ собравшейся толпѣ любопытныхъ, случайно находился одинъ изъ рабовъ Бедрэддина-Гассана. Онъ, узнавъ о намѣреніи великаго визиря, изо всѣхъ силъ бросился бѣжать домой, чтобы предупредить своего господина объ угрожавшей опасности. Онъ засталъ его сидящимъ на открытой верандѣ и погруженнымъ въ такое глубокое уныніе, словно отецъ его только что умеръ. Невольникъ бросился къ ногамъ своего господина и, цѣлуя край его одежды, проговорилъ, едва переводя духъ отъ усталости:—Бѣги скорѣе, господинъ, бѣги, спасайся!—Что случилось? спросилъ Бедрэддинъ-Гассанъ, поднимая голову, какую печальную вѣсть ты принесъ мнѣ еще? — Господинъ нельзя терять ни одной минуты, отвѣтилъ рабъ: сул-

танъ разгнѣванъ на твою милость и послалъ великаго визиря отобрать все твое имущество, а тебя самого взять подъ стражу.—Неужели я не успѣю войти въ домъ, чтобы захватить по крайней мѣрѣ свои деньги и драгоцѣнности? съ тревогой произнесъ Бедрэддинъ-Гассанъ. — Нѣтъ,

нѣтъ, господинъ мой! возразилъ невольникъ, великій визирь недалеко и будетъ здѣсь черезъ минуту, бѣги же и спасайся, пока есть еще время. Тогда, понявъ наконецъ, что медлить болѣе нельзя, Гассанъ поспѣшно вскочилъ съ софы, на которой сидѣлъ до того времени, наскоро обулся въ папуши и, прикрывъ голову краемъ своей одежды, чтобы не быть узнаннымъ, выбѣжалъ изъ воротъ, самъ еще не зная, гдѣ бы укрыться отъ близкой опасности. Первой его мыслью было выбраться поскорѣй за городъ, а достигнувъ этого благополучно, онъ уже безъ оглядки направился къ общественному кладбищу. День клонился къ вечеру, и бѣглецъ рѣшилъ переночевать на могилѣ своего отца, надъ которой стояла роскошная усыпальница съ позлащеннымъ куполомъ, воздвигнутая еще самимъ Нурэддиномъ-Али. По дорогѣ съ нимъ повстрѣчался одинъ богатый еврей — мѣстный банкиръ и купецъ по профессіи; онъ ходилъ куда то по дѣламъ и теперь возвращался въ городъ; при встрѣчѣ съ Бедрэддиномъ, Исаакъ остановился и отдалъ ему низкій поклонъ; потомъ, какъ бы вспомнивъ что то, подошелъ къ нему и, цѣлуя его руку, сказалъ:—Господинъ мой, позволено ли мнѣ будетъ узнать, куда направляется твоя милость въ такую позднюю пору и безъ провожатыхъ? Ты, кажется, чѣмъ то разстроенъ, ужъ не случилось ли съ тобой еще какого несчастія? — Нѣтъ, отвѣчалъ Гассанъ, но я

дѣйствительно немного взволнованъ, потому что видѣлъ тяжелый сонъ. Мнѣ приснился отецъ мой, и взглядъ его былъ такъ суровъ, словно онъ гнѣвался на меня; встревоженный этимъ, я внезапно проснулся и поспѣшилъ сюда, на его могилу, чтобы успокоить душу молитвой.— Господинъ мой, продолжалъ еврей, которому была еще неизвѣстна настоящая причина удаленія Бедрэддина-Гассана изъ города, — родитель твой, блаженной памяти, передъ своей кончиной нагрузилъ нѣсколько кораблей; они теперь находятся на морѣ и принадлежатъ тебѣ, какъ единственному наслѣднику, такъ не соблаговолитъ ли твоя милость, при продажѣ, сдѣлать мнѣ предпочтеніе передъ другими купцами? Я въ состояніи купить весь твой грузъ на наличныя деньги, а для начала продай мнѣ хотя то, что окажется на первомъ кораблѣ, который придетъ въ нашу гавань; если угодно, я готовъ сейчасъ же отсчитать тысячу цехиновъ. Вотъ и деньги, онѣ всегда со мной, и для твоей милости я согласенъ уплатить впередъ. При этихъ словахъ онъ вынулъ большой кошелекъ, находившійся у него подъ платьемъ и запечатанный его печатью.

Изгнанный изъ дома и лишенный всего своего имущества, Бедрэддинъ-Гассанъ счелъ это неожиданное предложеніе за особую милость Божію и, разумѣется, съ радостью принялъ его.

— И такъ, господинъ мой, ты согласенъ отдать мнѣ за тысячу цехиновъ весь грузъ перваго корабля, какой прибудетъ въ гавань?— Да, да, нетерпѣливо отвѣтилъ Гассанъ, я отдаю тебѣ все за тысячу

цехиновъ, и слово мое вѣрно.—Тогда еврей поспѣшно сунулъ ему кошелекъ съ деньгами и предложилъ пересчитать ихъ, но Бедрэддинъ избавилъ его отъ этого труда, сказавъ, что полагается на его совѣсть.— О, Исаакъ всегда былъ честнымъ человѣкомъ! воскликнулъ еврей, и любитъ, чтобы все было вѣрно. Такъ не угодно ли твоей милости написать словечка два для скрѣпленія нашей сдѣлки? При этомъ онъ вынулъ изъ за пояса складную чернильницу вмѣстѣ съ тонко очиненной палочкой и, вырвавъ клочокъ бумаги изъ своей записной книжки, подалъ все это Бедрэддину-Гассану. Тотъ взялъ и написалъ слѣдующее:

„Я, нижеподписавшійся, симъ удостовѣряю, что продалъ еврею Исааку за тысячу цехиновъ, полученныхъ сполна, весь грузъ съ перваго изъ своихъ кораблей, какой прибудетъ въ гавань.

„Бедрэддинъ-Гассанъ Балсорскій“.

Онъ передалъ эту записку еврею, который бережно спряталъ ее у себя на груди и поспѣшилъ проститься. Въ то время, какъ еврей Исаакъ уходилъ по направленію къ городу, Бедрэддинъ-Гассанъ продолжалъ свой путь къ отцовской усыпальницѣ; дойдя до нея, онъ упалъ ницъ на могилу и залился горькими слезами, жалуясь на свою несчастную долю. — О Боже мой, Боже! взывалъ онъ сквозь рыданія, куда идти мнѣ теперь, гдѣ укрыться отъ несираведливаго гоненія? Сжалься надо мною, вразуми меня, дай силу перенести жестокіе удары судьбы! Долго оставался онъ въ такомъ положеніи, наконецъ всталъ и прислонившись головой къ надгробному памятнику, весь отдался своимъ унылымъ думамъ, не переставая въ то же время плакать и вздыхать до той минуты, пока тѣлесное и душевное утомленіе ни лишило его послѣдней силы и не свалило на полъ около гробницы, гдѣ онъ мгновенно заснулъ, какъ убитый.

Въ это время добрый духъ, дневной обитатель кладбища, сбираясь на свой обычный полетъ по бѣлу свѣту, случайно заглянулъ въ усыпальницу Нурэддина-Али и, увидавъ тамъ спящаго юношу, невольно остановился, пораженный его красотой, даже имъ никогда еще не виданной.

Долго съ нѣмымъ восторгомъ смотрѣлъ онъ на Бедрэддина и думалъ про себя:—Кто это? не ангелъ ли Господень, посланный на землю, чтобы ослѣпить весь міръ блескомъ своей красоты? И въ этомъ раздумьѣ онъ поднялся въ небесную высь, гдѣ скоро повстрѣчалась ему одна изъ благодѣтельныхъ фей. Обмѣнявшись съ нею привѣтствіями, геній сказалъ:—Не пожелаешь ли ты спуститься со мною вотъ на это кладбище, гдѣ я пребываю въ теченіе дня? Тамъ я показалъ бы тебѣ такое чудо красоты, какого навѣрное ты не видала еще никогда. Фея согласилась, и тогда оба они, быстро слетѣвъ съ высоты, вошли въ усыпальницу.—

Ну что же, сказалъ геній, указывая на спящаго Бедрэддина, встрѣчала ли ты такого красавца?

Фея долго и внимательно смотрѣла на юношу, потомъ промолвила:— Да, очень хорошъ, съ этимъ нельзя не согласиться, но сейчасъ мнѣ случилось видѣть въ Каирѣ еще болѣе очаровательную красоту; объ этомъ даже стоитъ разсказать, если ты не прочь послушать.

— О, съ большимъ удовольствіемъ! заявилъ геній.

— Такъ вотъ, продолжала фея, я передамъ тебѣ всѣ подробности: У египетскаго султана есть великій визирь, Шемзеддинъ-Мухаммедъ, а у него семнадцатилѣтняя дочь, невиданной и неслыханной красоты, одаренная къ тому же всевозможными совершенствами. Хвалебная молва о ней разнеслась по всей странѣ, дошла до самого султана и такъ воспламенила его воображеніе, что на этихъ дняхъ онъ призвалъ къ себѣ визиря отца и сказалъ ему: — Не отдашь ли ты за меня свою красавицу дочь? При такомъ неожиданномъ предложеніи визирь смутился не мало, но вмѣсто того, чтобы принять его съ радостью и безъ колебанія, какъ принялъ бы всякій другой, онъ отвѣчалъ султану:— Государь, я не могу себя признать достойнымъ союза съ твоимъ величествомъ и смиренно умоляю тебя не прогнѣваться моимъ желаніемъ отклонить эту высокую честь. Можетъ быть, ты благоволишь припомнить, государь, что у меня былъ родной братъ, по имени Нурэддинъ-Али, облеченный, какъ и я, въ званіе твоего великаго визиря. Одинъ разъ между мною и имъ произошла нелѣпая ссора изъ за самой ничтожной причины, но тѣмъ не менѣе она вынудила его покинуть родину; онъ скрылся во время моего отсутствія, неизвѣстно куда, и съ той поры, несмотря на всѣ свои старанія, я не могъ ничего узнать о немъ; только недавно дошелъ до меня слухъ, что онъ умеръ въ Балсорѣ, въ званіи великаго визиря тамошняго султана. Передъ самой разлукой, около двадцати лѣтъ тому назадъ, мы съ нимъ условились поженить нашихъ дѣтей, если Богъ даруетъ одному сына, а другому—дочь, и это предположеніе должно осуществиться, такъ какъ покойный братъ оставилъ первенца-сына и, вѣроятно, желалъ его брака съ моей дочерью до послѣдней минуты своей жизни; вотъ почему я считаю священной обязанностью исполнить наше взаимное обѣщаніе и на это, государь, молю твоего соизволенія. При каирскомъ дворѣ вѣдь не мало знатныхъ вельможъ, у которыхъ тоже есть дочери, достойныя твоего выбора, и твое величество можетъ осчастливить любую изъ нихъ.

Дерзновенный отказъ великаго визиря прогнѣвилъ султана съ первыхъ же словъ; онъ едва могъ сдержать себя, чтобы дослушать его до конца, и затѣмъ далъ полную волю своему негодованію:—Недостойный рабъ! воскликнулъ онъ яростно, такъ вотъ какъ ты отвѣчаешь на мое милостивое вниманіе, какъ цѣнишь мою готовность снизойти до союза

съ тобой! Ты осмѣливаешься объявить въ глаза твоему государю, что предпочитаешь ему другого,—такъ знай же, эта дерзость будетъ вымещена на твоей дочери; не по твоему выбору выйдетъ она замужъ, а по моему, и за самаго послѣдняго, за самаго безобразнаго изъ моихъ рабовъ! Уйди сейчасъ же и не появляйся, пока я ни призову тебя.

Пораженный, какъ громомъ гнѣвомъ своего повелителя, визирь безмолвно удалился, а сегодня онъ снова былъ призванъ во дворецъ, чтобы, по требованію государя, дать согласіе на бракъ своей дочери съ однимъ изъ придворныхъ конюховъ. Несчастный отецъ содрогнулся отъ ужаса при видѣ этого урода, съ горбами на груди и на спинѣ и съ такимъ безобразнымъ лицомъ, что всякая обезьяна показалась бы красивой въ сравненіи съ нимъ, а между тѣмъ долженъ былъ покориться по неволѣ и безпрекословно подписать составленный заранѣе брачный договоръ. Теперь уже совершаются свадебные обряды: у воротъ одной изъ лучшихъ бань стоятъ черные невольники всѣхъ сановниковъ египетскаго двора, съ факелами въ рукахъ; они ожидаютъ появленія горбуна, чтобы вести его со всѣми церемоніями къ его молодой супругѣ. Въ ту минуту, какъ я улетала изъ Каира, она была уже убрана въ роскошный свадебный нарядъ, и почетныя гостьи — жены знатнѣйшихъ вельможъ—собрались, чтобы вести ее въ парадную залу для встрѣчи новобрачнаго урода. Я видѣла ее случайно и, признаюсь, была поражена этой чарующей красотой.

— Какъ хочешь, возразилъ геній, а мнѣ все таки не вѣрится, чтобы она могла быть краше этого юноши, потому что едва ли въ цѣломъ мірѣ найдется подобное совершенство.

— Не стану спорить съ тобой, отвѣчала фея, и даже соглашусь, если хочешь, что онъ вполнѣ достоинъ той красавицы, которую такъ безжалостно предназначаютъ уроду; и знаешь ли что, съ нашей стороны было бы добрымъ, хорошимъ дѣломъ разрушить жестокое мщеніе египетскаго султана, подмѣнивъ его безобразнаго раба этимъ красавцемъ.— Прекрасно! воскликнулъ геній,—ты не можешь себѣ представить, какъ я доволенъ твоей счастливой мыслью. Такъ рѣшено, — не дадимъ осуществиться злому намѣренію, утѣшимъ огорченнаго отца, обратимъ печаль его дочери въ радость и счастіе! Для достиженія этой цѣли, мы употребимъ все свое могущество, но прежде всего надо перенести спящаго юношу въ Каиръ и такъ, чтобы онъ не проснулся; за это возьмусь я, а ты уже будешь дѣйствовать послѣ.

Добрые духи долго совѣщались между собой, а когда ихъ замыселъ опредѣлился во всѣхъ подробностяхъ, геній осторожно поднялъ Бедрэддина, взлетѣлъ съ нимъ въ вышину, съ неимовѣрной быстротой перенесъ его по воздуху въ Каиръ и тамъ положилъ у порога одного дома, смежнаго съ той баней, гдѣ толпа невольниковъ дожидалась выхода горбуна, чтобы съ почетомъ проводить его къ великому визирю.

При своемъ внезапномъ пробужденіи, Бедрэддинъ-Гассанъ обвелъ вокругъ изумленнымъ взглядомъ и, увидавъ себя на улицѣ, среди незнакомаго города, чуть было не закричалъ, чтобы привлечь къ себѣ прохожихъ и узнать отъ кого нибудь, гдѣ онъ находится; но въ эту минуту геній прикоснулся къ его плечу и шепнулъ ему на ухо: — Молчи, не говори ни слова Затѣмъ, вручая ему факелъ, продолжалъ: — Присоединись къ толпѣ тѣхъ людей, что стоятъ у входа въ баню, и не отдѣляйся отъ нихъ, пока не войдешь въ освѣщенный залъ, убранный для свадебнаго пира. Новобрачнаго ты легко отличишь по его горбамъ и безобразію, такъ постарайся держаться ближе къ нему, а при входѣ въ домъ иди съ нимъ рядомъ, по правую его руку; да вынь заранѣе свой кошелекъ съ цехинами и во время шествія одѣляй ими щедро всѣхъ музыкантовъ, танцовщиковъ и танцовщицъ; когда же войдешь въ залъ, не забудь раздать по пяти цехиновъ каждой изъ рабынь, окружающихъ новобрачную. Главное, не жалѣй денегъ, черпай ихъ изъ своего кошелька полными горстями и раздавай направо и налѣво. Слѣдуй же въ точности моимъ указаніямъ, не теряя присутствія духа, ничему не удивляясь, ничего не страшась,—и полагайся во всемъ на высшее могущество.

Внимательно выслушавъ эти наставленія, Бедрэддинъ тотчасъ же всталъ и, подойдя къ самому входу въ баню, первымъ дѣломъ зажегъ свой факелъ у одного изъ невольниковъ, затѣмъ—примкнулъ къ толпѣ,

гдѣ всѣ его приняли за слугу какого нибудь каирскаго вельможи; когда же разряженный горбунъ вышелъ изъ бани и важно сѣлъ на кровнаго коня изъ султанскихъ конюшенъ, юноша послѣдовалъ за нимъ вмѣстѣ съ другими, все время стараясь не отставать отъ новобрачнаго.

Во главѣ шли музыканты, играя на своихъ инструментахъ торжественный маршъ, а за ними слѣдовали танцовщики и танцовщицы, приплясывая время отъ времени и потѣшая народъ остроумными прибаутками. Бедрэддинъ-Гассанъ поровнялся съ ними и щедро одѣлилъ всѣхъ золотыми монетами изъ своего кошелька, при чемъ его очаровательная грація и поразительная красота производили свое обычное дѣйствіе на каждаго, кто принималъ его даръ; всѣ взоры невольно привлекались къ нему и уже не могли оторваться.

Наконецъ торжественное шествіе остановилось у роскошнаго дома Шемзеддина-Мухаммеда, не подозрѣвавшаго тогда въ своемъ глубокомъ огорченіи, что рядомъ съ ненавистнымъ горбуномъ находится и желанный суженый его дочери. Охранители порядка остановили у воротъ всѣхъ невольниковъ, не пропуская ихъ далѣе, а такъ какъ Бедрэддинъ-Гассанъ шелъ тоже съ зажженнымъ факеломъ, то они оттолкнули его вмѣстѣ съ

другими. Но музыканты и танцовщики, для которыхъ двери были открыты, тутъ же заявили единогласно, что никто изъ нихъ не войдетъ, если красавецъ юноша не будетъ пропущенъ. — Стоитъ только взглянуть на него, говорили они, и всякій увидитъ, что онъ не изъ числа невольниковъ, а, вѣроятно, какой нибудь знатный чужестранецъ, желающій посмотрѣть изъ любопытства, какъ празднуютъ свадьбы въ нашемъ городѣ. При этомъ одинъ изъ музыкантовъ взялъ у него факелъ и передалъ рабу; затѣмъ всѣ разомъ окружили Бедрэддина и, несмотря на противодѣйствіе полиціи, вошли съ нимъ вмѣстѣ въ домъ, ввели его въ парадный залъ и тамъ посадили по правую руку новобрачнаго горбуна, который помѣстился на великолѣпно убранной эстрадѣ, рядомъ съ дочерью великаго визиря.

Она сидѣла—нарядная, сіяющая блескомъ драгоцѣнныхъ каменьевъ, но юное лицо ея было печально и блѣдно, а въ грустныхъ, темныхъ глазахъ порой сверкали слезы, и каждый легко угадывалъ ихъ причину при взглядѣ на воплощенное безобразіе, которому приносилось въ жертву это совершенство красоты. Новобрачная чета помѣщалась среди залы, на роскошной софѣ, стоявшей на возвышеніи, къ которому вели три ступени, устланныя дорогими коврами и обвитыя по обѣ стороны, словно гирляндами цвѣтовъ, рядами прекрасныхъ, молодыхъ женщинъ, въ богатыхъ нарядахъ; то были почетныя гостьи — жены эмировъ, визирей, придворныхъ сановниковъ и именитыхъ гражданъ, сидѣвшія—кто выше, кто ниже, сообразно съ положеніемъ и званіемъ своихъ мужей; каждая держала въ рукѣ зажженный свѣтильникъ.

Когда Бедрэддинъ-Гассанъ вошелъ и сѣлъ рядомъ съ горбуномъ, ропотъ восторженнаго удивленія пробѣжалъ между женщинами; всѣ онѣ, очарованныя его статностью и красотой, встали съ своихъ мѣстъ и, приблизившись, долго любовались имъ, не отрывая глазъ. Потомъ всѣ снова чинно размѣстились рядами на ступеняхъ эстрады, но многія сердца уже бились сильнѣе отъ тайнаго волненія, и не въ одномъ изъ нихъ шевельнулось нѣжное чувство.

Дѣйствительно, разница между горбуномъ и красавцемъ юношей была такъ велика, что во всемъ собраніи пробуждала искреннее сожалѣніе къ жертвѣ неравнаго брака.—Вотъ кто былъ бы подъ стать нашей невѣстѣ, не стѣсняясь говорили невольницы, а не этотъ безобразный уродъ, на котораго и смотрѣть то страшно. Всюду между гостями слышались возгласы негодованія; они относились порой и къ самому султану, такъ жестоко проявлявшему свою неограниченную власть. Насмѣшки и колкія остроты сыпались градомъ на несчастнаго горбуна, вызывая такіе дружные взрывы хохота, что музыканты прервали на время свою игру. Наконецъ, при наступившемъ затишьѣ, музыка грянула снова, и подъ ея звуки къ новобрачной приблизились одѣвальщицы.

При каждой перемѣнѣ наряда *), невѣста, въ сопровожденіи прислужницъ, проходила мимо жениха, но не удостоивала его даже взглядомъ, хотя тутъ же съ улыбкой останавливалась передъ Бедрэддиномъ, чтобы показаться ему въ своемъ новомъ уборѣ; а тотъ, наученный геніемъ, вынималъ кошелекъ и, черпая оттуда цѣлыя горсти цехиновъ, щедро надѣлялъ ими каждую изъ провожатыхъ и въ то же время разсыпалъ золото передъ группами музыкантовъ и танцовщиковъ, которые опрометью бросались подбирать его, къ великой потѣхѣ всего собранія, давя и толкая другъ друга. Всѣ, безъ исключенія, были довольны Гассаномъ, а многіе даже громко высказывали свое желаніе видѣть его на мѣстѣ жениха, тогда какъ злополучный горбунъ по прежнему оставался мишенью для всѣхъ шутокъ и остротъ, особенно со стороны женщинъ.

Послѣ церемоніи семикратнаго переодѣванія, музыканты сложили свои инструменты и ушли, успѣвъ при этомъ шепнуть Бедрэддину, чтобы онъ оставался. Почетные гости и всѣ посторонніе зрители, начинавшіе

*) Здѣсь Галланъ пропускаетъ двѣ ночи—101-ю и 102-ю, находя, что подробное описаніе различныхъ нарядовъ, при семикратномъ переодѣваніи невѣсты подъ звуки музыки, пѣсни и пляски, сопровождающія этотъ свадебный обрядъ, не могутъ быть интересны для читателей, хотя самъ же признаетъ въ этихъ пѣсняхъ особенную поэтическую прелесть. Эти пѣсни будутъ помѣщены въ прибавленіи къ III тому нашего изданія.

расходиться по домамъ, говорили ему то же самое. Между тѣмъ новобрачная удалилась вмѣстѣ съ прислужницами для послѣдней перемѣны наряда. Въ залѣ оставались только горбунъ, Бедрэддинъ-Гассанъ, да нѣсколько слугъ. Непризнанный женихъ, взбѣшенный превосходствомъ Гассана, доставившимъ ему столько униженія за этотъ вечеръ, злобно посмотрѣлъ на него и сказалъ:—А ты чего ждешь? Развѣ не видишь, что всѣ уже разошлись? Убирайся!... Бедрэддинъ-Гассанъ не могъ даже обидѣться этой грубой выходкой, такъ какъ у него дѣйствительно не было ни малѣйшаго предлога оставаться долѣе, и вышелъ, не зная, что ему теперь предпринять? Но не успѣлъ онъ достигнуть выходной двери, какъ добрые духи явились снова и остановили его.—Куда ты? воскликнулъ геній, загораживая ему дорогу, возвращайся назадъ; горбуна уже нѣтъ въ залѣ, онъ вышелъ.... Ты можешь свободно вернуться теперь и пройти въ опочивальню новобрачной, а когда останешься съ нею наединѣ, скажи ей смѣло, что не безобразный конюхъ, а ты—ея настоящій, законный мужъ; что султанъ хотѣлъ только потѣшиться надъ горбуномъ и никогда не имѣлъ намѣренія выдавать ее за этого урода, котораго ты отправилъ въ настоящую минуту на конюшню, а въ утѣшеніе—послалъ ему туда порцію сливочнаго пирожнаго. Словомъ, говори ей, что придетъ на умъ, лишь бы только убѣдить ее. При твоей красотѣ это будетъ не трудно, и она, конечно, съ удовольствіемъ повѣритъ такому пріятному обману; мы же тѣмъ временемъ постараемся задержать горбуна, чтобы ты могъ безпрепятственно провести эту ночь съ своей молодой супругой, такъ какъ, снова повторяю, она твоя супруга, а не его.

Пока геній ободрялъ такимъ образомъ Бедрэддина-Гассана и научалъ что ему дѣлать, горбунъ дѣйствительно вышелъ изъ залы и отправился въ уединенныя мѣста. Геній тотчасъ же пробрался къ нему туда и, принявъ видъ огромнаго, чернаго кота, началъ мяукать и фыркать страшнымъ образомъ.—Брысь, проклятый! въ полголоса прикрикнулъ было на него горбунъ и захлопалъ въ ладоши, стараясь отогнать назойливое животное, но котъ не испугался и, вмѣсто того, чтобы убѣжать, всталъ на заднія лапы и, грозно сверкая глазами, свѣтящимися фосфорическимъ блескомъ, принялся мяукать еще неистовѣе и страшнѣе; въ то же время онъ постепенно увеличивался и вскорѣ принялъ размѣры молодаго осленка. Горбунъ страшно перепугался, хотѣлъ было кричать и звать на помощь, но языкъ у него оцѣпенѣлъ отъ ужаса, и онъ остался съ открытымъ ртомъ, не имѣя возможности произнести ни единаго слова. Между тѣмъ геній, не давая ему времени опомниться, мгновенно обратился въ могучаго буйвола и въ этомъ видѣ проревѣлъ:—А, безобразный уродъ, попался!... При этихъ словахъ несчастный горбунъ пришелъ въ такой ужасъ, что забился въ самый дальній уголъ и, закрывая голову полой своей одежды, чтобы не видѣть страшнаго животнаго, пролепеталъ дро-

жащимъ голосомъ: — Чего ты хочешь отъ меня, о, грозный властитель буйволовъ!...—Я хочу твоей смерти, такъ же свирѣпо проревѣлъ геній;— какъ ты, такой уродъ, осмѣлился брать въ жены любимую мной красавицу? — О, могучій властелинъ! прости меня, отвѣтилъ горбунъ, трясясь, какъ въ лихорадкѣ, если я и виноватъ, то, право, по невѣдѣнію. Могъ ли я предположить, что эта красавица твоя возлюбленная? Но вѣдь я не настаиваю на своихъ правахъ и готовъ исполнить все, что только тебѣ будетъ угодно. — Слушай! продолжалъ геній: если ты не будешь молчать, если вздумаешь произнести хоть слово, или попробуешь выйти отсюда прежде, чѣмъ взойдетъ солнце,—клянусь смертью, я размозжу тебѣ голову; при наступленіи же дня ты можешь оставить этотъ домъ, но приказываю тебѣ убираться тогда скорѣй и не оглядываться назадъ, иначе я раздѣлаюсь съ тобой, какъ говорилъ. Затѣмъ, онъ снова принялъ человѣческій образъ и, поднявъ горбуна за ноги, прислонилъ его къ стѣнѣ головою внизъ и добавилъ:— Стой такъ и помни, если ты хоть шевельнешься до солнечнаго восхода, я возьму тебя за ноги и вдребезги разобью твою обезьянью голову вотъ объ эти стѣны.

Тѣмъ временемъ, Бедрэддинъ-Гассанъ, ободренный своими могучими покровителями, смѣло вернулся въ залу, а оттуда, никѣмъ не замѣченный, пробрался въ опочивальню и сѣлъ, почти увѣренный въ счастливой развязкѣ своихъ приключеній. Черезъ нѣсколько минутъ вошла новобрачная въ сопровожденіи старухи, которая остановилась у двери и, по заведенному порядку, дала обычныя наставленія мужу, какъ онъ дол-

женъ обращаться съ своей женой, затѣмъ, притворивъ дверь, удалилась, не взглянувъ даже, точно ли горбунъ былъ на мѣстѣ новобрачнаго.

За то сразу замѣтила перемѣну сама молодая супруга и съ удивленіемъ остановилась передъ плѣнительнымъ юношей, съ достоинствомъ и граціей вставшимъ ей навстрѣчу. — Что значитъ, другъ мой, сказала она въ смущеніи, твое присутствіе здѣсь въ такую позднюю пору? Вѣрно ты одинъ изъ товарищей моего мужа, если онъ позволилъ тебѣ

войти сюда? — Нѣтъ, съ презрѣніемъ отвѣтилъ Бедрэддинъ - Гассанъ, я не товарищъ этого отвратительнаго урода и ничего не имѣю съ нимъ общаго. — Напрасно ты говоришь такъ, перебила его новобрачная, непристойно порицать мужа въ присутствіи его жены. — Да какой же онъ тебѣ мужъ! горячо воскликнулъ юноша, и неужели ты еще до сихъ поръ вѣришь этой нелѣпости? Статочное ли дѣло, чтобы такое совершенство красоты могло сочетаться съ такимъ безобразіемъ? Нѣтъ, я твой дѣйствительный мужъ, и мнѣ одному ты будешь принадлежать. Султанъ только ради забавы хотѣлъ напугать твоего отца, на самомъ же дѣлѣ онъ меня назначилъ тебѣ въ супруги. Развѣ ты сама не замѣтила, какъ потѣшались этой шуткой всѣ — почетные гости, музыканты, танцовщики, твои рабыни и домашніе слуги? Да, все это было только непріятной комедіей, которую слѣдуетъ наконецъ прекратить, и я уже распорядился отправить горбуна въ привычное ему мѣсто—на конюшню,

гдѣ онъ кушаетъ теперь съ горя сливочное пирожное. Ему извѣстно, въ чемъ дѣло, и, будь увѣрена, никогда онъ больше не осмѣлится показаться тебѣ на глаза.

По мѣрѣ того, какъ говорилъ Бедрэддинъ-Гассанъ, лицо юной красавицы, печальное и блѣдное до тѣхъ поръ, прояснялось все болѣе, и наконецъ румянецъ вспыхнулъ на немъ, словно заря; сіяющее выраженіе радости придало ему такое очарованіе, что юноша обомлѣлъ отъ восторга. — Не ждала я счастія, промолвила она, и не] думала, чтобы жизнь когда нибудь улыбнулась мнѣ, а вотъ.... я даже не знаю, чему мнѣ больше радоваться — тому ли, что избавилась отъ ненавистнаго супружества, или тому, что ты будешь моимъ обладателемъ.... И, сказавъ это, она стыдливо скрылась за пологомъ постели.

Гассанъ, едва вѣрившій своему счастію, — такъ оно было полно и неожиданно,—поспѣшно раздѣлся и положилъ свое платье на табуретъ вмѣстѣ съ кошелькомъ, полученнымъ отъ еврея и все еще полнымъ цехиновъ, хотя во весь этотъ вечеръ онъ бралъ ихъ оттуда безъ числа. Затѣмъ, оставшись въ одной рубашкѣ и шароварахъ *), онъ также легъ въ постель.

Когда молодая чета заснула, — продолжалъ великій визирь Джіафаръ,—геній снова приблизился къ феѣ и сказалъ ей:—Пора закончить намъ то, что было начато и ведено такъ удачно. Ночь уже на исходѣ, а наступающій день можетъ застать насъ врасплохъ,—иди же и вынеси прекраснаго юношу такъ, чтобы не пробудить его.

Фея проникла въ брачную опочивальню, бережно подняла крѣпко спавшаго юношу и унесла его въ томъ одѣяніи, въ какомъ онъ находился. Затѣмъ, вмѣстѣ съ геніемъ, они быстро полетѣли по направленію къ Сиріи и спустились у воротъ Дамаска въ ту минуту, когда служители мечетей громогласно созывали правовѣрныхъ къ утренней молитвѣ **).

---

*) Всѣ восточные народы спятъ въ шароварахъ. Обстоятельство это нужно замѣтить для поясненія дальнѣйшаго разсказа. (Галланъ).

**) Всѣмъ поклонникамъ Магомета Коранъ предписываетъ пять молитвъ въ сутки: а) въ полдень, б) въ четыре часа вечера, в) при закатѣ солнца, г) немного ранѣе полуночи и д) утромъ. Для послѣдней молитвы нѣтъ опредѣленнаго часа,—ее можно совершать съ той поры, какъ потухаютъ звѣзды, и до полудня. Часы этихъ религіозныхъ обрядовъ возвѣщаются громкимъ, монотоннымъ голосомъ съ высоты мечетей особыми служителями, замѣняющими собою нашъ благовѣстъ.

Чтобы достойно приготовиться къ молитвѣ, мусульманинъ обязанъ омыть свое тѣло и облечь его въ пристойную одежду; впрочемъ, требованія относительно послѣдняго довольно умѣренны для мужчинъ, которымъ достаточно прикрыть себя отъ живота до колѣнъ; женщины же могутъ оставлять на виду только кисти рукъ и ступни ногъ. При этомъ строго воспрещается всякая роскошь въ одеждѣ. Такъ какъ молитва со всѣми религіозными обрядами предполагаетъ смиреніе и униженіе, то, приступая къ ней, всѣ — мужчины и женщины — должны отрѣшаться отъ всякаго тщеславія, не допуская и наружнаго проявленія его въ видѣ украшеній.

Станъ во время молитвы слѣдуетъ держать прямо, руки—или приподнятыми на

Здѣсь фея тихо положила Бедрэддина-Гассана на землю и удалилась въ сопровожденіи генія.

Вскорѣ послѣ этого городскія ворота отворились, и черезъ нихъ ринулась толпа людей, направлявшихся за городъ. Увидавъ молодаго человѣка, распростертаго на землѣ въ одной рубашкѣ и нижнихъ шароварахъ, всѣ остановились въ крайнемъ удивленіи и начали догадываться, что̀ бы это могло значить.—Навѣрно его спугнули отъ какой нибудь любовницы, и онъ удралъ такъ поспѣшно, что не успѣлъ даже одѣться, говорилъ одинъ. — Да, всякіе бываютъ случаи, замѣтилъ другой, ошибиться недолго: попировалъ, должно быть, ночку съ пріятелями, выпилъ излишнее, да вотъ и забрелъ сюда, самъ не зная зачѣмъ, а тутъ и заснулъ. Нѣкоторые высказывали еще болѣе замысловатыя догадки, спорили, горячились, но никто не могъ опредѣлить съ достовѣрностью, откуда взялся здѣсь этотъ раздѣтый юноша. Шумный говоръ наконецъ пробудилъ его; онъ привсталъ, оглядѣлся вокругъ и, увидавъ себя у воротъ какого то незнакомаго города, среди толпы неизвѣстныхъ людей, удивился еще болѣе, чѣмъ они.—Скажите мнѣ, добрые люди, обратился онъ къ нимъ, гдѣ я, и что вы смотрите на меня съ такимъ любопытствомъ? Тогда одинъ изъ толпы отвѣтилъ ему:—Мы только что вышли изъ города, и видимъ—ты лежишь здѣсь, въ ночномъ одѣяніи, такъ какже намъ было не удивиться? По какому случаю ты зашелъ сюда спать, и знаешь ли самъ, что находишься передъ воротами Дамаска?—Дамаска! воскликнулъ Бедрэддинъ-Гассанъ, да какъ же это могло случиться, если я только что заснулъ въ Каирѣ? Ты шутишь, должно быть. При этихъ странныхъ словахъ многіе пожали плечами и съ сожалѣніемъ взглянули на молодаго человѣка, предположивъ, что это какой нибудь несчастный, страдающій душевнымъ разстройствомъ.—Сынъ мой, сказалъ одинъ почтенный старикъ, ты самъ не знаешь, что говоришь. Если сейчасъ ты въ Дамаскѣ, то ужъ никакъ не могъ быть въ Каирѣ нынѣшней же ночью. Подумай только, вѣдь это ни съ чѣмъ не сообразно. — Однакожъ это истинная правда, отвѣчалъ Бедрэддинъ, какъ правда и то, что днемъ до вчерашняго вечера былъ въ Балсорѣ. Лишь только онъ произнесъ эти слова, какъ вся толпа разразилась хохотомъ.—Сумасшедшій, сумасшедшій! кричала она, довольная, что нашла случай потѣшиться. Нѣкоторые, впрочемъ, жалѣли его молодость

высоту головы, или опущенными долу и соединенными, или же, наконецъ, положенными врозь на колѣни. Стоять непремѣнно колѣнопреклоненнымъ, на ступнѣ правой ноги, такъ, чтобы лѣвая нога, нѣсколько отставленная, была подошвой вверхъ. Такое тѣлоположеніе признается болѣе удобнымъ для размышленія о тайнахъ религіи и способствуетъ къ углубленію въ самого себя. Наконецъ, каждый долженъ стоять на такомъ мѣстѣ, гдѣ бы тѣло его не могло соприкасаться ни съ какой нечистотой, лицо же во время молитвы, держать обращеннымъ къ храму Мекки. (Галланъ).

и относились къ нему съ соболѣзнованіемъ, одинъ изъ нихъ сказалъ ему:—Опомнись, юноша, что̀ такое ты разсказываешь намъ? Возможное ли дѣло, чтобы человѣкъ днемъ находился въ Балсорѣ, ночью въ Каирѣ, а утромъ въ Дамаскѣ? Ты, вѣроятно, не совсѣмъ еще проснулся,—приди же въ себя и перестань говорить глупости.—Я говорю только то, что было, обидчиво возразилъ Бедрэддинъ, не могу же я забыть, что прошедшимъ вечеромъ я женился въ Каирѣ. Тутъ ужъ хохотъ толпы достигъ высшаго предѣла,—смѣялись и тѣ, кто до того времени еще удерживался отъ смѣха.—Да опомнись же, продолжалъ убѣждать его тотъ же голосъ, что говорилъ передъ тѣмъ: навѣрное все это приснилось тебѣ во снѣ, а ты и на яву принимаешь за правду.—Да нѣтъ же, настаивалъ молодой человѣкъ, клянусь вамъ, что все было такъ, какъ я говорю. Какой же тутъ сонъ, когда я цѣлый вечеръ сидѣлъ рядомъ съ безобразнымъ горбуномъ, начначеннымъ было въ мужья моей возлюбленной, и видѣлъ своими глазами, какъ невѣста семь разъ проходила передо мной все въ новыхъ нарядахъ—одинъ лучше другого. Вы хотите, чтобъ я не вѣрилъ самому себѣ? Нѣтъ, оставьте меня и скажите лучше, куда дѣвались мое платье, чалма и кошелекъ съ цехинами, который далъ мнѣ жидъ въ Балсорѣ.

Послѣ этого никто уже не хотѣлъ говорить съ нимъ серьезно, и чѣмъ болѣе старался онъ доказывать правдивость своей исторіи, тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе раздавались взрывы дружнаго хохота. Это настолько смутило его, что наконецъ онъ уже и самъ не зналъ, какъ ему думать о случившемся.

Обиженный и растерянный, онъ всталъ и направился къ городу а вся толпа, окружавшая его, двинулась вслѣдъ за нимъ съ гиканьемъ, свистомъ и непрерывными возгласами: Сумасшедшій! Сумасшедшій!!... Заслышавъ крики, городскіе жители стали появляться всюду; одни высовывались изъ оконъ, другіе, болѣе любопытные, выбѣгали за ворота, а нѣкоторые присоединялись къ толпѣ и тоже кричали: сумасшедшій!—хотя еще сами не знали, въ чемъ дѣло. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока Бедрэддинъ-Гассанъ не поровнялся съ домомъ одного пирожника, отпиравшаго въ эту минуту свою лавку; преслѣдуемый, замѣтивъ открытую дверь, бросился въ нее, чтобы хоть гдѣ нибудь укрыться отъ насмѣшекъ расходившейся толпы.

Этотъ пирожникъ, къ которому случайно забѣжалъ юноша, былъ когда то атаманомъ шайки бродячихъ бедуиновъ, грабившей караваны по дорогамъ; хотя онъ давно уже отсталъ отъ этого промысла и занялся другимъ, самымъ безобиднымъ, не сдѣлавъ съ тѣхъ поръ никому ни малѣйшаго вреда, тѣмъ не менѣе всѣ, кто только слыхалъ о немъ, боялись его, какъ огня. Вотъ почему достаточно было съ его стороны одного взгляда, брошеннаго на толпу, чтобы заставить ее замолчать и

въ ту же минуту разсѣяться. Отдѣлавшись такимъ образомъ отъ назойливаго сборища, пирожникъ вернулся домой и допросилъ юношу—кто онъ и какъ попалъ въ Дамаскъ. Бедрэддинъ-Гассанъ откровенно разсказалъ ему всю свою исторію, начиная съ дѣтства; повѣдалъ, что заставило его бѣжать изъ Балсоры и какъ, заснувъ на могилѣ отца, онъ вдругъ очутился въ Каирѣ, гдѣ въ тотъ же вечеръ вступилъ въ бракъ съ очаровательной красавицей, потомъ также непостижимо попалъ и въ Дамаскъ.—Я самъ не знаю, добавилъ юноша, и не могу понять, какимъ чудомъ совершились всѣ эти необыкновенныя событія.

— Да, очень и очень удивительно, замѣтилъ пирожникъ, а все таки, знаешь ли, что я тебѣ посовѣтую: никогда не разсказывай другимъ того, что сообщилъ мнѣ сейчасъ; другіе не повѣрятъ тебѣ и станутъ насмѣхаться; такъ лучше сноси все терпѣливо и жди, пока судьба не смилуется надъ тобой и не положитъ конца твоимъ несчастіямъ. Въ ожиданіи этого, если хочешь, я могу усыновить тебя, благо своихъ дѣтей у меня нѣтъ. Когда будешь признанъ моимъ сыномъ, никто уже не посмѣетъ оскорбить тебя.

Хотя такое усыновленіе не могло быть особенно лестнымъ для первенца и наслѣдника великаго визиря Балсоры, тѣмъ не менѣе, при своемъ безпомощномъ положеніи, Бедрэддинъ-Гассанъ съ благодарностью принялъ покровительство пирожника, а тотъ, одѣвъ его въ свое платье, немедленно отправился съ нимъ къ городскому кади, гдѣ, въ присутствіи свидѣтелей, былъ составленъ и подписанъ формальный актъ усыновленія. Послѣ того Бедрэддинъ остался у него въ домѣ подъ простымъ именемъ Гассана и сталъ обучаться пирожному искусству.

Между тѣмъ, какъ все это происходило въ Дамаскѣ, дочь каирскаго визиря, проснувшись на утро послѣ брачной ночи, съ удивленіемъ увидала, что молодаго супруга уже нѣтъ около нея; потомъ, взглянувъ на его платье, она подумала, что онъ вышелъ не надолго, и съ нетерпѣніемъ стала поджидать его возвращенія. Въ это время Шемседдинъ-Мухаммедъ, глубоко удрученный обидой, нанесенной ему султаномъ, шелъ къ своей дочери, чтобы вмѣстѣ съ нею оплакать ея горькую долю. Подойдя къ опочивальнѣ, онъ постучался и позвалъ по имени новобрачную. Заслышавъ голосъ отца, она быстро встала, отворила дверь и бросилась цѣловать его руки, при чемъ лицо ея дышало такою радостью, такимъ яснымъ счастіемъ, что визирь остолбенѣлъ отъ изумленія. Онъ ожидалъ найти ее въ слезахъ и еще въ большемъ огорченіи, чѣмъ въ самый день свадьбы, поэтому довольство дочери такимъ супружествомъ оскорбило его гордость, и онъ сказалъ съ негодованіемъ:—Несчастная! Тебѣ, видно, все равно, кто твой мужъ, ты рада всякому, если можешь выражать такое довольство и смотрѣть такъ весело! А я думалъ, ты сокрушаешься и скорбишь отъ принесенной жертвы.

— Отецъ мой, сказала новобрачная, понявъ за что упрекаетъ ее визирь, не обвиняй меня преждевременно: я довольна своимъ супружествомъ, потому что вышла за красавца-юношу, а не за безобразнаго горбуна, ненавистнаго мнѣ больше смерти, не за того отвратительнаго урода, надъ которымъ цѣлый вечеръ смѣялись и потѣшались всѣ безъ исключенія, такъ что наконецъ принудили его удалиться. — Чтó ты вздумала разсказывать мнѣ басни? сурово перебилъ ее отецъ, за горбуна тебя выдали, онъ и долженъ былъ провести съ тобой эту ночь.— Да нѣтъ же, отецъ, говорю тебѣ, со мной былъ мой настоящій мужъ: молодой, красивый... Ахъ, отецъ, какіе у него глаза! Черные, большіе, блестящіе, а брови... При этихъ словахъ визирь потерялъ послѣднее терпѣніе и гнѣвно прикрикнулъ на дочь:—Что ты, съ ума, что ли, хочешь свести меня своими бреднями!—Нѣтъ, отвѣчала она сквозь слезы,—вотъ ты, отецъ, такъ дѣйствительно можешь свести меня съ ума своимъ недовѣріемъ.—Такъ развѣ не горбунъ... началъ было визирь.— Ахъ, оставь ты, пожалуйста, своего горбуна,—будь онъ проклятъ! Горбунъ, горбунъ... да когда же я перестану о немъ слышать? Повторяю тебѣ еще разъ, отецъ, не съ нимъ я провела эту ночь, а съ моимъ милымъ, обожаемымъ супругомъ, который вышелъ недавно и долженъ сейчасъ возратиться.

Все это такъ удивляло визиря, что онъ не въ силахъ былъ дожидаться долѣе и пошелъ самъ отыскивать своего неизвѣстнаго зятя; но каково же было его изумленіе, когда, вмѣсто ожидаемаго юноши, онъ нашелъ горбуна, стоявшаго у стѣны въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ оставилъ его геній, то есть головою внизъ, ногами вверхъ.—Что это такое! воскликнулъ Шемзеддинъ-Мухаммедъ, кто тебя такъ пристроилъ?—Горбунъ узналъ голосъ визиря и отвѣчалъ съ упрекомъ:—А, нареченный тесть! Знаю теперь, почему тебѣ хотѣлось женить на своей дочкѣ! Да нѣтъ, не удастся одурачить, не на такого напалъ!... Я не намѣренъ отбивать любовницы у буйвола, этого страшнаго, злаго волшебника. Слушая эти бредни, великій визирь подумалъ, что горбунъ рехнулся, потому и несетъ околесицу.—Да встань же ты, какъ слѣдуетъ, по человѣчески, сказалъ онъ ему.—Ну нѣтъ ужъ, извини, отвѣчалъ горбунъ, ни за что не встану, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока узнаю, что взошло солнце. Будетъ съ меня, я и такъ попалъ черезъ васъ въ немалую бѣду. Какъ же, прихожу я сюда вчера, ничего не подозрѣвая, вдругъ, откуда ни возьмись, передо мной явился большущій черный котъ и началъ разростаться, все больше да больше, такъ что подконецъ обратился въ цѣлаго буйвола. А что онъ мнѣ говорилъ, такъ этого я вовѣкъ не забуду. Ухъ, и теперь даже страшно!.. Ты вотъ что: отправляйся ка́ по своимъ дѣламъ, а меня оставь въ покоѣ. Но визирь, вмѣсто того, чтобъ уйти, взялъ его за ноги и поставилъ, какъ слѣдуетъ.

Только что онъ сдѣлалъ это, какъ горбунъ опрометью бросился изъ дому и пустился бѣжать безъ оглядки. Онъ прямо отправился во дворецъ и тамъ, упросивъ пустить его къ султану, разсказалъ ему во всѣхъ подробностяхъ о томъ, что приключилось съ нимъ въ эту ночь. Слушая его, султанъ хохоталъ до слезъ.

Между тѣмъ Шемзеддинъ Мухаммедъ, окончательно сбитый съ толку этимъ новымъ происшествіемъ съ горбуномъ, не зналъ уже, что и подумать. Онъ вернулся въ опочивальню дочери и сказалъ ей:—Ну, какъ же, дитя мое, неужели и ты не въ состояніи разъяснить мнѣ ничего болѣе? Очевидно, здѣсь кроется какой то обманъ или тайна, но что именно—я не могу постигнуть и совершенно теряю голову.—Нѣтъ, отецъ, отвѣчала она, я сказала тебѣ все, что знаю. Вотъ одѣяніе моего мужа, оставленное имъ на табуретѣ; осмотри его самъ,—можетъ быть если оно и не разъяснитъ тебѣ ничего, по крайней мѣрѣ убѣдитъ, что я говорю правду. Съ этими словами она сперва подала визирю чалму Бедрэддина-Гассана; тотъ взялъ ее и внимательно осмотрѣлъ со всѣхъ сторонъ. Эту чалму можно было принять за уборъ великаго визиря, еслибы она не была сдѣлана по муссулской модѣ. Въ эту минуту ему попало подъ руку что то твердое, зашитое въ складкахъ матеріи. Онъ потребовалъ ножницъ, съ лихорадочной поспѣшностью распоролъ чалму и вынулъ оттуда сложенную въ нѣсколько разъ бумагу. То была записная тетрадь Нурэддина-Али, переданная имъ передъ смертью Бедрэддину-Гассану, который зашилъ ее въ свою чалму, чтобы вѣрнѣе со-

хранить. Шемзеддинъ-Мухаммедъ, развернувъ тетрадь, тотчасъ же узналъ почеркъ своего дорогого брата и въ глубокомъ волненіи прочелъ заго-

ловокъ: „Моему возлюбленному сыну Бедрэддину-Гассану“. Едва успѣлъ онъ пробѣжать эти слова, какъ дочь подала ему кошелекъ, найденный ею подъ платьемъ Бедрэддина и полный цехиновъ. Благодаря чудодѣйственнымъ силамъ генія и феи, деньги, какъ было сказано, не убавлялись, хотя юноша въ прошедшую ночь расходовалъ ихъ безъ счета. Визирь открылъ кошелекъ и прежде всего обратилъ вниманіе на его ярлыкъ, гдѣ было надписано: „Тысяча цехиновъ. принадлежащихъ еврею Исааку“, а далѣе тою же рукою продолжено: „Уплачены Бедрэддину-Гассану, наслѣднику родителя своего, блаженной памяти Нурэддина-Али, за грузъ перваго изъ его кораблей, какой прибудетъ въ гавань“. Прочитавъ это, Шемзеддинъ-Мухамедъ вскрикнулъ и упалъ безъ чувствъ.

Когда, съ помощью своей дочери и призванныхъ ею служанокъ, онъ пришелъ въ себя, то прежде всего громко возблагодарилъ Всевышняго, потомъ сказалъ:—Сдѣланное мною открытіе поразило меня, и я не могъ совладать съ своими чувствами, но ты сама не менѣе удивишься, дочь моя, когда я объясню тебѣ причину моего волненія. Знаешь ли, кто провелъ съ тобой эту ночь? Сынъ Нуррэдина-Али,—твой двоюродный братъ и мой родной племянникъ! А этотъ кошелекъ съ деньгами напоминаетъ мнѣ о нашей глупой ссорѣ съ возлюбленнымъ братомъ и является, какъ бы посланнымъ изъ за гроба, тѣмъ свадебнымъ выкуномъ, котораго я отъ него требовалъ. Неисповѣдимы пути Господни, доказывающіе Его благость и могущество! Послѣ того онъ долго смотрѣлъ на тетрадь, исписанную братомъ, перелистывалъ ее, цѣловалъ, а изъ глазъ сами собой струились обильныя слезы.—О, еслибы я могъ видѣть тебя, возлюбленный братъ мой, говорилъ онъ, какъ вижу теперь вотъ эти твои дорогія строки, съ какою радостью я выпросилъ бы у тебя прощенія и примирился бы съ тобой!

Затѣмъ онъ прочиталъ тетрадь отъ начала до конца и обратилъ особое вниманіе на отмѣченные въ ней дни прибытія брата въ Балсору, его женитьбы и рожденія первенца-сына; сличивъ эти числа со днями своего собственнаго брака и рожденіе своей дочери, онъ былъ пораженъ ихъ чудеснымъ совпаденіемъ, осуществившимъ тѣ самые планы, которые они строили когда то съ братомъ. Внѣ себя отъ радости, онъ захватилъ тетрадь и ярлыкъ, какъ несомнѣнныя доказательства совершившагося чуда, и отправился во дворецъ, гдѣ съ подробными объясненіями повѣдалъ своему повелителю все, какъ было. Султанъ, уже успѣвшій положить свой гнѣвъ на милость, выслушалъ его внимательно и нашелъ это событіе настолько замѣчательнымъ, что велѣлъ записать его для назиданія потомству.

Одинакожъ непонятное исчезновеніе Бедрэддина значительно умѣряло радость великаго визиря. Онъ никакъ не могъ объяснить себѣ,

куда и зачѣмъ скрылся его зять. Цѣлую недѣлю прождавъ его со дня на день, онъ наконецъ не выдержалъ и приступилъ къ самымъ тщательнымъ розыскамъ по всему Каиру, но всѣ старанія оказались напрасными,—никто не видалъ его, ни откуда не получалось о немъ ни малѣйшей вѣсти. Это сильно огорчало и тревожило Шемзеддина-Мухаммеда.—Что за странное событіе! воскликнулъ онъ, я думаю, никогда еще и ни съ кѣмъ не случалось ничего подобнаго!

Не зная, что́ предпринять болѣе, онъ подробно записалъ на всякій случай: въ какомъ состояніи находился его домъ во время свадьбы, какъ были обставлены пріемная зала и брачная опочивальня; платье же, чалму и кошелекъ Бедрэддина-Гассана онъ тщательно завернулъ въ особый узелъ и заперъ на ключъ.

Ровно черезъ девять мѣсяцевъ послѣ достопамятной ночи неутѣшная дочь Шемзеддина-Мухаммеда произвела на свѣтъ сына, который, по желанію дѣда, былъ нареченъ Аджибомъ *). Къ ребенку тотчасъ же приставили кормилицу, нянекъ и множество другихъ прислужницъ.

Проходили годы одинъ за другимъ, не принося никакой вѣсти о пропавшемъ мужѣ и отцѣ. Когда мальчику исполнилось семь лѣтъ, великій визирь Шемзеддинъ-Мухаммедъ приступилъ къ обученію внука, но, не довѣряя домашнему воспитанію, онъ предпочелъ посылать его въ лучшую школу, куда принимались только дѣти почетныхъ семействъ. Двое рабовъ ежедневно должны были отводить Аджиба и приводить обратно. Богатство и высокое званіе дѣда доставили внуку исключительное положеніе въ школѣ; товарищи относились къ нему съ нѣкоторымъ подобострастіемъ, всегда и во всемъ уступая его требованіямъ, чему, впрочемъ, не мало содѣйствовалъ и самъ учитель, оказывая ему види-

*) Чудесный.

мое предпочтеніе и прощая многое, чего не прощалъ другимъ. Все это сильно повредило Аджибу и быстро развило въ немъ высокомѣрную гордость, совершенно несвойственную его возрасту; онъ становился грубъ и дерзокъ съ своими товарищами, требуя полнаго подчиненія своей волѣ, а если кто осмѣливался ему противорѣчить, осыпалъ того бранью и оскорбленіями, нерѣдко доходившими до ударовъ. Выведенные наконецъ изъ терпѣнія, ученики стали неотступно просить своего начальника, чтобы онъ избавилъ ихъ отъ дерзкаго товарища. Учитель сперва было посовѣтовалъ имъ не раздражать Аджиба и уступать ему попрежнему, но вскорѣ, убѣдившись самъ, что такой способъ только увеличиваетъ его невыносимую заносчивость, онъ придумалъ иной и одинъ разъ, въ отсутствіе мальчика, подробно сообщилъ свой планъ всѣмъ школьникамъ, давъ имъ при этомъ надлежащія наставленія.—Я вполнѣ увѣренъ, добавилъ онъ,—что моя выдумка или смиритъ гордеца, или же заставитъ его совсѣмъ удалиться изъ школы. Тутъ всѣ захлопали въ ладоши отъ радости и, довольные заранѣе, разошлись по домамъ.

Собравшись снова на слѣдующее утро, они не замедлили послѣдовать наставленію учителя; рѣзвая толпа окружила Аджиба, изъ нея выдѣлился одинъ и обратился къ товарищамъ съ такою рѣчью:—Господа, я придумалъ новую игру, но въ ней будутъ участвовать только тѣ, которые прежде всего объявятъ свои имена, потомъ своихъ отцовъ и матерей; а кто не сдѣлаетъ этого, тотъ будетъ изгнанъ, какъ подки-

дышъ. Всѣ выразили согласіе, въ томъ числѣ и Аджибъ. Тогда коноводъ сталъ допрашивать одного за другимъ, получая отъ каждаго удовлетворительный отвѣтъ, пока очередь не дошла до маленькаго гордеца.—Меня зовутъ Аджибомъ, важно объявилъ онъ,—моя мать—Царица Красоты, отецъ—Шемзеддинъ-Мухаммедъ, великій визирь султана.

Тутъ всѣ закричали разомъ:—Не вѣрно, не вѣрно! ты назвалъ намъ своего дѣла, а не отца.—Да поразитъ васъ Богъ! воскликнулъ мальчикъ въ порывѣ гнѣва, какъ смѣете вы говорить, что визирь Шемзеддинъ-Мухаммедъ не отецъ мой? Раздались громкіе взрывы хохота.—Конечно, не отецъ, а только дѣдъ, настаивали школьники, поэтому ты не будешь съ нами играть, никто изъ насъ даже не подойдетъ къ тебѣ. Съ этими словами всѣ удалились отъ Аджиба, не переставая пересмѣиваться между собой и бросать на него презрительные взгляды. Оскорбленный до глубины души, онъ заплакалъ.

Въ эту минуту, учитель, стоявшій все время за дверью, отворилъ ее и вошелъ.—Полно, Аджибъ, сказалъ онъ мальчику, о чемъ же тутъ плакать? Развѣ ты самъ не зналъ до сихъ поръ, что Шемзеддинъ-Мухаммедъ не отецъ тебѣ, а дѣдъ? Онъ родитель твоей матери, прозванной Царицей Красоты, имя же твоего роднаго отца никому здѣсь неизвѣстно; мы знаемъ только, что султанъ хотѣлъ выдать твою мать за своего горбатаго конюха, но въ ночь послѣ свадьбы на мѣсто его къ ней явился какой то геній. Это обстоятельство не очень почетно и должно поумѣрить твою спѣсь въ обращеніи съ товарищами, такъ какъ они всѣ стоятъ выше тебя по рожденію.

Аджибъ, не отвѣтивъ на это ни слова, еще сильнѣе залился слезами и бросился бѣжать изъ школы, преслѣдуемый насмѣшками товарищей; такъ вбѣжалъ онъ прямо въ комнату своей матери и остановился передъ ней, задыхаясь отъ усталости и неудержимыхъ рыданій.—Что съ тобою, дитя мое? воскликнула встревоженная Царица Красоты и, лаская, стала допрашивать сына. Едва произнося слова, прерываемыя плачемъ, онъ повѣдалъ ей горькую обиду и закончилъ разсказъ такимъ восклицаніемъ:—О, скажи мнѣ, родная, скажи ради Бога, кто мой отецъ?—Милое дитя мое, отвѣчала она въ смущеніи, да развѣ ты не знаешь, кто цѣлуетъ и благословляетъ тебя каждый день? Кому же другому и быть твоимъ отцомъ, какъ не визирю Шемзеддину-Мухаммеду?—Не правда! горячо возразилъ Аджибъ, не мой онъ отецъ, а твой, такъ чей же я то сынъ? При этомъ настойчивомъ вопросѣ, пробудившемъ жгучее воспоминаніе о немногихъ минутахъ счастія, которыя смѣнились цѣлыми годами безотраднаго вдовства, Царица Красоты также неутѣшно заплакала, какъ и обиженный сынъ ея.

Въ это самое время къ нимъ вошелъ визирь Шемзеддинъ-Мухаммедъ и, удивленный общими слезами дочери и внука, съ тревогой спро-

силъ, что могло такъ огорчить ихъ.—Меня обидѣли въ школѣ, рыдая, началъ Аджибъ, а мать досказала, какому униженію онъ подвергся. Тогда и самъ старикъ принялъ къ сердцу это поруганіе своей семейной чести и оскорбился такъ глубоко, что тоже не могъ удержаться отъ слезъ. Мучимый раздражающей мыслью, что дочь его, Царица Красоты, стала предметомъ злословія всего города, онъ отправился къ султану, преклонился передъ нимъ до земли и умолялъ уволить его на нѣкоторое время отъ дѣла для дальняго путешествія.—Государь, говорилъ онъ, моему отцовскому сердцу невыносимы злые толки о любимой дочери, и потому я долженъ, во что бы то ни стало, розыскать ея мужа, Бедрэддина-Гассана; пусть знаютъ всѣ, что внукъ мой родился отъ него, а не отъ духа налетнаго, какъ говорятъ въ городѣ. Дозволь же мнѣ объѣхать всѣ восточныя провинціи и побывать въ Балсорѣ,—можетъ быть, съ Божіей помощью, мои поиски увѣнчаются успѣхомъ. Султанъ выслушалъ великаго визиря съ милостивымъ вниманіемъ и не только согласился на его просьбу, но даже велѣлъ выдать ему отъ своего имени такую грамоту, съ которой онъ могъ бы обращаться за содѣйствіемъ ко всѣмъ государямъ и правителямъ тѣхъ странъ, гдѣ предполагалась возможность найти Бедрэддина.

Шемзеддинъ-Мухаммедъ былъ такъ растроганъ милостью султана, что не могъ даже выразить словами своей безпредѣльной благодарности; онъ безмолвно преклонился ницъ у подножія трона, но слезы, выступившія на глазахъ, краснорѣчиво говорили о его чувствѣ. Наконецъ онъ простился съ султаномъ, пожелавъ ему всевозможныхъ благъ, и, возвратившись домой, тотчасъ же сталъ готовиться къ отъѣзду, а черезъ четыре дня уже отправился въ дальній путь съ своей дочерью—

Царицей Красоты, внукомъ Аджибомъ и многочисленною свитой. Въ продолженіе девятнадцати дней караванъ подвигался впередъ, никогда не

останавливаясь; только въ двадцатый, вступивъ на обширный, цвѣтущій лугъ по близости Дамаска, визирь велѣлъ раскинуть палатки на берегу быстрой рѣки, протекающей черезъ городъ и придающей особенную прелесть его окрестностямъ. Здѣсь путешественники расположились на отдыхъ.

Шемзеддинъ-Мухаммедъ рѣшилъ пробыть два дня въ этомъ благодатномъ мѣстѣ, а на третій ѣхать далѣе; но слугамъ своимъ онъ позволилъ побывать въ Дамаскѣ, и они почти всѣ воспользовались этимъ разрѣшеніемъ,—кто изъ одного любопытства взглянуть на знаменитый сирійскій городъ, кто съ цѣлью распродать въ немъ привезенныя съ собой египетскія издѣлія, или накупить мѣстныхъ тканей и другихъ рѣдкостей этой богатой страны. Царица Красоты, желая доставить удовольствіе своему сыну, отпустила и его прогуляться по городу, подъ надзоромъ дядьки—чернаго евнуха, которому было строго приказано охранять ребенка отъ всякой опасности.

Аджибъ, роскошно одѣтый, отправился въ сопровожденіи невольника, вооруженнаго толстой палкой. Едва переступивъ за городскія ворота, красавецъ-мальчикъ уже сталъ привлекать на себя вниманіе жителей; одни высовывались изъ оконъ, другіе выбѣгали изъ домовъ, чтобы взглянуть поближе на эту невиданную красоту, а прохожіе не только останавливались въ изумленіи, но и слѣдовали за пришельцами, выражая свой восторгъ и хвалу тѣмъ родителямъ, что произвели на свѣтъ такого прекраснаго ребенка. Когда евнухъ съ своимъ питомцемъ проходили мимо той лавки, гдѣ жилъ Бедрэддинъ-Гассанъ, толпа вокругъ нихъ уже такъ сгустилась, что имъ пришлось остановиться.

Пирожникъ, усыновившій Гассана, умеръ года три тому назадъ, оставивъ ему, какъ единственному наслѣднику, свою лавку со всѣмъ имуществомъ. Молодой чужестранецъ сталъ такимъ образомъ полнымъ хозяиномъ заведенія и такъ искусно повелъ дѣло, что вскорѣ пріобрѣлъ извѣстность во всемъ Дамаскѣ. Увидавъ изъ окна толпу народа, тѣснившуюся около чернаго невольника и ребенка, онъ взглянулъ на нихъ, и взоръ его, словно прикованный, остановился на Аджибѣ, а въ сердцѣ шевельнулось какое то непонятное чувство. Не лучезарная красота ребенка поразила его, какъ прочихъ зрителей,—нѣтъ, имъ овладѣло волненіе, имѣвшее иную, глубокую причину: въ немъ дѣйствовала таинственная сила крови. Бросивъ свои занятія, онъ выбѣжалъ на улицу, приблизился къ Аджибу и сказалъ ему съ нѣжной лаской въ голосѣ:—Ты очаровалъ мою душу, благословенный ребенокъ, дай же на себя полюбоваться подольше; сдѣлай милость, войди ко мнѣ и попробуй чего нибудь изъ моихъ издѣлій. При этомъ слезы умиленія выступили на его глазахъ и тронули гордаго мальчика; онъ обернулся къ невольнику и повелительно проговорилъ:—войдемъ и попробуемъ угощеніе этого ра-

душнаго человѣка. Мнѣ нравится его лицо, а говоритъ онъ такъ ласково, что нельзя ему отказать.—Ну, это ужъ не кстати, возразилъ евнухъ: пристойно ли сыну великаго визиря знаться съ какимъ то пирожникомъ? Не могу я этого допустить.—Жалѣю тебя, бѣдный мальчикъ, сказалъ Бедрэддинъ, если твой надзиратель всегда обходится съ тобой такъ сурово. Потомъ, обратившись къ евнуху, продолжалъ:—Прошу тебя, добрый другъ, не препятствуй маленькому господину осчастливить меня своимъ посѣщеніемъ; не унижай отказомъ честнаго гражданина, а лучше позволь ему угостить и тебя. Тогда я буду знать, что если ты теменъ снаружи, какъ каштанъ, за то внутри такъ же бѣлъ, какъ и онъ. Знаешь ли, у меня есть средство обѣлить тебя сразу.—Вотъ какъ! воскликнулъ евнухъ, добродушно разсмѣявшись, повѣдай же мнѣ свой волшебный секретъ.—А вотъ слушай, отвѣтилъ Бедрэддинъ и прочелъ ему арабскіе стихи, сложенные въ прославленіе черныхъ евнуховъ, вѣрныхъ охранителей чести всѣхъ восточныхъ владыкъ и вельможъ. Польщенный этой хвалой, невольникъ пересталъ противиться желанію Бедрэддина и вошелъ въ его пирожную вмѣстѣ съ маленькимъ Аджибомъ.

Обрадованный какъ нельзя болѣе, Бедрэддинъ-Гассанъ усадилъ своихъ гостей у отдѣльнаго стола, накрытаго бѣлоснѣжной скатертью, и весело принялся за прерванную работу, сказавъ имъ съ счастливой улыбкой на губахъ:—Сейчасъ вотъ будутъ готовы сливочные торты,—не хотите ли попробовать? Думаю, что они должны вамъ понравиться, такъ какъ я приготовляю ихъ особымъ способомъ, переданнымъ мнѣ моей матерью. Здѣсь никто не умѣетъ дѣлать такихъ, потому то у меня и покупаютъ на расхватъ со всѣхъ концовъ города. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вынулъ изъ печки зарумяненный тортъ, осыпалъ его мелкимъ сахаромъ вмѣстѣ съ зернами гранаты и подалъ сперва Аджибу, а потомъ евнуху; тотъ и другой нашли пирожное превосходнымъ и ѣли съ большимъ удовольствіемъ.

Тѣмъ временемъ Бедрэддинъ-Гассанъ любовался мальчикомъ, не сводя съ него глазъ, и какъ то невольно ему вспоминалось давно прошедшее, мимолетное счастіе. — Кто знаетъ, думалъ онъ, можетъ быть и у меня есть такой же сынъ отъ моей ненаглядной супруги. Гдѣ то она теперь, моя красавица, и помнитъ ли обо мнѣ?—При этихъ воспоминаніяхъ, крупныя слезы выступили у него изъ глазъ. Онъ хотѣлъ было спросить маленькаго Аджиба о цѣли его прибытія въ Дамаскъ, но не успѣлъ. Уже начинало смеркаться, и черный евнухъ, боясь запоздать, поспѣшно увелъ своего питомца. Бедрэддинъ-Гассанъ долго провожалъ ихъ глазами, но этого ему показалось мало: у него вдругъ явилось непреодолимое желаніе послѣдовать за ними, чтобы узнать, куда они пойдутъ; съ этой цѣлью онъ наскоро заперъ лавку и бѣгомъ нагналъ

своихъ гостей прежде, чѣмъ они вышли за городскія ворота. Евнухъ первый замѣтилъ пирожника, и на его черномъ лицѣ появилось недовольное выраженіе. — Ты что привязался къ намъ! крикнулъ онъ съ сердцемъ, чего тебѣ нужно? — Напрасно ты гнѣваешься, другъ мой, смиренно отвѣчалъ Бедрэддинъ, мнѣ ничего не нужно отъ васъ, а я просто иду по своему дѣлу, которое у меня есть тутъ неподалеку отъ города. Этотъ отвѣтъ, однакожъ, не удовлетворилъ сердитаго евнуха, и онъ продолжалъ ворчать, обращаясь уже къ Аджибу: — Это все по твоей милости.... Говорилъ, что не слѣдуетъ заходить къ этому прохо-

димцу. И я то дуракъ, что послушался тебя!...—А можетъ быть ему и вправду что нибудь нужно, прервалъ его Аджибъ, дорога, я думаю, открыта для всѣхъ. Разговаривая такимъ образомъ, они продолжали идти, не оглядываясь, до тѣхъ поръ, пока не приблизились къ палаткамъ великаго визиря; тутъ только Аджибъ обернулся, чтобы узнать, далеко ли пирожникъ и, вдругъ увидавъ его въ двухъ шагахъ отъ себя, остановился пораженный. Гнѣвъ исказилъ его маленькое личико, онъ вспыхнулъ сначала, потомъ поблѣднѣлъ; боязнь, что дѣдъ узнаетъ о посѣщеніи пирожной лавки, раздражила его до того, что онъ схватилъ камень, валявшійся у него подъ ногами, и изо всей силы пустилъ имъ въ лицо Бедрэддина. Кровь хлынула изъ его разсѣченнаго лба и залила ему глаза, а Аджибъ, тѣмъ временемъ, со всѣхъ ногъ бросился бѣжать и скрылся за палатками; евнухъ послѣдовалъ за нимъ, но, уходя, сказалъ пирожнику:—Самъ виноватъ, что напросился на бѣду,—ну, и пеняй теперь на себя.

Тяжело было на сердцѣ у Бедрэддина-Гассана, когда онъ печально возвращался въ городъ, вытирая фартукомъ струившуюся кровь изъ своей раны, но онъ не чувствовалъ ни гнѣва, ни досады на оскорбившаго его мальчика; напротивъ, онъ обвинялъ даже себя:—Да, конечно, самъ виноватъ.... Зачѣмъ было тревожить ребенка своимъ неумѣстнымъ преслѣдованіемъ? Навѣрное онъ подумалъ, что я замышляю противъ него что нибудь недоброе. Придя домой, онъ сдѣлалъ себѣ перевязку и успокоился на той мысли, что на свѣтѣ живутъ милліоны людей гораздо еще несчастнѣе его.

На другой день Гассанъ уже приготовлялъ свои пироги, тогда какъ дядя его, великій визирь Шемзеддинъ-Мухаммедъ, послѣ двухдневнаго отдыха, двинулся далѣе съ своимъ караваномъ по направленію къ Эмезу, а оттуда, пройдя Гамакъ *), прибылъ въ Алеппо, гдѣ снова остановился на два дня. Послѣ того, переправившись черезъ рѣку Тигръ, онъ вступилъ въ Месопотамію, прошелъ городами Мардиномъ, Муссуломъ, Сенгира, Діарбекиромъ **) и многими другими, болѣе или менѣе значительными, и прибылъ наконецъ въ Балсору. Здѣсь, прежде всего, онъ испросилъ позволенія явиться къ султану, который, узнавъ о званіи путешественника, принялъ его немедленно и съ почетомъ. На вопросъ, съ какою цѣлью онъ прибылъ въ Балсору, Шемзеддинъ-Мухаммедъ отвѣчалъ:—Государь, я разыскиваю своего племянника, сына моего брата Нурэддина-Али, который имѣлъ счастіе служить твоему величеству.—Нурэддинъ-Али давно уже умеръ, проговорилъ султанъ,—что же касается его сына, то я самъ не мало разыскивалъ его, но не могъ добиться о немъ никакихъ свѣдѣній. Извѣстно только, что черезъ два мѣсяца послѣ смерти отца онъ неожиданно скрылся и съ тѣхъ поръ пропалъ безъ вѣсти. Но если хочешь знать о его матери, женѣ твоего покойнаго брата, то я могу сообщить, что она еще жива и находится здѣсь. Великій визирь тутъ же испросилъ разрѣшенія увезти ее въ Египетъ, если она будетъ на это согласна; затѣмъ, не желая терять времени, прямо изъ дворца отправился къ невѣсткѣ, захвативъ съ собой по дорогѣ свою дочь и внука Аджиба.

---

*) Сирійскій городъ, принадлежащій къ Дамасскому пашалыку. Донъ Кальметъ принимаетъ Эмезъ за библейскій *Эмахъ*. Въ немъ много находится древнихъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что это былъ когда то обширный и богатый городъ.

**) Всѣ эти четыре города находятся въ Діарбекѣ. Діарбекъ или Месопотамія составляетъ часть Ассиріи, заключающуюся между Тигромъ и Евфратомъ, отъ чего она и получила свое названіе. Самые значительные изъ этихъ городовъ—Муссулъ, гдѣ производится обширная торговля кисеей и желтымъ сафьяномъ, и Діарбекиръ, который вывозитъ въ Европу хлопчатую бумагу, сафьянъ и красные, узорчатые ситцы. Муссулъ стоитъ на мѣстѣ древней Ниневіи, на правомъ берегу Тигра; Діарбекиръ расположенъ на той же рѣкѣ, въ цвѣтущей и плодоносной долинѣ. Онъ управляется пашой и содержитъ армію въ 20.000 солдатъ. (Галланъ).

Мать Бедрэддина-Гассана жила все въ томъ же домѣ, гдѣ всю жизнь провела съ своимъ возлюбленнымъ мужемъ. То было роскошное зданіе съ бѣло-мраморными колоннами и множествомъ другихъ украшеній, но Шемзеддинъ не обратилъ на это никакого вниманія; подойдя къ входной двери, онъ благоговѣйно прильнулъ губами къ мраморной дощечкѣ, на которой было вырѣзано имя его покойнаго брата, потомъ постучался и, когда вышелъ слуга, спросилъ его, дома ли госпожа, и можно ли ее видѣть сейчасъ же. — Дома, отвѣчалъ невольникъ, но она молится вонъ тамъ,—и указалъ рукой на небольшое куполообразное зданіе, находившееся въ срединѣ обширнаго двора. Несчастная мать, потерявъ, послѣ долгаго ожиданія, всякую надежду на возвращеніе Бедрэддина и считая его умершимъ, приказала воздвигнуть эту усыпальницу въ память любимаго дѣтища и съ тѣхъ поръ почти цѣлые дни и ночи проводила тамъ въ слезахъ и скорбныхъ думахъ о своей невозвратной утратѣ. Въ такомъ именно положеніи засталъ ее Шемзеддинъ-Мухаммедъ.

Въ сердечныхъ выраженіяхъ привѣтствовалъ онъ невѣстку и, сказавъ ей нѣсколько словъ въ утѣшеніе, объявилъ—кто онъ и съ какою цѣлью предпринялъ свое путешествіе въ Балсору.

Послѣ подробнаго разсказа обо всемъ, что произошло въ Каирѣ въ день свадьбы его дочери, визирь упомянулъ о тетради, найденной имъ въ чалмѣ Бедрэддина-Гассана и служившей несомнѣннымъ доказательствомъ, что именно онъ сталъ его зятемъ; затѣмъ представилъ невѣсткѣ ея внука Аджиба и свою дочь—Царицу Красоты.

Вдова Нурэддина-Али, безучастная до той минуты ко всему, что совершалось въ Божьемъ мірѣ, словно ожила при упоминаніи дорогаго имени. Надежда, что возлюбленный сынъ можетъ быть еще живъ, озарила ее радостью; она быстро встала и горячо обняла—сперва невѣстку, потомъ своего внука Аджиба. Лаская мальчика, она долго вглядывалась въ его красивое личико, напоминавшее ей дорогія черты утраченнаго сына. Слезы обильно струились по ея щекамъ, но то были уже слезы умиленія, а не прежней неутѣшной скорби.—Дорогая сестра моя, говорилъ между тѣмъ Шемзеддинъ-Мухаммедъ, положись на благость Всевышняго и осуши свои горькія слезы; поѣдемъ съ нами въ Египетъ и будемъ вмѣстѣ ждать и надѣяться. Я уже испросилъ у султана согласія на твой отъѣздъ, ты же, съ своей стороны, навѣрное не откажешь мнѣ въ усердной просьбѣ. Если Богъ поможетъ намъ отыскать Бедрэддина, все это событіе будетъ такимъ счастіемъ для насъ и такимъ чудомъ для всѣхъ, что на вѣкъ сохранится въ памяти потомства.

Вдова Нурэддина-Али съ нескрываемой радостью приняла предложеніе своего деверя и съ той же минуты стала готовиться къ отъѣзду. Шемзеддинъ-Мухаммедъ снова отправился во дворецъ, чтобы еще разъ выразить свою признательность султану и проститься съ нимъ. Султанъ

принялъ его также милостиво и вмѣстѣ съ своимъ привѣтствіемъ поручилъ ему передать египетскому царю дорогіе дары. Послѣ того великій визирь немедленно оставилъ Балсору и отправился тою же дорогой, по направленію къ Дамаску.

Когда, черезъ нѣсколько дней, они снова приблизились къ этому городу, Шемзеддинъ-Мухаммедъ, желая дать отдыхъ своему каравану, приказалъ разбить палатки не вдалекѣ отъ городскихъ воротъ и рѣшилъ остановиться здѣсь дня на два или на три. Тѣмъ временемъ онъ намѣревался выбрать и купить что нибудь особенно рѣдкое изъ мѣстныхъ издѣлій въ подарокъ своему государю.

Пока великій визирь занимался выборомъ драгоцѣнныхъ тканей изъ принесенныхъ къ нему въ палатку самыми главными торговцами, Аджибъ присталъ къ своему надзирателю—черному евнуху, чтобы тотъ опять сводилъ его въ городъ, гдѣ онъ многаго въ первый разъ не успѣлъ осмотрѣть совсѣмъ, или видѣлъ только мимоходомъ; къ тому же, ему хотѣлось что нибудь узнать о пирожникѣ, котораго, въ пылу негодованія, онъ такъ жестоко и несправедливо обидѣлъ. Евнухъ согласился и—съ разрѣшенія Царицы Красоты—отправился съ нимъ въ Дамаскъ.

Они вступили въ него черезъ Дворцовыя ворота, какъ ближайшія къ стоянкѣ визиря, и обошли всѣ большія торговыя площади съ ихъ роскошными общественными зданіями и богатыми лавками, переполненными разнообразнымъ товаромъ; подходили также къ древней мечети Омміадовъ *) именно въ то время, когда правовѣрные собирались въ нее для молитвы между полуднемъ и закатомъ солнца. Осмотрѣвъ, однѣ за другими, всѣ достопримѣчательности города, они отправились наконецъ къ знакомой пирожной лавкѣ и нашли тамъ Бедрэддина-Гассана за его обычной работой—приготовленіемъ сливочныхъ тортовъ.—Поклонъ тебѣ! крикнулъ ему Аджибъ, узнаешь ли своихъ старыхъ знакомыхъ, или можетъ быть забылъ? При этихъ словахъ Гассанъ поднялъ голову и (такъ непостижимы тайны родительскаго сердца!) имъ сразу овладѣло то же сладостное волненіе, какое ему уже приходилось испытывать при своей первой встрѣчѣ съ ребенкомъ. Взглянувъ на него теперь, онъ какъ то смутился, растерянно теребилъ руками свой фартукъ и долго не могъ произнести ни одного слова. Наконецъ, совладѣвъ кое какъ съ своимъ непонятнымъ волненіемъ, онъ отвѣтилъ скороговоркой.—А, это ты, дорогой малютка! Какъ я радъ.... Прошу покорно.... Сдѣлай милость, войди вмѣстѣ съ своимъ надзирателемъ. Вотъ и сливочные торты готовы,—они кажется понравились тебѣ въ тотъ разъ. Да, кстати, я обидѣлъ тебя тогда своимъ глупымъ преслѣдованіемъ. Не сердись и прости меня;

*) Династія Дамасскихъ калифовъ, получившая названіе отъ своего родоначальника Оммія. (Галланъ).

право, я былъ внѣ себя—самъ не зналъ, что дѣлалъ; но не моя вина, что ты такъ сильно привлекаешь меня и что я не могу бороться съ своимъ влеченіемъ.

Аджибъ въ недоумѣніи выслушалъ эту рѣчь и отвѣчалъ:—Я не совсѣмъ понимаю тебя, но вижу, что твои чувства переходятъ границу, и поэтому мы войдемъ къ тебѣ только въ томъ случаѣ, если ты дашь клятву не слѣдовать больше за нами. Исполнишь это условіе, тогда завтра я приду къ тебѣ опять, пока отецъ мой, великій визирь, будетъ занятъ покупками для египетскаго султана.—О, конечно, исполню! съ восхищеніемъ воскликнулъ Гассанъ, и сдѣлаю все, что только ты захочешь. Послѣ того Аджибъ и евнухъ вошли въ пирожную.

Бедрэддинъ тотчасъ же усадилъ ихъ за столъ и поставилъ передъ ними сливочные торты, такіе же нѣжные и вкусные, какъ и въ первый разъ.—Иди къ намъ, сказалъ Аджибъ, сядь рядомъ со мной, и будемъ ѣсть вмѣстѣ! Гассанъ такъ былъ растроганъ этимъ дружелюбнымъ, ласковымъ предложеніемъ, что сдѣлалъ было движеніе обнять Аджиба, но тотъ грубо оттолкнулъ его и сказалъ:—Нельзя ли безъ нѣжностей! Сиди смирно и будь доволенъ уже тѣмъ, что можешь смотрѣть на меня, сколько тебѣ угодно. Даже и этотъ грубый поступокъ мальчика не умѣрилъ радости Гассана: весь охваченный переполнявшимъ его чувствомъ нѣжности, онъ пропѣлъ нѣсколько стиховъ, тутъ же сложенныхъ имъ

въ хвалу Аджиба, потомъ, когда гости насытились, подалъ имъ умывальникъ *) и бѣлое полотенце, чтобы вытереть руки. Убравъ со стола остатки ѣды, онъ досталъ хрустальный кувшинъ съ шербетомъ, наполнилъ изъ него большую фарфоровую чашу и, остудивъ ее кускомъ чистаго снѣга **), подалъ Аджибу.—Отвѣдай! Это розовый шербетъ... Не хочу хвалиться, но думаю, что такого ты не найдешь во всемъ городѣ. Мальчикъ принялъ чашу и отпилъ изъ нея съ удовольствіемъ; потомъ она была наполнена снова, и евнухъ осушилъ ее безъ передышки до послѣдней капли.

Недалеко уже было до сумерокъ, и Аджибъ съ своимъ надзирателемъ, поблагодаривъ хозяина за радушный пріемъ и угощеніе, поспѣшно отправились въ свою стоянку, гдѣ прямо прошли въ помѣщеніе женщинъ; тамъ, сидя въ палаткѣ съ своей невѣсткой, бабушка съ нетерпѣніемъ поджидала внука, и лишь только онъ показался, принялась ласкать и цѣловать его, по обыкновенію вспоминая при этомъ сына, что всегда вызывало слезы изъ ея глазъ.—О, милое, дорогое дитя мое, говорила она, какъ велико и полно было бы мое счастье, еслибы мнѣ довелось когда нибудь также обнять твоего отца! Въ это время подали ужинъ, и бабушка, усадивъ Аджиба рядомъ съ собой, стала распрашивать его о томъ, что онъ видѣлъ особенно замѣчательнаго во время своей прогулки по городу; вмѣстѣ съ тѣмъ, предполагая, что онъ долженъ быть голоденъ, она положила ему на тарелку большой кусокъ сливочнаго торта, который дѣлала сама и, какъ уже извѣстно, настолько хорошо, что ни одинъ кондитеръ не могъ сравняться съ ней въ этомъ искусствѣ. Замѣтивъ Скабана ***) (имя евнуха), она подала и ему такой же кусокъ. Но мальчикъ и его дядька такъ много поѣли точно такого же торта въ пирожной, что теперь не могли даже смотрѣть на него.

Аджибъ, едва прикоснувшись губами къ своей порціи, тотчасъ же отодвинулъ тарелку; то же самое сдѣлалъ и евнухъ. Тогда бабушка, обиженная такимъ явнымъ пренебреженіемъ къ своему издѣлію, воскликнула недовольнымъ голосомъ, обращаясь къ внуку:—Что же это значитъ, дитя мое? Неужели тебѣ не нравится мое печенье? А знаешь ли ты, что никто въ мірѣ не умѣетъ такъ приготовлять этихъ превосходныхъ тортовъ, какъ я, да развѣ еще отецъ твой, Бедрэддинъ-Гассанъ, котораго я сама научила этому искусству.—Ну, нѣтъ, бабушка, вос-

---

*) Магометане не употребляютъ вилокъ, поэтому омовеніе рукъ послѣ трапезы для нихъ необходимо; оно вошло даже въ религіозный обрядъ и совершается обязательно передъ каждой молитвой, то есть по пяти разъ въ сутки.

**) Такимъ способомъ обыкновенно очень быстро прохлаждаютъ напитки на всемъ Востокѣ, для чего исключительно употребляется снѣгъ.

***) Такъ обыкновенно называютъ на Востокѣ всѣхъ черныхъ евнуховъ.

(Галланъ).

кликнулъ Аджибъ, позволь тебѣ замѣтить, что здѣсь въ городѣ есть одинъ пирожникъ, который приготовляетъ эти торты несравненно лучше твоего. Мы только сейчасъ заходили къ нему въ гости и ѣли ихъ. При этихъ словахъ, бабушка искоса взглянула на евнуха и сказала:— Такъ вотъ что!... А позволь ка спросить тебя, Скабанъ, развѣ тебѣ затѣмъ поручили моего внука, чтобы ты водилъ его по разнымъ пирожникамъ, какъ какого нибудь уличнаго мальчишку?...—Прости, госпожа, отвѣтилъ смущенный евнухъ, признаюсь, мы перекинулись нѣсколькими словами съ пирожникомъ, но въ лавку къ нему не заходили и ничего тамъ не ѣли. — Неправда, перебилъ его Аджибъ, мы входили къ нему и очень много поѣли вотъ этого самаго сливочнаго торта. Разгнѣванная еще болѣе запирательствомъ невольника, бабушка поспѣшно встала съ своего мѣста и отправилась въ палатку великаго визиря. Тамъ, подъ вліяніемъ оскорбленнаго самолюбія, она разсказала о поступкѣ надзирателя въ такихъ выраженіяхъ, которыя скорѣе увеличивали, чѣмъ уменьшали его провинность.

Шемзеддинъ-Мухаммедъ, вспыльчивый по природѣ и возбужденный къ тому же подстрекательствомъ невѣстки, пришелъ въ неописанную ярость; онъ самъ отправился къ виновному и, подойдя къ нему, грозно воскликнулъ: — Какъ смѣлъ ты злоупотребить моимъ довѣріемъ? Только что солгавъ передъ тѣмъ, Скабанъ уже счелъ невозможнымъ отступать отъ своихъ словъ и, несмотря на улики мальчика, упорно продолжалъ отрицать свое пребываніе у пирожника. Но Аджибъ снова выдалъ его и разсказалъ дѣду, что они не только заходили въ лавку, гдѣ ѣли сливочные торты, но и выпили тамъ еще огромную чашу розоваго шербету.—Ну, что же ты можешь возразить противъ этого, невѣрный рабъ? съ гнѣвомъ воскликнулъ визирь, сознайся по крайней мѣрѣ, что все это правда: что вы были въ лавкѣ, ѣли тамъ пирожное и пили шербетъ. Евнухъ даже и теперь имѣлъ дерзость поклясться, что ничего этого не было.—Ты лжешь, негодяй! внѣ себя, крикнулъ визирь, но, постой, пусть будетъ такъ. Я конечно больше вѣрю своему внуку, чѣмъ тебѣ, однакожь если ты въ состояніи будешь съѣсть весь этотъ сливочный тортъ, что остался на блюдѣ, я пожалуй соглашусь, что и ты говоришь правду.

Скабанъ попробовалъ было доказать свою правоту и взялъ большой кусокъ, но тотчасъ принужденъ былъ оставить его: душа не принимала. Однако онъ и тутъ не отступился отъ своей лжи и съ безстыдствомъ сталъ увѣрять, что пресытился этимъ пирогомъ еще наканунѣ, потому и не можетъ его больше ѣсть. Такая наглость уже окончательно взбѣсила великаго визиря, онъ приказалъ разложить его на землѣ и бить палками. Послѣ нѣсколькихъ ударовъ, евнухъ сознался въ своей винѣ.—Прости, господинъ, завопилъ онъ, виноватъ! И въ пирожную

мы заходили, и много тамъ поѣли сливочнаго торта, очень ужъ онъ былъ вкусенъ, во сто разъ лучше этого.

Вдова Нурэддина-Али подумала, что евнухъ говоритъ такъ изъ желанія досадить ей и потому, подойдя къ нему, сказала:—Ты все лжешь, негодяй! Не можетъ быть, чтобы кто нибудь сравнялся со мной въ этомъ искусствѣ. Но я не успокоюсь, пока не уличу тебя. Ты знаешь, гдѣ живетъ твой хваленый пирожникъ, такъ на̀, вотъ тебѣ деньги и поди сейчасъ же купи мнѣ этого торта. Евнухъ поспѣшилъ исполнить приказаніе.—Слушай, добрый человѣкъ, сказалъ онъ, войдя въ лавку пирожника, вотъ тебѣ серебряная монета, а ты дай мнѣ самый лучшій сливочный тортъ, моя госпожа желаетъ его отвѣдать.—Въ это время Гассанъ только что вынималъ изъ печки свое пирожное; онъ выбралъ самый пропеченный, самый румяный тортъ, осыпалъ его сахаромъ съ зернами гранаты и подалъ евнуху. — Возьми вотъ этотъ, ручаюсь, что твоя госпожа останется довольна. Такого превосходнаго торта не испечетъ никто въ мірѣ, кромѣ меня да моей матери, пошли ей Господи добраго здоровья, если только она жива!

Скабанъ поспѣшно вернулся въ палатку и подалъ своей госпожѣ еще не остывшій пирогъ; та почти вырвала его изъ рукъ невольника и съ недовѣрчивымъ презрѣніемъ отложила кусокъ, чтобы попробовать, но едва она взяла его въ ротъ, какъ вскрикнула и упала безъ чувствъ. Шемзеддинъ-Мухаммедъ, находившійся тутъ же, сильно удивился такому неожиданному происшествію и растерянно сталъ брызгать водой въ лицо

невѣстки, стараясь всѣми силами привести ее въ сознаніе. Вскорѣ она очнулась, и въ ту же минуту изъ груди ея вырвался радостный крикъ:— О, Боже милостивый, это онъ!... онъ... мой возлюбленный сынъ Бедрэддинъ! Никто другой не могъ испечь такого торта!

Слушая эти возгласы, Шемзеддинъ-Мухаммедъ и самъ было поддался невольному увлеченію, но, поразмысливъ, тотчасъ же сообразилъ, что старуха навѣрное ошибается и что радость эта во всякомъ случаѣ преждевременна, если только совсѣмъ неосновательна.—Милая сестра, сказалъ онъ, почему же ты такъ увѣрена, что это непремѣнно долженъ быть твой сынъ? Я думаю, на свѣтѣ не мало искусныхъ кондитеровъ.— Противъ этого не спорю, отвѣчала она, пожалуй можно испечь даже лучше, но именно такого торта никто не сдѣлаетъ, кромѣ моего сына да меня; этотъ особенный способъ приготовленія извѣстенъ только намъ однимъ,—вотъ почему я убѣждена, что мы нашли наконецъ того, кого такъ мучительно долго искали. О, дорогой братъ мой, мнѣ кажется, я не переживу этой радости!—Погоди, сестра, сказалъ тоже взволнованный визирь,—такъ нельзя. Нужно сперва разъяснить дѣло. Позовемъ сюда пирожника: если это дѣйствительно Бедрэддинъ, то, я думаю, и ты, и дочь моя узнаете его сразу, тогда... визирь задумался на минуту и добавилъ:—тогда все таки я желалъ бы отложить окончательное объясненіе до возвращенія въ Каиръ. Потерпите немного, я имѣю на это свои причины, за то ужъ тамъ, дома, мы отпразднуемъ эту встрѣчу, какъ слѣдуетъ, къ нашему общему удовольствію.

Сказавъ это, онъ возвратился въ свою палатку и велѣлъ позвать къ себѣ пятьдесятъ человѣкъ изъ своихъ невольниковъ. Когда они собрались, визирь сказалъ имъ:—Возьмите каждый по палкѣ и отправляйтесь вслѣдъ за Скабаномъ; онъ приведетъ васъ въ лавку одного пирожника, гдѣ вы тотчасъ же разбейте и разгромите все въ дребезги. Хозяинъ, конечно, будетъ спрашивать, зачѣмъ вы это дѣлаете, тогда, вмѣсто отвѣта, спросите его сами, онъ ли приготовлялъ сливочный тортъ, купленный евнухомъ? Когда онъ подтвердитъ это, вы свяжите его и приведите сюда. Но только берегитесь причинить ему хотя бы малѣйшій вредъ,—Боже васъ сохрани отъ этого!

Приказаніе великаго визиря было исполнено въ точности: невольники, вооруженные палками, отправились подъ предводительствомъ чернаго евнуха въ лавку Бедрэддина-Гассана и, не говоря ни слова, разгромили ее почти до основанія: котлы, блюда, чаши, банки, столы, стулья, шкафы—все было повержено, сломано, разбито въ дребезги; въ одно мгновеніе весь полъ былъ залитъ вареньемъ, сливками, шербетомъ. Глядя на это разрушеніе, Гассанъ долго не могъ придти въ себя, наконецъ проговорилъ жалобнымъ голосомъ:—Добрые люди, за что же вы со мной такъ поступаете? Что я вамъ сдѣлалъ и чѣмъ про-

винился передъ вами?—А развѣ не ты приготовлялъ тотъ сливочный тортъ, что купилъ у тебя евнухъ?—Конечно, я, да что жъ тутъ такого предосудительнаго? развѣ онъ дуренъ? Пусть ка попробуетъ кто нибудь сдѣлать лучше! Невольники не удостоили его даже отвѣтомъ и продолжали разбивать все, что попадало подъ руку. Не была пощажена и самая печь.

Между тѣмъ это неожиданное нападеніе цѣлой шайки вооруженныхъ людей произвело сильный переполохъ среди мирныхъ жителей города, и они толпами начали собираться вокругъ лавки пирожника. Ободренный ихъ присутствіемъ, Гассанъ снова обратился къ нападающимъ: Да объясните же мнѣ наконецъ, говорилъ онъ, за что вы раззоряете меня? Провинился я, что ли, передъ вами?—Какъ, ты еще спрашиваешь! отвѣчалъ одинъ, да развѣ не твоего издѣлія тотъ сливочный тортъ, что былъ проданъ евнуху?—Моего, разумѣется, подтвердилъ Гассанъ, и я стою на своемъ, что лучшаго невозможно и сдѣлать. Такъ ради чего же вы безчинствуете здѣсь? Едва успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ невольники бросились, въ одно мгновеніе связали ему руки назадъ, силой вытащили его изъ лавки и повели по улицѣ.

Народъ, съ изумленіемъ смотрѣвшій до тѣхъ поръ на это необыкновенное зрѣлище, возмутился наконецъ грубымъ насиліемъ невольни-

ковъ, негодующіе крики его стали раздаваться все чаще и чаще,—еще минута, и онъ освободилъ бы Бедрэддина, но въ это время прискакалъ конвой дамасскаго правителя и, оттѣснивъ толпу, далъ возможность увести плѣнника безпрепятственно. Случилось же это потому, что, отправивъ своихъ рабовъ, Шемзеддинъ-Мухаммедъ поѣхалъ самъ къ правителю Дамаска, чтобы сообщить ему о своемъ распоряженіи и просить о содѣйствіи въ случаѣ надобности. А такъ какъ вся Сирія, со включеніемъ Дамаска, находилась подъ владычествомъ египетскаго султана, то само собою разумѣется, что правитель не могъ ни въ чемъ отказать великому визирю своего государя. Такимъ образомъ, не смотря на всѣ мольбы и жалобные вопли Бедрэддина-Гассана, его привели въ стоянку и, въ ожиданіи визиря, помѣстили въ одной изъ палатокъ.

Въ это время Шемзеддинъ-Мухаммедъ еще находился у правителя, но вернувшись, онъ тотчасъ же спросилъ о пирожникѣ и потребовалъ его къ себѣ. Бедрэддинъ-Гассанъ вошелъ съ такимъ жалкимъ, приниженнымъ видомъ, что невольно возбуждалъ состраданіе.—Господинъ мой, сказалъ онъ, будь милостивъ, объясни мнѣ, чѣмъ я имѣлъ несчастіе прогнѣвать тебя?—А, пріятель! отвѣтилъ визирь, это ты мастеришь такіе сливочные торты? — Да, сознаюсь, это я, промолвилъ Гассанъ, но понять не могу, какое же тутъ преступленіе?—Хорошо, продолжалъ визирь, преступленіе или нѣтъ, а я раздѣлаюсь съ тобой за эту стряпню! Эти негодные торты будутъ стоить тебѣ жизни.—Беже мой! поблѣднѣвъ, воскликнулъ Гассанъ, что же это такое? Неужели за какой нибудь сливочный пирогъ, хотя бы и негодный, ты способенъ казнить человѣка? Это невозможно!—А я вотъ докажу тебѣ, что очень возможно. Иди и не жди отъ меня ни малѣйшей пощады.

Пока происходилъ этотъ странный допросъ, обѣ женщины, спрятанныя въ особомъ отдѣленіи палатки, не могли наглядѣться на Бэдрэддина-Гассана. Разумѣется, онѣ сразу узнали его, несмотря на всю перемѣну, происшедшую за этотъ долгій промежутокъ времени, и много нужно было имъ самообладанія, чтобы не броситься къ возлюбленному и не заключить его въ свои объятія; но слово, данное Шемзеддину-Мухаммеду, удержало ихъ отъ этого нѣжнаго порыва любви и природы.

Такъ какъ замедлять путешествіе болѣе уже не было основанія, то великій визирь приказалъ готовить коней и верблюдовъ, чтобы въ ту же ночь выступить въ обратный путь. Относительно Бедрэддина-Гассана онъ сдѣлалъ такое распоряженіе: уложить его въ закрытый ящикъ и везти на особомъ верблюдѣ. Когда всѣ приготовленія были кончены, караванъ снова двинулся и шелъ безъ отдыха всю эту ночь и весь слѣдующій день; только на другія сутки онъ остановился на короткое время, чтобы дать передохнуть людямъ и животнымъ. Тутъ Бедрэддина-Гассана вынули изъ ящика, накормили, стараясь держать подальше отъ

жены и матери, и снова уложили попрежнему. Такъ продолжалось во всѣ двадцать дней, пока путешественники не приблизились къ Каиру.

Передъ самымъ городомъ Шемзединъ-Мухаммедъ снова приказалъ остановиться и разбить палатки; затѣмъ онъ призвалъ къ себѣ Бедрэддина-Гассана и нарочно въ его присутствіи сказалъ одному изъ невольниковъ:—Отправляйся сейчасъ же въ городъ и привези оттуда дерево, которое годилось бы для позорнаго столба. При этихъ словахъ морозъ пробѣжалъ по жиламъ Бедрэддина-Гассана.—Господинъ мой, сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, позволено ли мнѣ будетъ узнать, для чего понадобился тебѣ этотъ столбъ?—А для того, отвѣчалъ визирь, чтобы привязать къ нему одного негоднаго пирожника, который печетъ сливочные торты и не кладетъ въ нихъ перцу. Мы будемъ сперва водить его по городу для потѣхи, а потомъ ужъ повѣсимъ или пригвоздимъ къ столбу.—О, Боже мой! воскликнулъ Бедрэддинъ съ такой плачевной гримасой на лицѣ, что визирь едва не разсмѣялся,—такъ вотъ за что осуждаютъ меня на позорную смерть! Я не положилъ перцу! И это въ сливочное-то печенье!...

Несмотря на всю свою серьезность, калифъ Гарунъ-аль-Рашидъ не могъ удержаться отъ хохота, когда великій визирь Джіафаръ дошелъ въ своемъ разсказѣ до этой сцены.—Господи, Боже мой! продолжалъ Бедрэддинъ, сколько горя, сколько страшнаго несчастія, и все изъ за такихъ пустяковъ!... Лавку мою разгромили, самого меня упрятали въ ящикъ, да хотятъ еще пригвоздить къ позорному столбу... Неужели это правда, неужели такая жестокая, вопіющая несправедливость можетъ совершиться между мусульманами, которые славятся своимъ правосудіемъ и добрыми дѣлами?... Нѣтъ, это что то ужъ совсѣмъ невѣроятное, чего отъ роду ни съ кѣмъ не могло случиться. Господинъ мой, продолжалъ онъ умоляющимъ голосомъ, смилуйся и не бери на совѣсть такого неслыханнаго, безчеловѣчнаго поступка. Осуждать человѣка на позорную, мучительную смерть и за что же? За кражу? За убійство или за отступничество отъ вѣры отцовъ?...—Довольно, перебилъ его визирь, мнѣ надоѣли твои глупыя жалобы, лучше готовься къ смерти. Казнь твоя неизбѣжна. — И это за то, всхлипывая проговорилъ Бедрэддинъ, что я не положилъ перцу въ сливочный тортъ?—Да, именно за это, отвѣтилъ визирь.—Да будутъ же прокляты всѣ пироги на свѣтѣ, а также и день моего рожденія! съ отчаяніемъ воскликнулъ Бедрэддинъ-Гассанъ; о, зачѣмъ я родился! лучше бы погибнуть мнѣ еще въ утробѣ моей матери!

Въ это время вошелъ невольникъ и доложилъ, что столбъ готовъ и поставленъ на мѣсто.—Что жъ, пора! проговорилъ визирь и взглянулъ на несчастнаго Гассана, который весь помертвѣлъ отъ ужаса и трясся, какъ въ лихорадкѣ. — Боже мой! воскликнулъ онъ внѣ себя, неужели

ты попустишь совершиться такому злодѣянію? И за что же—за то, что перцу не положилъ въ сливочное пирожное!... И рыдая, онъ захохоталъ какъ безумный.

Наступила ночь, и Шемзеддинъ-Мухаммедъ поспѣшилъ воспользоваться ею, чтобы прекратить эту комедію. Онъ сказалъ, что отсрочиваетъ казнь до утра и всѣмъ между тѣмъ приказалъ укладываться и ѣхать въ городъ. Бедрэддина-Гассана снова упрятали въ ящикъ и взвалили на того же верблюда; около него верхомъ на конѣ ѣхалъ самъ визирь, а за ними двинулся весь караванъ. Такъ вступили они въ Каиръ и среди безмолвной ночной тишины прибыли къ дому Шемзеддина. Здѣсь великій визирь велѣлъ снять съ верблюда ящикъ, но не открывать безъ особаго на то приказанія.

Пока невольники были заняты разгрузкой, Шемзеддинъ-Мухаммедъ отозвалъ въ сторону свою дочь и невѣстку и сказалъ имъ:—Ваше испытаніе теперь окончилось, завтра мы все откроемъ нашему дорогому скитальцу, и всѣ вмѣстѣ возблагодаримъ Бога за Его неизреченную милость къ намъ. Потомъ, обращаясь къ дочери, онъ добавилъ:—Ты, вѣроятно, помнишь, какъ была убрана твоя опочивальня въ ночь свадьбы; поди же и постарайся привести ее опять въ тотъ же видъ, а если что забыла, возьмешь мою опись и справишься по ней; я же, съ своей стороны, распоряжусь другимъ.

Съ этими словами, онъ отправился въ парадную залу, созвалъ туда слугъ и, справляясь по тетрадкѣ, сталъ наблюдать за разстановкой всего въ томъ порядкѣ, какъ у него было записано. Въ одну минуту зала приняла совершенно тотъ же видъ, въ какомъ она находилась въ день свадьбы, когда Бедрэддинъ-Гассанъ сидѣлъ въ ней рядомъ съ горбатымъ конюхомъ. Ни софа, ни эстрада, ни зажженныя свѣтильники—ничто не было забыто. Когда уборка окончилась, великій визирь отправился въ опочивальню своей дочери, гдѣ положилъ на табуретъ все одѣяніе Гассана и кошелекъ, наполненный цехинами; затѣмъ, еще разъ окинувъ взглядомъ убранство комнаты, онъ сказалъ:—Ну, теперь раздѣнься, дочь моя, и ложись въ постель. Къ тебѣ скоро войдетъ твой мужъ, Бедрэддинъ-Гассанъ, и ты постарайся дѣлать видъ, будто это продолжается все та же первая ночь послѣ брака. Скажи ему, что ты давно проснулась и была удивлена его отсутствіемъ, а затѣмъ какъ ни въ чемъ не бывало, проси его поскорѣе ложиться въ постель. Завтра утромъ разскажи намъ, какое впечатлѣніе произведетъ все это на Бедрэддина. Если съумѣешь разыграть свою роль, какъ слѣдуетъ, ты доставишь мнѣ и своей свекрови большое удовольствіе.

Послѣ того великій визирь вернулся въ парадную залу; онъ удалилъ оттуда всѣхъ лишнихъ слугъ, оставивъ только двоихъ или троихъ, которымъ поручилъ вынуть Бедрэддина-Гассана изъ ящика, снять съ

него всю одежду, за исключеніемъ рубашки да шароваръ, и въ такомъ видѣ провести въ залу, гдѣ, закрывъ двери, оставить его одного.

Между тѣмъ Бедрэддинъ-Гассанъ, какъ это часто бываетъ послѣ особенно сильныхъ нервныхъ потрясеній, спалъ непробуднымъ сномъ. Онъ не слыхалъ даже, какъ слуги вынули его изъ ящика, какъ поспѣшно поснимали съ него все верхнее платье, и очнулся уже тогда, когда они втолкнули его въ громадную, ярко освѣщенную залу. Здѣсь, оглядываясь по сторонамъ, онъ съ каждой минутой приходилъ все въ большее и большее недоумѣніе, долго не вѣря своимъ глазамъ, дотрогивался до каждой вещи, наконецъ сомнѣніе мало по малу разсѣялось, и онъ долженъ былъ убѣдиться, что это та самая зала, гдѣ происходилъ памятный свадебный пиръ. Еще къ большему удивленію, онъ вскорѣ замѣтилъ открытую дверь въ опочивальню своей супруги и тамъ, на табуретѣ, увидалъ оставленное имъ платье.—Господи, Боже мой! воскликнулъ онъ, что же это такое? Во снѣ я, или на яву?

Въ эту минуту наблюдавшая за нимъ красавица жена вдругъ откинула пологъ кровати и, высунувъ головку, проговорила:—Ты что же стоишь тамъ, мой милый, или такъ заспался, что ужъ не найдешь обратно дороги? Иди, ложись; гдѣ это ты такъ долго пропадалъ? я давно уже проснулась и все поджидала тебя. — Бедрэддинъ-Гассанъ вздрогнулъ и весь измѣнился въ лицѣ. Этотъ голосъ, эти милыя, незабвенныя черты молодой красавицы — разомъ оживили въ его памяти всѣ подробности таинственной ночи. Онъ робко вошелъ въ комнату, но не приблизился къ кровати. Внезапныя перемѣны, совершавшіяся съ нимъ уже съ давнихъ поръ, окончательно сбивали его съ толку и возбуждали недовѣріе къ своимъ собственнымъ чувствамъ. Онъ хорошо зналъ, что цѣлый десятокъ лѣтъ отдѣляетъ его отъ той блаженной минуты, когда онъ въ первый разъ, въ этой самой комнатѣ, обнялъ свою супругу, и сколько разныхъ событій, сколько приключеній было съ нимъ за это время; не могъ же онъ допустить, чтобы все это произошло въ одну только ночь. Волнуемый этими мыслями, онъ подошелъ къ табурету, гдѣ лежали его одежда и кошелекъ съ цехинами и внимательно осмотрѣлъ ихъ. — Да, все это такъ... бормоталъ онъ, но все таки, клянусь спасеніемъ своей души, я ровно ничего не понимаю здѣсь. — Да иди же! говорила между тѣмъ Царица Красоты, не перестававшая забавляться его смущеніемъ, чего ты тамъ смотришь? Ложись, мой милый, не заставляй себя ждать. При этихъ словахъ Бедрэддинъ-Гассанъ приблизился къ ней и взволнованнымъ голосомъ сказалъ: — Заклинаю тебя Богомъ живымъ, скажи мнѣ, давно ли я здѣсь?— Что съ тобой, милый? ты пугаешь меня... съ приторнымъ удивленіемъ отвѣчала красавица, развѣ не помнишь, что только сейчасъ всталъ съ постели? Я вижу, ты озабоченъ чѣмъ то особеннымъ,—что же тревожитъ тебя? — Но тогда гдѣ же правда? продол-

жалъ Бедрэддинъ, не отвѣчая на вопросъ, конечно, я помню, что провелъ съ тобой счастливую ночь въ этой самой комнатѣ, но помню также и то, что послѣ этой ночи я цѣлыхъ десять лѣтъ прожилъ въ Дамаскѣ. Если я дѣйствительно былъ здѣсь, то не могъ находиться въ другомъ мѣстѣ, да еще такое продолжительное время; вѣдь это ни съ чѣмъ не сообразно и совершенно противорѣчитъ одно другому. Нѣтъ, умоляю тебя, скажи мнѣ ради Бога, что изъ двухъ было сномъ: бракъ мой съ тобою, или мое долгое пребываніе въ Дамаскѣ? — Милый мой, отвѣчала

она, вѣдь ты не спишь теперь и видишь меня на яву? Значитъ, все, что представлялось тебѣ прежде, было сномъ. — О, если такъ, воскликнулъ Бедрэддинъ, успокоившись, то это былъ очень забавный сонъ, и я увѣренъ, ты вдоволь нахохочешься, когда узнаешь всѣ подробности. Представь себѣ, что я вдругъ, будто бы, очутился у воротъ Дамаска, въ томъ же ночномъ одѣяніи, какое на мнѣ теперь; меня приняли за сумасшедшаго и стали осыпать насмѣшками; я поспѣшилъ въ городъ, но толпа все не отставала и слѣдовала за мной съ дикимъ гиканьемъ и хохотомъ. На мое счастье, въ то время одинъ пирожникъ отворялъ свою лавку; я бросился къ нему, чтобъ укрыться отъ преслѣдованія, и онъ принялъ меня съ живымъ участіемъ, потомъ даже усыновилъ, обучилъ своему искусству и завѣщалъ мнѣ все свое состояніе. Послѣ его

смерти, сдѣлавшись хозяиномъ заведенія, я съ успѣхомъ продолжалъ дѣло своего нареченнаго отца, и такъ прошло, будто бы, много, много времени. Я не стану утомлять тебя разными подробностями, а скажу только, что, не проснись я во время,—не миновать бы мнѣ висѣлицы.— Висѣлицы?! съ тѣмъ же притворнымъ удивленіемъ переспросила красавица, да за что же, мой милый? Развѣ ты совершилъ какое нибудь преступленіе? — Вотъ въ томъ то и дѣло, что никакого преступленія я не совершалъ: меня осудили за такую странную и смѣшную вещь, что ты и представить себѣ не можешь. Видишь ли, я дѣлалъ сливочные торты и не положилъ въ нихъ перцу. — Да онъ тутъ совсѣмъ и не кстати, замѣтила жена. — А вотъ за это то самое меня и хотѣли пригвоздить къ позорному столбу. — Бѣдный мой! воскликнула она въ промежуткѣ звонкаго смѣха, да это ужъ дѣйствительно такъ нелѣпо, что только и можетъ случиться во снѣ.—Погоди, это еще не все: еслибы ты знала, сколько мнѣ пришлось перенести всякихъ невзгодъ изъ за этого проклятаго торта! Прежде всего у меня разгромили въ дребезги всю мою лавку, затѣмъ самого скрутили веревками и упрятали въ какой то ящикъ, гдѣ было такъ тѣсно, что я не могъ шевельнуться, а въ заключеніе этихъ мытарствъ — соорудили висѣлицу, и на утро я непремѣнно висѣлъ бы на ней, еслибы не проснулся во время. Слава Богу, что все это было только сномъ!

Однакожъ, несмотря на успокоительныя увѣренія своей супруги, Бедрэддинъ-Гассанъ провелъ эту ночь далеко не спокойно: онъ то и дѣло просыпался, вставалъ съ постели, осматривалъ комнату, ощупывалъ стѣны и мебель и все еще не могъ убѣдиться, что счастіе его уже не сонъ, хотя усиленно старался увѣрить себя въ этомъ, повторяя мысленно: — Нѣтъ, на этотъ разъ ужъ нельзя ошибиться; это дѣйствительно та самая комната, куда я пробрался на мѣсто горбуна; да, все здѣсь такъ, какъ было тогда, а впрочемъ.... Взошедшее солнце не разсѣяло его тревоги, напротивъ, она усилилась еще болѣе, когда въ комнату вошелъ Шемзеддинъ-Мухаммедъ, чтобы поздороваться съ своимъ зятемъ.

Лицо великаго визиря дышало теперь ласковой привѣтливостью, онъ сбросилъ съ себя напускную суровость судьи и съ улыбкой приблизился къ Бедрэддину-Гассану, но тотъ, узнавъ его, боязливо отстранился и, отступивъ на нѣсколько шаговъ, воскликнулъ:—А, опять ты! такъ этотъ сонъ.... — Посмотри, обратился онъ къ своей женѣ, вотъ кто преслѣдуетъ меня недостойнымъ образомъ и грозитъ позорной казнью за то, что я не положилъ перцу въ сливочный тортъ! Великій визирь засмѣялся и поспѣшилъ наконецъ разсѣять его страхъ. Изъ разсказовъ горбуна онъ уже зналъ, что въ этомъ дѣлѣ принимали участіе сверхъестественныя силы и потому всѣ его странныя приключенія въ первую ночь свадьбы онъ объяснилъ ему содѣйствіемъ генія, который счелъ почему то нуж-

нымъ прямо съ брачнаго ложа перенести его къ воротамъ Дамаска.— Такъ и не узналъ бы я, кто мой зять, продолжалъ визирь,—еслибы не записки моего покойнаго брата, Нурэддина-Али; я нашелъ ихъ въ твоей чалмѣ и тогда же рѣшилъ отыскать тебя, во что бы то ни стало. Съ этой цѣлью я объѣхалъ много городовъ, въ томъ числѣ побывалъ и въ Балсорѣ, надѣясь получить о тебѣ хоть какое нибудь извѣстіе. Такъ то, дорогой мой племянникъ, добавилъ онъ, обнимая его съ нѣжностью,— а все-таки найти тебя намъ помогли сливочные торты, которые ты вчера еще проклиналъ съ такимъ отчаяніемъ. Ну, прости же меня и не гнѣвайся на мою шутку, хотя она и доставила тебѣ много непріятностей; вѣдь ты слыхалъ, я думаю, что всякое счастіе тѣмъ дороже для насъ и тѣмъ сильнѣе мы его чувствуемъ, чѣмъ съ большимъ страданіемъ оно достается намъ. Однако, пора! Одѣвайся скорѣй и иди къ своей матери, она давно ожидаетъ тебя съ нетерпѣніемъ; тамъ увидишь и своего сына Аджиба, котораго ты уже видѣлъ и полюбилъ, еще не зная, что онъ твой сынъ.

Никакими словами невозможно выразить той радости, какую ощущалъ Бедрэддинъ-Гассанъ при встрѣчѣ съ матерью и сыномъ. Востор-

женныя слезы, объятія, поцѣлуи и всѣ проявленія горячей любви, на какую только способно родительское сердце, долго не прекращались ни на одну минуту. Между взаимными ласками, мать разсказала сыну, какъ она страдала, мучилась, горевала и сколькихъ слезъ ей стоила эта продолжительная разлука. Бедрэддинъ слушалъ, улыбаясь сквозь слезы, и въ то же время прижималъ къ своему сердцу маленькаго Аджиба, который уже не отстранялся, какъ въ Дамаскѣ, а ласково льнулъ къ нему самъ.

Тѣмъ временемъ Шемзеддинъ-Мухаммедъ отправился во дворецъ, чтобы явиться къ своему государю и доложить ему о счастливомъ окончаніи своего путешествія. Слушая подробный разсказъ великаго визиря, султанъ былъ такъ пораженъ этимъ чудеснымъ событіемъ, что приказалъ записать его золотыми буквами и сохранить на память потомству. Довольный и радостный, вернулся визирь къ своей семьѣ; всѣ тотчасъ же сѣли за роскошно убранный столъ, и веселый пиръ ихъ продолжался далеко за полночь.

Такъ закончилъ великій визирь Джіафаръ и сказалъ, обращаясь къ калифу Гаруну-аль-Рашиду: — Надѣюсь, государь, что моя повѣсть заслуживаетъ одобренія твоего величества? — Вполнѣ, отвѣтилъ калифъ и охотно даровалъ помилованіе невольнику Рихану. А чтобы утѣшить молодого человѣка, который вслѣдствіе лживаго навѣта убилъ свою обожаемую жену и тѣмъ лишилъ себя счастія, Гарунъ-аль-Рашидъ выдалъ за него одну изъ красавицъ своего гарема и, щедро одаривъ новобрачныхъ, не переставалъ благоволить къ нимъ до конца своей жизни.

Начинало уже свѣтать, когда Шехеразада закончила свой разсказъ.—Жаль мнѣ, повелитель мой, сказала она, обращаясь къ Шахріару, что, вмѣсто этой исторіи, я не разсказала тебѣ другой, несравненно болѣе занимательной. Впрочемъ, если твоему величеству угодно будетъ отсрочить мою казнь, то въ слѣдующую ночь ты услышишь одну изъ самыхъ чудесныхъ сказокъ.—Султанъ ничего не отвѣтилъ на это, но, уходя изъ опочивальни, онъ подумалъ:—Однако, у моей султанши черезчуръ ужъ долгія сказки... И откуда она только беретъ все такія заманчивыя, что невозможно не дослушать ихъ до конца! Вотъ и теперь обѣщаетъ еще что то новое... Развѣ ужъ дать ей разсказать?... Казнить всегда можно, такъ *зачѣмъ же я* буду лишать себя удовольствія?

На слѣдующую ночь, не задолго до разсвѣта, Динарзада разбудила своимъ обычнымъ воззваніемъ царицу Индіи, а вмѣстѣ съ нею и ея грознаго повелителя, который выразилъ свое желаніе прослушать новую

Сказку о Горбункѣ.

Въ Касгарѣ *), на окраинѣ Великой Татаріи, жилъ когда то одинъ честный портной, а у него была горячо имъ любимая красавица жена, отвѣчавшая ему такой же горячей любовью. Какъ то разъ, вечеромъ, сидѣлъ онъ въ своей мастерской и работалъ по обыкновенію, а жена хлопотала на кухнѣ. Вдругъ въ открытомъ окнѣ раздались звуки музыки и пѣнія. Оказалось, что пѣлъ, наигрывая на типманѣ, какой то маленькій, горбатый человѣчекъ, усѣвшійся на самомъ порогѣ у входной двери въ мастерскую. Портной прервалъ свое шитье и сталъ прислушиваться съ удовольствіемъ, потомъ ему пришло въ голову позвать къ себѣ этого музыканта для увеселенія молодой жены.—Пора намъ и отдохнуть, подумалъ онъ, не грѣхъ позабавиться, когда не разгибая спины, работаешь отъ зари до зари,—и тутъ же предложилъ горбунку войти, тотъ охотно согласился, и хозяинъ, введя его въ домъ, заперъ свою дверь отъ постороннихъ посѣтителей.

Жена въ то время уже накрыла столъ для ужина и вслѣдъ за тѣмъ принесла изъ кухни вкусное рыбное блюдо своего приготовленія. Всѣ трое усѣлись и принялись ѣсть съ большимъ аппетитомъ, какъ вдругъ горбунокъ поперхнулся, закашлялся, побагровѣлъ,—вѣроятно, подавившись рыбной костью—и черезъ нѣсколько минутъ упалъ мертвымъ къ великому смущенію и ужасу хозяевъ. Они оба испугались тѣмъ болѣе, что это несчастіе, случившееся въ ихъ домѣ, могло дойти до свѣдѣнія полиціи и навлечь на нихъ обвиненіе въ убійствѣ. Однако портной вскорѣ придумалъ средство избавиться отъ мертваго тѣла: вспомня, что по сосѣдству живетъ врачъ-еврей, онъ тутъ же составилъ планъ, сообщилъ его женѣ и, съ ея помощью, сталъ немедленно приводить въ исполненіе: мужъ поднялъ горбуна за плечи, жена за ноги, и такъ донесли они его по темному, безлюдному переулку вплоть до самой двери врача, изъ которой къ его жилищу вела высокая, крутая лѣстница. Прислонивъ мертвеца къ стѣнѣ, портной постучался, а когда на стукъ вышла служанка, сказалъ ей:—Вернись, сдѣлай милость, къ своему господину и скажи ему, что мы привели больнаго, только на лѣстницу то ему трудно подняться. А вотъ это передай въ задатокъ врачу, добавилъ онъ, кладя серебряную монету въ руку служанки,—пусть онъ знаетъ, что мы не хотимъ утруждать его даромъ. Пока

---

*) Касгаръ или Кашгаръ—азіатское государство въ Татаріи, простирающееся на сто шестьдесятъ миль въ длину и на сто въ ширину. Въ настоящее время его населяютъ калмыки, подвластные императору Китая, завоевавшаго Кашгаръ въ 1759 году. Столица этого государства называется также, какъ и оно.

(Галланъ).

служанка ходила сообщать своему еврею эту добрую вѣсть, мужъ и жена поспѣшно втащили на лѣстницу мертваго горбунка и, оставивъ его тамъ, бѣгомъ возвратились домой.

Получивъ серебряную монету въ видѣ задатка, врачъ тотчасъ же сообразилъ, что этотъ больной доставитъ ему хорошее вознагражденіе въ будущемъ.—Бери скорѣе свѣчу, приказалъ онъ служанкѣ, и посвѣти мнѣ. Самъ же, не дожидаясь, бросился къ лѣстницѣ и въ попыхахъ прямо наткнулся на мертвое тѣло. Отъ сильнаго толчка горбунокъ покатился внизъ, а испуганный врачъ, самъ едва не послѣдовавшій за нимъ, уцѣпился за перила и крикнулъ изо всей мочи:—Да что жъ ты тамъ! Провалилась, что ли?... Служанка выбѣжала со свѣчой, и они

вмѣстѣ спустились внизъ, гдѣ увидали распростертаго горбунка безъ малѣйшаго признака жизни. При видѣ мертвеца, вмѣсто желаннаго больнаго, еврей сначала оцѣпенѣлъ отъ изумленія, потомъ въ ужасѣ завопилъ, призывая на помощь Моисея, Давида, Эздру и другихъ пророковъ своей религіи.—О, я несчастный! восклицалъ онъ, ударяя себя въ грудь, что̀ я надѣлалъ и что̀ теперь будетъ со мной! Я ускорилъ смерть человѣка, котораго, при своемъ искусствѣ, могъ бы еще долго пролѣчить, но главное—меня непремѣнно обвинятъ въ убійствѣ, и гибель моя неизбѣжна, если только самъ Іегова не придетъ мнѣ на помощь...

Однакожъ, несмотря на все свое смущеніе, еврей не забылъ принять нѣкоторой предосторожности: опасаясь, чтобы кто нибудь изъ про-

хожихъ случайно не увидалъ его около покойника, онъ затворилъ входную дверь и затѣмъ, взваливъ мертвое тѣло себѣ на плечи, отправился съ нимъ въ спальню своей жены, которая, при видѣ его съ этой зловѣщей ношей, едва не лишилась чувствъ отъ ужаса.—О, мы погибли! вскричала она, сообразивъ наконецъ всю опасность положенія, нужно, во что бы то ни стало, избавиться намъ отъ мертвеца и непремѣнно сейчасъ же, въ эту же ночь. Если онъ останется у насъ до утра, все пропало! Нагрянетъ полиція, и насъ повѣсятъ, какъ убійцъ... Ахъ, Боже мой, вотъ несчастіе!... И какъ только угораздило тебя убить этого человѣка?...—Что ужъ объ этомъ толковать, сумрачно отвѣтилъ мужъ, лучше подумаемъ, нельзя ли какъ нибудь выпутаться изъ бѣды.

Долго совѣщались супруги, куда бы имъ спровадить своего страшнаго гостя, однако ничего подходящаго придумать не могли. Врачъ совсѣмъ было отчаялся и уже рѣшилъ помириться съ своей горькой участью, но жена его, какъ болѣе находчивая, вдругъ вскрикнула съ оживленіемъ:—Постой, мнѣ пришла счастливая мысль: давай отнесемъ этотъ трупъ на крышу и оттуда спустимъ его черезъ трубу къ нашему сосѣду, мусульманину.

Этотъ мусульманинъ преимущественно торговалъ маслами всѣхъ сортовъ и жирами, поставляя ихъ также ко двору касгарскаго султана. Въ домѣ же у него помѣщались и склады этихъ товаровъ, а потому крысы и мыши расплодились тамъ во множествѣ и производили немалыя опустошенія.

Еврей нашелъ предложеніе своей жены геніальнымъ, и, не теряя времени, они общими силами подняли горбунка, взобрались съ нимъ на крышу своего дома, подвязали ему веревку подъмышки и съ такою осторожностью спустили его въ трубу поставщика, что мертвецъ, прислоненный къ стѣнкѣ камина, такъ и остался на ногахъ, словно живой. Послѣ того, выдернувъ веревку, супруги поспѣшили обратно домой; не успѣли еще они сойти съ крыши, какъ сосѣдъ, мусульманинъ, вошелъ въ свою комнату, съ фонаремъ въ рукахъ: онъ возвращался откуда то съ свадебной пирушки и, подъ вліяніемъ хмѣльныхъ напитковъ, находился въ самомъ веселомъ настроеніи духа. Увидавъ человѣка, притаившагося въ его каминѣ, онъ было опѣшилъ въ первую минуту, но будучи по природѣ не трусливаго характера, тотчасъ же ободрился, схватилъ толстую палку и смѣло бросился на горбунка, въ полномъ убѣжденіи, что это не кто иной какъ воръ.—А, такъ вотъ какія крысы похищаютъ у меня масло и жиръ! Хорошо, любезный, я отобью у тебя охоту пробираться ко мнѣ въ трубу,—ужъ будь увѣренъ, больше ты не найдешь сюда дороги! Съ этими словами, онъ нѣсколько разъ ударилъ горбунка своей палкой. Мертвецъ покачнулся и упалъ носомъ на полъ, а поставщикъ, какъ бы пользуясь этимъ положеніемъ, продолжалъ наносить

удары; вдругъ ему показалось страннымъ, что воображаемый воръ не шевелится и не кричитъ, словно не чувствуетъ боли.—Какъ же это такъ? подумалъ онъ, нагибаясь, чтобы разсмотрѣть поближе свою выносливую жертву, и тутъ гнѣвъ его мгновенно смѣнился страшнымъ испугомъ.—О, что́ я надѣлалъ! воскликнулъ онъ, разомъ протрезвившись, вѣдь человѣкъ то убитъ наповалъ! Боже милостивый, если Ты не сжалишься надо мной, погибну я неминуемо! А вся вина то моя только въ томъ, что выпилъ лишнее, вотъ и разгорячился не въ мѣру... Будьте вы тысячу разъ прокляты, всѣ жиры и всѣ масла на свѣтѣ,—изъ за васъ я попалъ въ такую бѣду! Блѣдный и разстроенный, стоялъ поставщикъ среди комнаты, не зная, что дѣлать и на что рѣшиться. Ему уже ясно представлялись полицейскіе, судьи и въ концѣ концовъ—висѣлица.

Въ пылу своего гнѣва, онъ сначала не обратилъ вниманія на горбъ предполагаемаго вора, но потомъ, разсмотрѣвъ его внимательнѣе, разразился еще большими проклятіями:—Ахъ ты окаянный! восклицалъ онъ, и изъ за такого урода я долженъ погибать теперь! Ахъ, верблюдъ горбатый, лучше бы ужъ ты обобралъ меня всего дочиста, чѣмъ подводить подъ такую бѣду! И что мнѣ только дѣлать... Что дѣлать?... Звѣзды небесныя, хоть вы просвѣтите мой бѣдный умъ!... Наконецъ, послѣ долгаго раздумья, поставщикъ взвалилъ горбунка къ себѣ на плечи и вышелъ съ нимъ изъ дому. Оглядѣвшись по сторонамъ, онъ направился вдоль пустыннаго переулка и, дойдя до конца его, остановился около одной лавки. Здѣсь онъ спустилъ свою ношу на землю, прислонилъ ее къ стѣнѣ и безъ оглядки побѣжалъ обратно.

Въ это время, одинъ богатый купецъ, христіанинъ, прокутивъ напролетъ цѣлую ночь, вздумалъ почему то передъ самымъ разсвѣтомъ отправиться въ баню. Но какъ онъ ни былъ пьянъ, однакожъ замѣтилъ, что ночь на исходѣ, и сообразилъ, что съ минуты на минуту съ мечетей долженъ раздаться обычный призывъ къ утренней молитвѣ. Опасаясь, чтобы какой нибудь набожный мусульманинъ, за нарушеніе общественнаго благочинія, не свелъ его въ полицію, онъ ускорялъ шаги и спѣшилъ изо всей мочи поскорѣе добраться до бани, но, на бѣду, въ то самое время, когда ему уже оставалось только повернуть изъ переулка въ большую улицу, гдѣ она находилась, крайняя необходимость вдругъ принудила его остановиться; не успѣвъ даже осмотрѣться, онъ присѣлъ именно около той лавки, гдѣ поставщикъ прислонилъ горбунка, и въ попыхахъ толкнулъ мертвеца задомъ, да такъ сильно, что тотъ грохнулся ему прямо на спину. Купецъ оторонѣлъ отъ такой неожиданности и, вообразивъ, что на него нападаетъ какой нибудь уличный грабитель, сшибъ его ударомъ кулака, повалилъ на землю и, не переставая колотить, изо всей мочи закричалъ „караулъ!“ На этотъ крикъ тотчасъ же прибѣжалъ полицейскій стражникъ и, увидавъ, что христіанинъ бьетъ мусульманина, вступился за послѣдняго; онъ схватилъ купца за шиворотъ, оттащилъ въ сторону и сказалъ строгимъ голосомъ:—Ахъ ты разбойникъ! какъ ты смѣешь нападать на мусульманина?—Не я нападалъ на него, отвѣчалъ купецъ, а это онъ хотѣлъ меня ограбить и набросился неожиданно сзади, чтобы схватить за горло.—Во всякомъ случаѣ, продолжалъ блюститель порядка, ты не имѣешь права причинять самовольную расправу. Въ то же время онъ подалъ горбунку руку, чтобы помочь ему подняться на ноги, но увидавъ, что тотъ уже мертвъ, закричалъ на всю улицу:—Э, э!... такъ вотъ оно что... христіане ужъ стали убивать мусульманъ! Нѣтъ, любезный, погоди, это не пройдетъ тебѣ даромъ! Тутъ онъ снова схватилъ купца за шиворотъ и потащилъ въ полицію, гдѣ заперъ его на замокъ въ особой камерѣ, пока не проснется начальникъ и не сниметъ съ него допроса. Тѣмъ временемъ купецъ окончательно протрезвился и сталъ раздумывать, какъ это все могло случиться съ нимъ, но чѣмъ больше онъ думалъ, тѣмъ меньше понималъ свое положеніе. Онъ никакъ не могъ представить себѣ, чтобы простымъ ударомъ кулака можно было убить человѣка наповалъ.

Начальникъ полиціи, онъ же и судья, основываясь на донесеніи стражника, допросилъ купца христіанина; а такъ какъ улика была на лицо, и самъ купецъ не могъ отрицать своего преступленія, то судья, въ силу закона, приговорилъ виновнаго къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Немедленно была воздвигнута висѣлица на главной городской площади, и посланные глашатаи возвѣстили народу о предстоявшемъ зрѣлищѣ. Когда все было готово, палачъ накинулъ веревочную петлю

на шею купца и уже сдѣлалъ движеніе, чтобы вздернуть его на воздухъ, какъ услыхалъ чей то громкій голосъ, кричавшій ему изъ толпы:—Погоди, остановись!... Вслѣдъ затѣмъ, расталкивая народъ, къ висѣлицѣ приблизился поставщикъ султанскаго двора и, увидавъ начальника полиціи, находившагося при казни, сказалъ ему:—Христіанинъ не виновенъ,—отпусти его. Я настоящій убійца. Тутъ онъ со всѣми подробностями разсказалъ, какъ убилъ горбунка и какъ поставилъ около той лавки, гдѣ купецъ могъ только нечаянно столкнуть его.—Ты чуть было не казнилъ невиннаго, добавилъ онъ, потому что христіанинъ не могъ убить того, кто былъ убитъ уже прежде. Я совершилъ это преступленіе и не хочу брать на совѣсть еще другую смерть.

Въ виду такого сознанія передъ всѣмъ народомъ, судья долженъ былъ отпустить купца и казнить вмѣсто него другого, добровольно принявшаго на себя преступленіе.—Отпусти христіанина, приказалъ онъ палачу, и повѣсь этого человѣка, который самъ себя называетъ убійцей. Палачъ въ ту же минуту снялъ петлю съ купца и надѣлъ на шею поставщика, но когда онъ собирался вздернуть и этого, изъ толпы послышался голосъ:—Остановись! Остановись! Въ то же время къ висѣлицѣ изо всей силы протискивался человѣкъ,—раскраснѣвшійся, взволнованный и весь въ поту отъ усталости. То былъ еврей.

Онъ прямо бросился къ начальнику полиціи и воскликнулъ, едва переводя духъ:—Господинъ судья! Прикажи остановить казнь... Я убій-

ца, я одинъ и заслуживаю казни... Этотъ человѣкъ, котораго ты хотѣлъ повѣсить, невиновенъ. Затѣмъ и онъ разсказалъ въ свою очередь, какъ былъ убитъ горбунокъ, нечаянно столкнутый имъ съ лѣстницы, какъ потомъ, испугавшись своего поступка, онъ, съ помощью жены, отнесъ мертвое тѣло на крышу дома и спустилъ черезъ печную трубу въ комнату сосѣда поставщика.—Хотя преступленіе это совершено мною ненамѣренно, продолжалъ врачъ, но я все таки не хочу губить неповиннаго, казните же меня, какъ настоящаго убійцу.

Не сомнѣваясь, что это показаніе вѣрно, начальникъ полиціи велѣлъ отпустить поставщика и повѣсить еврея, такъ какъ онъ самъ уличилъ себя. Палачъ быстро перекинулъ петлю съ одной шеи на другую,—еще одно движеніе, и врачъ повисъ бы въ воздухѣ, но въ эту минуту къ судьѣ подбѣжалъ запыхавшійся портной, — Господинъ! вскричалъ онъ, ради Бога, не губи неповиннаго! Соблаговоли выслушать меня, и ты узнаешь, что единственный виновникъ этой смерти—я. Передавъ со всѣми подробностями о несчастномъ приключеніи съ горбункомъ, портной закончилъ разсказъ такими словами:—Теперь ты видишь, господинъ судья, что врачъ не могъ убить уже мертваго.

Дивились всѣ зрители, не мало дивился и самъ начальникъ полиціи стеченію такихъ странныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ смерть несчастнаго горбунка.—Это такая необычайная исторія, воскликнулъ судья, что стоило бы ее записать для памяти. Тѣмъ не менѣе, желая до конца оставаться справедливымъ, онъ приказалъ освободить врача и накинуть петлю на шею портного.

Пока все это происходило на площади, касгарскій султанъ, не привыкшій долго обходиться безъ своего шута-горбунка, велѣлъ позвать его къ себѣ. Тогда одинъ изъ придворныхъ сказалъ ему:—Государь, горбунокъ, безъ котораго твое величество изволитъ скучать, вчера, противъ обыкновенія, сильно подвыпилъ и отправился бродить по городу, а сегодня утромъ его нашли мертвымъ. Въ убійствѣ обвинялся одинъ христіанинъ купецъ, пойманный на мѣстѣ преступленія, а потому начальникъ полиціи немедленно приговорилъ его къ смерти, но тутъ произошло необыкновенное событіе: на мѣсто казни одинъ за однимъ явилось нѣсколько человѣкъ, и каждый изъ нихъ, оправдывая своего предшественника, признавалъ себя настоящимъ убійцей. Такъ ужъ продолжается давно, и въ настоящую минуту судья допрашиваетъ, кажется, третьяго, или четвертаго человѣка, обвиняющаго себя въ убійствѣ горбунка.

Султану все это дѣло показалось настолько загадочнымъ, что онъ пожелалъ разслѣдовать его лично и, призвавъ одного изъ своихъ гонцовъ, приказалъ ему, не теряя ни минуты, ѣхать на площадь и отъ его имени пріостановить казнь, а начальнику полиціи сказать, чтобы онъ немедленно представилъ во дворецъ всѣхъ обвиняемыхъ.—Пусть прине-

сутъ ко мнѣ и тѣло горбунка, добавилъ онъ, я хочу еще разъ взглянуть на своего любимца. Гонецъ поскакалъ и прибылъ на мѣсто казни въ ту минуту, когда палачъ подтягивалъ уже веревку, чтобы повѣсить портного, но, увидавъ царскаго посланца, скакавшаго во весь опоръ, онъ пріостановился.

Гонецъ объявилъ начальнику полиціи волю султана, и тотъ, забравъ съ собой всѣхъ причастныхъ къ дѣлу, отправился съ ними во дворецъ, а четверо изъ его подчиненныхъ понесли за ними тѣло горбунка.

Когда всѣ вошли въ пріемную залу дворца, начальникъ полиціи преклонился передъ государемъ и передалъ ему обстоятельства дѣла со всѣми мельчайшими подробностями. Выслушавъ его, султанъ нашелъ этотъ случай настолько выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ, что приказалъ записать его на память потомству, затѣмъ, обращаясь къ своимъ придворнымъ, сказалъ:—Вотъ удивительное событіе! Я увѣренъ, что никто изъ васъ никогда не слыхалъ ничего подобнаго. Тогда купецъ-христіанинъ выступилъ впередъ и, снова преклонившись до земли, промолвилъ:—Великій государь, осмѣливаюсь доложить, что мнѣ извѣстно одно происшествіе еще удивительнѣе настоящаго; если угодно будетъ твоему величеству, я готовъ разсказать его.—Султанъ охотно дозволилъ, и купецъ началъ такъ:

Что разсказалъ купецъ-христіанинъ.

Прежде всего, государь, я долженъ сказать, что не имѣлъ счастія родиться во владѣніяхъ твоего величества; я родомъ изъ Каира въ Египтѣ, кофтъ *) по происхожденію и христіанинъ по религіи. Отецъ мой былъ маклеромъ и составилъ себѣ этимъ довольно значительное состояніе, которое я наслѣдовалъ послѣ его смерти и сталъ заниматься тѣмъ же дѣломъ. Одинъ разъ, когда я находился, по обыкновенію, на каирской биржѣ хлѣбныхъ торговцевъ, ко мнѣ подъѣхалъ верхомъ на ослѣ какой то красивый молодой человѣкъ, въ одеждѣ зажиточнаго горожанина. Онъ вѣжливо поклонился и, развернувъ передо мной насыпанный въ платокъ образчикъ кунжута, спросилъ:—Сколько стóитъ здѣсь большая мѣра кунжута вотъ такого достоинства?

Я внимательно разсмотрѣлъ зерно и отвѣтилъ, что по настоящей цѣнѣ оно стóитъ не менѣе ста драхмъ **) за большую мѣру.—Такъ не возьмешься ли ты предложить его торговцамъ? сказалъ молодой человѣкъ. Если найдутся желающіе купить по этой цѣнѣ, то потрудись

*) Кофтъ или коптъ—наименованіе египетскихъ христіанъ, принадлежащихъ къ сектѣ яковитовъ.

**) Восточная серебряная монета.

придти ко мнѣ въ тотъ каганъ, что̀ стоитъ у воротъ Побѣды, въ сторонѣ отъ всѣхъ прочихъ зданій. Я буду ждать тебя тамъ. Онъ снова поклонился и поѣхалъ назадъ, оставивъ мнѣ образчикъ, который я тотчасъ же показалъ всѣмъ хлѣбнымъ торговцамъ, и они наперерывъ изъявили готовность купить весь кунжутъ, сколько бы его ни было, по сто десяти драхмъ за большую мѣру. Мнѣ предстоялъ значительный барышъ отъ этой сдѣлки, такъ какъ излишекъ противъ назначенной цѣны поступалъ въ мою пользу; довольный этимъ счастливымъ случаемъ, я не замедлилъ отправиться въ каганъ у воротъ Побѣды, гдѣ ожидалъ меня молодой продавецъ. Кунжута въ его складѣ оказалось полтораста большихъ мѣръ; я принялъ ихъ по провѣркѣ, велѣлъ нагрузить на ословъ и доставилъ торговцамъ, которые должны были уплатить за все это количество пять тысячъ серебряныхъ драхмъ.—Изъ общей суммы, сказалъ молодой человѣкъ, на твою долю приходится пятьсотъ драхмъ, считая по десяти на мѣру, и я охотно предоставляю тебѣ этотъ барышъ; въ остальныхъ же деньгахъ, принадлежащихъ мнѣ, я теперь не имѣю особенной надобности, такъ ты получи ихъ съ купцовъ и оставь у себя до моего требованія.—Я отвѣтилъ, что буду всегда держать наготовѣ всю сумму

сполна, когда бы онъ ни пріѣхалъ или ни прислалъ за ней. Затѣмъ, поцѣловавъ у него руку на прощанье, я ушелъ, довольный и польщенный такимъ необыкновеннымъ довѣріемъ.

Въ теченіе цѣлаго мѣсяца молодой человѣкъ не появлялся и не давалъ никакой вѣсти о себѣ; наконецъ, въ первый день по прошествіи этого срока, онъ подъѣхалъ къ моему окну верхомъ на ослѣ и крикнулъ, увидавъ меня:—Здравствуй! Ну что же, цѣлы ли мои четыре тысячи пятьсотъ драхмъ?—Всѣ цѣлы, господинъ мой, хоть сейчасъ отсчитаю сполна, но не угодно ли тебѣ прежде войти въ мой домъ и раздѣлить со мной трапезу? Ты оказалъ бы мнѣ этимъ великую честь.—Благодарю, сказалъ онъ, но теперь мнѣ некогда; у меня есть одно спѣшное дѣло здѣсь по близости, а на возвратномъ пути я заѣду къ тебѣ и возьму свои деньги, — держи ихъ наготовѣ. Тутъ молодой человѣкъ съ улыбкой кивнулъ мнѣ головой и крупною рысью поѣхалъ далѣе. Вплоть до глубокой ночи не ложился я спать, все поджидая его съ минуты на минуту, и затѣмъ еще много дней прошло въ такомъ же напрасномъ ожиданіи; онъ возвратился только черезъ мѣсяцъ, но денегъ у меня не взялъ и на этотъ разъ.—Должно быть, мое лицо внушаетъ особенное довѣріе этому молодому купцу, думалъ я: четыре тысячи пятьсотъ драхмъ—сумма не малая, а онъ преспокойно оставляетъ ее у меня въ рукахъ, словно въ своемъ сундукѣ; другой не положился бы такъ на незнакомаго человѣка безо всякой даже росписки. Потомъ, въ концѣ третьяго мѣсяца, довѣритель мой снова явился, какъ и прежде, верхомъ на ослѣ, только одѣтъ онъ былъ на этотъ разъ несравненно богаче и роскошнѣе прежняго.

Завидѣвъ его еще издали, я поспѣшилъ ему навстрѣчу и сталъ умолять, чтобы онъ осчастливилъ меня своимъ посѣщеніемъ; упомянулъ при этомъ и о деньгахъ, предлагая возвратить ихъ хоть сейчасъ.—Нѣтъ, это еще не къ спѣху, отвѣтилъ онъ; я знаю, что деньги въ твоихъ рукахъ будутъ цѣлѣе, чѣмъ въ моемъ карманѣ, а вотъ когда истрачу все, что у меня есть, тогда заѣду и за этими. Такъ до свиданья, жди меня черезъ недѣлю. Съ этими словами, онъ стегнулъ своего осла и вскорѣ скрылся изъ вида. — Ну, нѣтъ, подумалъ я, навѣрно пройдетъ еще много недѣль прежде, чѣмъ онъ опять вернется; такъ не пустить ли его деньги въ оборотъ? Можетъ быть онѣ и принесутъ мнѣ какую нибудь пользу.

Дѣйствительно, я не ошибся въ своемъ предположеніи: прошелъ цѣлый годъ, а о молодомъ купцѣ не было никакого извѣстія. Наконецъ онъ появился—такой же нарядный, хотя и не такой веселый, какъ прежде. Я снова началъ упрашивать его пожаловать ко мнѣ въ домъ, и на этотъ разъ онъ согласился, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы я не входилъ ради него въ лишній расходъ. Я обѣщалъ, послѣ чего

онъ сошелъ съ своего осла и послѣдовалъ за мной. Во время обильной закуски, поданной по моему распоряженію, меня поразила одна непонятная странность въ моемъ гостѣ, который бралъ всѣ кушанья почему то не правой, а лѣвой рукой.—Что же это такое, подумалъ я, неужели онъ поступаетъ такъ изъ пренебреженія ко мнѣ? Да нѣтъ, не можетъ быть,—онъ, повидимому, совсѣмъ не изъ гордыхъ.

Послѣ трапезы, когда слуги убрали со стола и удалились, а мы сѣли рядомъ на софу, я предложилъ своему гостю превосходной нучи. Онъ взялъ ее, но опять таки лѣвой рукой. На этотъ разъ я уже не выдержалъ и сказалъ ему: — Извини мой нескромный вопросъ и позволь узнать, отчего ты не употребляешь правой руки, развѣ она болитъ у тебя? Вмѣсто отвѣта, молодой человѣкъ тяжело вздохнулъ и, высвободивъ изъ подъ платья, показалъ мнѣ свою руку; я содрогнулся, увидавъ, что кисть отъ нея отсѣчена, а гость между тѣмъ говорилъ мнѣ:— Ты, можетъ быть, обидѣлся, что я беру пищу лѣвой рукой, и считалъ это неуваженіемъ къ тебѣ? Такъ посмотри же самъ, могу ли я поступать иначе? — О, прости меня! отвѣтилъ я съ глубокимъ чувствомъ, но какой же несчастный случай лишилъ тебя руки? Повѣдай мнѣ, если это не тайна. На глазахъ молодаго человѣка выступили слезы, но онъ поспѣшно отеръ ихъ и разсказалъ мнѣ то, что я сейчасъ буду имѣть честь передать твоему величеству:

— Родился я въ Багдадѣ, началъ онъ; отецъ мой, благодаря своему богатству, пользовался большимъ почетомъ въ городѣ, и роскошный домъ его всегда бывалъ полонъ гостей. Среди огромнаго круга нашихъ знакомыхъ, мнѣ часто приходилось встрѣчаться съ людьми, увлекавшими меня разсказами о своихъ дальнихъ путешествіяхъ, но особенно заманчиво дѣйствовало на мое воображеніе все, что говорилось о древнемъ Египтѣ и о его великомъ городѣ Каирѣ. Еще въ ранней юности, подъ вліяніемъ этихъ разсказовъ, мною овладѣло страстное стремленіе побывать въ этихъ чудесныхъ мѣстахъ и увидать все своими глазами, но, пока живъ былъ отецъ, это желаніе не могло осуществиться, такъ какъ онъ ни за что на свѣтѣ не рѣшился бы отпустить меня въ такую даль; только послѣ его смерти, получивъ большое наслѣдство и сдѣлавшись полнымъ господиномъ своихъ поступковъ, я накупилъ на значительную сумму лучшихъ тканей— багдадскихъ и муссулскихъ—и отправился съ ними въ Египетъ.

По прибытіи въ Каиръ, я, какъ иностранный торговецъ, остановился въ каганѣ, называемомъ Месрурскимъ, и нанялъ тамъ помѣщеніе со складомъ, куда немедленно приказалъ перевезти свои товары, упакованные въ тюкахъ. Послѣ обѣда, отдохнувъ немного отъ утомительнаго пути, я пошелъ осматривать городъ: посѣтилъ нѣсколько мечетей, видѣлъ роскошный царскій дворецъ, общественныя зданія, площади и все, что было достойно вниманія.

На другой день, одѣвшись въ свое лучшее платье, я отправился въ Черкесскій безестанъ *), куда велѣлъ своимъ слугамъ принести образчики всѣхъ матерій, находившихся въ моемъ складѣ. Меня сразу окружила тамъ цѣлая толпа маклеровъ и разносчиковъ съ предложеніемъ своихъ услугъ. Я роздалъ имъ образцы и, для опредѣленія ихъ стоимости, поручилъ показать мѣстнымъ купцамъ; но всѣ торговцы, словно сговорившись, предлагали такую низкую цѣну, что она даже не окупала расходовъ на покупку и перевозку товаровъ. Это такъ раздосадовало меня, что я громко сталъ выражать свое неудовольствіе; тогда разносчики сказали мнѣ:—Если хочешь, мы пожалуй научимъ тебя, какъ избавиться отъ убытка да еще получить барышъ.

— Конечно, хочу, отвѣтилъ я; но только какъ же это сдѣлать? Очень просто, продолжали разносчики: раздай всѣ свои матеріи по лавкамъ для розничной продажи и повѣрь, что ни ты не потерпишь убытка, ни купцы не останутся въ накладѣ. Для провѣрки, ты можешь разъ или два въ недѣлю обходить ихъ и получать деньги, остальное же время—гуляй себѣ по городу и веселись, сколько душѣ угодно.

Этотъ совѣтъ былъ тѣмъ хорошъ, что онъ вполнѣ согласовался съ моимъ желаніемъ, и я, не задумываясь, тотчасъ же перевезъ всѣ свои товары въ безестанъ и роздалъ ихъ, при содѣйствіи разносчиковъ, по лавкамъ тѣхъ купцовъ, на которыхъ мнѣ указали, какъ на болѣе благонадежныхъ. Впрочемъ, я взялъ со всѣхъ форменныя росписки при свидѣтеляхъ и обязался въ свою очередь не требовать денегъ въ теченіе перваго мѣсяца.

Устроивъ такимъ образомъ свои дѣла, я сталъ уже совершенно свободенъ и безпрепятственно отдался различнымъ удовольствіямъ. Вскорѣ около меня образовался цѣлый кружокъ молодыхъ людей, которые знакомили меня съ городомъ и принимали горячее участіе во всѣхъ моихъ увеселеніяхъ. По прошествіи мѣсяца, согласно договору, я сталъ обходить своихъ купцовъ два раза въ недѣлю — по понедѣльникамъ и четвергамъ—и, въ присутствіи городового надсмотрщика, получать съ нихъ деньги за проданный товаръ; а иногда и въ другіе дни заходилъ побесѣдовать съ ними и поглядѣть, что у нихъ дѣлается въ безестанѣ.

И вотъ, одинъ разъ, когда я сидѣлъ въ лавкѣ купца Бедрэддина, къ нему вошла, въ сопровожденіи невольницы, высокая, стройная женщина, закрытая бѣлой чадрой. Ея величавая осанка и необыкновенная грація всѣхъ движеній невольно располагали въ ея пользу и возбудили во мнѣ сильное желаніе познакомиться съ ней. Не знаю, замѣтила ли она, съ какимъ восхищеніемъ я смотрю на нее, или такъ—случайно, но она откинула покрывало, спускавшееся ей на лицо поверхъ чадры, и

*) Азіатскій базаръ, гдѣ продаются шелковыя ткани и другіе драгоцѣнные товары.

словно обожгла меня взглядомъ своихъ блестящихъ, черныхъ глазъ; когда же, поздоровавшись, она заговорила съ купцомъ, звукъ ея голоса довершилъ очарованіе и заронилъ въ мое сердце неодолимое чувство любви. Между тѣмъ она сказала купцу, что желаетъ купить златотканной матеріи, и зашла въ его лавку именно потому, что у него всегда бываетъ самый лучшій выборъ. Бедрэддинъ почтительно развернулъ передъ ней цѣлый ворохъ разнообразныхъ дорогихъ матерій; послѣ тщательнаго осмотра, незнакомка остановилась на одной и спросила о цѣнѣ; купецъ назначилъ тысячу сто драхмъ за кусокъ.—Хорошо, сказала она, я согласна на эту цѣну, только денегъ со мной теперь нѣтъ. Надѣюсь, ты повѣришь мнѣ и позволишь взять матерію, а завтра я пришлю тебѣ условленную плату съ своей служанкой. — Госпожа, отвѣчалъ купецъ, во всякое другое время я повѣрилъ бы тебѣ съ большимъ удовольствіемъ, но теперь не могу.— Это почему же? спросила красавица, видимо обиженная.—Потому, что матерія принадлежитъ не мнѣ, а вотъ этому молодому человѣку, которому сегодня же нужно будетъ уплатить за нее.— Что за новости! возразила она еще съ большимъ раздраженіемъ въ голосѣ, и какъ же ты смѣешь не вѣрить мнѣ, когда знаешь, что я никогда не измѣняю своему слову и сколько разъ ни брала у тебя, всегда присылала деньги на другой же день. — Это точно, отвѣтилъ купецъ, но только сегодня.... — Ну, такъ и убирай же свою матерію! перебила совсѣмъ уже разгнѣванная красавица: не нужна она мнѣ, и пусть вы пропадаете здѣсь со всѣми вашими товарами! Всѣ вы, торгаши, на одинъ ладъ, дерзкіе и грубые невѣжды. Сказавъ это, она порывисто встала и вышла изъ лавки.

Не знаю, что сдѣлалось со мной въ эту минуту, но только сердце мое усиленно забилось, и я почти съ мольбою крикнулъ ей вслѣдъ: — Милостивая госпожа! Ради Бога не уходи, даю слово, что такъ или иначе — я найду средство исполнить твое желаніе. Она вернулась, но тутъ же заявила, что дѣлаетъ это только ради меня. Тогда я обратился къ купцу и сказалъ ему: — Господинъ Бедрэддинъ, если не ошибаюсь, ты назначилъ за эту матерію тысячу сто драхмъ, такъ потрудись же отдать ее покупательницѣ, а деньги слѣдуемыя тебѣ за комиссію ты получишь при продажѣ другихъ моихъ товаровъ, въ чемъ я и дамъ тебѣ росписку. — Дѣйствительно, я тотчасъ же взялъ клочокъ бумаги, написалъ на немъ, что слѣдовало, и отдалъ купцу; затѣмъ, вручая матерію красавицѣ, сказалъ:—Очень радъ, прекрасная госпожа, что могъ сдѣлать тебѣ удовольствіе, о деньгахъ же не безпокойся, мнѣ было бы пріятно, еслибы ты совсѣмъ ихъ не уплатила, а согласилась принять отъ меня эту матерію въ даръ. — О, я не хочу этого, отвѣчала она: твоя предупредительная вѣжливость и безъ того заслуживаетъ самой горячей признательности. Повѣрь, что я никогда не забуду твоей

услуги и была бы счастлива, еслибы могла отблагодарить тебя не одними словами.

Ободренный этой рѣчью, я съ увлеченіемъ воскликнулъ:—О, если такъ, то ты можешь сейчасъ же вознаградить меня сторицей: позволь только взглянуть на твое лицо!—Она обернулась ко мнѣ, быстро отстранила кисею, скрывавшую всю нижнюю половину ея лица, и глазамъ моимъ представилась такая красота, какой ни разсказать, ни описать невозможно. Я смотрѣлъ на нее, словно очарованный, и, казалось, цѣлый вѣкъ не усталъ бы смотрѣть, еслибы красавица также быстро не закрылась чадрой и не вышла изъ лавки. Это мимолетное видѣніе мгновенно переродило меня, и я ушелъ отъ купца уже не тѣмъ человѣкомъ, какимъ входилъ къ нему. Однакожъ, несмотря на все свое волненіе, я не забылъ спросить у Бедрэддина, кто эта красавица.—Это дочь одного эмира, отвѣтилъ онъ, которой отецъ оставилъ послѣ смерти огромное состояніе.

Возвратившись въ свой каганъ, я находился въ такомъ сильномъ возбужденіи, что не могъ ни ѣсть, ни спать, и эта ночь показалась мнѣ самой долгой во всей моей жизни. На другой день, едва взошло солнце, какъ я поспѣшно всталъ и началъ одѣваться съ гораздо большимъ вниманіемъ, чѣмъ наканунѣ. Надежда встрѣтиться съ той, которая овладѣла всѣми моими помыслами, пробуждала во мнѣ желаніе понравиться ей во что бы ни стало. Съ этой цѣлью я снова отправился въ лавку Бедрэддина.

И не долго пришлось мнѣ ждать: черезъ нѣсколько минутъ послѣ моего прихода, вдали показалась красавица, въ сопровожденіи своей рабыни, одѣтая еще наряднѣе, чѣмъ вчера. Она быстро прошла мимо купца, даже не взглянувъ на него, и приблизилась прямо ко мнѣ.—Вотъ мой долгъ, сказала она, подавая мнѣ деньги; видишь ли, какъ я строго держу свое слово. — Напрасно ты такъ спѣшила, отвѣтилъ я, у меня и помышленія не было объ этихъ деньгахъ. — Зачѣмъ же я буду злоупотреблять твоимъ довѣріемъ? отвѣтила она, садясь рядомъ со мной; ты и такъ сдѣлалъ большое одолженіе, довѣривъ свои деньги неизвѣстной тебѣ женщинѣ.

Ея слова, самый голосъ и близкое присутствіе около меня окончательно вскружили мнѣ голову, и я съ жаромъ началъ говорить ей о своей любви; но съ первыхъ же словъ она встала и вышла изъ лавки, какъ бы оскорбленная моимъ признаніемъ. Долго я провожалъ ее взглядомъ, а когда она совсѣмъ уже скрылась изъ вида, простился съ купцомъ и разсѣянно побрелъ изъ безестана, самъ не зная—куда. Мысли мои всецѣло были поглощены подробностями недавней встрѣчи; я ничего не видѣлъ, ничего не замѣчалъ, какъ вдругъ почувствовалъ, что кто то дергаетъ меня сзади. Обернувшись, я съ удивленіемъ узналъ ту самую женщину, которая оба раза сопровождала красавицу въ безестанъ.—Моя госпожа желаетъ поговорить съ тобой, сказала она мнѣ; если угодно, я проведу тебя къ ней. Разумѣется, я воспользовался этимъ приглашеніемъ съ величайшей радостью, и мы скоро вошли въ лавку мѣнялы, гдѣ меня дѣйствительно ожидала моя прекрасная незнакомка.

Она указала мнѣ мѣсто рядомъ съ собой и заговорила такъ нѣжно и ласково, что я сразу почувствовалъ себя на верху блаженства. — Не сердись на меня, сказала она, что я такъ рѣзко оборвала твою рѣчь; это вовсе не потому, чтобы она была мнѣ непріятна,—напротивъ, я съ величайшимъ удовольствіемъ прислушивалась къ твоимъ словамъ и считаю себя невыразимо счастливой уже отъ одного сознанія, что могла внушить любовь такому человѣку, какъ ты; только тамъ, въ присутствіи этого купца, мнѣ казалось неприличнымъ такое объясненіе, — могла ли я при немъ высказывать свои чувства?... Теперь же признаюсь откровенно, что полюбила тебя съ первой минуты. Не знаю, какого было твое впечатлѣніе при нашей встрѣчѣ, я же сразу почувствовала къ тебѣ неодолимое влеченіе, а со вчерашняго дня только и думала о томъ, чтобы встрѣтиться съ тобой снова. — Дорогая моя! воскликнулъ я въ порывѣ невыразимой радости, ты не знаешь и не можешь представить себѣ, какое счастье доставляютъ мнѣ твои слова. Невозможно любить съ большей силой и страстью, чѣмъ я люблю тебя! Твоя красота поразила меня съ перваго взгляда, и сердце моё безповоротно покорилось тебѣ....—Такъ не будемъ же и говорить объ этомъ, перебила она: я не сомнѣваюсь

въ твоей любви, а въ моей ты скоро убѣдишься. Рѣшай теперь самъ, гдѣ мы свидимся вновь—у тебя, или у меня? — Я здѣсь чужестранецъ, моя ненаглядная, отвѣтилъ я, и мое временное помѣщеніе въ каганѣ недостойно ни красоты твоей, ни твоего высокаго положенія; такъ укажи мнѣ лучше свой домъ, и я не замедлю явиться къ тебѣ. — Я живу въ улицѣ Благочестія, сказала она, въ домѣ бывшаго главы эмировъ — Абона Скамма; приходи же ко мнѣ завтра, послѣ утренней молитвы. Съ этими словами мы разстались, и невозможно выразить, въ какомъ волненіи я провелъ весь остальной день и всю долгую, безсонную ночь.

На утро я поднялся до восхода солнца, одѣлся въ свое лучшее платье, захватилъ съ собой кошелекъ съ золотыми монетами и, сѣвъ на осла, нанятаго мной еще наканунѣ, отправился въ улицу Благочестія, въ сопровожденіи погонщика. Здѣсь мы безъ труда отыскали указанный мнѣ домъ и подъѣхали прямо къ его воротамъ; я сошелъ съ осла и велѣлъ своему провожатому хорошенько запомнить мѣсто, гдѣ мы остановились, чтобы пріѣхать за мной на разсвѣтѣ слѣдующаго дня.

Я постучался въ дверь, и мнѣ тотчасъ же отворили двѣ маленькія невольницы въ красивыхъ одеждахъ и бѣленькія обѣ, какъ снѣгъ.— Войди, сказали онѣ, наша госпожа уже встала и ожидаетъ тебя. Я вошелъ во дворъ и увидалъ по правую сторону большой, роскошный кіоскъ, возвышающійся на семь ступеней; красивая рѣшетка отдѣляла его отъ обширнаго, тѣнистаго сада, гдѣ, вмѣстѣ съ разноголосымъ пѣніемъ многочисленныхъ птицъ, слышалось ровное, немолчное журчаніе водометовъ, спадавшихъ съ довольно значительной высоты. Расположенный среди роскошнаго цвѣтника, этотъ фонтанъ представлялъ самое лучшее украшеніе сада: по угламъ квадратнаго бассейна стояли четыре позолоченые дракона, извергавшіе изъ своихъ пастей обильныя струи воды—прозрачной и чистой, какъ горный хрусталь. Я былъ очарованъ этимъ чудеснымъ мѣстомъ и, признаюсь, не безъ гордости подумалъ о своей побѣдѣ надъ его владѣлицей. Между тѣмъ двѣ маленькія невольницы провели меня въ богато убранную гостиную, и пока одна изъ нихъ бѣгала къ своей госпожѣ доложить о моемъ прибытіи, другая обращала мое вниманіе на всѣ окружавшія меня рѣдкости.

Впрочемъ, ждать мнѣ пришлось не долго: черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошла сама хозяйка—красивая, нарядная, вся въ жемчугѣ и бриллiантахъ, а черные, огневые глаза ея сіяли еще ярче драгоцѣнныхъ каменьевъ. Не буду говорить о своихъ чувствахъ при этой встрѣчѣ,—ихъ не могли бы выразить никакія слова,—а скажу только, что, помѣстившись рядомъ на софѣ, мы говорили, не смолкая, но о чемъ—этого я тоже не могу припомнить теперь, да едва ли помнилъ себя и тогда. Передъ нами, въ теченіе дня и вечера, нѣсколько разъ появлялся накрытый столъ, украшенный цвѣтами, на которомъ смѣня-

лись обильныя явства; мы садились за него рядомъ, а послѣ каждой трапезы снова возвращались на прежнее мѣсто, и наша неисчерпаемая, задушевная бесѣда не прекращалась до полуночи. Къ этому времени намъ подали превосходные плоды всевозможныхъ сортовъ и самыя лучшія, дорогія вина, а молодыя невольницы, подъ звуки арфы и цимбаловъ, увеселяли насъ пѣніемъ. Сама хозяйка приняла участіе въ хорѣ, и звукъ ея голоса, полный нѣги и сладострастнаго томленія, привелъ меня въ невыразимый восторгъ... Вся эта ночь прошла какъ одинъ блаженный мигъ.

Проснувшись на разсвѣтѣ, я тайкомъ положилъ подъ подушку своей возлюбленной кошелекъ съ золотыми монетами и разбудилъ ее, чтобы проститься съ нею. Она открыла глаза и, обнимая меня, спросила, когда мы снова увидимся? — Дорогая моя, отвѣтилъ я, мнѣ хотѣлось бы никогда не разставаться съ тобой; во всякомъ случаѣ, если позволишь, я приду сегодня же вечеромъ. Мой отвѣтъ, казалось, обрадовалъ ее,—она весело соскочила съ кровати и, провожая меня до двери, нѣсколько разъ повторила, чтобы я сдержалъ свое обѣщаніе.

Погонщикъ, согласно моему приказанію, уже дожидался меня съ своимъ осломъ; я возвратился въ каганъ и, отпуская возницу, сказалъ ему, чтобы къ вечеру онъ снова вернулся за мной. Войдя въ квартиру. я первымъ дѣломъ позвалъ одного изъ своихъ слугъ и отдалъ ему приказаніе выбрать на рынкѣ самаго лучшаго ягненка, накупить различныхъ сластей и все это доставить отъ моего имени молодой хозяйкѣ

дома въ улицѣ Благочестія. Затѣмъ, до вечера, я попробовалъ заняться серьезными дѣлами, когда же возница явился за мной въ условленный часъ,—бросилъ все и поспѣшно отправился къ своей возлюбленной. Она приняла меня съ такою же радостью, какъ и наканунѣ, и съ такимъ же радушіемъ угостила роскошнымъ ужиномъ. На другой день я опять незамѣтно оставилъ свой кошелекъ съ пятидесятью золотыми монетами и вернулся въ Месрурскій каганъ.

Такъ продолжалъ я проводить съ красавицей каждую ночь и каждое утро оставлять ей по пятидесяти золотыхъ монетъ; наконецъ средства мои истощились. Купцы, которымъ я поручилъ продажу своихъ товаровъ, давно выплатили мнѣ все до послѣдней драхмы, такъ что у меня не только не было денегъ, но не оставалось и надежны имѣть ихъ въ будущемъ.

Въ такомъ безвыходномъ положеніи, близкомъ къ отчаянію, я вышелъ какъ-то разъ изъ когана и, безъ всякой цѣли, случайно направился въ сторону дворца. Тамъ, на обширной площади, я увидалъ громадную толпу, собравшуюся въ ожиданіи зрѣлищъ, которыя въ тотъ день давалъ своему народу египетскій султанъ. Безсознательно вмѣшался я въ нее и также безсознательно очутился около одного роскошно одѣтаго всадника, на кровномъ арабскомъ конѣ. Сбоку его сѣдла висѣла полуоткрытая сумка, а изъ нея выпадалъ зеленый шелковый снурокъ. Притронувшись къ сумкѣ, я тотчасъ же догадался, что въ нее вложенъ кошелекъ, набитый деньгами, и пока раздумывалъ объ этомъ съ невольной завистью, мимо всадника, по другую его сторону, прошелъ носильщикъ съ дровами, да такъ близко, что тотъ принужденъ былъ обернуться къ нему и отстранить поленья, чтобы не испортить о нихъ своего платья. Въ эту минуту какой-то демонъ-искуситель овладѣлъ мною: одной рукой я взялся за снурокъ, а другой—раскрылъ сумку и быстро выхватилъ кошелекъ съ такою ловкостью, что никто изъ толпы не замѣтилъ этого.

Но всадникъ, видно, заподозрилъ меня еще прежде, потому что какъ только носильщикъ прошелъ, онъ тотчасъ же схватился за сумку и, убѣдившись, что кошелекъ исчезъ, со всего размаха ударилъ меня по головѣ своимъ палашомъ, отъ чего я безъ чувствъ повалился на землю. Вся толпа возмутилась жестокимъ поступкомъ всадника, нѣкоторые даже схватили его лошадь подъ уздцы и настойчиво стали требовать отъ него объясненія, по какому праву онъ обращается такъ съ мусульманиномъ.—Вы то что еще вмѣшиваетесь? отвѣчалъ онъ грубо; если я ударилъ его, значитъ имѣлъ на то свои причины. Онъ воръ При этихъ словахъ я приподнялся, усиливаясь встать на ноги, и моя наружность сразу подкупила всѣхъ въ мою пользу.—Ты лжешь! кричали голоса изъ толпы, не можетъ быть, чтобы такой приличный мо-

лодой человѣкъ рѣшился на это позорное преступленіе. Но въ ту минуту, когда толпа, удерживая всадника, облегчала мнѣ возможность скрыться, на мое несчастіе мимо проѣзжалъ начальникъ полиціи съ отрядомъ городской стражи; замѣтивъ волненіе народа, собравшагося около насъ, онъ подъѣхалъ къ намъ и спросилъ въ чемъ дѣло. Тогда всѣ наперерывъ стали обвинять всадника и жаловаться на его жестокую расправу, учиненную подъ тѣмъ предлогомъ, что я будто бы обокралъ его.

Однакожъ начальникъ полиціи не положился на общее мнѣніе и обратившись къ всаднику, спросилъ, дѣйствительно ли онъ увѣренъ, что это именно я, а не другой кто нибудь вынулъ у него кошелекъ.—Да, я совершенно убѣжденъ въ этомъ, отвѣтилъ онъ, и никого другого не подозрѣваю. Тогда судья обернулся къ своей стражѣ и приказалъ обыскать меня. Кошелекъ, разумѣется, былъ найденъ, и его показали всему народу, я же не могъ вынести такого позора и снова упалъ безъ чувствъ.

Между тѣмъ начальникъ взялъ кошелекъ въ руки и, показывая всаднику, спросилъ, его ли онъ, и если да, то сколько въ немъ денегъ. Всадникъ призналъ кошелекъ своимъ и объявилъ, что въ немъ должно быть двадцать цехиновъ. Тогда судья пересчиталъ деньги и, убѣдившись, что онѣ дѣйствительно составляютъ показанную сумму, возвратилъ кошелекъ по принадлежности, потомъ велѣлъ подвести меня ближе къ себѣ и сказалъ:—Признайся, молодой человѣкъ, ты ли совершилъ эту кражу? Говори правду и не заставляй меня прибѣгнуть къ пыткѣ, чтобы вынудить у тебя сознаніе. Преступленіе было слишкомъ очевидно, чтобы отрицать его, и я не хотѣлъ безполезнымъ запирательствомъ увеличивать наказанія, а потому, опустивъ глаза въ землю, сознался во всемъ

чистосердечно. Этого только и нужно было начальнику полиціи: призвавъ окружающихъ въ свидѣтели моего сознанія, онъ тутъ же, на мѣстѣ, приказалъ отрубить мнѣ правую руку. Эта казнь возбудила сильное негодованіе въ толпѣ, которая, не смотря на очевидность моего преступленія, продолжала относиться ко мнѣ съ прежнимъ сочувствіемъ; мало того, даже самъ свирѣпый всадникъ былъ теперь тронутъ не менѣе другихъ, и когда, вслѣдъ за рукой, мнѣ хотѣли было отрубить и ногу, онъ горячо вступился за меня и просилъ судью отмѣнить свое рѣшеніе.

Просьба его была уважена, и вооруженная стража отодвинулась назадъ по знаку своего начальника.—Тогда всадникъ приблизился ко мнѣ и сказалъ взволнованнымъ голосомъ:—Мнѣ глубоко жаль тебя, несчастный юноша! Очевидно, ты въ первый разъ совершилъ такое позорное дѣло и навѣрное не рѣшился бы на него безъ какой нибудь особой причины; не хочу допытываться, но думаю, что нужда твоя должна быть велика,—такъ возьми же себѣ этотъ злополучный кошелекъ. Тутъ онъ бросилъ деньги и, хлеснувъ своего коня, вскорѣ скрылся изъ вида. Между тѣмъ я истекалъ кровью, слабѣлъ съ каждой минутой,—еще не много, и мнѣ не устоять бы на ногахъ, но въ это время нѣкоторые изъ зрителей, замѣтивъ мое безпомощное положеніе, поспѣшили на помощь: они свели меня въ ближайшій домъ, усадили, дали выпить стаканъ вина для подкрѣпленія силъ, наложили перевязку на мою больную руку, а отрубленную кисть обернули въ особую тряпицу и привязали мнѣ на поясъ.

Оправившись немного, я снова вышелъ на улицу, но тутъ же остановился въ недоумѣніи—куда идти теперь, гдѣ преклонить голову? Возвращаться въ каганъ было невозможно,—я зналъ, что не встрѣчу тамъ ни сочувствія, ни помощи; трудно было разсчитывать на благосклонный пріемъ и у своей возлюбленной: она, конечно, догадается о моемъ проступкѣ и отречется отъ меня съ презрѣніемъ. Но такъ какъ больше мнѣ рѣшительно некуда было дѣваться, то въ концѣ концовъ я все-таки отправился къ ней. На бѣду, толпа зѣвакъ не отставала отъ меня, и я принужденъ былъ околесить много улицъ и переулковъ прежде, чѣмъ добрался до дома своей красавицы. Здѣсь, въ совершенномъ изнеможеніи, я бросился на софу, но, несмотря на страшную боль, все же старался скрыть свой позоръ и тщательно запряталъ изуродованную руку подъ платье.

Между тѣмъ хозяйка, увѣдомленная о моемъ прибытіи, а также и о томъ, что со мной случилось что то неладное, поспѣшно вышла ко мнѣ, но, взглянувъ на мое блѣдное, страдальческое лицо, остановилась въ недоумѣніи.—Господи, что это съ тобой! воскликнула она.—Ничего, дорогая моя, попытался я успокоить ее: что то голова разболѣлась—вотъ и все.—Но какъ же это такъ, продолжала она печально, вчера

еще ты уходилъ совершенно здоровымъ и вдругъ... Да ужъ правду ли ты говоришь мнѣ, не скрываешь ли чего? Я молчалъ, и, вмѣсто отвѣта, неудержимыя слезы выступали у меня изъ глазъ.—Не понимаю, говорила она еще съ большей тревогой, что́ могло такъ сильно огорчить тебя... Ужъ не я ли причина твоей печали, или ты, можетъ быть, разлюбилъ меня?—О, нѣтъ, нѣтъ! вокликнулъ я, не увеличивай моихъ страданій несправедливымъ подозрѣніемъ.

Однако я все таки не рѣшался открыть ей ужасной истины; такъ прошелъ день, а съ наступленіемъ вечера намъ подали ужинъ, такой же роскошный, какъ всегда. Она, по обыкновенію, упрашивала меня отвѣдать то того, то другаго, но я упорно отказывался, ссылаясь на нездоровье, тогда какъ въ дѣйствительности я боялся обнаружить свою позорную тайну, потому что мнѣ пришлось бы дѣйствовать одной лѣвой рукой.

— Вотъ ты и не ѣшь ничего, съ укоризной говорила красавица, а все отъ того, что не хочешь подѣлиться со мной своей печалью. У тебя есть что то на̀ сердцѣ это очевидно, но неужели я не заслуживаю твоего довѣрія?—Что говоришь ты, моя ненаглядная! Господи, я чувствую, что не въ силахъ болѣе скрывать... Лишь только произнесъ я эти слова, какъ она поспѣшно налила мнѣ большой кубокъ вина.

Пришлось принять его лѣвой рукой. Тутъ слезы брызнули изъ моихъ глазъ; я хотѣлъ говорить что то, но, вмѣсто словъ, изъ груди моей вырывались только прерывистые вопли.—Боже мой, да что же это такое? Что такъ убиваетъ тебя и отчего ты принялъ кубокъ не правой, а лѣвой рукой? Снова не хватило у меня мужества признаться въ своемъ несчастіи, и я, преодолѣвъ себя, на сколько могъ, отвѣтилъ:—Прости... мнѣ нельзя взять иначе,—правая рука у меня что то опухла и сильно болитъ.—Такъ покажи скорѣй, сказала она: если это нарывъ, я могу сейчасъ же проколоть его.—Нарывъ, да только въ началѣ, отвѣчалъ я, онъ не назрѣлъ еще для прокола.—Затѣмъ, желая прекратить этотъ разговоръ, я залпомъ осушилъ кубокъ, и вскорѣ винные пары, въ соединеніи съ усталостью отъ душевной и тѣлесной пытки, смежили мнѣ глаза, и я заснулъ глубокимъ, непробуднымъ сномъ.

Встревоженная красавица воспользовалась этимъ, чтобы узнать наконецъ настоящую причину моего страданія: она осторожно высвободила мою руку изъ подъ платья и, взглянувъ на нее, увидавъ, что кисть отрублена и завернута тутъ же въ платокъ, привязанный къ поясу, вѣроятно, отступила съ изумленіемъ и ужасомъ; ей сразу стали понятны и мои слезы, и мое упорное молчаніе на всѣ ея вопросы. Цѣлую ночь она провела около меня, терзаясь мыслью, что это страшное, непоправимое несчастіе я навлекъ на себя ради нея.

Проснувшись утромъ, я убѣдился при первомъ же взглядѣ на ея

лицо, что ей все извѣстно, хотя сама она не промолвила объ этомъ ни единаго слова, изъ опасенія огорчить меня. Между тѣмъ подали завтракъ, и она почти съ мольбой стала просить, чтобы я съѣлъ что нибудь и непремѣнно выпилъ вина, находя это необходимымъ для возстановленія моихъ силъ. Послѣ завтрака я хотѣлъ было проститься съ ней и уйти, но она настойчиво воспротивилась этому и, схвативъ меня за платье, сказала:—Останься,—ты не можешь уходить въ такомъ состояніи; я вѣдь знаю о твоемъ несчастіи, хотя ты и продолжаешь таиться отъ меня; знаю также, что я причина твоего позора... Голосъ дрогнулъ у нея при этихъ словахъ, и она продолжала сквозь слезы:—Все, все кончено... я чувствую, что мнѣ не пережить этого горя; но, пока есть время, я исполню по крайней мѣрѣ свое давнишнее намѣреніе. Вскорѣ, по ея призыву, явился кади съ надлежащимъ количествомъ свидѣтелей, и она продиктовала ему въ ихъ присутствіи свое завѣщаніе, по которому все ея имущество предоставлялось мнѣ въ полную собственность. По окончаніи этого, когда кади ушелъ, она открыла передо мной огромный сундукъ, гдѣ сверху лежали тѣ кошельки, наполненные золотомъ, какіе я дарилъ ей съ перваго дня нашей любви.—Вотъ твои деньги, сказала, онѣ всѣ въ сохранности, я не тронула изъ нихъ ни одной монеты. Возьми же ключъ и распоряжайся ими, какъ знаешь. Но это еще пустяки; я оставляю тебѣ очень много, чтобы ты зналъ, какъ много я любила тебя. Слушая это, я не могъ даже благодарить ее, а только со слезами умолялъ оставить свои печальныя мысли и жить попрежнему, но, видно, ничто уже не могло вернуть прошлаго. Она грустила, худѣла съ каждымъ днемъ и вскорѣ дѣйствительно умерла.

Очень тяжела была для меня эта потеря, но прошло время, я забылся немного и вступилъ во владѣніе предоставленнымъ мнѣ имуществомъ. Теперь я снова богатъ, но и богатство мнѣ уже не въ радость.

Надѣюсь, продолжалъ молодой человѣкъ, что мой откровенный разсказъ по крайней мѣрѣ сниметъ съ меня упрекъ въ невѣжливости, такъ какъ тебѣ извѣстно теперь, почему я ничего не могу брать иначе, какъ лѣвой рукой. Что же касается денегъ, вырученныхъ тобой отъ продажи кунжута, то я отъ души благодарю тебя за вѣрное сохраненіе ихъ; но при моемъ настоящемъ богатствѣ эта сумма уже не имѣетъ для меня особаго значенія, поэтому прими ее въ даръ. Кромѣ того, я хочу сдѣлать тебѣ еще одно предложеніе: Послѣ той исторіи, что я разсказалъ, жить въ Каирѣ становится для меня невозможнымъ, такъ не согласишься ли ты вступить со мной въ товарищество и уѣхать отсюда куда нибудь подальше? Мы стали бы торговать вмѣстѣ, а всѣ выгоды дѣлить пополамъ.

Конечно, я съ большою радостью принялъ предложеніе молодаго человѣка, горячо благодарилъ его за подарокъ и далъ клятву, что буду

заботиться объ его интересахъ съ такимъ же усердіемъ, какъ о своихъ собственныхъ.

Сговорившись такимъ образомъ, мы назначили день отъѣзда, захватили съ собой все свое имущество и навсегда покинули Египетъ. Отправились мы прямо въ Сирію, потомъ въ Месопотамію, прошли изъ конца въ конецъ всю Персію, гдѣ останавливались во многихъ торговыхъ городахъ, и наконецъ, послѣ долгихъ странствованій, прибыли въ столицу твоего величества. Тутъ вскорѣ молодой человѣкъ заявилъ мнѣ, что онъ желаетъ вернуться въ Персію и поселиться тамъ окончательно. Тогда мы свели свои счеты и разстались, вполнѣ довольные другъ другомъ; онъ дѣйствительно уѣхалъ, а я остался въ этомъ городѣ, гдѣ имѣю честь находиться въ числѣ вѣрноподданныхъ твоего величества. Надѣюсь, государь, добавилъ въ заключеніе купецъ-христіанинъ, мой разсказъ, по своей необычайности, не уступитъ печальному событію съ твоимъ горбункомъ.

— Ты что это, вздумалъ смѣяться, что ли, надо мной? грозно воскликнулъ касгарскій султанъ. Какъ смѣешь ты даже сравнивать свой глупый разсказъ съ такимъ необыкновеннымъ происшествіемъ, да еще увѣрять, что похожденія какого то развратнаго мота болѣе достойны вниманія, чѣмъ несчастная участь моего горбунка? Хорошо же, въ отмщеніе за его смерть, я велю повѣсить васъ всѣхъ четверыхъ!

При этихъ грозныхъ словахъ, испуганный поставщикъ бросился къ ногамъ султана.—Государь, воскликнулъ онъ, умоляю тебя, смягчи свой справедливый гнѣвъ и дозволь мнѣ разсказать о другомъ событіи; если, на мое счастіе, оно покажется тебѣ замѣчательнѣе исторіи горбунка, тогда, можетъ быть, ты сжалишься надъ нами и помилуешь насъ всѣхъ.— Согласенъ, отвѣтилъ султанъ; начинай. Тогда поставщикъ приступилъ къ своему разсказу.

Что разсказалъ поставщикъ касгарскаго султана.

Не далѣе, какъ вчера, государь, одинъ изъ именитыхъ гражданъ Касгара пригласилъ меня на свадьбу своей дочери; я, разумѣется, принялъ приглашеніе и отправился къ нему вечеромъ, въ назначенный часъ, когда роскошный домъ его весь сіялъ огнями и гости уже начинали собираться одинъ за другимъ; то были все люди значительные— ученые, врачи, судьи, богатые торговцы. По окончаніи обрядовъ началось пированье: вокругъ стола, украшеннаго цвѣтами, обильно обставленнаго самыми лучшими яствами и напитками, чинно усѣлись всѣ приглашенные и стали выбирать, что кому болѣе приходилось по вкусу. Въ числѣ различныхъ блюдъ было одно особенно вкусное, приправленное чеснокомъ, и между тѣмъ, какъ всѣ ѣли его да расхваливали, кто то

замѣтилъ, что одинъ изъ гостей, около котораго стояло именно это блюдо, ни разу даже ни притронулся къ нему.—Совѣтую тебѣ послѣдовать общему примѣру и попробовать поскорѣй этого превосходнаго кушанья, а то пожалуй опоздаешь.—Ну, нѣтъ, благодарю, отвѣтилъ тотъ, ни за какія блага даже не прикоснусь ни къ чему, что хоть близко лежало съ чеснокомъ; мнѣ и такъ ужъ не мало пришлось пострадать изъ за него. Эта рѣчь возбудила въ насъ такое любопытство, что мы всѣ наперерывъ стали просить своего собесѣдника открыть намъ причину его страннаго отвращенія къ чесноку. Но въ то время, какъ онъ собирался отвѣтить, къ нему подошелъ хозяинъ и сказалъ съ укоризной:—Что же ты пренебрегаешь моимъ угощеніемъ? Всѣ находятъ это кушанье превосходнымъ, такъ попробуй же хоть немного, если не хочешь обидѣть меня отказомъ.—Не настаивай, любезный другъ мой, отвѣтилъ гость (онъ былъ купецъ изъ Багдада), и не думай, чтобы я церемонился, или отказывался безъ причины. Впрочемъ, если ужъ ты непремѣнно требуешь, я пожалуй готовъ повиноваться, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы мнѣ было дозволено послѣ этого вымыть руки по сорока разъ,—сначала съ золою кали *), потомъ съ солью, потомъ съ мыломъ. Не прогнѣвайся, но я не могу не сдержать данной клятвы—или совсѣмъ не ѣсть чесноку, или ѣсть только съ этимъ условіемъ.

Хозяинъ былъ настойчивъ и ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ уволить купца отъ этого блюда; онъ приказалъ своимъ слугамъ приготовить воды и умывальникъ, а также требуемое количество кали, соли и мыла. Когда все было готово, хозяинъ сказалъ, обращаясь къ купцу:—Ну, теперь ничто не мѣшаетъ тебѣ сдѣлать честь моему угощенію. Кушай на здоровье!

Гость, какъ бы недовольный этимъ принужденіемъ, нехотя протянулъ руку, взялъ одинъ кусокъ, поднесъ его ко рту и съѣлъ съ видимымъ отвращеніемъ, что казалось намъ совсѣмъ непонятнымъ. Въ то же время, къ крайнему изумленію, мы увидали, что на рукѣ у него только четыре пальца,—большого не доставало. Прежде никто не обратилъ вниманія на этотъ недостатокъ, теперь же замѣтили его всѣ, не исключая и самого хозяина, который снова обратился къ купцу и сказалъ ему:—Ты сдѣлаешь намъ большое удовольствіе, если согласишься открыть, какая несчастная случайность лишила тебя пальца?—Господа, отвѣтилъ купецъ, прежде всего я долженъ сказать вамъ, что у меня не хватаетъ большаго пальца не на одной только правой рукѣ, а на обѣихъ; при этомъ, какъ бы въ подтвержденіе, онъ поднялъ свою лѣвую руку: вотъ, смотрите,—но это еще не все: на обѣихъ моихъ ногахъ не достаетъ тѣхъ

---

*) Приморское растеніе, называемое также *солянкой*; его срываютъ зеленымъ и сжигаютъ, а изъ золы получается сода или саребаракъ.

же пальцевъ, и причина такого увѣчья была самая необыкновенная, неслыханная... Если вы желаете, я пожалуй разскажу вамъ это, но прежде позвольте вымыть руки согласно данной мною клятвѣ. Дѣйствительно онъ вымылъ ихъ сто двадцать разъ, послѣ чего возвратился на свое мѣсто и приступилъ къ обѣщанному разсказу:

Я родился въ Багдадѣ, началъ онъ, въ царствованіе великаго калифа Гаруна-аль-Рашида; отецъ мой считался очень богатымъ человѣкомъ, но въ дѣйствительности, благодаря своему неумѣренному образу жизни, онъ давно разстроилъ свои дѣла и, вмѣсто огромнаго состоянія, какъ бы слѣдовало ожидать, я получилъ въ наслѣдство только долги. Трудно было выпутываться изъ такого положенія, но, мало по малу, путемъ бережливости и разсчетливаго веденія дѣлъ, я выплатилъ все до послѣдней драхмы, послѣ чего мое небольшое состояніе начало быстро процвѣтать.

Въ одно раннее утро, когда я только что открывалъ лавку, въ нашъ безестанъ въѣхала на мулѣ молодая женщина, повидимому, очень знатная и богатая. Евнухъ и двѣ невольницы сопровождали ее. Она остановилась около самой моей лавки и сошла съ мула при помощи евнуха, который, подавая ей руку, сказалъ: — Вотъ видишь, госпожа, говорилъ, что мы выѣзжаемъ рано. Еслибы ты послушалась меня и подождала немного, тебѣ не пришлось бы скучать теперь въ ожиданіи, когда угодно будетъ собраться купцамъ и открыть свои лавки. Молодая женщина оглянулась кругомъ и, увидавъ, что, кромѣ моей, дѣйствительно не было

еще открыто ни одной лавки, она приблизилась ко мнѣ и, поклонившись, просила позволенія переждать у меня, пока не соберутся другіе купцы. Разумѣется, я отвѣтилъ ей съ подобающей вѣжливостью и предложилъ свою лавку въ ея полное распоряженіе. Она вошла и, такъ какъ, кромѣ меня да евнуха, во всемъ безестанѣ не было ни одного человѣка,—свободно отбросила чадру, желая освѣжиться. Я не съумѣлъ бы описать ея красоты, а потому скажу только, что видѣть ее и полюбить въ ту же минуту всѣмъ сердцемъ казалось мнѣ дѣломъ вполнѣ естественнымъ. Долго смотрѣлъ я на нее, не отрывая глазъ, и, къ невыразимой радости, замѣтилъ, что она охотно позволяетъ мнѣ любоваться ея красотой, по крайней мѣрѣ не закрываетъ отъ меня своего лица; когда же стали появляться другіе купцы, она снова закрылась чадрой и тутъ же сказала мнѣ, что пріѣхала въ безестанъ для покупки дорогихъ матерій и будетъ очень рада, если онѣ найдутся у меня.

— Нѣтъ, госпожа, отвѣтилъ я, къ сожалѣнію, не могу служить тебѣ этимъ; я еще только начинающій и не имѣю средствъ пріобрѣтать дорогихъ товаровъ; но если угодно, я съ удовольствіемъ принесу отъ другихъ купцовъ всѣ нужныя тебѣ матеріи,—здѣсь ты выберешь, какія тебѣ понравятся, и тѣмъ по крайней мѣрѣ избавишь себя отъ труда

ходить по лавкамъ. Она согласилась, а такъ какъ торговцы все еще не собрались, то, въ ожиданіи, у насъ завязался оживленный разговоръ, изъ котораго я убѣдился, что собесѣдница моя настолько же умна, на сколько и красива.

Между тѣмъ лавки мало по малу стали открываться, и я принужденъ былъ прервать этотъ пріятный разговоръ, чтобы идти за матеріями. Красавица отобрала, что ей было нужно,—всего оказалось на пять тысячъ серебряныхъ драхмъ. Я тщательно завернулъ все это, увязалъ и подалъ евнуху, который взялъ свертокъ подмышку. Тогда красавица встала, ласково простилась со мной и, выйдя изъ лавки, сѣла на своего мула. Очарованный, я провожалъ ее глазами до самыхъ воротъ безестана и вернулся въ свою лавку только тогда, когда она совсѣмъ скрылась изъ вида.

Но тутъ одно обстоятельство значительно охладило мой жаръ. Убирая товары, я тотчасъ же спохватился, что сдѣлалъ громадную оплошность: красавица не уплатила мнѣ денегъ, а я, подъ вліяніемъ любви, не только не напомнилъ ей объ этомъ, но и забылъ даже спросить кто она и гдѣ живетъ. Положеніе мое оказывалось крайне незавиднымъ: купцы, отпускавшіе мнѣ товары, дожидались уплаты, и я не думалъ, чтобы они согласились отсрочить ее, такъ какъ уважительной причины къ тому не было. Однако, я все таки счелъ за лучшее немедленно извиниться передъ ними и объяснить, почему не могу расплатиться тотчасъ же; при этомъ я увѣрилъ ихъ, что покупательница мнѣ извѣстна и что не далѣе какъ черезъ недѣлю деньги будутъ внесены сполна.

Купцы согласились подождать, но черезъ семь дней снова потребовали уплаты самымъ настоятельнымъ образомъ, и мнѣ стоило большаго труда склонить ихъ еще на недѣльную отсрочку. Но вотъ и этотъ срокъ сталъ подходить къ концу, а моя красавица все не появлялась. Только въ послѣдній день я увидалъ ее снова въ тотъ же часъ и въ сопровожденіи той же свиты. Она прямо подъѣхала къ моей лавкѣ и, сойдя съ мула, сказала мнѣ:—Извини, что я немного запоздала уплатой, но теперь я привезла тебѣ деньги всѣ сполна. Поди же, провѣрь ихъ, нѣтъ ли между ними фальшивыхъ.—Я повиновался и пошелъ къ мѣнялѣ вмѣстѣ съ евнухомъ, у котораго находились деньги. Сумма оказалась вѣрной и вся изъ чистаго серебра. Вернувшись, я снова имѣлъ удовольствіе разговаривать съ красавицей, пока другія лавки еще не открывались. Нашъ разговоръ шелъ о самыхъ заурядныхъ предметахъ, но моя собесѣдница умѣла придавать имъ такой оборотъ, что они казались новыми, и это еще болѣе убѣдило меня въ превосходныхъ качествахъ ея ума.

Тѣмъ временемъ купцы собрались и открыли свои лавки; тогда я взялъ деньги и поспѣшилъ расплатиться со всѣми кредиторами, что сразу возвратило мнѣ ихъ довѣріе, и они съ удовольствіемъ отпустили новыхъ

товаровъ, въ которыхъ нуждалась моя покупательница. На этотъ разъ она взяла на тысячу золотыхъ монетъ и уѣхала, по прежнему не заплативъ. Признаюсь, мнѣ эта манера не особенно нравилась въ ней. Главное, она ставила меня въ такое затруднительное положеніе относительно купцовъ, что я легко могъ оказаться несостоятельнымъ и дойти до окончательнаго разоренія; а между тѣмъ, съ своей стороны, она не только не позаботилась дать мнѣ какое либо обезпеченіе, но по прежнему не сообщила даже мѣста своего жительства. — Положимъ, разъ она уже оправдала мое довѣріе, думалъ я про себя, но тогда сумма была гораздо меньше, теперь же, по ея милости, я вошелъ въ неоплатные долги. А что если это обманщица, если она и уплатила, то съ тѣмъ, чтобы вѣрнѣе обмануть меня на болѣе крупную сумму? Купцы ея не знаютъ, они вѣрили мнѣ, значитъ я и долженъ буду расплачиваться за все. Это меня такъ тревожило, что я забылъ даже про свою любовь, а только и думалъ о томъ, какъ бы выйти изъ затрудненія. Между тѣмъ дни проходили за днями, о красавицѣ же не было ни малѣйшаго извѣстія. Такъ миновалъ цѣлый мѣсяцъ, и купцы, потерявъ всякое терпѣніе, приступили ко мнѣ съ требованіямъ. Я уже рѣшился было продать все свое имущество, чтобы только удовлетворить ихъ требованіямъ, какъ въ одно утро снова увидалъ свою прекрасную незнакомку, верхомъ на мулѣ и въ сопровожденіи тѣхъ же лицъ.

— Получи свое золото, сказала она входя, и потрудись взвѣсить его на пробирныхъ вѣскахъ; я привезла тебѣ все сполна. Само собой разумѣется, что при этихъ словахъ всѣ мои опасенія разсѣялись, какъ дымъ, а любовь воскресла съ новой, неудержимой силой. Прежде, чѣмъ приступить къ повѣркѣ суммы, она обратилась ко мнѣ съ разными вопросами и между прочимъ освѣдомилась, женатъ ли я.—Нѣтъ, отвѣчалъ я, и никогда не былъ женатъ. Тогда она передала золото евнуху и сказала ему: — Помоги намъ поскорѣе окончить свое дѣло. Евнухъ улыбнулся и, взявъ деньги, отошелъ со мной въ сторону, гдѣ находились вѣски. Здѣсь онъ наклонился ко мнѣ и сталъ говорить полушепотомъ:—Ты любишь мою госпожу? Не отрекайся, я вижу это по всему, и тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, но я не понимаю одного, почему ты самъ не хочешь признаться ей въ своихъ чувствахъ? Будь увѣренъ, она любитъ тебя не менѣе. Ты думаешь, ей нужны твои матеріи?—Нисколько. Она пріѣзжаетъ сюда единственно для того, чтобы видѣться съ тобой. А вопросъ ея: женатъ ли ты? — развѣ не догадываешься, къ чему онъ сдѣланъ? Да, стоитъ тебѣ сказать только одно слово, и она будетъ твоей женой. Очень ужъ ты полюбился ей. — Не знаю, отвѣтилъ я, правду ли ты говоришь, я же могу сказать отъ чистаго сердца, что обожаю твою госпожу съ первой нашей встрѣчи, а не рѣшался говорить ей объ этомъ только изъ опасенія оскорбить ее. Если

слова твои вѣрны, ты оказываешь мнѣ теперь громадную услугу, за которую, будь увѣренъ, я съумѣю тебя отблагодарить, какъ слѣдуетъ. На этомъ разговоръ нашъ прекратился. Окончивъ провѣрку монетъ, я сталъ ссыпать ихъ въ мѣшокъ, а евнухъ подошелъ къ своей госпожѣ и сказалъ громко: — Онъ очень доволенъ. То было между ними условнымъ выраженіемъ. Красавица тотчасъ же встала и поспѣшно ушла, сказавъ мнѣ на прощаніе, что пришлетъ евнуха, который научитъ меня, какъ достигнуть цѣли.

Тутъ я прежде всего отнесъ деньги купцамъ и, расплатившись съ ними, сталъ съ нетерпѣніемъ ожидать прибытія евнуха. Черезъ нѣсколько дней онъ дѣйствительно явился.

Я обрадовался ему, какъ родному, и засыпалъ его вопросами о красавицѣ. — Ты такой счастливецъ, сказалъ онъ съ улыбкой; знаешь ли, она даже больна отъ любви къ тебѣ и страстно желаетъ повидаться съ тобой. Еслибы она была свободна въ своихъ поступкахъ, мнѣ думается, она сама пришла бы сюда и проводила бы около тебя всѣ минуты жизни. Но ея высокое положеніе не дозволяетъ ей поступить такъ....—Да, перебилъ я, мнѣ съ перваго же раза показалось, что она должна принадлежать къ высшему классу.—И ты не ошибся, продолжалъ евнухъ, она любимица, или скорѣй — пріемная дочь Зобейды, супруги калифа, которая воспитала ее съ самаго ранняго дѣтства и теперь отличаетъ отъ всѣхъ своихъ придворныхъ; она повѣренная у ней во всѣхъ дѣлахъ, исполняетъ всѣ ея порученія. Полюбивъ тебя, она рѣшилась выйти замужъ и уже испрашивала на то согласія своей повелительницы; та конечно не отказала, но желаетъ прежде видѣть тебя, чтобы судить, достойный ли выборъ сдѣлала ея любимица. И такъ, если ты понравишься нашей царицѣ, счастье твое непремѣнно устроится, и она дастъ богатое приданое за невѣстой. Впрочемъ, и теперь уже можно считать это дѣло вѣрнымъ, потому что супруга калифа не захочетъ противиться влеченію своей наперсницѣ и сдѣлаетъ для нея все на свѣтѣ. Слѣдовательно, тебѣ остается только попасть во дворецъ, а вотъ за этимъ то я и пришелъ сюда. — О, такъ говори же скорѣй, какъ это сдѣлать, и я буду слѣпо повиноваться тебѣ во всемъ.— Вотъ что хорошо, такъ хорошо, промолвилъ евнухъ, сразу видно, что любовь твоя крѣпка. Ну, такъ слушай: ни одинъ мужчина не можетъ проникнуть обыкновеннымъ путемъ въ женское отдѣленіе дворца; для этого необходима особая хитрость и главное—тайна. Твоя возлюбленная позаботилась уже обо всемъ, съ твоей же стороны требуется только самое точное исполненіе ея приказаній и строжайшее соблюденіе тайны, иначе ты легко можешь поплатиться жизнью.

Разумѣется, я поспѣшилъ заявить свою готовность на безусловное повиновеніе. — Такъ слушай дальше, продолжалъ евнухъ: сегодня вече-

ромъ, при наступленіи сумерекъ, ты долженъ быть въ той мечети, что недавно воздвигнута на берегу Тигра по приказанію супруги калифа. Тамъ ты будешь ждать, пока ни придутъ за тобой. Съ этими словами евнухъ ушелъ, а я остался въ лавкѣ, не зная, какъ убить время до окончанія дня, и лишь только стало смеркаться, отправился въ указанную мечеть, гдѣ присутствовалъ на молитвѣ, начинающейся обыкновенно въ половинѣ второго часа послѣ заката солнца. По окончаніи молитвы, всѣ богомольцы ушли изъ мечети, и, оставшись одинъ, я сталъ ожидать дальнѣйшихъ распоряженій своей возлюбленной.

Вскорѣ къ берегу подплыла лодка, изъ которой вышло нѣсколько евнуховъ, нагруженныхъ огромными сундуками; они втащили ихъ въ мечеть, поставили на полъ и удалились всѣ, за исключеніемъ одного, того самаго, что былъ посвященъ въ нашу тайну. Черезъ минуту появилась и его госпожа. Бросившись къ ней на встрѣчу въ порывѣ невыразимой радости, я горячо сталъ увѣрять ее въ своей любви, въ своей готовности слѣдовать за ней хоть на край свѣта. — Хорошо, но пока влѣзай сюда, отвѣтила она, приподнимая крышку одного изъ сундуковъ: это необходимо для твоей и моей безопасности. Не бойся ничего и во всемъ положись на меня. Ну, скорѣй же, намъ нельзя терять времени. Какъ ни странно это мнѣ показалось, но отступать уже было поздно, и я полѣзъ безъ возраженій. Крышка сундука захлопнулась надо мной и щелкнулъ замокъ. Послѣ того довѣренный евнухъ позвалъ своихъ товарищей, они всѣ вмѣстѣ перетащили сундуки обратно въ лодку и поплыли къ дворцу.

Положеніе мое было не изъ удобныхъ, и, признаюсь, я не разъ проклиналъ въ душѣ свое безумное увлеченіе, заставившее меня рѣшить-

ся на такой нелѣпый и, можетъ быть, небезопасный поступокъ. Но, какъ видите, я немножко запоздалъ съ своими размышленіями, и раскаяніе мое становилось уже безполезнымъ.

Между тѣмъ лодка причалила къ берегу, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дворца; сундуки тотчасъ же выгрузили и начали переносить въ комнату начальника евнуховъ, вся обязанность котораго состояла въ томъ, чтобы наблюдать за женскимъ отдѣленіемъ и не допускать туда не только никого, но даже ничего, безъ самаго тщательнаго разслѣдованія. Начальникъ въ это время уже спалъ, и его пришлось разбудить.

Недовольный тѣмъ, что его потревожили въ неурочный часъ, онъ началъ сердито ворчать на любимицу султанши и въ заключеніе сказалъ:—За то, ужъ будь увѣрена, ни одинъ твой сундукъ не пройдетъ безъ осмотра, я все переверну тамъ вверхъ дномъ. При этомъ онъ отдалъ приказаніе своимъ подчиненнымъ, чтобы они выдвигали сундуки по одному и каждый вскрывали при немъ. Евнухи повиновались и, начавъ съ того, въ которомъ я находился, подняли его и поставили передъ своимъ начальникомъ. Предоставляю вамъ судить, какое ощущеніе я долженъ былъ испытывать въ эту минуту. Гибель казалась мнѣ неизбѣжной, и я заранѣе уже прощался съ жизнью.

Но тутъ любимица Зобейды горячо вступилась въ дѣло и съ необыкновенной твердостью стала отстаивать неприкосновенность своихъ вещей.—Ни за что я не позволю открывать тебѣ этихъ сундуковъ. Развѣ ты не знаешь, что я привожу сюда только то, что нужно Зобейдѣ моей и твоей повелительницѣ, не — пошлетъ же она меня за чѣмъ нибудь не позволительнымъ. Всѣ эти сундуки наполнены драгоцѣнными товарами, которые я взяла у иностранныхъ купцовъ для просмотра государыни. Въ особенности дорогъ вотъ этотъ сундукъ: въ немъ, кромѣ самыхъ лучшихъ тканей, положено нѣсколько бутылокъ воды изъ священнаго источника Зэмзэма *). Что́, если по твоей милости разобьется хоть одна изъ этихъ бутыло́къ и попортитъ матеріи, кто тогда отвѣтитъ? Будь увѣренъ, супруга калифа съумѣетъ отомстить тебѣ за твою дерзость. Словомъ, ея твердость и настойчивость наконецъ побѣдили евнуха.—Ну, проваливай! воскликнулъ онъ съ сердцемъ, съ тобой вѣдь не сговоришь. Дверь на женскую половину была тотчасъ же открыта, и сундуки перенесли туда.

Но не успѣли еще размѣстить ихъ, какъ послышались голоса:—Калифъ идетъ, калифъ!—Если я не умеръ при этомъ извѣстіи, такъ то

*) Этотъ источникъ находится въ Меккѣ, и магометане считаютъ его тѣмъ самымъ, который Богъ явилъ для Агари, послѣ того, какъ Авраамъ былъ принужденъ изгнать ее изъ своего дома. Священную воду Зэмзэма пьютъ для изцѣленія отъ недуговъ, или просто изъ набожности, и приносятъ ее въ даръ царямъ и царицамъ.
(Галланъ).

была уже чистая случайность; съ своей стороны я охотно бы провалился сквозь землю со всѣмъ своимъ сундукомъ. Между тѣмъ калифъ вошелъ въ комнату и, увидавъ ее всю загроможденной, сказалъ моей возлюбленной:—Ты чего еще натаскала сюда?—Государь, это все товары только что полученные изъ за границы, я привезла ихъ, чтобы показать супругѣ твоего величества.—А ну-ка покажи, покажи, отвѣтилъ калифъ, это очень любопытно.—Но, государь, это все женскія вещи, и тебѣ онѣ едва ли понравятся; къ тому же государыня прогнѣвается на меня, если увидитъ эти товары не первая.—Прогнѣвается на меня, а не на тебя, возразилъ калифъ, а ты открывай-ка, открывай! Наперстница придумала было еще какую то отговорку, но государь замѣтилъ строго:—Я не привыкъ повторять своихъ приказаній, прошу не забывать этого.

Приходилось повиноваться. Сундуки—одинъ за однимъ стали придвигать къ калифу; скоро очередь могла дойти и до моего. Что тутъ было со мной и что я пережилъ въ эти минуты, того нельзя передать никакими словами. Меня и теперь еще пробираетъ дрожь, когда я только вспомню объ этомъ событіи. Но красавица моя не потерялась: чтобы затянуть время, она умышленно развертывала передъ калифомъ каждую матерію, заставляла его самаго удостовѣряться въ ея добротности, сравнивала между собой различныя ткани, пускалась въ ихъ оцѣнку,—словомъ, дѣлала все, чтобы утомить его вниманіе и заставить прекратить осмотръ; однакожъ эта уловка ей не удалась. Калифъ оказался на столько терпѣливымъ, что перебралъ почти всѣ сундуки; оставался только одинъ, въ которомъ былъ заключенъ я.—Ну, теперь заглянемъ въ этотъ послѣдній, и довольно! сказалъ государь. При этихъ словахъ сердце у меня замерло, я весь похолодѣлъ отъ ужаса и лежалъ ни живъ, ни мертвъ, безо всякой уже надежды на спасеніе.

Однако и на этотъ разъ любимица Зобейды выпуталась изъ бѣды.—Повелитель, сказала она, умоляю тебя, дозволь мнѣ не открывать этого сундука; здѣсь находятся такія вещи, которыя я могу показать только въ присутствіи самой государыни.—Ну, пожалуй, не надо, согласился калифъ, по правдѣ сказать, я и такъ достаточно усталъ. Вели же убрать все это. Красавица не заставила повторить приказанія, и сундуки въ одну минуту были перенесены въ ея спальню, гдѣ я наконецъ вздохнулъ свободнѣе.

Вслѣдъ за тѣмъ, выпроводивъ прислугу, она поспѣшно открыла мой сундукъ и сказала вполголоса, указывая мнѣ на лѣстницу, поднимавшуюся въ верхній этажъ:—Выходи скорѣй и взбирайся туда, я сейчасъ приду къ тебѣ... Только что успѣла она захлопнуть за мной дверь, какъ въ комнату вошелъ калифъ и сѣлъ на тотъ самый сундукъ, изъ котораго я, къ счастію, успѣлъ уже выбраться. На этотъ разъ онъ

зашелъ совсѣмъ по другой причинѣ: ему хотѣлось узнать отъ любимицы своей супруги, не замѣтила ли она чего нибудь особеннаго въ городѣ, о чемъ стоило бы сообщить ему, какъ монарху. Наконецъ, послѣ довольно продолжительнаго разговора, онъ удалился въ свои покои.

Тогда моя возлюбленная вбѣжала ко мнѣ на верхъ и быстро заговорила:—Ты меня извини; я знаю, что много доставила тебѣ безпокойства и страха, но вѣдь я и сама страдала не меньше твоего. По крайней мѣрѣ, ты можешь гордиться мной: всякая другая на моемъ мѣстѣ растерялась бы и погубила тебя и себя, а ты видѣлъ, какъ удачно вышла я изъ затрудненія. Ну, теперь тебѣ уже больше нечего бояться; ложись и спи спокойно, а завтра, какъ нибудь днемъ, я постараюсь представить тебя Зобейдѣ—нашей повелительницѣ; впрочемъ, это легко, — калифъ бываетъ у нея только по ночамъ. Ободренный ея словами, я успокоился совершенно и если не такъ скоро заснулъ въ эту ночь, то причина тому была другая: предстоявшее мнѣ обладаніе такой умной и красивой женщиной разгорячило мое воображеніе, и сладостныя мечты отгоняли мой сонъ.

На другой день, прежде чѣмъ представить меня Зобейдѣ, она снова прибѣжала ко мнѣ и дала самыя подробныя наставленія — какъ я долженъ держать себя въ присутствіи супруги калифа, что́ дѣлать, какъ отвѣчать на вопросы,—словомъ, не оставила ни одной мелочи безъ подробнаго разъясненія. Убѣдившись, что я твердо запомнилъ всѣ ея наставленія, она повела меня къ царицѣ. Мы вступили въ громадный чертогъ, гдѣ роскошь и великолѣпіе убранства были изумительны. Вскорѣ одна изъ боковыхъ дверей отворилась, и въ нее вошло двадцать пожилыхъ женщинъ, облаченныхъ въ богатыя, однообразныя одежды; онѣ подошли къ трону, возвышавшемуся среди залы, и чинно стали около него двумя ровными рядами. Вслѣдъ за ними появилось еще двадцать

женщинъ, болѣе молодыхъ и болѣе нарядныхъ, и среди нихъ была сама царица—стройная, величавая, выступавшая тихой, мѣрной поступью, едва подвигаясь подъ тяжестью обременявшихъ ее драгоцѣнностей. Она поднялась на возвышеніе и сѣла на тронъ. Тогда женщины, что вошли прежде, подали мнѣ условный знакъ. Я прошелъ между ихъ рядами и преклонился ницъ, приложившись лицомъ къ ковру, разостланному у подножія трона. Супруга калифа милостиво велѣла мнѣ встать и удостоила вопросами о моемъ имени, званіи и общественномъ положеніи. Я отвѣчалъ согласно съ наставленіями моей возлюбленной, что видимо нравилось царицѣ и производило на нее благопріятное впечатлѣніе, такъ что подъ конецъ она сказала мнѣ:—Я очень рада, что моя дочь (она не иначе называла свою питомицу) сдѣлала такой хорошій выборъ; вполнѣ одобряю его и охотно даю согласіе на вашъ бракъ; что же касается свадьбы и вашего новаго устройства,—объ этомъ предоставьте позаботиться мнѣ. Но только ранѣе десяти дней свадьба не можетъ состояться,—мнѣ нужно еще испросить на это согласія калифа. Ты останешься пока здѣсь, во дворцѣ, гдѣ тебѣ будутъ доставлять все необходимое.

И я остался, въ нетерпѣливомъ ожиданіи своего близкаго счастія. Благодаря заботливости моей возлюбленной, я пользовался всѣми удобствами дворцовой жизни и былъ бы вполнѣ доволенъ, еслибы мнѣ приходилось хоть изрѣдка видаться съ невѣстой, но это удовольствіе для меня было пока недоступно.

Между тѣмъ Зобейда, выбравъ удобное время, сообщила калифу о томъ, что намѣрена выдать замужъ свою любимицу, и калифъ не только не воспротивился этому, но еще назначилъ ей въ приданое значительную сумму денегъ, говоря, что и онъ съ своей стороны желаетъ содѣйствовать устройству новобрачныхъ. Послѣ того, во дворцѣ, въ продолженіе девяти дней, шли непрерывныя увеселенія. Собрались танцовщики, алмеи *), музыканты, и потѣшнымъ забавамъ не было конца. На десятый день, по приказанію Зобейды, былъ составленъ и подписанъ брачный договоръ, а черезъ нѣсколько часовъ послѣ этого предстояла и брачная церемонія. Вечеромъ, по выходѣ изъ бани, я сѣлъ за столъ, уставленный всевозможными блюдами, и между прочими тутъ находилось кушанье, приготовленное съ чеснокомъ, совершенно такое же, какимъ вы угощали меня сейчасъ. Оно мнѣ такъ понравилось, что къ остальнымъ я почти не прикасался, но, къ несчастію, выйдя изъ за стола, почему то забылъ вымыть руки, какъ бы слѣдовало, и ограничился только тѣмъ, что вытеръ ихъ. Такой оплошности прежде со мной еще никогда не случалось.

При наступленіи ночи, залы женскаго отдѣленія дворца заблистали

*) Восточныя танцовщицы и пѣвицы.

яркими огнями, вполнѣ замѣнявшими дневной свѣтъ; раздались звуки музыки, начались танцы, игры, забавы, и весь дворецъ огласился веселыми кликами. Меня съ невѣстой ввели въ громадный залъ и тамъ посадили обоихъ рядомъ на возвышеніи. Женщины, одѣвавшія мою красавицу, нѣсколько разъ перемѣняли на ней наряды, разрисовывали ей лицо, по обычаю, принятому на свадьбахъ, и въ каждомъ новомъ уборѣ показывали ее мнѣ.

Послѣ всѣхъ этихъ обрядовъ, когда пиръ закончился и насъ проводили въ брачную опочивальню, мы остались наконецъ вдвоемъ; я приблизился къ своей молодой супругѣ и обнялъ ее, но, вмѣсто того, чтобы отвѣчать на мои ласки, она оттолкнула меня изо всѣхъ силъ и закричала такъ неистово громко, что къ намъ сбѣжались всѣ придворныя женщины и съ изумленіемъ спрашивали — что случилось? Я же былъ такъ пораженъ этой неожиданностью, что не могъ произнести ни одного слова и растерянно смотрѣлъ на собравшуюся толпу. Между тѣмъ подруги обступили мою жену и участливо стали допытываться, что могло приключиться съ ней за такое короткое время.—Уведите съ глазъ моихъ вотъ этого противнаго дурака, отвѣтила она имъ.—Но что же это такое... Чѣмъ я могъ прогнѣвить тебя?... пробормоталъ я въ смущеніи. — Ты невѣжда, неотесанный болванъ! вскричала она гнѣвно: слыханное ли дѣло—наѣсться чесноку и не вымыть даже рукъ! Да какъ же ты осмѣлился послѣ этого подойти ко мнѣ?... Вотъ что, обратилась она къ женщинамъ, разложите этого неряху и принесите мнѣ плеть, я научу его, какъ вести себя въ порядочномъ обществѣ. — Женщины схватили меня кто за ноги, кто за руки, и повалили на полъ, а моя возлюбленная супруга, вооружившись плетью, начала хлестать по мнѣ, что было мочи. Выбившись изъ силъ, она наконецъ бросила плеть и проговорила: —Нѣтъ, такого невѣжду не проймешь этимъ, отведите же его лучше къ начальнику полиціи, и пусть онъ отрубитъ ему ту руку, которой онъ бралъ чеснокъ.—Услыхавъ этотъ страшный приговоръ, я помертвѣлъ отъ ужаса и вскрикнулъ съ отчаяніемъ: — Боже мой, да за что же Ты насылаешь на меня такую напасть! Неужели только за этотъ чеснокъ — будь онъ проклятъ совсѣмъ и съ поваромъ, который его приготовлялъ, и съ прислугой, что подавала мнѣ!...

Тутъ даже всѣ свидѣтельницы моего истязанія вступились за меня и начали упрашивать мою супругу, чтобы она сжалилась надо мной и не приводила въ исполненіе своей страшной угрозы.—Допустимъ, говорили онѣ, что онъ необразованъ и не знаетъ приличій, но все же отрубать руки за то, что онъ не догадался ихъ вымыть, ужъ черезчуръ жестоко. Умоляемъ тебя, будь снисходительна и прости его. — Нѣтъ, нѣтъ! возразила она, я проучу его такъ, что онъ во всю жизнь не забудетъ своей неряшливости и узнаетъ, какъ поступать послѣ кушанья

съ чеснокомъ.—Но, дорогая сестра, продолжали женщины, если не для него, то хоть ради насъ окажи ему снисхожденіе.... Она ничего не отвѣтила имъ и вышла изъ комнаты; подруги послѣдовали за ней, и я остался одинъ—избитый, униженный, въ мучительной неизвѣстности относительно своего будущаго.

Прошло десять дней, а за мной никто не являлся, и я даже не видалъ никого, кромѣ одной старухи—невольницы, приносившей мнѣ пищу. Однажды я попробовалъ спросить у нея о женѣ. — Она больна, отвѣчала старуха; этотъ противный запахъ разстроилъ ей нервы. Да и ты то хорошъ! Ну какъ же это такъ—ѣсть чеснокъ и не вымыть послѣ этого рукъ! Странныя созданія эти женщины, думалъ я про себя: онѣ такъ нѣжны, что заболѣваютъ отъ какого нибудь мимолетнаго запаха, и въ то же время способны подвергать человѣка жесточайшимъ истязаніямъ за самые ничтожные пустяки. Однако, не смотря ни на что, я все таки любилъ свою жену и былъ огорченъ, услыхавъ о ея болѣзни.

Черезъ нѣсколько времени та же старуха сказала мнѣ:—Жена твоя выздоровѣла и сегодня пошла въ баню, а завтра навѣрно придетъ къ тебѣ. Смотри же, старайся угодить ей и подладиться подъ ея нравъ. Въ сущности она вѣдь очень добрая и разумная женщина; всѣ приближенныя нашей царицы любятъ ее и уважаютъ.

Дѣйствительно на другой день жена вошла въ мою комнату и, окинувъ меня полупрезрительнымъ взглядомъ, сказала:—Право, я слишкомъ добра, что рѣшилась придти къ тебѣ послѣ нанесеннаго мнѣ оскорбле-

нія. Впрочемъ, я все таки не примирюсь съ тобой до тѣхъ поръ, пока примѣрнымъ образомъ не отомщу за свою обиду. — Съ этими словами, созвавъ женщинъ, она снова приказала имъ повалить меня на полъ и

держать какъ можно крѣпче. Когда это было исполнено, и я лежалъ недвижимо подъ давленіемъ облѣпившихъ меня рукъ, она взяла острую бритву и съ хладнокровной жестокостью, самолично, отрѣзала мнѣ одинъ за другимъ всѣ большіе пальцы на рукахъ и ногахъ. Отъ сильной потери крови и отъ нестерпимой боли я въ ту же минуту потерялъ сознаніе, хотя женщины и поспѣшили приложить къ моимъ ранамъ какой то корень, останавливающій кровотеченіе.

Очнувшись, я такъ былъ напуганъ всѣми этими истязаніями, такъ боялся какой нибудь новой жестокости со стороны своей жены, что тутъ же воскликнулъ:—О, прости меня! жизнью клянусь, что если мнѣ придется когда нибудь ѣсть кушанье съ чеснокомъ, то, вмѣсто одного раза, я буду мыть руки двадцать.... нѣтъ, сто двадцать разъ, тереть ихъ всячески — и золою кали, солью, и мыломъ.... — Ну, хорошо, сказала моя супруга, съ этимъ условіемъ я, пожалуй, согласна простить тебя и признавать своимъ мужемъ.

Такъ вотъ, господа, добавилъ багдадскій купецъ, обращаясь ко всѣмъ собесѣдникамъ, почему мнѣ такъ не хотѣлось отвѣдать кушанья, которымъ угощалъ меня нашъ уважаемый хозяинъ.

Затѣмъ, онъ продолжалъ:—Раны мои были залѣчены въ нѣсколько дней, и это благодаря меккскому бальзаму, который мнѣ прикладывали женщины къ больнымъ мѣстамъ. Бальзамъ этотъ онѣ доставали въ аптекѣ калифа, а нужно замѣтить, когда онъ настоящій, неподдѣльный, свойства его удивительны. И такъ, излѣчившись окончательно, я зажилъ съ своей женой въ такомъ согласіи, какъ будто никогда не ѣлъ чесноку, а она никогда не сѣкла меня и не отрѣзала мнѣ пальцевъ. Только, привыкшій къ свободѣ и городскому обществу, я скоро началъ скучать замкнутой жизнью дворца и, хотя ничего не говорилъ своей супругѣ, боясь прогнѣвить ее, но она сама замѣтила это и, какъ оказалось, не менѣе моего желала обзавестись своимъ хозяйствомъ и жить болѣе независимо. Какъ женщина умная, она безъ труда убѣдила свою покровительницу въ необходимости разлуки, представляя ей на видъ, что нельзя же вѣчно держать меня въ затворничествѣ. Зобейда не могла отказать своей любимицѣ и согласилась отпустить насъ.

И вотъ, однажды, совершенно неожиданно для себя, я увидалъ свою жену въ сопровожденіи нѣсколькихъ евнуховъ, которые несли за ней мѣшки съ деньгами. Войдя въ комнату, послѣ того, какъ евнухи сложили мѣшки и удалились, она сказала мнѣ:—Я давно замѣтила, что ты скучаешь во дворцѣ, и хотя ты ничего не говорилъ мнѣ объ этомъ, но и безъ того было видно, какъ тяжела для тебя подневольная жизнь, поэтому, желая сдѣлать тебѣ удовольствіе, я испросила позволенія у своей повелительницы переселиться въ городъ. Вотъ деньги. Здѣсь пятьдесятъ тысячъ цехиновъ, которые Зобейда даритъ намъ на новоселье. Возьми

изъ нихъ десять тысячъ и купи домъ.—Нечего и говорить, какъ я доволенъ былъ этимъ распоряженіемъ своей супруги. Вскорѣ мнѣ удалось найти подходящій домъ; мы обставили его, какъ слѣдуетъ, обзавелись большимъ количествомъ рабовъ и рабынь, накупили разной утвари и зажили спокойной, счастливой жизнью. Къ сожалѣнію, она продолжалась не долго: черезъ годъ жена моя вдругъ занемогла и скончалась въ нѣсколько дней.

Разумѣется, я могъ бы жениться снова и оставаться въ Багдадѣ, гдѣ пользовался большимъ почетомъ, но мнѣ захотѣлось побывать въ чужихъ краяхъ и посмотрѣть на Божій свѣтъ. Съ этой цѣлью я продалъ домъ и все свое имущество, накупилъ разныхъ товаровъ и присоединился къ одному большому каравану, отправляющемуся въ Персію. Оттуда я проѣхалъ въ Самаркандъ *) и, послѣ недолгаго пребыванія тамъ, переселился въ этотъ городъ.

Вотъ, государь, сказалъ поставщикъ, обращаясь къ касгарскому султану, исторія, которую я слышалъ вчера отъ багдадскаго купца. Надѣюсь, она заслуживаетъ вниманія твоего величества.—Да, сказалъ султанъ, это происшествіе довольно необыкновенно, но все же оно не можетъ сравниться съ исторіей моего горбунка. Тогда врачъ-еврей выступилъ впередъ и, преклонившись предъ трономъ, сказалъ:—Повелитель, соблаговоли выслушать и меня. Я знаю одно событіе, которое навѣрное понравится твоему величеству.—Говори, отвѣтилъ султанъ, но только знайте всѣ: если этотъ разсказъ не превзойдетъ исторіи съ горбункомъ, ни одинъ изъ васъ не останется въ живыхъ.

Врачъ-еврей, получивъ дозволеніе султана, началъ такъ:

Разсказъ еврея-врача.

Въ то время, государь, когда я изучалъ медицину въ Дамаскѣ и начиналъ уже пріобрѣтать нѣкоторую извѣстность, съ успѣхомъ примѣняя къ дѣлу свои полезныя знанія, за мной пришелъ однажды черный невольникъ изъ дома правителя и объявилъ, что тамъ нужна моя помощь. Я немедленно послѣдовалъ за посланнымъ, и онъ ввелъ меня въ богато убранную спальню, гдѣ лежалъ на шелковой постели, подъ такимъ же одѣяломъ, очень еще молодой человѣкъ, съ красивымъ, но блѣднымъ и болѣзненнымъ лицомъ. Повидимому, онъ сильно страдалъ.

---

*) Самаркандъ—древній торговый городъ въ Средней Азіи, столица государства того же названія. Онъ красиво расположенъ на берегу рѣки Согды, въ странѣ Узбековъ, недалеко отъ границъ Персіи. Въ немъ есть знаменитая академія и великолѣпный дворецъ, въ которомъ пребывалъ Тамерланъ. Онъ славится также превосходнымъ качествомъ своихъ плодовъ, обильно произрастающихъ на тамошней почвѣ.

(Галланъ).

Поклонившись, я сѣлъ около него и началъ съ обычныхъ привѣтствій, сопровождая ихъ пожеланіями скораго изцѣленія; но больной не отвѣчалъ мнѣ словами, а только взглядомъ и движеніемъ головы выразилъ, что понимаетъ и благодаритъ меня.—Дай мнѣ руку, дорогой юноша, сказалъ я ему: надо узнать, каковъ у тебя пульсъ.—Онъ высвободилъ изъ подъ одѣяла и протянулъ мнѣ не правую, а лѣвую руку, что нѣсколько удивило меня, хотя я тутъ же объяснилъ это себѣ тѣмъ, что молодой человѣкъ, вѣроятно, боленъ въ первый разъ и потому еще не знаетъ, какую руку подаютъ врачамъ. Біеніе пульса оказалось лихорадочнымъ; я прописалъ подходящее средство и ушелъ.

Затѣмъ, посѣщенія мои возобновлялись каждое утро, въ теченіе девяти дней, при чемъ больной неизмѣнно подавалъ мнѣ лѣвую руку, вмѣсто правой. Онъ замѣтно поправлялся отъ моихъ лѣкарствъ, и наконецъ, въ десятый день, я сказалъ, что ему больше не нужно никакого лѣченія, кромѣ благотворнаго дѣйствія бани. Дамасскій правитель, находившійся тутъ же, выразилъ мнѣ свою благодарность въ самыхъ лестныхъ словахъ и, желая вознаградить мое искусство, велѣлъ своимъ слугамъ облечь меня въ богатое одѣяніе и вслѣдъ за тѣмъ объявилъ, что предоставляетъ мнѣ должность главнаго врача въ городской больницѣ и постоянную практику въ своемъ домѣ, куда, по его приглашенію, я могъ ежедневно являться ко всѣмъ трапезамъ.

Молодой человѣкъ, привыкшій ко мнѣ за время своей болѣзни, тоже выражалъ всѣми способами свою сердечную благодарность и непремѣнно хотѣлъ, чтобы я сопровождалъ его въ баню. Мы отправились вмѣстѣ, и тамъ, когда онъ раздѣлся, я съ ужасомъ увидалъ, что правая рука у него отрублена и, очевидно, недавно. Это то и было скрытой отъ меня причиной его болѣзни: въ то время, какъ извѣстно, быстро заживляющій бальзамъ прикладывался къ его ранѣ, меня призвали за тѣмъ, чтобы предотвратить опасное развитіе начинавшейся лихорадки. Юноша замѣтилъ по выраженію моего лица, что я удивленъ и огорченъ этимъ страннымъ увѣчьемъ.—Тебя, я вижу, поразило мое несчастіе, сказалъ онъ, но ты удивишься и пожалѣешь меня еще болѣе, когда я разскажу о его причинѣ; теперь мнѣ уже можно открыть ее тебѣ, какъ врачу своему и другу.

Выйдя изъ бани, мы сѣли за столъ и, послѣ обильнаго, роскошнаго обѣда, весело разговорились между собой, при чемъ мой юный другъ спросилъ меня, можетъ ли онъ, безъ вреда для своего здоровья, прогуляться въ загородный садъ правителя. Я отвѣчалъ, что не только можно, но даже очень полезно для него подышать свѣжимъ воздухомъ.—Если такъ, сказалъ онъ, то пойдемъ же вмѣстѣ, тамъ я подробно повѣдаю тебѣ о своемъ несчастномъ приключеніи.—Я отвѣчалъ, что могу не разлучаться во весь этотъ день. Тогда онъ велѣлъ своимъ слугамъ

захватить съ собой разныхъ закусокъ и слѣдовать за нами. Мы отправились; обошли раза два или три загородный садъ нравителя и сѣли отдохнуть на коврѣ, разостланномъ подъ тѣнью густолиственнаго дерева. Здѣсь молодой человѣкъ разсказалъ мнѣ свою исторію.

Я родился въ Муссулѣ, началъ онъ, гдѣ нашъ домъ считался самымъ значительнымъ во всемъ городѣ. Отецъ мой былъ старшимъ изъ десяти сыновей моего дѣда, который успѣлъ поженить ихъ всѣхъ еще при своей жизни; но никто изъ братьевъ не имѣлъ дѣтей, кромѣ моего отца, да и у того я былъ единственнымъ сыномъ. Понятно, что вся семья любила меня и баловала, отецъ же только о томъ и думалъ, чтобы дать мнѣ надлежащее образованіе.

Я былъ уже взрослымъ и начиналъ показываться въ свѣтъ, когда, въ одинъ праздничный день, мы отправились всей семьей въ главную муссулскую мечеть. Послѣ полуденной молитвы всѣ богомольцы разошлись по домамъ, а мы—то есть отецъ, его девять братьевъ и я—остались до слѣдующаго богослуженія и сѣли на коверъ, разостланный по всему полу мечети. Братья говорили между собой о томъ, о другомъ, наконецъ рѣчь зашла о путешествіяхъ, о разныхъ чужеземныхъ государствахъ и городахъ, отличающихся красотой, богатствомъ, или какими нибудь другими особенностями; между прочимъ одинъ изъ моихъ дядей сказалъ:— Если вѣрить описаніямъ и единогласному свидѣтельству путешественниковъ, то на свѣтѣ, кажется, нѣтъ страны лучше Египта и рѣки пре-

краснѣе Нила. И все, что онъ говорилъ потомъ въ подтвержденіе своего мнѣнія, было такъ увлекательно, что у меня тогда же явилось желаніе во что бы то ни стало побывать въ этой странѣ. Нѣкоторые изъ моихъ дядей отдавали предпочтеніе другимъ государствамъ, восхваляли, напримѣръ, Багдадъ, какъ центръ нашей религіи и метрополію всѣхъ мусульманскихъ городовъ, но все это уже казалось мнѣ такимъ тусклымъ и безцвѣтнымъ, что не произвело никакого впечатлѣнія. Отецъ мой стоялъ за Египетъ, и это значительно увеличивало мой восторгъ.— Что бы тамъ ни говорили, воскликнулъ онъ, но кто не видалъ Египта, тотъ не видалъ ничего замѣчательнаго: это чудо свѣта! Земля тамъ золотая, то есть такая плодородная, что жители обогащаются ею, какъ золотомъ. А женщины... онѣ тамъ всѣ прелестны, если не красотой, то умомъ, граціей и очаровательнымъ обращеніемъ. Но величайшее счастье Египта—это Нилъ; и въ самомъ дѣлѣ, какая другая рѣка въ мірѣ можетъ сравниться съ нимъ по своимъ благотворнымъ дѣйствіямъ? Этотъ драгоцѣнный илъ, который онъ несетъ въ своемъ разливѣ, насыщаетъ почву и дѣлаетъ ее способной производить, безъ всякаго труда со стороны человѣка, въ тысячу разъ больше, чѣмъ производятъ наши поля при самой тщательной обработкѣ. Вотъ послушайте, что говорилъ одинъ поэтъ, навсегда покидая Египетъ и прощаясь съ египтянами:

Изъ пустыни отдаленной,
Съ лона знойнаго песковъ,
Нилъ течетъ къ вамъ, изливая
Благодать своихъ даровъ.
Разставаясь съ вами, плачу,—
Слезы жгучія мои
Проливаю я обильно,
Какъ и Нилъ свои струи.
Много радости и счастья
Приносить вамъ будетъ онъ,
Только я одинъ навѣки
Щедрыхъ благъ его лишенъ!

А взгляните, продолжалъ мой отецъ, въ сторону дельты, на острова, образуемые рукавомъ Нила: какое разнообразіе зелени, какая пестрота цвѣтовъ, красокъ, переливовъ; сколько тутъ городовъ и селеній и сколько каналовъ—этихъ удивительныхъ созданій человѣческаго труда. А если взглянешь по направленію къ Эфіопіи,—какая безпредѣльная красота вѣчно зеленѣющихъ пальмъ, луговъ, полей!... Я не могу сравнить ихъ яркую зелень, окруженную водами Нила, ни съ чѣмъ инымъ, какъ съ изумрудомъ, оправленнымъ въ серебро. А тамъ великій Каиръ— чудный городъ, въ чудесной странѣ, многолюдный, богатый, съ безчисленнымъ множествомъ великолѣпныхъ зданій и самый обширный во

всемъ мірѣ; но вы забудете о немъ и обо всемъ на свѣтѣ, когда взглянете въ сторону пирамидъ. Съ чувствомъ невольнаго благоговѣнія остановитесь вы передъ этими каменными громадами, возвышающимися къ небесамъ. Нужно сознаться, что Фараоны съумѣли воздвигнуть себѣ памятники, достойные ихъ величія. Сколько труда, богатствъ, и сколько человѣческимъ жизней стоили эти сооруженія древнимъ владыкамъ Египта, но за то они превзошли въ этомъ отношеніи всѣхъ монарховъ, царствовавшихъ послѣ нихъ не только въ Египтѣ, но и во всей вселенной. Эти изумительные памятники на столько древни, что ученые до сихъ поръ не въ состояніи опредѣлить, когда они были воздвигнуты; они существовали съ незапамятныхъ временъ и будутъ существовать, пока держится міръ. Неисчислимы богатства этой страны, а также и ея приморскихъ городовъ, какъ Даміетта, Розэта, Александрія... эти города— неисчерпаемыя житницы всевозможныхъ хлѣбовъ; они посѣщаются всѣми націями и ведутъ обширную торговлю всѣмъ, что только нужно для пользы и удовольствія человѣку. Я говорю все это не по наслышкѣ, а съ полнымъ знаніемъ, потому что въ молодости пробылъ въ Египтѣ нѣсколько лѣтъ и до сихъ поръ вспоминаю объ этомъ, какъ о самомъ лучшемъ времени во всей моей жизни.

Воображеніе мое такъ воспламенилось всѣми этими разсказами,— продолжалъ молодой человѣкъ, что я только и думалъ о Каирѣ, Нилѣ, пирамидахъ.... Оказалось, что и дяди мои были не чужды того же увле-

ченія: по крайней мѣрѣ, черезъ нѣсколько дней они явились къ отцу и предложили ему отправиться вмѣстѣ въ Египетъ, съ торговыми цѣлями. Онъ съ удовольствіемъ согласился, и вмѣстѣ они тотчасъ же начали готовиться къ отъѣзду. Узнавъ о ихъ намѣреніи, я слезно сталъ умолять отца, чтобы онъ позволилъ мнѣ участвовать въ этомъ путешествіи и взялъ бы на мою долю товаровъ.—Ты еще слишкомъ юнъ, отвѣтилъ мнѣ отецъ, и не вынесешь такого труднаго пути, а главное—непремѣнно потеряешься въ Каирѣ. Однако этотъ отказъ только усилилъ мое страшное желаніе увидать Египетъ, и я сталъ добиваться своего черезъ посредство дядей, которымъ удалось наконецъ уговорить отца взять меня хоть до Дамаска, гдѣ я долженъ былъ дожидаться ихъ возвращенія.—Дамаскъ тоже очень красивый городъ, сказалъ отецъ, и на первый разъ можетъ вполнѣ удовлетворить его. Какъ ни жаль мнѣ было разстаться съ своей мечтой, а приходилось подчиниться отцовской волѣ.

Вскорѣ всѣ сборы были окончены, и мы двинулись въ путь: прошли сперва Месопотаміей, переправились черезъ Евфратъ, остановились потомъ на нѣсколько дней въ Алеппо, а оттуда прибыли наконецъ въ Дамаскъ. Городъ, дѣйствительно, показался мнѣ очень красивымъ: люди, дома, сады, хорошія укрѣпленія—все это съ перваго же раза пріятно изумило меня. Мы помѣстились всѣ вмѣстѣ въ одномъ каганѣ и употребили нѣсколько дней на прогулки по ближайшимъ окрестностямъ, увѣнчаннымъ роскошными, восхитительными садами. Глядя на эту пышную красоту природы, мы невольно соглашались съ распространеннымъ мнѣніемъ, что Дамаскъ дѣйствительно расположенъ среди рая. Но скоро мнѣ предстояло одному любоваться этими красотами; отецъ мой и дяди собрались въ дальнѣйшій путь, предварительно, впрочемъ, продавъ товары, взятые на мою долю. Отъ этой продажи, устроенной съ необыкновенной выгодой, у меня образовалась такая значительная сумма денегъ, что я вполнѣ утѣшился въ своемъ одиночествѣ.

Послѣ отъѣзда родныхъ я тотчасъ же нанялъ роскошный мраморный домъ, вась расписанный золотомъ и лазурью, и обставилъ его внутри,—если и не такъ богато, какъ бы требовала внѣшность, то все же очень удобно и вполнѣ прилично для человѣка моего званія. Этотъ домъ принадлежалъ когда то одному изъ самыхъ знаменитыхъ гражданъ Дамаска, по имени Модунъ-Абдалрахама, но теперь онъ перешелъ во владѣніе богатаго купца ювелира, который и отдалъ его внаймы за два шерифа *) въ мѣсяцъ. При домѣ былъ большой садъ съ превосходнымъ фонтаномъ посрединѣ, и много другихъ различныхъ удобствъ. Я переѣхалъ туда съ достаточнымъ количествомъ слугъ и сталъ жить при-

*) Шерифъ равенъ цехину.

вольно, стараясь, впрочемъ, не тратить понапрасну денегъ и не позволять себѣ ничего лишняго; изрѣдка только я угощалъ у себя своихъ новыхъ знакомыхъ, а иногда и самъ бывалъ у нихъ. Такъ проходило у меня время въ ожиданіи возвращенія отца—тихо и пристойно, никакая страсть не смущала моего покоя; знакомство съ завѣдомо честными и хорошими людьми было единственнымъ моимъ развлеченіемъ.

Но вотъ однажды, при закатѣ солнца, когда я сидѣлъ у своего дома, наслаждаясь вечерней прохладой, какая то женщина, очень богато одѣтая, стройная и, повидимому, молодая, подошла ко мнѣ и спросила, не продаю ли я матерій? Не успѣлъ еще я отвѣтить ей, какъ она прямо вошла въ мой домъ.

Крайне удивленный такимъ поступкомъ, я все-таки послѣдовалъ за ней и, затворивъ дверь, ввелъ ее въ свою пріемную.—Госпожа, отвѣтилъ я наконецъ, у меня дѣйствительно были очень хорошія матеріи, которыя, вѣроятно, понравились бы тебѣ, но, къ сожалѣнію, онѣ уже всѣ распроданы.—Да мнѣ и не нужно никакихъ матерій, отвѣтила незнакомка; я пришла къ тебѣ только за тѣмъ, чтобы видѣть тебя и провести съ тобой вечерокъ, если ты будешь на это согласенъ.—Тутъ она откинула чадру, и передо мной блеснула такая красота, какой я отъ роду еще не видывалъ; я стоялъ передъ ней въ изумленіи, недвижимо,

а сердце стучало такъ, что, казалось, готово было выскочить изъ груди.—Ну, что же ты молчишь, продолжала она съ улыбкой, развѣ угостить нечѣмъ? такъ мнѣ многаго не нужно; приготовь какую нибудь легонькую закуску—вотъ и все.

Очнувшись отъ очарованія, я бросился къ своимъ слугамъ и велѣлъ имъ подавать все, что только было у меня самаго лучшаго и дорогого. Вскорѣ намъ принесли отборныхъ плодовъ, сластей, тончайшихъ

винъ, и мы, въ какомъ-то упоеніи, незамѣтно просидѣли до самой полуночи. Словомъ, такой восхитительной ночи болѣе не повторялось въ моей жизни. На утро, прощаясь съ своей красавицей, я было предложилъ ей десять шерифовъ, но она съ негодованіемъ отдернула руку и сказала:—Ты оскорбляешь меня своимъ предложеніемъ; я полюбила тебя не изъ за денегъ и, напротивъ, требую, чтобы ты принималъ отъ меня подарки.—И, говоря это, она торопливо вынула изъ своего кошелька десять золотыхъ монетъ и принудила меня взять ихъ, угрожая въ противномъ случаѣ болѣе не являться ко мнѣ. А когда я наконецъ взялъ монеты, она весело сказала:—Ну, теперь жди меня черезъ три дня.

Въ назначенное время она дѣйствительно пришла, и я принялъ ее съ такою радостью, какую можетъ испытывать человѣкъ только при исполненіи своего самаго пламеннаго желанія. Вечеръ и ночь мы провели такъ же весело, какъ и въ первый разъ, а на утро, прощаясь со мной, она снова обѣщала придти ко мнѣ черезъ три дня, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы я опять принялъ отъ нея десять шерифовъ.

Во время третьяго свиданія, когда мы оба, разгоряченные виномъ, предавались самымъ нѣжнымъ восторгамъ, она вдругъ сказала:—А желала бы я знать, какъ ты внутренно относишься ко мнѣ? Вѣдь правда—я хороша, и со мной весело?—Милая, но къ чему этотъ вопросъ? отвѣтилъ я, развѣ ты не знаешь, какъ глубоко я люблю тебя? Ты моя жизнь, мое счастье, весь свѣтъ для меня въ тебѣ одной!—Однако я не увѣрена, продолжала она, сталъ ли бы ты говорить это, еслибы увидалъ мою подругу, которая и лучше, и моложе меня, а весела такъ, что самый серьезный и пасмурный человѣкъ расхохочется съ ней. Хочешь, я приведу ее къ тебѣ? Она уже отчасти знакома съ тобой по моимъ разсказамъ и давно жалаетъ увидать тебя; значитъ, все дѣло за твоимъ согласіемъ.—Дѣлай какъ знаешь, отвѣтилъ я, но только одно могу сказать тебѣ, какими бы совершенствами ни обладала твоя подруга, она не въ состояніи поколебать моей любви, которая приковала мое сердце къ тебѣ прочнѣе всякой цѣпи.—Не говори такъ заранѣе, возразила она; предупреждаю, твое чувство будетъ подвергнуто сильному испытанію.

Больше въ тотъ вечеръ мы не говорили объ этомъ ни слова, только на слѣдующее утро, когда моя возлюбленная совсѣмъ простилась со мной и принудила взять уже не десять, а пятнадцать шерифовъ, она сказала, какъ бы мимоходомъ:—Не забудь же, черезъ два дня я приведу къ тебѣ новую гостью. Такъ постарайся принять ее какъ слѣдуетъ.

Къ назначенному дню я приготовилъ роскошное угощеніе и съ нетерпѣніемъ сталъ поджидать своихъ посѣтительницъ. Онѣ явились при наступленіи сумерекъ и, войдя въ домъ, тотчасъ же сбросили съ себя покрывала. Невозможно передать того впечатлѣнія, какое я испыталъ при видѣ новой гостьи: ея свѣжее, юное личико, съ яркимъ румянцемъ

на щекахъ, съ глазами полными жизни и невыразимой прелести, дѣйствовало какимъ то одуряющимъ образомъ. Я поблагодарилъ за честь, оказанную мнѣ ея посѣщеніемъ, и заранѣе просилъ извинить, если мой пріемъ не будетъ отвѣчать ея достоинствамъ.—Къ чему эти церемоніи, отвѣтила она, я благодарна тебѣ уже за то, что ты позволилъ мнѣ придти; впрочемъ, ты не раскаешься въ этомъ, потому что вмѣстѣ со мной къ тебѣ войдетъ веселье.

Въ отвѣтъ, я приказалъ подать угощеніе, и мы тотчасъ же сѣли за столъ. Новая гостья помѣстилась напротивъ меня и время отъ времени пристально останавливала на мнѣ свои жгучіе глаза съ какой то загадочной улыбкой. Эти вызывающіе взгляды и эта красота, полная неотразимаго очарованія, окончательно вскружили мнѣ голову. Къ тому же я видѣлъ, что страсть моя раздѣляется, что и самой красавицѣ не чуждо то увлеченіе, которое овладѣло всѣмъ моимъ существомъ.

Между тѣмъ другая, которой я такъ недавно еще клялся въ неизмѣнной вѣрности, зорко наблюдала за нами. Сперва она, впрочемъ, только смѣялась надо мной и говорила:—Что, не правда?... Я знала, что ты плѣнишься моей подругой, и не пройдетъ часа, какъ нарушишь данную мнѣ клятву.—Больно ужъ скоро, отвѣчалъ я также со смѣхомъ, да мнѣ кажется, ты сама была бы недовольна мной, еслибы я принялъ твою подругу съ меньшимъ вниманіемъ; во всякомъ случаѣ, тогда вы обѣ имѣли бы полное основаніе обвинить меня въ недостаткѣ гостепріимства.

Затѣмъ мы продолжали наполнять и осушать свои кубки: смѣхъ, шутки, остроты—не перемежались ни на одну минуту, и по мѣрѣ того, какъ вино разгорячало намъ головы, мы все болѣе и болѣе теряли осмотрительность, такъ что наконецъ наше взаимное влеченіе уяснилось вполнѣ. Между тѣмъ мы не замѣчали, или, по крайней мѣрѣ, не хотѣли замѣчать, какое страшное дѣйствіе производитъ это на нашу третью собесѣдницу. Блѣдная, съ дрожащими губами, она встала изъ за стола и вышла, сказавъ намъ, что скоро вернется. Мы, конечно, не огорчились ея отсутствіемъ и удвоили свои нѣжности; какъ вдругъ моя красавица вся измѣнилась въ лицѣ, вскрикнула и судорожно схватилась за грудь, а не болѣе, какъ черезъ часъ,—она умерла въ моихъ объятіяхъ, въ непрерывныхъ, мучительныхъ корчахъ. Ошеломленный такимъ неожиданнымъ несчастіемъ, я началъ кричать, призывая на помощь, выбѣжалъ изъ комнаты и спросилъ своихъ слугъ, гдѣ другая гостья; мнѣ отвѣчали, что она отперла наружную дверь и ушла. Тогда чудовищное подозрѣніе вдругъ какъ то само собою возникло въ моей душѣ: ужъ не она ли была причиною смерти своей подруги?...

Послѣдствія доказали, что я не ошибался: у этой женщины, отуманенной ревностью, хватило на столько злобы, чтобы отравить свою

соперницу. Незамѣтно она подсыпала сильнѣйшаго яду въ ея послѣдній кубокъ, который поднесла ей сама.

— Что мнѣ дѣлать теперь? мучительно спрашивалъ я себя; оглашать преступленіе было невозможно, приходилось, во что бы то ни стало, хоронить концы, и потому, не теряя времени, я призвалъ самыхъ надежныхъ изъ своихъ слугъ, велѣлъ имъ поднять нѣсколько мраморныхъ плитъ, которыми былъ вымощенъ нашъ дворъ, и приготовить подъ ними могилу. Затѣмъ мы опустили туда тѣло умершей красавицы, засыпали его землей и снова наложили плиты, какъ было. Покончивъ съ этимъ, я немедленно сталъ собираться въ дорогу и, чтобы не стѣснять себя излишней поклажей, захватилъ только деньги, остальное же имущество оставилъ въ домѣ, заперъ его, наложилъ свою печать на дверь, а ключъ отъ нея передалъ хозяину и сказалъ ему при этомъ: — Одно важное дѣло заставляетъ меня отлучиться на нѣкоторое время въ Каиръ, куда вызываютъ меня родные, но потомъ я непремѣнно вернусь въ Дамаскъ, и въ доказательство внесъ ему деньги за годъ впередъ. Потомъ, простившись съ нимъ, я въ ту же минуту сѣлъ на коня и отправился въ сопровожденіи ожидавшихъ меня слугъ.

Весь путь до Египта мы проѣхали безъ малѣйшаго приключенія и благополучно прибыли въ Каиръ, гдѣ я вскорѣ отыскалъ своихъ родныхъ. Дяди, увидавъ меня, очень удивились, но, въ объясненіе я сказалъ, что сильно соскучился одинокимъ житьемъ и къ тому же, не получая отъ нихъ никакого извѣстія, сталъ тревожиться, оттого и рѣшился наконецъ пріѣхать къ нимъ. Они приняли меня очень ласково и обѣщали уговорить отца, чтобы онъ не сердился за то, что я оставилъ Дамаскъ безъ

его позволенія. Послѣ того я помѣстился съ ними въ одномъ каганѣ и съ любопытствомъ началъ осматривать все, что только достойно было замѣчанія въ Каирѣ.

Черезъ нѣсколько времени они распродали всѣ свои товары и стали собираться обратно въ Муссулъ, предполагая взять меня съ собой, но это не входило въ мой разсчетъ: я не видалъ еще многого изъ того, что желалъ увидать въ знаменитомъ Египтѣ, и потому, не сказавъ ни слова своимъ роднымъ, ушелъ изъ кагана рано утромъ, поселился въ самомъ дальнемъ кварталѣ и не показывался даже на улицахъ, пока не узналъ, что отецъ и дяди уѣхали. А между тѣмъ, передъ отъѣздомъ, они долго искали меня по всему городу и, не найдя нигдѣ, предположили, что я раскаялся въ своемъ самовольномъ прибытіи въ Египетъ и, чтобы загладить этотъ поступокъ, возвратился въ Дамаскъ. Надѣясь встрѣтить меня тамъ и захватить съ собой, они отправились обратно тою же дорогой.

И такъ, я остался одинъ въ Каирѣ и, подъ вліяніемъ ненасытнаго любопытства, прожилъ тамъ цѣлыхъ три года, чтобы насмотрѣться вдоволь на всѣ чудеса благодатной страны. Во все это время я аккуратно высылалъ ювелиру годовую плату за свое помѣщеніе въ Дамаскѣ, намѣреваясь вернуться рано или поздно и пробыть тамъ еще нѣсколько лѣтъ. О жизни въ Египтѣ не стóитъ разсказывать, такъ какъ за все это трехлѣтіе со мной не произошло ничего особенно замѣчательнаго, но за то навѣрное тебя изумитъ мой дальнѣйшій разсказъ о томъ, что мнѣ пришлось испытать въ Дамаскѣ.

По возвращеніи въ этотъ городъ, я прежде всего заѣхалъ къ своему домовому хозяину; онъ принялъ меня привѣтливо и самъ вызвался проводить въ мое прежнее помѣщеніе, гдѣ, по его словамъ, все оставалось неприкосновеннымъ за время моего долгаго отсутствія. Дѣйствительно, я убѣдился, что туда никто даже не входилъ безъ меня, такъ какъ на замкѣ наружной двери сохранилась въ цѣлости наложенная мною печать, а въ домѣ каждая вещь находилась на своемъ прежнемъ мѣстѣ; все имѣло тотъ же видъ, какъ за три года назадъ.

На другое утро, выметая соръ изъ той залы, гдѣ я ужиналъ въ послѣдній разъ съ своими гостьями, одинъ изъ слугъ нашелъ подъ столомъ золотое ожерелье въ видѣ цѣпи, усѣянное на каждомъ звенѣ превосходными, крупными жемчужинами; онъ принесъ мнѣ его, и я тутъ же вспомнилъ, что это то самое, которое не разъ привлекало мое вниманіе на бѣлоснѣжной шеѣ отравленной красавицы. Несомнѣнно, оно упало съ нея и осталось незамѣченнымъ въ то время, когда несчастная мучительно боролась со смертью въ моихъ объятіяхъ. Слезы выступили у меня на глазахъ при воспоминаніи объ этой очаровательной женщинѣ, полной жизни и веселья, и такъ жестоко убитой изъ за меня. Я бережно завернулъ ея драгоцѣнное украшеніе и благоговѣйно спряталъ его на груди.

Утомленный долгимъ путешествіемъ, я нѣсколько дней никуда не выходилъ изъ дому; потомъ, отдохнувъ и оправившись, сталъ посѣщать и принимать у себя своихъ прежнихъ знакомыхъ, постепенно втягиваясь въ ту жизнь, при которой деньги утекаютъ, какъ вода; дни мои стали непрерывнымъ рядомъ всевозможныхъ удовольствій; я отдавался имъ беззаботно, со всѣмъ пыломъ юности, пока ни истратилъ всего своего капитала до послѣдней драхмы. При такомъ затруднительномъ положеніи. волей-неволей приходилось прибѣгнуть къ продажѣ домашняго имущества, а такъ какъ это лишило бы меня многихъ удобствъ, то мнѣ пришло на умъ продать сначала свое завѣтное ожерелье; но сколько можно было за него выручить, этого я не зналъ, не имѣя ни малѣйшаго понятія о цѣнности жемчуга такой необыкновенной величины, и моя неопытность ввела меня въ большую бѣду, какъ ты сейчасъ увидишь.

Не долго думая, отправился я прямо въ безестанъ и тамъ, отведя въ сторону одного изъ разносчиковъ, передалъ ему свое ожерелье, поручая показать главнымъ торговцамъ драгоцѣнными вещами, для опредѣленія его стоимости. Разносчикъ такъ и ахнулъ, взглянувъ на эту вещь.—Что за сокровище! воскликнулъ онъ, разсматривая ее съ восхищеніемъ, я думаю, ни одинъ изъ нашихъ купцовъ сроду не видывалъ ничего подобнаго. То-то удивятся они, когда я имъ покажу, и станутъ надбавлять цѣну наперерывъ. Не малую сумму ты за это получишь, ужъ никакъ не меньше двухъ тысячъ шерифовъ, будь увѣренъ. Затѣмъ онъ подвелъ меня къ одной изъ лучшихъ ювелирныхъ лавокъ, и оказалось, что владѣлецъ ея — мой домовый хозяинъ. — Ты самъ не ходи со мной дальше, а подожди меня здѣсь, сказалъ разносчикъ, я живо обойду всѣхъ торговцевъ и принесу тебѣ отвѣтъ.

Пока онъ ходилъ показывать мое ожерелье другимъ ювелирамъ, я вошелъ къ своему хозяину и, по обыкновенію, былъ принятъ имъ очень привѣтливо.—Садись-ка тутъ со мной и побесѣдуемъ, сказалъ онъ мнѣ.— Мы разговорились и не замѣтили, какъ прошло часа два. Наконецъ явился разносчикъ; онъ таинственно отозвалъ меня въ сторону и сообщилъ, что за мою вещь не только никто не даетъ двухъ тысячъ шерифовъ, какъ предполагалось, но даже и въ пятьдесятъ оцѣниваютъ ее немногіе.—Я совѣтовалъ бы тебѣ не дорожиться, добавилъ онъ, потому что жемчугъ то, говорятъ, весь фальшивый.—Повѣривъ ему на слово, а главное—крайне нуждаясь въ деньгахъ, я отвѣчалъ, не раздумывая:—Ну, такъ и быть! Полагаюсь на тебя и на тѣхъ, кто смыслитъ въ этомъ дѣлѣ больше моего. Продавай же за пятьдесятъ, только деньги принеси мнѣ сейчасъ и всѣ сполна.

Ожерелье было оцѣнено въ пятьдесятъ шерифовъ самымъ значительнымъ изъ всѣхъ торговцевъ безестана, умышленно предложившимъ такую низкую цѣну, чтобы испытать, извѣстна ли мнѣ настоящая стои-

мость продаваемой вещи. Поэтому, получивъ мой отвѣтъ, онъ тотчасъ же отправился вмѣстѣ съ разносчикомъ къ начальнику полиціи и тамъ, показывая драгоцѣнное ожерелье, заявилъ, что оно украдено у него.— Разбери это дѣло, господинъ судья, добавилъ ювелиръ, воръ теперь самъ находится въ безестанѣ, онъ переодѣлся купцомъ, чтобы легче сбыть съ рукъ похищенную вещь, и соглашается взять за нее пятьдесятъ шерифовъ, тогда какъ она стоитъ не менѣе двухъ тысячъ. Одно это уже можетъ служить несомнѣннымъ доказательствомъ, что онъ укралъ ее, а не купилъ.

По распоряженію начальника полиціи, я былъ немедленно схваченъ и приведенъ къ нему. — Твоя ли эта вещь, спросилъ онъ, предъявляя мнѣ ожерелье, и продавалъ ли ты ее въ безестанѣ? Я отвѣтилъ утвердительно на оба вопроса.—А правда ли, продолжалъ судья, что ты согласенъ былъ взять за нее пятьдесятъ шерифовъ? Я призналъ и это.

Тутъ онъ взглянулъ на меня съ насмѣшливой улыбкой и, обратившись къ стражѣ, отдалъ ей такой приказъ:—Разложить этого щеголя и бить его палками, пока ни сознается самъ, что онъ не купецъ, а воръ. Невыносимая боль отъ палочныхъ ударовъ по обнаженной спинѣ невольно вырвала у меня ложное показаніе: я сознался въ небывалой кражѣ, и тутъ же, по приговору судьи, моя правая рука была отрублена.

Вѣсть о позорной казни быстро разнеслась по всему безестану, и не успѣлъ я придти въ себя, какъ хозяинъ дома явился ко мнѣ и сказалъ:—Сынъ мой, твой поступокъ изумляетъ меня: я никогда не думалъ, чтобы ты могъ рѣшиться на такое постыдное дѣло. И что понудило тебя на это? Вѣдь ты не разъ говорилъ мнѣ, что имѣешь большое состояніе, и, повидимому, это правда, такъ отчего же ты не попросилъ у меня

денегъ взаймы, если дѣла твои временно поразстроились? Я съ удовольствіемъ ссудилъ бы тебѣ, какую угодно, сумму. Ну, а теперь, послѣ того, что случилось, я не могу допустить дальнѣйшаго пребыванія твоего въ моемъ домѣ, такъ потрудись же найти себѣ другое помѣщеніе. Эти слова глубоко огорчили меня, и я со слезами на глазахъ сталъ упрашивать хозяина, чтобы онъ позволилъ мнѣ остаться въ его домѣ еще хоть на три дня. Онъ согласился.

— Боже мой, Боже! восклицалъ я, оставшись одинъ, сколько позора, и какое страшное, непоправимое несчастіе! Какъ возвращусь я теперь на родину и что скажу своему отцу? Развѣ онъ повѣритъ моей невиновности?...

Черезъ три дня послѣ этого несчастнаго событія ко мнѣ вошло нѣсколько полицейскихъ, въ сопровожденіи хозяина дома и того купца-ювелира, который обвинилъ меня въ кражѣ.—Что вамъ еще нужно? спросилъ я, изумленный ихъ неожиданнымъ появленіемъ.—Но, вмѣсто отвѣта, солдаты связали мнѣ руки веревками и съ бранью и побоями повели меня къ правителю Дамаска, сказавъ уже на улицѣ, что ожерелье, которое я укралъ, принадлежало его дочери. Трудно выразить, какое дѣйствіе произвела эта роковая вѣсть на мою измученную душу, но я понялъ, что скрывать теперь больше нечего, и рѣшился разсказать правителю все, безъ утайки.—Пусть, думалъ я, онъ поступаетъ тогда, какъ разсудитъ,—казнитъ меня или милуетъ.

Но когда я былъ приведенъ къ нему и увидалъ, съ какимъ состраданіемъ онъ остановилъ на мнѣ свой взглядъ, въ душѣ моей впервые блеснулъ радостный лучъ надежды. Первымъ распоряженіемъ правителя было освободить меня отъ веревокъ, а затѣмъ, обращаясь къ домовому хозяину и къ купцу—моему обвинителю, онъ спросилъ:—Увѣрены ли вы, что это тотъ самый человѣкъ, который продавалъ въ безестанѣ жемчужное ожерелье? Когда же оба отвѣтили утвердительно, добавилъ:—Ну такъ я не вѣрю, чтобы онъ могъ совершить кражу, и меня глубоко возмущаетъ оказанная ему несправедливость. Услышавъ эти слова, я словно возродился и тутъ же воскликнулъ:—Господинъ правитель! Клянусь тебѣ именемъ всемогущаго Бога, что я дѣйствительно не виновенъ, и что это ожерелье никогда не могло принадлежать моему обвинителю. Онъ ложно присвоилъ его себѣ и своей гнусной клеветой подвергъ меня незаслуженной казни. Правда, я самъ сознался въ кражѣ, но это сознаніе было вынуждено невыносимой пыткой да еще другой причиной, которая заставляла меня умолчать передъ судьей о томъ, что послужило бы мнѣ оправданіемъ. Тебѣ же я готовъ открыть все, чистосердечно.—Вѣрю и жалѣю о твоемъ несчастіи, отвѣтилъ правитель, потому что это дѣло мнѣ болѣе извѣстно, чѣмъ кому либо другому. Но прежде всего, добавилъ онъ, обращаясь къ полицейскимъ, возьмите это-

го ложнаго доносчика, и пусть онъ на себѣ испытаетъ ту самую казнь, какой подвергъ неповиннаго.

Купца тотчасъ же увели и наказали по заслугамъ, а правитель, удаливъ предварительно всѣхъ присутствовавшихъ, сказалъ мнѣ:—Повѣдай же теперь, сынъ мой, какими судьбами попало къ тебѣ это ожерелье? Не бойся, говори безъ утайки. Тогда я со всѣми подробностями передалъ ему объ ужасномъ событіи за три года назадъ и добавилъ въ заключеніе:—Теперь понятно тебѣ, почему я не объявилъ этого всенародно? Для меня легче было прослыть воромъ, чѣмъ разоблачить эту печальную тайну.—Неисповѣдимы судьбы Твои, Господи! воскликнулъ правитель, отирая слезы, выступившія на глаза, но да будетъ воля Твоя во всемъ,—я подчиняюсь ей безропотно. Затѣмъ, обращаясь ко мнѣ, онъ промолвилъ:—Твое несчастіе, сынъ мой, оттого такъ близко моему сердцу, что я отецъ тѣхъ двухъ красавицъ, о которыхъ ты говорилъ сейчасъ.

— Первая изъ нихъ—та, что такъ нагло пришла къ тебѣ сама,—была старшей. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ я выдалъ ее замужъ въ Каирѣ, за своего роднаго племянника, но, къ несчастію, мужъ ея скоро умеръ, и она вернулась ко мнѣ испорченной до мозга костей.

Вторая моя дочь, до ея возвращенія, была очень благонравной дѣвушкой, и я ни разу не имѣлъ повода упрекнуть ее въ чемъ либо предосудительномъ; но съ появленіемъ старшей сестры, которая съ ней особенно подружилась, она сразу стала совсѣмъ иной и быстро пошла по тому же скользкому пути. На другой день послѣ того ужаснаго событія, о которомъ ты разсказалъ, замѣтивъ, что ея не было за столомъ, я спросилъ о ней старшую дочь, но та, вмѣсто отвѣта, залилась слезами. Предчувствіе чего то недобраго разомъ проникло въ мое сердце, и я настоятельно сталъ допрашивать, гдѣ ея сестра.—Не знаю, отвѣчала та сквозь слезы, вчера, передъ вечеромъ, я видѣла только, что она нарядилась въ свои лучшія украшенія, надѣла жемчужное ожерелье и ушла куда то, а съ тѣхъ поръ даже ничего не слыхала о ней.—Не трудно представить себѣ мою тревогу,—я поднялъ на ноги всю полицію, велѣлъ обыскать весь городъ, разослалъ гонцовъ во всѣ стороны, но несчастная дочь моя словно канула въ воду. Между тѣмъ старшая, мучимая, вѣроятно, раскаяніемъ, сохла и изнывала съ каждымъ днемъ; она добровольно лишала себя пищи, не осушала глазъ, а черезъ годъ и умерла, навѣки схоронивъ съ собой ужасную тайну. Вотъ къ какому жалкому концу приводитъ порочная жизнь. Но, сынъ мой, добавилъ онъ, такъ какъ мы оба съ тобой одинаково несчастны, то намъ легче будетъ вмѣстѣ переносить свои страданія,—не станемъ же разлучаться никогда. У меня есть третья дочь, самая младшая; она еще краше своихъ сестеръ, а нравственныя ея качества не оставляютъ желать ничего лучшаго. Я предлагаю ее тебѣ въ замужство и увѣренъ, что ты забу-

дешь съ ней свое горе. Вы останетесь жить со мной, а послѣ моей смерти получите все, что я имѣю.

Я совершенно растерялся отъ такого неожиданнаго счастія и не находилъ словъ для выраженія своей благодарности, что и сказалъ великодушному старику.—Да это и не нужно, прервалъ онъ меня, не будемъ терять времени на пустыя слова. Затѣмъ онъ призвалъ красавицу-дочь, а вслѣдъ за ней явился кади съ свидѣтелями, и бракъ нашъ былъ заключенъ немедленно, безъ обычныхъ церемоній.

Я не стану говорить тебѣ, продолжалъ молодой человѣкъ, какъ относится ко мнѣ съ тѣхъ поръ правитель,—бывая у насъ, ты видѣлъ это самъ; скажу только, что онъ не ограничился однимъ наказаніемъ купца-ювелира, но велѣлъ и все его имущество отобрать въ мою пользу. Въ это же время ко мнѣ прибылъ гонецъ изъ Муссула съ извѣстіемъ, что мой отецъ скончался и что дяди вызываютъ меня для полученія наслѣдства. Такъ какъ я не могъ и не хотѣлъ оставлять своего благодѣтеля, то не поѣхалъ самъ, а выдалъ довѣренность на полученіе моей части. Вотъ и вся моя исторія, закончилъ юноша; теперь, конечно, ты не обвинишь меня въ невѣжливости за то, что я подавалъ тебѣ не правую, а лѣвую руку?

Много прошло уже времени, государь, съ той поры, какъ было разсказано это необычайное событіе, сказалъ въ заключеніе врачъ-еврей, но оно все еще живо въ моей памяти, потому что ни прежде, ни послѣ мнѣ не случалось слышать ничего подобнаго. Въ Дамаскѣ я прожилъ еще нѣсколько лѣтъ, до самой смерти правителя; потомъ, такъ какъ я былъ еще молодъ, у меня явилось желаніе постранствовать по бѣлу-свѣту,—и много чудеснаго увидалъ я: проѣхалъ всю Персію, побывалъ въ Индіи и наконецъ поселился въ столицѣ твоего величества, гдѣ попрежнему занимаюсь своимъ медицинскимъ искусствомъ.

Султану понравился разсказъ еврея-врача, но онъ все таки не нашелъ его настолько удивительнымъ, чтобы отмѣнить свой приговоръ.—Я долженъ сознаться, сказалъ онъ, что это событіе довольно необыкновенно, но развѣ можетъ оно сравниться съ печальной и вмѣстѣ забавной исторіей моего горбунка? А потому не надѣйтесь, чтобъ я даровалъ вамъ жизнь,—вы всѣ четверо будете повѣшены!

— Государь! воскликнулъ портной, выступая впередъ и преклоняясь ницъ передъ трономъ султана, повремени, ради самого Бога, и выслушай меня; я знаю такую забавную исторію, что никто не можетъ ея слышать безъ смѣха,—дозволь же разсказать твоему величеству.—Пожалуй, говори, отвѣтилъ касгарскій султанъ, я готовъ выслушать и тебя, но не разсчитывай избѣгнуть смерти, если твой разсказъ не превзойдетъ исторіи горбунка.—Тогда портной самоувѣренно, какъ бы не сомнѣваясь въ успѣхѣ, повелъ свою рѣчь:

Разсказъ портнаго.

Государь, нѣсколько дней тому назадъ, одинъ изъ здѣшнихъ жителей, мой хорошій знакомый, пригласилъ меня на пиръ, который онъ устроилъ въ честь своихъ друзей. Я пришелъ утромъ, довольно рано, а у него уже собралось человѣкъ двадцать гостей.

Мы всѣ сидѣли на мягкой софѣ и поджидали хозяина, отлучившагося куда то по дѣламъ; наконецъ онъ явился въ сопровожденіи молодаго иностранца, очень богато одѣтаго, красиваго, но хромаго. Мы поспѣшили встать имъ навстрѣчу и, желая оказать любезность хозяину, попросили его новаго гостя занять мѣсто на софѣ. Онъ было уже при-

нялъ предложеніе, но въ ту минуту, какъ готовился сѣсть, взглядъ его случайно упалъ на цирюльника, находившагося среди насъ. Словно ужаленный, онъ порывисто откинулся назадъ и намѣревался даже выйти совсѣмъ изъ комнаты, но хозяинъ, удивленный такой неожиданностью, удержалъ его за полу, говоря при этомъ:—Куда же ты? Я пригласилъ тебя принять участіе въ моемъ пиршествѣ, среди моихъ друзей, а ты не успѣлъ показаться, какъ уже хочешь уйти....—Ради Бога, не удерживай меня, отвѣтилъ молодой человѣкъ, я не могу видѣть безъ отвращенія вонъ того цирюльника и не хочу оставаться съ нимъ въ одномъ обществѣ ни на одну минуту. Это ужасный человѣкъ! Смотрите, онъ

черенъ, какъ эфіопъ, хотя родился среди бѣлыхъ людей, а душа его еще чернѣе безобразнаго лица.

Мы всѣ были очень удивлены этой рѣчью и, признаюсь, начали было составлять неблагопріятное мнѣніе о цирюльникѣ, хотя еще не знали, чѣмъ собственно онъ заслужилъ такую ненависть; нѣкоторые даже громко заявили, что не допустятъ въ свое общество порочныхъ людей. Тогда хозяинъ дома, не желая оскорбить напрасно ни одного изъ своихъ гостей, попросилъ иностранца объяснить причину своей ненависти къ цирюльнику.

— Господа, сказалъ тогда юноша, обращаясь ко всѣмъ намъ, этотъ проклятый цирюльникъ былъ причиной моего несчастія; благодаря ему, я остался, какъ видите, хромымъ на всю жизнь и съ тѣхъ поръ далъ клятву—бѣжать отовсюду, гдѣ бы онъ ни находился, и даже никогда не жить съ нимъ въ одномъ городѣ. Изъ за него я покинулъ Багдадъ—свою родину—и бѣжалъ въ эту далекую сторону, надѣясь, что здѣсь, среди Великой Татаріи, никогда не буду имѣть несчастія повстрѣчаться съ нимъ. Однако, сверхъ ожиданія, онъ очутился и тутъ! Это лишаетъ меня удовольствія оставаться съ вамя. Сегодня же я покину вашъ городъ и отправлюсь куда нибудь еще дальше, гдѣ бы *онъ* не могъ явиться мнѣ на глаза. Прощайте!

И молодой гость направился было къ двери, но хозяинъ снова удержалъ его и сталъ уже настоятельно требовать объясненія, въ чемъ собственно заключалась вина цирюльника; мы тоже всѣ наперерывъ выражали желаніе узнать, какъ было дѣло, а между тѣмъ виновникъ всего этого происшествія угрюмо сидѣлъ, опустивъ глаза, и не говорилъ ни слова, Наконецъ молодой человѣкъ уступилъ нашимъ просьбамъ и, повернувшись спиной къ цирюльнику, чтобы не видѣть его, разсказалъ намъ такую исторію:

— Вамъ уже извѣстно, господа, что я жилъ въ городѣ Багдадѣ, гдѣ отецъ мой пользовался большимъ почетомъ и, по своему знатному происхожденію, легко могъ бы занимать самыя высокія должности въ государствѣ, но онъ никогда не добивался почестей и тихую, спокойную жизнь предпочиталъ всему. Я былъ у него единственнымъ сыномъ и послѣ его смерти получилъ огромное наслѣдство. Скажу не въ похвальбу: я не разстроилъ свое состояніе, но такъ умѣренно и благоразумно пользовался имъ, что вскорѣ заслужилъ всеобщее уваженіе.

У меня не было ни разорительныхъ привычекъ, ни лишнихъ затѣй, даже страсть ни разу еще не проникала въ мое сердце, и я не только не искалъ женскаго общества, но, можетъ быть и къ стыду своему, даже намѣренно избѣгалъ его. Однако это не спасло меня отъ обыкновенной участи смертныхъ. Однажды, проходя по улицѣ, я увидалъ передъ собой цѣлую гурьбу женщинъ и, чтобы избѣжать непріят-

ной встрѣчи, поспѣшно свернулъ въ первый попавшійся переулокъ, гдѣ присѣлъ на скамейку въ углубленіи какихъ то воротъ. Здѣсь, въ окнѣ противоположнаго дома, я замѣтилъ великолѣпную вазу, полную восхитительныхъ цвѣтовъ, и невольно залюбовался ими; вдругъ окно растворилось, и въ немъ показалась молодая женщина ослѣпительной красоты. Она протянула руку, бѣлую какъ алебастръ, и стала поливать цвѣты, изрѣдка взглядывая на меня съ лукавой улыбкой. Эти взгляды и эти улыбки словно огнемъ разжигали мое сердце; куда дѣвалась моя прежняя ненависть къ женщинамъ!... Я полюбилъ сразу, съ какимъ то безумнымъ увлеченіемъ. Окончивъ поливку, она бросила на меня послѣдній, очаровательный взглядъ и быстро захлопнула окошко.

Можетъ быть я долго еще оставался бы неподвижнымъ въ своемъ нѣмомъ изумленіи, еслибы меня не заставилъ очнуться какой то шумъ, доносившійся съ улицы. Вдали показалась группа всадниковъ, и, съ ея приближеніемъ, я узналъ главнаго городскаго кади, верхомъ на мулѣ, въ сопровожденіи небольшаго отряда стражи. Подъѣхавъ къ тому дому, изъ окна котораго виднѣлись цвѣты, онъ сошелъ съ мула и скрылся за дверью, изъ чего я тутъ же заключилъ, что это долженъ быть отецъ обворожившей меня красавицы.

Домой я вернулся въ какомъ то опьяненіи, не помня себя, и долго бродилъ изъ комнаты въ комнату, нигдѣ не находя мѣста отъ обуревавшей меня страсти, которая дѣйствовала тѣмъ сильнѣе, что испытывалась мной еще впервые. Вскорѣ волненіе перешло въ лихорадку, и я слегъ въ постель, что встревожило весь домъ и напугало моихъ родныхъ, относившихся ко мнѣ всегда съ большою любовью. Они стали распрашивать и доискиваться причины моей болѣзни, но я упорно молчалъ, и это еще болѣе увеличивало общую тревогу; призванные врачи не могли успокоить ихъ потому что сами ничего не понимали, и не только не облегчали моего недуга, но еще усиливали его своими снадобьями.

Дѣло дошло до того, что родные уже начали опасаться за мою жизнь, когда насъ посѣтила одна старуха, давнишняя знакомая, и, узнавъ о моей болѣзни, пожелала меня видѣть. Войдя въ комнату, она пристально взглянула мнѣ въ глаза и—Богъ ее знаетъ, почему, только сразу угадала причину моего нездоровья и таинственно шепнула что то моимъ роднымъ; они тотчасъ же всѣ вышли изъ спальни, даже слуги послѣдовали за ними.

Когда мы остались вдвоемъ, старуха сѣла около моей постели и сказала:—Сынъ мой, до сихъ поръ ты упорно таился отъ всѣхъ, и никто изъ окружающихъ тебя не знаетъ, въ чемъ дѣло, но я, и безъ твоего признанія, сразу отгадала, какой у тебя недугъ. Не старайся противорѣчить: у меня слишкомъ много опытности, чтобы не ошибиться въ своемъ предположеніи: ты боленъ отъ любви, это несомнѣнно; но открой мнѣ, кто та счастливица, что̀ съумѣла побѣдить такое непобѣдимое сердце? Вѣдь ты считался ненавистникомъ женщинъ; впрочемъ, я знала, что, рано или поздно, это должно случиться, и теперь мнѣ было бы пріятно пособить тебѣ въ горѣ.

Тутъ старуха на минуту остановилась, въ ожиданіи моего отвѣта, но я упорно продолжалъ молчать, не рѣшаясь посвятить ее въ завѣтныя глубины своего сердца, хотя сказанное ею произвело на меня сильное дѣйствіе. Я отвѣтилъ ей только взглядомъ да тяжкимъ вздохомъ.—Что же молчишь? продолжала старуха, стыдишься ли ты говорить со мной откровенно, или не вѣришь мнѣ и боишься, что я не сдержу своего обѣщанія? Такъ я могу назвать тебѣ множество молодыхъ людей твоего званія, такъ же страдавшихъ, какъ и ты, но теперь, благодаря Бога, всѣ они излѣчились при моей помощи.

Старуха говорила такъ убѣдительно, что я рѣшился наконецъ открыть свою душу и, разсказавъ всѣ подробности роковой встрѣчи, назвалъ ту, которая всецѣло наполняла собой мои мысли.—Если ты доставишь мнѣ возможность только видѣть ее и говорить съ ней, о! я готовъ тогда сдѣлать для тебя все на свѣтѣ, и благодарности моей не будетъ границъ.—Знаю я ее, хорошо знаю, какъ бы въ раздумьѣ отвѣчала

старуха; ты не ошибся, она дѣйствительно дочь главнаго городскаго кади и прекрасна такъ, какъ ни одна женщина во всемъ Багдадѣ; неудивительно, что ты полюбилъ ее. Одно плохо: очень ужъ она горда и неприступна; къ тому же, тебѣ извѣстно, какъ наши судьи строго придерживаются старыхъ порядковъ и какъ упорно возстаютъ противъ всякаго послабленія женщинамъ; они желали бы всѣхъ держать взаперти, а своихъ семейныхъ тѣмъ паче. Оттого то ихъ жены и дочери такъ предубѣждены противъ мужчинъ, что считаютъ за преступленіе показываться имъ; когда же необходимость заставляетъ ихъ выходить изъ дому, онѣ смотрятъ только себѣ подъ ноги. Не знаю, такова ли твоя возлюбленная, но думаю, что намъ придется преодолѣвать двойное затрудненіе— какъ со стороны дочери, такъ и со стороны отца, который, говорятъ, строже всѣхъ судей, взятыхъ вмѣстѣ. И нужно же было влюбиться тебѣ именно въ эту! Будь другая на ея мѣстѣ, я бы разомъ устроила дѣло. Ну, да что объ этомъ толковать,—я все таки попробую и приложу все стараніе, чтобы такъ или иначе добиться своего; но ты понимаешь, что для этого нужно время, такъ вооружись терпѣніемъ и положись во всемъ на меня.—Сказавъ это, старуха простилась со мной и ушла.

Томительное ожиданіе вмѣстѣ съ опасеніемъ неудачи возбудили во мнѣ такое волненіе, что болѣзнь моя еще увеличилась. На другой день старуха явилась снова, и я сразу по ея лицу угадалъ, что она не имѣла успѣха и не можетъ сообщить мнѣ ничего утѣшительнаго. Такъ это и вышло: гордая красавица оказалась недоступной и съ негодованіемъ отвергла мою мольбу. — Ты полюбилъ самую безсердечную женщину, жалобно говорила старуха, она только смѣется надъ твоими страданіями и никогда не захочетъ облегчить ихъ. Пока я разсказывала только о томъ, какую сильную страсть она внушила тебѣ, и какъ ты страдаешь теперь, она слушала меня съ видимымъ удовольствіемъ, но лишь только я заикнулась о твоемъ желаніи видѣть ее и говорить съ нею, она быстро поднялась съ своего мѣста и, бросивъ на меня гнѣвный взглядъ, сказала:—Какая дерзость!... Какъ ты можешь дѣлать мнѣ такія предложенія? Я не стану принимать тебя, если услышу еще что нибудь подобное.—Но ты все таки не отчаявайся, добавила старуха, я вѣдь не изъ такихъ, чтобы упасть духомъ отъ первой неудачи,—попытаюсь еще, и не разъ, лишь бы у тебя то хватило терпѣнія.

Чтобы не утомлять вашего вниманія, господа, продолжалъ молодой человѣкъ, я скажу вамъ только, что послѣ нѣсколькихъ безполезныхъ попытокъ я окончательно потерялъ всякую надежду и, измученный тревогой и непрерывными волненіями, скоро очутился на краю могилы. Врачи отказались отъ лѣченія, никто уже не сомнѣвался въ моей близкой смерти, какъ вдругъ явилась та же старуха и разомъ оживила меня.

Склонившись надо мной, она тихо, такъ, чтобы никто не услыхалъ,

шепнула мнѣ:—Готовь подарокъ,—я принесла тебѣ добрую вѣсть. Эти слова произвели волшебное дѣйствіе: безъ всякой помощи, я быстро приподнялся и сѣлъ на постели.—Что? что такое? говори ради Бога, воскликнулъ я въ восторгѣ.—А то, мой дорогой юноша, продолжала старуха, что умирать тебѣ еще рано, и я скоро надѣюсь увидать тебя не только здоровымъ, но и счастливымъ, вполнѣ довольнымъ мной. Слушай: въ понедѣльникъ, то-есть вчера, я отправилась къ *ней* и застала ее въ очень хорошемъ расположеніи духа. Ну, думаю, не стану упускать случая—попробую еще разъ... и вотъ, усѣвшись противъ нея, я приняла самый плачевный видъ, начала вздыхать то и дѣло, а подконецъ даже всплакнула.—Что съ тобой, моя милая? спросила она. Я заплакала еще сильнѣй и отвѣчала сквозь слезы:—Охъ, госпожа, больно жаль мнѣ того молодого человѣка, такъ жаль, что и сказать тебѣ не могу. Истомился онъ, извелся весь и не нынче-завтра умретъ непремѣнно, а все отъ тебя: загубила ты его совсѣмъ своей красотой.—Не понимаю, при чемъ же я то тутъ, молвила красавица, развѣ я виновата въ его страданіяхъ?—Вотъ въ томъ то и дѣло, отвѣчала я, что очень даже виновата. Я уже говорила, что онъ томится съ тѣхъ поръ, какъ увидалъ тебя однажды въ окнѣ, когда ты открыла его, чтобы полить свои цвѣты. Не твоя, конечно, вина, что онъ плѣнился тобой до такой степени, а все таки, если онъ умретъ, ты одна будешь причиною его смерти. Понишь, какъ ты строго обошлась со мной, когда я сказала тебѣ въ первый разъ о его болѣзни и просила удѣлить ему нѣсколько минутъ для свиданія. И вотъ, лишь только я передала твой суровый отвѣтъ—болѣзнь его удесятерилась, а теперь право ужъ и не знаю, можешь ли ты его спасти, если бы даже и пожелала.

— Такъ говорила я ей, продолжала старуха, и опасеніе за твою жизнь наконецъ поколебало ее. Я замѣтила, какъ она измѣнилась въ лицѣ и, пристально взглянувъ на меня, сказала:—Ты не обманываешь? Увѣрена ли ты въ томъ, что онъ страдаетъ только отъ любви ко мнѣ?—Да, къ сожалѣнію, все это чистая правда, отвѣчала я: какое же тутъ можетъ быть сомнѣніе?—А думаешь ли ты, перебила она, что надежда видѣть меня принесетъ ему пользу?—Не знаю, можетъ быть и принесетъ; во всякомъ случаѣ нужно бы испытать это средство, если ты позволишь.—Ну, такъ вотъ что, молвила она, вздохнувъ, скажи ему, что я согласна видѣться и говорить съ нимъ, но чтобы онъ больше ничего не ожидалъ отъ меня, развѣ только, если захочетъ вступить со мной въ бракъ, тогда пусть испрашиваетъ согласія моего отца.—Добрая, хорошая моя! воскликнула я съ восторгомъ, ты представить себѣ не можешь, какое счастіе это доставитъ страдальцу. Надо поскорѣе сообщить ему радостную вѣсть.—Хорошо, иди, и передай, что я буду ждать его въ пятницу, во время полуденной молитвы. Пусть онъ выждетъ, когда

отецъ мой отправится въ мечеть, и явится немедленно, если выздоровѣетъ. Я сама отворю ему дверь, и мы будемъ бесѣдовать съ нимъ во все время молитвы, пока не вернется мой отецъ.

— Сегодня у насъ вторникъ, продолжала старуха, до пятницы остается немного; нужно тебѣ поскорѣй выздоравливать, чтобы не пропустить свиданія. Но я уже не боялся за свое здоровье, потому что съ каждымъ ея словомъ силы мои все быстрѣе возстанавливались, а по окончаніи рѣчи отъ болѣзни не осталось и слѣда.

Вынувъ кошелекъ, полный золота, я подалъ его старухѣ и сказалъ:—Прими это, какъ слабый знакъ моей благодарности; ты изцѣлила мою душу, и тебѣ одной я обязанъ своимъ спасеніемъ. Эти деньги я считаю въ тысячу разъ лучше употребленными, чѣмъ тѣ, что пришлось переплатить врачамъ за ихъ противныя снадобья.

Когда старуха ушла, я почувствовалъ себя настолько бодрымъ, что всталъ съ постели. Всѣ мои родные обрадовались и поздравили меня съ изцѣленіемъ, затѣмъ, находя свое дальнѣйшее присутствіе безполезнымъ, они разошлись по своимъ домамъ.

Въ пятницу утромъ, когда я начиналъ собираться и выбиралъ самыя лучшія изъ своихъ одеждъ, ко мнѣ снова вошла старуха. — Вотъ это хорошо! воскликнула она, я даже не стану теперь и спрашивать, здоровъ ли ты. Ужъ конечно больному не пошло бы на умъ такое занятіе. Ну, а какъ же, развѣ ты не сходишь въ баню передъ одѣваньемъ?— Нѣтъ, отвѣтилъ я, это взяло бы слишкомъ много времени. Я ограничусь только тѣмъ, что позову цирюльника, чтобы онъ обрилъ мнѣ голову и бороду.—Я кликнулъ одного изъ своихъ рабовъ и приказалъ ему тотчасъ же привести ко мнѣ самаго лучшаго и главное — проворнаго цирюльника.

Невольникъ отправился и черезъ минуту привелъ вотъ этого самаго. Онъ вошелъ, окаянный, какъ добрый, и, поклонившись, сказалъ мнѣ:— Господинъ, я по лицу твоему вижу, что ты не совсѣмъ здоровъ. — Да, отвѣтилъ я, мнѣ пришлось достаточно таки полежать въ постели, но теперь я совершенно выздоровѣлъ.—Ну, и слава Богу, продолжалъ онъ, я желаю, чтобы милосердіе Его никогда не оставляло тебя.—Благодарю и надѣюсь, Господь услышитъ твое желаніе.— Я о томъ только и буду молить Всевышняго, чтобы Онъ скорѣе возстановилъ твое здоровье; ну, а теперь чѣмъ могу служить тебѣ? Я захватилъ съ собой и бритвы, и ланцеты, обрить ли, кровь ли пустить, какъ пожелаешь, такъ и сдѣлаю.— Да вѣдь я же здоровъ и только недавно былъ боленъ, отвѣтилъ я съ нетерпѣніемъ, такъ на что же мнѣ нужно твое кровопусканіе? Я желаю только, чтобы ты какъ можно скорѣе обрилъ мнѣ голову и бороду, потому что меня ждутъ ровно къ двѣнадцати часамъ.

Цирюльникъ сталъ медленно развязывать свой узелъ, не спѣша, вы-

нулъ изъ него готовальню, разложилъ въ порядкѣ всѣ бритвы, ланцеты и другіе инструменты, затѣмъ, вмѣсто того, чтобы налить воды въ свой тазикъ и приступить къ дѣлу, онъ взялъ металлическую астролябію, важной поступью вышелъ изъ комнаты и отправился на средину двора исчислять высоту солнца. Возвратившись съ такимъ же глубокомысленнымъ видомъ, онъ объявилъ:—Я долженъ тебѣ сказать, уважаемый господинъ, что у насъ сегодня пятница, восемнадцатое лунное число сафара, года 653 *) отъ бѣгства нашего великаго пророка изъ Мекки въ Медину и 7320 **) отъ эпохи великаго Искандера-Двурогаго; соединеніе же двухъ планетъ—Марса и Меркурія—означаетъ, что день и часъ, выбранные тобою, какъ нельзя болѣе благопріятны для бритья. Но, съ другой стороны, то же самое соединеніе предвѣщаетъ тебѣ недоброе; оно ясно указываетъ на то, что въ настоящій день тебя ожидаетъ большая опасность, не смертельная, положимъ, но все таки такая, отъ которой ты будешь страдать во всю свою жизнь. Впрочемъ, благодаря моему предостереженію, ты можешь какими нибудь мѣрами избѣгнуть несчастія; я же отъ души молю Бога, чтобы оно тебя не постигло.

Посудите сами, господа, какую досаду я долженъ былъ испытывать при мысли, что по милости этого несноснаго болтуна могу опоздать на

*) 653—годъ эшры, т. е. бѣгства Магомета, съ котораго начинается лѣтосчисленіе у магометанъ; онъ соотвѣтствуетъ 1255 году отъ Рождества Христова. По всей вѣроятности, замѣчаетъ авторъ предлагаемаго сборника, арабская фантазія создала эти сказки около того же времени.

**) Помянутый 7320 годъ доказываетъ, однако, что собиратель сказокъ ошибается въ своемъ предположеніи, такъ какъ 653 годъ эшры, т. е. 1255 отъ Р. Х., совпадаетъ только съ 1557 годомъ эры Селевкидовъ, иначе называемой эпохой Александра Великаго, именуемаго арабами Искандеромъ-Двурогимъ. (Галланъ).

свиданіе.—Да какое мнѣ дѣло до твоихъ совѣтовъ и нелѣпыхъ предсказаній? воскликнулъ я запальчиво. Ты призванъ затѣмъ, чтобы обрить меня, а не заниматься вычисленіемъ звѣздъ. Говорю тебѣ прямо: или брей, или уходи; я пошлю за другимъ цирюльникомъ.

— Не понимаю, изъ за чего ты изволишь такъ гнѣваться и горячиться? отвѣтилъ онъ съ такимъ невозмутимымъ спокойствіемъ, что можно было, кажется, лопнуть отъ досады, я долженъ тебѣ сказать, что такихъ цирюльниковъ найдется немного; да не только немного, а во всемъ Багдадѣ ни одного. Ты вѣдь требовалъ просто цирюльника, а во мнѣ имѣешь и опытнаго врача, и химика, и знаменитаго астролога, и превосходнаго знатока грамматики, риторики, алгебры, геометріи, ариѳметики, логики.... Я и философъ, хорошо знакомый со всѣми системами древнихъ и новыхъ мудрецовъ, и историкъ, глубоко изучившій всѣ государства вселенной; въ моей памяти, какъ въ архивѣ, хранятся всѣ законы и обычаи нашей страны; кромѣ того, я и поэтъ, и архитекторъ, и... да чѣмъ я только не могу быть! Во всей природѣ для меня нѣтъ ничего сокровеннаго. Покойный родитель твой, блаженной памяти, о которомъ я и теперь еще не могу вспомнить безъ слезъ, умѣлъ цѣнить мои достоинства и отдавалъ мнѣ полную справедливость. Онъ очень любилъ и уважалъ меня, а когда ему приходилось бывать въ кругу высокопоставленныхъ лицъ, всегда упоминалъ обо мнѣ, какъ о самомъ замѣчательномъ человѣкѣ во всемъ мірѣ. Изъ благодарности къ нему и въ память нашей дружбы, я считаю своей священной обязанностью взять тебя подъ свое покровительство и предохранять отъ всѣхъ несчастій, какими могутъ угрожать тебѣ небесныя свѣтила.

Не смотря на всю свою досаду, я не могъ не разсмѣяться, слушая эти рѣчи. — Да замолчишь ли ты когда нибудь, несносный болтунъ? воскликнулъ я.

— Напрасно ты изволишь обижать меня, отвѣтилъ онъ съ выраженіемъ угнетённой невинности; какой же я болтунъ? Напротивъ, всѣмъ извѣстно, что я самый скромный и молчаливый человѣкъ. Вотъ мои братья, а ихъ было у меня шесть: старшаго звали Бакбукъ, второго—Бакбарахъ, третьяго—Бакхакъ, четвертаго—Алкузъ, пятаго—Алнаскаръ, шестого—Шакабахъ, такъ тѣхъ дѣйствительно можно бы назвать болтунами; очень они любили поговорить и надоѣдали до смерти; я же, младшій изъ нихъ, всегда былъ серьезнаго характера и отличался большой сдержанностью въ рѣчахъ.

Скажите на милость, господа, что мнѣ было дѣлать съ этимъ нахаломъ, который рѣзалъ меня безъ ножа? Подозвавъ одного изъ своихъ невольниковъ, я сказалъ:—Выдай этому человѣку три золотыхъ, и пусть онъ убирается отсюда. Я не хочу сегодня бриться.—Послушай, молодой человѣкъ, обратился ко мнѣ тогда цирюльникъ, я не совсѣмъ понимаю

тебя; кажется, не я за тобой посылалъ, а ты за мной? Такъ клянусь же тебѣ честью мусульманина, что не выйду изъ этого дома, пока ни обрѣю тебя. Не моя вина, если ты не знаешь мнѣ цѣны. Вотъ твой покойный отецъ, такъ тотъ зналъ меня и ужъ не соскучился бы моимъ обществомъ. Бывало, чуть что, сейчасъ за мной гонца; я конечно не отказывался; приходилъ къ нему, садился рядомъ, и могу сказать тебѣ не въ похвальбу, не всякому приходилось слышать такія бесѣды, какія мы вели съ нимъ. Онъ заслушивался меня до самозабвенія, и восторгу его не было границъ. Однажды онъ до того увлекся моими рѣчами, что воскликнулъ: — Непостижимо, какъ можетъ въ одномъ человѣкѣ совмѣщаться столько ума, знанія, проницательности! Ты кладезь премудрости, хранилище всѣхъ наукъ, весь міръ долженъ бы удивляться тебѣ! — Ты слишкомъ снисходителенъ, уважаемый господинъ, скромно отвѣчалъ я ему; если мнѣ и удается иногда сказать что нибудь хорошее, такъ это только потому, что я имѣю счастіе пользоваться такимъ прекраснымъ, великодушнымъ слушателемъ; это твое просвѣщенное вниманіе внушаетъ мнѣ такія высокія мысли. — Нѣтъ, воскликнулъ онъ, ты геній, свѣточъ міра! и тутъ же приказалъ выдать мнѣ сто золотыхъ монетъ и облечь меня въ свои лучшія одежды. Въ благодарность я составилъ его гороскопъ, по которому оказалось, что онъ счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ; но признательность моя на этомъ еще не остановилась: я тотчасъ же обрилъ его и пустилъ ему кровь посредствомъ піявокъ.

Онъ продолжалъ въ томъ же родѣ еще болѣе получаса, а между тѣмъ время уходило, и я, утомленный его болтовней, въ отчаяніи—рѣшительно не зналъ, что ему сказать.—Ты правъ, воскликнулъ я наконецъ, дѣйствительно, во всемъ мірѣ не встрѣтить другого такого человѣка, который бы находилъ удовольствіе мучить людей и выводить ихъ изъ терпѣнія.

Но такъ какъ цирюльникъ оставался глухъ ко всѣмъ моимъ гнѣвнымъ вспышкамъ, то я подумалъ — не лучше ли подѣйствуетъ на него кротость? — Послушай, сказалъ я ему мягко, помолчи, ради Бога, хоть на одну минуту, и дѣлай свое дѣло. Серьезно говорю тебѣ, что мнѣ непремѣнно нужно быть въ одномъ мѣстѣ къ двѣнадцати часамъ.— Въ отвѣтъ на мои слова онъ какъ то покровительственно улыбнулся и сказалъ:—Ахъ, какъ бы хорошо было, еслибы люди всегда умѣли сдерживаться и управлять своими страстями. Отъ сколькихъ бѣдъ, непріятностей, они избавили бы и себя, и другихъ! Впрочемъ, тебя я не осуждаю: неровность твоего характера очевидно происходитъ отъ недавней болѣзни; тебѣ, другъ мой, нужны еще нѣкоторыя медицинскія наставленія, поэтому самое лучшее, что ты можешь сдѣлать—это послѣдовать благоразумному примѣру своего отца и дѣда, которые всегда обращались ко мнѣ во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ и, скажу безъ хва-

стовства, никогда не раскаявались въ своемъ довѣріи. Да это и понятно: нельзя ожидать удачи въ какомъ бы то ни было предпріятіи, если не посовѣтуешься съ опытными и просвѣщенными людьми. Умъ ума прибавляетъ, говоритъ пословица, а съ своей стороны я всегда готовъ къ твоимъ услугамъ и словомъ, и дѣломъ.

— Ну, такой готовности что то не видно, отвѣтилъ я съ сердцемъ; вотъ уже нѣсколько часовъ, какъ ты, противъ моего желанія, угощаешь меня скучными и ни къ чему не ведущими разговорами; благодаря твоей безтолковой болтовнѣ, я рискую не попасть туда, гдѣ меня ждутъ въ назначенный часъ. Итакъ, любезный, въ послѣдній разъ говорю тебѣ: или брей, или уходи!... При этомъ я вскочилъ даже съ мѣста и топнулъ ногой.

Увидя, что я разсердился не на шутку, онъ скорчилъ невинную рожу и отвѣчалъ съ покорностью:—Ну, за что же тутъ гнѣваться, господинъ? мы пожалуй сейчасъ и начнемъ, если тебѣ угодно. И дѣйствительно, онъ намылилъ мнѣ голову и началъ брить. Но не провелъ онъ бритвой и четырехъ разъ, какъ остановился и снова заболталъ:—Однако, дорогой господинъ, я вижу, ты очень вспыльчивъ. Не годится такъ; надо сдерживать себя. Ты знаешь, что гнѣвъ исходитъ отъ дьявола; къ тому же, надѣюсь, я заслуживаю большаго уваженія и по лѣтамъ, и по учености, и по своимъ другимъ, могу сказать, рѣдкимъ качествамъ....

— А ты брей, брей, прервалъ я его, поговоришь послѣ. — Такъ, такъ, продолжалъ онъ съ разстановкой, это значитъ, ты куда нибудь спѣшишь. Бьюсь объ закладъ, что я угадалъ.—Да какъ же тебѣ не угадать, отвѣтилъ я со злостью, когда я цѣлыхъ два часа только и твержу объ этомъ. Давно бы ужъ мнѣ нужно быть обритымъ.—Все въ свое время, дорогой мой господинъ; зачѣмъ такъ спѣшить? Ты знаешь, когда дѣлаешь что нибудь поспѣшно, всегда потомъ приходится раскаиваться. Такъ хорошо ли ты обдумалъ то, на что рѣшился? По крайней мѣрѣ я очень бы желалъ знать—какое это у тебя спѣшное дѣло? Можетъ быть, я и помогъ бы тебѣ своими совѣтами. Времени передъ тобой много; если не ошибаюсь, ты, кажется, говорилъ, что тебѣ нужно поспѣть куда то къ двѣнадцати часамъ, а до того еще три часа. — Значитъ, ты не знаешь, отвѣтилъ я, что порядочные люди стараются предупреждать назначенное имъ время.... Впрочемъ, совсѣмъ излишне говорить объ этомъ; я, кажется, начинаю уже заражаться твоимъ многорѣчіемъ. Кончай же скорѣй, кончай....

Но чѣмъ больше выражалъ я свое нетерпѣніе, тѣмъ менѣе онъ спѣшилъ. То онъ бралъ астролябію, то бритву; возьметъ одно—положитъ, снова возьметъ.

Наконецъ выборъ его остановился все таки не на бритвѣ, а на астролябіи; онъ взялъ ее и вышелъ съ ней на средину двора, чтобы

опредѣлить истинный полдень, а я тѣмъ временемъ принужденъ былъ сидѣть и ждать его съ полуобритой головой.—Видишь ли, закричалъ онъ, вернувшись, я зналъ, что не ошибаюсь; до настоящаго полудня еще три часа,—это такъ же несомнѣнно, какъ движеніе небесныхъ свѣтилъ.—Господи, Боже мой! воскликнулъ я, за что такое наказаніе!... Послушай, ты окончательно выводишь меня изъ терпѣнія, я больше не въ состояніи владѣть собой... Дождешься, проклятый, что я брошусь на тебя и задушу!...—Тише, тише, отвѣтилъ онъ спокойно; къ чему столько шума и волненій, ты вѣдь можешь заболѣть. Сиди смирно, и мы сейчасъ все покончимъ. Говоря это, онъ опять взялъ бритву, провелъ ею нѣсколько разъ по ремню, привязанному у него къ поясу, и началъ брить, хотя въ то же время все-таки никакъ не могъ воздержаться отъ разговоровъ.—Напрасно ты не хочешь открыть мнѣ, говорилъ онъ, куда и для чего ждутъ тебя къ двѣнадцати часамъ. Право, я очень и очень могъ бы пригодиться тебѣ. Тогда, желая какъ нибудь отвязаться отъ него, я имѣлъ неосторожность сказать, что спѣшу на пирушку, устроенную друзьями въ честь моего выздоровленія.

Не успѣлъ я вымолвить это, какъ цирюльникъ ударилъ себя рукою по лбу и воскликнулъ:—Ахъ, благодѣтель мой! да благословитъ тебя Богъ и нынче и во всѣ другіе дни! Вѣдь ты напомнилъ мнѣ, что у меня сегодня будутъ гости. Я также пригласилъ къ себѣ человѣкъ пять, шесть друзей, но совершенно забылъ объ этомъ и до сихъ поръ не сдѣлалъ еще никакихъ приготовленій къ ихъ пріему.—Это не бѣда, сказалъ я, желая задобрить его, у меня найдется кое что для того, чтобы ты могъ достойно принять своихъ друзей. Такъ какъ сегодня я не обѣдаю дома, то возьми, пожалуй, всю провизію, какая окажется; захвати также винъ, сколько нужно,—у меня превосходные сорта; но все это я дарю тебѣ съ тѣмъ условіемъ, чтобы ты обрилъ меня сію же минуту. И помни, добавилъ я, если отецъ мой награждалъ тебя за твои разговоры, то я, наоборотъ, готовъ щедро заплатить только за твое молчаніе.

Однако онъ не удовольствовался одними обѣщаніями и пожелалъ самолично убѣдиться въ достоинствѣ предложеннаго ему дара.—Я очень благодаренъ тебѣ за твои милости, и да вознаградитъ тебя Богъ сторицею! А все таки мнѣ надо же знать, какъ хозяину, чѣмъ придется угощать своихъ друзей,—я хочу, чтобы они остались вполнѣ довольны.—Не безпокойся, отвѣтилъ я, будутъ довольны: у меня есть цѣлый ягненокъ, каплунъ, съ дюжину цыплятъ и все, что требуется для первыхъ четырехъ блюдъ. Сдѣлавъ этотъ перечень, я приказалъ слугамъ, для наглядности, принести всю провизію въ мою комнату, вмѣстѣ съ четырьмя кувшинами различныхъ винъ.—Вотъ что хорошо, такъ хорошо! воскликнулъ цирюльникъ, потирая руки; еслибы сюда еще плодовъ, да нѣкоторыхъ приправъ къ мясу, угощеніе вышло бы на славу. Я при-

казалъ выдать ему и это. Тогда, положивъ бритву, онъ сталъ, не спѣша, осматривать одну вещь за другой, и этотъ осмотръ длился болѣе получаса, такъ что я снова вышелъ изъ терпѣнія и разразился проклятіями; но это нисколько не подѣйствовало на моего мучителя: покончивъ съ провизіей, онъ также медленно сталъ оттачивать бритву о ремень, провелъ ею нѣсколько разъ по моей головѣ и снова остановился.— Однако, началъ онъ, говоря по совѣсти, я не ожидалъ, чтобы ты былъ такой щедрый. Хвала тебѣ и честь, достойный сынъ своего отца. Конечно, ты меня не знаешь, и я не успѣлъ еще заслужить твоихъ милостей, но это все равно,—за мной добро никогда не пропадаетъ. Сказать по правдѣ, ты мнѣ сдѣлалъ очень большое одолженіе, потому что я только и живу помощью добрыхъ людей, хотя при этомъ все таки не унываю и не падаю духомъ... Вотъ точно также, какъ баньщикъ Зантутъ, какъ Сали, уличный торговецъ жаренымъ горохомъ, Салузъ, продавецъ бобовъ, Акерша, что торгуетъ разными травами, Абу-Мекарэсъ, что поливаетъ пыль на улицахъ, или Кассэмъ—солдатъ дворцовой стражи... Все это мои друзья, люди, живущіе изо дня въ день, но, кажется, болѣе довольные судьбой, чѣмъ самъ калифъ въ своемъ дворцѣ. Ни ссоры у нихъ, ни брани, а веселы такъ, что готовы цѣлый день пѣть и плясать. Да, могу тебя увѣрить, съ этими людьми не впадешь въ меланхолію. У каждаго есть свои особыя пѣсни и свои танцы, которыми они забавляютъ весь Багдадъ, но за что я особенно люблю ихъ и уважаю, такъ это за необыкновенную скромность и сдержанность въ рѣчахъ; они ужъ не скажутъ лишняго слова, и въ этомъ отношеніи твой покорный слуга имѣетъ съ ними много общаго; а приглядѣлся я къ нимъ такъ, что каждаго могу представить, какъ двѣ капли воды, похоже. Хочешь, я изображу тебѣ сейчасъ, какъ поетъ и пляшетъ Зантутъ?

И, не дожидаясь отвѣта, онъ запѣлъ и началъ отплясывать, сперва представляя Зантута, а потомъ и другихъ своихъ пріятелей. Какъ я ни убѣждалъ его прекратить это отвратительное кривлянье, онъ ничего не слушалъ и не угомонился до тѣхъ поръ, пока ни изобразилъ всѣхъ шестерыхъ поочередно. Окончивъ, онъ остановился передо мной и сказалъ:—А знаешь что, брось ты свою пирушку, и пойдемъ ко мнѣ. Я соберу большую компанію, и повѣрь, тебѣ во сто разъ будетъ веселѣе съ нами, чѣмъ въ обществѣ своихъ друзей. Тѣ, пожалуй, заведутъ такіе скучные разговоры, что ты только утомишься, отъ чего можешь расхвораться,—у насъ же тебя ожидаетъ одно непрерывное удовольствіе.

Это забавное предложеніе, несмотря на всю мою досаду, заставило меня снова разсмѣяться, и я сказалъ:—Охотно вѣрю, что у тебя должно быть очень весело, и потому съ удовольствіемъ принялъ бы твое приглашеніе, еслибы прежде не далъ слова другимъ. Итакъ, сегодня прошу уволить меня, а въ другое—свободное время—я къ твоимъ услугамъ

хоть на цѣлый день, только, ради Бога, обрей меня поскорѣй и иди къ своимъ друзьямъ; они, можетъ быть, давно уже собрались. Но онъ не такъ то скоро отвязался отъ меня съ своими просьбами и все продолжалъ настаивать:—Нѣтъ ужъ, дорогой благодѣтель, не откажи въ этой милости и пожалуй ко мнѣ повеселиться. Еслибы ты только зналъ, что это за милые люди—мои друзья...—Ну, довольно объ этомъ, прервалъ я его: сказалъ, что не могу сегодня, значитъ—не могу.

— Жаль, отвѣтилъ онъ. Впрочемъ я человѣкъ сговорчивый, не хочу настаивать; но если ты ужъ не можешь идти со мной, то позволь въ такомъ случаѣ сопровождать тебя. Обо мнѣ ты не безпокойся: я живо отнесу всю эту провизію домой и тотчасъ же вернусь обратно. Пускай мои гости, какъ хотятъ, угощаются одни, а я неспособенъ на такую невѣжливость, чтобы отпустить тебя одного; къ тому же ты самъ по себѣ заслуживаешь моего полнаго вниманія.

— Господи! взывалъ я внутренно, неужели никакими средствами я не могу избавиться отъ этого несноснаго человѣка!—Честью прошу тебя, обратился я къ нему, прекрати свои разговоры и отправляйся къ своимъ друзьямъ; пей съ ними, ѣшь, веселись и избавь меня отъ своей особы. Мнѣ не нужно никакихъ провожатыхъ, и притомъ я долженъ тебѣ сказать, что тебя даже не примутъ тамъ, гдѣ желаютъ видѣть только меня.—Ну, это ужъ ты изволишь шутить, господинъ, отвѣтилъ онъ съ недовѣрчивой улыбкой; какіе же это друзья, которые бы не захотѣли принять приведеннаго тобой гостя? Напротивъ, я увѣренъ, ты доставишь имъ большое удовольствіе, приведя съ собой человѣка, который умѣетъ и поговорить, и позабавить общество. Нѣтъ, это дѣло рѣшеное: я иду съ тобой.

— Что тутъ дѣлать? раздумывалъ я про себя: если противорѣчить этому проклятому краснобаю, спору нашему не будетъ конца. Къ довершенію своей тревоги, я уже слышалъ первые призывные клики къ полуденной молитвѣ, и медлить долѣе становилось для меня невозможнымъ, поэтому я рѣшилъ молчать и дѣлать видъ, что соглашаюсь на его предложеніе. Такой способъ, повидимому, подѣйствовалъ лучше всѣхъ другихъ; по крайней мѣрѣ на этотъ разъ цирюльникъ добрилъ меня уже безъ перерыва.—Теперь, сказалъ я ему, возьми моихъ слугъ и отнеси съ ними провизію къ себѣ домой; я подожду тебя, а когда ты вернешься, мы отправимся вмѣстѣ.

Наконецъ то мнѣ удалось выпроводить этого безотвязнаго человѣка; я вздохнулъ съ облегченіемъ и поспѣшно сталъ одѣваться; слышался уже послѣдній призывъ къ молитвѣ,—нужно было торопиться, чтобы не пропустить назначеннаго свиданія, и потому, выйдя изъ дома, я чуть не бѣгомъ направился вдоль улицы; но проклятый цирюльникъ, вѣроятно, догадался о моемъ намѣреніи обмануть его и принялъ свои

мѣры: онъ не пошелъ съ моими слугами къ себѣ, а только указалъ имъ издали на свой домъ и велѣлъ отнести туда провизію, самъ же, спрятавшись за угломъ улицы, сталъ наблюдать за мной. Подойдя уже къ самому дому кади, я оглянулся въ послѣдній разъ и увидалъ на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ своего ненавистнаго врага. Это разсердило меня выше всякой мѣры.

Но что я могъ сдѣлать противъ такого нахала? Волей-неволей мнѣ пришлось на его глазахъ войти въ полуоткрытую дверь завѣтнаго дома, гдѣ меня тотчасъ же встрѣтила старуха, моя ходатайница, и повела въ то святилище, о которомъ я мечталъ столько времени. Но не успѣлъ я сѣсть и разговориться съ своей возлюбленной, какъ съ улицы послышался шумъ; красавица быстро отдернула оконную занавѣску и увидала своего отца, возвращающагося съ молитвы; я тоже тревожно обернулся въ ту сторону, и взглядъ мой прямо упалъ на цирюльника, сидѣвшаго на той самой скамейкѣ, откуда я въ первый разъ увидалъ свою возлюбленную.

Такимъ образомъ мнѣ угрожала двойная опасность—и со стороны возвратившагося отца, и со стороны ненавистнаго цирюльника. Относительно перваго красавица успокоила меня, сказавъ, что она предвидѣла эту случайность и приняла свои мѣры; къ тому же отецъ очень рѣдко заходилъ въ ея комнату. Но упрямая назойливость цирюльника причиняла мнѣ сильное безпокойство, и вы увидите, господа, что это опасеніе было небезосновательно.

Не успѣлъ кади войти въ свой домъ, какъ ему подвернулся какой то рабъ, чѣмъ то провинившійся передъ нимъ, и онъ своеручно началъ

колотить его палкой; рабъ закричалъ во все горло, и крики его явственно слышались на улицѣ. Тогда мой непрошенный покровитель вообразилъ, что бьютъ меня и что это мой крикъ. Какъ угорѣлый, онъ выбѣжалъ на средину улицы и принялся орать неистовымъ голосомъ, созывая на помощь весь околодокъ, который и дѣйствительно сбѣжался. Стали его спрашивать—что съ нимъ, и въ какой помощи онъ нуждается?—Моего друга и благодѣтеля бьютъ,—вопилъ онъ, не переставая рвать на себѣ одежду и волосы, а можетъ быть и убиваютъ! И, не говоря болѣе ни слова, онъ опрометью побѣжалъ въ мой домъ и вскорѣ же вернулся въ сопровожденіи всѣхъ моихъ слугъ, вооруженныхъ палками. Они подступили къ дому кади и подняли страшный гвалтъ. Высланный слуга, увидавъ толпу вооруженныхъ, бросился къ своему господину и объявилъ, дрожа отъ страха:—О, господинъ! Передъ твоимъ домомъ стоитъ цѣлая орава разбойниковъ... они хотятъ вломиться къ тебѣ и вышибаютъ уже двери!...

Тогда кади самъ вышелъ отворить имъ; но, несмотря на почтенный видъ сановника, слуги мои встрѣтили его бранью и криками.—Проклятый кади! шумѣли они, за что ты убиваешь нашего господина, что онъ сдѣлалъ тебѣ, собачій сынъ!...

— Опомнитесь, добрые люди, возразилъ имъ старикъ, какъ могу я убивать вашего господина, если совсѣмъ даже не знаю его? Впрочемъ, домъ мой открытъ: входите, смотрите и увѣрьтесь своими глазами.—Нечего заговаривать то насъ, воскликнулъ цирюльникъ, выступая впередъ, ты билъ моего благодѣтеля, это несомнѣнно; я самъ слышалъ его крики не далѣе, какъ за нѣсколько минутъ.—Да говорю же вамъ, возразилъ кади, что я не знаю вашего господина, такъ за что же буду бить его, если онъ не могъ мнѣ сдѣлать ничего дурного? Наконецъ, почему вы думаете, что онъ здѣсь? Его никто бы не впустилъ безъ меня.—

А ты не лги, отвѣтилъ цирюльникъ, берегись, мы вѣдь не посмотримъ на твою длинную бороду, злой кади! Развѣ я не знаю, что твоя дочь влюблена въ этого молодаго человѣка и назначила ему свиданіе въ твоемъ домѣ, во время полуденной молитвы; тебѣ же, вѣроятно, кто нибудь шепнулъ объ этомъ,—вотъ ты и вернулся не въ урочный часъ, засталъ любовника у своей дочери и приказалъ своимъ слугамъ бить его палками. Что, не правда? Но только тебѣ не удастся увернуться безнаказанно: если на то пойдетъ, я доведу все дѣло до самого калифа, и онъ расправится съ тобой по своему. Такъ выпусти сейчасъ же моего благодѣтеля,—хуже будетъ, если мы освободимъ его сами.—Къ чему столько ненужныхъ словъ и столько шуму? отвѣтилъ спокойно кади; если правда то, что ты говоришь, входите и ищите, я вамъ позволяю. Только что онъ успѣлъ это сказать, какъ цирюльникъ, словно безумный, ворвался въ домъ въ сопровожденіи моихъ слугъ и началъ разыскивать меня по всѣмъ закоулкамъ.

Мнѣ дословно былъ слышанъ разговоръ цирюльника съ кади, и потому, въ виду неминуемой опасности, я началъ пріискивать себѣ какое нибудь убѣжище, но второпяхъ не находилъ ничего подходящаго. Вдругъ мнѣ попался большой, порожній сундукъ; не раздумывая долго, я влѣзъ туда и захлопнулъ за собой крышку. Между тѣмъ цирюльникъ продолжалъ обыскивать все, до мышиной норки, наконецъ добрался и до той комнаты, гдѣ я находился. Онъ подошелъ къ сундуку, открылъ его и, увидя меня, тотчасъ же закрылъ, взвалилъ сундукъ себѣ на спину и направился къ выходу. Онъ благополучно спустился съ довольно крутой

лѣстницы, вышелъ во дворъ и, быстро пройдя сквозь толпу слугъ, очутился на улицѣ; но тутъ, къ моему ужасу, сундукъ открылся, и я оказался вдругъ выставленнымъ на позорище передъ несмѣтной толпой, окружавшей насъ. Сгорая отъ стыда, я поспѣшно выскочилъ на мостовую, но такъ неудачно, что сломалъ себѣ ногу и съ тѣхъ поръ навѣкъ остался хромымъ. Въ первую минуту, однакожъ, я не почувствовалъ особенной боли и сгоряча пустился бѣжать, преслѣдуемый насмѣшками тысячи людей. Чтобы отвлечь отъ себя ихъ вниманіе, я пріостанавливался время отъ времени и горстями бросалъ въ народъ золотыя и серебряныя монеты, бывшія у меня въ карманѣ, а пока толпа, напирая другъ на друга, кидалась ихъ поднимать, я бѣжалъ все дальше и дальше. И эта уловка удалась бы мнѣ навѣрное, еслибы опять не проклятый цирюльникъ, который преслѣдовалъ меня по пятамъ и оралъ во все горло:—Остановись, господинъ, опасность миновала, зачѣмъ же ты убѣгаешь такъ скоро? О, злой, ненавистный кади, какъ онъ напугалъ тебя своими палками!... Еслибы ты зналъ, каково мнѣ видѣть избитымъ своего щедраго, великодушнаго друга! И зачѣмъ ты не послѣдовалъ моему совѣту, отчего не принялъ моихъ услугъ? Хорошо еще, что я догадался слѣдить за тобой и видѣлъ, куда ты вошелъ, а то—кто знаетъ—можетъ быть тебя уже не было бы въ живыхъ.... Остановись же, господинъ, подожди меня!...

Такъ не отставалъ отъ меня мой злой демонъ, привлекая своими неистовыми криками все новыя и новыя толпы любопытныхъ; ему, проклятому, мало было обезславить меня на весь кварталъ,—нѣтъ, онъ старался прокричать о моемъ стыдѣ на весь городъ. Была минута, когда мнѣ дѣйствительно хотѣлось подождать его, чтобы задушить на мѣстѣ; но такъ какъ это могло бы только ухудшить мое положеніе, то я продолжалъ бѣжать безъ оглядки. Между тѣмъ, помимо толпы, слѣдовавшей за нами, народъ глазѣлъ на меня отовсюду—и изъ воротъ, и изъ открытыхъ оконъ домовъ; не зная, куда дѣваться отъ стыда и насмѣшекъ, я забѣжалъ въ каганъ и тутъ, къ своему счастію, встрѣтилъ знакомаго смотрителя, котораго упросилъ пріютить меня на время, а главное—ни подъ какимъ видомъ не пускать за мной цирюльника. Смотритель въ точности исполнилъ мою просьбу, хотя ему стоило большаго труда отвязаться отъ этого назойливаго человѣка; онъ ушелъ только послѣ долгой и крупной перебранки, но, возвращаясь по улицамъ, разсказывалъ всѣмъ и каждому,—разумѣется, въ самомъ преувеличенномъ видѣ,—о той великой услугѣ, какую будто бы оказалъ мнѣ.

Послѣ того я просилъ смотрителя, чтобы онъ позволилъ мнѣ остаться у него, пока не заживетъ нога.—Да не удобнѣе ли тебѣ будетъ въ своемъ собственномъ домѣ? возразилъ онъ.—О, нѣтъ, нѣтъ, избави Богъ! воскликнулъ я, ни за что на свѣтѣ не вернусь туда. Этотъ убійственный

человѣкъ не преминетъ явиться ко мнѣ и будетъ надоѣдать ежечасно; вѣдь онъ способенъ уморить одной своей болтовней. Къ тому же, я не могу оставаться въ этомъ городѣ послѣ всего, что со мной случилось, и уѣду отсюда, куда глаза глядятъ, куда поведетъ меня несчастная судьба. И дѣйствительно, какъ только нога моя перестала болѣть, я немедленно собрался въ путь, взялъ съ собой денегъ, сколько было, а все остальное имущество передалъ роднымъ.

Итакъ, чтобы избавиться отъ этого проклятаго цирюльника, я покинулъ отечество, родныхъ и друзей, переселился въ эту далекую страну, гдѣ надѣялся уже никогда его не встрѣтить, и вдругъ онъ является здѣсь, среди васъ! Послѣ этого не удивляйтесь, что я спѣшу удалиться отсюда; вамъ должно быть понятно, какъ тяжело мнѣ видѣть человѣка, которому я обязанъ своей хромотой и всѣмъ своимъ несчастіемъ. Прощайте же, господа!

Сказавъ это, молодой человѣкъ всталъ и вышелъ; хозяинъ проводилъ его до двери, выражая свое сожалѣніе, что невольно доставилъ ему такую непріятность.

Мы всѣ недружелюбно взглянули на цирюльника и заявили ему, что онъ виноватъ кругомъ, если все, что мы слышали сейчасъ, справедливо.—Господа, отвѣтилъ онъ, въ первый разъ поднимая голову, молчаніе, которое я хранилъ во все время, уже само по себѣ служитъ достаточнымъ доказательствомъ, что разсказъ молодого человѣка неопровержимо вѣренъ истинѣ съ начала до конца; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы вина въ его несчастіи падала на меня,—напротивъ, я твердо убѣжденъ, что поступилъ въ этомъ дѣлѣ такъ, какъ слѣдовало поступить. Будьте справедливы, господа, не самъ ли онъ бросился въ опасность наперекоръ моимъ предостереженіямъ, и, притомъ, развѣ онъ вышелъ бы изъ нея такъ счастливо безъ моей помощи? Тутъ ему пришлось бы поплатиться не одной хромотой.... Да наконецъ, развѣ я не подвергался во сто разъ большей опасности, когда рѣшился выручить его изъ дома, гдѣ, по моему предположенію, онъ могъ быть убитъ разгнѣваннымъ отцомъ? Такъ подобаетъ ли ему жаловаться на меня, да еще осыпать такими оскорбленіями?... Нѣтъ, видно, нынче не жди благодарности за свои услуги!... Онъ вотъ, напримѣръ, упрекаетъ меня въ болтливости,—вѣдь это такой чистѣйшій вздоръ, что не стóитъ даже оправдываться. Изъ семерыхъ братьевъ въ нашей семьѣ—вашъ покорный слуга всегда былъ самымъ скромнымъ, молчаливымъ и, надо добавить, самымъ умнымъ. Я, пожалуй, сейчасъ разскажу вамъ и о себѣ, и о нихъ, тогда вы сами увидите, насколько это вѣрно:

Разсказы цирюльника.

Въ царствованіе калифа Мостансэра Биллаха *), того великодушнаго монарха, что прославился своими щедрыми благодѣяніями бѣднякамъ,—разбойничья шайка изъ десяти человѣкъ свирѣпствовала уже съ давнихъ поръ по окрестностямъ Багдада, грабила караваны на дорогахъ, истязала и убивала людей. Наконецъ ея звѣрскія дѣянія дошли до свѣдѣнія самого калифа, и, за нѣсколько дней до праздника Байрама, призвавъ къ себѣ начальника полиціи, онъ объявилъ ему:—Если дорожишь своей жизнью, излови немедленно и приведи ко мнѣ всѣхъ десятерыхъ разбойниковъ.

Испуганный начальникъ, разумѣется, постарался избавиться отъ бѣды; для этого онъ тотчасъ же разослалъ по всѣмъ направленіямъ многочисленные отряды вооруженныхъ солдатъ, и въ самый день Байрама имъ удалось изловить всю разбойничью шайку. Какъ разъ въ то время я прогуливался по берегу Тигра и вдругъ вижу—какіе то богато одѣтые господа садятся въ лодку; хотя не трудно было бы сразу догадаться, что это разбойники, стоило только обратить вниманіе на вооруженную стражу, но въ ту минуту я смотрѣлъ исключительно на самихъ щеголей, любуясь роскошью ихъ одеждъ, и это тутъ же навело меня на мысль, что они навѣрное собрались куда нибудь попировать и повеселиться по случаю праздника; безъ всякихъ разговоровъ, я прямо вскочилъ въ лодку вмѣстѣ съ ними, въ полной увѣренности, что буду съ удовольствіемъ принятъ въ ихъ общество, какъ самый пріятный собесѣдникъ. Пока мы плыли по рѣкѣ, направляясь къ царскому дворцу, я

*) Калифъ Мостансэръ Биллахъ взошелъ на тронъ въ 640 году отъ эпры, т. е. въ 1226 г. отъ Р. Хр. Онъ былъ тридцать седьмымъ калифомъ изъ рода Абассидовъ. (Галланъ).

конечно успѣлъ сообразить, что ошибся въ своихъ разсчетахъ, и понялъ, какого рода люди меня окружали, но возврата уже не было, и вскорѣ наша лодка причалила къ берегу, гдѣ стояла наготовѣ еще другая стража, подъ предводительствомъ самого начальника полиціи; по его распоряженію, она тотчасъ же всѣхъ перевязала, скрутивъ руки назадъ, и повела во дворецъ калифа. Также, какъ и другіе, я молча покорился своей участи, хорошо зная, что никакое сопротивленіе и никакія объясненія тутъ не помогутъ, а только, пожалуй, навлекутъ еще и побои; вѣдь эти грубые солдаты никогда ничего не разбираютъ и рады проявить свою силу надъ всякимъ, кто бы ни попался имъ въ руки, будь онъ невиненъ, какъ агнецъ, а такъ какъ, вдобавокъ, я находился еще среди разбойниковъ, то этого было вполнѣ достаточно, чтобы принять меня за одного изъ нихъ.

Только что мы успѣли войти въ тронную залу, какъ государь, обратившись къ палачу, отдалъ ему приказъ тутъ же, немедленно, отрубить головы всѣмъ десятерымъ разбойникамъ.—Поставь ихъ въ рядъ и руби по порядку, добавилъ онъ.—Тотъ выстроилъ насъ въ прямую линію, при чемъ, на свое счастіе, я очутился послѣднимъ, и началъ рубить съ плеча, отсчитывая падавшія головы; когда же на полъ скатилась десятая, онъ остановился. Калифъ, видя, что я остался въ живыхъ, гнѣвно крикнулъ ему:—Забылъ ты, что ли, мое приказаніе обезглавить всѣхъ десятерыхъ разбойниковъ? Что же медлишь съ послѣднимъ?—Повелитель правовѣрныхъ, отвѣчалъ палачъ, сохрани меня Богъ ослушаться твоего величества! Вотъ ровно десять мертвыхъ тѣлъ и столько же отрубленныхъ головъ. Прикажи хоть пересчитать.—Калифъ сдѣлалъ это самъ и, убѣдившись въ вѣрности счета, съ удивленіемъ остановилъ на мнѣ свой царственный взглядъ; лицо мое, конечно, сразу доказало ему, что я честный гражданинъ, и онъ милостиво обратился ко мнѣ съ такимъ вопросомъ:—Кто же ты, почтенный старикъ, и по какому несчастному случаю могъ попасть въ среду этихъ изверговъ, заслужившихъ тысячи смертей?—Я отвѣтилъ ему:—Повелитель правовѣрныхъ! Благоволи выслушать мое чистосердечное признаніе: Сегодня утромъ я пошелъ прогуляться по берегу Тигра и вдругъ увидалъ вотъ этихъ самыхъ, неизвѣстныхъ мнѣ, людей, надъ которыми проявилось непогрѣшимое правосудіе твоего величества; они всѣ садились въ лодку, и мнѣ вздумалось тоже сѣсть съ ними вмѣстѣ, такъ какъ, судя по ихъ роскошнымъ одеждамъ, я несомнѣвался, что они собрались куда нибудь на пирушку, чтобы отпраздновать нынѣшній день, самый великій въ нашей религіи.

Мое приключеніе разсмѣшило калифа; потомъ онъ немало дивился той твердости, съ какой я готовился принять незаслуженную казнь, не проронивъ при этомъ ни слова. Вотъ видите ли, господа, самъ государь отдалъ мнѣ справедливость, а этотъ хромоногій юнецъ еще осмѣливается

называть меня болтуномъ!...—Повелитель правовѣрныхъ! сказалъ я тогда, дозволь объяснить твоему величеству, почему я хранилъ молчаніе даже и при такихъ обстоятельствахъ, когда всякій другой на моемъ мѣстѣ не преминулъ бы разразиться цѣлымъ потокомъ безтолковыхъ словъ. Дѣло все въ томъ, что молчаливость и скромность—мои прирожденныя качества; съ юныхъ лѣтъ я развивалъ ихъ въ себѣ путемъ философскихъ размышленій и тѣмъ пріобрѣлъ всеобщее уваженіе, которымъ справедливо горжусь. Меня такъ всѣ и прозвали *молчаливымъ*, въ отличіе отъ моихъ шести братьевъ.—Очень радъ, съ улыбкой отвѣтилъ калифъ, что ты такъ неуклонно оправдываешь свое почетное прозваніе; но скажи мнѣ, похожи ли были на тебя твои братья?—О, нисколько, государь, ни характеромъ, ни наружностью. Вопервыхъ, всѣ они были одинъ другого болтливѣе, да и съ виду между нами существовала такая же разница, какъ между небомъ и землей. Вотъ изволь судить самъ: старшій былъ горбатъ, второй—щербатъ, третій—кривъ на правый глазъ, четвертый—совсѣмъ слѣпъ на оба, у пятаго—уши были отрѣзаны, у шестого—губы разсѣчены, какая же при этомъ можетъ быть красота?... Еслибъ я имѣлъ честь разсказать о нѣкоторыхъ событіяхъ въ жизни каждаго изъ моихъ братьевъ, это дало бы твоему величеству полное понятіе о нихъ.—Затѣмъ, увидавъ по лицу калифа, что онъ охотно готовъ меня выслушать, я началъ, не дожидаясь его позволенія:

О старшемъ братѣ Бакбукѣ.

Мой старшій братъ Бакбукъ родился горбуномъ; по ремеслу онъ былъ портной и имѣлъ свою мастерскую прямо противъ мельницы. Первое время, когда заказчиковъ у него еще не было, онъ терпѣлъ большую нужду и перебивался кое какъ изо дня въ день; сосѣдъ же его, мельникъ, жилъ очень хорошо, и у него была красавица жена. Однажды братъ мой, занимаясь въ своей мастерской, случайно поднялъ голову и увидалъ въ противоположномъ окнѣ свою сосѣдку, смотрѣвшую на улицу; онъ сразу плѣнился ея красотой и воспылалъ къ ней самой нѣжной страстью, она же, не обративъ на него никакого вниманія, захлопнула окно и больше во весь этотъ день не появлялась. Однако братъ мой не терялъ надежды; онъ непрерывно взглядывалъ на мельницу, бросая работу, волновался, то и дѣло кололъ себѣ пальцы и наконецъ, прождавъ понапрасну до поздняго вечера, съ сожалѣніемъ заперъ свою мастерскую и уныло побрелъ домой. Безпокойно проведенная ночь не помѣшала ему встать на утро еще ранѣе обыкновеннаго и немедленно бѣжать въ мастерскую, съ тайной надеждой увидать свою возлюбленную. Но и этотъ день оказался неудачнымъ: красавица появилась всего только разъ, да и то на одну минуту, однакожъ и этой минуты было вполнѣ достаточно, чтобы наполнить его душу блаженствомъ. На третій день наконецъ счастье улыбнулось ему: мельничиха, стоя у окна, случайно взглянула въ его сторону и, замѣтивъ, съ какимъ страстнымъ восторгомъ онъ смотрѣлъ на нее, сразу поняла, что должно происходить въ его сердцѣ.

Повелитель правовѣрныхъ, продолжалъ я, эта коварная женщина проникла въ тайные помыслы моего брата и, вмѣсто того, чтобы выразить ему свое равнодушіе, задумала потѣшиться надъ нимъ: она взглянула на него съ такой поощрительной улыбкой, что бѣдный горбунъ совсѣмъ разнѣжился и сталъ пожирать ее глазами, улыбаясь во весь ротъ. При этомъ онъ такъ былъ смѣшонъ, что мельничиха, опасаясь расхохотаться, поспѣшила захлопнуть окно. Наивный Бакбукъ однако истолковалъ этотъ поступокъ въ свою пользу, объяснивъ смущеніемъ красавицы отъ его пламенныхъ взглядовъ.

Мельничиха, съ своей стороны, не замедлила поддержать въ немъ это пріятное заблужденіе: въ тотъ же день она послала ему съ своей молодой невольницей кусокъ очень хорошей матеріи, изъ котораго давно уже собиралась шить себѣ платье. Невольница, наученная своей госпожей, вошла въ мастерскую брата и сказала, подавая ему матерію, завернутую въ красивый платокъ, вышитый шелками.—Госпожа моя кланяется тебѣ и проситъ сдѣлать ей платье по мѣркѣ, какая тутъ приложена. Она очень часто заказываетъ себѣ обновки, такъ что работы тебѣ

будетъ всегда вволю. Братъ былъ въ двойномъ восторгѣ отъ этого заказа, который сулилъ ему и выгодный заработокъ, и благосклонность красавицы.—Она неравнодушна ко мнѣ, сообразилъ онъ, и работу прислала только за тѣмъ, чтобы завязать со мной знакомство.—Полный этого радостнаго сознанія, портной сказалъ невольницѣ:—Передай своей госпожѣ, что, ради нея, я все брошу и постараюсь къ завтрашнему дню исполнить ея заказъ. Дѣйствительно, онъ принялся работать съ такимъ усердіемъ, что платье было готово еще до наступленія вечера.

На другое утро молодая невольница снова вбѣжала въ мастерскую спросить, готовъ ли заказъ. Бакбукъ подалъ ей свертокъ и сказалъ выразительно: — Я слишкомъ дорожу мнѣніемъ твоей госпожи, чтобы не сдержать даннаго слова. Видя мое стараніе, она, можетъ быть, не станетъ заказывать своихъ платьевъ никому, кромѣ меня.

Рабыня приняла свертокъ и уже направилась было къ выходу, но вдругъ, какъ бы спохватившись, вернулась и проговорила въ полголоса:— О главномъ то и забыла: госпожа моя кланяется тебѣ и желаетъ знать, хорошо ли ты провелъ эту ночь? Сама же она, бѣдняжка, со вчерашняго дня не знаетъ покоя и чуть не бредитъ тобой.—О, скажи ей, воскликнулъ мой дурень братъ, совсѣмъ ошалѣвшій отъ восторга, вотъ уже цѣлыхъ три ночи я не смыкаю глазъ! Понятное дѣло, что послѣ такихъ объясненій онъ уже не сомнѣвался въ скоромъ и окончательномъ сближеніи съ своей возлюбленной.

Не прошло и четверти часа, какъ молодая невольница явилась снова и, подавая брату кусокъ атласной матеріи, сказала: — Госпожа велѣла благодарить тебя, она очень и очень довольна твоей работой: платье вышло такъ хорошо, нарядно, и такъ идетъ къ ней, что она непремѣнно хочетъ сдѣлать къ нему новыя шаровары. Вотъ тебѣ атласъ, потрудись же, если можно, сшить ихъ поскорѣе. — Съ удовольствіемъ, отвѣтилъ Бакбукъ, сегодня же, до закрытія мастерской, онѣ будутъ готовы; къ вечеру ты можешь придти за ними.... Невольница ушла, а мельничиха въ тотъ день непрерывно появлялась у окна, словно желая вознаградить своего обожателя за усиленный трудъ. Эти частыя появленія волновали брата и сильно отвлекали его отъ работы, однако шаровары къ вечеру все таки были готовы. Невольница пришла за ними, но о деньгахъ какъ за эту работу, такъ и за предыдущую—не было и помину. А между тѣмъ этотъ несчастный, служившій только посмѣшищемъ коварной женщинѣ, во весь день ничего не ѣлъ и принужденъ былъ занять нѣсколько мелкихъ монетъ, чтобы утолить свой голодъ. На слѣдующее утро, лишь только онъ открылъ мастерскую, какъ опять вошла невольница и объявила, что самъ хозяинъ проситъ его къ себѣ и желаетъ сдѣлать ему заказъ.— Моя госпожа, добавила она, наговорила о тебѣ своему мужу столько хорошаго, что онъ непремѣнно хочетъ съ тобой познакомиться.

Ты понимаешь, она устроила такъ нарочно, чтобы удобнѣе достигнуть вашего обоюднаго желанія.—Бакбукъ, по простотѣ сердечной, повѣрилъ всему и съ радостью отправился на мельницу, въ сопровожденіи рабыни. Хозяинъ принялъ его очень привѣтливо и сказалъ, подавая ему кусокъ холста:—Мнѣ нужно двѣ дюжины рубашекъ, потрудись сшить ихъ изъ этого, а что останется, принеси мнѣ.

Моему брату хватило дней на шесть непрерывной работы съ этими рубашками, а когда онъ приготовилъ ихъ, мельникъ далъ ему еще такой же кусокъ полотна и велѣлъ сшить изъ него двадцать штукъ нижнихъ шароваръ. По выполненіи заказа, Бакбукъ отнесъ его на мельницу, а на вопросъ хозяина, сколько ему слѣдуетъ за работу, отвѣтилъ, запинаясь, что удовольствуется и двадцатью серебряными драхмами. Передъ уплатой, по обыкновенію, монеты надо было свѣсить; молодая невольница принесла вѣски и взглянула на портного съ такимъ выразительнымъ укоромъ, что онъ понялъ сразу тайное значеніе этого взгляда: ему

не слѣдовало брать денегъ, чтобы не испортить всего дѣла.—Не безпокойся, сосѣдъ, сказалъ онъ хозяину, я пока не нуждаюсь въ деньгахъ. А въ дѣйствительности онѣ были нужны ему до зарѣзу. Онъ уже давно жилъ впроголодь и прибѣгалъ къ займу, чтобы купить нитокъ и прикладъ для заказной работы. Прямо отъ мельника онъ пришелъ ко мнѣ

съ просьбой ссудить ему сколько нибудь на прожитье, сказавъ при этомъ, что не получалъ пока ничего за свой трудъ. Я далъ, сколько могъ, и онъ просуществовалъ на это еще нѣсколько дней, питаясь только вареннымъ мясомъ, да и то не вдоволь.

Однажды онъ пришелъ на мельницу въ то время, какъ хозяинъ пускалъ ее въ ходъ. Думая, что портной желаетъ получить свои деньги, тотъ уже вынулъ было кошелекъ и сталъ отсчитывать монеты, какъ вдругъ лукавый подвернулъ тутъ молодую невольницу, которая снова бросила на бѣднягу такой выразительный взглядъ, что ему поневолѣ пришлось опустить уже протянутую руку. — Да нѣтъ, сосѣдъ, проговорилъ онъ въ смущеніи, я вѣдь пришелъ не за деньгами, а чтобы узнать только о твоемъ здоровьѣ. Мельникъ поблагодарилъ его за вниманіе и тутъ же заказалъ сшить для себя верхнее платье. Бакбукъ принесъ ему этотъ заказъ на другой же день, но невольница опять таки не дала ему получить денегъ, и бѣднякъ уныло вернулся въ свою мастерскую, мучимый тремя самыми тяжкими болѣзнями—несчастной любовью, голодомъ и безденежьемъ.

Коварная мельничиха не удовольствовалась тѣмъ, что заставила моего брата работать даромъ на себя и на своего мужа, она еще жестоко насмѣялась надъ нимъ: прикинувшись оскорбленной любовью горбуна, она уговорила мужа отомстить непрошенному обожателю. И вотъ однажды мельникъ пригласилъ моего брата къ себѣ на вечеръ, угостилъ плохимъ ужиномъ и при окончаніи его сказалъ:—Слушай ка, сосѣдъ, тебѣ ужъ поздно теперь возвращаться домой, ночуй лучше у меня. Бакбукъ охотно согласился на это предложеніе, и хозяинъ тотчасъ же отвелъ его въ отдѣльную комнату, гдѣ стояла кровать, простился съ нимъ и ушелъ съ женой въ свою спальню. Среди ночи онъ явился къ моему брату и, растолкавъ его, сказалъ:—Ты спишь, сосѣдъ? А у меня горе: мой мулъ что то занемогъ и не въ силахъ работать; зерна же, какъ нарочно, осталось много недомолотаго; ты сдѣлалъ бы для меня большое одолженіе, еслибъ хоть малость повертѣлъ мельницу. Бакбукъ, желая угодить хозяину, отвѣтилъ, что съ удовольствіемъ исполнитъ это, если ему покажутъ, какъ приняться за дѣло. Тогда мельникъ, не теряя времени, впрягъ его въ мельничный приводъ, какъ мула, и началъ подгонять кнутомъ: — Ну, ну, трогай, сосѣдъ, трогай!... — Да за что же ты бьешь то меня? съ недоумѣніемъ спрашивалъ тотъ.— А это для поощренія. Безъ того нельзя: силы больше прибавится. Мой мулъ никогда не пойдетъ, пока я ни отпущу ему нѣсколько ударовъ.—Бакбукъ, хотя и оскорбленный такимъ отвѣтомъ, все таки не посмѣлъ ослушаться хозяина и, понатужившись, сдѣлалъ круговъ пять или шесть, но наконецъ выбился изъ силъ и остановился было отдохнуть. Тогда мельникъ принялся хлестать его еще пуще, приговаривая:—Да ну же, сосѣдъ, подбодрись, при-

бавь ходу; надо вертѣть, какъ слѣдуетъ, а то, пожалуй, ты всю муку у меня испортишь.

Такъ бѣдняга проходилъ почти вплоть до самаго разсвѣта. Только тогда мельникъ оставилъ его и, даже не отвязавъ отъ привода, ушелъ къ своей женѣ; онъ же оставался въ упряжи до тѣхъ поръ, пока на утро ни пришла невольница и ни освободила его. Распутывая веревки, она приговаривала:—Ахъ, еслибы ты зналъ, какъ страдала за тебя моя госпожа во всю эту ночь. Ты, конечно, увѣренъ, что она не принимала никакого участія въ этой злобной шуткѣ, да? Бакбукъ ничего не отвѣтилъ ей на это, а только, отдохнувъ немного отъ усталости и побоевъ, молча побрелъ домой и съ той поры далъ клятву никогда больше не думать о мельничихѣ.

Мой разсказъ, продолжалъ цирюльникъ, разсмѣшилъ калифа.—Ну, отправляйся съ Богомъ домой, сказалъ онъ весело, я велю выдать тебѣ денегъ, чтобы ты могъ утѣшиться въ своей неудачной попыткѣ попировать на чужой счетъ.—Повелитель правовѣрныхъ! воскликнулъ я, позволь мнѣ не принимать никакой награды, пока ни разскажу ужъ кстати и о другихъ своихъ братьяхъ.—Затѣмъ, не дожидаясь отвѣта, я началъ такъ:

О второмъ братѣ Бакбарахѣ.

Второй мой братъ, Бакбарахъ, какъ я уже докладывалъ твоему величеству, былъ лишенъ переднихъ зубовъ, оттого его и прозвали Щербатымъ. Разъ онъ шелъ куда то по городу и въ одной глухой улицѣ повстрѣчалъ старуху, которая остановила его такими словами:—Мнѣ надо поговорить съ тобой, добрый человѣкъ, погоди на минутку. Онъ остановился и спросилъ, что ей нужно.—А вотъ что, если у тебя есть свободное время, молвила она, то пойдемъ со мной. Я приведу тебя въ великолѣпный дворецъ, гдѣ ты встрѣтишь женщину краше солнца. Она приметъ съ радостью желаннаго гостя, угоститъ роскошно и напоитъ такимъ виномъ, какого ты навѣрное никогда, не отвѣдывалъ; объ остальномъ ужъ я лучше умолчу.—Да правду ли ты говоришь? спросилъ братъ, обрадованный такимъ заманчивымъ предложеніемъ.—Я, славу Богу, не лгунья, отвѣтила старуха, и всегда говорю правду; но выслушай прежде мои условія, которыя, впрочемъ, легко исполнить: ты долженъ быть скроменъ, не говорить ничего лишняго и, главное во всемъ безпрекословно повиноваться хозяйкѣ. Бакбарахъ согласился на все и послѣдовалъ за старухой. Вскорѣ они приблизились къ роскошному, громадному дворцу, у воротъ котораго стоялъ почетный караулъ и толпилось множество слугъ; нѣкоторые изъ нихъ хотѣли было остановить брата, но старуха шепнула имъ что то на ухо, и онъ тотчасъ же былъ пропущенъ; затѣмъ, идя далѣе, она еще разъ повторила ему:—Стотри же, не забывай: смиреніе и покорность—вотъ что любитъ молодая красавица, къ которой я веду тебя. Если ты съумѣешь угодить ей, то смѣло можешь разсчитывать на ея полную благосклонность. Бакбарахъ поблагодарилъ за совѣтъ и обѣщалъ слѣдовать ему въ точности.

Старуха ввела его въ роскошно убранный покой, очень обширный и вполнѣ отвѣчавшій наружному великолѣпію дворца, усадила на изящную софу и сказала, чтобы онъ подождалъ минуту, пока она доложитъ о немъ своей госпожѣ.

Бакбарахъ, никогда не видавшій такой роскоши, съ изумленіемъ любовался всѣмъ, что находилось передъ его глазами, и уже заранѣе соразмѣрялъ свое счастіе съ окружающимъ богатствомъ. Вскорѣ изъ сосѣдней комнаты появилась цѣлая гурьба молодыхъ, нарядныхъ женщинъ, которыя съ шумомъ и смѣхомъ приблизились къ нему. Среди нихъ онъ сразу замѣтилъ стройную, черноглазую красавицу, отличавшуюся отъ прочихъ и величавымъ видомъ, и роскошью одеждъ. Въ ней не трудно было угадать хозяйку. Бакбарахъ всталъ, чтобы привѣтствовать ее низкимъ поклономъ, на что она отвѣтила граціознымъ наклоненіемъ головы, потомъ заняла свое почетное мѣсто на возвышеніи и,

попросивъ гостя садиться, сказала ему весело:—Я очень рада тебя видѣть и желаю тебѣ всевозможныхъ благъ.—Прекрасная повелительница, отвѣчалъ Бакбарахъ, для меня нѣтъ лучшаго блага въ мірѣ, какъ имѣть счастіе видѣть тебя.—Мнѣ кажется, ты очень веселаго нрава, продолжала она, и потому, надѣюсь, не откажешься принять участіе въ нашихъ забавахъ.

Затѣмъ, по ея знаку, въ одну минуту столъ былъ накрытъ бѣлоснѣжной скатертью, уставленъ сладкими яствами, всевозможными винами и плодами, когда же все было готово, хозяйка сѣла за столъ съ своими молодыми невольницами и пригласила брата, усадивъ его прямо противъ себя. Съ перваго же блюда, какъ только онъ сталъ открывать ротъ для ѣды, она замѣтила отсутствіе у него переднихъ зубовъ и, обративъ на это вниманіе своихъ невольницъ, громко хохотала вмѣстѣ съ ними. Между тѣмъ Бакбарахъ, ничего не подозрѣвая, глядѣлъ на нее съ восторгомъ и думалъ про себя, что это отъ его присутствія она такъ весела и довольна; что скоро всѣ невольницы удалятся по ея приказанію, и онъ останется съ нею наединѣ. Красавица угадала его тайные помыслы и, ради забавы, стала поддерживать въ немъ это пріятное заблужденіе; она говорила ему разныя нѣжности, сама подавала самыя лучшія угощенія, наполняла его кубокъ виномъ.

По окончаніи пира, когда всѣ вышли изъ за стола, десять невольницъ взяли музыкальные инструменты и начали пѣть и играть, всѣ же остальныя танцовали подъ звуки этой музыки, не исключая и самой хозяйки. Бакбарахъ, желая угодить ей, также принялъ участіе въ общей забавѣ и танцовалъ до усталости; когда же, утомившись, всѣ усѣлись отдохнуть, красавица приказала подать себѣ кубокъ вина и взглянула на брата, какъ бы говоря ему, что пьетъ за его здоровье. Онъ всталъ и, слѣдуя правиламъ вѣжливости, не садился до тѣхъ поръ, пока она ни осушила всего кубка до дна. Затѣмъ, она велѣла наполнить его снова и сама, своей бѣлой рукой, унизанной золотыми запястьями, подала Бакбараху.

Братъ принялъ кубокъ отъ красавицы и, поцѣловавъ ея руку, выпилъ стоя, въ знакъ благодарности за оказанную ему честь. Послѣ того она сѣла около него и нѣжно стала къ нему ласкаться: то погладитъ его по лицу, по головѣ, то слегка похлопаетъ по плечу; восхищенный такимъ обращеніемъ, Бакбарахъ чувствовалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ; онъ и самъ отвѣтилъ бы хозяйкѣ еще большими нѣжностями, еслибы его не смущало присутствіе другихъ женщинъ. А между тѣмъ невольницы дѣйствительно смотрѣли на нихъ, не спуская глазъ, и не переставали хохотать надъ шутками своей госпожи, которая продолжала похлопывать, да поглаживать моего брата и вдругъ такъ сильно хлопнула его по щекѣ, что тотъ вспыхнулъ весь и отошелъ въ

сторону, видимо недовольный такой рѣзкой шуткой. Въ эту минуту старуха, находившаяся тутъ же, посмотрѣла на него такъ многозначительно, что онъ сразу понялъ всю неумѣстность своей обидчивости и постарался загладить оплошность. Онъ хорошо помнилъ наставленія старухи и самъ сознавалъ, что для достиженія полнаго счастія ему слѣдуетъ безусловно подчиняться всѣмъ причудамъ красавицы. И вотъ, принявъ веселое выраженіе, онъ снова приблизился къ ней, дѣлая видъ, что не обида была причиной его удаленія. Та привлекла его за руку и возобновила свои коварныя ласки, а вскорѣ, по ея знаку, къ ней присоединились и невольницы: одна принялась угощать бѣднаго Бакбараха очень чувствительными щелчками въ носъ, другая изо всей силы дергала его за уши, остальныя хлопали по щекамъ, да такъ вѣско, что это уже становилось вовсе не похожимъ на шутку. Однако мой братъ переносилъ все съ геройской стойкостью, даже сохранялъ при этомъ

веселый видъ и время отъ времени говорилъ старухѣ, усиливаясь улыбаться:—Правду ты мнѣ сказала, что твоя госпожа и добра, и прекрасна, и очаровательна въ обращеніи... Благодарю тебя, отъ души благодарю!—Погоди, не то еще увидишь, отвѣчала старуха, дай ей только развеселиться, какъ слѣдуетъ. Тогда красавица ласково промолвила, обращаясь къ моему брату:—Ты чудесный человѣкъ, и я такъ рада, что нахожу въ тебѣ столько кротости, столько снисходительности къ моимъ невиннымъ шалостямъ, и такой пріятный, веселый нравъ!—О, моя повелительница! воскликнулъ Бакбарахъ, очарованный ея рѣчами, я весь твой, беззавѣтно,—располагай мною по своему желанію, какъ самымъ преданнымъ рабомъ.—Глубоко цѣню и твою преданность, и твою безусловную покорность; я довольна тобою вполнѣ и постараюсь достойно вознаградить тебя. Принесите, добавила она, обращаясь къ рабынямъ,

благовонныхъ куреній и розовой воды. Тутъ двѣ изъ нихъ отдѣлились отъ гурьбы и побѣжали исполнять приказаніе; черезъ минуту обѣ возвратились, одна съ серебряной курильницей, распространявшей восхитительный ароматъ алоэ, а другая—съ кувшиномъ розовой воды. Гость былъ окуренъ и обрызганъ со всѣхъ сторонъ, и эти обычные знаки почета привели его въ неописанный восторгъ.

Послѣ этой церемоніи, хозяйка велѣла возобновить музыку и пѣніе. Снова раздались мелодичные звуки восточныхъ инструментовъ, которымъ стройно вторили свѣжіе, молодые голоса, а тѣмъ временемъ, подозвавъ къ себѣ одну изъ остальныхъ невольницъ, красавица громко отдала ей такое приказаніе:—Отведи же гостя и сдѣлай съ нимъ то, что я тебѣ говорила, потомъ приведи обратно, когда онъ будетъ готовъ. Встревоженный этой непонятной рѣчью, Бакбарахъ вскочилъ съ своего мѣста и, подойдя къ старухѣ, тоже вставшей, чтобы сопровождать его, обратился къ ней съ вопросомъ: что такое хотятъ съ нимъ сдѣлать?—Ничего особеннаго, будь спокоенъ, шопотомъ отвѣчала старуха; нашей госпожѣ, видишь ли, хочется поглядѣть, каковъ ты будешь въ женскомъ одѣяніи, такъ вотъ она и велѣла рабынѣ накрасить тебѣ брови, сбрить усы и нарядить тебя женщиной.—Брови пусть красятъ, сколько угодно, возразилъ мой братъ, послѣ этого стоитъ лишь умыться, и никакого слѣда не останется, ну а насчетъ усовъ я не согласенъ! Какъ мнѣ тогда показаться въ люди? да и самъ я тоже дорожу своей красотой.—Не совѣтую тебѣ, однако, сопротивляться, продолжала старуха, этимъ ты только испортишь свои дѣла, а теперь они идутъ какъ нельзя лучше. Самъ вѣдь, я думаю, видишь, что госпожа влюбилась въ тебя безъ памяти, и понимаешь, какой милости можешь ожидать отъ нея. Такъ неужели же изъ за какихъ нибудь дрянныхъ усовъ ты откажешься отъ своего счастія? Бакбарахъ убѣдился этимъ доводомъ и, не возражая болѣе, покорно послѣдовалъ за молодой невольницей и старухой въ другую комнату, гдѣ прежде всего ему выкрасили брови въ алый цвѣтъ, потомъ сбрили усы и стали было приступать къ бородѣ, но тутъ Бакбарахъ не выдержалъ:—Ну нѣтъ ужъ! воскликнулъ онъ, этого я рѣшительно не допущу; безъ усовъ плохо, а безъ бороды будетъ еще хуже.—Да развѣ женщины бываютъ бородатыя? съ негодованіемъ возразила невольница, въ такомъ случаѣ ужъ и усовъ не надо было брить, все равно, госпожа прогнѣвается на твое упрямство. Неужто твоя борода тебѣ дороже самой красивой изъ всѣхъ женщинъ Багдада? И не успѣлъ онъ еще ничего сообразить, какъ и старуха снова принялась убѣждать его, тоже грозя ему гнѣвомъ своенравной красавицы. Словомъ, кончилось тѣмъ, что лицо моего брата было выбрито наголо.

Затѣмъ его нарядили въ женское одѣяніе и въ этомъ видѣ привели къ хозяйкѣ; какъ взглянула она на него, такъ и упала на софу, помирая

со смѣху. Невольницы тоже всѣ дружно захохотали и захлопали въ ладоши, а бѣдный Бакбарахъ — оглушенный, растерянный, смущенный, остановился среди залы, не зная куда дѣваться. Наконецъ красавица поднялась и сказала ему, прерывая свою рѣчь неудержимымъ смѣхомъ:— Вотъ это дѣйствительно еще небывалое доказательство любви! Но взамѣнъ принесенныхъ мнѣ въ жертву усовъ и бороды я охотно готова отдать тебѣ свое сердце, только позабавь меня еще разъ, пропляши передо мной въ своемъ нарядѣ. Онъ повиновался безпрекословно, и тутъ сама госпожа, а за нею всѣ невольницы стали вертѣться вокругъ него съ неумолкаемымъ хохотомъ, подражая каждому его неуклюжему движенію. Вдругъ, неожиданно, всѣ разомъ налетѣли на несчастнаго, начали тормошить его, тянуть во всѣ стороны, хлопать сразмаха по лицу, бить кулаками по спинѣ, брыкать ногами, такъ что онъ наконецъ свалился на полъ, чуть не потерявъ сознанія подъ этимъ градомъ толчковъ и ударовъ. Старуха поспѣшила поднять его на ноги, а чтобы не дать времени разсердиться, тутъ же прошептала ему на ухо: — Утѣшься, успокойся, бѣдняга, теперь всѣ твои мытарства кончились, и награда за нихъ близка. Остается сдѣлать еще только одно, но это ужъ пустяки: надо тебѣ сказать, что наша госпожа, особенно если немножко охмѣлѣетъ, какъ вотъ сейчасъ, никогда не допускаетъ къ себѣ приблизиться своихъ избранниковъ безъ того, чтобы они не сняли всей своей одежды, кромѣ рубашки; когда же влюбленный раздѣнется, она отдалится отъ него на нѣкоторое разстояніе и станетъ бѣгать изъ комнаты въ комнату, по всѣмъ галереямъ, пока онъ не догонитъ и не поймаетъ ее. Это одна изъ ея причудъ, которымъ каждый долженъ подчиняться. Но какое бы преимущество она ни взяла надъ тобой, при своемъ проворствѣ да при своей ловкости, ты все таки живо ее поймаешь. Такъ раздѣвайся же скорѣй, она только этого и ждетъ.

Мой глупый братъ зашелъ уже такъ далеко, что приходилось согласиться и на это условіе. Ни мало не медля, поснималъ онъ съ себя все, кромѣ рубашки, а красавица тѣмъ временемъ тоже раздѣлась и осталась въ одной коротенькой юбкѣ, чтобы легче бѣжать. Когда оба приспособились такимъ образомъ, она опередила его шаговъ на двадцать и пустилась впередъ, какъ стрѣла, изъ одной двери въ другую. Онъ бросился за ней, напрягая всѣ силы, а невольницы тоже бѣжали слѣдомъ, громко смѣясь и хлопая въ ладоши. Проворная красавица не теряла взятаго преимущества, а еще увеличивала его все болѣе и болѣе. Заставивъ запыхавшагося брата обѣжать раза три по галереямъ, она вдругъ повернула въ какой то длинный, темный корридоръ, и тамъ Бакбарахъ потерялъ ее изъ вида, а темнота между тѣмъ затрудняла его бѣгъ. Наконецъ, увидавъ на одномъ поворотѣ широкій просвѣтъ на противоположной сторонѣ, онъ стремительно направился туда и выбѣжалъ въ

дверь, которая тотчасъ же была кѣмъ то захлопнута и заперта за нимъ. Легко себѣ представить, каково было его удивленіе, когда онъ вдругъ очутился подъ открытымъ небомъ, среди улицы кожевниковъ; тѣ, надо полагать, удивились еще болѣе при этомъ внезапномъ появленіи почти нагого человѣка съ красными бровями и выбритымъ лицомъ. Мастеровые сбѣгались со всѣхъ сторонъ, хохотали, били въ ладоши, съ гиканьемъ

и свистомъ слѣдовали за нимъ, шлепая его сзади сырыми кожами. Наконецъ они добыли осла, посадили на него смущеннаго Бакбараха и стали возить по улицамъ на потѣху всему народу.

Къ довершенію злополучія, когда шумная процессія приблизилась къ дому начальника полиціи, онъ самъ вышелъ узнать о причинѣ такого многолюднаго сборища. Тутъ кожевники разсказали ему, что схваченный ими человѣкъ выскочилъ въ одной рубашкѣ изъ воротъ женскаго отдѣленія во дворцѣ великаго визиря. Судья усмотрѣлъ въ этомъ событіи тяжкое оскорбленіе высокопоставленнаго лица и тутъ же велѣлъ отсчитать несчастному Бакбараху сотню палочныхъ ударовъ по подошвамъ, а затѣмъ навсегда изгналъ его изъ города.

По этому приключенію, повелитель правовѣрныхъ, сказалъ я. калифу Мостансэру Биллаху, твое величество можетъ составить самое вѣрное

понятіе о моемъ второмъ братѣ. Онъ, бѣдняга, пострадалъ по невѣдѣнію: гдѣ же ему было знать, что жены нашихъ высшихъ сановниковъ не прочь позабавиться отъ скуки еще и не такими продѣлками, лишь бы только какой нибудь дуракъ попался имъ въ западню.

Тутъ цирюльникъ перешелъ, не останавливаясь, къ разсказу о своемъ третьемъ братѣ:

О третьемъ братѣ Бакбахѣ.

Повелитель правовѣрныхъ, началъ я, мой третій братъ, Бакбахъ, былъ слѣпъ отъ рожденія, и это прискорбное несчастіе заставило его снискивать себѣ пропитаніе посредствомъ милостыни. Онъ постоянно ходилъ изъ дома въ домъ и до того освоился съ городомъ, что пробирался по всѣмъ его улицамъ, не нуждаясь въ посторонней помощи, при чемъ у него была привычка, постучавшись въ дверь, никогда не отвѣчать прежде, чѣмъ ее отворятъ. Вотъ разъ онъ и постучался такимъ образомъ въ одинъ домъ, когда же хозяинъ его, человѣкъ одинокій, крикнулъ: Кто тамъ? братъ по обыкновенію ничего не сказалъ и постучался во второй разъ. — Да кто же тамъ? послышался голосъ изнутри, и чего нужно? Отвѣта снова не послѣдовало; тогда хозяинъ наконецъ принужденъ былъ встать и отворить дверь. Увидавъ брата, онъ сказалъ недовольнымъ тономъ: — Ну, чего тебѣ нужно? — Милостыни, отвѣтилъ Бакбахъ, во имя милосердаго Бога! — Ты никакъ слѣпъ? продолжалъ хозяинъ. — Къ несчастію, да. Ничего не вижу. — Ну, такъ протяни свою руку. Братъ повиновался, думая, что наконецъ получитъ милостыню; но тотъ взялъ его за протянутую руку и повелъ въ домъ; Бакбахъ охотно послѣдовалъ за нимъ, предполагая, что онъ желаетъ его накормить, какъ это случалось въ другихъ домахъ. Однакожъ хозяинъ, приведя его въ свою комнату, только повторилъ вопросъ: что ему нужно? — Я уже говорилъ тебѣ, отвѣтилъ братъ, что прошу милостыни во имя Бога. — Милостыни? переспросилъ тотъ; ну, почтенный слѣпецъ, я ничего не могу предложить, кромѣ искренняго пожеланія, чтобы Господь возвратилъ тебѣ когда нибудь зрѣніе. — Благодарю, отвѣтилъ братъ, но такъ бы ты и говорилъ прямо, съ перваго же раза; зачѣмъ же заставлялъ входить сюда? — А ты-то зачѣмъ, безтолковый человѣкъ, молчишь, когда тебя спрашиваютъ, кто стучитъ? Зачѣмъ тревожишь хозяевъ, заставляя отворять тебѣ дверь?... — Такъ значитъ мнѣ нечего отъ тебя ждать? перебилъ его братъ: — Да, я уже сказалъ, что ничего не могу тебѣ дать. — Въ такомъ случаѣ, хоть помоги мнѣ выйти, какъ помогъ войти. — Лѣстница передъ тобой, грубо отвѣтилъ хозяинъ, спускайся самъ, какъ знаешь. Братъ ощупью началъ сходить съ лѣстницы, но въ серединѣ оступился и полетѣлъ внизъ по ступенямъ. Онъ сильно ушибъ себѣ затылокъ и

поясницу и, съ трудомъ поднявшись, вышелъ на улицу, громко ропща и жалуясь на безсердечнаго хозяина, который только смѣялся надъ его несчастіемъ.

Въ это время двое изъ его товарищей, такихъ же слѣпцовъ, какъ и онъ, услыхавъ его голосъ, остановились и начали допрашивать, что случилось съ нимъ. Братъ разсказалъ о своемъ приключеніи и въ концѣ добавилъ:—Нынче весь день для меня несчастливъ, я не собралъ ничего и долженъ буду взять нѣсколько монетъ изъ нашего общаго сбереженія, чтобы купить себѣ чего нибудь на ужинъ. Такъ, ради Бога, проводите меня домой, чтобы я при васъ могъ вынуть, сколько мнѣ нужно. Оба слѣпца согласились и послѣдовали за нимъ.

Тутъ надо сказать, что хозяинъ, принявшій такъ недружелюбно моего брата, былъ ловкій мошенникъ и отъявленный воръ. Услыхавъ изъ своего отвореннаго окна все, что Бакбахъ говорилъ своимъ товарищамъ, онъ тотчасъ же вышелъ изъ дому и тихонько послѣдовалъ за ними; потомъ такъ же неслышно вошелъ въ отпертую дверь убогаго жилища и притаился тамъ въ уголкѣ. Когда слѣпцы усѣлись, осторожный Бакбахъ сказалъ:—Братья, слѣдуетъ прежде всего запереть дверь и хорошенько удостовѣриться, не вошелъ ли къ намъ кто изъ посто-

ронннихъ. Эти слова сильно смутили вора, но онъ нашелъ средство избѣжать опасности. Посреди комнаты, съ потолка почему-то спуска-

лась веревка, прикрѣпленная къ кольцу; воръ быстро поднялся по ней и повисъ въ воздухѣ. Между тѣмъ слѣпцы, заперевъ дверь, тщательно обыскали комнату, ощупывая вдоль стѣнъ и по угламъ своими палками. Послѣ того, когда они снова усѣлись по своимъ мѣстамъ, воръ отцѣпился отъ веревки и, подкравшись, тихонько помѣстился рядомъ съ моимъ братомъ. Тотъ, конечно, не подозрѣвая его присутствія, повелъ такую рѣчь:—Братья, вы передали мнѣ на храненіе нашъ общій капиталъ, собранный нами въ нѣсколько лѣтъ путемъ всевозможныхъ лишеній; я цѣню ваше довѣріе и хочу доказать вамъ, что оправдалъ его. Вы знаете, по послѣднему счету у насъ оказалось ровно десять тысячъ драхмъ, которыя мы и разложили въ десять отдѣльныхъ мѣшковъ. Такъ вотъ, удостовѣрьтесь же, что я къ нимъ ни разу не притрогивался.— Говоря это, онъ засунулъ руку подъ какой-то хламъ и вытащилъ оттуда одинъ за однимъ всѣ десять мѣшковъ; затѣмъ, передавая ихъ товарищамъ, сказалъ:—По одной уже тяжести, вы можете судить, что мѣшки полны, а впрочемъ, если угодно, пожалуй пересчитайте. Товарищи заявили, что вполнѣ полагаются на него и считаютъ повѣрку излишней. Тогда Бакбахъ развязалъ одинъ изъ мѣшковъ, вынулъ оттуда десять драхмъ и передалъ другимъ слѣпцамъ, чтобы и они взяли по стольку же.

Потомъ братъ уложилъ мѣшки на прежнее мѣсто и хотѣлъ было идти, чтобы купить себѣ чего нибудь съѣстного, но одинъ изъ товарищей удержалъ его, говоря, что ему посчастливилось набрать провизіи и ея хватитъ на троихъ. Въ то же время онъ вынулъ изъ своей сумы хлѣба, сыру, нѣсколько плодовъ и, разложивъ все это на столъ, пригласилъ товарищей раздѣлить съ нимъ трапезу. Воръ считалъ себя также въ числѣ приглашенныхъ и ѣлъ за компанію, выбирая, разумѣется, самые лучшіе куски. Онъ помѣстился по правую сторону моего брата и хотя принималъ всѣ предосторожности, чтобы не производить ни малѣйшаго шороха, однакожъ чуткій слухъ Бакбаха вскорѣ уловилъ постороннее присутствіе. — Мы погибли! воскликнулъ онъ: здѣсь есть кто-то чужой!—и быстро поймавъ вора за руку, началъ наносить ему удары кулакомъ, а самъ кричалъ въ то же время: — Караулъ! Грабятъ!... Другіе слѣпцы присоединились къ нему и съ криками колотили пойманнаго куда попало; но и тотъ не спускалъ имъ, защищаясь изо всѣхъ силъ и, хотя былъ одинъ противъ троихъ, но имѣлъ то преимущество, что видѣлъ, куда наносить удары, и мѣтко попадалъ то въ одного, то въ другого; кричалъ же онъ и звалъ на помощь еще громче своихъ враговъ. Наконецъ этотъ неистовый гвалтъ привлекъ вниманіе сосѣдей; они сбѣжались въ большомъ количествѣ, выломали дверь и съ трудомъ растащили бойцовъ. Когда они стали спрашивать, изъ за чего произошла ссора, братъ мой, все еще не выпускавшій своего врага,

отвѣтилъ:—Вотъ этотъ самый человѣкъ—воръ; онъ прокрался сюда за нами и хотѣлъ похитить наше скудное сбереженіе.—Лжетъ онъ, господа, сказалъ хитрый мошенникъ, который, при первомъ появленіи толпы, зажмурилъ глаза и притворился слѣпымъ: я не воръ, а ихъ товарищъ. Они не хотятъ отдать мнѣ законной части изъ общаго сбереженія, а когда я сталъ требовать, принялись бить меня. Клянусь вамъ именемъ Бога и жизнью нашего великаго калифа. Сосѣди, видя, что добромъ разобрать ихъ невозможно, повели всѣхъ четверыхъ къ начальнику полиціи.

Тамъ, въ присутствіи судьи, мошенникъ постарался выступить впередъ и, не дожидаясь допроса, сказалъ: — Милостивый господинъ нашъ, волею Божіею и повелѣніемъ калифа, которому да пошлетъ Господь здравіе и благоденствіе на многія лѣта, ты поставленъ судить насъ и рѣшить нашу участь. И вотъ, преклоняясь передъ твоей властью, я чистосердечно признаюсь тебѣ, что всѣ мы, то есть я и трое моихъ товарищей—одинаково преступны. Но такъ какъ мы имѣли осторожность связать себя обоюдной клятвой—никогда не говорить ничего и не сознаваться въ своихъ дѣяніяхъ иначе, какъ уступая необходимости, то я совѣтовалъ бы тебѣ подвергнуть насъ пыткѣ посредствомъ палочныхъ ударовъ. Начни хоть съ меня,—я первый готовъ искупить свои постыдныя дѣла. Братъ мой открылъ было ротъ, чтобы возразить, но начальникъ полиціи приказалъ ему молчать. Между тѣмъ вора разложили подъ палки, и у него хватило твердости выдержать двадцать или тридцать ударовъ, не произнеся ни слова. Наконецъ, какъ бы уступая нестерпимой боли, онъ началъ кричать и молить о пощадѣ, а при этомъ открылъ сперва одинъ глазъ, потомъ другой. Начальникъ полиціи очень удивился такому внезапному прозрѣнію и воскликнулъ:—Что это за чудеса ты вздумалъ еще показывать, негодяй! — Милостивый судья, отвѣтилъ мошенникъ, если ты соблаговолишь помиловать меня, я готовъ открыть тебѣ важную тайну; но чтобы не сомнѣваться въ твоемъ обѣщаніи, выдай мнѣ въ залогъ свой перстень, что служитъ тебѣ печатью, и тогда я разскажу все безъ утайки.

Начальникъ полиціи велѣлъ прекратить истязаніе и отдалъ свой перстень мошеннику, который заговорилъ, вставая:—Теперь, полагаясь на твое слово, я уже не буду скрывать ничего и откровенно сознаюсь тебѣ, милостивый судья, что какъ я, такъ и мои товарищи, видимъ отлично, а только прикидываемся слѣпыми, чтобы удобнѣе совершать свои темныя дѣла; насъ не остерегаются и свободно пропускаютъ въ женскія отдѣленія, а мы пользуемся тамъ слабостью женщинъ и обманываемъ довѣріе мужей. Кромѣ того, посредствомъ той же хитрости, мы собрали сообща капиталъ въ десять тысячъ драхмъ; деньги эти и были причиной нашей ссоры. Желая прекратить свое постыдное занятіе, я хотѣлъ

отдѣлиться отъ товарищей и потребовалъ свою часть въ двѣ тысячи пятьсотъ драхмъ; они же, опасаясь, какъ бы я не донесъ на нихъ потомъ, отказали мнѣ; а когда я сталъ настаивать на своемъ требованіи, принялись меня бить, что могутъ подтвердить свидѣтели, которые привели насъ сюда. Впрочемъ, я надѣюсь, что они и сами не будутъ отрицать справедливости моего показанія, если, конечно, ты подвергнешь ихъ пыткѣ и велишь отсчитать имъ палочныхъ ударовъ вдвое больше, чѣмъ мнѣ. Тогда увидишь, господинъ, что они прозрѣютъ такъ же, какъ и я.

Мой братъ и два другіе товарища пробовали было опровергнуть эту смѣлую до дерзости клевету, но судья не хотѣлъ уже слушать ихъ. — Вы мошенники, негодяи! воскликнулъ онъ; ваши подлые поступки тѣмъ гнуснѣе, что вы пользуетесь довѣріемъ добрыхъ людей и обманываете ихъ посредствомъ состраданія.—Это клевета, ложь! закричалъ мой братъ: клянусь тебѣ Богомъ живымъ, что мы всѣ трое слѣпы отъ рожденія.

Но для предубѣжденнаго судьи никакія клятвы уже не имѣли значенія; онъ приказалъ разложить всѣхъ троихъ и отсчитать каждому по двѣсти ударовъ. Во все время истязанія онъ ожидалъ, что слѣпые откроютъ глаза и невозможность для нихъ сдѣлать это приписывалъ упрямству. Между тѣмъ ихъ мнимый товарищъ говорилъ:—Да откройте же глаза, будетъ вамъ упорствовать, неужели вы хотите, чтобы васъ забили до смерти? Потомъ, обращаясь къ судьѣ, онъ добавилъ: — Они такъ закоснѣли въ своей преступности, что вынудить у нихъ признаніе, вѣроятно, не удастся; ужъ не лучше ли, господинъ судья, оставить ихъ и отобрать собранныя нами деньги? Пошли со мной стражу, чтобы я могъ безпрепятственно доставить тебѣ всѣ десять тысячъ сполна.

Упоминаніе о деньгахъ смягчило сердце судьи; онъ прекратилъ истязаніе и ограничился только тѣмъ, что моего брата и двухъ его товарищей приказалъ выгнать изъ города; затѣмъ отрядилъ съ мошенникомъ одного изъ своихъ солдатъ, и когда всѣ десять мѣшковъ были принесены, онъ отсчиталъ изъ нихъ двѣ тысячи пятьсотъ драхмъ мнимому участнику, остальныя же взялъ въ свою пользу.

Узнавъ объ изгнаніи брата, я тотчасъ же поспѣшилъ къ нему на помощь и тайно провелъ его обратно въ городъ. Онъ разсказалъ мнѣ всѣ подробности своего несчастнаго приключенія, и я конечно могъ бы разъяснить это дѣло начальнику полиціи, да не рѣшился потому, что съ этими судами какъ разъ и самъ попадешь въ бѣду.

Такъ я закончилъ свой разсказъ о злополучномъ Бакбахѣ. Калифъ очень долго смѣялся ловкой продѣлкѣ мошенника и снова приказалъ было выдать мнѣ денегъ, но, не дожидаясь исполненія этого приказа, я поспѣшилъ перейти къ исторіи моего четвертаго брата.

О четвертомъ братѣ Алкузѣ.

Моего четвертаго брата звали Алкузъ; онъ окривѣлъ именно вслѣдствіе того событія, о которомъ сейчасъ я буду имѣть честь разсказать твоему величеству. По промыслу онъ былъ мясникъ и кромѣ того отлично умѣлъ выдерживать и подготовлять къ потѣшному бою барановъ, чѣмъ пріобрѣлъ даже знакомство и благосклонность многихъ знатныхъ господъ, которые любили позабавиться такого рода битвами и держали своихъ собственныхъ барановъ. Что же касается торговли, то она шла у него превосходно; въ его лавкѣ всегда можно было найти самые лучшіе сорта мяса, и это потому, что, обладая хорошими средствами, онъ не жалѣлъ денегъ на покупку отборнаго скота.

Въ одно утро, когда онъ сидѣлъ въ своей лавкѣ, къ нему вошелъ какой-то старикъ почтенной наружности, съ длинной, сѣдой бородой, и приказалъ отвѣсить себѣ шесть фунтовъ говядины, а заплативъ деньги, ушелъ, не говоря болѣе ни слова. Монеты, которыя онъ далъ въ уплату, такъ были свѣтлы, блестящи и хорошо отчеканены, что братъ залюбовался ими и положилъ ихъ въ отдѣльный ящикъ, чтобы не смѣшивать съ другими. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе пяти мѣсяцевъ, старикъ приходилъ почти ежедневно, бралъ все одно и то же количество говядины и платилъ за нее такими же чистыми, новенькими монетами, которыя братъ не переставалъ собирать отдѣльно. Но какъ-то разъ ему пришлось купить большую партію барановъ; денегъ не хватало на расплату, и онъ открылъ свое потайное отдѣленіе, чтобы дополнить ихъ завѣтными монетами старика; но каковы же были его изумленіе и досада, когда, вмѣсто блестящихъ серебряныхъ монетъ, онъ увидалъ на днѣ ящика небольшіе кружочки, вырѣзанные изъ сухихъ листьевъ. Въ гнѣвѣ и смущеніи, онъ выбѣжалъ на улицу и такъ неистово началъ бить себя по головѣ и кричать, что вскорѣ поднялъ на ноги всѣхъ сосѣдей; они окружили его и, узнавъ въ чемъ дѣло, не хотѣли даже вѣрить такому странному превращенію. Братъ и самъ охотно не повѣрилъ бы этому, еслибы сухіе кружочки не были у него передъ глазами. О, проклятый, воскликнулъ онъ, попадись ты мнѣ теперь!... и только что успѣлъ это вымолвить, какъ вдали показался старикъ. Алкузъ опрометью бросился къ нему на встрѣчу и, крѣпко схвативъ его, закричалъ во все горло: Правовѣрные, идите и выслушайте, какъ обманулъ меня вотъ этотъ мошенникъ!—Народъ, привлекаемый криками, быстро сталъ сбѣгаться со всѣхъ концовъ, и, когда собралась значительная толпа, Алкузъ повторилъ свой разсказъ о превращеніи монетъ. Молча выслушалъ старикъ это обвиненіе, а по окончаніи сказалъ холодно и спокойно:—Я совѣтовалъ бы тебѣ прекратить эту недостойную сцену и отпустить меня;

иначе я не прощу того оскорбленія, какое ты наносишь мнѣ при всемъ народѣ и, противъ своего желанія, долженъ буду жестоко наказать тебя.

— Да что ты можешь мнѣ сдѣлать?—я честный торговецъ и не боюсь никого на свѣтѣ.—Такъ стало быть ты желаешь, продолжалъ старикъ, чтобы я открылъ твое преступленіе? Хорошо, пеняй въ такомъ случаѣ на себя. И затѣмъ, обратившись къ толпѣ, онъ сказалъ:—Мусульмане, знаете ли, чѣмъ кормитъ насъ этотъ человѣкъ? Вмѣсто бараньяго, онъ продаетъ намъ человѣческое мясо! — Ложь, клевета! яростно возразилъ братъ, ты не смѣешь такъ позорить меня, собака! — Нѣтъ, я никогда не лгу, все такъ же холодно отвѣтилъ старикъ; даже въ настоящую минуту за твоей лавкой виситъ человѣкъ, зарѣзанный, какъ баранъ. Кто хочетъ, пусть идетъ и убѣдится въ этомъ.

На самомъ же дѣлѣ, въ то самое утро, прежде, чѣмъ открыть свою лавку, Алкузъ зарѣзалъ барана и, выпотрошивъ его, повѣсилъ, какъ обыкновенно, на заднемъ дворѣ. Теперь, сознавая свою правоту, онъ изо всѣхъ силъ старался убѣдить народъ въ нелѣпости взводимаго на него обвиненія, но его никто уже не слушалъ: толпа довѣрчива, а преступленіе было такъ чудовищно-страшно, что каждый непремѣнно хотѣлъ

удостовѣриться во всемъ собственными глазами. Принудивъ выпустить старика, народъ окружилъ Алкуза, чтобы онъ не убѣжалъ, и вмѣстѣ съ нимъ направился къ его лавкѣ, гдѣ, ко всеобщему ужасу, дѣйствительно оказался человѣческій трупъ, ободранный и выпотрошенный, какъ баранъ. Дѣло въ томъ, что старикъ былъ волшебникъ,—онъ отвелъ глаза

всей толпѣ такъ же, какъ отводилъ ихъ брату, когда платилъ ему сухими листьями, вмѣсто денегъ.

Какъ бы то ни было, но чудовищное зрѣлище привело всю толпу въ неописанную ярость; тотчасъ же одинъ изъ державшихъ брата со всего размаха ударилъ его по лицу, говоря при этомъ: Вотъ тебѣ въ задатокъ за то, что кормилъ насъ человѣческимъ мясомъ! Въ то же время старикъ, находившійся вблизи, повторилъ ударъ и съ такою силой, что вышибъ глазъ; братъ пошатнулся и упалъ на землю; тогда всѣ набросились на него съ ожесточеніемъ, били и топтали несчастнаго, пока онъ ни потерялъ сознанія. Послѣ того, давъ ему очнуться, его повели къ начальнику полиціи, а вслѣдъ за нимъ понесли и воображаемый человѣческій трупъ, какъ неопровержимое доказательство его виновности. Вотъ, праведный судія, сказалъ старикъ-волшебникъ, передъ тобой злодѣй, который рѣжетъ правовѣрныхъ мусульманъ, чтобы торговать ихъ мясомъ, вмѣсто бараньяго. Народъ ждетъ твоего правосудія и достойнаго возмездія преступнику. Начальникъ полиціи допросилъ брата и терпѣливо выслушалъ все, что онъ могъ сказать въ свое оправданіе, но разсказъ о монетахъ, обращенныхъ въ сухіе листья, показался ему настолько невѣроятнымъ, что онъ принялъ его за чистѣйшій вымыселъ и потому, въ виду несомнѣнной улики, приказалъ отсчитать виновному пятьсотъ палочныхъ ударовъ; въ дополненіе же наказанія, онъ отобралъ у него все имущество, а самого присудилъ къ пожизненному изгнанію изъ города; да еще передъ этимъ, въ теченіе трехъ дней подрядъ, его возили на позорище народу по всѣмъ улицамъ верхомъ на верблюдѣ.

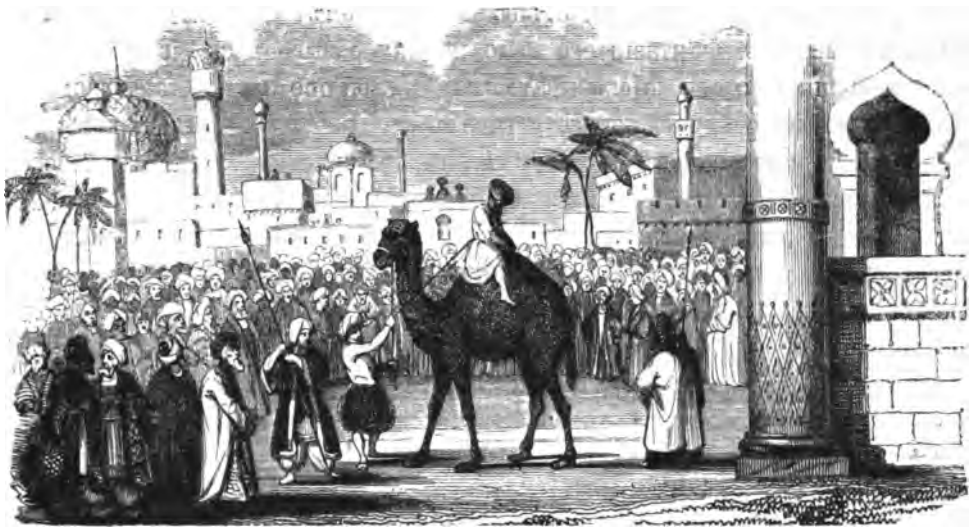
Меня не было въ Багдадѣ въ то время, какъ случилось это несчастіе съ моимъ четвертымъ братомъ, и узналъ я обо всемъ уже гораздо позже, когда ему пришлось перенести еще не мало новыхъ бѣдъ. Оправившись кое какъ отъ побоевъ, Алкузъ пробрался окольными путями въ ближайшій городъ, гдѣ его никто не зналъ, и поселился тамъ. Сначала онъ не смѣлъ показываться на городскихъ улицахъ и почти не выходилъ изъ своего жилища, но потомъ, соскучившись такой затворнической жизнью, вздумалъ какъ то разъ прогуляться по набережной. Проходя мимо одного большого дома, онъ вдругъ услыхалъ за собой топотъ коней и, обернувшись, увидалъ группу всадниковъ, скакавшихъ въ его направленіи. Напуганный предыдущимъ событіемъ, Алкузъ уже боялся всего и вообразилъ теперь, что всадники скачутъ за нимъ, съ намѣреніемъ схватить его. Не долго думая, онъ проворно нырнулъ въ калитку того дома, около котораго находился, быстро захлопнулъ ее и вышелъ на середину обширнаго двора. Но не успѣлъ онъ еще оглянуться въ незнакомомъ мѣстѣ, какъ къ нему подбѣжали два невольника и закричали, схвативъ его за шиворотъ: а, слава Богу! наконецъ то ты попался намъ, Цѣлыхъ три ночи мы не знали покоя и едва могли защититься отъ тво-

его злого умысла... Мой братъ сразу догадался, что снова по какой то роковой случайности попадаетъ въ бѣду. Добрые люди, отвѣтилъ онъ, вы должно быть принимаете меня за кого нибудь другого; я не знаю за собой никакой вины.—Нѣтъ, братъ, насъ не обманешь, продолжали слуги, сколько тебѣ ни грабить съ своими сообщниками! Мало вамъ было разорить нашего господина, вы добираетесь еще до его жизни. Ну ка показывай, при тебѣ ли тотъ ножъ, съ которымъ ты бѣгалъ за нами въ прошлую ночь? Сказавъ это, они обыскали брата и, къ несчастью, дѣйствительно нашли у него ножъ.—Что, разбойникъ, теперь не будешь отпираться?—Да что вы, Господь съ вами, неужели только у однихъ разбойниковъ бываютъ ножи? Вы сами пожалѣли бы меня, еслибъ только знали, какой я несчастный человѣкъ!... Но слуги ничего не хотѣли слышать; они повалили его на землю, били ногами и кулаками, сорвали съ него одежду и даже разодрали рубашку, при чемъ на обнаженной спинѣ оказались еще незажившіе рубцы отъ недавнихъ истязаній. — А, собака! воскликнули они, учащая свои удары, ты видно уже былъ въ передѣлкѣ, а еще хотѣлъ увѣрить насъ, что честный человѣкъ! Твоя спина правдивѣе твоего языка и говоритъ совсѣмъ другое.—О, Господи! возопилъ братъ, за какія невѣдомыя прегрѣшенія караешь Ты меня такъ немилосердно!

Слуги, конечно, не смягчились никакими жалобами и, натѣшившись вдоволь надъ бѣднягой, отвели его къ начальнику полиціи.—Какъ смѣлъ ты ворваться въ чужой домъ и гоняться съ ножомъ за этими людьми? спросилъ его судья. — Милостивый господинъ, отвѣтилъ братъ, я не только никогда не дѣлалъ этого, но и не могъ дѣлать; злой рокъ преслѣдуетъ меня, и еслибы ты зналъ о моихъ несчастіяхъ, то увидалъ бы, что не кары, а милости и состраданія заслуживаетъ моя горькая доля.— Не слушай его, господинъ судья, возразилъ одинъ изъ слугъ, онъ грабитель и закоснѣлый разбойникъ, загубившій можетъ быть не одну человѣческую жизнь. Вотъ посмотри, спина его скажетъ тебѣ это яснѣе моихъ словъ... Тутъ онъ обнажилъ израненную спину брата, и судья уже безъ дальнихъ разъясненій приказалъ отсчитать ему сто ударовъ ременной плетью по плечамъ. Затѣмъ онъ велѣлъ посадить его на верблюда и провести по городскимъ улицамъ съ глашатаемъ впереди, который кричалъ:—Вотъ какъ наказываютъ грабителей и разбойниковъ!—Въ заключеніе онъ былъ изгнанъ изъ города.

Послѣ этого второго несчастія нѣкоторые изъ нашихъ общихъ знакомыхъ случайно повстрѣчали брата въ самомъ жалкомъ положеніи и сообщили мнѣ объ этомъ. Я, не медля, поспѣшилъ къ нему на помощь тайно провелъ его въ Багдадъ и пріютилъ у себя.

Калифъ Мостансэръ Биллахъ, продолжалъ цирюльникъ, уже не смѣялся надъ этой исторіей; напротивъ, онъ былъ на столько добръ, что



даже слегка пожалѣлъ моего несчастнаго брата Алкуза; потомъ, повторивъ свое приказаніе выдать мнѣ денегъ, махнулъ рукой, давая этимъ знать, что я могу удалиться. Но мнѣ было неловко прервать свое повѣствованіе, не доведя его до конца, и потому я сказалъ:—Государь мой и повелитель, ты благосклонно слушалъ меня до сихъ поръ, такъ дозволь же мнѣ разсказать и объ остальныхъ своихъ братьяхъ. Если всѣ эти необычайныя событія будутъ записаны, изъ нихъ составится цѣлая книга, достойная занять мѣсто въ библіотекѣ твоего величества. Затѣмъ, не дожидаясь его отвѣта, я началъ такъ:

О пятомъ братѣ Алнаскарѣ.

Съ позволенія твоего величества, перехожу къ пятому брату—Алнаскару. До смерти нашего отца онъ велъ праздную жизнь и, вмѣсто того, чтобы заработывать себѣ пропитаніе, при своей лѣни, не стыдился даже просить милостыни. Каждый вечеръ онъ отправлялся за сборомъ подаяній и на то, что удавалось собрать, существовалъ слѣдующій день. Отецъ нашъ скончался въ глубокой старости, и послѣ него намъ осталось въ наслѣдство всего семьсотъ серебряныхъ драхмъ; мы раздѣлили ихъ поровну—по сотнѣ на каждаго. Алнаскаръ, никогда не имѣвшій въ рукахъ такой крупной суммы, не могъ приложить ума, какъ употребить ее. Наконецъ, послѣ долгихъ размышленій, онъ рѣшился запастись стеклянным товаромъ и на всѣ свои деньги купилъ у одного оптоваго торговца бутылокъ, стакановъ, кубковъ и проч., уложилъ все это въ огромную плетеную корзину и расположился съ ней въ крошечной лавчонкѣ, нанятой имъ заранѣе. Тамъ, поставивъ передъ собой весь товаръ, онъ усѣлся на полу въ ожиданіи покупателей, вытянувъ

ноги, прислонился спиной къ стѣнѣ и въ этомъ удобномъ положеніи принялся мечтать. Фантазія его мало помалу разыгралась до того, что онъ, забывшись, сталъ высказывать вслухъ свои бредни, да такъ громко, что портной въ сосѣдней лавкѣ слышалъ все дословно.—За эту корзину я заплатилъ сотню драхмъ, говорилъ онъ, не спуская глазъ съ своего товара, при розничной продажѣ, конечно, нѣтъ ничего мудренаго выручить сто на сто, а если на эти двѣсти драхмъ я куплю еще посуды, при продажѣ у меня будетъ четыреста; такимъ образомъ, съ теченіемъ времени, образуется четыре тысячи драхмъ; я ихъ опять удвою, будетъ восемь тысячъ, тутъ ужъ до десяти доровнять не трудно; а какъ только составится капиталъ въ десять тысячъ драхмъ, я брошу торговлю стекломъ и стану промышлять драгоцѣнными камнями,—ну, хоть бриллiантами, рубинами, жемчугомъ... Тогда я ужъ разбогатѣю живо, куплю себѣ домъ, земель, коней, рабовъ, буду ѣсть и одѣваться какъ царь; слава обо мнѣ прогремитъ на весь міръ. Соберу я тогда со всего города танцовщиковъ, музыкантовъ, алмей... А богатство мое между тѣмъ будетъ все расти, да расти, такъ что, съ Божіей помощью, у меня, можетъ быть, наберется наконецъ тысячъ до ста драхмъ; ну, тогда, разумѣется, буду нисколько не хуже любого царевича и пошлю сватать за себя дочь великаго визиря. Такъ, молъ, и такъ: наслышался я объ ея красотѣ, умѣ, благонравіи и другихъ превосходныхъ качествахъ и рѣшился взять ее за себя въ замужство. Что же касается выкупа, то это для меня ничего не стóитъ,—я готовъ за первую брачную ночь предложить ея отцу тысячу цехиновъ. А еслибы великій визирь не согласился на мое предложеніе,—чего, впрочемъ, и быть не можетъ,—то я взялъ бы у него дочь, что называется, изъ подъ носа. Хорошо, вотъ я женился на дочери великаго визиря, подарилъ ей десять черныхъ евнуховъ, самыхъ молодыхъ и красивыхъ, а самъ одѣваюсь по царски, сажусь на кровнаго коня,—сѣдло на немъ изъ чистаго золота, попона изъ золотой парчи, унизанной жемчугомъ и бриллiантами... Цѣлыя толпы слугъ—и сзади, и впереди—сопровождаютъ меня; такъ я подъѣзжаю ко дворцу великаго визиря, а народъ—и старый, и малый—смотритъ на меня съ удивленіемъ и низко кланяется. Я схожу съ коня и иду въ домъ; слуги мои выстроились по лѣстницѣ въ два ряда—направо и налѣво, самъ же великій визирь встрѣчаетъ меня съ глубокимъ почтеніемъ, сажаетъ на свое почетное мѣсто, самъ садится ниже, чтобы оказать мнѣ этимъ наивысшую честь. Тогда я обращаюсь къ одному изъ своихъ слугъ, беру у него кошелекъ съ тысячью цехиновъ, вручаю ихъ тестю и говорю:—Вотъ тебѣ обѣщанная тысяча золотыхъ монетъ за мою первую брачную ночь. Потомъ возьму другой кошелекъ у другого слуги, скажу:—А вотъ тебѣ еще тысяча, чтобы ты зналъ, что я всегда даю больше, чѣмъ обѣщаю. Послѣ такого поступка, конечно, весь городъ только и будетъ

говорить что о моей необыкновенной щедрости. Потомъ, съ такимъ же блескомъ и важностью, возвращаюсь домой, гдѣ моя молодая супруга съ однимъ изъ почетныхъ слугъ шлетъ мнѣ поклонъ за посѣщеніе ея родителя, я награждаю слугу роскошной одеждой, а ей посылаю дорогой подарокъ. Но если жена вздумаетъ поднести мнѣ дары, я не приму ихъ и отошлю съ тѣмъ же посланнымъ. Вообще, я постараюсь внушить ей самое высокое понятіе о моемъ могуществѣ: я не дозволю ей сдѣлать ни одного шага безъ того, чтобы мнѣ не докладывали объ этомъ; а если вздумаю иногда посѣтить ее, то она должна чувствовать, какая высокая честь ей оказывается. Словомъ, нигдѣ не будетъ такого порядка и такого богатства, какъ у меня. Вотъ какъ я буду поступать съ первой же ночи: вечеромъ облачусь въ роскошное одѣяніе, приду въ ея комнату и сяду на почетное мѣсто; видъ мой будетъ суровъ и важенъ, я не шевельну головой, не обращу взгляда ни вправо, ни влѣво, и стану держать себя такъ, какъ будто совсѣмъ даже не замѣчаю своей супруги, а она между тѣмъ—трепещущая и взволнованная, прекрасная, какъ полная луна—будетъ стоять передо мной въ ожиданіи моего привѣта и ласкъ. Только этого она отъ меня не дождется,—я останусь холоденъ и равнодушенъ къ ея красотѣ. Тогда прислужницы, что будутъ находиться около нея, скажутъ мнѣ:—Господинъ нашъ и повелитель, обрати свои ясныя очи, передъ тобой стоитъ твоя супруга, твоя вѣрная раба: она ждетъ уже давно твоего ласковаго взгляда и очень обижена и огорчена, что ты до сихъ поръ не удостоилъ ея даже своимъ вниманіемъ; дозволь ей хоть по крайней мѣрѣ сѣсть.—Я ни слова не отвѣчу имъ на это, что приведетъ ихъ еще въ большее и смущеніе, и удивленіе. Онѣ бросятся къ моимъ ногамъ, будутъ цѣловать ихъ и со слезами умолять меня смягчить свое сердце для юной и нѣжно любящей супруги. Я подниму голову, небрежно взгляну на нихъ и снова приму прежнее положеніе. Тогда онѣ навѣрное предположатъ, что жена моя недостаточно хорошо одѣта, и поведутъ ее въ другую комнату, чтобы перемѣнить нарядъ. Тѣмъ временемъ я тоже выйду и облачусь еще въ лучшія, еще болѣе дорогія одежды. По возвращеніи, онѣ снова станутъ умолять меня оказать вниманіе своей супругѣ, но я не взгляну на нее до тѣхъ поръ, пока онѣ всѣ снова не будутъ валяться въ моихъ ногахъ еще дольше, чѣмъ передъ тѣмъ. Такимъ образомъ, съ перваго же дня свадьбы я дамъ понять своей женѣ, какъ буду обращаться съ ней во всю ея жизнь.

Но вотъ брачныя церемоніи окончились. Я беру кошелекъ съ пятью стами цехиновъ изъ рукъ своего слуги, который находится при мнѣ неотлучно, и передаю его одѣвальщицамъ, чтобы онѣ оставили меня наединѣ съ моей супругой. Она раздѣвается и первая ложится въ постель, я тоже ложусь, но повертываюсь къ ней спиной и во всю ночь

не говорю ни слова. На другой день она, къ моему удовольствію, идетъ къ своей матери, супругѣ великаго визиря, и жалуется ей на мое невниманіе и гордое презрѣніе. Мать приходитъ ко мнѣ, униженно кланяется и цѣлуетъ мои руки. Она не смѣетъ даже называть меня зятемъ, изъ боязни оскорбить мою гордость, и говоритъ мнѣ „господинъ". Долго, со слезами на глазахъ, умоляетъ она меня, чтобы я не пренебрегалъ ея дочерью и удостоилъ приблизиться къ ней.—Вѣдь она только и думаетъ о томъ, какъ бы угодить, и любитъ тебя больше всего на свѣтѣ. Я разсѣянно слушаю ее и попрежнему остаюсь гордъ и непреклоненъ. Тогда она бросается къ моимъ ногамъ, обнимаетъ ихъ, цѣлуетъ и говоритъ сквозь рыданія:—О, господинъ! Неужели ты подозрѣваешь мою дочь въ безнравственности? Клянусь тебѣ, что какъ только она стала подростать, я не спускала съ нея глазъ, и ты первый мужчина, который видѣлъ ея лицо; не подвергай же ее такому униженію, удостой своимъ ласковымъ взглядомъ, рѣчами, и подкрѣпи въ ней готовность угождать тебѣ всѣми средствами. Но, видя мою непреклонность, она беретъ кубокъ, наливаетъ его виномъ и, обращаясь къ дочери, говоритъ ей:—Ну, поднеси сама этотъ кубокъ своему властелину, можетъ быть, онъ смягчитъ свою суровость и не откажется принять его изъ такихъ прекрасныхъ рукъ. Жена робко подходитъ ко мнѣ и, протягивая трепещущую руку съ кубкомъ, полнымъ вина, говоритъ:—Возлюбленный супругъ мой и повелитель, умоляю тебя всѣми благами, какія даровалъ тебѣ Богъ, прими этотъ кубокъ изъ рукъ твоей вѣрной рабыни. Но замѣтивъ, что я не гляжу на нее и попрежнему не обращаю никакого вниманія, она заливается горькими слезами и, поднеся кубокъ къ моимъ устамъ, восклицаетъ:—О, мой возлюбленный, свѣтъ моихъ очей, не гнѣвайся, но я не отойду отъ тебя, пока ты ни выпьешь это вино! Тогда, раздраженный такой назойливостью, я бросаю на жену молніеносный взглядъ, наношу ей звонкую пощечину и въ то же время ударомъ ноги отбрасываю ее далеко отъ софы.

Сумасбродный братъ мой до того увлекся своей фантазіей, что присоединилъ къ словамъ и самое дѣйствіе; онъ такъ сильно толкнулъ ногой свою воображаемую супругу, что корзина со стеклянной посудой вылетѣла въ дверь и грохнулась на мостовую. Весь товаръ, конечно, разбился вдребезги.

Сосѣдъ-портной, слышавшій съ начала до конца этотъ нелѣпый бредъ, такъ и покатился со смѣху.—Ахъ, какой же ты упрямый гордецъ! воскликнулъ онъ, не переставая хохотать; ну, за что было такъ обижать свою молодую супругу? Она такая милая, кроткая, невинная, а ты вонъ, поди, какъ раскуражился!... И не стыдно тебѣ издѣваться надъ такой красавицей? Ну, еслибъ я былъ на мѣстѣ твоего тестя, великаго визиря, я дѣйствительно оказалъ бы тебѣ почетъ передъ всѣмъ городомъ, росписавъ предварительно твою спину плетью.

Между тѣмъ печальная дѣйствительность образумила наконецъ брата: всѣ его мечты о богатствѣ и все его напускное чванство рушились вмѣстѣ съ корзиной. Сознаніе, что онъ самъ—своими глупыми бреднями—навлекъ на себя это несчастіе, еще болѣе усиливало въ немъ досаду и злобное отчаяніе. Онъ въ клочки изорвалъ на себѣ одежду, билъ себя кулаками по головѣ и лицу и такъ неистово кричалъ, что сосѣди выбѣгали изъ своихъ жилищъ, а прохожіе останавливались и спрашивали съ недоумѣніемъ, что случилось? Это происходило въ пятницу, въ то время, когда народъ собирался въ мечети на молитву,—слѣдовательно, прохожихъ на улицѣ было больше обыкновеннаго, и вскорѣ вокругъ несчастнаго Алнаскара собралась значительная толпа. Узнавъ, въ чемъ дѣло, одни снисходительно покачивали головой, другіе же, не стѣсняясь, хохотали во все горло. Но брату было не до смѣха,—онъ жалобно

продолжалъ вопить надъ осколками своего богатства. Въ это время по улицѣ проѣзжала какая то знатная госпожа верхомъ на мулѣ, покрытомъ роскошной попоной; вопли брата и собравшаяся толпа привлекли ея вниманіе, она остановила своего мула и освѣдомилась, что это значитъ? Ей сказали половину правды, то есть только то, что бѣднякъ по неосторожности лишился послѣдняго своего достоянія. Госпожа была

тронута положеніемъ Алнаскара и сказала своему евнуху, чтобы онъ отдалъ бѣднягѣ всѣ деньги, какія у него есть. Евнухъ повиновался и передалъ брату кошелекъ, въ которомъ оказалось пятьсотъ золотыхъ монетъ. Братъ даже подпрыгнулъ отъ радости и не находилъ словъ для выраженія своей неизмѣримой благодарности, затѣмъ бросилъ лавчонку, которая ему больше ни на что не была нужна, и, счастливый, вернулся домой.

Онъ весь еще находился подъ вліяніемъ неожиданнаго счастія и сидѣлъ въ своей комнатѣ, предаваясь радужнымъ мечтамъ, когда вдругъ кто то постучался къ нему въ дверь. Онъ окликнулъ: — Кто тамъ? и узнавъ по голосу, что это женщина, отворилъ ей.—Сынъ мой, входя, сказала незнакомка, я прошу у тебя милости: народъ теперь призывается къ молитвѣ, дозволь мнѣ совершить у тебя омовеніе, чтобы я также могла помолиться. Мнѣ ничего не нужно больше, кромѣ кувшина воды.—Братъ указалъ ей на умывальникъ, а самъ, усѣвшись на свое прежнее мѣсто, сталъ любоваться золотыми монетами, пересыпая ихъ въ длинный кошелекъ, приспособленный для ношенія подъ поясомъ. Между тѣмъ женщина, оказавшаяся старухой, омыла руки, лицо и, совершивъ молитву, приблизилась къ моему брату: она преклонилась передъ нимъ до земли, ударила лбомъ два раза объ полъ, словно молясь, и потомъ, вставъ, осыпала его благословеніями и пожеланіями всевозможныхъ благъ. Судя по ея невзрачной одеждѣ и по тому униженію, какое она выказывала передъ нимъ, братъ подумалъ, что это нищая, и подалъ ей двѣ золотыя монеты. Старуха отступила при этомъ назадъ, какъ бы оскорбленная предложеніемъ, и сказала:—Что ты, Господь съ тобой! Неужели ты принимаешь меня за одну изъ тѣхъ попрошаекъ, которыя ходятъ изъ двери въ дверь, домогаясь милостыни?... Прибереги свои деньги, я, слава Богу, не нуждаюсь въ нихъ. Моя прекрасная госпожа настолько добра и богата, что никогда не допуститъ меня до нужды.

Мой братъ, въ простотѣ душевной, конечно не могъ подозрѣвать, что хитрая старуха отказывается отъ двухъ золотыхъ монетъ для того, чтобы овладѣть всѣми. Онъ началъ распрашивать, кто ея госпожа, какихъ лѣтъ, велико ли ея состояніе, и въ заключеніе освѣдомился, не можетъ ли она доставить ему честь познакомиться съ ней.—Это очень легко, отвѣчала старуха, и знаешь ли, ты такой красивый, добрый, что она навѣрное выйдетъ за тебя замужъ и, вмѣстѣ съ сердцемъ, отдастъ тебѣ, конечно, все свое состояніе. Да нечего терять времени, бери свои деньги и пойдемъ со мной. Алнаскаръ едва вѣрилъ своимъ ушамъ. Столько счастья и въ такой короткій срокъ! думалъ онъ, сперва деньги свалились словно съ неба, а потомъ—красавица жена съ богатымъ приданымъ... Можно ли было тутъ еще о чемъ нибудь разду-

мывать? Онъ и не думалъ, а захвативъ свои пятьсотъ цехиновъ, отправился вслѣдъ за старухой.

Она пошла впередъ, а онъ немного поодаль, сзади; пройдя нѣсколько улицъ, старуха остановилась у воротъ одного громаднаго дома и постучалась въ дверь; Алнаскаръ приблизился къ своей спутницѣ въ ту минуту, когда молодая гречанка—невольница отворила входъ, и старуха, пропустивъ брата впередъ, провела его черезъ внутренній дворъ въ обширную залу, убранство которой вполнѣ подтверждало разсказы о богатствѣ хозяйки. Въ ожиданіи ея, Алнаскаръ сѣлъ на софу и, такъ какъ было жарко, снялъ чалму и положилъ ее около себя. Вскорѣ вошла молодая женщина, вся сіяющая красотой и драгоцѣнными украшеніями. Алнаскаръ глубоко поклонился ей, вставъ съ своего мѣста; но хозяйка вѣжливо попросила его сѣсть и сама сѣла рядомъ съ нимъ. Въ сердечныхъ выраженіяхъ она высказала, какъ рада такому гостю, благодарила за честь и, послѣ многихъ привѣтствій, попросила его перейти въ другую комнату.—Здѣсь намъ не такъ удобно, сказала она; дай мнѣ руку, я проведу тебя, и съ этими словами протянувъ ему

свою, повела его въ отдаленный покой. Тамъ красавица снова поговорила съ нимъ нѣсколько минутъ, а потомъ проворно встала и вышла, сказавъ, что сейчасъ же вернется. Не прошло и пяти минутъ, какъ, вмѣсто нея, явился высокій, черный невольникъ съ большой саблей на голо̀ и, злобно сверкнувъ глазами, крикнулъ:—Ты зачѣмъ здѣсь? Братъ до того смутился этимъ неожиданнымъ явленіемъ, что не могъ выговорить ни одного слова; тогда негръ до чиста обобралъ его и нѣсколькими

ударами сабли свалилъ на полъ; раны были не глубоки, но братъ мой, не потерявшій сознанія, счелъ за лучшее притвориться мертвымъ и лежалъ недвижимо. Однако убійца, изъ предосторожности, велѣлъ принести соли. Тотчасъ же другой невольникъ—грекъ принесъ ея цѣлый тазъ и сталъ растирать ею раны. Боль при этомъ была ужасная, но Алнаскаръ, сознавая всю опасность своего положенія, все таки имѣлъ настолько мужества, чтобы не обнаружить никакихъ признаковъ жизни. Когда невольники удалились, вполнѣ убѣжденные въ его смерти, въ комнату вошла та самая старуха, что привела его въ эту занадню; она ухватила его за ноги и оттащила къ подполью, потомъ, приподнявъ творило, столкнула туда. Отъ паденія и отъ сильной потери крови, братъ мой потерялъ сознаніе, но соль, которой натирали его раны, благодѣтельно подѣйствовала на него; онъ вскорѣ очнулся и увидалъ себя въ подземельѣ, среди множества труповъ, сброшенныхъ сюда, вѣроятно, такъ же, какъ и онъ. Въ теченіе двухъ дней, проведенныхъ здѣсь, онъ успѣлъ уже настолько собраться съ силами, что, ночью, въ состояніи былъ приподнять творило и выдти во дворъ, гдѣ, спрятавшись въ удобномъ мѣстѣ, дождался разсвѣта. При наступленіи утра, на дворѣ показалась та же отвратительная старуха; она открыла дверь и отправилась за новой добычей. Чтобы не попасться ей на глаза, братъ подождалъ немного, а потомъ выбрался изъ этого проклятаго вертепа и, прямо прибѣжавъ ко мнѣ, разсказалъ подробно обо всемъ, что случилось съ нимъ за этотъ короткій срокъ.

Черезъ мѣсяцъ, благодаря моимъ заботамъ и тѣмъ чудодѣйственнымъ средствамъ, какія я употреблялъ для излѣченія, братъ мой совершенно оправился, но его душила злоба противъ коварной старухи, и онъ рѣшился, во чтобы то ни стало, отомстить ей. Съ этой цѣлью онъ самъ нарядился старухой, взялъ длинный кошелекъ, вмѣстимостью на пятьсотъ золотыхъ монетъ, набилъ его, вмѣсто золота, осколками стекла, опаясался имъ вокругъ стана и, спрятавъ себѣ подъ платье острую саблю, вышелъ на улицу. Вскорѣ онъ встрѣтилъ свою старуху, которая по обыкновенію шныряла по городу, розыскивая какой нибудь новой жертвы; братъ остановилъ ее и сказалъ, поддѣлываясь подъ женскій голосъ:—Нѣтъ ли у тебя, голубушка, пробирныхъ вѣсковъ? Мнѣ бы хотѣлось провѣрить свое золото; я, видишь ли, персіанка, пріѣхала сюда только сегодня и никого здѣсь не знаю.—Изволь, милая, есть, отвѣтила старуха; самъ Богъ внушилъ тебѣ обратиться ко мнѣ. Иди же за мной, я поведу тебя къ своему сыну мѣнялѣ, онъ съ удовольствіемъ провѣритъ твои цехины и ничего не возьметъ за это. Только надо поспѣшить, а то я боюсь, какъ бы онъ ни ушелъ въ свою лавку. Они отправились и пришли къ тому же роскошному вертепу, гдѣ имъ отворила та же невольница гречанка.

Старуха провела моего брата въ залъ и просила обождать немного, пока она сходитъ за своимъ сыномъ. Черезъ нѣсколько минутъ мнимый сынъ явился, въ лицѣ того же чернаго невольника, и сказалъ грубымъ, повелительнымъ голосомъ: — Ну, старая корга, иди за мной. — Братъ всталъ и послѣдовалъ за нимъ въ ту комнату, гдѣ обыкновенно совершались убійства довѣрчивыхъ жертвъ; по дорогѣ, онъ вынулъ саблю и, подойдя поближе, ударилъ ею по шеѣ невольника такъ ловко, что голова скатилась съ плечъ. Тогда, открывъ подполье, онъ подтащилъ къ нему трупъ, и сбросилъ его туда вмѣстѣ съ отрубленной головой. Рабыня гречанка, давно уже привыкшая къ кровавымъ развязкамъ, совершавшимся въ этомъ домѣ, появилась было съ тазомъ, полнымъ соли, но увидавъ Алнаскара съ саблей въ рукѣ и съ открытымъ лицомъ, обнаружившимъ въ немъ переодѣтаго мужчину, такъ испугалась, что выронила тазъ и бросилась бѣжать; братъ въ нѣсколько прыжковъ очутился около нея и также однимъ ударомъ снесъ ей голову съ плечъ. Но тутъ прибѣжала старуха, и прежде, чѣмъ она могла сообразить, въ чемъ дѣло, братъ крѣпко схватилъ ее и воскликнулъ:—А, проклятая вѣдьма! Узнаешь ты меня?—Нѣтъ, господинъ, въ испугѣ отвѣчала старуха, я не знаю, кто ты, и не помню, чтобы когда нибудь встрѣчала тебя.—Не завидная же у тебя память, замѣтилъ братъ, а помнишь, какъ съ мѣсяцъ тому назадъ ты заходила умыться, чтобы совершить свою лицемѣрную молитву?—О, пощади меня! воскликнула старуха и бросилась къ его ногамъ, но онъ тутъ же разрубилъ ее на четыре части.

Послѣ того оставалась одна молодая красавица, которая ничего еще не знала о происходившемъ; Алнаскаръ пошелъ искать ее по всему дому. Она сидѣла въ своей комнатѣ и, увидавъ брата, сразу узнавъ его, едва не лишилась чувствъ отъ испуга. Однакожъ красота ея вмѣстѣ съ мольбами о пощадѣ, смягчили сердце мстителя, и онъ рѣшился оставить ей жизнь.—Я не понимаю, сказалъ онъ, какъ ты могла упасть такъ низко и дойти до сообщничества съ такими людьми, которымъ мало было висѣлицы?—О, не по своей волѣ! отвѣчала красавица. Я была женой честнаго купца, а эта злодѣйка старуха часто захаживала въ нашъ домъ; не подозрѣвая за ней ничего дурного, мы принимали ее ласково; и вотъ, какъ то разъ приходитъ она и приглашаетъ меня на свадьбу въ своемъ домѣ:—Сдѣлай мнѣ честь, говоритъ, у насъ будетъ очень весело. Я имѣла неосторожность согласиться, и старуха привела меня сюда; съ той поры, уже цѣлыхъ три года, она силой удерживаетъ меня и заставляетъ помогать своимъ чудовищнымъ злодѣйствамъ.—Однако, продолжалъ братъ, по всему видно, что занятіе ея было не безвыгодно; разбойникъ негръ долженъ былъ награбить большое богатство?—Да, отвѣтила красавица, въ этомъ домѣ столько сокровищъ, что еслибы ты только могъ унести ихъ, они обогатили бы тебя на всю

жизнь. Впрочемъ, поди посмотри самъ. Она встала и провела брата въ потайную комнату, гдѣ открыла передъ нимъ нѣсколько сундуковъ, полныхъ золота и драгоцѣнныхъ вещей.—Не теряй же времени, приведи носильщиковъ и возьми все это себѣ, сказала она. Алнаскаръ нашелъ этотъ совѣтъ какъ нельзя болѣе благоразумнымъ и тотчасъ же отправился за людьми. Онъ пробылъ въ отсутствіи ровно столько времени, сколько потребовалось, чтобы нанять десятерыхъ человѣкъ; однакожъ и этого короткаго срока было вполнѣ достаточно для хитрой и ловкой красавицы, чтобы осуществить задуманный обманъ. При своемъ возвращеніи, братъ нашелъ всѣ двери открытыми; домъ опустѣлъ и сундуки исчезли всѣ вмѣстѣ съ самой красавицей. Въ сильной досадѣ, и чтобы хоть сколько нибудь вознаградить себя за отнятыя у него деньги, онъ приказалъ носильщикамъ забирать мебель, утварь, одежды, все, что было получше, и нести къ нему. При выходѣ изъ вертепа, онъ, по разсѣянности, забылъ притворить двери, и это привлекло вниманіе сосѣдей, которые видя такое опустошеніе дома, донесли объ этомъ начальнику полиціи. Алнаскаръ, ничего не подозрѣвая, проспалъ спокойно всю ночь; онъ даже утѣшался въ своей прежней потерѣ, такъ какъ захваченныя имъ вещи во всякомъ случаѣ стоили болѣе пятисотъ цехиновъ. Но на слѣдующее утро, едва онъ показался на улицѣ, какъ былъ окруженъ цѣлымъ отрядомъ солдатъ, человѣкъ въ двадцать, которые объявили ему, что начальникъ полиціи требуетъ его къ себѣ. Алнаскаръ не могъ ожидать ничего хорошаго отъ этого приглашенія и потому сталъ просить своихъ конвойныхъ, чтобы они дали ему скрыться, обѣщая имъ за это довольно крупную сумму денегъ; однакожъ солдаты, въ виду строгаго приказанія начальника, не рѣшились на взятку и, связавъ его, насильно повели за собой. По дорогѣ имъ встрѣтился одинъ изъ близкихъ друзей Алнаскара, который, узнавъ въ чемъ дѣло, предложилъ солдатамъ еще болѣе значительную сумму съ тѣмъ, чтобы они отпустили моего брата и донесли своему начальнику, что не нашли его. Но стража опять осталась непреклонной и довела своего плѣнника по назначенію.

Здѣсь начальникъ полиціи строго спросилъ его:—Говори по правдѣ, гдѣ ты взялъ всѣ тѣ вещи, которыя вчера были перенесены къ тебѣ?—Господинъ судья, отвѣтилъ братъ, я не укралъ ихъ и готовъ открыть тебѣ всю истину, но прежде позволь мнѣ прибѣгнуть къ твоему милосердію и просить твоего честнаго слова, что мнѣ не будетъ сдѣлано никакого зла. Судья обѣщалъ, и тогда братъ разсказалъ ему со всѣми подробностями все, что съ нимъ случилось съ той минуты, какъ пришла старуха и до исчезновенія молодой женщины вмѣстѣ съ сундуками.—Если же я взялъ и велѣлъ отнести къ себѣ кое что изъ разбойничьяго дома, добавилъ отвѣтчикъ, то это было сдѣлано въ видѣ вознагражденія за отнятыя у меня деньги.

Судья молча выслушалъ его и отрядилъ къ нему въ домъ нѣсколькихъ солдатъ, чтобы они захватили тамъ все, что найдется, и перенесли въ его собственный складъ. Когда же стражники вернулись и донесли, что данное имъ приказаніе исполнено въ точности, начальникъ объявилъ брату, чтобы онъ немедленно оставилъ городъ и никогда не возвращался въ него, подъ угрозой смертной казни. Это онъ сдѣлалъ потому, что боялся, какъ бы Алнаскаръ, оставшись въ городѣ, не вздумалъ пожаловаться на него калифу за несправедливо отнятое имущество. Какъ бы то ни было, но братъ безропотно подчинился своему приговору и ушелъ изъ города, чтобы искать себѣ убѣжище гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Но одна бѣда, говорятъ, всегда ведетъ за собой другую; не успѣлъ мой братъ отойти отъ Багдада, какъ на него напали разбойники и обобрали всего догола. Къ счастію еще, до меня скоро дошла вѣсть объ этой новой невзгодѣ; запасшись одеждой, я поспѣшилъ къ нему на помощь и тайно провелъ его въ Багдадъ, гдѣ заботился о немъ наравнѣ съ другими братьями, бывшими на моемъ попеченіи.

О шестомъ братѣ Шакабахѣ.

Теперь мнѣ остается только разсказать тебѣ, государь, о своемъ шестомъ братѣ Шакабахѣ, прозванномъ впослѣдствіи *Четырегубымъ*. Послѣ нашего раздѣла, онъ очень выгодно употребилъ свою сотню драхмъ и началъ было жить безбѣдно, но потомъ счастье измѣнило ему, и онъ также принужденъ былъ добывать себѣ пропитаніе милостыней. Съ теченіемъ времени онъ пріобрѣлъ въ этомъ промыслѣ большую снаровку и дѣлалъ довольно значительные сборы, обыкновенно выбирая богатые дома и стараясь проникать туда съ помощью задабриванія слугъ.

Однажды ему случилось проходить мимо громаднаго, великолѣпнаго дворца, на обширномъ дворѣ котораго, сквозь высокія полуотворенныя ворота, виднѣлась цѣлая толпа нарядныхъ рабовъ. Шакабахъ подошелъ къ одному изъ нихъ и спросилъ, униженно кланяясь, кому принадлежитъ

этотъ дворецъ.—Откуда ты, добрый человѣкъ, отвѣтилъ ему слуга, если даже и этого не знаешь? По одному уже наружному богатству ты долженъ бы догадаться, что здѣсь живетъ вельможный Бармесидъ. Шакабахъ слыхалъ объ этомъ знатномъ родѣ, прославившемся своими щедрыми благодѣяніями, и потому рѣшился попытать счастья; онъ подошелъ къ привратникамъ и, низко кланяясь, попросилъ милостыни.—Войди, сказали они ему, никто тебѣ не мѣшаетъ, и обратись къ самому хозяину; онъ навѣрное не отпуститъ тебя съ пустыми руками.

Шакабахъ не ожидалъ такой удачи; поблагодаривъ привратниковъ, онъ смѣло вступилъ во дворецъ, но едва не запутался въ его безчисленныхъ переходахъ и долго блуждалъ, не зная, гдѣ отыскать хозяина. Наконецъ онъ замѣтилъ за внутреннимъ дворомъ большое, четырехъугольное зданіе прекрасной архитектуры, съ изящными лѣпными украшеніями, и направился туда открытой галереей, изъ которой виднѣлся роскошный садъ, съ аллеями, вымощенными разноцвѣтными камушками. Нижніе покои зданія находились за сквозными арками, завѣшанными богатой матеріей; онѣ то открывались, то закрывались, смотря по времени и погодѣ.

Видъ былъ очаровательный, и братъ навѣрное восхитился бы имъ, еслибы вступалъ сюда на правахъ гостя, а не въ качествѣ скромнаго просителя, скорѣе смущеннаго этимъ богатствомъ. Однакожъ онъ продолжалъ подвигаться впередъ и вскорѣ вступилъ въ большую залу, роскошно убранную, всю расписанную золотомъ и лазурью. Посреди комнаты, на возвышеніи почетнаго мѣста, онъ увидалъ старика, въ богатой одеждѣ, мужественнаго, красиваго, съ длинной, сѣдой бородой. Шакабахъ, конечно, сразу догадался, что это самъ хозяинъ дома, и униженно поклонился ему до земли. — А, добро пожаловать, привѣтливо сказалъ Бармесидъ, чѣмъ могу служить тебѣ?—Могущественный господинъ, отвѣтилъ братъ самымъ жалобнымъ голосомъ, я бѣднякъ и нуждаюсь въ помощи такихъ добрыхъ и щедрыхъ людей, какъ ты.

Бармесидъ взглянулъ на брата съ глубокимъ состраданіемъ и, какъ бы пораженный его неожиданнымъ отвѣтомъ, порывисто поднесъ руки къ груди, словно хотѣлъ разорвать на себѣ одежду.—О, неужели, воскликнулъ онъ, въ нашемъ славномъ, знаменитомъ Багдадѣ терпятъ нужду такіе люди, какъ ты!... Нѣтъ, я не допущу этого. Тогда братъ мой, ободренный такимъ пріемомъ, уже не сомнѣваясь, что получитъ богатую милостыню, сталъ осыпать вельможу благословеніями и пожеланіями всевозможныхъ благъ.—Будь увѣренъ, продолжалъ Бармесидъ, я не покину тебя никогда. — Великодушный благодѣтель мой, отвѣтилъ на это братъ, прежде всего дай мнѣ поѣсть чего нибудь; клянусь тебѣ, что во весь нынѣшній день у меня не было ни одной крохи во рту. — Какъ! воскликнулъ Бармесидъ, ты пришелъ ко мнѣ въ такой поздній часъ и

ничего еще не ѣлъ? Да ты, вѣроятно, просто умираешь съ голода.... Эй, мальчикъ! давай скорѣй умывальникъ, чтобы вымыть намъ руки, и вели накрывать на столъ. Ни мальчика, ни умывальника не появлялось, тѣмъ не менѣе хозяинъ, сдѣлавъ видъ, что моетъ руки, пригласилъ и гостя къ тому же. Шакабахъ, давно привыкшій къ разнымъ причудамъ богачей, тотчасъ же догадался, что хозяинъ желаетъ пошутить надъ нимъ, а такъ какъ онъ зналъ, что бѣдняки не имѣютъ права обижаться на шутки, даже самыя злыя, и должны переносить все, чтобы заслужить милость своихъ благодѣтелей, то приблизился и также изобразилъ омовеніе рукъ.

— Ну, теперь скорѣе за столъ! воскликнулъ Бармесидъ, эй, кто тамъ! подавайте обѣдъ, и чтобы живо одно кушанье смѣнялось другимъ!— Оба усѣлись за столъ, и, хотя ничего не было подано, однако хозяинъ дѣлалъ видъ, что беретъ что то съ блюда, подноситъ ко рту и жуетъ.— Кушай же, дорогой гость, въ то же время говорилъ онъ брату, пожалуйста кушай, не стѣсняйся, будь, какъ дома. Право, мнѣ кажется, ты немного церемонишься, этакъ ты опять можешь остаться голоднымъ.— Напротивъ, милостивый господинъ, отвѣчалъ братъ, ты видишь, я не теряю времени и ѣмъ за десятерыхъ. И дѣйствительно, въ подражаніе хозяину, онъ бралъ воображаемыя кушанья и усердно шевелилъ челюстями.—А что ты скажешь объ этомъ пирогѣ? продолжалъ вельможа, не правда ли, очень вкусенъ?— Что касается до меня, отвѣчатъ братъ, мнѣ никогда еще не приходилось ѣсть такого бѣлаго и нѣжнаго печенья.—Ну, и слава Богу, что нравится, такъ кушай же, кушай. Говоря по правдѣ, мнѣ не дешево обходится это удовольствіе; я заплатилъ пятьсотъ цехиновъ за свою булочницу, но за то, какъ видишь, она и мастерица своего дѣла.

Нахвалившись булочницей и ея печеньемъ, Бармесидъ снова воскликнулъ:—Эй, мальчикъ, подавай другое блюдо! Фантастическій мальчикъ со вторымъ блюдомъ точно также промелькнулъ только въ воображеніи брата, но это не помѣшало хозяину потчивать гостя и говорить ему:—Попробуй вотъ этого. Я увѣренъ, что ты никогда не ѣдалъ баранины, такъ хорошо приготовленной.—Да, превосходно, отвѣчалъ братъ, мнѣ кажется, я просто объѣмся этого блюда!—Ахъ, очень, очень радъ, продолжалъ хозяинъ, ты доставляешь мнѣ большое удовольствіе, дѣлая честь моему скромному угощенію. Прошу тебя, кушай и ничего не оставляй отъ этого блюда, если оно тебѣ такъ понравилось. Брату не трудно было исполнить это желаніе, такъ какъ въ дѣйствительности ничего и не было. Черезъ минуту Бармесидъ потребовалъ жаренаго гуся подъ сладкимъ соусомъ, приправленнымъ медомъ, изюмомъ, горошкомъ и сухими финиками. — Этого я, пожалуй, несовѣтую тебѣ много ѣсть; гусь очень жиренъ, а намъ слѣдуетъ еще поберечь свои желудки для дру-

гихъ—болѣе вкусныхъ блюдъ.—И дѣйствительно онъ продолжалъ требовать одно кушанье за другимъ и одно вкуснѣе другого, но, къ сожалѣнію, всѣ они были такъ же существенны, какъ и предыдущія, и голодный братъ мой принужденъ былъ довольствоваться одними ихъ названіями. Но что болѣе всего расхваливалъ хозяинъ, это ягненка, откормленнаго фисташками.—Вотъ такого кушанья, говорилъ онъ, ужь навѣрное ни у кого не встрѣтишь во всемъ Багдадѣ, и нигдѣ не сумѣютъ приготовить его такъ, какъ у меня. Такъ кушай же досыта.—При этомъ онъ будто бы взялъ кусокъ двумя пальцами и поднесъ его ко рту своего гостя.—На, попробуй, ты самъ убѣдишься, что я говорю правду. Братъ вытянулъ шею, открылъ ротъ и сдѣлалъ видъ, что жуетъ и проглатываетъ мнимый кусокъ съ величайшимъ удовольствіемъ.—Я зналъ, что это должно тебѣ понравиться, продолжалъ Бермесидъ.—О, безъ сомнѣнія! отвѣтилъ братъ, я по крайней мѣрѣ не знаю блюда вкуснѣе этого, да и вообще у тебя *удивительный* столъ.—Подавайте соусъ! Онъ тоже непремѣнно понравится тебѣ. Ну, какъ—хорошъ?—Превосходный, превосходный! отвѣчалъ братъ; тутъ все есть: и имбирь, и перецъ, и мушкатный орѣхъ, и гвоздика, и амбра... и все это такъ хорошо соединено, что одинъ ароматъ не мѣшаетъ другому. О какая прелесть!...—Ну, такъ кушай же, кушай на здоровье, повторялъ хозяинъ. Эй, мальчикъ! Подавай другой соусъ... — Нѣтъ ужь уволь, перебилъ его гость, я такъ сытъ, что рѣшительно не могу больше ничего проглотить.

— Такъ убрать все и принести намъ плодовъ и сластей, приказалъ хозяинъ, обращаясь къ невидимымъ слугамъ. Потомъ, переждавъ нѣсколько минутъ, какъ бы давая время исполнить приказаніе, онъ продолжалъ:—Совѣтую тебѣ отвѣдать вотъ этихъ миндальныхъ орѣховъ, они совершенно свѣжіе, только что сорванные. И вслѣдъ за тѣмъ оба принялись шелушить миндаль и ѣсть его съ удовольствіемъ. Угощеніе воображаемыми сластями продолжалось съ такимъ же усердіемъ, какъ и во время фантастическаго обѣда. Бармесидъ не переставалъ предлагать брату плодовъ, вареній, шербетовъ и проч., наконецъ, снова какъ бы поднеся ему что то ко рту, проговорилъ:—А вотъ это отличная вещь для сваренія желудка, попробуй! Шакабахъ, открывъ ротъ, сдѣлалъ видъ, что откусываетъ и ѣстъ.—Да, чудесно и пахнетъ какъ будто мускусомъ, отвѣтилъ онъ.—Признаюсь, продолжалъ Бармесидъ, такой вещи не скоро найдешь во всемъ Багдадѣ, только у меня и могутъ приготовлять это лакомство. Кушай больше не стѣсняйся.—Но братъ уже усталъ шевелить челюстями при непрерывномъ жеваньѣ разныхъ пустышекъ.—Довольно, милостивый господинъ, возразилъ онъ; мой желудокъ до того переполнился, что въ него не войдетъ больше ни одного куска.

— Ну, въ такомъ случаѣ, давай выпьемъ, чтобы промочить горло.

Послѣ сытнаго обѣда это очень хорошо *). Надѣюсь, вѣдь ты не откажешься отъ хорошаго вина?—Нѣтъ, господинъ, дозволь мнѣ лучше не пить. Вопервыхъ, это запрещается законами нашей религіи...—Ну, ты ужъ больно строго относишься къ разнымъ предписаніямъ, перебилъ его Бармесидъ, слѣдуй-ка моему примѣру.—Изволь, развѣ немного, и то въ угоду тебѣ, сказалъ Шакабахъ; я вижу, ты хочешь задать мнѣ настоящій пиръ; а все таки, кажется, не слѣдовало бы пить. Къ вину я непривыченъ, а въ пьяномъ видѣ, ты знаешь, легко можно забыться и поступить противъ приличія, и даже, чего я особенно боюсь, противъ должнаго почтенія тебѣ. Право, лучше не надо; я удовольствуюсь одной водой.—Нѣтъ, нѣтъ, возразилъ Бармесидъ, это невозможно, ты долженъ пить. Тутъ онъ велѣлъ принести различныхъ винъ. Все это, конечно, было опять таки на словахъ: никакихъ винъ и плодовъ не подавалось, и во все время ихъ отвлеченнаго пиршества никто даже не заглянулъ къ нимъ. Тѣмъ не менѣе Бармесидъ сдѣлалъ видъ, что наполняетъ кубокъ и осушаетъ до дна; потомъ, обращаясь къ брату, сказалъ:—Выпей, дорогой гость, за мое здоровье и скажи откровенно, какъ ты находишь это вино? Шакабахъ взялъ мнимый кубокъ, посмотрѣлъ въ него на свѣтъ, поднесъ къ носу, какъ бы желая опредѣлить качество цвѣта и запаха; потомъ, низко склонивъ голову въ знакъ особаго почтенія къ хозяину, началъ пить, не спѣша, съ разстановкой, будто наслаждаясь живительной влагой.—Превосходное, восхитительное вино! повторялъ онъ, одно только—мнѣ кажется, оно черезчуръ слабо.—О, если ты желаешь чего нибудь покрѣпче, такъ за этимъ у насъ дѣло не станетъ. Мой погребъ, благодареніе Богу, полонъ всевозможныхъ винъ. Вотъ отвѣдай этого, можетъ быть, оно придется тебѣ болѣе по вкусу. И онъ будто наполнилъ кубокъ другимъ виномъ, выпилъ сначала самъ и передалъ гостю. Это повторялось столько разъ, что Шакабахъ, вѣрный своей роли, сталъ подчиняться дѣйствію вина и хмѣлѣть постепенно. Коснѣющимъ языкомъ онъ сначала говорилъ разныя дерзости хозяину и наконецъ, вдругъ, неожиданно ударилъ его по головѣ да такъ ловко, что тотъ свалился на полъ; онъ даже хотѣлъ было повторить ударъ, но Бармесидъ, выставивъ для защиты обѣ руки впередъ, закричалъ:—Что ты съума, что ли сошелъ?!... Тогда братъ, какъ бы очнувшись немного, сказалъ:—Ахъ, да... ты хозяинъ... Ну, прости великодушно... Я немножко того... не разобралъ. Нѣтъ, чортъ возьми, не слѣдуетъ мнѣ пить. Но вѣдь ты, господинъ, и самъ отчасти не правъ. Ты

---

*) У всѣхъ восточныхъ народовъ и въ особенности у магометанъ—пьютъ только послѣ обѣда. Но, чтобы утолить жажду, которая можетъ явиться и во время ѣды, къ ихъ столу подаютъ разные прохладительные напитки, шербеты, персики, вишни, малину и проч.

(Галланъ).

принялъ меня-бѣдняка, накормилъ отличнымъ обѣдомъ, угостилъ сластями,—ну, и довольно бы. Зачѣмъ еще нужно было поить меня? Къ тому же я вѣдь предупреждалъ, что въ пьяномъ видѣ могу оказать тебѣ неуваженіе, такъ вотъ оно и вышло. Чтожъ теперь мнѣ дѣлать,—я и самъ не радъ этому.

Между тѣмъ Бармесидъ и не думалъ сердиться; поднявшись съ пола, онъ хохоталъ неудержимо.—Ну, молодецъ! говорилъ онъ; давно я искалъ такого человѣка, какъ ты; вотъ ужъ истинно—угодилъ, такъ угодилъ. Я не только не сержусь на тебя за нанесенный ударъ, но съ этого дня ты мой лучшій другъ и никогда не разстанешься со мной. Однако, довольно шутокъ, ты и такъ, въ угоду мнѣ, слишкомъ долго переносилъ ихъ,—теперь давай отобѣдаемъ настоящимъ образомъ. Онъ ударилъ въ ладоши, и тотчасъ же явились заправскіе слуги, которые въ одну минуту накрыли столъ и подали обѣдъ. Бармесидъ угостилъ моего брата именно тѣми самыми кушаньями, которыми передъ тѣмъ кормилъ его только въ воображеніи. Когда убрали со стола и принесли различныхъ винъ и плодовъ, явилась цѣлая толпа красивыхъ, нарядныхъ невольницъ, которыя, подъ звуки музыки, огласили залу веселыми пѣснями. Во все послѣдующее время Бармесидъ относился къ Шакабаху неизмѣнно ласково и дружелюбно, а подконецъ подарилъ ему одно изъ своихъ богатыхъ одѣяній.

Расположеніе Бармесида къ моему брату оказалось довольно прочнымъ; вельможа подмѣтилъ въ немъ столько ума и сообразительности, что мало помалу поручилъ его управленію весь свой домъ и передалъ ему всѣ свои дѣла. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ, Шакабахъ съ честью оправдывалъ довѣріе своего великодушнаго благодѣтеля, и только смерть, постигшая Бармесида уже въ глубокой старости, разлучила ихъ. Такъ какъ покойный не оставилъ наслѣдниковъ, то все его имущество перешло въ казну, при чемъ чиновники калифа такъ поусердствовали, что не оставили въ покоѣ и моего брата. Они отобрали у него все, что онъ могъ пріобрѣсти за время своей многолѣтней службы, и привели его въ то же самое положеніе, какое ему приходилось испытывать двадцать лѣтъ передъ тѣмъ. Съ горя, онъ присоединился къ одному каравану, отправлявшемуся въ Мекку на поклоненіе, и разсчитывалъ было совершить это путешествіе на счетъ другихъ богомольцевъ; но, къ несчастію, караванъ вскорѣ подвергся нападенію бедуиновъ: они разграбили его, а вмѣстѣ съ добычей подѣлили между собой и людей. Шакабахъ достался на долю одного очень жаднаго и свирѣпаго бедуина *), который въ продолженіе нѣсколькихъ дней билъ

*) Бедуины—бродячія племена, живущія въ пустыняхъ. Они избѣгаютъ осѣдлости и ведутъ жизнь, согласную съ преданіями своихъ предковъ самыхъ отдаленныхъ временъ. Всѣ они пастухи и вмѣстѣ воины располагаются въ шатрахъ и предпочита-

его палками, чтобы принудить внести за себя выкупъ. Братъ божился и клялся, что онъ нищій и ничего не можетъ уплатить.—Я твой рабъ, говорилъ онъ ему, ты воленъ дѣлать со мной, что угодно, но никакими истязаніями нельзя заставить человѣка дать то, чего у него нѣтъ. Повторяю,—я нищъ и убогъ и не въ состояніи внести за себя ни одной драхмы.—Однакожъ ни слова, ни слезы брата, не могли умилостивить жестокаго бедуина; сперва онъ билъ его, чтобы получить выкупъ, теперь же, потерявъ всякую надежду на выручку, сталъ бить уже со злости, въ отмщеніе за причиненный ему убытокъ, и разъ онъ пришелъ въ такое бѣшенство, что выхватилъ ножъ и разрѣзалъ имъ губы своему плѣннику.

У этого бедуина была очень красивая и очень добрая жена; она всѣми средствами старалась утѣшить брата и облегчить его тяжкую долю; когда же мужъ отправлялся куда нибудь на новую добычу, вниманіе и заботливость ея еще увеличивались. Тогда она даже ясно, безъ всякаго стѣсненія, выражала плѣннику свою любовь, но тотъ слишкомъ боялся бедуина и слишкомъ былъ несчастливъ для того, чтобы отвѣчать на ея ласки; поэтому онъ настолько же старался избѣгать ея, насколько она къ нему льнула. Тѣмъ не менѣе, отношенія между ними установились такія, что жена постоянно шутила да заигрывала съ нимъ и разъ, забывшись, позволила себѣ такую же шутку въ присутствіи мужа. Шакабахъ, къ несчастію, не замѣтивъ его зоркаго наблюденія, отвѣтилъ тоже какой то вольностью. Тогда взбѣшенный бедуинъ, вообразивъ, что между женой и невольникомъ существуетъ преступная связь, набросился, какъ тигръ, избилъ его до полусмерти, затѣмъ посадилъ на своего верблюда и отвезъ на возвышенность одной скалистой горы; гдѣ и бросилъ, раздѣвъ предварительно до нага. Гора эта нахо-

---

ютъ свою свободу, полную опасностей и всевозможныхъ лишеній, самой лучшей жизни большихъ городовъ. Всѣ старанія подчинить ихъ до сихъ поръ оставались безуспѣшны; война съ ними невозможна не вслѣдствіе трудности побѣды, а вслѣдствіе ея безполезности: не говоря о большихъ жертвахъ и цѣлыхъ потокахъ крови, какихъ стоило бы водвореніе между ними осѣдлости,—выгоды отъ этого не получилось бы никакой, даже въ самомъ отдаленномъ будущемъ. Какъ всѣ обитатели пустынь, бедуины обладаютъ многими знаніями въ естественной исторіи, полезными для ихъ полудикой жизни. Они умѣютъ, напримѣръ, открывать источники, знаютъ свойства различныхъ травъ, растеній, минераловъ и стойко переносятъ всѣ невзгоды, какимъ только можетъ подвергаться человѣкъ, удаленный отъ общества.

Вмѣстѣ съ тѣмъ они не прочь и отъ болѣе легкой наживы: дѣлаютъ нападенія на караваны, грабятъ ихъ, но при этомъ гнушаются безполезнаго пролитія крови и прибѣгаютъ къ убійству только въ крайнихъ случаяхъ, когда ихъ вынуждаетъ на это или самозащита, или упорное сопротивленіе. Обыкновенно же они отпускаютъ невредимо обобранныхъ жертвъ, часто даже оказываютъ имъ гостепріимство и, разграбивъ караванъ, ему же служатъ потомъ проводниками, изъ опасенія, чтобы несчастные путники не сбились съ дороги и не погибли въ пустынѣ.

(Галланъ).

дилась по дорогѣ въ Багдадъ, такъ что проѣзжавшіе тутъ знакомые люди увидали брата и сообщили мнѣ о его несчастномъ положеніи. Я, разумѣется, немедленно отправился за нимъ, провелъ его въ городъ и помогъ ему всѣмъ, что было въ моихъ средствахъ.

Вотъ что я разсказалъ калифу Мостансэру Биллаху, продолжалъ цирюльникъ; повидимому онъ слушалъ меня не безъ удовольствія, а по окончаніи милостиво разсмѣялся и молвилъ:—Ну, теперь я вполнѣ убѣжденъ, что прозваніе *молчаливаго* дано тебѣ по заслугамъ. Никто не можетъ сомнѣваться въ этомъ, а все таки, по своимъ личнымъ соображеніямъ, добавилъ онъ, я приказываю тебѣ немедленно оставить мою столицу. Иди, и чтобы болѣе я никогда о тебѣ не слыхалъ. — Что же было дѣлать, приходилось подчиняться монаршему повелѣнію; я безропотно покинулъ свой родной городъ и болѣе двадцати лѣтъ скитался по чужимъ странамъ, пока наконецъ ни узналъ, что несправедливый калифъ скончался. Тогда я снова возвратился въ Багдадъ, но уже не засталъ въ живыхъ ни одного изъ своихъ шести братьевъ. Вскорѣ послѣ возвращенія, мнѣ удалось оказать этому молокососу ту важную услугу, о которой вы сейчасъ слышали; но видите—какова нынче благодарность!... Вмѣсто того, чтобы навѣкъ остаться признательнымъ мнѣ,

онъ вздумалъ бѣжать изъ города и скрываться отъ меня, словно отъ чумы. Надо было образумить молодого человѣка и я счелъ своей обязанностью сдѣлать это, во что бы ни стало; поэтому, какъ только мнѣ стало извѣстно, что онъ бѣжалъ изъ Багдада, я пустился вслѣдъ за нимъ наудачу, такъ какъ мнѣ никто не могъ сказать, куда онъ направилъ свой путь. Давно уже я ищу его по всѣмъ странамъ Востока, и вотъ, совершенно неожиданно для себя встрѣчаюсь съ нимъ въ вашемъ обществѣ. Теперь скажите по совѣсти, господа, послѣ всего, что произошло, могъ ли я ожидать, чтобы онъ на меня сердился?...

Когда цирюльникъ окончилъ свои разсказы, всѣ должны были признать, что онъ дѣйствительно черезчуръ многорѣчивъ, но такъ какъ другихъ предосудительныхъ качествъ за нимъ не имѣлось, то мы охотно согласились, чтобы онъ остался съ нами и принялъ участіе въ нашей пирушкѣ. Всѣ сѣли за столъ и угощались до самаго начала молитвы между полуднемъ и закатомъ солнца, затѣмъ стали расходиться по домамъ, а такъ какъ до вечера было еще много времени, то я завернулъ поработать въ свою мастерскую и оставался тамъ до закрытія.

Вотъ именно въ это то самое время пьяный горбунокъ усѣлся на моемъ порогѣ и запѣлъ, подыгрывая себѣ на цимбалѣ. Мнѣ вздумалось доставить удовольствіе своей женѣ и потому я пригласилъ пѣвца къ себѣ въ домъ, чтобы онъ позабавилъ насъ. Къ ужину жена подала намъ рыбу, и горбунокъ ѣлъ такъ неосторожно, что подавился костью и тутъ же упалъ замертво. Мы бросились, чтобы оказать ему первую помощь, но всѣ наши старанія оставались безполезны, горбунокъ не проявлялъ никакихъ признаковъ жизни. Тогда, въ своемъ смущеніи и страхѣ, какъ бы насъ ни обвинили въ умышленномъ убійствѣ, мы рѣшились удалить мертвеца изъ своего дома и ловко навязали его врачу еврею. Тотъ, въ свою очередь, спустилъ его черезъ трубу къ сосѣду поставщику, а поставщикъ твоего величества отнесъ его на уголъ улицы и прислонилъ къ стѣнѣ, гдѣ купецъ христіанинъ только нечаянно повалилъ трупъ. Рѣши теперь самъ государь нашъ и повелитель, чего мы достойны милости твоей, или смерти.

Касгарскій султанъ внимательно выслушалъ портного, и лицо его мало помалу стало проясняться, что дало осужденнымъ надежду на помилованіе.

— Да, это не дурно, промолвилъ онъ наконецъ, и я долженъ сознаться, что приключенія хромоногаго юноши и шестерыхъ братьевъ цирюльника гораздо забавнѣе происшествія съ моимъ шутомъ. Я держу свое слово и дарую вамъ жизнь, но прежде, чѣмъ отпустить васъ и предать погребенію тѣло несчастнаго горбунка, я желаю видѣть того цирюльника, благодаря которому вы избавились отъ смерти. По твоимъ словамъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ портному, этотъ необыкновен-

ный человѣкъ находится въ моей столицѣ, такъ возьми кого нибудь изъ моей стражи и сейчасъ же приведи его ко мнѣ.

Портному извѣстно было пристанище цирюльника, онъ скоро нашелъ его и привелъ къ султану. Вотъ какова была наружность *молчаливаго*, старика уже лѣтъ восьмидесяти: бѣлыя, какъ снѣгъ, борода и брови, отвислыя уши, громадный носъ крючкомъ. При видѣ его султанъ не могъ удержаться отъ смѣха. — Молчаливый человѣкъ, сказалъ онъ ему, до меня дошли слухи, что ты мастеръ разсказывать разныя исторіи, не разскажешь ли и мнѣ какую нибудь?—Государь, отвѣтилъ цирюльникъ, дѣйствительно я знаю много удивительныхъ событій, но дозволь мнѣ на время отложить свои разсказы и почтительно просить твое величество сказать мнѣ, зачѣмъ собрались у тебя всѣ эти люди вмѣстѣ съ горбункомъ, который кажется мнѣ мертвымъ. Султанъ улыбнулся такой смѣлости и сказалъ:—Да тебѣ то что же за дѣло до этого? — А вотъ именно, государь, потому я и спрашиваю, чтобы доказать, что меня интересуетъ всякое дѣло и что я не болтунъ какой нибудь, какъ это нѣкоторые ошибочно предполагаютъ, а человѣкъ серьезный и молчаливый.

Касгарскій султанъ снова улыбнулся и благосклонно приказалъ удовлетворить любопытство этого чудака. Когда ему разсказали со всѣми подробностями о происшествіи съ горбункомъ, онъ покачалъ головой, какъ бы находя тутъ что то не совсѣмъ понятнымъ.—Да, проговорилъ онъ съ разстановкой, дѣйствительно очень странно... А позвольте ка мнѣ взглянуть поближе. И, не дожидаясь отвѣта, онъ присѣлъ на полъ, положилъ себѣ на колѣни голову горбунка и долго пристально всматривался въ его лицо; потомъ вдругъ, словно увидавъ на немъ какую нибудь смѣшную гримасу, онъ покатился со смѣху и, забывая всякое уваженіе къ присутствію султана, опрокинулся даже на спину отъ неудержимаго хохота. Всѣ, не исключая самого повелителя, смотрѣли на него съ удивленіемъ и думали, что онъ рехнулся. Однакожъ, нахохотавшись до сыта, цирюльникъ поднялся съ пола и сказалъ:—Не даромъ говорятъ, что ничего не бываетъ безъ причины. Если есть что нибудь достойное человѣческой памяти, такъ это именно исторія вотъ этого горбунка, ее надо бы записать золотыми буквами!

При этихъ словахъ всѣ взглянули на него съ недоумѣніемъ и ждали, что будетъ дальше.—Да скажи же наконецъ, чему ты хохочешь? спросилъ султанъ.—Государь, воскликнулъ цирюльникъ, клянусь спасеніемъ души твоего величества, что горбунокъ не умеръ, и пусть меня сочтутъ сумасброднымъ невѣждой, если я не докажу, что онъ живъ!— При этомъ онъ открылъ свой ящикъ съ разными лѣкарствами и хирургическими инструментами, съ которыми никогда не разставался, вынулъ оттуда баночку съ бальзамомъ и сталъ растирать имъ шею горбунка,

потомъ, съ помощью какого то инструмента, онъ разжалъ его стиснутые зубы, открылъ ему ротъ, взялъ изъ футляра тонкіе, длинные щипчики и, засунувъ ихъ въ горло, вытащилъ оттуда кусокъ рыбы и кость. Тотчасъ же горбунокъ чихнулъ, открылъ глаза и началъ шевелиться.

Всѣ находившіеся при этомъ чудесномъ событіи не знали, чему болѣе дивиться, воскресенію ли горбунка, или необыкновенному искусству цирюльника, который съ той минуты сталъ великимъ человѣкомъ уже не въ одномъ только своемъ собственномъ мнѣніи. Послѣ многихъ восхваленій и чествованій, онъ былъ награжденъ значительной суммой денегъ и зачисленъ въ придворный штатъ. Щедро одарилъ касгарскій султанъ и всѣхъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ, которымъ пришлось испытать столько напрасной тревоги, а самое событіе повелѣлъ записать, чтобы память о горбункѣ и цирюльникѣ навсегда сохранилась въ народѣ.

Stanford University Libraries
3 6105 002 233 968

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

JUN 30 2001

JUN 18 2002

Антикварная
Книжная торговля
В. Клочкова
Санкт-Петербург